

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ МЫСЛЬ
НОВОЙ И НОВЕЙШЕЙ ИСТОРИИ

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ МЫСЛЬ НОВОЙ И НОВЕЙШЕЙ ИСТОРИИ

ИГОРЬ МИХАЙЛОВИЧ
ИЛЬИНСКИЙ

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

в пять томах

Совет по изданию:

Русский интеллектуальный клуб

Попечительский совет
литературной Бунинской премии

Международная академия наук
(Австрия, г. Инсбрук)

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ МЫСЛЬ НОВОЙ И НОВЕЙШЕЙ ИСТОРИИ

ИГОРЬ МИХАЙЛОВИЧ
ИЛЬИНСКИЙ

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ
том 1

ФИЛОСОФИЯ
ПРОИСХОДЯЩЕГО

МОСКВА «ТЕРРА» 2016

УДК 30 + 82
ББК 6/8 + 84
И46

Ильинский И. М.

И46 Собрание сочинений: В 5 т. Т. 1: Философия Происходящего / Вступ. ст. А. Лиханова. — М.: Терра, 2016. — 672 с.; 1 л. портр. — (Серия «Отечественная мысль новой и новейшей истории»)

ISBN 978-5-273-01707-8 (т. 1)

ISBN 978-5-273-01706-1

В первый том Собрания сочинений известного российского ученого и общественного деятеля И. М. Ильинского вошли его философские работы: главы из книг «Между Будущим и Прошлым: Социальная философия Происходящего» и «Образовательная революция», брошюра «Асимметричный человек», доклад «XX век: кризис понимания» на Международной конференции «Итоги XX века» и другие материалы, посвященные глобальным проблемам современности. Здесь также представлены работы о новом понимании мира, включая книгу «О „культуре“ войны и Культуре мира», и статьи по философии и социологии воспитания.

ISBN 978-5-273-01707-8 (т. 1)
ISBN 978-5-273-01706-1

УДК 30 + 82
ББК 6/8 + 84

© И. М. Ильинский, 2016
© ООО «Терра» издательство, 2016

*Моей любимой жене
Светлане Петровне Ильинской —
посвящаю...*

В нашей долгой и разноцветной жизни была и есть любовь — одна глубокая, как Байкал, бурливая, как Ангара, любовь на всю жизнь. И в этом нахожу я оправдания всем причинным и беспрчинным отчаяниям от одиночества вдвоем, когда, оставаясь совсем рядом, я отъединялся от тебя мыслью или физически ради размышлений и сочинительства.
Не знаю, стоят ли твои жертвы временем,
а в сущности — частью жизни ради этой моей страсти думать и писать. Не знаю. Сам же я могу признаться лишь в том, что каждый раз в прошедшие десятилетия, склоняясь над белым листом бумаги, в душе своей благодарил тебя за долготерпение и любовь.
Теперь, кроме детей и внуков, на грешной земле останутся и другие следы нашего пребывания в этом мире — наши книги, которым ты, любимая, мой равновесный соавтор.
Благодарю тебя.

26 марта 2016 года

ТРУДНЫЕ ИСТИНЫ

Есть, есть такое людское племя — дети войны! Где бы и при каких бы обстоятельствах ни встречались эти люди, какие бы диспуты ни вели, как бы ни ссорились даже, настает миг, когда все нынешнее, вся его горечь, а может, и кой-какая все же радость вмиг отступают, если эти люди, вполне седые или же вполне лысые, что, впрочем, совсем не беда, осветляются, оживают, в каждом, в самой сути его, высвобождается великая энергия по имени Память, и люди эти, ныне нешибко признаваемые за авторитетов, сияют очами, волнуются всегда новорожденным волнением, блестят образной русской речью, страдают не словом, но чистым и ясным чувством преклонения и любви к своим ушедшим близким, к своим детским мукам, к своим — и общим нашим! — высотам.

Представляете?! Это мы, тогдашние дети, ликовали народную Победу, это мы бросали в воздух наши ношеные кепочки и подпрыгивали кто как мог, это мы плакали взахлеб совсем недетскими слезами, вспоминая в тот светлый и яростный миг об отцах, которые не дождались этого дня, о материях наших, измученных голодом во имя нашей хоть какой-то сътости, о старших братьях, которые остались в сырых окопах и которых — по возрасту давно переросли. Слава детству войны и детям войны!

А все это я пишу, предваряя целое Собрание сочинений соседа по эпохе Игоря Ильинского.

Товарищ в молодости, друг во взрослоти Игорь Михайлович теперь, конечно же, доктор философских наук, многолетний ректор Московского гуманитарного университета — бывшей Высшей комсомольской школы, в годы войны легендарного училища снайперов, — автор множества на-

учных работ, вызывающих глубочайшее почтение к ним за их беспримерную честность и подлинность. А еще писатель, поэт, публицист.

Я узнал его в Новосибирске в 1964 году, когда он, первый секретарь райкома комсомола, по просьбе собкора «Комсомольской правды» — меня тогдашнего — написал статью о своей работе и своих думах о том, как бы ему хотелось это делать лучше. Статью заметили в Первопрестольной, и в том же году Игорь оказался в ЦК комсомола.

Сейчас комсомол поливают кому не лень. Впрочем, бесстыдство и бессовестность по отношению к кормильцам и поильцам прошлых лет, к системе, которая поставила на крыло поколения нынешних лжецов, дала им доброжелательный ход, выучила, выпестовала, вознесла к видным возможностям, — мода сезона, лживый тон, возможность обогатиться. А тогда неприлично было даже думать о деньгах. Молодые толковали о Гусеве из фильма «Девять дней одного года», о табаковском герое из пьесы Розова «В добрый час», о сибирских стройках...

Игорь Ильинский пришел в молодежный ЦК не за карьерой — он доился бы ее быстрее, работая начальником цеха в знаменитой сибирской оборонке. Он пришел для того, чтобы и научить, и поднять других, поможе. Он не вылезал с иркутских строек, споря с очень большими боссами, как надо поднимать и, главное, строить не только электростанции, но и души молодых людей. На него жаловались. Что ж. У него за спиной были силы, пославшие его на непростое дело. Вымотанный, он прилетал на несколько дней домой и возвращался обратно. Он был полпредом комсомола. Он возносил его авторитет. Он был одним из тех в то время, кого можно смело и красиво называть: комиссар.

С годами Ильинский стал, думаю, без преувеличения главным специалистом страны по молодежной политике, и если кто-нибудь спросит — что это за политика такая, отвечу: а вы обернитесь вокруг. Видите? Бедолаг неприкаянных? Еще и жить не начали, а уже ничего им не надо. Охранников бесчисленных будок с оловянными глазами? Кого охраняют-то? А наркоманы с младых ногтей? Вот это все и есть молодежная политика. Точнее, ее отсутствие. И очень горько, главный эксперт страны в молодежной политике Игорь Ильинский почти не востребован. За исключением, конечно, работы и результатов вполне осозаемых — Московского гуманитарного университета и многих-многих его студентов.

Будто протестуя против такой никчемной ситуации, Ильинский вместе с выдающимся математиком и мыслителем академиком

И. Н. Моисеевым и великим философом А. А. Зиновьевым 17 лет назад создал Русский интеллигентский клуб, на заседания которого сходится неафишируемая элита нашей экономики, науки, культуры, армии, высшего образования. И сколько же там полезного и государственно важного говорится! Жаль, что власть не взяла себе за правило, как это делается во многих, так сказать, «развитых» странах мира, слушать и слышать эти тревожные и предельно патриотичные суждения подлинного Совета Мудрецов.

Игорь Ильинский — не «специалист» в «чистом виде». Да ведь так, собственно, это и должно быть. Крупная личность никогда не ограничивает себя только кругом, пусть и широким, своего прямого предназначения. В его научных трудах вдруг видишь Поэта, Прозаика, Публициста. И всегда — патриота, не словесного при этом, а глубокого, философского, социально и исторически ответственного.

В предисловии к Собранию сочинений человека, с которым иду параллельно почти всю свою жизнь, не могу не сделать еще одно сладостное моему сердцу признание. Оно — в радости за человека, достигшего предельных высот в избранном деле. Он не плакался, хотя страдал. Он не ныл. Но всегда мыслил. И всегда работал.

Я восхищаюсь его внутренней прямотой, глубинной человеческой порядочностью, честностью, которая не всегда удобна. Не раз видел, как в социологическом, в философском, в товарищеском сообществе он выступал с горячностью страдальца, по большому счету вовсе не отличимого от того мальчика, вырванного настрадавшейся матерью из Ленинградской блокады. Мальчика, которому передал все свои духовные полномочия геройски погибший на войне отец. Мальчика, ссызмала постигшего беду, а значит, предельную правду. Мальчика, глядящего на мир широко открытыми глазами. Героя и жертву истинной правды, да еще и обоснованной научными фактами, историей. И, добавлю, личным достоинством.

Свидетельство тому — этот пятитомник. Он не для легкого чтения. Он — для подготовленного читателя. Пять томов Игоря Ильинского — трудный груз — это обстоятельный, может быть, даже гистологический срез нашего общества, где о пощаде, как и о снисхождении, не просят. Но требуют мужественно выслушать диагноз.

Игорь Ильинский не боится крутых высот, штурмует их, не озираясь на то, что кто-то вступит с ним в бой. Иногда кажется, что он

умышленно идет на такое обострение. Ну, например, учредив немало ужे лет назад литературную Бунинскую премию (а значит, глубоко и серьезно почитая этого классика), Ильинский, будучи председателем Попечительского совета этой премии, вдруг публикует в толстом журнале остро полемичную статью, где спорит с любимым писателем по поводу объективности его публицистики, а значит, его политических взглядов. Что ж, любой корректный спор возможен и через десятилетия, если речь идет о поиске истины, — и автор статьи это блестяще подтверждает.

Игорь — пристойный музыкант и стихотворец, и хотя я не поэт, мне дороги многие его строки, пронизанные болью. Да вот хотя бы эти, вырванные из контекста слова:

*Я люблю тебя, Русь,
Всю как есть — без изъятий.
Как в родном человеке, —
Без слез и проклятий —
Мне понятны в тебе
И веселость, и грусть,
И победы твои,
И твои окаянства.
Всю как есть — принимаю.
Судить — не берусь.*

Полвека мужской дружбы, согласитесь, немалый стаж. И много еще чего хорошего я бы мог сказать о старинном товарище. И все же закончу тем, с чего начал. С нашего, так похожего, военного детства. Ильинский — из ленинградцев, малышом хлебнул блокады, потом семья выбралась в глубинную лесную Сибирь и множество бедствий перенесла. И всем этим, знаю, всегда полна душа Игоря.

Многим он занят — полезным и важным. Но главное в нем — его глубокая гражданственность.

Ведь еще и этим словом можно означить человеческую прямоту, стойкость, нежелание согнуться. Во имя и в память самого трудного, самого честного, самого дорогого.

АЛЬБЕРТ ЛИХАНОВ
Писатель, академик Российской академии образования

От автора

Уважаемый читатель!

Перед Вами — пять томов сочинений, отражающих почти сорокалетнюю линию моего творческого пути в науке, публицистике и литературе. Это лишь часть написанного мною: публиковаться я начал лет с двадцати двух. Сначала в местных молодежных газетах, а немного позднее в центральной прессе: в газетах «Комсомольская правда», «Московский комсомолец», «Современник», «Известия», «Литературная газета», журналах «Социологические исследования», «Комсомольская жизнь», «Юность», «Молодой коммунист» и др. В основном это были публицистические заметки о комсомоле и молодежи, очерки об интересных и выдающихся молодых людях. Написал несколько сценариев радио- и телеспектаклей для радиостанции «Юность», молодежной редакции Центрального телевидения.

Однако постепенно начал дрейфовать в сторону научной публицистики и науки. Появились научные статьи. Защитил кандидатскую диссертацию по истории, а через несколько лет — докторскую по философии.

С 1977 года началась моя профессиональная работа в Научно-исследовательском центре (НИЦ) при Высшей комсомольской школе сначала заведующим отделом, а вскоре заместителем директора НИЦ. Должность директора тогда оставалась вакантной, и я вынужден был погрузиться с головой во многие отрасли обществознания по всем направлениям исследований, которые проводил Центр. Объектом нашего изучения были молодежь и молодежные организации, прежде всего — комсомол, а предмет

был чрезвычайно широк: от различных аспектов демографии и возрастной психологии до ценностных ориентаций, идеалов, девиантного поведения, проблем жизни и развития пионерской организации и комсомола, международного молодежного движения.

НИЦ находился в подчинении ЦК ВЛКСМ, кое-что мы изучали по его заказам, но в основном исследовательские задачи ставили себе сами. Нередко, особенно при проведении широкомасштабных социологических опросов (а в НИЦ собралась большая группа высококвалифицированных социологов — кандидатов и докторов наук — В. Мухачёв, С. Плаксий, В. Луков, А. Ковалева, Ф. Шереги, А. Шендрек, Н. Блинов, Т. Мочульская, Е. Леванов и др.), мы выявляли острые проблемы и тенденции, но, к сожалению, наши выводы и рекомендации чаще всего откладывались в «долгий ящик»... Впрочем, теперь это не имеет существенного значения: все эти данные устарели, и только в одном из томов я упомяну чуть-чуть о самом существенном: идеи стареют, но не умирают...

Буквально несколькими общими фразами ознакомлю уважаемого читателя с содержанием каждого из пяти томов.

Первый том под названием «Философия Происходящего» состоит из совокупности брошюр, статей и глав нескольких книг, в числе которых упомяну монографию «Между Будущим и Противным: Социальная философия Происходящего», поскольку в 2006 году она в номинации «Философия» была отмечена Национальной премией во Всероссийском конкурсе «Лучшие книги года—2006»¹. В этот том вошли также брошюра «Асимметричный человек», вступление «Абсурд происходящего» и первая часть «Проблемы развития» из книги «Образовательная революция», доклад «XX век: кризис понимания» на Международной конференции «Итоги XX века» и другие материалы, посвященные глобальным проблемам современности. Здесь также работы о новом понимании мира, включая книгу «О „культуре“

¹ Национальная премия «Лучшие книги и издательства года» учреждена в 2000 году Русским библиографическим институтом, «Литературной газетой», Российской государственной библиотекой, «Культурно-гражданским центром „Орден“».

войны и Культуре мира», и статьи по философии и социологии воспитания.

Во *втором томе* «Молодежь. Молодежная политика. Молодежная организация» представлены главы из монографии «Молодежь и молодежная политика: Философия. История. Теория», статьи «Молодежь в контексте глобальных процессов развития мирового сообщества», «Государственная молодежная политика в России: философия преемственности и смены поколений», «О критериях эффективности молодежной политики», выдержки из книг по вопросам теории молодежной организации и другие материалы.

В *третьем томе* «Высшее образование для XXI века» помещены главы из книги «Образовательная революция», монография «Негосударственные вузы России: опыт самоидентификации», которая была признана «Лучшей книгой года» на Всероссийском конкурсе «100 лучших вузов России»¹, статьи «Образование в целях оглупления», «Куда идем, родимое образование?», «Об экономической природе современного отечественного образования», «Об элитарном образовании», «„Модернизация“ российского образования в контексте мировой глобализации» и другие.

В *четвертом томе* «Война и Мир: история и современность» читатель найдет монографию «Великая Отечественная: Правда против мифов», брошюры «Мир – это война», «О терроре и терроризме», вступительную статью «История учит» к сборнику «Главный противник: Документы американской внешней политики и стратегии 1945–1950 гг.» (пер. с англ.), статьи «Тихая холдная гражданская война», «Русский вопрос», «История: стихия и заговор» и др. Сюда же включены книга «Корни и Крылья. Повествование о родословной».

В *пятом томе* «Повести. Публицистика. Стихи. Письма» помещены документальные повести «Живу и помню» (отмечена Национальной премией в номинации «Литература» как «Луч-

¹ Ежегодный Всероссийский конкурс «100 лучших вузов России» организуется Комитетом по образованию Государственной Думы РФ, Комитетом по науке и высоким технологиям Государственной Думы РФ, Комитетом по образованию и науке Совета Федерации РФ, Международной академией менеджмента.

шая книга года—2015»), «Василий Алексеев» (фрагменты, серия ЖЗЛ), «Смятение», «Безнадёга». Из публицистических статей в данный том включена только малая часть опубликованного: объем этого тома уже превысил допустимые пределы. По той же причине из книги «История любви (в письмах и стихах)» представлены лишь письма 1957 и 1958 годов, которые писали друг другу курсант Омского танкотехнического училища Игорь Ильинский и будущая жена этого курсанта Светлана Морозова, с которой мы 4 сентября 2018 года в кругу наших детей Олега и Натальи, внуков Дениса, Федора, Алеши и внука Машеньки и Настеньки отметим 60-летие нашей нелегкой, но счастливой совместной жизни.

Теперь бегло скажу о главных принципах, которыми я руководствуюсь в научных исследованиях, приведу два-три примера об их результатах, принесших очевидную пользу обществу.

Принцип первый: «Не высасывай тему исследований из пальца, бери ее не „с потолка“, а из жизни». Ибо наука — не эгоистическое удовольствие отдельной личности парить в заоблачных высях абстрактных истин; наука — достояние общее, роль науки — служебная: она представляет собой средство для достижения общественного блага.

Вот пример из моей научной практики.

В октябре 1986 года, будучи уже около полутора лет директором Научно-исследовательского центра при Высшей комсомольской школе, я предоставил научному сообществу доклад по теме «О необходимости разработки **государственной** молодежной политики и **Закона о молодежи** в СССР». Находившиеся в зале слушали меня с недоумением. Мне тут же задали вопрос, который я потом многократно слышал от самых разных людей, и прежде всего от партийных и комсомольских работников: «Зачем нужна какая-то особая „**государственная**“ молодежная политика? Есть партия, комсомол, они и определяют эту политику. Что еще нужно?»

Позднее, когда началось и до сих пор понятное немногим предательское уничтожение СССР в форме «революции сверху», молодежь оказалась одной из «пороховых бочек», которые взорвали страну, многие из этих вопросателей и даже откровенных противников моей идеи говорили мне: «А ты прав: молодежь недоста-

точно только воспитывать, „кормить“ ее идеологией и политикой, только использовать ее энтузиазм на великих стройках, надо помогать ей становиться на ноги в трудоустройстве, получении жилья, мест в детских яслях и садиках... На все это нужны большие деньги из госказны. И нужен закон, на основе которого осуществлялась бы эта деятельность...»

Эту истину признали ЦК КПСС, Верховный Совет СССР, Совет министров СССР, ЦК комсомола, СМИ — наши главные помощники.

И я, вместе с теми, кто воспринял мою идею в НИЦ и за его пределами, четыре с половиной года, порой без сна и выходных, работали словно сумасшедшие, внедряя в общественное сознание неведомую идею, понятия и термины... И вроде бы успели!..

В апреле 1991 года Верховный Совет СССР в третьем чтении принял Закон СССР «Об общих началах государственной молодежной политики в СССР». В небывало скорые сроки были созданы Министерство СССР по делам молодежи, соответствующие структуры на местах, в госбюджете были выделены средства на молодежные нужды. Одним словом, в стране была создана новая отрасль народного хозяйства! Казалось, что была найдена форма решения огромной социально-политической проблемы...

Разработчики закона И. Ильинский, Д. Поллыева, Вал. Луков, С. Алешёнок, С. Пугинский стали лауреатами премии Ленинского комсомола.

Но — опоздали!.. С карты мира исчезла великкая страна — Союз Советских Социалистических Республик. А если бы хватило ума у руководителей страны и общества найти это решение лет на десять раньше, думаю, авантюра с контрреволюционной «перестройкой» Горбачеву с Яковлевым и К° не удалась бы... Не сработали бы ни миф о «застое», ни нагнетание антимарксизма и антисоветизма, ни представление Ленина и Сталина в образах кровожадных чудовищ...

И все-таки моя идея и наш общий труд не пропали зря. Начиная с 1993 года шесть раз открывали-закрывали Комитет РФ по делам молодежи, на седьмой раз закрыли окончательно, передав «молодежные дела» в Министерство по спорту и туризму,

потом — в Минобрнауки России. Теперь в «новой» России на федеральном уровне в подчинении Минобрнауки действует ведомство «Росмолодежь», занимающееся государственной молодежной политикой; структуры с аналогичными функциями работают практически во всех регионах страны. Политика, которую они осуществляют, прямо скажем, хиленькая: как в советские времена, так и ныне денег на «молодежку» у государства мало, а можно сказать, и вовсе нет. Советский урок нынешним властям не впрок. А холодная война уже идет и разгорается. И главная ее цель, как и прежде — молодежь.

Принцип второй: «Не пили опилки! Иди на грозу! Не бойся „острых“ проблем, косых взглядов и злых речей! Там, где „остро“ — там „боль“ общества! Будь „каретой скорой помощи“ для него».

И снова — пример... В 1992 году из Закона РФ «Об образовании», из должностных обязанностей школ и вузов была изъята воспитательная функция. Почему — понятно: боролись с коммунистическим мировоззрением. Но каковы последствия? Воспитание было отдано на откуп улице, телевидению, интернету. Именно в те годы миллионы молодых людей захлестнули преступность, проституция, наркомания, пьянство и алкоголизм... В России исчезло образование, осталось только обучение. Ибо «образование есть единый целенаправленный процесс **воспитания и обучения**». Это определение образования не может быть отвергнуто в цивилизованной стране. А в «новой» России? Тут может произойти все что угодно.

Действуя по принципу «не жди, пока попросят», под моим научным руководством и активном авторском участии был подготовлен Доклад Правительству РФ «Молодежь — будущее России. О воспитании жизнеспособных поколений».

В середине 1995 года Доклад был представлен Комитетом РФ по делам молодежи на заседание Правительства РФ, которое открыл премьер-министр В. С. Черномырдин. Как называть далее происходившее, я не знаю. Самое мягкое определение — трагикомедия. А если всерьез — коллективное умопомешательство.

Выступил С. Сосковец, первый зам. Председателя Правительства: «Доклад очернительский. Тут нечего обсуждать. Предлагаю этот доклад с обсуждения снять».

Слово взял министр обороны РФ П. Грачев: «О какой „дедовщине“ тут говорится? Нет в нашей армии никакой „дедовщины“! Наставничество — вот как это называется!»

Возмутился председатель Комитета РФ по высшему образованию В. Кинелёв: «Откуда взялись эти ужасные цифры о наркомании среди студентов? Студенты у нас отличные!»

Доклад с обсуждения сняли, рассылку по регионам страны для Комитетов по делам молодежи — запретили.

А в стране в ту пору, как вещали по радио и телевидению, бушевали свобода и демократия! И — никакой цензуры!

Принцип третий: «Венец научной работы — предсказание, раскрывающее обществу суть грядущих явлений и исторических событий». Только научные предвидения служат главным признаком того, что наука выполняет свою главную функцию — дать обществу время подготовиться к новым вызовам и угрозам, чтобы успешно справиться с ними.

В собрании сочинений несколько книг и много статей, предупреждавших органы управления образования от ошибочных шагов. Они были опубликованы в те моменты, когда российское общество еще не имело ни малейшего представления (и в абсолютном большинстве не ведает об этом до сих пор) о том, что «реформирование» («модернизация») российского образования осуществляется по предписаниям, подготовленным экспертами Всемирного банка по заказу российского правительства. Крайне мало в России было людей, которые понимали, что так называемый Болонский процесс — это политический проект США по американизации европейского образования с целью овладения и управления интеллектуальным потенциалом Европы. «Модернизация» российского образования и его «болонизация» резко снизили качество отечественного человеческого материала. И это еще не конец. Это только «цветочки», а «ягодки» впереди.

Чтобы понять суть и последствия происходящего, не нужны ни гениальные мыслители, ни суперкомпьютеры. Достаточно здравого смысла, элементарной логики и знакомства с теорией вероятностей, которая гласит: если неизвестность велика, то изменений следует избегать.

США и ведущие (ведомые США) страны Европы никогда не были друзьями России и никогда не будут ими. Верить, будто они на самом деле заинтересованы в «благополучной и сильной России», значит быть либо откровенным глупцом, либо игроком команды «с той стороны». Думать, будто Всемирный банк и «болонцы» дадут России свои рекомендации как зерна роста и цветения, а не ампулы с ядом гниения и распада, тут речь не о глупости, а о политической злонамеренности, тут уж надо быть Ельциным, Гайдаром, Чубайсом, Ходорковским, Яковлевым, Горбачевым и иже с ними.

Во всех томах я говорю об этой проблеме в большей или меньшей мере. Но больше всего по этому поводу сказано в записках Президентам РФ Ельцину, Медведеву, Путину, Председателям Правительства РФ, Госдумы и Совета Федерации РФ, которые я готовил в большинстве случаев с С. И. Плаксицем, ректором Национального института бизнеса. Труды этого весьма непростого эпистолярного жанра, разумеется, отсутствуют в собрании сочинений, но их весомость надо измерять не в страницах текстов, а в килограммах и результативности. Килограммов — много; за двадцатидвухлетний период ректорства, за многие годы руководства Союзом негосударственных вузов Москвы и Московской области, Национальным союзом негосударственных вузов их наберется весом около центнера. Результаты этой работы в целом, думаю, стоит оценить на «тройку»: уровнем бюрократизма и невосприимчивости к научным суждениям нынешней власти я, «человек советский», ко многому привыкший в прежние времена, потрясен и уже не удивляюсь нескрываемому презрению чиновниччьего братства «верхов» к «низам». На многие письма мы даже ответа не получили. Никакого: ни хорошего, ни плохого. Хотя в отдельных случаях мы сработали на «отлично». Дважды — говорю это без всякого преувеличения — благодаря нашим аргументам и напористым действиям в Госдуме РФ и в споре с Яковлевым — советником Президента РФ В. В. Путина по юридическим вопросам, мы спасли негосударственный сектор образования от законодательной гильотины: люди, готовившие в 2006 году изменения в закон «Об образовании» и закон «О высшем и послевузовском образовании», а в 2012 году —

новый законопроект «Об образовании в Российской Федерации», то ли по неосведомленности, то ли по умыслу «забыли» о том, что в России, согласно Закону «Об образовании», принятому в июне 1992 года, действовали сотни негосударственных вузов, лицеев, колледжей и школ. Мы вовремя вмешались, и гибельная ситуация была исправлена.

Совсем кратко — еще один сюжет, связанный опять-таки с воспитанием. Как известно, в 2012 году обсуждался проект нового закона «Об образовании в Российской Федерации». В глоссарии образование трактовалось как «единий целенаправленный процесс воспитания и обучения»... Но среди 115 статей законопроекта не было ни одной (!) о воспитании. Разумеется, мы и в этом случае веером разослали записки, призывающие исправить эту нелепость, и предлагали свой вариант, как это, на наш взгляд, надо бы сделать. В ответ — гробовая тишина.

И тут получаю приглашение на собрание доверенных лиц Президента РФ В. В. Путина (я — одно из 500 таких «лиц» в России). Выступить в ходе собрания не удалось. Но когда оно закончилось, я кинулся к сцене, на которой еще оставался Путин. Дальше состоялся диалог, который воспроизвожу слово в слово.

— Владимир Владимирович, я по поводу Закона «Об образовании»...

— А что? Он в Думе.

— Я знаю. Завтра второе чтение, после которого никакие поправки не принимаются. Но это не закон об образовании, а закон об обучении...

— То есть как это?..

— Из 115 статей закона нет ни одной статьи о воспитании.

— Но это неправильно. Надо что-то делать!..

— Владимир Владимирович, все, что мог, я сделал: сообщил об ошибке Президенту, а Президент — это Вы... Сделайте что-нибудь...

Путин улыбнулся...

Через несколько дней в Ежегодном послании Совету Федерации Президент произнес пару фраз о воспитании, в одной из которых были слова: «...школа должна не только обучать, но и воспитывать детей».

Второе заседание Госдумы дважды переносилось, в один из дней поздно вечером мне позвонил помощник заместителя Председателя Госдумы Л. И. Швецовой и попросил написать хотя бы одну статью о воспитании. Написал, отправил по назначению.

В канун 2013 года Закон «Об образовании в Российской Федерации» был принят сразу во втором и третьем чтении, но статья о воспитании в нем по-прежнему отсутствовала.

Позвонил ныне покойной Л. И. Швецовой, с которой мы были в добрых отношениях. Чудесный человек, высококлассный профессионал, она честно сказала мне: «Пока законы пишут работники Высшей школы экономики, ничего хорошего ждать не приходится...»

И только в 2015 году Правительство РФ утвердило своим Распоряжением «Стратегию развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года». Надо думать, что теперь в воспитательной работе хотя бы со школьниками что-то изменится в лучшую сторону...

Принцип четвертый: «Не существует наук непонятных, бывает плохое изложение предмета».

Этот принцип исходит из моего представления о том, что наука гуманитарная (общественная) есть достояние всего общества, следовательно, обращена она не столько к узкому кругу специалистов, а прежде – ко всему обществу. Справедливость требует, чтобы ученый этой сферы излагал свои мысли с максимальной ясностью, доступной так называемому простому человеку, будь то продавец, водитель такси или дворник. Этим вовсе не отвергаются право и необходимость «узких» специалистов изъясняться между собой на языке специфических и строгих дефиниций (понятий, определений, категорий, терминов). Я всю свою научную жизнь учился сам и требовал от подчиненных мне научных сотрудников не расставаться с простотой изложения своих мыслей, а возвращаться к ней, дабы быть понятыми максимально широким кругом жителей своей страны.

Надобно помнить, кто нас кормит, на какой земле родились и живем, а потому мы должны отдавать свой долг людям и Родине. Наука, а значит, каждый гуманитарий, обязан говорить не только умным и точным, но также понятным и красивым русским язы-

ком. Странное дело, но это факт, с которым я сталкивался не раз: если иной человек не может понять текст, он с огорчением говорит: «Вот это да! Ни черта не пойму! Наука...» Человек ошибается. Задача науки — не темнить, а просветлять, все неясное делать ясным, все непонятное — понятным. Главное в гуманитарной науке — идея, мысль. Слова, которыми они выражены, — это форма. Но форма содержательна, она может усилить или ослабить идею-мысль.

Надеюсь, дорогой читатель, автор этих строк будет понят Вами...

Признаться, я не собирался издавать свои сочинения в таком собрании. Но друзья настояли, и я уступил. Есть аргумент, который перевесил все мои сомнения: часовая и минутная стрелки моего изломистого жизненного пути крутятся, крутятся... Но однажды — хочешь или нет, а сойдется на цифре «12»...

Поколенье мое, мы уходим...
И уйдем скоро все. Навсегда.
Не беда, что наш век на исходе.
Мы оболганные — вот беда.

В этом мире — порочном и пошлом,
Где хозяствуют мытарь с невеждой,
Мы должны защитить наше Прошлое,
Чтоб хоть внукам оставить надежду.

Поколенье мое, нас немало,
Велико наших душ исступление.
В бой! Вперед, старики! Прочь забрала!
Дон Кихоты идут в наступление!..

Выросли дети, взрослеют внуки. Вдруг захотят они узнать, как жили их предки, почему жили так, а не иначе?.. Почитают кое-что из этих книг. Поймут, что надо, поймут. Пищий человек знает: книга — это то, что он есть в своей сущности...

Благодарности

Спасибо всем друзьям, поддержавшим меня в этой прекрасной авантюре, и прежде всего — моему другу Альберту Анатольевичу Лиханову.

Спасибо Валерию Андреевичу Лукову, его супруге Наталье Игоревне, Николаю Владимировичу Захарову — за подготовку к публикации текстов; Сергею Ивановичу Плаксио и Андрею Ильичу Фурсову — за их послесловия к томам, а Евгению Анатольевичу Белому — за хлопоты по изданию этого пятитомника.

Спасибо Светлане Анатольевне Свешниковой, Елене Андреевне Зеленской, Ольге Владимировне Шеленковой, которые успешно справились с набором текста рукописи.

|

СМЫСЛЫ
ПРОИСХОДЯЩЕГО

О СТРАНЕ НА РАСПУТЬЕ (КУДА ИДТИ РОССИИ)¹

1. ВСТУПЛЕНИЕ

Иногда я думаю, что сказали бы, восстань они из гроба, Иван Калита, Иван Грозный и Петр Великий, которые «собирали» Россию, расширяли ее пространства, узнав о том, как развалили СССР и как трещит сегодня по швам Россия? Какими словами назвали бы нас Суворов и Кутузов, Нахимов, Ушаков и Корнилов, услышь они, что у России практически нет Черноморского флота, что Крым и Одесса подарены другому государству? И я вполне догадываюсь, в каких выражениях выразил бы маршал Жуков свое отношение к тому, что поверженная нами полвека назад Германия шлет гуманитарную помощь ветеранам Великой Отечественной, помогая им выжить; к тому, что российским руководством вынашивается мысль о передаче Японии островов на Курилах; что некоторые силы обсуждают с Западом вопрос о превращении Калининграда в «свободный город»; что мы довели свою еще недавно лучшую в мире армию до такого состояния, когда ее уже фактически не принимают в расчет генералы НАТО, как это происходит, например, в их войне против югославских сербов, — узнай грозный маршал обо всем этом... Что сказали бы миллионы наших матерей и отцов, дедов, прадедов и пра-пра-прадедов, проливавших пот и кровь, отдавших свои жизни ради могущества, величия и славы России и сделавшие ее таковой вопреки всему и вся, узнай они, что Россия заметно сократилась в пространствах и хотя пока еще по-прежнему большая, но уже не великая. Нет огромной и мощной индустрии — она разрушена. Пе-

¹ Ильинский И. М. Куда идти России. М.: Голос, 1995.

редовые позиции в науке и технике, добыче сырья и производстве ряда важных видов продукции, которые мы занимали в Европе и мире, безнадежно утрачены. Невообразимые вещи творятся с культурой, образованием, обществом и государством. С человеком. Снова встали вопросы: откуда мы? кто мы? что мы? где мы? куда идем? куда идти?

Оценивая нынешнее положение дел, мы говорим: разруха, хаос, смута, разброд и шатания всего и вся. Сурово. Но наши предки, восстань они из гроба, нашли бы более жестокие и страшные слова: «Вы предали нас. Вы — бездари. За несколько лет выиграли все войны, которые Россия вела на протяжении столетий, и проиграли их. Сами себе. Вы совершили самоубийство и тем еще раз убили нас, ибо перед лицом прошедшего и происходящего все наши открытия и достижения, страдания, муки и жертвы, наша жизнь и смерть потеряли смысл. Отрекаемся. Проклинаем. И нет вам прощения».

И что тут было бы возразить, если, видя, как гибнет наша страна, мы не можем толком объяснить и понять, что же все-таки происходит, не можем остановить даже падение, не говоря о том, чтобы начать движение вверх. «Так вышло». Воистину: «благими намерениями вымощена дорога в ад».

Предлагаю читателю свои размышления на тему, почему все случилось именно так, а не иначе, но — главное! — куда идти России, как выбираться нам из кризиса. Вопросы эти мучают всех. Многие мои коллеги — политологи, экономисты, социологи, историки — ищут на них ответы. Но в абсолютном большинстве случаев, будучи специалистами в той или иной, нередко довольно узкой области, они дают оценки происходящему, высказывают соображения о возможных альтернативах развития России в экономике, социальной сфере, политике, культуре и т. п., а не общества в целом. Целостного, обобщенного представления об альтернативных путях развития России пока нет. Точнее сказать, нет общего, хотя бы в принципе приемлемого для большинства политических сил, варианта перспективного видения российского пути. Ибо вышло немало книг, в которых предлагаются сценарии, не совместимые между собой, как и люди, их написавшие: Е. Гайдар и Г. Зюганов, С. Глазьев и Б. Курашвили, В. Жириновский и

Н. Моисеев, А. Руцкой и С. Дзарасов и так далее. Политические, партийные пристрастия и амбиции ослепляют оппонентов, делают их не слышащими друг друга, хотя порой различия во взглядах тоныше комариного писка. Нужен объективный, реалистичный, конструктивный подход, ставящий цель — нахождение оптимального варианта, по поводу которого можно было бы искать согласия сторон; нужна комплексная, органическая, объединительная концепция, на основе которой было бы можно продолжать реформы. Чтобы Россия не распалась и не погибла, мы должны установить согласие сначала в своих мыслях, ибо именно противоречие — источник разрушения. «Война есть отец всех вещей», — говорил Гераклит. Но он же говорил, что «мать всех вещей — гармония, согласие, мир». Гармония важнее противоречия, к ней, к согласуемому, а не различающему и разводящему мы должны стремиться прежде всего. Война (отец) пожирает все и своих детей. Мир (мать) плодоносит. Все войны (рано или поздно) кончаются. И кончаются миром. Война существует ради мира, а не мир ради войны; мир может обойтись без войны, но война не может обойтись без мира, ибо не может длиться бесконечно. Принцип мира выше принципа войны. В какой момент приходит мир — вот в чем вопрос. «Пиррова победа» есть точное выражение бессмыслиности тезиса «война до победного конца». Вот ты, наконец, победил, но войска нет, все мертвые. Зачем нужна такая «победа»?

Десять лет в России идет внутренняя безрассудная «холодная война» политических сил, которая периодически перемежается малыми и большими вооруженными столкновениями, которые потрясают Россию и весь мир. Уже пришла к нам и «горячая» война. Но кровавая трагедия Чечни может оказаться лишь мизансценой большой войны, которая тлеет на границах других регионов, возбуждается в умах и душах многих политических авантюристов, а также обездоленных и отчаявшихся людей. Не приведи бог, если их интересы сойдутся, если они потеряют головы. Ради того, чтобы этого не случилось, чтобы нам как можно скорее найти свой верный путь в будущее и вырваться из глупой, постыдной, унизительной ситуации, и написана эта брошюра. Понимаю: это — лишь эскиз, лишь вариант возможного развития событий. Я сделал что мог.

2. «ДЕМОКРАТИЧЕСКИЙ ВЫБОР РОССИИ»

Реформирование общественной системы в СССР было объективной необходимостью. О причинах этой необходимости сказано очень много. Одни ищут и находят причины начавшейся в СССР перестройки в столетних глубинах российской истории, другие – в природе социализма как такового, треты – в исчерпании потенциала советской индустриальной модели, ее неспособности ответить на вызовы «революции первичных потребностей», запросы «общества массового потребителя», ценности которого стали бурно распространяться в СССР с начала 60-х годов, и так далее. Рассмотрение данного вопроса при всей его важности не входит в нашу задачу. Подчеркнем главное: людей, которые считают, что в прежней системе ничего менять не следовало, очень немного.

В широком смысле реформы начались с 1985 года по инициативе и под руководством М. С. Горбачева с призывами к «ускорению социально-экономического развития» страны. Но вскоре этот лозунг был потихоньку снят. Грязнула «эпоха гласности», за которой последовала «перестройка». Уже эта быстрая смена призывов и лозунгов, целей и задач свидетельствует о непродуманности каждого из начинаний, о том, что у руководителей СССР, у того же М. С. Горбачева было всего лишь ощущение, чувство, чутье необходимости перемен, некоторые представления и общие замыслы. Теперь совершенно очевидно, что и они касались вначале только экономики и лишь потом, в силу логики развития событий, по необходимости были распространены на сферу политики. Ни о какой целостной, научно обоснованной, взвешенной концепции перестройки говорить не приходится. В октябре 1994 года я дважды встречался с М. С. Горбачевым, и на мои вопросы по этому поводу он дал, скажем так, «уклончивые» ответы. Ничего иного я и не ожидал. Хотя, по правде говоря, совершенно не представляю, как он смог бы создать такую концепцию, даже будучи Генеральным секретарем ЦК КПСС, помимо Политбюро, в котором были люди, не способные пойти ни на какие существенные перемены даже на «китайский манер». Был избран принцип Наполеона: «Главное – ввязаться в бой, а там посмотрим». Но это

девиз гениев, способных к импровизации без ошибок. Здесь, видимо, все же другой случай.

Как бы там ни было, за пять с лишним (особенно первых) лет в стране под руководством Горбачева произошли многие принципиальные перемены во всех областях жизни. Это очевидно. В зависимости от идеологических установок, общих взглядов на историю и политику в глазах одних людей (особенно на Западе) М. С. Горбачев предстает как великая историческая личность общенационального масштаба; другие видят в нем преступника XX века № 1, посланца дьявола, открывшего шлюзы всех бед, несчастий и горя, которые хлынули на Россию и на человечество. По-своему правы и те и другие. Без Горбачева не было бы ничего: ни плохого, ни того немного хорошего, что все-таки пришло в нашу жизнь, и прежде всего — свободы. Время все поставит на свои места и каждому воздаст по заслугам. Но и сейчас очевидно, что Горбачев совершил немало ошибок и упущений в стратегии и тактике «перестройки», недопустимо долго лавируя там, где надо было действовать быстро и решительно. Демократы (как вскоре выяснилось, демократы в кавычках) перехватили инициативу и пошли в наступление на КПСС и Горбачева. Но он продолжал хитрить и лавировать. Более решительные из его коллег организовали августовский путч, который провалился. КПСС была разрушена. Горбачев отстранен от власти. Беловежский говор привел к развалу СССР.

В узком смысле «реформы» начались с августа 1991 года. Связав с путчем, их можно называть «послеавгустовскими», а можно персонифицировать и назвать «ельцинскими», поскольку Президент РФ Б. Н. Ельцин взял лично на себя всю полноту ответственности за формирование правительства, его политику и, следовательно, за ее результаты. Можно также (ниже мы покажем это) именовать этот этап «гайдаровским» или «западническим», поскольку концепция радикальных реформ с момента прихода к руководству Правительством РФ яростного «западника» и уже поэтому «отца русской демократии», безоглядного либерала-монетариста и жестокого радикала Е. Гайдара и его «команды» строилась исключительно по рецептам и советам Запада.

Первое, что следует сказать: все произшедшее и происходящее к понятию «реформа» не имеет никакого отношения. Реформа — это обновление, преобразование чего-либо в порядок, изменение некоторых сторон существующего без нарушения его основ. Задача новой власти, объявившей себя «демократией», также как и задача Запада, была как раз в том, чтобы разрушить именно фундамент прежнего режима; зайти в этих разрушениях так далеко, чтобы при любом повороте событий восстановить основы было бы невозможно. Вспомним 1990–1992 годы: демонстрации, митинги, шествия, забастовки. Море эмоций, массовая истерия. Очень много чувств и очень мало разума. Хотя те, кто задумывал и режиссировал все эти события, направляли эмоции масс, имели холодный расчет и были в трезвом уме. Спокойным словом «реформа» они назвали то, что имеет совсем другое, страшное в своей сути понятие — «революция», то есть коренной переворот в жизни общества, низвержение прежнего строя и его замена новым с переходом власти от одного класса к другому. В. Даль определяет революцию и как «насильственный переворот гражданского быта». Революция — это неизбежное насилие, разрушения, борьба, война, страдания и кровь.

Нынешняя революция в России имеет уникальный характер. Если все происходившие прежде в истории человечества революции осуществлялись под лозунгом борьбы за интересы народа, его большинства, были в этом смысле революциями социальными, нуждались в народе как участнике перемен и происходили «снизу — вверх», то в нынешней революции все наоборот. По своей сути это Великая капиталистическая революция, осуществляемая абсолютным меньшинством в интересах меньшинства «сверху — вниз». Интересы большинства («народа») подразумеваются, но — когда-нибудь, «в конце концов», «рано или поздно». Народ нужен «революционерам» лишь в момент прихода к власти, и не более. Дальше интересы власти, капитализирующегося меньшинства и народа резко расходятся. Начинается игра в «кошки-мышки», обещания, уступки, подачки, манипулирование общественным мнением и откровенная ложь «во спасение» власти предержащих.

Взял власть в свои руки, Ельцин и его окружение, возникшее из пепла народного брожения, были обречены на то, чтобы действо-

вать, принимать решения. Но чтобы принимать исторические решения, нужны исторические личности. А рядом были всего лишь бурбулисы, «сникерсы», станкевичи, «сэндвичи», гайдары, чубайсы, «марсы», «макдоналды»... Большой, сильный, но большой общественный организм России требовал многих и сложных мер длительного лечения. Но времени на раздумывание у «революционеров» не было. Проблему решили радикально: «лечить головную боль усечением головы». Началась бурная и грубая разрушительная работа. Но и в ней никакой продуманной стратегии и тактики у «реформаторов» не было. Более того, «настоящей концепции реформ, — как писал уже в конце 1994 года советник Президента РФ по экономическим вопросам А. Я. Лифшиц, — всестороннего, доступного людям описания того, что ждет Россию, как не было, так и нет. С ценой реформы мало считаемся, население не бережем» (Лифшиц А. Экономическая реформа в России и ее цена. М., 1994. С. 81, 201).

Конечно, какие-то замыслы и планы существовали, они строились на нескольких предположениях.

1. **Спасение России** — в ее выделении из состава СССР. Освободившись от гнета «центра», свалив с себя все тяготы обязательств, которые она несет в составе «империи», Россия получит возможность быстро модернизироваться. Последовал беловежский сговор, развал СССР, создание СНГ.

2. **Спасение России** — в решительности и быстроте действий властей согласно такой концепции «реформ», которые дают быстрый эффект, даже если он достигается высокой социальной ценой, которая в этом случае относилась на счет предшествовавшего коммунистического режима, доведшего страну до такого состояния, когда эти жертвы необходимы и неизбежны. Так появилась концепция «шоковой терапии» и фигура Е. Гайдара — сторонника и основного проводника такой концепции.

3. **Спасение России** — в массированной помощи (кредитах, инвестициях, консультациях и т. п.) Запада. Начались бесконечные и постыдные переговоры с МВФ, «семеркой», США, Японией, уступчивость и покорность во внешней политике и т. п.

Однако во всех своих предположениях «реформаторы» грубо просчитались.

Развал СССР обернулся для России не успехами, а огромными проблемами, о которых не стоит распространяться, ибо они хорошо известны.

Надежды на финансовую помощь Запада оказались иллюзией. Свои главные цели Запад достиг, не прилагая к этому особых усилий. СССР развален. КПСС уничтожена. Военно-промышленный комплекс России и ее армия разрушены. Варшавского блока нет. Ну а сильная и процветающая Россия Западу не нужна. Запад дал денег России ровно столько, чтобы она могла платить процент по своим внешним долгам и не отказалась от них. То есть опять-таки в своих собственных интересах, а не ради блага России.

В конце концов не удалась и «шоковая терапия», которая встретила яростное сопротивление в регионах и даже в правящих кругах, хотя удар, нанесенный ею по экономике России, был сокрушительным, его «хвосты» и отголоски мы ощущаем до сих пор. О «шоковой терапии» надо сказать особо, ибо именно она прежде всего и была для Гайдара «демократическим выбором России». Это был преступный выбор. Ибо сделан он втайне от народа, который, ощущив на себе «шоковую терапию», до сих пор так и не знает, что же это такое по замыслу? Гайдар и К° жалуются, что им не дали довести «сессанс» до конца, распускают слухи о чудодейственной силе этого заморского лекарства.

Чистейшая ложь.

«Шоковая терапия» — это «западный» рецепт для лечения больной экономики. Но сам Запад на себе это лекарство никогда не испытывал, хотя вовсю рекомендует и опробывает его на слаборазвитых странах. С 1982 года МВФ использует модель «шоковой терапии» вовсе не для построения эффективной рыночной экономики в той или иной стране, а исключительно для доведения государств, которые должны деньги западным странам или международным банкам, до той «кондиции», когда бы они были вынуждены, а главное, могли выплачивать свои внешние долги.

Стоит привести некоторые примеры, чтобы понять, как это делается и что происходит со странами после реализации рецептов МВФ, если они проводятся последовательно и до конца. Возьмем ряд стран Латинской Америки (данные из журнала «Российские экономические исследования». 1994. № 3. С. 8–10).

1. Венесуэла. В свое время эта страна имела самый высокий доход на душу населения в Латинской Америке, занимала солидные позиции среди мировых экспортёров нефти. Под влиянием «шоковой терапии» и политики МВФ этому относительному благополучию пришел конец. Внешний долг Венесуэлы, взятый у МВФ под ростовщические проценты, составлял в 1980 году 29 млрд долл. За 10 лет ей только по процентам пришлось выплатить 31 млрд долл., при этом на начало 1991 года абсолютная сумма внешнего долга достигла 35 млрд долл., то есть он не сократился, а вырос на 6 млрд. Незаконный вывоз капитала из Венесуэлы за период 1980–1990 годов оценивается в 35 млрд долл. Реальная заработная плата (1989–1991 годы) сократилась на 40%; реальная безработица выросла на 50%; процентные ставки увеличились на 40%. Динамика основных фондов в 1989–1991 годах составила: по средним кампаниям – минус 20%, по малым кампаниям – минус 51%.

2. Перу. В период особого давления на страну МВФ (1980–1985 годах) валовой национальный продукт на душу населения стремительно падал. Президент А. Гарсия порвал отношения с МВФ на два года (1985–1987 годы), и положение стабилизировалось. В августе 1990 года новый президент Перу А. Фухимори вновь приступил к осуществлению «шоковой терапии» по рецептам МВФ. Это мгновенно привело к тридцатикратному росту цен при двукратном повышении зарплаты. До «шока» в полной нищете жили 7 млн жителей Перу (35% от населения в 20 млн человек); через месяц после начала «шока» таковых оказалось 12 млн, т. е. 60% населения.

3. Боливия. В чистом виде технологию реформ МВФ Д. Сакс (советник Правительства РФ при Е. Гайдаре) продемонстрировал в Боливии в период 1985–1987 годов. Ему удалось сбить инфляцию, которая в 1985 году достигла 20 000% в годовом исчислении. Но – во имя сжатия расходной части бюджета – это было обеспечено преднамеренным разрушением (деиндустриализацией) и без того слабой боливийской экономики с переводом высвобождаемой рабочей силы и прочих средств в область производства и распространения наркотиков. Сам Сакс расценил это как «социальную трагедию».

4. Чили. Результаты «шоковой терапии» в данной стране МВФ причисляет к неопровергимым успехам своей политики. Данные Шиллеровского института (ФРГ), Мирового банка, Корпорации экономических исследований Латинской Америки заставляют усомниться в этом. В 1970 году внешний долг Чили был равен 2,5 млрд долл. За период двадцатилетнего контроля со стороны МВФ Чили выплатила долгов только по процентам 21 млрд долл., а внешний долг к концу 1990 года увеличился до 18 млрд долл., т. е. более чем в 7 раз по сравнению с 1970 годом (в сопоставимых долларовых ценах). В 1989 году средняя зарплата оставалась на 10% ниже уровня 1970 года.

5. «Убийственным» аргументом в пользу своих рецептов МВФ считает **Польшу**, которая (единственная из постсоциалистических стран Восточной Европы) использовала «шоковую терапию». Уже первые шаги по этому пути привели страну к серьезным проблемам. И это при том, что Польше Запад оказал огромную (по масштабам ее страны) финансовую помощь. Что социализм в Польше существовал на 40 лет меньше, чем в России. Что в Польше во все «социалистические» времена существовали частная торговля, частные хозяйства на селе. Что у Польши — многомиллионная зарубежная diáspora (особенно в США). Что в Польше — один народ и одна очень влиятельная религия. Что Польша — компактная страна с густоразмешенным населением и относительно высоким уровнем «средней» культуры.

Одним словом, целебность «шоковой терапии» — это легенда, миф, который используется Западом исключительно в своих интересах. Думаю, МВФ и мечтать не мог, чтобы когда-нибудь поймать на эту «удочку» такую «рыбину», как Россия. Но — поймал! Хотя наши «реформаторы», выбиравшие втайне от общества способ трансформации советской планово-централизованной, «командной» экономики в рыночную, должны были понимать (ах, какая сложная задача!), что Россия — не Чили, не Боливия и даже не Польша; должны были изучить досконально, какой результат даст «шоковая терапия», обсудить вопрос, а хочет ли народ «лечиться» таким образом. Даже в случае если бы эти результаты были позитивными, то все равно в вопросах модернизации ни страны Латинской Америки, ни Польши не могли бы быть из-

бранные Россией образцом для подражания. Россия — не слаборазвитая, не аграрная, а высокомондитиальная страна, в которой госсектор составляет подавляющую часть экономики, а рабочие — более 70% всех трудящихся. Они должны были учесть, что деиндустриализация, которая является следствием политики МВФ, ведет к таким масштабам нищеты и безработицы, при которых социальный взрыв становится неизбежным. Что в многонациональной России любой экономический конфликт тут же превращается в конфликт межнациональный. Что масштаб России так велик, что никакой МВФ, никакой блок государств и весь Запад в целом даже при желании не в состоянии дать кредит в 2 трлн долл., которые (по оценкам российских экономистов) необходимы для вывода России из экономического кризиса, ибо таких свободных денег на Западе просто нет.

Незадолго до начала «шоковых» реформ в России президент Си-тибанка Д. Вид заявил: «Если мы посмотрим на карту мировой экономики, то увидим на ней исчезнувшие страны... Перу и Боливия исчезнут. Советскому Союзу нужно поостеречься, иначе он может тоже исчезнуть» (Российские экономические исследования. 1994. № 3. С. 10). О невозможности применения «шоковой терапии» в России упреждал даже ее давний недруг З. Бжезинский. И тем не менее рекомендации МВФ были приняты Правительством России. В том числе и потому, что у этой модели были сторонники в среде отечественной бюрократии и крупного российского и западного капитала. Их интересы объективно смыкались.

«Шоковая терапия» предусматривает несколько этапов. Первый — создание «твердой» валюты. Второй — свободные, то есть мировые цены. Третий — разорение с помощью этих цен нерентабельных производителей. По замыслу все эти меры — в интересах оздоровления экономики России. Но это еще не те действительные, тайные интересы некоторых сторонников «шоковой терапии». Главное для них — четвертый этап: приватизация нерентабельных предприятий, которые при благоприятных условиях (а они есть) могут за бесценок купить как иностранные, так и отечественные капиталисты. Народная (ваучерная) приватизация, вокруг которой было много шума, это не более чем «дымовая завеса» перед главным актом — «большой» приватизацией, распро-

даже, а по сути дела, дележом небывалой по богатству в истории государственной собственности.

Таким образом, ход послеавгустовских реформ определяли интересы трех основных политических сил: радикальных «демократов», уверовавших в свое историческое предназначение, желавших власти и богатства; части бывшей партийной и государственной номенклатуры, понимавшей необходимость реформ, но видевшей ошибки, реальную и потенциальную беспомощность новой власти, решивших, что у них есть шанс вернуться к власти, легко и быстро обогатиться; страны Запада, мечтавшие о победе над коммунизмом, устранив СССР как главного военного противника, добившихся этого и стремящихся теперь превратить пространства СССР в зону, где можно было бы реализовать многие свои национальные, и прежде всего экономические, интересы (доступ к территориям, сырью, рынку и т. п.).

Огромное значение в российской трагедии играл и играет субъективный фактор.

Долгие годы нам внушали, что определяющая сила истории — народные массы, а личность — второстепенна. В конце концов это, быть может, так и есть. Рано или поздно народ произнесет свое слово, и оно будет решающим. А пока — Горбачев «со товарищи» развел костер, думая погреть народ, а он разросся в пожар; Ельцин, ради того чтобы избавиться от опеки «центра», стать единоличным «хозяином» России, развалил великую державу; Гайдар, мечтая быстрее поставить Россию на рельсы западной цивилизации, принялся лечить ее «шоком»; Чубайс, видимо, просто из нелюбви к России и ее народу разбазаривает колossalное общественное богатство... И так далее. Все эти люди — революционеры и потому разрушители.

Когда-то, очень-очень давно в городе Эфес (Малая Азия) жил человек по имени Герострат (род. в 356 г. до н. э.). Чтобы обессмертировать свое имя, он сжег храм Артемиды Эфесской, который считался в древнем мире одним из семи чудес света. Мне кажется, что все мы стали заложниками людей, которые независимо от различий в возрасте, политическом опыте, знаниях, способностях и взглядах больны одной и той же болезнью — «комплексом Герострата», то есть безмерным честолюбием. Ради того, чтобы остаться в истории, они решились на безумные шаги. За то, что

сжег храм, Герострат был казнен, имя его было запрещено произносить. Слава «героев нашего времени» тоже позорна. И суд истории еще впереди. Ибо неохватны и немыслимы по масштабу, неоценимы по стоимости те разрушения, которые они совершили.

3. РЕЗУЛЬТАТЫ «РЕФОРМ»

Страна вошла в «реформы» под высоко поднятым транспарантом, на котором было начертано: **«Либерализация. Приватизация. Стабилизация»**. Не совсем понимая за что, но мы готовы были платить. Однако и в страшном сне никому не могло привидеться, что цена будет такой непомерно высокой, а результат — практически никакой, нулевой, отрицательный. Его можно также выразить несколькими словами, но их ряд будет значительно длиннее: Разруха. Хаос. Смерть. Бедность. Нищета. Депопуляция. Дезинтеграция. Диссоциация. Деиндустриализация. Деинтеллектуализация. Деструкция личности. Деморализация. Бездуховность. Коррупция. Криминализация. Правда, все эти слова можно вместить в одно-единственное слово, применимое к обществу и государству, коллективу и личности, экономике и политике, науке и образованию и т. п. — деградация. То есть последовательное, неуклонное движение от высшего к низшему, к тому пределу уровней питания, физического и психического здоровья людей, связей между ними, между «центром» и регионами, между самими регионами, между экономикой, политикой, культурой, уровня знаний, количества талантливых людей в обществе, духовности, нравственности, порядочности, добра и доброты и т. п., ниже которого общество не должно опускаться ни при каких обстоятельствах, ибо дальше — распад целого на части и превращение его в нечто иное. Смерть.

В 1992 году я руководил подготовкой проекта доклада Комитета РФ по делам молодежи Правительству РФ «О положении молодежи в России». Анализируя это положение в сферах экономики, политики, труда, быта, отдыха, образования, культуры, здравоохранения, а также ситуацию в области демографии и окружающей среды, я пришел тогда к этому страшному выводу: уже давно российское общество начало деградировать, но «реформы»

настолько ускорили этот процесс, что он приобрел обвальный характер и этот обвал нарастает. Сейчас в научной среде этот тезис уже не подвергается сомнению. Ученые спорят лишь о том, как далеко зашел процесс социальной деградации. Одни считают, что он не остановим, другие — что общество еще не утратило способности к регенерации. Но тогда, в начале 1992 года, признаюсь, я испугался. Приятно известить мир об открытии звезды или новой элементарной частицы, но сообщить обществу, что оно не просто болеет, но погибает, бесконечно тяжело, именно страшно. Однако такова судьба исследователя. В книге «Молодежь России: тенденции, перспективы» (М.: Молодая гвардия, 1993. 224 с.) эти выводы изложены. Тогда они базировались на данных молодежного «среза» общества. Молодежь — это то же общество, только взятое в определенном возрастном состоянии, которое добавляет к общим еще некоторые особые «молодежные» проблемы. По мере того как молодежь взрослеет, все ее проблемы становятся общими, общественными. Именно поэтому мы говорим о молодежных проблемах общества (доступ к образованию, первое рабочее место и т. п.) и общественных проблемах молодежи (брачность, рождаемость, воспитание и т. п.). Изучать молодежь — значит, изучать не только нынешнее, но и завтрашнее общество. В этом году мы вместе с коллективом авторов заканчивали проект второго доклада Комитета РФ по делам молодежи Правительству России «Молодежь России: воспитание жизнеспособных поколений». В этом случае мы углубленно исследовали духовную сферу жизни общества. Увы, все то же: упадок, распад — деградация.

Три года назад я спросил себя и своих коллег: «В чем положительные результаты „перестройки“?» Они уместились в одно емкое и в высшей мере важное слово «свобода». Свобода экономическая, свобода политическая, свобода духовная, свобода вероисповеданий и т. д. Это — очень много и очень важно. Но, глядя вокруг, я вижу очень много освободителей и освобожденных, но невероятно мало — свободных людей. Свобода — это «сладкое слово», но это «горькое» лекарство, которое, как всякое лекарство, употребляемое в чрезмерных дозах, может убить. Свобода, как и жизнь, не каждому по плечу. Свобода без идущей рядом ответственности легко, просто и быстро превращается в тиранию.

Схема элементарна: свобода — своеволие — эгоизм — тирания. Под этим углом зрения давайте глянем на ту политическую систему, ту власть, которая родилась в результате реформ. Ведь это и есть их ПЕРВЫЙ и главный итог.

Нынешний политический режим еще не назовешь авторитарным, тем более диктаторским в «чистом» виде, но это, безусловно, не демократия, хотя на первый взгляд все внешние признаки (разделение властей, многопартийность и т. п.) налицо. Однако от участия в реформах народ отстранен, выведен за скобки всего происходящего. Даже на выборы приходит всего половина избирателей. Существует разделение властей, но все ветви власти бессильны. Около 1500 указов, которые к середине мая 1995 года подписал Президент РФ (едва ли не по 10 в день), в большинстве не работают. Нет закона о партиях, об общественных организациях, не решен вопрос их финансирования. То, что мы имеем сегодня в России, — это не демократия, а правление немногих, олигархия, как сказал бы античный классик. И с этим мало кто спорит. Элитарный характер нынешних политических партий, механизм выборов, созданный специально для движения вверх элиты, узко-групповые интересы, доминирующие в деятельности Госдумы и государственно-чиновничих структур, стали сегодня настолько очевидным, что даже Президент РФ вынужден был отметить как несомненный факт, что все более усугубляется отчуждение власти от народа. В этом и состоит главное отличие сложившегося в России от режима действительной демократии. Мы имеем элитарную демократию, авторитатическую демократию, все что угодно, только не демократию, понимаемую как власть, правление большинства народа. Такой коррумпированный режим нельзя признать историческим достижением даже в сравнении с тем, который мы недавно имели. Пока еще никого не сажают и не расстреливают по политическим мотивам, но зато при этом режиме стала возможной такая форма устрашения и террора населения, как массовая, организованная и вооруженная преступность, которая тесно связана с системой власти, которая если не поощряет ее, то и не противодействует ей. Зато при этом режиме оружие и армия стали средством разрешения политических споров и конфликтов. И разве все это уже не элементы, не признаки тирании, которая при соот-

ветствующих условиях может расцвести во всей «красе»? Сегодня в России властвует не народ и не закон, а средневековый принцип французских королей и немецких рыцарей: «власть сама себе право».

ВТОРОЙ РЕЗУЛЬТАТ реформ, не менее важный, чем первый, — это новая социально-экономическая система. Выискивая позитивные начала перемен в сфере экономики, идеологи «реформ» среди них называют: 1) уход из экономики государства, 2) перераспределение властных полномочий сверху вниз, 3) либерализацию цен, 4) либерализацию внешней торговли, 5) полный отказ от прямых государственных инвестиций, 6) становление института частной собственности, 7) разгосударствление, приватизацию, 8) и даже укрепление (Боже!..) рубля...

Возможно, это действительно достижения. Все зависит от того, как смотреть на вещи. Попробуем для начала найти некое определение той социально-экономической системы, которую мы имеем ныне. Конечно, это уже не «социализм». Но и не капитализм. Это псевдокапитализм, номенклатурный капитализм, стержнем которого является сверхоригинальное явление — класс богатых индивидуальных владельцев объектов госсобственности, полученной в результате специально придуманного для этого способа раздачи этой госсобственности в персональное владение под названием «приватизация». При этом новый режим унаследовал от старого систему эксплуатации большинства населения страны правящим бюрократическим слоем. Новым является свобода эксплуатации, которая стала практически безграничной, ибо пока трудящиеся не имеют никаких форм и способов защиты своих прав, кроме стихийных забастовок и массовых выступлений.

Уход государства из экономики как сознательная установка экономической политики нынешнего правительства придал стихийный характер всем экономическим процессам.

В течение 1991–1993 годов происходило уничтожение экономического потенциала России. Национальный доход за этот период уменьшился на 40% (для сравнения: с 1940 по 1945 год национальный доход снизился на 17%). Мировая практика не знает подобных результатов экономического реформирования. По темпам сокращения валового внутреннего продукта Россия опередила Америку

времен Великой депрессии (Социально-политический журнал. 1994. № 3–6. С. 9). Предварительные итоги первой «постперестроечной» пятилетки 1991–1995 годов: от российской экономики к концу 1995 года останется около половины по сравнению с 1990 годом. Объем промышленного производства снизится более чем в 2 раза, а объем производства продукции машиностроения — в 3–4 раза. Налицо тенденция деиндустриализации страны. Россия уже сегодня относится к странам среднего уровня развития и находится примерно на 55-м месте в мире. По данным ЮНИДО, производительность труда, о которой мы просто перестали говорить, в России в пять раз ниже, чем в США. Это значит, что наша страна уже относится к группе государств третьего мира, но и там не попадает хотя бы в первую десятку (Социально-политический журнал. 1994. № 6. С. 62). Налицо тенденция дальнейшего резкого увеличения разрыва уровней развития России и передовых стран.

Экономические реформы не могут быть успешными, если они сопровождаются таким снижением эффективности производства. Смена форм владения и распоряжения колossalными объемами собственности, не ведущая к повышению экономической эффективности, — и это начинает осознаваться гражданами России — преследует не экономические, а политico-идеологические, личные или групповые интересы, что и определяет нерезультативность «реформ» в экономической сфере.

Особо следует сказать о приватизации. Если вдуматься, то суть всей политической борьбы заключается вовсе не в том, продолжать реформы или попытаться воссоздать улучшенный вариант социализма. Это — на поверхности. В действительности главный предмет борьбы — новый передел собственности, а значит — и власти. Тут важен способ. Вокруг него и идет вся борьба. Если для Ю. М. Лужкова (мэра Москвы) главное, во-первых, продать собственность по цене ее реальной стоимости и, во-вторых, продать тому, кто сможет использовать ее лучше, чем государство, то для Чубайса главное — раздать госсобственность как можно скорее. Об остальном можно только догадываться. Многие называют нынешний этап жизни общества и разгосударствление периодом первоначального накопления капитала. Это — чушь. В действительности происходит захват, скупка за бесценок государственной,

а по сути — грабеж и дележ уже накопленной обществом общегородной собственности. О каком «накоплении» речь, если объекты многомиллиардной, триллионной стоимости приобретаются за миллионы? В июне 1994 года этап «малой» (ваучерной) приватизации завершился. Производитель так и не стал реальным собственником, а собственность превратилась в объект злоупотреблений и спекуляций. В настоящее время в России не менее 40 тыс. предприятий принадлежит преступным группировкам или взята ими под контроль. По расчетам специалистов, теневая экономика дает уже 20–25% ВВП, и этот показатель имеет устойчивую тенденцию к росту. Однако в принципе Чубайс достиг цели, которую на самом деле ставил перед собой: проведя массированную раздачу и распродажу государственного имущества, он осуществил приватизацию ради приватизации, а не ради создания «института собственности». Такие цели программы приватизации, как повышение эффективности предприятий, социальная защита, содействие финансовой стабилизации, создание конкурентной среды, оказались совершенно невыполнеными.

22 июня 1994 года своим указом Президент РФ ввел в действие основные положения программы «большой», послеваучерной приватизации. Реформа собственности по-прежнему осуществляется, минуя Госдуму, несмотря на то, что принятие концепции приватизации относится к компетенции законодательной власти. Чубайс без обиняков заявляет, что цель очередного этапа приватизации — «построение капитализма в России, причем в несколько ударных лет» (Независимая газета. 1994. 5 августа.). Ему вторит Гайдар: «Нам нужно за полтора-два года построить систему, базирующуюся на принципе святости, незыблемости частной собственности. Это разрешимая задача. Мы радикально должны поменять всю систему социальной структуры общества. Это неизбежно» (Общественные науки и современность. 1995. № 2. С. 51). Как и ранее, речь не о благе народа, а о культивировании крупных частных собственников. Эта задача даже не маскируется.

На втором этапе ставится задача передать в частные руки до 90% госсобственности. Этого удара Россия не выдержит. Как утверждают специалисты, быстрая и эффективная приватизация основной части экономики попросту невозможна, поскольку:

а) отсутствует социальная группа (меньшинство), способная эффективно управлять экономикой на базе частной собственности, а раздробление собственности (то, что в дальнейшем было названо «народной приватизацией») привело лишь к «зарплатизации» богатства и дохода;

б) инвестиционный комплекс находится в состоянии, несовместимом с функцией накопления, присущей капиталу;

в) нельзя ожидать конкуренции производителей ввиду господства рынка продавца;

г) существует массовая скрытая безработица из-за нехватки миллионов эффективных рабочих мест, а общество не выдержит конфликтов, которые возникнут при ее превращении в явную (Вопросы экономики. 1994. № 4. С. 15). Однако, как и прежде, трезвые голоса никто не слышит, надеясь на чудо стихии, то есть на худший из всех вариантов.

Судьба «великого передела» по-прежнему решается в правительственные кулуарах. Общественность лишена какой-либо возможности реально воздействовать на перераспределение собственности и тем самым на формирование основ будущего социально-экономического устройства страны. Парадоксально то, что небывалый по масштабам передел имущества одной из богатейших стран мира не всколыхнул массы, хотя он определяет жизнь каждого россиянина и его потомков на многие годы. Народ безмолвствует. Не знает или не понимает, что происходит?..

ТРЕТИЙ РЕЗУЛЬТАТ «реформ» — это социальная структура российского общества, уже имеющая все черты периода ранней стадии развития «дикого» капитализма. Существует несколько вариантов деления россиян по уровням материальной обеспеченности. Согласно одному из них на вершине общества находится узкий слой богачей — 3%. Около 7% составляет слой среднеблагополучных. Им противостоят бедные — 25% и нищие — 65%. По другим подсчетам, слой богатых охватывает 3–5% населения; среднеобеспеченные составляют 12–15%, бедные — 40%, нищие — 40% (Социально-политический журнал. 1994. № 3–6. С. 9). Картина страшная, удручающая. По официальным сведениям Госкомстата РФ (Аргументы и факты. 1994. № 24), в середине 1994 года в России насчитывалось 1 млн 127 тыс. сверхбогатых людей (0,6–0,7% населения),

ежемесячный душевой доход которых составлял 25 тыс. долл. и выше. Следующая группа богатых, чей душевой доход в месяц колебался от 2,5 до 3 млн руб., составляла 5 млн 635 тыс. человек (3,4–3,6%). К числу богатых людей России официальная статистика на тот момент относила также почти 9 млн человек, обладающих душевым доходом свыше 0,5 млн руб. в месяц (5–5,7%). В итоге, по расчетам Госкомстата, 16 млн человек спустя два с небольшим года радикальных преобразований сформировали слой богатых людей. К «среднему» слою официальная статистика относила 44–51 млн человек (27,3–31,5%), чьи доходы в тот момент колебались от 60 до 500 тыс. руб. в месяц. Группа бедных, судя по методике Госкомстата, охватывала 44,5 млн человек (27,2–28%); их доходы находились в диапазоне от 30 до 60 тыс. руб. в месяц, и, наконец, группа нищих, объединяющая 52 млн человек (33,5–34,5%) с доходами ниже 30 тыс. руб. в месяц, что практически не обеспечивало уже тогда прожиточного минимума (Социально-политический журнал. 1995. № 3. С. 31–32).

Все варианты подсчетов показывают, что в России происходят быстрая и недопустимо глубокая имущественная поляризация населения и его обнищание. Социальная дифференциация населения России подошла к черте, за которой в верхних и нижних слоях общества начинают формироваться взаимоисключающие интересы. Если в советские времена разрыв в уровнях жизни 10% наиболее обеспеченных и 10% наименее обеспеченных людей находился в соотношении 1:4, то сейчас он достиг соотношения 1:30 и выше. Практически полное отсутствие продуманной социальной политики привело к тому, что падение уровня и качества жизни, социальная поляризация уже создали предпосылки для тотального социального конфликта в российском обществе.

Налицо процесс деклассирования, люмпенизации, маргинализации населения.

Безработные. К концу 1994 года их число, по разным данным, приближалось к 4,6 млн человек, еще столько же постоянно ищут другую работу. В октябре 1994 года Институт социально-политических проблем РАН провел выборочный опрос (по всероссийской выборке) 1094 человек. Из этого количества только чуть больше половины уверены, что они не потеряют работу, 17% в этом не уве-

рены, 26% считают, что они ее потеряют. Больше всего боятся оказаться безработными рядовые труженики сельского хозяйства, в том числе фермеры (36%), ИТР (35%). В целом среди горожан доля опасающихся оказаться в ближайшее время безработными больше, чем на селе (20%), жители которого определенные надежды возлагают на приусадебные участки. Численность молодежи, которая не работает и не учится в настоящее время, составляет 2,5 млн человек. Второй этап приватизации, массовое банкротство предприятий приведет к небывалому взрыву числа безработных.

Бездомные. Точных сведений статистика не дает, но, по оценочным данным, их число перевалило за миллион и быстро растет. Ежегодно из мест заключения выходят на свободу 700–800 тыс. человек, которых на рынке труда никто не ждет.

Беженцы. Это большая и быстро растущая социальная среда. С 1993 года явственно обозначилось и с 1994 года закрепилось преобладание в массе беженцев русскоязычных, а затем и русских. В ближайшие 2–3 года их число может вырасти до 6–7 млн человек.

Нищие. В российском обществе впервые после 1945 года появилась новая категория нищих, как и в дореволюционное время — **профессиональные нищие**. По оценочным данным, численность только профессиональных нищих возросла с осени 1993 года по осень 1994 года в 3 раза и составляет примерно 350 тыс. Это число будет быстро расти.

Для огромной массы людей сейчас и в ближайшем будущем будет стоять лишь один вопрос: как выжить физиологически? Вопрос о воспроизведстве человека как духовной субстанции становится второстепенным. И это социально детерминировано: поставленный на грань выживания нищий и голодный человек становится производителем своей собственной физиологии, а все остальное — подчинено идее выживания.

Снижение уровня жизни отразилось на питании людей. Обследования показывают, что ежедневно едят досыта лишь две трети юных россиян. Недоедание и плохое питание сказываются на здоровье живущих и, естественно, будущих поколений. Кризис здравоохранения, физической культуры и спорта усугубляет ситуацию.

Психическое здоровье нации. По сравнению с 1995 годом общая численность больных, получающих психиатрическую помощь, увеличилось к 1990 году в 3,7 раза. В настоящее время этот контингент составляет почти 6,5 млн человек, или 4,4% населения страны. В пограничном состоянии находятся еще 15–20 млн человек, в большинстве это дети и молодежь. Подростковый возраст представляет собой критический период для психопатий. Психологическое состояние молодого поколения несет на себе черты массовой невротизации и психопатизации, что понимается как пограничное состояние личности между психической нормой и психическими заболеваниями. Около двух миллионов детей страдают психическими заболеваниями. По данным московских психиатров, из каждой тысячи несовершеннолетних 250 нуждаются в помощи невропатолога или психотерапевта. Допустимой нормой считается, если число психических больных в стране не превышает 1% всего населения. Рост этого показателя означает угрозу вырождения нации из-за разрушения генофонда и утраты интеллектуального потенциала. В нынешней России этот показатель в 4,5 раза выше нормы. Для молодого поколения России 90-х годов характерны узость и дальнейшее сужение интеллектуальных интересов, снижение интеллектуальной активности.

Алкоголизм, пьянство, наркомания, проституция продолжают расти. Вместе взятые, эти факторы наносят непоправимый урон физическому здоровью населения. Каждый из них сам по себе — национальное бедствие, а объединенные вместе, они — зримое свидетельство деградации нации. Только в Москве свыше 200 нелегальных публичных домов. Школьницы считают занятие проституцией одной из самых престижных «работ».

Преступность. Разгул преступности ужасает своими темпами и масштабами. В 1992 году был зарегистрирован 1 млн преступлений (на 27% больше, чем в 1991 году). В 1994 году в суды поступило 876 тыс. уголовных дел, более 2 млн гражданских, 2 млн 232 тыс. административных дел и материалов. Это абсолютный рекорд за последние 25 лет. Осужденены 925 тыс. человек — также рекорд. Убийства, грабежи, изнасилования, сводки боевых действий из Чечни и Таджикистана стали привычным элементом повседневности, порождая атмосферу страха и ужаса, постоянного психоло-

гического напряжения миллионов людей. Преступность становится все более молодежной, подростковой: $\frac{2}{3}$ правонарушений и преступлений в стране совершаются детьми и молодежью до 30 лет. Подростковая преступность, помимо ее роста (за последние 5 лет она выросла на 40%), характеризуется крайней жестокостью. Каждое пятое-шестое из совершенных преступлений — тяжкое. Созданию криминальной атмосферы в обществе способствует криминальное разгосударствление собственности: украсть автомобиль, когда воруют заводы и отрасли промышленности, многим кажется мелочью. Эта мысль живет в сознании миллионов тех, кто еще не совершил никаких правонарушений. Но мыслящий так — «рекрут» криминального мира. Завтра, при соответствующей ситуации, он пойдет на преступление, ибо мысленно уже совершил его. Объективная ситуация и общественные тенденции способствуют этому. Американские социологи и психиатры утверждают: рост уровня безработицы на 1% увеличивает число совершенных в стране убийств на 650 случаев, самоубийств — на 820, психиатрические лечебницы при этом пополняются четырьмя тысячами пациентов, а тюрьмы — тремя тысячами преступников. Масштабы «открытой» безработицы в России еще не велики, ее взрыв ожидается с переходом ко второму этапу приватизации. Значит, надо ждать и нового взрыва преступности. Сопоставим цифры: раньше совершалось 700–800 тыс. преступлений ежегодно, сейчас их совершается 1 млн в год, из них 80% преступлений совершается впервые. А сколько преступлений, о которых никто не знает? Сколько уголовных дел не заведено? Задумаемся: сколько же преступников среди нас? Население России предельно криминализировано, его огромная часть прошла «школу» исправительно-трудовых лагерей и тюрем. «Правовой нигилизм» — термин слишком мягкий для нашего общества. Презрение к закону, правовой беспредел — это ближе к истине. Специалистами доказано: каждое новое поколение россиян криминальнее предыдущего.

ЧЕТВЕРТЫЙ РЕЗУЛЬТАТ «реформ» — социальная дезинтеграция: общество как целое все более распадается на части, атомизируется из-за отсутствия экономических, организационно-политических и духовно-идеологических интеграторов. Фактом являются социальный раскол, крайняя поляризация, исключи-

тельно высокий конфликтный потенциал общества. Россия беременна конфликтами, которые идут и могут нарастать: 1) между гражданами; 2) между различными социальными группами; 3) между нациями; 4) между обществом и мафией, организованной преступностью; 5) между центром и регионами; 6) между правящими группировками и политическими партиями; 7) между ВПК, армией и властью; 8) между сторонниками разных конфессий; 9) между «западниками» и национал-патриотами; 10) между старшими и молодыми поколениями и др. И все это при наличии различного рода негосударственных формирований, отрядов боевиков, коммерческих охранных служб, у которых на руках уже находится около 3 млн единиц огнестрельного оружия. Война в Чечне — страшный «намек» на то, что может случиться в России, если события будут развиваться в прежнем русле.

Одно из наиболее очевидных оснований и свидетельств социальной дезинтеграции — сепаратизм, базирующийся прежде всего на национальных амбициях. Подписание Федерального договора, принятие новой Конституции, подписание Договора об общественном согласии, договора между органами государственной власти Российской Федерации и Республики Татарстан, готовность ряда руководителей республик пересмотреть республиканские конституции с целью согласования их с Конституцией Российской Федерации, а в Калмыкии, более того, отменить республиканскую конституцию — все это важные события, несколько успокоившие общество.

Однако, несмотря на кажущееся укрепление центральной власти, угроза дезинтеграции не исчезла. В условиях быстро ухудшающейся экономической ситуации центростремительные настроения могут легко и быстро смениться на центробежные. Предельно натянуты отношения центральных властей с Татарстаном. Нестабильным является Поволжско-Уральский регион. Через Поволжье, Урал и Восточную Сибирь проходит своеобразная «дуга нестабильности», которая стимулируется резким спадом промышленности, ориентированной на потребности центра, и дальнейшим ухудшением благосостояния людей. В отличие от экономических мотивов провозглашения «Уральской республики» Э. Росселем политическими (в основном) являются при-

зывы о создании Русской, Дальневосточной, Енисейской, Сибирской республик.

ПЯТЫЙ РЕЗУЛЬТАТ «реформ» — экологический кризис, который носит глобальный характер и быстро расширяет свои масштабы. В России 13 регионов, где экологическая ситуация оценивается как критическая. Около 100 тыс. человек живут там, где человеку вообще жить нельзя. 20 млн человек проживают в зонах экологического бедствия, 30 млн — в крайне неблагоприятной экологической обстановке. Установлено, что в течение 20 лет экологическая ситуация обострится еще в 36 регионах. Радиационное загрязнение территории России увеличивается, радиус поражения расширяется. Опосредованное влияние радиации затронет несколько поколений россиян. Шлейф страшных последствий только Чернобыльской катастрофы, по оценкам специалистов, растянется лет на 70. Следствия радиации — генетические мутации, бесплодие, рождение больных детей. Загрязнение воздуха в 84 крупнейших городах превышает норму в 10 и более раз, наносит ущерб здоровью 36 млн человек, ведет к накоплению мутаций, а загрязнение воды и почв, которое огромно, плохо оказывается на качестве продуктов питания. В погоне за прибылью новые «хозяева жизни» идут на все, что угодно. Уже в 1991 году 11% проб пищевых продуктов не соответствовало стандартам качества. Россия превращается, по сути, в свалку пищевых и радиоактивных отходов Запада.

ШЕСТОЙ РЕЗУЛЬТАТ «реформ» — демографический кризис, который проявился в замедлении темпов роста населения. Резко упала рождаемость, намного сократилась продолжительность жизни, выросла младенческая смертность. Население России стареет, его средний возраст повысился с 29,5 лет в 1959 году до 34,8 лет в 1994-м. Доля молодежи в населении страны имеет явную тенденцию к снижению. В 1994 году смертность на 800 тыс. человек превысила рождаемость. Нация вымирает, вырождается. Страну охватил процесс депопуляции, которая расширяется. Если тенденция сохранится, то численность населения России через 50 лет сократится вдвое. С таким населением мы просто не сможем обустраивать свои территории. Россия перестанет существовать как географическое пространство. И даже если количественные показатели (в силу известных причин) в перспективе

улучшается, то это еще не повод для оптимизма: большое общество не может сохранить здоровый генофонд нации.

СЕДЬМОЙ РЕЗУЛЬТАТ «реформ» в том виде, как они происходят, это то, что выше всех материальных и политических бед — нарастание бездуховности, безнравственности. На наших глазах набирает силу процесс растормаживания личности, сбрасывания с себя человеком всего того, что ему было дано культурным развитием. В той части, которая означает отказ от «старых» идей, чувств и качеств, накопление тех взглядов, знаний и черт характера, которые отвечают новым требованиям и целям общественного развития, этот процесс надо признать позитивным. Беда в том, что со «старым» уничтожается «вечное» — доброта, долг, честь, совесть, справедливость и т. п. Беда заключается в том, что процесс этот длится уже десять лет и неведомо, сколько будет длиться еще. А это значит, что уже нынешние дети и молодежь могут принять существующее положение вещей — образ мыслей и поведения — за должное, а будущие поколения, не знающие, «как было» и как быть должно, станут считать их единственно нормальными.

Бездуховность уже обрела черты общенационального бедствия, ядром и воплощением которого является самодовольное и агрессивное невежество, захватившее не только массы, но все эшелоны всех ветвей власти. Будучи конкретно-историческим социокультурным явлением, невежество проявляется во многих отношениях.

Во-первых, в неспособности схватить умом, объяснить и понять все многообразие, многослойность и сложность происходящих в обществе процессов, различить цели, средства и результат, причины и следствия, прогнозировать хотя бы ближайшее будущее, что сопровождается одновременным и поголовным требованием быстрых успехов в экономике, демократии и т. п. Отсюда программы типа «500 дней», отсюда обещания за год покончить с инфляцией, за два-три года поднять разрушенную экономику и т. п. Отсюда ложь, самообман, политический авантюризм.

Во-вторых, в тотальном подавлении интеллекта, знаний, творчества. Отсюда пренебрежительное отношение к науке и образованию, интеллигенции, отечественным ученым и отечественному опыту. Отсюда массовое стремление бездарных людей в депутаты, в органы исполнительской власти; отсюда формирование

государственного аппарата всех уровней, зачастую из недоучек, непрофессионалов и просто жуликов. Отсюда (как следствие) «возрождение» в России супербюрократизма и тотальной коррупции; отсюда атмосфера всеобщего холуистства, выступающего питательной почвой для возвеличения всех, кто сегодня имеет деньги, власть и силу.

В-третьих, невежество проявляется в стилях экономического поведения, свидетельствующего о низкой экономической культуре основной массы предпринимательского слоя, в частности «новых русских». Сегодня абсолютно доминируют три основных стиля:

1) *стяжательский*, в котором акцент делается не на сохранение и экономию средств с целью их рационального вложения в расширение «дела», тем более производства, а на неограниченное личное накопление и стремление к максимальному комфорту жизни;

2) *эксплуатирующий*, грубее сказать, *бандитский*, когда торжествует девиз: «Что мне нужно, я отбираю у другого». Здесь ценится только сила, а порядочность, сомнение и размыщение — признак слабости. Рациональному ведению хозяйства противостоит эксплуатация, грабеж, рэкет, касается это отдельного человека или государства, кражи автомобилей или национальных ресурсов;

3) *торгово-меновой*, смысл которого известен с древнейших времен: купить подешевле, продать подороже. Здесь действует принцип: «Не обманешь — не продашь — не заработаешь».

Нынешний «класс» богатых в значительной части состоит из антиобщественных элементов, в том числе «паразитов на паразитах» — рэкетиров и других криминальных воротил. Они заняты не созданием, а присвоением общественного богатства, мешают развиваться честному бизнесу, предпринимательству, конкуренции. Все это донравственные стили экономического поведения. Рассчитывать на то, что эти люди быстро освоят другие, цивилизованные стили — сберегающий (накопительный), обменивающий стиль, основанный на этике «услуг» и т. п., — наивно. Скорее, они будут рваться к власти, чтобы закрепить существующее в стране положение и тем защитить свои капиталы.

В-четвертых, невежество проявляется в мифологизации и фетишизации массового сознания. Только наивностью, доверчивостью,

огромной внушаемостью и предрасположенностью российского народа к творению, поглощению и распространению различного рода мифов можно объяснить многие феномены, невозможные ни в какой другой стране. Только в России возможно запустить в массовое сознание миф «Рыночная экономика — единственный путь к всеобщему благоденствию и счастью» и в атмосфере восторженного ожидания народом «манны небесной» позволить кучке авантюристов творить с общенародной собственностью, экономикой и самим народом все что угодно. Только российский человек может поверить в то, что «заграница нам поможет», что «у России в мире больше нет врагов, а только друзья и союзники», а потому можно уничтожить ВПК, срочно проводить конверсию, деморализовать свою армию. Только российский человек может согласиться с тем, что, получив «ваучер» ценой в 10 тыс. руб., он становится собственником, и не понять при этом, что в действительности тем самым дал согласие на грабеж национального достояния. Только в России возможны «МММ», «Тибеты» и подобные фантомы. И т. д. Тот, кто творит и использует новые мифы, хорошо знает законы социальной психологии, особенности российского общественного сознания и индивидуальной психологии россиян. Миф возможен там, где нет знания и опыта, тогда, когда ум разорван, а душа в растерянности. Катастрофическое сознание, которому чудится, что все идет только к худшему, что завтра — «конец света», рождает соответствующий ему катастрофический тип поведения: деньги — только «быстрые» и «легкие», успех — немедленно и любой ценой, со ставкой на силу, насилие, жестокость и т. д.

В-пятых, массовое невежество проявляется в мазохистском уничтожении собственной страны, ее истории, науки, культуры. «Перестройка» и «реформы» в России вторично в XX веке явили собой миру еще один научный факт, свидетельствующий о том, что не только в индивидуальных переживаниях отдельных личностей (это доказано), но и в психике целых народов существует стремление к смерти, к самоуничтожению. Нам жилось не так, как хотелось бы. Нам мало было — просто жить. Мы решили построить земной «рыночный» рай. Но оказалось, что и в земной рай живых непускают, там место только мертвым. Значит, решили мы, надо умереть, убить себя — народ, страну. И мы решились.

И вот — почти мертвые. Но рай на земле в очередной раз обернулся адом. И вот мы, не умерев до конца, полуживые, мечтаем о новом рождении — о «возрождении», о «новой» России. И идем к ней не через творчество, созидание, а путем огульного поношения (уничтожения) всего «старого». Словно уничтожение равнозначно строительству, самоунижение — возвышению.

В-шестых, агрессивнее невежество проявляется в пренебрежительном отношении к российской культуре. Приняв на себя удар «реформ», культура и сегодня выступает как самостоятельная сила, противостоящая разрушению и распаду. Однако прошедшая резкая смена ценностных ориентаций, укорененных в сознании нескольких поколений людей, сопровождается утратой целостности отечественной культуры, разрывом и даже противостоянием различных типов культур, существующих в современном российском обществе. Изначально ложной оказалась попытка реформаторов, вернув одно, зачеркнуть другое. Это выразилось в вычеркивании из истории России целого исторического периода, объявленного бесплодным, ненужным. Происходит тотальное выкорчевывание из культурного обихода не только отдельных имен, а целых пластов литературы, искусства, науки, образования, которые якобы не вписываются в общественно-политическую парадигму нынешнего режима.

Более всего страдает система культурного и художественного воспитания и образования молодежи. Скоро исчезнет, видимо, целая система детских и юношеских библиотек, кинотеатров, клубов, молодежных издательств, редакций радио, телевидения и т. п. В то же время книжный рынок агрессивно навязывает молодому человеку в ярких обложках далеко не лучшие образцы литературного китча — триллеры, мистику, «ужасы» и т. п. Эта эрзац-литература составляет до 60% от всего предложения на книжных прилавках Москвы. Снижается посещаемость театров, филармоний, библиотек, музеев, выставочных залов, сокращается режим их работы в основном за счет мероприятий для детей. Социальные политические и экономические катаклизмы нанесли серьезные удары по национальным культурам народов, проживающих на территории России, включая и культуру русского народа. В итоге возникла реальная опасность утраты самобытности многих из этих культур.

Происходит постепенное «сворачивание» системы социальных институтов, способствующих культурной адаптации молодого поколения. Продолжают разрушаться каналы, по которым происходит передача культурных ценностей новым поколениям. Идет принудительное отчуждение широких масс молодежи от ценностей мировой и отечественной культуры. Информационно-культурное пространство, которое окружает сегодня молодого человека, насыщено пропагандой утилитарных ценностей потребительского общества, агрессия и насилие выступают как законные средства достижения целей. Героем нашего времени выставляется «негативный лидер» — эгоистичный, циничный, но преуспевающий и добивающийся успеха, не считаясь со средствами. Такое психологическое давление на несформировавшуюся личность молодого человека оказывается на моральных установках, которые сегодня подвергаются искажению и деформации. «Разорванная» российская культура утрачивает способность выступать как полноценный институт социализации молодого поколения. В перспективе это может обернуться образованием целых социальных слоев, существующих в маргинальном состоянии применительно ко всем социокультурным нормам цивилизованного общества. Говоря иными словами, молодежь России может оказаться выброшенной на обочину мировой культуры и цивилизации.

В структуре молодежной культуры и досуга преобладают пассивно-созерцательные типы времяпрожигания — просмотр телепередач, чтение газет и журналов, посещение видеосалонов, кинотеатров, а также чисто «восстановительные» — занятия спортом, туризмом, загородные прогулки, посещение дискотек и развлекательных программ, общение с друзьями, посещение кафе. Творческо-созидательные формы (участие в самодеятельном художественном, техническом и прикладном творчестве, любительской деятельности, участие в общественно-политических и социально-культурных движениях и инициативах) занимают последнее место.

Кризис культуры порождает проблему бездуховности, и в тоже время бездуховность уничтожает культуру.

В-седьмых, массовое невежество проявляется в религизации и мистификации общественного процесса. В условиях свободы, в том числе свободы совести и вероисповеданий, одной из цент-

ральных в России стала идея русского религиозного возрождения. С точки зрения восстановления религии в своих правах это процесс, безусловно, позитивный. Количество верующих, в том числе среди молодежи, заметно возросло. Но надо ли думать, что именно церковь возродит духовность в России? Но следует ли религизацию страны превращать в официальную общегосударственную кампанию? У церкви свое место в обществе. Она многое делала, делает и сделает для России, и все же надо помнить, что свободное общество, которым стремится стать Россия, — это общество секуляризованное, то есть сбросившее с себя все формы тоталитаризма, подавления личности, в том числе неотеологические. Пусть каждый сам решает, как ему жить, во что верить.

Реальную опасность для личности, тем более формирующейся, сегодня представляет беспрецедентное в истории России распространение всевозможных мистических учений, движений и культов. Волна неомистицизма также является реакцией на духовный вакuum, образовавшийся в обществе, стремление заполнить его суррогатом мнимых ценностей. Неомистицизм ориентирован на людей, испытывающих глубокое нравственное, мировоззренческое, социальное, политическое разочарование в нынешней российской действительности («бездомность»). Особая привлекательность мистических движений и культов в отличие от религии, в которой сверхъестественное начало (Бог) всегда господствует над человеком и которая обещает счастье по ту сторону жизни, основана на вере в сверхъестественные силы самого человека.

Основной контингент приверженцев нетрадиционных культов составляет молодежь. Миссионерская деятельность неомистиков ориентируется на все категории, но прежде всего — на школьную и студенческую. Ищущие ответа на вопросы бытия, душевно надломленные молодые люди становятся главным объектом проповедников неомистицизма, которые умело используют усиление общего кризиса российского общества, рост безработицы, которая все больше затрагивает молодежь, в особенности выпускников институтов. В отличие от традиционных религий, ориентирующихся на загробное возздание, не предполагающее никакой компенсации, основной лозунг неомистиков звучит так: «Здесь и сейчас!» Он особенно привлекает молодежь. В ряде общин огром-

ное значение придается специальной психологической обработке верующих, которая представляет собой целенаправленное «промывание мозгов» и приводит к полной перестройке психики, превращающей их в беспрекословных исполнителей чужой воли.

Народ в очередной раз утратил чувство здравого смысла, разум, его действия приобрели явные черты иррациональности. Общество находится в состоянии глубочайшего психического потрясения, массового психоза; его охватило сумасшествие, безумие. Мозг, сознание и душа нации глубоко больны. Признаться в этом народ, как всегда, не захочет, точнее, не сможет: больной мозг сам себя не сознает. Между тем душевная болезнь общества, помутнение и извращение его сознания — главное в той катастрофе, которую мы наблюдаем и жертвой которой являемся. Новые лозунги, идеи, мифы, догмы, политические цели и принципы, предсказания колдунов, «психотерапевтов», астрологов, проповеди заокеанских радетелей о нравственной чистоте российской души, криминальная хроника, демонстрация насилия, жестокости и пошлости с телеэкрана — все это вдалбливается в больные головы и души, образуя в них отравную и взрывоопасную смесь, которая вовсе не побуждает к созиданию, а наоборот, провоцирует обвал агрессивности и разрушительных настроений.

«Компенсируя» недостаток духовности в обществе, мистическое иррациональное начало на самом деле будет провоцировать и усиливать развитие бездуховности.

Проблема бездуховности усугубляется тем, что в критическом положении находится сфера самого духовного производства — гуманитарные и социальные науки, литература, искусство, театр, кино, образование и воспитание. Сфера духовного производства содергится на голодном пайке, резко сокращается количественно, но главное, теряет гениев, таланты, наиболее способных творцов, которые эмигрируют за рубеж либо в другие сферы российского общества. Престиж профессий сферы духовного производства (философа, ученого, писателя и др.), ценность знания, образования, духовности упала до последнего предела. Общество отчуждается от науки и просвещения. В свою очередь, наука, литература и искусство, переводимые на коммерческие основы, вынуждены производить «рыночную» продукцию, уходя от фундаментальных

духовных проблем, на которые нет спроса. Налицо взаимоотчуждение. Сегодня российское общество и его сфера духовного производства — это две разлетающиеся галактики. В этом разлете — главная опасность дальнейшего нарастания бездуховности. Если Россия не наладит собственное производство своих духовных ценностей, то духовный голод ей придется утолять импортными «продуктами». Это уже происходит, что вполне отвечает интересам «западников» и самого Запада, но находится в полном противоречии с интересами самой России.

Анализ сложившейся ситуации позволяет сделать некоторые общие выводы.

1. «Выбор России» 1991 года — это стратегическая ошибка. Беда заключается в том, что исторический выбор делали люди ограниченные. Не мыслители. Всего лишь — экономисты. И, видимо, слабые экономисты, если судить по результатам их деятельности. Почему и как они победили своих оппонентов, об этом тоже не говорим. Теперь ясно: победили люди, а нестина. Победили технократы, технократический подход к пониманию и объяснению жизни общества. Победили «специалисты», то есть односторонность, однобокость. Победил, как ни парадоксально это звучит, вульгарно-материалистический, грубо-марксистский подход, который проявился в гипертрофированном экономическом детерминизме, для которого характерно полное игнорирование социально-психологического, человеческого фактора.

2. «Реформа» экономики в том виде, как она осуществляется, резко ускорила негативные процессы во всех остальных сферах общественной жизни. Усиливается процесс деградации, саморазрушения нации. Все, что происходит в обществе, носит характер катастрофы с тенденцией к ее расширению и углублению.

3. Глобальная катастрофа порождает множество непрекращающихся катастроф во всех сферах общественной и личной жизни, которые стали повседневным явлением и спутником бытия человека и общества. Переплетаясь между собой в бесконечном многообразии конкретных жизненных явлений, событий и фактов, «малые» и «частные» катастрофы создают в обществе особый дух, особую социально-психологическую атмосферу, которую следует назвать катастрофической и которая формирует

особый, катастрофический тип сознания, панический тип поведения. Сегодня над всеми институтами образования и воспитания, над самим человеком возвысилась жизнь, обстоятельства и условия, которые эта жизнь творит по неведомому и необъяснимому замыслу. Сегодня стихия жизни ломает политические доктрины, сметает правительства, заставляет воевать еще недавно братские народы, бросает в объятия друг друга вчерашних врагов, заставляет разувериться фанатиков и обрести веру вчерашних нигилистов, поверить в Бога заклятых атеистов, а проповедовавших «не убий» — брать в руки оружие и совершать тяжкий грех. Жизнь переучивает и перевоспитывает президентов, министров, академиков, профессоров и учителей — тех, кто ставит цели воспитания, учит и воспитывает. Катастрофическая социально-педагогическая ситуация оказывает мощное, постоянное и особо сильное воздействие на детей и молодежь, на их несформировавшиеся психику, сознание чувства, волю. «Дух общества», среда обитания с их стихийными, неписанными требованиями и принципами, словно гигантский пресс, минут и ломают, часто уродуют взгляды и принципы людей, формируя их на новый лад, зачастую помимо воли самого человека, тем более — молодого, сводя на нет усилия тех, кто пытается его воспитывать, — родителей, учителей, педагогов. Безусловно, каждый, вырабатывая свой взгляд на жизнь, определяя линию и принципы своего поведения, в конце концов сам решает свою судьбу. Но часто он не может «выпрыгнуть» из ситуации, условий или обстоятельств, в которых оказался не по своей воле, а потому, что родился и растет в России конца XX столетия, когда она вновь попала в катастрофу.

4. Условия, в которых оказалось ныне молодое поколение и все российское общество, надо признать **экзистенциальными**. Очевидно, что народ и каждый человек в отдельности переживают состояние глубочайшего потрясения сознания, что ныне первая и главная проблема жизни — выжить, быть живым, существовать. Философия существования, точнее выживания, и есть философия их жизни. Очевидно, что нынешнее бытие человека и общества направлено в никуда, в ничто (рынок — не самоцель для общества, тем более — для человека). При этом сознается неизбежная конечность этого движения в никуда. Отсюда возникшее ощущение «по-

границной ситуации» («или — или»), усиливающееся чувство катастрофичности происходящего. Отсюда лихорадочные искания проектов будущего как способ выхода из неудовлетворяющего настоящего, отсюда хватания за каждую новую надежду и нарастание отчаяния при ее крушении. Отсюда, перед лицом движения в ничто и в никуда, распад общества на «атомы» и «единицы» разрыва общественных и межличностных связей, которые «ничто» соединить не может. Отсюда стремление многих быть самими собой во всех своих планах, без желания видеть ограничения со стороны других, что выражается в крайних формах индивидуализма. Отсюда экстаз разрушения, рожденный абсурдностью ситуации и абсурдным сознанием абсурдного человека.

5. Мало объяснить ситуацию философски. Надо подойти к ней педагогически. Первая задача педагогики (обучения и воспитания), пока социально-экономическое положение в стране крайне неблагоприятно и ухудшается, помочь взрослым и молодежи выжить, учить их выживанию в экстремальных условиях, не пассивно ожидая наступления лучших времен, а учиться выживать через действие, через активное сопротивление обстоятельствам, через саморазвитие и изменение этих обстоятельств в свою пользу. Вторая задача российской педагогики — стать педагогикой жизнетворчества. Ориентиром для общества и государства, их молодежной политики должен стать закон возвышения и одухотворения целей жизни новых поколений.

6. Выход из глобальной, в том числе экономической, катастрофы российского общества возможен при условии, если будут преодолены те причины, которые породили эту катастрофу, и прежде всего: 1) отсутствие у нации объединительной идеи, способной консолидировать и подвигнуть народ на участие в переменах; иначе говоря, ответа на вопрос: куда идти России? 2) отсутствие четкой и ясной для народа концепции реформирования экономики; без ответа на вопросы о том, какими средствами и в чьих интересах осуществляется реформа, власти не могут рассчитывать на понимание и, следовательно, поддержку народа; 3) отсутствие социальных ориентиров и приоритетов, что вызывает у народа не просто недоверие, подозрение, но и растущую вражду и ненависть к существующему режиму. Предотвращение

экономического краха и продолжение экономических и политических реформ требует отказа от нынешней «революционной», «шоковой» модели и замены ее на более умеренную по темпам, ориентированную на интересы людей и потому более жизнеспособную и (в конечном счете) более эффективную.

4. ВОЗМОЖЕН ЛИ ВЫХОД ИЗ КРИЗИСА?

Россия не сможет выйти из кризиса просто и легко: слишком далеко зашли разрушительные процессы, слишком они глубоки. Перелом ситуации в сторону созидания, преодоления всей тяжести проблем и сложности задач потребует неимоверного напряжения всех духовных и физических сил нации, вовлечения в строительную работу абсолютного большинства людей. Выход из кризиса — вопрос не только природного, человеческого, интеллектуального и т. п. потенциала, но и **действенное желание** сделать это. Выход из кризиса станет возможным, если эта задача станет для народа **Общим Делом**, если этому Делу будет сопутствовать единый мотивющий эмоциональный и **Духовный порыв**. Только так и никак иначе. Никакая кучка богачей, как бы ни были велики их капиталы и желания (пока нет ни первого, ни второго, ни третьего), никогда не сможет «воздорить» и осчастливить Россию в стороне от народа и без его участия. Общее Дело и единый Духовный порыв — вот (при всех прочих данных) главное условие выхода России из кризиса. Но именно этот пункт и является самым слабым звеном во всей цепи: страна и народ предельно разъединены, расколоты по многим линиям на многие части, которые, как правило, не взаимодействуют, а противодействуют друг другу.

Глядя в ближайшее будущее, можно прогнозировать самые разные **возможные варианты политического развития России**: 1) продолжение реформ в прежнем виде; 2) продолжение реформ в смягченном варианте и замедленных темпах вследствие центристской переориентации; 3) усиление анархии в политической и экономической жизни вследствие действий леворадикальных сил; 4) военный переворот. Эти сценарии основываются на существовании ключевых, достаточно устойчивых сил, действующих на

российской политической сцене, к числу которых отнесены демократический, а также президентский лагерь, центристские образования, армия, оппозиционные и сепаратистские силы. Данная картина возможного развития событий представлена в весьма упрощенном виде. В действительности существует множество промежуточных вариантов. Огромное значение имеют субъективные факторы, придающие всем прогнозам и реальным процессам изломанный, извилистый, непредсказуемый характер.

Ясно, однако, что сценарий «продолжения реформ», опирающийся на формулу «шоковой терапии» и ее нынешние «хвосты», уже, в сущности, неприемлем. Курс реформ будет неизбежно скорректирован. Таким образом, из перечисленных выше четырех сценариев наиболее вероятными представляются оставшиеся три. Хотя теоретически все четыре сценария могут развиваться последовательно, один за другим. К примеру, «продолжение реформ» (1-й сценарий) может привести к «усилению дезинтеграции и хаосу» (3-й сценарий), реакцией на которые станет, в свою очередь, «военный переворот» (4-й сценарий). Усиление централизации при улучшении дел в сфере экономики и социальной политики может придать реформам ускорение и эффективность, но может завершиться и установлением военного режима, предусмотренного 4-м сценарием, если остановить разруху и хаос не удастся, если будут усиливаться центробежные тенденции в регионах, то есть появится угроза раз渲ала России и т. д.

Существует, однако, весьма распространенная точка зрения, что строить варианты развития событий бессмысленно в принципе, ибо Россия уже настолько разрушена, что фактически превратилась в сырьевой придаток Европы и США, в колониальный регион, находится в полной зависимости от Запада, не способна выйти из кризиса самостоятельно, что России уже никогда не стать великой державой.

На наш взгляд, на сегодняшний день этот вывод преждевременен. При всей драматичности существующей ситуации пока мы можем и должны смотреть в будущее хотя и с осторожным, но все-таки оптимизмом, который основан на реальном понимании вещей. Россия, где сосредоточена основная часть потенциала такой супердержавы, как бывший СССР, несмотря ни на что, пока

во многом сохраняет его; этот потенциал по-прежнему, даже в ослабленном виде, уникален, огромен, превосходит возможности большинства, в том числе многих развитых, стран:

1) с точки зрения плодородных земельных и водных пространств, запасов природных минеральных топливно-энергетических ресурсов всех видов (даже при их варварском использовании, хищническом расходовании, разбазаривании и распродаже) Россия остается богатейшей в мире, самодостаточной страной, имеющей необходимые предпосылки выхода на передовые в мире позиции. Ресурсный потенциал России в расчете на душу населения превосходит тот же показатель для США в 2–2,5 раза, Германии – в 6 раз, Японии – в 18–20 раз и т. д. (Российский экономический журнал. 1994. № 1. С. 52);

2) материально-техническая база, несмотря на физическую и моральную старость и устаревание, продолжает оставаться в числе крупнейших. Космос, авиация, военная промышленность, энергетика – это области, в которых мы пока все еще выглядим достойно;

3) уровень развития образования, фундаментальных и прикладных, естественных и технических наук, несмотря на сокрушительные удары, нанесенные им в последние годы, в основном соответствует мировым достижениям, а в отдельных областях по-прежнему превосходит их. Научно-технический потенциал России в целом все еще является одним из самых высоких в мире;

4) обеспеченность квалифицированными кадрами всех отраслей промышленности, сельского хозяйства, образования, науки и культуры пока удовлетворительная;

5) российский народ все еще обладает огромным интеллектуальным потенциалом, одной из богатейших в мире культур, выдающимися качествами, столь необходимыми в критические моменты истории (патриотизм, самоотверженность, упорство, тяга к сплочению и др.), которые он не раз уже проявлял в массовом и огромном масштабе. Человеческий капитал – главное богатство России, благодаря которому при умелом его использовании множится экономический потенциал России;

6) успеху благоприятствует то, что экстаз саморазрушения старого общества постепенно теряет энергию. В низовых слоях российского общества быстро растет понимание безуспешности «ре-

форм сверху», неверие в центральную власть и в противовес этому — нарастает уверенность народа, здоровой части предпринимательского слоя в свои собственные силы, в необходимость строить порядок из хаоса на обратных связях — «снизу вверх». В обществе возникает все больше точек и зон экономического, духовного, нравственного и культурного роста, появляется все больше передовых людей, которые символизируют эти точки роста и которые постепенно образуют ведущий слой нового российского общества, способного выполнять роль духовного вождя народа. В этом залог того, что Россия может прогрессировать и развиваться. И чем быстрее эти точки, зоны роста и передовые люди будут резонировать и объединяться между собой, тем быстрее будет наращиваться ведущий слой, тем выше будут темпы развития России.

Выход России из кризиса, реформы — это и есть то Общее Дело, которое должно, по логике вещей, вызывать вдохновение и Духовный порыв у российского народа, что же еще? Но не вызывает. И дело не только в том, что слишком долго нет позитивных результатов, изменений к лучшему: сколько терпели и ждали, подождали бы и еще. Исчезла вера. Нет веры президенту. Нет веры правительству и властям вообще. Остался Бог, но, видно, он забыл о России. Остался сам народ, и осталась сама Россия. Народу осталось единственное — поверить в себя и свои силы, поверить в Россию и светлые начала в ее судьбе.

Довольно создавать новую Россию на «авось», по подсказкам из-за рубежа, вопреки народу и помимо него. Народ отвергает и будет отвергать то, что не отвечает его представлениям и интересам. Народ делает то, что ценит, о чем мечтает, во что верует. Идея, идеал, вера, убеждения и порыв в такой разломной ситуации, как нынешняя, порой важнее самой реальности, даже такой ужасающей и иногда кажется — беспросветной.

Довольно дурачить народ, называя реформами то, что во многих отношениях реформами не является, искажая и отталкивая от них людей, в то время, как «застой реформ», который сейчас наметился, в интересах лишь тех сил, которые уже получили то, о чем недавно даже и мечтать не смели. Реформы теперь, как никому, нужны народу, брошенному в бедность и нищету. Но это

должны быть именно народные реформы; реформы в интересах всех, а не мизерного меньшинства.

Довольно вдалбливать в народное сознание мысли о том, будто объединить нас смогут рынок, частная собственность и т. п. ценности. Их роль велика, но не всесильна. Они входят в систему ценностей, без которых России не обновиться, но не они вершат эту систему. Личность, народ и нация — вот что составляет, вершит ее. **Россия — вот высшая ценность и святыня**, которая вбирает в себя и личность, и народ, и нацию и которые они религиозно почитают.

Смысл жизни — в самой жизни. Чтобы жить, надо быть как минимум живым. И в спорах по поводу общей объединительной идеи, которой все мы должны служить, подход должен быть такой же. **Россия — вот наши Идея и Вера**. Есть Россия — есть и о чем говорить. Развалим, погубим ее — будем стонать и сожалеть как по убиенному СССР, да поздно и бесполезно будет.

Чтобы предотвратить угрозу распада России и дезинтеграцию общества, первое, что должны сделать власти, — поставить правовые пределы, до которых можно вести переговоры и бороться за разграничение прав и полномочий центра и регионов, но переступать которые **недопустимо ни при каких обстоятельствах**, ибо это грозит жизни России. Переступивший эту грань — преступник, и с ним следует поступать соответственно. Реформы теряют всякий смысл, если в ходе их будет продолжаться разрушение общества и государства, деградация нации и человека. Без ответа на вопрос: **куда** — в какую сторону, в какое будущее, в какое общество, под флагом каких идей и ценностей движется Россия, в какой мере перемены отвечают интересам народа и различных его слоев, как будут осуществляться намечаемые перемены и т. п. — дальнейшее реформирование недопустимо. Проблема, таким образом, не в том, проводить реформы или нет (проводить!), а в путях и средствах их осуществления.

Следовательно, второе, чем пренебрегли власти и что следует сделать обществу, ответить на вопрос: «Что такое — Россия?» Какой все-таки смысл мы вкладываем в это понятие **сегодня**, через 172 года после того, как в 1823 году в «Обществе любомудров» князя Одоевского был поставлен этот вопрос и стало ясно, что он

судьбоносен для России, чрезвычайно сложен, чтобы ответить на него просто и «одним словом»; после того как «славянофилы» и «западники», выросшие из этого кружка, нашли массу аргументов каждый в свою пользу без особого желания слышать и понимать оппонента; после того как Г. В. Плеханов первым подметил, что России, пожалуй, не следует впадать в односторонность, а надо смотреть и на Запад, и на Восток; после того как советская власть сняла с повестки дискуссии по этому поводу уже самим фактом существования огромного СССР, в котором азиатские и восточные республики занимали огромные пространства, не говоря о других «доказах» и «аргументах»; после того как весь мир и Россия, Восток и Запад за прошедшие столетия стали неузнаваемо иными.

С тех пор все изменилось, многое кануло в Лету, исчезло, а вопрос «Что такое — Россия» и, стало быть, в какую сторону (на Восток или на Запад) ей двигатьсяся, — остался, снова обрел первостепенное, исключительно практическое значение. Российское общество расколото ныне не только по тем основаниям, о которых говорилось, но и по линии Восток—Запад. Более того, именно отсюда берут свое начало многие другие конфликты. Дело не только в том, оказавшись у власти и надев на себя тогу «демократов», радикальные «западники» получили возможность и успели реализовать немалую часть своих идей и замыслов. Дело в той пропасти, которая образовалась между «западниками» и «славянофилами». С разной степенью точности радикал-«демократы» именуют их «патриотами», «националистами», «державниками» и т. п., что, по их понятиям, одновременно означает «антиреформаторы», «прозвозвестники прошлого», тянувшие Россию назад. Кажется, еще немного и «западники» назовут себя «белыми», а «патриоты» станут «красными» (не исключено — «коричневыми»), и станут, как это уже было, именовать друг друга «врагами».

5. ЧТО ТАКОЕ «РОССИЯ»?

Рассуждения об идентичности (самобытности, самосознании, самоопределении) России вовсе не теоретические изыски. Каждый народ и человек стремится к целостному и непротиворечивому

представлению о собственной истории и самого себя как «души» той страны, гражданином которой он является. Там, где этой целостности нет, там непрестанные конфликты (Белфаст — в Великобритании, Квебек — в Канаде, Сербия — Хорватия в бывшей Югославии, Чечня — в России и т. д.). Там, где эта целостность понимания прошлого и будущего существует, — там историческая стабильность, преемственность эволюционно-накопительного развития и как следствие — богатство и благополучие. Без ответа на вопрос: «Что такое Россия» — невозможно правильно определить стратегию реформ, геополитический курс российского государства, приоритеты внешней и внутренней политики. Без этого невозможно выработать перспективы развития, идеологию и цели образования и воспитания новых поколений россиян. Это первый и главный вопрос стратегии развития, без ответа на который тактика реформ всегда будет «хромать» и сводиться к методу проб и ошибок, которым наши власти грешат ныне. Ответ на этот вопрос должен внести успокоение в умы и души людей, а с этим — стабилизировать общество и уберечь его от срыва в гражданскую войну и истерику по поводу давнего и недавнего прошлого. Тут нужны активные дискуссии и согласие.

Изложим кратко наши главные позиции. Исходная ошибка, которая, на наш взгляд, порождает непримиримость в понимании прошлого и подходов к будущему России, лежит в представлении об истории как таковой. Нормальным и естественным для массового, обыденного сознания (речь о миллионах обычных граждан, а не сотнях или даже тысячах рафинированных интеллектуалов) является линейное представление о социально-историческом процессе. Согласно такому взгляду (несколько упрощенно) все страны и народы должны пройти одну и ту же дистанцию до некоей общей финишной ленточки, выстраиваясь и двигаясь в затылок друг другу, обгоняя соперников или отставая от них в зависимости от сил, мастерства и времени старта (одни выдохлись, «рванув на десять тыщ, как на пятьсот» (В. Высоцкий), другие засиделись на старте и т. п. Но всем суждено повторить путь тех, кто впереди. Согласно нынешним представлениям о прогрессе, главным и совокупным показателем которого является **материальное богатство и уровень потребления** общества, — это, конечно же,

Запад. Логично поэтому, стремясь к тем же благам, позаимствовать у него те способы, методы и формы деятельности, с помощью которых он достиг успехов. И сделать это в кратчайшие сроки, взяв как можно больше. По сути — скопировать, **повторить** опыт.

Однако линейный подход к пониманию истории беден, страдает неполнотой, односторонностью, одномерностью. История — не линия и не плоскость, а объем, многоцветный галоген, в котором прошлое, настоящее и будущее человечества, ценности различных времен и цивилизаций перемешаны, переливаются, спрятаны, противоречат и противодействуют друг другу. То, что хорошо для одних, плохо для других, а «хорошее» и «плохое» для первых и вторых безразлично третьим, ибо они веруют и исповедуют совсем иные истины. Различно у разных народов и цивилизаций само понимание прогресса. Трудно представить, что когда-то в мире установится некая **единая, универсальная, унифицированная цивилизация** вместо нескольких, которые существуют ныне. В это якобы образующее единое цивилизационное пространство ярые «западники» приглашают и Россию. В одном случае, чтобы выйти из «исторического тупика», она должна преодолеть «груз прошлого», в другом — изменить вектор своего развития, свой цивилизационный облик, в частности характер самого народа — «отсталого», «дикого», чтобы таким образом избежать «социальной смерти», «погружения в историческое ничто». Иные договариваются до того, что Россия — это вообще «пустота», что возрождать в ней, собственно, нечего.

Давайте на момент согласимся со всем этим. Допустим, что все так и есть, все так и будет: когда-то исчезнут разнородные цивилизации, в частности, не станет христиан, мусульман, католиков, протестантов, иудеев... Когда это случится? Через пятьсот, тысячу, две тысячи лет? На этот вопрос никто не ответит наверняка. Как никто из серьезных людей не станет утверждать, что это возможно в принципе.

Зададимся другими вопросами. А есть ли у человечества такое долгое будущее? Как чувствует, сознает и оценивает себя сам Запад, образ жизни которого нам предлагают взять за несомненный идеал? Оказывается, по этому поводу существуют совершенно определенные позиции.

В июне 1992 года, как раз в тот момент, когда Россия начала бурное и безоглядное движение в сторону Запада, в Рио-де-Жанейро (Бразилия) состоялась Конференция ООН по окружающей среде и развитию на уровне глав государств и правительств. Главный вывод Конференции: глобальные изменения в окружающей среде вследствие индустриального периода развития человечества (и прежде всего Запада. — *И. И.*) происходили за счет и в ущерб природе в такой степени, что поставили планету и человеческое общество на грань возможности *скорой катастрофы*. Парадигма развития, в которой главным элементом была погоня за максимальной прибылью (т. е. капитализм. — *И. И.*) исчерпала себя и не может быть больше основной движущей силой прогресса. Следование путем, по которому двигалось человечество, далее невозможно. Необходимо выравнять уровни развития стран и доходы всех слоев общества, регионов, рационализировать потребление различного рода природных ресурсов, устанавливать разумные пределы личному потреблению и т. п. «Процессы экономического роста, — заявил в своем докладе Генеральный секретарь названной Конференции Морис С特朗г, — которые порождают беспрецедентный уровень благополучия и моци богатого меньшинства, ведут одновременно к рискам и дисбалансам, в одинаковой мере угрожающим и богатым, и бедным. Такая модель развития и соответствующий характер производства и потребления не являются устойчивыми для богатых и **не могут быть повторены бедными**». Речь идет не об отдельных бедных людях, а о бедных странах. Между тем «бедная» Россия уже встала на путь повторения западной модели развития, характера производства и потребления, которые сам Запад отвергает. Разве это не парадокс?

Конференция пришла к выводу, что естественную эволюцию должна заменить идея «устойчивого (согласованного, допустимого) развития», то есть такая модель движения вперед, при которой достигается должный баланс между решением социально-экономических проблем и сохранением окружающей среды, удовлетворения основных жизненных потребностей нынешнего поколения людей без лишения такой возможности *будущих поколений*. Декларация Рио включает в себя 27 рекомендательных принципов, в рамках которых раскрываются существо и цели

реализации концепции устойчивого развития, соотношения национальных и общечеловеческих интересов, роль государства и различных слоев населения, в том числе молодежи. Решения Конференции расценены как начало сознательного **поворота человечества на принципиально иной, новый путь развития**. Под заключительной декларацией «Повестка на XXI век» поставили подписи руководители 179 стран. «Или будет спасен весь мир, или погибнет вся цивилизация», — заявил Генеральный секретарь Конференции ООН Морис Стронг в своем докладе.

Заметим: политические мотивы не позволили в полной мере открыть народам мрачные горизонты цивилизации в том виде, в каком они видятся ученым, готовившим материалы этой Конференции. Мы знаем только часть правды. О чем молчат ученые? По тем же самым политическим мотивам о решениях Конференции в Рио-де-Жанейро широкую общественность практически не информировала российская пресса, и только через 20 месяцев (4 февраля 1994 года) Президент РФ издал Указ о разработке проекта концепции перехода РФ на модель устойчивого развития, хотя под заключительной Декларацией Конференции стоит и подпись России. Сейчас в ходу уже более 30 вариантов концепции. 16 мая состоялись парламентские слушания «О разработке национальной стратегии устойчивого развития России». Обсуждались в основном три варианта Концепции устойчивого развития России: официальный (правительственный) и два альтернативных, которые представляли академики В. А. Коптюг и Н. Н. Моисеев. Единой принятой концепции устойчивого развития России пока нет.

Сделаем выводы, важные для дальнейших рассуждений.

1. Сегодня в кризисе экономика и общественно-политическая система не только России, но и всех стран мира, в том числе и развитых стран Запада, хотя этот кризис проявляется в разной степени остроты; в кризисе не только эти сферы, но — прежде всего существующая система духовных и нравственных ценностей, которые во многом изжили себя.

2. Безоглядная ориентация России на Запад и его систему ценностей — это шаг не в будущее, а в прошлое. Запад (как и Вост-

ток) — это для России **только опытом**, но не образец для слепого копирования.

3. Сегодня бессмысленно рассуждать о будущем России с позицией **желаемого**. Положение дел на планете и в самой России таково, что говорить о движении вперед имеет смысл только в рамках реально **возможного** и объективно **необходимого**. Пределы «возможного» поставлены природой, катастрофическим положением окружающей среды; поле допуска «необходимого» определено историческим опытом развития передовых индустриальных стран.

Итак, если не Запад — не «космополитический», «либеральный» проект с его однозначной ориентацией на Западную Европу, США, предполагающий построение в «заблудшей» России экономических и политических институтов западноевропейского и американского образца, — то что же?

Существует несколько (кроме «западнического») вариантов самоопределения России, за каждым из которых стоят определенные политические силы.

1. «Россия — для русских». В этом варианте Россия понимается не как гражданская (все живущие во Франции — французы, все живущие в США — американцы и т. п.), а как этническая общность. Русские в России — это титульная (основная) нация, все иные народы и нации — «второго» сорта. Русский национализм противостоит проекту гражданской нации, ибо ключевым элементом его платформы и словаря является идея русской этноации и России как национального государства русских. Лидеры националистической Русской партии выражают это кредо следующим образом: «В России должны править русские... У России должно быть русское правительство, русский парламент из этнических русских, принадлежащих Великой Нации по крови и по духу... „Все для нации — и ничего против нации“ — этот лозунг должен быть в голове, в душе и в крови каждого русского, потому что мы все только клетки одного великого организма по имени Нация». Тех же принципов придерживается и партия Российского национального единства во главе с А. Баркашовым.

При том что в России 85% населения — русские, этот проект является чрезвычайно опасным для целостности России. Его реализация привела бы к множеству межнациональных конфликтов

и войн, на фоне которых войны в Югославии и Чечне показались бы детскими играми. Тем более что из рядов сторонников этого варианта российского пути самоопределения и раздаются призывы силой восстановить Российскую империю в границах 1913 года и даже более широких.

2. «Особый российский путь» — вариант самосознания, в котором российская культурно-политическая общность понимается настолько отличающейся от европейской, западной цивилизации, что говорится даже об особых законах развития российского общества. Сторонники этого варианта призывают к православному возрождению, возвращению к нравам предков и т. п. На наш взгляд, призыв этот столь же наивен, как лозунг некоторых «зеленых» «Назад к природе». Вариант отличается прямолинейностью и упрощением сложностей мира, образует пропасть между Западом и Россией. В этом смысле он также бесперспективен.

3. На наш взгляд, преодоление прямого противостояния нынешних «западников» и «славянофилов» (сторонников исключительной судьбы России) надо искать в современном понимании истории как процесса многолинейного, разнообразного и многомерного. Еще Г. В. Плеханов в свое время первым указал на разнообразие направлений исторического развития России, ее стремление к интеграции как с Западом, так и с Востоком.

С той поры прошло без малого сто лет. Жизнь ответила на многие вопросы, которые были предметом сугубо теоретических, порой схоластических споров «западников» и «славянофилов». Сегодня ясно: с одной стороны, Россия начиная с XVIII века и поныне развивается социокультурно во многом по европейской логике, проходя те же фазы в искусстве (классицизм, сентиментализм, реализм, романтизм, авангардизм) и в мышлении (эпоха Просвещения, материализм, позитивизм, постпросвещенческий идеализм, феномены массовой культуры). Россия стала высокообразованной, атеистической страной, индустриальной державой. Этап строительства коммунизма представлял собой глобальный эксперимент по проверке на жизненность материалистического (на самом деле — идеалистического), коллективистского мировоззрения и т. п. Одним словом, как раньше (XVII и XIX), так и в XX веке между Россией и Западом, западной и восточной цивилизациями не было никакой

пропасти. И до 1917 года, и после культуры СССР, и прежде всего России, воздействовала на западную культуру, и наоборот. И то, что коммунистический эксперимент (идеи которого, как известно, пришли в Россию с Запада) закончился провалом, еще ничего не говорит плохого о существе некоторых из этих идей (скажем, социальной справедливости и т. п.).

Надо иметь в виду и то, что на момент провала коммунистического эксперимента приходится провал и другого глобального опыта по проверке западноевропейских идей pragmatизма и индивидуализма в ходе строительства капитализма, проходившего в Европе, США и других странах. *Приговор этому эксперименту* (то есть самой себе) *западная цивилизация вынесла в июне 1992 года* — на год позже развода СССР — в Рио-де-Жанейро, о чём уже говорилось.

Подводя итог в целом, можно сказать, что крах потерпели крайности: «идеализм — материализм», «коллективизм — индивидуализм», «стихийный рынок — централизованная экономика», «священная» частная собственность — «священная» общая собственность и т. п. Наступает эпоха Синтеза: философии реализма, которая синтезирует философию идеализма и философию материализма; регулируемого рынка, смешанных форм собственности, смешанной экономики, социально ориентированного государства и т. д. То же происходит и в сфере культур, цивилизаций, которые обречены не на войну, а на взаимодействие, взаимопроникновение, взаимообогащение, в процессе которых каждая культура сохранит свою самоценность. И никто не вправе критиковать, тем более унижать другую культуру, цивилизацию, кроме их представителей. И никто не должен комплексовать от того, что «я не такой, как другие».

Многое изменилось в мире. Мы больше и многое знаем, но, увы! — все также мало понимаем, особенно когда не хотим пронимать, хотя многое так просто и очевидно. Как и много веков назад, Россия своей меньшей, но наиболее развитой частью находится в Европе, а своей большей, но менее заселенной и развитой — в Азии. Как и много лет назад, спросив азиата: «Что такое Россия?», вы услышите в ответ: «Это Европа», а европеец на тот же вопрос скажет: «Это Азия». А образованный россиянин найдет

в себе черты и мысли как европейца, так и восточной культуры. И что во всем этом плохого?

Несомненно, что Россия имеет равновеликие жизненные интересы как в Европе, так и в Азии. Наша страна веками складывалась как евроазиатская держава. Как можно оспаривать данную истину? Однако нельзя согласиться с теми, кто на основании этого говорит о какой-то «особой» евроазиатской природе России. Разве можно забыть, что Россия создавалась и во многом развивалась благодаря движению с Запада на Восток? И наша религия, и наша культура имеют, несомненно, европейский характер. Это — опять-таки неоспоримая истина. Она, разумеется, не опровергает того тезиса, что Россия сформировала особый тип культуры, да и нации, на основании чего Данилевский, а позднее Тайнби говорили, что Россия — это особая цивилизация. И это удивительное смешение Востока и Запада — наше огромное достояние.

Странно выяснить, что для России важнее — Европа или Азия. Мы в равной степени обречены глядеть и налево, и направо. Россия — это мост между Западом и Востоком, и в этом ее огромное геополитическое преимущество, которое она по-настоящему еще не использовала. И разве не огромное благо — возможность брать все лучшее от восточной и западной культур, добавляя его в свое, родовое? Усваивать, а не насаждать насилино, брать не механически, не наслоениями, а ассимилировать органически, естественно, эволюционно — избирательно, то есть только то, что отвечает духу народа и потребностям развития общества.

Западная модель развития в «чистом» виде не подходит России хотя бы по той простой причине, что, если говорить всерьез, никакой чистой «западной модели» просто не существует. Даже между странами Европейского союза есть весьма заметные различия, а уж если сравнивать США и Японию, Италию и Канаду и т. д., то разница будет вообще огромна. Все эти страны в полной мере учитывают свою специфику, что не помешало им добиться совместимости. Конечно, и мы должны идти по своему собственному, а не по какому-то «особенному» пути с учетом наших особенностей и традиций, вместе с тем думая о такой же совместимости с другими «успешными» странами. Они смогли достичь успеха, и нет никаких объективных причин, мешающих нам сделать то же самое.

Заимствование западного, как всякого иного опыта, — дело необходимое и неизбежное. Для нас это не вопрос принципа, а вопрос меры и метода. Социальные ценности, которые мы берем, а тем более когда их нам настойчиво предлагают, навязывают, необходимо оценивать, отбирать на предмет их пригодности, прививляемости на российской почве. В освоении этих ценностей Россия должна быть избирательна, а не всеядна. **У России есть единственный выход — саморазвитие.** С использованием мирового, и прежде всего европейского опыта и помощи, но в первую очередь — своего собственного, российского, в том числе советского опыта реформ, тех их форм и методов, которые доказали свою эффективность и привели к успеху, позволили превратить СССР в супердержаву с могучим промышленным и научно-техническим потенциалом. Природные, материальные, интеллектуальные, духовные и творческие потенции России и ее народа огромны. Их реализация — вопрос политики, основанный на вере и убежденности в том, что Россия в состоянии развиваться как самоценная субцивилизация, имеющая индивидуальный и относительно замкнутый характер. Именно в этом качестве мир нуждается в России, а Россия открывается ему в целях взаиморазвития.

Итак, у России не «особый», «исключительный», а «свой», как у каждой страны, — **свой путь.** С большим правом, в силу многих особенностей (географические пространства, природные богатства, климат, geopolитическое положение, особенности в истории и национальном характере и т. п.) о России можно сказать, что она — единственность, субцивилизация и, может, даже цивилизация и т. п. Но не это главное в момент самоосознания. Важно понять: 1) России не на кого надеяться, кроме как на себя. Наш принцип и девиз: «Саморазвитие! Опора на собственные силы!»; 2) Россия может восстать из разрухи, ибо а) в истории России уже были смутные времена и такого рода ситуации; б) Россия во всех отношениях **самодостаточная страна.** Наш принцип и девиз: «Вера в Россию и ее народ!»; 3) Россия должна осознать себя как **единая гражданская** (а не этническая) **нация**, ибо это является главной предпосылкой ее успешной модернизации, как это было с Турцией, Японией и другими странами. Наш принцип и девиз: «Мы — патриоты России. Наш долг — служение ей!»

6. КУДА ИДТИ РОССИИ?

Ошибки в выборе направления общественного движения и развития, способа достижения субъективно выбранной цели всегда оплачивались бедствиями и лишениями многих поколений.

Нередко даже из уст президента страны можно услышать, что «народ России сделал свой выбор». Но кто спрашивал народ, хочет ли он испытать на себе «шоковую терапию»? Никто. Несоветовались с народом и по поводу того, когда, в каких темпах и каким способом проводить приватизацию. Более того, против воли народа развален СССР. Да и сейчас, когда всем видно, к каким последствиям привели эти и другие шаги, о народе вспоминают все и перед выборами. За согласие принимаются народное молчание и терпение, с которым он переносит все тяготы, лишения и страдания. Единственно, что отвергло большинство народа (об этом свидетельствуют все опросы), — тоталитаризм, господство коммунистической идеологии и одной-единственной партии. Единственно, за что он высказывается вполне определенно, — за перемены, ожидая от них лучшего.

Но и сказать, что Россия все еще стоит на распутье, тоже нельзя. Пришпоренная «шоковой терапией» в 1992 году, она вскачь несется под уклон. Не к лучшему, а к худшему. Не вверх, а вниз, что находит выражение в определениях «дестабилизация», «дезинтеграция», «деиндустриализация» т. п. Не созидание, а разрушение; не прогресс, а регресс. Кого устроят такие перемены? Только тех, кто получает от них выгоды, у кого нет совести и чести. Народу такие перемены не нужны.

Закономерно встает вопрос: куда же идет Россия? Говорят: от социализма в капитализм. Происходящее предлагается считать капитализацией общества в противовес тому, что прежде объявлялось социальной ориентацией. Допустим, что это так. Во всяком случае, похоже. Но так ли это на самом деле? О каком «капитализме» мы говорим? «Дикий» капитализм как первичное порождение идеологии либерализма, основанной на принципах полного отрицания государственной собственности, абсолютизации частной собственности, сведении к минимуму социальной функции государства, абсолютно свободной конкуренции,

в природе современного общества отсутствует. Что делать в этом «диком», раннем капитализме России, которая и ныне является индустриальной, а вчера была высокоразвитой страной? Она давно прошла эту стадию.

Зародившись сотни лет назад, капитализм не стоял на месте, а развивался: из «дикого», «стихийного», каким его изучал К. Маркс, он трансформировался в сторону повышения роли государства и известной планификации экономики, социализировался под натиском трудящихся масс и воздействием угрозы коммунизма с его призывами к социальному равенству и справедливости. Сегодня нет ни одной страны, где бы государственная собственность составляла менее 15% (Япония). В ряде стран эта доля гораздо выше (в Южной Корее — около 60%). Нигде нет «свободного» рынка, но везде есть государственное регулирование, которое различается лишь по формам, методам и степени жесткости. Нигде не найдете и «свободных» цен, «свободной» конкуренции, но всюду обнаружите борьбу с монополизмом, государственную поддержку малого и среднего бизнеса, а также регулирование цен через регулирование совокупных спроса и предложения, финансовую политику государства.

Короче говоря, для передового современного мира характерны пять ярко выраженных характеристик состояния и развития: 1) смешанные формы собственности с непременным присутствием частной собственности как основы жизни и гаранта свободы; 2) рыночные отношения в сфере экономики с элементами общественно-государственного регулирования; 3) социальная ориентация как борьба за улучшение условий жизни всего населения при ограничении сверхдоходов «капиталистов»; 4) демократизация, то есть создание такой системы власти и образа жизни, при которых социализация могла бы сохраниться; 5) гуманизация, то есть внедрение в сознание людей и общества таких ценностей, которые бы оптимизировали, очеловечивали их отношения с природой, социальным миром и между собой, сохраняя жизнь и возможность социализации и демократизации. Как называть общество, в котором эти ценности доминируют? Капитализм? Хорошо. Но именно этот во многом привлекательный **капитализм вынес себе приговор** в Рио-де-Жанейро, заявив, что

человечество должно незамедлительно встать на принципиально иной путь развития во многом с совершенно иной системой духовно-нравственных ценностей.

Итак, модель «устойчивого развития»? С точки зрения логики все выглядит абсолютно верно, хоть и непривычно. Не считаться с теми императивами, которые поставила природа в ходе истории, невозможно. Россия вынуждена и будет развиваться в рамках «устойчивого развития». Но если глядеть на вещи реалистично, то, как ни печально, эта идея предстает как очередная утопия, по поводу которой можно строить много планов и надежд, но осуществиться которой не суждено. Кто и как реально может определить пределы «разумности», «рациональности» потребностей в обществах потребления, которые символизирует сегодня вся Европа (за исключением Восточной) и США? Как заставить богатые страны Севера поделиться своими богатствами с бедным Югом, а миллиардеров и миллионеров отдать хотя бы часть своих денег нуждающимся? Как обеспечить на планете мир, без которого нет «устойчивого развития», если катастрофически быстро нарастает нехватка ресурсов и территорий, вражда между нациями и религиозными фундаменталистами? Россию и дальше будут разрушать как изнутри, так и снаружи. О стабильности, разумности, рационализме и устойчивом развитии приходится только мечтать.

В то время как в России продолжаются горячие дебаты о развитии страны по капиталистическому или социалистическому пути, об ориентации на Запад или на Восток, передовые страны того и другого вступают в эпоху глубоких перемен, не укладывающихся в традиционную схему смены общественных формаций. Это будущее общество называют по-разному: «постиндустриализм» (Д. Белл), «информационное общество» (И. Масуда), «техническое общество» (О. Тоффлер), «общество знаний» (П. Дракер). Но никто не именует будущее ни капитализмом, ни социализмом.

Это значит, что в принципе России надо вырабатывать такую философию развития, в основе которой лежали бы идеи, позволяющие жить и развиваться в тех условиях, которые характерны для современного мира.

Первый вопрос, который должны были задать себе идеологи радикальных реформ, прежде чем начинать их: кто мы?, точнее — что

представляли собой бывший СССР и Россия как его основная часть? Как и у всякого сложного вопроса, у этого тоже есть несколько ответов. На наш взгляд, общество и государство под названием «СССР» представляли собой (как в случае со Швецией, Данией и т. п.) ту крайность, которая могла быть названа как «реальным социализмом», так в равной степени и «государственным капитализмом», где государство было фактически единственным собственником, главным эксплуататором и капиталистом, присваивающим прибыль через партийное и государственное чиновничество, обеспечивающее низкий, но терпимый уровень существования населения. Но это было, безусловно, высокоиндустриальное, высокообразованное общество с достаточно высокой производительностью труда, позволяющей ему по всем основным показателям занимать достойные места в числе передовых стран Европы и мира. Иначе говоря, у этого общества были все предпосылки для перехода на новый, более высокий уровень развития, но никак не назад. Происходящее ныне в России свидетельствует о том, что «капитализм» не создается сознательно, а формируется стихийно на основе идеологии либерализма в ее изначальном, классическом варианте. Естественно, что он обретает все черты капитализма раннего, «дикого». И то, что страна отброшена на десятилетия в прошлое, — величайшая беда. Самое страшное из всего происходящего — deinдустириализация, то есть уничтожение промышленности, производства, высокотехнологичных отраслей промышленности России, создание которых потребовало сверхусилий народа, огромных жертв, в том числе миллионов человеческих жизней, фантастических средств. Теперь наша экономика лежит в руинах. Техника устарела физически и морально, разломана, разворована. Производство на грани остановки. И все же, как было показано в предыдущей главе, у России пока есть основания надеяться на возрождение, если будет остановлено хотя бы падение. Мы все-таки должны смотреть вперед, а не назад.

Несомненный факт: Россия стала свободной страной, *открытой системой*, для которой, как для всякой открытой системы, характерны исходная *неравновесность*, нестабильность, нелинейность и *необратимость* развития. Это значит, что наше общество открыто для постоянных инноваций и «возмущений» как

изнутри, так и со стороны, что в своем развитии Россия в поисках устойчивости будет двигаться не по «генеральной линии», а «рыскать» в социальном пространстве, как парусник в море, ищущий ветра в свои паруса. И значит, стабильность и равновесие в обществе всегда будут относительными и временными. Нестабильность — это то новое, что пришло в нашу жизнь, что так непривычно и тревожно для нас, привыкших к штилевому образу жизни. Но так теперь будет всегда. И новые поколения будут считать это естественным и нормальным. Мы должны учиться жить в условиях прогностики непредсказуемого, формировать культуру жизни в условиях непредсказуемости. Знания и творчество — вот единственное оружие, с помощью которого общество и человек могут выстоять перед неопределенностью завтрашнего дня, плюс характер, воля, здоровая психика, позволяющие выдерживать стрессовые перепады, рождаемые постоянством перемен.

Будущее нельзя планировать, как это было прежде, о нем следует говорить в терминах самоорганизации с элементами регулирования со стороны государства при общем стремлении к определенным ценностям, совокупность которых и составляет «идеал» общественного развития.

На новом этапе развития Россия, на наш взгляд, не может конструировать социально-политическую систему с определенным названием, а должна двигаться в будущее на основе поиска оптимального соотношения прямых и обратных связей в системах власти, социального управления и экономике, организации и самоорганизации, управления из центра и местного самоуправления, личных и общественных, коллективных и индивидуальных интересов и т. п. в зависимости от конкретных ситуаций и возможностей. Доминирующими признаются демократические социальные технологии (выборы, переговоры, референдумы, опросы общественного мнения и т. п.), принципы солидарного партнерства и солидарной ответственности.

Надо признать — об этом свидетельствует вся история человечества, что идеального общественного строя создать нельзя. Абсолютный общественный идеал — не в очередной утопии, призванной завершить и увенчать историю, а в бесконечности развития, в непрерывном совершенствовании человеческой при-

роды и человеческих отношений. Антиутопизм — вот основа современной идеологии общественного развития, смысл которого заключается в достижении новых, более совершенных форм общественных отношений, более высокого духовного уровня и жизненных условий людей. Не следует понимать историю и прогресс как процесс, обусловленный исключительно законами развития и успехами экономики, материального производства, народных масс, и в равной мере ошибочно видение истории как произвольного творческого акта отдельных личностей, в котором народ выведен за скобки происходящего, используется лишь как средство, «пушечное мясо» или «материал реформ». Очевидно, что и в этом случае формула «или — или» неприемлема. Нужно искать оптимальный вариант. Истина заключена в подходе «и — и», лежит посередине. Антиутопизм — это мысль о практической невозможности построения «светлого будущего» по заранее начертанным схемам, как бы это будущее ни называлось — «коммунизм», «социализм», «рынок», «капитализм» и т. д.

Сторонникам идеи возврата назад к планово-централизованной, командно-административной системе (а таких немало) важно понимать, что возможности для этого просто нет. Не потому, что пытаться плохо, а идти вперед лучше. За 10 лет в экономике России уже произошли перемены, игнорировать которые независимо от того, хороши они или плохи, может только авантюрист еще больший, чем тот, который взял на вооружение «шоковую терапию». Это значило бы подвергнуть общество новому «шоку» и снова без всякой терапии — через борьбу и войну, через кровь. Этого общества не выдержит. Попытка вернуться в прошлое — верный путь к гибели России.

Давайте перестанем крутить головой по сторонам и прежде чем заглядывать за горизонт, посмотрим себе под ноги, на себя. Кто мы (Россия) сегодня? Уже не «социализм», еще не «капитализм». Уже есть (хоть и крайне слабый) частный сектор производства, но еще есть довольно сильное (в смысле владения собственностью, финансами и т. п.) государство. Уже есть (пусть «дикий») рынок, но при желании нетрудно наладить его государственное регулирование. Уже есть частная собственность и небольшой класс капиталистов, но основная часть собственности в руках го-

сударства. Уже есть новые формы и методы хозяйствования, но и старые еще живы. И т. д. Иначе говоря, налицо смешение различных типов общественного устройства, экономик, собственности, форм и методов управления ими. Россия сегодня — это уже смешанное общество. Такова реальность. Не будем сейчас рассуждать на тему, как переплетаются, взаимодействуют, как глубоко взаимопроникают названные разнородности. Важно, что они существуют, а общество пока выживает. Вопрос: а смогут ли выжить и развиваться параллельно друг с другом существующие формы жизни? И если (допустим) это так, то нельзя ли как бы «заморозить» это смешанное состояние и принять его за норму, за модель, которой и следовать на практике? Может, пора избавиться от мировоззрения, предполагающего прогресс лишь на путях противопоставления социализма и капитализма? Довольно думать, что капитализм — это только «хорошо» и «отлично», а социализм — это только «плохо» и «очень плохо»? Кажется, за последние годы все мы получили возможность убедиться, что это не так, что не все плоды капитализма сладкие и не все при социализме было горьким. Теперь поднимем голову и оглянемся по сторонам: может, где-то в других странах уже есть такое смешение форм и жанров, как в нынешней России?

Уже при первом взгляде мы обнаружим, что под воздействием научно-технической революции и особенно электроники, информатики, робототехники экономика и социальная сфера многих стран переживают радикальные перемены. Человечество вступает в новую, постиндустриальную стадию развития. Формы организации всех сфер общественной жизни также изменяются. В некоторых случаях частная собственность, например, становится тормозом (об этом говорилось на Конференции ООН в Рио-де-Жанейро), а «запретная зона» частного капитала требует мягкого регулирования со стороны государства и т. п. Мир переходит к смешанному обществу в его различных вариантах. Это значит, что произшедшее и продолжающееся в России смешение форм организации экономической жизни — норма, отвечающая мировым тенденциям. Это значит также, что реформы в этом направлении следует продолжать, но при этом вовсе не обязательно как этого требуют либерал-радикалы, «гнать лошадей» (зная, что

они несут в пропасть), а наоборот, необходимо посадить «русскую тройку», взять вожжи в руки и начать править ею, вполне отдавая себе отчет в том, куда мы держим путь. Постиндустриальное смешанное общество — вот вектор движения России. На наш взгляд, это и есть ответ на вопрос: «Куда идти России?»

Смешанное общество — это социально ориентированная система политической и экономической демократии, которая ставит человека (индивида, личность) в центр общественного развития. Это многосекторная экономика, в которой взаимодействуют, взаимопреплетаются и взаимно дополняют друг друга составляющие ее различные сектора и многообразные формы хозяйства. Это переход одних форм хозяйствования в другие, возникновение и развитие промежуточных зон между различными хозяйственными секторами и формами. Это современные рыночные структуры, действие которых дополняется и корректируется формами и методами экономического регулирования. Это общество социального согласия, отлаженных систем социального партнерства и механизмов социальной защиты различных групп и слоев населения.

Можно сказать, что Россия начала продвижение в сторону смешанного общества, хоть и не лучшим образом. Перепрыгнуть в него одним большим скачком не удается. Этот процесс должен носить умеренно-ускоренный характер, и займет он не пять-десять лет, как обещают некоторые политические авантюристы, а десятилетия. Мы будем двигаться медленней, но спокойней и уверенней, а в конечном счете эффективней.

Переход к смешанному обществу предполагает относительно длительное сосуществование различных видов собственности, их свободное и равноправное соревнование. Собственником человек должен становиться в результате предпринимательской деятельности (отсюда — курс на всемерное развитие малого и среднего бизнеса), а не в результате раздачи государственной собственности. Необходимо изменить формы и способы приватизации, которая возможна лишь в том случае, если 1) покупатель платит за государственную собственность цену, отвечающую ее реальной стоимости, 2) если он доказал, что может использовать ее с большим эффектом, чем государство. Приватизация, не дающая обществу экономического и социального эффекта, бессмысленна. Кажд-

дый факт такого рода должен расследоваться правоохранительными органами. Темпы приватизации не имеют самодовлеющего значения. Чем эффективнее она будет идти, тем больше заинтересованы в ней люди, трудовые коллективы, общество.

Думается, что формирование именно смешанного общества является наиболее предпочтительной альтернативой общественного развития России. Многовариантный характер смешанной экономики, разнообразие комбинаций государственных и общественных, коллективных и частных начал, соответствующих условиям отдельных стран, позволяют предположить возможность нахождения специфического варианта смешанной общественно-экономической системы, адекватного условиям и задачам современного этапа развития России. Движение по такому пути позволит, на наш взгляд, не только преодолеть нынешнюю кризисную ситуацию, но со временем и обеспечить гражданам России достойные условия жизни, вывести страну на соответствующее ее природному научно-техническому, промышленному, культурному и духовному потенциалу место в мировом сообществе.

7. РАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕЯ РАЗВИТИЯ РОССИИ

Итак, мы считаем, что выход из кризиса возможен; что при любом повороте политических событий реформы нельзя не продолжать; что любой режим и любая власть будут делать практически одно и то же (особенно в экономике), но разными способами и средствами; что Россия, будучи самодостаточной страной, используя опыт как Запада, так и Востока, должна рассчитывать только на себя и проводить политику саморазвития; что вектор ее социально-политического развития — не капитализм и не социализм, а «посткапитализм — постсоциализм», означающий единственно определенное — антиутопизм, то есть отрицание развития общества по заранее созданным схемам.

Но какова основная рациональная идея, каковы основные опоры саморазвития? Ответ подсказывает вся логика отечественного и мирового опыта. Это — сохранение, накопление, концент-

рация, *мобилизация, развитие и эффективное использование всех существующих ресурсов страны* (природных, промышленных, экономических, управлеченческих, финансовых и т. д.), в том числе главного — человеческого. Так поступали все великие политики и полководцы, которые хотели выиграть, победить: мобилизовывали ресурсы.

Ключевой момент — в понимании соотношения социального, духовного и экономического факторов развития. Поиски такого соотношения — центральная проблема всей европейской мысли, особенно на протяжении трех последних веков. Последние полтора века прошли под знаком безусловного господства и в теории, и в практике экономического детерминизма, буржуазно-либерального или коммунистического. Однако ныне эра экономического детерминизма если не закончилась, то объективно близка к своему завершению.

История показывает, что факторы прогресса все быстрее меняют свое значение и воздействие на исторический процесс в целом. Если прежде основную роль играли природные ресурсы, давая странам сравнительные преимущества в системе мирохозяйственных связей, то ныне на первый план выдвинулись институциональные условия и, что еще важнее, *уровень развития молодых ресурсов* — знание, творчество, мастерство, умение в широком смысле слова. Уже в ближайшие десятилетия, когда перед миром вследствие общепланетарного кризиса встанет множество ранее неизвестных, но остройших проблем, роль знаний и творчества, без которых их не решить, неизмеримо возрастет. На переднем плане исторической сцены окажутся те страны, те народы, которые будут способны обеспечить более высокий уровень образованности, воспитанности и мастерства во всех его проявлениях, способности к поиску. И, если угодно, нравственности. А не те, как сейчас принято думать, которые добились более высокого уровня жизни или даже научились производить более совершенную электронику. Вот несколько исторических примеров, подтверждающих особое значение образования и воспитания.

Первый пример. В 1866 году прусская армия разбила австрийцев. Когда фельдмаршал Мольтке докладывал королю Вильгельму о своей победе, Бисмарк произнес знаменитую фразу: «Это

не прусские генералы победили австрийских, а прусский учитель победил австрийского». И старый канцлер был прав. За два века, которые прошли после окончания религиозных войн, в Пруссии утвердилась этика протестантизма и учитель-лютеранин создал современного немца, почитавшего за абсолютную необходимость быть упорным мастером во всем, чем он занимается. В том числе и в военном деле. В прусско-австрийской войне учитель-протестант победил учителя-католика.

Второй пример. Мао Цзэдун победил Чан Кайши, и гоминьдановцы были выброшены на гористый остров без каких-либо богоугодств. Казалось, что судьба Гоминьдана была предрешена. Однако сегодня Тайвань принадлежит к числу государств, успешно вступающих в семейство постиндустриальных стран. Валовой национальный продукт маленького Тайваня составляет около четверти валового национального продукта громадного полуторамиллиардного Китая. Корень их успеха в том, что с самого начала своего правления Гоминьдан взял курс на образованность нации. Несмотря на нищету и убожество жизни, основные средства государства тратились на образование молодежи. Уже в середине 50-х по числу студентов на тысячу жителей Тайвань обогнал Великобританию.

Третий пример — Япония. Мировой банк, предпринявший всестороннее изучение опыта этой страны с целью его применимости в развивающихся странах, пришел к выводу, что быстрая трансформация ее аграрной экономики в промышленную стала возможна благодаря *инвестициям в человеческие ресурсы, в образование и воспитание молодежи*, что обеспечило их качественный рост и, как следствие, повышение технологических возможностей экономики. Страна настолько сильна и конкурентоспособна, насколько конкурентны ее людские ресурсы.

Четвертый пример — Китай с его методом реформ, о котором сейчас многие говорят как об упущененной Россией возможности. Да, важен политический фактор — роль компартии Китая, которая пока жестко и твердо держит ситуацию в своих руках. Да, огромная китайская диаспора за рубежом («хуа-цяо»), которая за последние пять лет инвестировала в китайскую экономику более 200 млрд долл. (для сравнения: прямые зарубежные инвестиции в российскую экономику за 5 лет составили 3 млрд долл.). Но

китайские реформаторы с полуторамиллиардным (в основном аграрным) населением никогда бы не имели успеха, если бы не великая гуманистическая традиция, в основе которой учение Конфуция (Кун-цза, 551–479 гг. до н. э.), ориентированное на воспитание новых поколений в духе почтения к предкам, хранения и воспроизведения таких генеральных принципов жизни, как культ обостренного чувства долга и порядочности, стремление жить по справедливости и добродетельно, постоянно самоусовершенствоваться, тщательно соблюдать принятые нормы и особенно ритуальный церемониал, дисциплинирующий человека, гарантирующий общество от потрясений, создающий в мире духовный комфорт и консервативную стабильность.

Двигаясь по рыночному пути, уже апробированному с успехом другими странами дальневосточной цивилизации с ее конфуцианским фундаментом, континентальный Китай, как и его соседи, воздействовал те стороны этой великой гуманистической традиции, которые формируют установку на самого человека, выполняя роль, отчасти сходную с ролью протестантизма в истории капиталистической Европы. Пуританский образ жизни, аскетизм в быту и колоссальные трудолюбие, умение ограничиваться малым при постоянном и нарастающем стремлении к большему, к максимуму (а это и есть проявление самоусовершенствования и соревновательности, заложенных конфуцианской экзаменационной системой), привычка вести дела честно и добропорядочно, быть надежным партнером, внутренне всегда ориентируясь на воспетые конфуцианством и вошедшие в плоть и кровь китайцев справедливость и добродетель, высокий моральный стандарт, — все это быстро проявилось в континентальном Китае, как до того в других странах конфуцианской цивилизации — от Японии до Сингапура, Южной Кореи, Тайваня, Гонконга.

Пятый пример — СССР. Вспомним: как же так случилось, что после самой страшной войны, которую знало человечество, после невероятной разрухи и миллионов потерянных жизней, за немыслимо короткий срок в десять послевоенных лет наша страна стала второй научно-технической державой мира? Причин тому много. Но одна и, может быть, самая главная причина послевоенного феномена очевидна — это русская система «Учитель». Она создава-

лась поколениями. Это и земские школы, и первоклассные университеты, и особенно широта инженерного образования. И еще: существование научных школ — явление почти неизвестное на Западе, когда совершенно по-особому совершается передача эстафеты знаний от учителя к ученику. А ученик может опереться на авторитет школы, к которой он принадлежит. Что бы там ни говорили, но роль образованности в развитии бывшего советского государства была невероятно высока. Наша беда в том, что нынешнее общество не ищет, не хочет искать и видеть в прошлом своей страны такие события, явления и личности, которые могли бы служить вдохновляющим и поучительным примером для сегодняшнего дня. А таких примеров «русского пути», который проходит параллельно путям других европейских стран, в русской истории можно найти не так уже и мало. Вечевые республики Новгорода и Пскова, традиции земских соборов, рыцарские подвиги Мстислава Удалого, прения Боярской думы, низовая демократия казаков на юге и поморов на севере, индивидуалистический аскетический подвиг анархистов Северной Фиваиды и дерзость «во Христе юродивых», мужественное противостояние произволу протопопа Аввакума и митрополита Филиппа (Ко-лычева), староверов, русских католиков и других религиозных диссидентов, действительно либеральных интеллигентов от Радищева до Короленко — все эти примеры для сегодняшней России сейчас поважнее заморских рецептов. Так стоит ли в очередной раз отказываться от собственного уникального опыта в тщетной надежде приобрести взамен нечто умопомрачительное и бесплодное? Как известно из мировой практики, главным гарантом демократии является не «исполнительная власть», а честь и достоинство граждан. И чем больше страна в качестве созидателей, пророков и героев будет помнить и почитать не самодуров на троне (в короне и без нее) или удачливых солдафонов, а борцов за свою (а значит, и других) свободу, право, человеческое достоинство и справедливость, тем быстрее воспрянет Россия.

Из века соревнования в области техники и технологий мы переходим в век соревнования идей и организационных структур. Если в обществе достаточно образованных и воспитанных людей, то любые новинки, любые ноу-хау достижимы для всех, за считанные

месяцы они превращаются в рутину. В XXI веке впереди будут те страны, которые способны генерировать новые идеи. ***Образованность и воспитанность народа России – ключ к ее будущему.***

Россия может иметь достойное будущее лишь на пути сохранения и развития образования и создания новых совершенных технологий. Всесторонняя образованность населения, воспитание достойных граждан и патриотов — главная опора нации.

В Евангелии от Матфея сказано о том, что бывают ситуации, когда надо продать одежду и купить печь. Перефразируем это утверждение: сегодня надо пожертвовать последней рубахой, но сохранить образованность и развивать воспитание. И такая жертва окупится сторицей уже в самое ближайшее время.

Итак, главный тезис стратегии развития России: ***человек – ведущий, определяющий фактор всех социальных процессов и перемен,*** в том числе экономической реформы. Все, что происходит в обществе, имеет человеческое происхождение, содержание и измерение. Реформы буксуют и валятся, потому что в них крайне мало человеческого начала: они антигуманны, в них слишком мал объем человеческой деятельности, слишком мала критическая масса людей, которые активно участвуют в политике и экономике. Сегодня едва ли не вся социальная человеческая материя сопротивляется переменам. Огромное, в высшей степени сложное дело, каковым является происходящая глобальная перемена, пытается осуществить небольшая группа технократически ограниченных, идеологически зашоренных, нетерпимых к иному взгляду и иной мысли, порой просто невежественных людей.

Человеческое измерение истории и нынешних перемен означает, во-первых, что главным действующим лицом оздоровления и развития общества должен стать народ; во-вторых, исходным пунктом и основным критерием успеха перемен должны стать интересы, и прежде всего экономические, основной массы людей, их социальное самочувствие. Должен происходить хотя бы небольшой, но заметный и постоянный рост уровня жизни, особенно обнищавшей и бедной части населения.

Это — принципиальный момент, кардинально меняющий всю прежнюю «стратегию» развития. По сути дела, это новая парадигма движения вперед, которая не просто ломает сложившуюся

схему взглядов на будущее России, но потребует и определенной ломки того, что уже понаделано «реформаторами». Участвовать в экономических, политических, социально-культурных переменах должны люди, вполне сознающие, что и почему они делают. Это требует, во-первых, разработки **новой концепции реформ**; во-вторых, огромной пропагандистско-разъясняющей, образовательно-воспитательной работы, **опережающего перспективного развития новых поколений**, ибо только авантюристы могут обещать, что выведут страну из кризиса за несколько лет. На это, увы, уйдет жизнь поколений. И потому основной объект в реализации идеи опережающего перспективного развития — дети и молодежь.

Динамичные общества вынуждены обращаться к молодежи. Если они не делают этого, то революция и реформы вскоре захлебываются. Старшие поколения могут лишь составить проект будущего, замыслить социальную перемену, дать ей толчок. Времени их человеческой жизни, жизненного потенциала на большее не хватает. Молодежь лишь частично включена в существующие общественные отношения и структуры, у нее практически нет собственного прошлого, ее сознание более конфликтно, открыто переменам. Умные, дальновидные реформаторы не могут не видеть в молодежи обновляющую силу, оживляющий инновационный элемент, интеллектуальный, духовный и энергетический резерв, который выступает на передний план и вводится в действие, когда обществу надо произвести глубокую и быструю перемену и в то же время хорошо приспособиться к быстро меняющимся и качественно новым обстоятельствам. В этом состоит основная социальная функция молодежи в обществе.

Если говорить о «ближнем плане», о переломе в лучшую сторону нынешней ситуации, то объектом общественного внимания является **прежде всего** молодежь. Относясь к молодежи как скрытому, еще не проявившему себя ресурсу, мы должны понимать существование проблемы молодежи, которая присутствует в российском обществе в ряду с другими проблемами, но имеет приоритет перед ними с точки зрения именно стратегии развития.

Проблема молодежи в нынешнем российском обществе имеет три взаимосвязанных аспекта: 1) что общество может дать молодежи (накопление и развитие ресурса); 2) что молодежь может и

должна дать сегодня обществу (каково состояние ресурса); 3) как мобилизовать и использовать молодежь как ресурс для целей создания новой России.

Развитие молодежи как обновительного и оживляющего ресурса в нынешней России ведется крайне плохо. Более того, за последние годы этот ресурс значительно уменьшился и продолжает быстро сокращаться. Убедительные доказательства этому содержатся в изданной нами книге «Молодежь России: тенденции, перспективы» (М., 1993).

Проблема молодежи выражается через совокупность отрицательных тенденций, и в частности в том, что:

— в России сложилась крайне неблагоприятная демографическая ситуация; в частности, быстрыми темпами сокращается количество молодых людей, общество стареет и, следовательно, падает роль молодежи как социального ресурса в целом;

— каждое новое поколение детей и молодежи менее здорово физически и психически, чем предыдущее, в результате чего во многом необратимо ухудшается генофонд и интеллектуальный потенциал нации, о чем уже говорилось;

— падает экономический статус молодежи, большинство которой не имеет возможности или не может, или не хочет трудиться, особенно заниматься производительным трудом; в молодежной среде господствует мироощущение рантье, стремление к легким и «быстрым» деньгам любым путем;

— падает социальный статус молодежи, большинство которой живет на грани бедности и нищеты. Ухудшается доступ молодежи к образованию и культурным ценностям. Нарастает молодежная безработица. В среде молодежи увеличивается маргинальная прослойка, она выталкивается на периферию общественной жизни, ей заведомо отводится роль аутсайдера;

— молодежь переживает глубокий кризис ценностей, остро нуждается в новой социальной философии и идеологии, которая бы объяснила ей смысл происходящих перемен. Пока же молодежь, все более отчуждаясь от общества, пытается приспособиться к текущей ситуации главным образом материально, но не духовно;

— к нулевой отметке близится регулятивная роль нравственного идеала. В молодежной среде особо велики и нарастают агрес-

сивность, экстремизм, алкоголизм, наркомания, преступность. Каждое новое поколение россиян криминальнее предыдущего. Установка на целенаправленную воспитательную работу со стороны государства и общества отсутствует.

Таким образом, России и ее народу, на наш взгляд, есть основания смотреть в будущее с оптимизмом, есть основа для веры и, стало быть, нужна ясная и понятная цель развития общества, нужна концепция жизнеутверждения, концепция воспитания со-зидателей новой жизни. Эта концепция, с одной стороны, должна быть ориентирована на далекую перспективу и в этом смысле ставить некие идеальные цели в воспитании идеальной личности в идеальных условиях; с другой стороны, она должна исключать соблазны самообмана, быть конкретно-исторической, в максимальной степени реалистической, нацеленной на решение воспитательных задач сегодняшнего дня, на достижение быстрых положительных результатов в плохих и пока ухудшающихся условиях.

Первейшая задача — положить конец духовному и нравственному кризису, охватившему прежде всего молодежь. Материальное в ее сознании выше всякой меры возвысились над духовным, и отсюда исходит главная угроза всему, в том числе и самому материальному. Динамическое общество не может обойтись без одухотворения своих целей, замыслов, стремлений. Скрытые возможности молодежи должны быть направлены на благо общества, на служение новому общественному идеалу. Идея **добровольного служения** России должна войти в национальное сознание молодежи в качестве его высшего элемента. На данном этапе, когда речь идет о выживании и спасении России, приходится говорить о служении **самоотверженном**. Нынешняя молодежь в абсолютном большинстве не готова к этому, но ее надо воспитывать в этом духе, понимая, что в принципе дети и молодежь не прогрессивны, не консервативны по своей природе. Изначально они — только потенция, готовая к любому повороту событий. Молодежь внесет в жизнь общества такой по масштабу и характеру вклад, какую духовную потенцию — систему идей, ценностей, знаний и нравственных качеств — заложит в нее общество. Образование (обучение и воспитание) — вот главное направление в преодолении духовного, а в конечном счете и экономического кризиса России.

8. ОСНОВЫ ИНТЕГРАЦИОННОЙ КОНЦЕПЦИИ РЕФОРМИРОВАНИЯ РОССИИ (ОБЩИЕ ПОДХОДЫ И НЕКОТОРЫЕ МЕРЫ)

1. ВВЕДЕНИЕ

Десять лет «перестройки» и «реформ» в стране шла и продолжает идти гигантская по масштабам и силе разрушительная работа.

Понятно, что коренная трансформация общества неизбежно сопровождается разрушительной работой и спадом уровня жизни. Политика требует выделения приоритетов. Но то, что мы наблюдаем уже долгие годы и что происходит поныне в России, далеко выходит за рамки всяких норм и здравого смысла. «Реформы» свелись практически к разрушению. Зацикленность реформаторов на вопросах экономики привела к параличу производства, разрушению промышленности — деиндустриализации. Россию сотрясают конфликты, дезинтеграционные процессы. Сепаратистские и националистические настроения регионов привели к войне в Чечне и угрожают целостности России. Пренебрежение к науке, образованию и воспитанию грозит стране деинтеллигентализацией, утратой духовно-нравственного потенциала науки. Депопуляция населения (превышение смертности над рождаемостью) ведет к быстрому сокращению населения России, уничтожению ее генофонда. Удар особой разрушительной силы был нанесен стране западно-гайдаровской «шоковой терапией». Итог: экономика оказалась в полной зависимости от ошибочной политики; распались связи между сферами социальной, духовной и культурной жизни. Разрушены связи внутри этих сфер. Резко ослабли отношения центра и регионов. Нарушены связи между коллективами и внутри них, резко ухудшились отношения между людьми, поколениями, в семьях. Распадается личность, рушится человек. Каждый начинает думать только о себе, видеть смысл жизни и успеха лишь в деньгах. По всем линиям жизни видны процессы дезинтеграции, диссоциации, деградации, ведущие к катастрофе.

Идеологи и организаторы «реформ» не хотят видеть масштаб негативных последствий своей деятельности, продолжают гнуть

свою ошибочную и опасную линию, не желая слышать никого, кроме себя. Их оценки происходящего наивны и опасно оптимистичны. Способы выхода из кризиса они ищут не в отечественной мысли и российском опыте, а в «западных» моделях, в искусственном навязывании России способов и форм развития, которые использовались на ранних или средних этапах развития капитализма в других странах, тогда как общество давно прошло эти стадии.

Пришло время «собирать камни», собирать Россию, одухотворять и объединять общество, вдохновлять людей, укреплять государство ради созидания и строительной работы. России нужна концепция реформ, которые не сводились бы только к экономике, а рассматривали бы общество как сверхсложную систему, в которой все сферы сложно и тонко связаны, чрезвычайно взаимозависимы и неотрывны друг от друга. Сказать одним словом, нужна интеграционная концепция реформ. Историческая судьба России — в объединении ее народов и сотрудничестве с мировым сообществом. Сила России — в единстве.

2. ОСНОВНЫЕ ИДЕИ КОНЦЕПЦИИ

А. Основополагающий вопрос, связанный с выработкой новой концепции реформирования России, состоит в четком понимании того, какое общество мы хотим построить. По нашему убеждению, американская модель либеральной капиталистической экономики, насилиственно внедряемая в России в течение последних трех лет, перспектив не имеет. Попытка следовать этой модели в российских условиях уже привела к формированию не североамериканского, а латиноамериканского типа экономики, всецело ориентированной на удовлетворение спроса ведущих капиталистических стран на природные ресурсы и дешевую рабочую силу, с галопирующей инфляцией, господством компрадорской буржуазии и проникновением мафии во все поры власти, поляризацией населения по доходам. Эти черты уже отчетливо проявились в России.

При выборе пути, по которому следует идти России, мы должны встать на позиции философского реализма, антиутопизма и опти-

мализма. Мы должны принять во внимание, что в XX столетии человечество завершило два глобальных эксперимента: коммунистический и капиталистический. На сотни лет ранее начавшийся и потому более умело приспосабливавшийся в ходе эволюции к изменяющейся общемировой ситуации, капитализм добился более наглядных результатов в производстве и потреблении, уровне и качестве жизни. Развал СССР и всей социалистической системы воспринят как победа капитализма в его почти вековом идеологическом, политическом и военном противостоянии социализму. Но это лишь внешняя видимость. Если это и победа, то пиррова. В действительности капитализм также исчерпал свой потенциал саморазвития и показал ошибочность основных принципов, лежащих в его основе: прогресс — это неограниченный рост; погоня за наибольшей прибылью — основной двигатель экономики; деньги и успех — главный стержень всей философии жизни общества и человека, основной критерий нравственности и т. п. В 1992 году на Конференции ООН по экологии и развитию был достигнут небывалый консенсус 179 стран, в том числе всех развитых, согласно которому эти и другие принципы развития, на основе которых все эти страны строили свою жизнь, признаны полностью исчерпавшими себя. Дальнейшее следование прежним путем грозит миру неизбежной катастрофой. С этого момента человечество должно определить, куда и как оно будет двигаться. В ситуации кризиса, в положении выбора (хотя в разной степени остроты) сегодня находится не только Россия, но и весь мир.

Глядя на вещи непредвзято, надо признать, что положительные стороны и достижения есть не только у капитализма, что они были и у социализма. Многое, но далеко не все из этого опыта капитализм был вынужден воспринять в ходе борьбы с социализмом за свое существование. Сегодня, когда Россия должна и еще может внести изменения в тот курс радикальных «реформ», который уже завел ее в джунгли раннего, «дикого» капитализма, надо осознать, что наше будущее — не в прямом возврате на старый путь, но и не в капитализме, каким его предлагают видеть оголтелые «западники». Россия уже не будет ни коммунистической, ни капиталистической, ни материалистической, ни идеалистической, ни полностью религиозной, ни атеистической, ни чисто индивидуа-

листической, ни чрезмерно коллективистской. Сегодня все страны мира учатся друг у друга, заимствуя знания, опыт, технологии, превосходят одна другую и тем самым становятся во многом похожими. Повсюду рождается смешанный тип общества, которое берет отовсюду из прошлого все лучшее, что составляет фундамент его нынешней жизни. Это не механическое заимствование, не сложение знаний и многих чужих опытов, а синтез, их творческое осмысление. В итоге все передовые нации и страны не только похожи друг на друга, но и своеобразны, сохраняют свой неповторимый облик. У этого будущего есть разные названия, которые даны выдающимися умами современности: «постиндустриальное» (Д. Белл), «технотронное» (З. Бжезинский), «сверхиндустриальное» (О. Тоффлер), «общество знаний» (П. Дракер) и другие. Не будем отдавать предпочтение ни одному из них. Скажем просто: не социалистическое, не капиталистическое; послесоциалистическое, послекапиталистическое. Смешанное общество, которое развивается на основе российских традиций, а также ценностей, которые лежат в основе развития тех стран, которые показывают наилучшие результаты не только в экономике, но и во всех остальных сферах жизни. Это: 1) смешанные формы собственности; 2) многосекторная экономика; 3) рыночные, «мягко» регулируемые государством, отношения; 4) сильная социальная политика; 5) политическая и экономическая демократия; 6) гуманные отношения в обществе, между людьми, между обществом и человеком, который становится в центр общественного развития и т. п.; 7) политика согласия и социального партнерства, эффективные механизмы согласия защиты различных групп населения и т. п. По этому пути еще может и должна пойти Россия.

Б. Двигаясь в будущее, Россия должна следовать принципам устойчивого развития, под которым понимается такое развитие, которое не разрушает сложившийся механизм функционирования общественных систем, а совершенствует эти механизмы, обеспечивая высокое качество жизни при равновесии общества, человека и биосфера как для живущих, так и будущих поколений. Под «развитием» понимается процесс преобразования общественных и хозяйственных систем в сторону умножения возможностей, ресурсов, свобод и многообразия.

В. Россия — это единая гражданская (а не этническая русская) нация. Все живущие в России — россияне, как все граждане США — американцы, Франции — французы, Англии — англичане, а национальность каждый человек определяет сам. Из этого следует, что Россия — это единое жизненное пространство, граждане которого имеют общие и единые жизненные интересы и потому обязаны свято соблюдать и защищать их от всякого рода посягательств как внутри страны, так и извне.

Интеграционная концепция строится на представлении и признании того обстоятельства, что единое жизненное пространство России включает в себя совокупность взаимосвязанных пространств: экономического, политического, военного, правового, социального, культурного, образовательного, воспитательного и т. д., что позволяет через посредство законов и морально-нравственных норм устанавливать единые правила и рамки деятельности органов власти и социальных институтов, национальных и территориальных общностей всех уровней, а также поведения людей и единые формы социального контроля.

Россия — это своеобразный органичный мир, идущий по самостоятельному историческому пути, исторически сложившееся объединение, тесная семья многих народностей и народов, национальностей и наций, на протяжении многих столетий сознающих свое единство, творящих общую культуру, спаянных воедино общностью этой культуры, общностью духовных устремлений, государственных и экономических интересов, общим историческим прошлым и единым устремлением в будущее.

Россия — это сложная уникальная единая нация. Такова истина, которая сегодня должна лежать в основе концепции реформ.

Г. Выход из кризиса и возвышение России возможны лишь в случае, если решение этой задачи будет осознано всем народом как Общее Дело, если этому Общему Делу будет сопутствовать единый Духовный порыв. Россия — вот наши Идея и Вера.

Д. Важным аспектом интеграционной модели России в национальной и региональной политике могла бы стать политика постепенной трансформации Российской Федерации в Евразийский союз (подобие Евросоюза). Уникальное государственное и геополитическое образование, каким является многонациональное рос-

сийское общество, имеет глубокие исторические корни, и эту интеграционную основу целесообразно сохранить. Концепция интеграционного развития России является условием формирования системы безопасности народов, проживающих на обширном пространстве Европы и Азии.

Е. В настоящий момент реально существует два способа борьбы за власть и два способа выхода из кризиса.

Первый: торможение революционных процессов (второй этап приватизации, передача земли в частную собственность, внешняя политика и торговля и т. п.) с целью уточнения целей, методов и форм реформирования России; кардинальное обновление, а при возможности — конституционная смена политического режима на новый, во всех отношениях более сильный, способный осуществить задачу торможения и проведения нового курса реформ. В этом случае происходит как бы откат назад, но с закреплением принципиальных, базовых черт нового экономического строя («смешанное общество»), принятием новых законов, меняющих акценты экономической политики, но в целом юридически закрепляющих приемлемые для общества и народа перемены. Надо сделать все, чтобы не допустить дальнейших и новых разрушений, сохранить базу, с которой может начаться выход из кризиса. Это политически жесткий, но мирный путь, ориентированный на интеграцию общества, достижение согласия между основными политическими силами, консолидацию власти и общества во имя спасения нации.

Второй: выдвижение на передний план лозунгов и практики остановки реформирования и пересмотра уже прошедших перемен в сфере экономики, новый передел собственности, разумеется, с захватом власти в руки тех сил, которые отстаивают такой подход. В этом случае меняется и политический режим, и экономический строй, то есть происходит новая революция («контрреволюция»), и, следовательно, объективно неизбежны дальнейшие и новые разрушения во всех сферах жизни общества. Это путь войны между бедными и богатыми, путь агрессивного национализма, путь гражданской войны, которая имеет только тот смысл, что даст беднякам эмоциональный разряд. Практического смысла эта война не имеет. Ибо в результате ее экономика и общество

будут разрушены до основания. Россия утонет в море крови, развалится на части — погибнет. Нищета станет нормой для всех. Нами будут править голод и диктатор, приход которого в этом случае абсолютно неизбежен. Неизбежен взрыв сепаратизма: регионы и республики будут вынуждены спасаться поодиночке. Россия погибнет в раздорах, захлебнется в море крови.

Каждому из нас предстоит сделать выбор: за какой путь он стоит. Это определит судьбу России и судьбу каждого из нас.

3. ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ И МЕРЫ ИНТЕГРАЦИИ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА ПО СФЕРАМ ЕГО ЖИЗНЕНДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Единое экономическое пространство означает существование единой денежной системы, налоговой системы, системы арбитража, единого внутреннего рынка капиталов, товаров, услуг, рабочей силы, а также права центральной государственной власти на различные формы регулирования внутреннего рынка на основе законов и в зависимости от необходимости, диктуемой национальными интересами.

На этапе формирования единого экономического пространства наиболее важными шагами, направленными на стабилизацию и интеграцию российского общества, являются:

— уточнение и изменение в общем курсе экономических реформ в соответствии с моделью смешанной социально ориентированной рыночной экономики;

— установление «мягкого», оптимального для данного этапа развития государственного регулирования экономики через систему цен, кредитов, ссуд и т. п. без вмешательства в конкретные дела промышленных, сельскохозяйственных и иных предприятий;

— выработка восстановительной стратегии развития производства в ключевых отраслях. Задачи на этом пути: 1) уберечь промышленность и сельское хозяйство от остановки, следствием чего явится массовая безработица и неизбежный социальный взрыв; 2) получить приращение общественного богатства, без чего невозможен рост жизненного уровня различных слоев и групп населения.

ния. Именно это, а не создание рынка, приватизация сами по себе и т. п. является главной экономической задачей;

— принятие мер по накоплению капиталов, необходимых для инвестиций в экономику. В целях накопления капиталов предпринять чрезвычайные меры по их экономии и концентрации в стране на расходование в приоритетных направлениях по извлечению дополнительных доходов: 1) за счет земельной ренты; 2) сокращения объемов торговли сырьем и увеличений объемов торговли изготовленных из него первичных продуктов (бензин, мазут, масло и т. п.); 3) отказа от получения кредитов и продажи российских долгов; 4) возврата «чистых» денег из-за рубежа; 5) протекционизма отечественным производителям и банкам; 6) создания условий для иностранных инвестиций;

— определение системы мер по налаживанию и быстрому развитию производства во всех отраслях;

— реализация мер по созданию внутреннего рынка с привлечением в него стран СНГ: а) зона единого рубля без таможенных границ; б) согласованные тарифы, квоты торговли и т. п.; в) единая зона взаимных льгот и взаимного благоприятствования, типа ГАТТ;

— публичное обсуждение принципов и способов второго этапа приватизации госсобственности с оглашением цифры доходов от нее и статей последующих расходов;

— определение и поддержка государством приоритетных направлений в области новых технологий, фундаментальных и прикладных наук, развитие оборонного и аэродинамического комплекса;

— целевое поддерживающее финансирование фермерства и всех форм эффективно работающих коллективных хозяйств. Для всех иных установить поэтапный пятилетний период ежегодного сокращения масштаба преобразования убыточных в эффективные или ликвидации;

— выделение приоритетных участков науки и техники, в которых Россия может занять лидерство, и сосредоточение на них главных ресурсов;

— принятие мер по созданию наиболее благоприятных условий (кредиты, ссуды и т. п.) для развития отечественного малого и

среднего (в частности семейного, молодежного) бизнеса (включая фермерство), и прежде всего в сфере производства;

— восстановление государственной монополии на производство и продажу спиртных напитков и табака;

— стимулирование промышленного экспорта при помощи специальных инструментов кредитования экспортных поставок, гарантирования экспортных кредитов, политической поддержки продвижения российских товаров на зарубежные рынки;

— осуществление политики разумной защиты внутреннего рынка от разрушительных проявлений иностранной конкуренции: демпинга со стороны иностранных компаний, ввоза недоброкачественной продукции, подавления перспективных точек роста внутреннего производства и др.;

— декриминализация хозяйственной деятельности, усиление государственной защиты прав собственности, соблюдение договорной дисциплины, повышение эффективности системы судебного разрешения хозяйственных споров, введение жесткой ответственности за соблюдение контрактных обязательств, погашение кредитов и т. д.;

— регулирование цен на продукцию естественных монополий и других высокомонополизированных производств с целью предотвращения инфляции издержек;

— повышение эффективности государственных расходов на народное хозяйство. Концентрация расходов на приоритетной поддержке высокотехнологичных отраслей, науки и образования, определяющих возможности будущего экономического развития. Активная политика технологической модернизации экономики, предусматривающая реконструкцию предприятий на основе ресурсосберегающих, экологически чистых и социально приемлемых технологий; стимулирование опережающего развития перспективных отраслей научноемкой и обрабатывающей промышленности и сферы услуг, способных стать носителями экономического роста;

— проведение налоговой реформы с целью создания условий для подъема деловой активности: снижение налогового бремени на текущую хозяйственную деятельность, освобождение от налогообложения доходов, направляемых на развитие производства,

при относительном увеличении платежей и других доходов бюджета неналогового характера.

Единое правовое пространство означает наличие системы общероссийского законодательства, имеющего безусловное верховенство над региональными законами, число которых за последнее время значительно возросло, а также правоохранительный механизм, гарантирующий реализацию законов.

На данном этапе наиболее важными шагами, направленными на упрочение единого правового пространства, на преодоление массовых нарушений правопорядка и правового нигилизма, являются следующие меры:

- принятие новой Конституции РФ;
- правовое обеспечение развития отечественного предпринимательства;
- обеспечение государством притока и эффективности зарубежных инвестиций в экономику России и создание для этого надежных юридических гарантий. Такие же гарантии нужны и фирмам, поставляющим в нашу страну жизненно важные предметы потребления — продукты питания, медикаменты, медицинское оборудование и т. п.; принятие необходимых мер, обеспечивающих вытеснение государственной бюрократии из сферы владения и распространения государственной собственностью;
- ускорение разработки и принятие общероссийского закона о политических партиях, а также закона об общественных организациях;
- усиление ответственности, в том числе уголовной, должностных лиц, наделенных государственно-властными полномочиями, за нарушение законности и причинение вреда государству, народному хозяйству, гражданам независимо от занимаемой должности вплоть до Президента РФ;
- принятие законов, ужесточающих борьбу с преступностью, коррупцией и мафией; не исключено временное введение чрезвычайных законов, предусматривающих оперативное применение самых строгих наказаний особо опасных преступников;
- осуществление судебной реформы, неуклонное повышение роли суда в глазах общества;

— восстановление системы правового воспитания и разъяснения законодательства населению, требование обязательной правовой подготовки должностных лиц.

Единое политическое пространство предполагает создание сильного федеративного государства при широкой децентрализации и значительной экономической самостоятельности субъектов Федерации. Проводится политика, с одной стороны, сохранения национально-территориальных и территориальных структур (республик, краев, областей, округов), а с другой — укрупнения существующих краев и областей в российских землях, которые получат гораздо более широкие права, чем нынешние субъекты Федерации.

В качестве важнейших представляются следующие шаги:

— создание политических, правовых и морально-психологических предпосылок для формирования коалиционного правительства, способного принять и претворять интеграционную концепцию реформ;

— сокращение и удешевление госаппарата;

— разработка принципов и форм диалога власти с обществом;

— обеспечение реальной свободы СМИ.

Единое социальное пространство предполагает создание общих для России и ее регионов основ сильной социальной политики, объектом которой является все население, ставшее жертвой «шоковой терапии», а не только его «слабая» часть.

Стабилизация и интеграция отношений в социальной среде российского общества предполагают:

— государственное регулирование посредством налогов процесса чрезмерной имущественной дифференциации населения по доходам;

— индивидуализацию, максимальную спроектированность на человека социальной политики государства, придание ей той степени эффективности, когда она становится реально ощутимой каждым россиянином;

— укрепление социальной базы реформ путем усиления «среднего класса», созданного в дореформенный период, перенос центра тяжести поддержки реформ в процессе преобразований прежде всего на высококвалифицированную часть рабочих про-

мышленности, аграрного сектора экономики, специалистов сферы управления, интеллигенцию и работников управления;

— создание системы высокой мотивации труда и образования для молодежи;

— принятие государственной программы охраны материнства и детства по образцу развитых стран, позволяющей остановить депопуляцию общества;

— проведение эффективной государственной молодежной политики под девизом «Молодежь должна жить в кредит!»;

— уменьшить дифференциацию в доходах различных групп населения, создать финансовый механизм перераспределения части доходов наиболее богатых слоев населения в пользу малообеспеченных групп;

— поддержать оптимальное соотношение между доходами активной части населения и нетрудоспособных граждан;

— обеспечить социальную защищенность пенсионеров, детей, инвалидов — всех нетрудоспособных граждан на уровне прожиточного минимума, создать для нуждающихся систему социального обслуживания;

— вернуть людям украденные у них сбережения: и те, которые обесценились в Сбербанке, и те, которые исчезли вместе с авторами различных «пирамид» и финансовых афер;

— привлечение на сторону реформ военнослужащих, а также ныне потенциального «детонирующего» массового слоя офицеров-отставников;

— принятие государственной программы социальных гарантий в области здравоохранения, физической культуры и спорта, образования и фундаментальной науки по образцу лидирующих в этой области стран с учетом сложившейся у нас системы гарантий для населения;

— разработку и принятие комплекса политических и экономических мер и решений, позволяющих защитить русских в ближнем зарубежье.

Единое социально-культурное и образовательно-воспитательное пространство предполагает развитие и взаимопроникновение национальных культур и традиций, религий, своеобразия и самобытности различных этнических общностей, основанные на

последовательной реализации принципа национально-культурной автономии в исторически сложившихся национально-государственных образованиях, исходя из уважения к многообразию традиционных культурных ценностей и образа жизни. Огромная роль в решении этой задачи принадлежит средствам массовой информации.

В сфере духовно-правственных отношений наступило время неотложного решения следующих узловых проблем:

- проведение государством политики духовного обновления, развития общества и человека в его индивидуальности на основе многовековой культуры народов России;
- обеспечение государственной, общественной, спонсорской поддержки деятелей литературы и искусства, работников культуры, ученых, преподавателей и учителей;
- приоритетное финансирование целевых программ по сохранению и приумножению национального богатства, каковыми являются и общероссийские, и поселковые объекты и учреждения культуры;
- проведение взвешенной государственной политики, способствующей стабилизации российских межконфессиональных отношений;
- формирование системы идеалов, норм и ценностей, позволяющих «спокойно» воспринимать историческое прошлое, вооружающих людей верой в лучшее будущее Отечества;
- утверждение в массовом сознании позитивных ориентаций на интеграционную модель реформируемого общества;
- демонополизация системы средств массовой информации;
- разработка Концепции воспитания жизнеспособных поколений россиян, направленной на формирование патриотически настроенных граждан России, — активных, предприимчивых людей Чести, Долга и Служения Родине.

ОБ ИНЕРЦИИ СТРАХА

Среди нравственных пороков нашего общества, ставших далее нетерпимыми, мы называем прежде всего двоемыслие, двоедушие, ложь, приспособленчество. И еще страх. В том числе, в одном ряду

с прочими. А ведь это неверно. Страх стоит выше многих пороков, ибо он их «отец». Именно страх прежде всего порождает ложь, заставляет думать только то, что дозволено, говорить не то, что думаешь, делать не то, что думаешь и говоришь. Количество страха в нашем обществе огромно: он глубоко сидит в сознании людей, с невероятной силой противостоит прогрессивным изменениям. Страх во всех своих многообразных проявлениях и формах тормозит перестройку вообще, но прежде — перестройку психологии и мышления. Не изжив из общественного и индивидуального сознания хотя бы часть страха, мы не двинемся вперед. Но успешно бороться можно лишь с тем явлением, которое познано, понято, лишь тогда, когда мы знаем, что это такое, откуда «это» взялось, каков внутренний механизм, каковы внешние условия существования и развития «этого».

Страх — одна из первых и главных эмоций человека. Заметим сразу: отрицательная эмоция, которая проявляется в ситуации реальной или воображаемой опасности. В сущности, страх — это форма существования инстинкта самосохранения, стремления всего живого оставаться живым из любви к жизни. Не боится тот, кто не любит жизнь, кто не хочет жить. Тогда воля к смерти преодолевает страх перед ней.

Но это — исключение. Нормально и естественно — испытывать страх перед смертью. Все живое следует этому закону. Тем более человек, сознающий жизнь как высшую ценность.

Но страх личной смерти еще не выражает вполне сущность страха. Мы также боимся потерять родных — мать, отца. Мы боимся потерять любимую, жену, мужа. Боимся, что у нас не рождаются дети, а произведя их на свет, боимся их гибели, боимся утратить связь с детьми.

Словно подражая птицам и зверям, даже ценой своей жизни мать и отец готовы оборонять своих детей. Так инстинкт продолжения рода побеждает инстинкт самосохранения.

Человек полон особых страхов, которые есть едва ли не у каждого: страх темноты, страх высоты, страх водной глубины, страх одиночества, страх большого пространства, страх перед массой людей и т. п.

А есть еще такие «парадоксальные» страхи, как страх перед жизнью, как страх свободы, а не только рабства, как страх не

только «другого», но и самого себя, ибо порой не знаешь, что сотворишь в следующее мгновенье.

Во всех этих страхах еще нет никакой беды, ибо пока мы говорим о человеке как биологическом существе, в котором страх порождает нервное напряжение, организующее, дисциплинирующее индивида и тем самым защищающее его от опасностей, от физической гибели. Все это в сути своей спасительные страхи. Страх огня уберегает нас от попыток прогуляться по горящему лесу. Страх боли заставляет аккуратно обращаться с режущими и клюющими предметами.

Биологические основы страха связаны с психикой и психологией человека как существа социального. Они порождают в нем чувство страха. Это чувство тоже может быть спасительным, поскольку заставляет человека самоограничиваться в своих желаниях и стремлениях, уберегает его от крайних решений и шагов, заставляет искать их оптимальные варианты, идти на компромиссы.

Человек боится начальника. Боится потерять работу, зарплату, доверие. Казалось бы, стоит ли бояться всего этого? Все это ценности относительные, а порой весьма сомнительные.

Стоит ли, скажем, бояться утраты доверия начальника-подлеца? Неуважаемого тобою «большинства»? А все ж боится. Ибо отсюда исходит угроза страданий. А в условиях, когда (не так уж редко) коллектив был источником доносительства, то отсюда исходила и опасность смерти.

Иначе говоря, будучи в сути своей эмоцией отрицательной, чувством негативным, страх имеет и положительные стороны, позитивное значение. И в этом смысле он необходим.

Все в этом мире оправданно, пока не нарушена мера. А там, за гранью, за чертой целесообразности и допустимости страх начинает творить ужас, лишает человека чувства собственного достоинства, сминает личность, ставит ее на грань «или — или» (или жизнь — или смерть, или сытость — или голод и т. д.) и тем приижает, пришибает, а то и убивает в нем социальное, собственно и подлинно человеческое начало, выводя на первый план то, что свойственно ему прежде всего как животному, существу биологическому: главное, во-первых, выжить, сохранить свою особь, во-вторых, продолжить род, продолжить себя будущего в детях, ибо

они единственно очевидная и несомненная ценность, в то время как другие ценности весьма относительные, сомнительны. Человек в плену великих, но все же инстинктов самосохранения и продолжения рода.

Страх делает человека покорным: податливым, управляемым. Это понято тысячи лет назад. Из страха перед неизвестностью, не-бытием родилась религия. Все деспоты и тираны всех времен правили народами с помощью страха. Примитивный, но надежный способ. Избежать соблазна, испробовать его полностью не удалось пока ни одному правителю. Тем более в странах, где народ малообразован и малокультурен. Ибо культура правления в концентрированном виде выражает культуру народа. Известно: каждый народ имеет то правительство, которого он достоин. Свободное сознание несовместимо с деспотизмом. Но и его нередко, как показала и наша история, побеждал страх.

Да, никто не рождается злодеем. Злодеями становятся. И порой очень быстро, уже в детстве. И есть в злодействе своя гениальность, хоть и сказано, что «гений и злодейство — вещи несовместные». Увы... Если Сталин и был в чем-то действительно гениален, так это, по моему мнению, в злодействе. Не по нечаянности, не от природы, а по сознанию, самовоспитанию, самообразованию — по умыслу. Совсем не случайно он изучал историю правления сильных царей (Ивана Грозного, Петра Великого) и с Гитлером, вероятно, заигрывал не случайно, видел в нем тоже «сильную» личность. Ибо не было у Сталина никаких иных способов (высший ум, особые знания, магнетизм общения и др.) захватить и удерживать власть, кроме силы и злодейства, в котором страх — это и цель, и средство, и результат одновременно. Сила рождает страх у бессильного, страх умножает эту силу.

Мы можем как угодно много говорить об экономических, социально-культурных и прочих предпосылках культа личности Сталина, но так и не поймем его никогда, если не возьмем во внимание субъективную сторону, если не разберемся в отрицательных психологических свойствах этой личности, о которых, убежден, совсем не случайно говорил в своем известном теперь письме Ленин: подозрительность, скрытность, мнительность, неуемное стремление к власти.

Думаю, это далеко не полный перечень. Есть еще немало таких моментов, о которых стоит поразмышлять.

Бывают, например, люди, обладающие зоркостью ко злу, необычной способностью видеть это зло во всех и всюду, отыскивать врагов даже среди друзей.

Таков, мне кажется, был Сталин. Он искал вокруг прежде всего отрицательное, негативное. Можно думать, что свою высшую миссию он усматривал в угадывании зла. Но если бы он не ошибался так часто, если бы он хотя бы озабочил себя боязнью ошибки! Увы... Вышло так, что независимо от намерений (даже если предположить, что некоторые из них были позитивными) вся его деятельность стала утверждением этики ненависти и зла и отвержением этики любви и добра.

Положительные ценности были чужды Сталину, ибо могли привести к появлению рядом с ним способных и значительных политиков, позитивной системы духовных ценностей, которая признала бы его «величие»...

От народа требовали ненависти. Его учили ненавидеть врага внешнего, врага внутреннего. И люди шли на демонстрации с лозунгами «Смерть!», «Расстрелять!»... Люди сами сеяли и взращивали страх и ненависть. И сами гибли от них с песней на устах: «...Я другой такой страны не знаю, где так вольно дышит человек». Какой невыносимый, какой нестерпимый парадокс открылся нам, сегодняшним! А тогда люди истово верили в то, что говорили и творили. Заблуждаться может не только один человек. Заблудиться может целый народ...

Вся политика Сталина строилась на противодействии, противопоставлении, а не на союзе и братстве, требовала от одного человека способности подозревать и ненавидеть другого, а не таланта любить его. Не случайно. Нетерпимость, ненависть — необходимый момент политики, основанной на принципе «Разделяй и властвуй».

Страх и ненависть сплачивают, причем быстрее, чем любовь и дружба, ибо обращены не к высшим, а к низшим свойствам человеческой души, учат неприятию, а не пониманию. Ненавидящий, нетерпимый человек ищет не причину того или иного случая, той или иной возникшей проблемы, а виновника. Нетерпимому созна-

нию нужен объект ненависти, на счет которого можно списать этот случай или проблему. И когда объект неприязни, ненависти вдруг исчезает, когда его нет, догматическое сознание ищет его, ищет упорно, всюду, куда проникает, во всем, что попадает в поле его зрения. Мы потому так медленно развиваемся, что вот уже десятилетиями, раз за разом занятые вопросом «Кто виноват?» и уничтожением людей, которые способны были бы ответить на вопрос куда более значительный: «Что и (главное!) как делать?»

Чужой вкус, чужое мнение, чужой вид вызывают у большинства гораздо меньше, казалось бы, естественного любопытства, гораздо больше настороженности. Новая выставка, новый фильм, спектакль, новая мода, музыка, песни, новый танец — и нетерпимое мышление уже в «боевой стойке», готово к борьбе... И — «Если враг не сдается, его уничтожают». «Чужое? Значит, плохое». «Кто не с нами, тот против нас»... «Непонятно — значит неверно»...

Встречаются характеры, вся мысль и энергия которых направлены на то, чтобы свести все высшее к низшему: чувство — к инстинкту, любовь — к сексу, мотив действий — лишь к материальному интересу. Но никогда — к идеалу, вере, духовному зову.

Таков, мне кажется, был Сталин. Его ненависть к интеллигенции можно объяснить именно тем, что она является основным носителем духовных начал жизни общества, творцом идеологии, науки и философии. А в качестве этого Творца хотел выступать он сам и только он.

Не имея к тому выдающихся способностей, он обладал выдающимся желанием быть выдающейся личностью, методично и последовательно выкашивал вокруг не только все великое, но уничтожал даже семя, из которого это великое могло произрасти в будущем.

Он не терпел соперничества, ибо был не способен к конкуренции. Способ его возвеличивания был прост — уничтожение. И чем больше вокруг него все уничтожалось, принижалось и унижалось, тем более возвышалась его фигура.

Он любил монументы, высотные здания, грандиозные стройки. Говорят, это знаки эпохи. Лишь в том смысле, чтобы сказать, как много мог народ. А в остальном — это памятники вождю, это тоже способ подавления личности, нагнетания страха на малокультур-

ную душу. С древних времен известно: дворцы и пирамиды строились, кроме всего прочего, и для того, чтобы рядом с ними люди могли почувствовать свою малость, ничтожность.

Вся сталинская политика была политикой на понижение в обществе духовности, творчества, инициативы, вся она, в конце концов, творила вокруг себя мертвчину. Застой лишь случился при Брежневе. Однако истоки его, как и сама неполитическая натура Брежнева, обретенного судьбой на роль главного политического деятеля огромной страны, коренятся в сталинизме.

Духовность, культура, нравственность всегда несли угрозу деспотизму. Поэтому деспот убивает их с помощью страха. И поскольку есть люди такого уровня духовности, которые идею, принцип, нравственный императив ставят выше собственной жизни и готовы заплатить за них высшей мерой, они и получали ее.

И начал действовать принцип: «Ест человек — ест проблем, нэт человек — нэт проблем»...

Стоит обратить внимание на тот факт, что Сталин, верный изобретенной им «теории» обострения классовой борьбы, никогда не говорил всерьез о морали и социальной справедливости. Ибо вся эта «теория» была источником разжигания в обществе подозрений, ненависти, зависти и вражды. Вся она служила тому, чтобы развязать ему руки и не стесняться в средствах борьбы за власть и личное возвеличивание.

Эта «теория» превращала диктатуру пролетариата в фикцию, зато утверждала диктатуру личности над пролетариатом; она уничижала ведущую роль партии в обществе, но делала возможной ведущую роль одного человека в партии, который признавался вождем, стоящим над партией как божество стоит «над схваткой», «по ту сторону добра и зла».

Изобличая других, Сталин гениально интриговал и мастерски лгал.

Трагизм большой психической установки Сталина нам еще предстоит изучить и осознать. Сталинизм — это уникальный социальный эксперимент, когда в разговорах о демократии гибнет демократия; когда из заботы о человеке вытекает полнейшее презрение к живому человеку, реальной личности; когда из речей и песен о счастье в стране вырастает грандиозно развернутая и

страшно организованная в своей четкости инквизиция со всеми ее средневековыми атрибутами: доносительством, тюрьмой, пыткой, казнью, густой пеленой тайны.

И всеобщего страха.

Говорят, что Сталина любили. Что ж, все зависит от того, что понимать под словом «любовь». Кошка «любит» мышь, играет ею перед тем, как сожрать. Палач «любит» свою жертву, свою работу. Раб «любит» своего господина за то, что бьет несильно. Странная любовь.

«Любовь» к Сталину — из разряда странных. Тайна этой странности в том, что она основана на страхе. Тайна же самого страха — в его «двуvalентности»: при том что чувство это, как уже говорилось, негативное, унизительное, унижающее, губительное, в какой-то мере оно и спасительное, спасающее, а значит, таящее надежду.

Только этим и можно объяснить, что иные люди, зная Сталину истинную цену, ненавидя его, тем не менее до последнего момента были тайно, необъяснимо для себя влекомы к нему, на что-то еще надеялись. Именно отсюда и берет свое начало эта странная «любовь» народа к Сталину.

«Любили» потому, что избавлял от необходимости заниматься таким мучительным занятием, как думать, и «думал» за всех.

«Любили» потому, что был скончен на слова, не знал сомнений, не просил, не убеждал, а внушал, проповедовал, требовал («необходимо», «следует», «должны», «надо»), редко являя свой лик народу, был скончен в движениях, многозначителен в молчании. Его портреты висели всюду, его имя было у всех на устах с утра и до ночи, его славили в песнях и кантахах. Что еще надо для божества?

«Любили» потому, что являлся собой некий Абсолют, в который можно верить и веровать и как бы «знать», что же будет дальше, в будущем.

«Любили», не сознавая, что идол, авторитет, не владеющий Истиной, правдой, совестью, не может нести с собой ничего, кроме духовного рабства, построенного на страхе.

В результате обожествления Сталина даже любовь к Родине ставилась рядом с «любовью» к Сталину, хоть неравновеликость человека и народа столь же очевидна, как нерядоположность при-

роды и червяка. И все же люди шли в бой и умирали «За Родину, за Сталина!»...

Не будем их осуждать. Но тем они возносили одного над миллионами, над собой, над Личностью, давали одному уверенность в своей «единственности», в правомерности и допустимости жизненной философии зла, которую этот человек исповедовал.

Конечно же, были личные убеждения, вера в идеал коммунизма; были яростная целеустремленность и неистовый энтузиазм в достижении этого идеала; была уверенность в конечной силе добра и справедливости; была всеспасающая во все времена великая троица — Вера, Надежда, Любовь. Все было в той жизни. Но надо всем и надо всеми довел Страх: страх смерти, страх за свою судьбу, страх перед несчастьем родных и близких.

«Любили» Сталина и потому, что мучил, был строг, жесток, доставлял боль и страдания, к которым стремится человек незрелого нравственного сознания, человек темный, забитый.

Русские мыслители уже давно подметили это странное свойство человеческой души.

В романе «Идиот» Достоевский устами Лебедева говорит: «Инстинкт саморазрушения, наряду с инстинктом самосохранения, живет в сердце человечества».

В повести Гоголя «Вий» Фома, чувствуя, что если посмотрит в глаза чудовищу, то тут же погибнет, все же не может избежать искушения и теряет рассудок.

Пушкин писал:

Все, все, что гибелью грозит,
Для сердца смертного тант
Неизъяснимы наслажденья...

Самокопание, самоедство, самомучительство — в натуре многих людей, русского народа, особенно его интеллигенции.

И «тоска» по сильной личности, и ностальгия по «твердой руке», кроме всяких иных причин, отсюда — из странного желания человека освободиться от ответственности за решение сложных задач, от собственно человеческих функций, быть управляемым, руководимым, подчиняющимся.

Институт Страха, ГосУжас — основной психологический феномен, порожденный системой сталинизма.

Организованный по указанию Сталина «двойной» пресс — и сверху и снизу» был его дьявольским изобретением. Снизу — массовые собрания, митинги и демонстрации, массовая критика, воля «всегда правого» большинства, массовое доносительство. Сверху — массовые репрессии во исполнение «воли народа».

Воистину: «Никто, как русские, так не спасал других, никто, как русские, так сам себя не губит» (Е. Евтушенко).

Ничто не доказывалось, а лишь утверждалось, преувеличивалось, многократно повторялось, образуя механизм внушения массам тех мифов, догм и стереотипов, которые «работали» на замысел Сталина и некоторых из его подручных. Они умело использовали законы массовой психологии. С помощью страха и подозрительности доводили простую антипатию до крайней ненависти, легкое желание — до неистовой страсти.

Эксплуатируя импульсивность, раздражительность, чувствительность общественного сознания вообще, а тем более «испуганного», они доводили людей до состояния массового гипноза, когда действия приобретают иррациональный характер, когда по законам психологической заразительности индивид может принести в жертву коллективным, общественным интересам не только свои личные интересы, но и свою жизнь...

Страх перед непостижимостью происходившего, страх за свою жизнь и жизнь своих близких в смеси с реальной жизнью со всеми ее атрибутами реальности (любовью, хождением на работу, стоянием в очередях, рождением детей, бытовыми заботами и т. п.) образовывали из этой жизни какую-то бесовщину, какую-то фантасмагорию, что-то похожее на то, что описал в своем романе «Мастер и Маргарита» А. Булгаков. Злодейская воля одного человека парализовала страхом волю целого народа...

Разве может быть доступным просвещенному разуму бессмысленное убийство лучших людей по воле одного человека? И разве не разумно даже для этого разума, чтобы не пустить пулю в лоб, не погибнуть физически, изобрести для себя какую-нибудь оправдательно спасительную философию жизни, скажем, новую веру в непоколебимую мудрость, силу и волю земного небожителя,

если ему доступно то, что недоступно самому господу богу? Тем многие и заканчивали, оговаривая себя на смертных пытках...

Страх рождал культ. Культ культивировал страх. Без страха нет культа. Но отсутствие культа не означает, что исчез страх. Страх живуч, он жив в каждом из нас и всюду: в сознании, подсознании, в бессознании. Не говоря о том, что, как все социальные ценности, и эта «ценность» наследуется нами и новыми поколениями по законам преемственности, хотим мы того или нет. И пока в обществе существует повышенная мера страха, в нем существуют психологические предпосылки культа личности.

«Человеческие души, любезный, очень живучи, — говорит Дракон в пьесе Шварца в споре с благородным рыцарем Ланцелотом. — Разрубиша тело пополам — человек оклеет. А душу разорвешь — станет послушней и только...»

Вокруг полным-полно искалеченных душ. Безрукие души, безногие души, глухонемые души... Но главное — души искалечены духовно. В наших душах мало души. И пусть это покажется кому-то тавтологией, однако это так. Нам катастрофически не хватает способности (и потребности) к самоопределению, самосознанию, самосозиданию. Духовности не хватает.

Почему мы так плохо сознаем свое человеческое достоинство? Оно прибито, пришиблено в людях условиями нашего существования. И не столько материальными. Как бы там ни было, в общем они у кого-то терпимы, у кого-то улучшаются, у кого-то вполне хороши. Главное — наши души испуганы, запуганы. Страхом смерти, тюрьмы, наказания, который наследуется от поколения к поколению. Несвободой. А дух — это свобода, свобода — это дух.

Страх превращал человека в «винтик» огромной государственной машины, который в любой момент мог быть изъят из нее и заменен другим, абсолютно схожим «винтиком». Страх превращал личность в «чистую доску», на которой догматизированное общество через систему образования и воспитания «писало» то, что ему было угодно в тот или иной исторический момент. Но разве «винтики» уже исчезли? Те, что вынуты из механизма, тоскуют о возврате, а многие действующие желали бы стать «болтами»...

Страх мешал мыслить, обобщать, прогнозировать, творить новое, заставлял упрощать сложное, жить с оглядкой назад и по-

сторонам, приспосабливаться и приспособливать. Страх мешал людям жить во всю полноту их мыслей и чувств, жить счастливо, развиваться и двигаться вперед. Что — сегодня все не так? Да, стали смелее, говорим много. И даже действуем. Но не от бесстрашья. А потому, что понимаем: мы на краю, иного пути нет.

Не только человек пребывает в страхе, но искусство, науки, имеющие дело с духом, тоже скучожились от страха. Напуганы и все еще на всякий случай «чего-то» боятся социология, философия, история, юриспруденция, проза, поэзия, драматургия, журналистика, живопись...

Если бы не отдельные, хоть и весьма редкие их представители — эти гении и гиганты непокоренного человеческого духа, — как стыдно было бы за науку, литературу, искусство...

Страх был источником роста бюрократизма, препятствием в борьбе с бюрократизацией. Страх взлелеял явление с иностранным названием «конформизм», которое в переводе на русский язык звучит не столь загадочно-парфюмерно, делает вполне ясной скрытую подлость этого слова — приспособленчество. Стародавнее чиновничье «Чего изволите-с?» в новые времена обрело новую форму выражения: «Есть такое дело!», «Будет сделано!», «Как скажете!»

Страх и сегодня советует: держи язык за зубами, не «высовывайся». Стремление действовать «в соответствии», подладиться под начальственное указание, боязнь поступить не так, «как надо», «неправильно» убивают инициативу снизу и сегодня.

«Молчи, скрывайся и тай и чувства и мечты свои» — так сформулировал мне недавно свое жизненное кредо один совсем не рядовой человек. А я-то знаю, что это две первые строчки из стихотворения, кажется, Фета, и, стало быть, им многое более сотни лет... Знакомый мой исповедует этот принцип всю жизнь. Преуспевал и прежде. А на этапе перестройки попер вверх такими семимильными скачками, что сам не поймет, в чем дело. А на мой взгляд, ответ прост: работает дарвинский закон «О происхождении видов путем естественного отбора или сохранении благоприятствуемых пород в борьбе за жизнь». А я-то думаю, что если нынешняя социальная среда все еще позволяет людям такой «породы» не просто существовать, но и возвышаться, то значит, ничего существенного в этой среде пока не произошло.

Страх был и пока остается обычным явлением, моментом нашего существования, нашей привычкой, нашим образом жизни. Не случайно.

В разное время нашего общества страх (или, наоборот, смелость) имел свои основания, свою «цену». В годы культа личности Сталина ценой неординарности, самостоятельности мыслей и действий, выходящих за установленные рамки догм или «железной» дисциплины, были свобода или жизнь. Позднее и ближе к нашим дням эти же свойства личности влекли за собой обвинение в демагогии, очернительстве, инакомыслии. За этим тоже следовали санкции, хоть и не столь жесткие. Просто жизнь человека по всем линиям «вдруг» резко усложнялась, затруднялась...

Кто осмелится сказать, что сегодня вполне свободно мыслящий и свободно действующий человек, инициатор, новатор, предприниматель в безопасности — даже не говорю. Просто «в безопасности» только демагог. Ибо со всех сторон: и сбоку, и снизу, а то и сверху все сильнее слышится: «Хватит, наговорились!», «Обогащаться? Не позволим!», «Новатор? Генератор? Видели мы таких!»

И волей большинства, этак демократично — бац! по башке...

И письменцом — не анонимным, нет, с подписью — чего бояться? демократия, гласность! имею право клеветать и доносить легально — во все инстанции! — шлеп его, борца за перестройку!..

И будьте уверены! — «там», в «инстанции», еще есть люди, которым такая «информация» очень кстати. Другое дело, что они используют ее не так грубо, как в старь, а поизящней. Но еще и нынче, как вчера, рыцари бюрократической системы нуждаются в «прессе» снизу. Бюрократ и аноним (доноситель) нужны друг другу: доносители дают многим бюрократам работу и возможность реально «давить» на неугодных им людей; бюрократы позволяют многим доносителям бездельничать, удовлетворяя свои честолюбивые и прочие амбиции за общественно-государственный счет. Хотя в сути оба — и доноситель, и бюрократ — в этом качестве бесполезны и вредны для общества, ибо оба — имитаторы, заняты никому не нужной, контрпродуктивной деятельностью.

Анонимный страх перед опасными анонимами, деятельность которых поощрялась десятилетиями, был еще одним способом по-

корения сознания и душ миллионов, безотказным средством управления народом. Но какой же это жесткий, какой бесчеловечный прием! И как много лет — более полувека — понадобилось нам, чтобы отказаться от услуг анонимов. Но не от доносителей. В условиях демократизации они чувствуют себя как рыба в воде. Пока...

Многое, еще очень многое нам предстоит преодолеть до конца. Именно «до конца». Потому что полушаги, полумеры, полурешения мало что дают.

Мы уже пережили (хотя и далеко не до конца) страх перед всем «чужим», «не нашим», мы устали бояться «их» и пугать «ими» своих детей. Теперь говорим о едином и целостном мире, о приоритете общечеловеческих ценностей над классовыми и т. п. Зовем не к ненависти и вражде, неизбежно умножающим страх и ведущим к войне, а к взаимопониманию, терпимости.

Мы, кажется, поняли, что «чужефобия» (железные занавесы и т. п.) ведет к замкнутости нашего общества, а значит, к задержке в экономическом, научном и техническом развитии. Куда уж дальше?

Но как велико еще наше нежелание осваивать и усваивать «чужое», даже если это «чужое» — хорошее, полезное...

И сегодня еще наше общество во многом состоит из интровертов, т. е. людей, которые нацелены только на себя, на свое; людей, страшящихся «других». Они и составляют оплот консерватизма, который тормозит прогресс.

А сколько в обществе людей, которые боятся всего нового? Быть может, их у нас еще больше, чем консерваторов. Сознанием этих людей владеет страх опасений, что новое потребует отказаться от милых их сердцу привычек, они органически не приемлют необходимость считаться с новыми условиями, со всем, что выводит их из привычного равновесия.

Но от чего же берегутся эти люди, от чего оборошаются, чего боятся? Жизни. Той самой жизни, которую не хотят потерять. Вот парадокс!..

Спросите их, зачем они борются с новым, и вы узнаете, что (на их взгляд) ими руководит вовсе не страх, а вполне резонные, вполне разумные, на их взгляд, причины.

На их взгляд — вот в чем дело. А не на самом деле. Ибо страх во многих отношениях не осознается человеком. А не осознается потому, что он из его подсознания. Потому-то мы и не можем избавиться от него, не можем перестать бояться.

Конечно, новое — не всегда передовое, не всегда «хорошее». Речь не о том, чтобы петь гимны новому лишь потому, что оно новое, прославлять чужое из-за того, что не похоже на «наше». Речь о преодолении «новофобии», неоправданных опасений, страховок.

Есть люди, которые, встретившись с новым, то есть будучи поставлены в ситуацию выбора, замирают в нерешительности: что делать? Они боятся рисковать, принять решение, боятся ответственности, боятся сделать выбор. Наивные!.. Они его уже сделали. Пассивность — это тоже действие, но отрицательного значения.

Но встречаются и «новаторы», которых надо опасаться, ибо, по сути дела, это авантюристы, не озабоченные сохранением связи времен. Бояться косности — еще не значит восславлять разрушительство. Патологические интроверты ничем не лучше патологических экстравертов. В конце концов, надо понять, что движет как первыми, так и вторыми: это страх, делающий нас рабами то старого, то нового, то своего, то чужого, то внутреннего, то внешнего.

Ничто не проходит даром. Длительное и постоянное нервное напряжение человека неизбежно вызывает болезнь его психики.

И если сказанное верно для отдельного человека, то это справедливо и для целого народа, если этот народ десятилетиями боится то арестов, то доносов... И это совсем не важно, что лично их не испытала большинство. Это тот редкий случай, когда и чужой опыт учит.

Психопатология обыденной жизни нашего народа должна быть изучена особо. Но и без всяких исследований правомерно думать, что наше общество — одно из самых невротических в мире. Ибо никто не жил так долго в атмосфере столь масштабного и столь сильного страха.

Говорят, что невроз — это естественное явление для любого сколько-нибудь развитого человека. Фрейд утверждал, что «невроз является данью, которую человек платит природе за свою одаренность».

Тридцать процентов населения нашей страны олигофrenы, то есть, подтверждены психическим заболеваниям в той или иной мере. На учете у психиатров 5,5 млн человек. Много это или мало? Не знаю. Статистики из других стран для сравнения у меня нет.

Особый объект исследований — наша интеллигенция. Ей было чего бояться. Она больше всех пострадала и больше всех напугана. Что творится сегодня с ее сознанием, мышлением, душой? Вот предмет, достойный особых исследований и беспокойства. Ибо это мозг нации, народа, общества. Больной, пораженный страхом мозг, — что может быть страшнее?..

Мы привыкли говорить о репрессиях в смысле арестов, пыток и расстрелов людей. Сколько их, этих жертв, мы пока точно не знаем.

Однако почему мы не хотим понять, что репрессировать можно не только физические тела, но и души, умы, мышление, чувства людей? Страх нанес нашему народу невероятный по масштабам нравственный урон, невосполнимые интеллектуальные и духовные потери. Никто никогда не посчитает, сколько миллионов открытий не состоялось, сколько книг не сочинилось из-за трусости нашего мышления, гонений то на кибернетику, то на генетику, то на бионику. Сколько Моцартов было убито и сколько Сальери торжествовало!..

Ведь каждый человек, каждое поколение имеет отведенное ему природой время для тех свершений, которые и называются жизнью. И человек должен именно прожить свою жизнь. Для этого он должен овладеть жизнью, то есть строить ее по внутреннему зову своей души, совести, своего собственного ума, а не по воле внешних обстоятельств. Это по силам только смелому, то есть свободному человеку. Трус проживает не все отведенное на жизнь время, а только часть его, ибо слишком много хитрит, ловчit, обманывает и обманывается, а не действует созидательно. Трус — это имитатор, а имитатор — всегда трус.

Сколько их, не состоявшихся судеб, не полностью прожитых жизней?.. А сколько этих жизней было укорочено физически в результате тех психических заболеваний, которые принес с собой страх? Думаю, если их суммировать, неимоверно больше суммарной жизни тех, кто погиб в застенках и лагерях...

Нашему обществу, лихорадочно размышляющему о том, как выбраться из ошибочной исторической колеи, надо прежде всего укрепиться внутренне — душой, верой, избавиться от развративших его пороков. И прежде всего от страха, количество которого в нашем обществе ныне огромно и может увеличиться.

«Как так?! — скажут. — Ведь сегодня — демократизация, гласность. Кого и чего нам бояться?»

Будущего! Ибо прошлое нас не пугает. Оно может вызвать чувство стыда, вины. Прошлое не несет угрозы человеку. «Что будет?» — вот таинственный вопрос, вот неопределенность, которая таит опасность для общества и конкретно человека.

И будущее не вообще, через 30 или 50 лет, а день завтрашний, день, в который (ты, он, они — мы) еще будем живы. От вопроса «Что будет?» не спрячется никто.

Страх — загадочное явление. И самое загадочное в нем то, что он рождается там, где нет ясности, знания, где живет неизвестность, тайна. А неясного, неопределенного, неизвестного в нашей жизни сегодня полным-полно. Большинство наших представлений о том, как двигаться вперед, опрокинуто перестройкой, самой жизнью. Многие растеряны, ругают перестройку потому, что боится ее. Чтобы помочь людям преодолеть это страх, надо дать им знание о будущем, они должны увидеть и почувствовать, что в настоящем это будущее уже присутствует, что-то настоящее уже меняет в лучшую сторону.

Как ни глупы вопрос «Что будет?», он ворвется в твой ум. Но не пугаться, не впадать в истерику надо, не цепляться трусливо за прошлое, а встретить будущее, как подобает человеку — смело, мужественно, деятельно. Коль жизнь приходит, коль она неизбежно приносит тяготы, новые проблемы, заботы и страдания, то эти тяготы и страдания надо преодолеть. Вот и вся простая философия жизни, исполненная реализма, истинной силы и свободы человеческого духа. Совсем простая. Но как долго и мучительно идет к ней человек...

...Пусть трусы советуют, что жить надо не спеша, осторожно, с оглядкой по сторонам, ибо отовсюду человеку грозят опасности. Пусть!..

А все же музы славят смелых, и трусы поневоле поют песни и читают поэмы о них. А все ж история знает лишь тех, кто был от-

важен и дерзок умом и поступком. Пробуждающий и отрезвляющий удар смельчака правдой безоговорочно предпочтительней самой сладкой сказки, лжи, союзничающей со страхом. И потому во все времена награждали за храбрость и отвагу. В трусости нет потребности. И когда человек ради высокой идеи, нравственного принципа бросается в рой жалящих насмешек, в пламя гнусных издевательств или встает под смертельную пулю, давайте гордиться им. Он преодолел страх смерти. И значит, он Человек.

Май, 1985 г.

О СОЦИАЛИЗМЕ ВБЛИЗИ И ИЗДАЛИ

На все произшедшее с социализмом надо смотреть со стороны, с огромных высот истории и настоящей жизни. Изнутри ничего не понять и не объяснить: «лицом к лицу лица не увидать».

Невероятно многое мешает этому. Но главное — отсутствие достаточного количества светлых голов (о мыслителях не говорю) — всех их скосили еще в тридцатых, а потом вытравливали на корню всякую свежую мысль, чтоб не взошла. Но главное — повальная ордоксальность, догматичность всех и вся без исключения политиков, «политологов», «философов», «экономистов». И желая быть новаторами, сказать по-новому, они то и дело оказываются консерваторами, гнут старое. Вместо свободы слова — «гласность». Вместо многопартийности — «социалистический плюрализм» и т. п. Благонамеренные, но все же ортодоксы. Но что может благонамеренный ортодокс? Переиначить старое на иной лад. Ибо знает только то, что знает. А знает марксизм-ленинизм и ничего иного. Отсюда и само понятие «перестройка», отсюда «обновление», «возрождение». Отсюда сам «новый» выбор — социализм, которого, как оказывается при беглом взгляде, нет и не было, а при серьезной задумчивости — и быть не может. Ибо, хоть и рождены мы, как пелось несколько десятилетий, «чтоб сказку сделать былью», но это невозможно уже потому, что сам замысел этот тоже сказочный, а не реальный. Сказка потому и есть сказка, что не реальность. Социализм — утопия и потому не может стать «научным», а тем более «реальным», да еще «развитым».

Реальность — это жизнь общества и человека, которая имеет смысл, которого социализм лишает ее. Для социалистического сознания, сплошь забитого понятиями марксистско-ленинского учения, слова эти звучат абсурдно. Ведь утверждалось обратное: только социализм дает осмысленность человеческому бытию, дает перспективу, цель жизни. Вместе с ответом на вопрос «Зачем, ради чего живу?» — «Ради коммунизма! Ради счастья будущих поколений!» — человек (так мыслилось) обретал уверенность и социальный оптимизм. Увы, не обрел... Напротив. Как никогда прежде, остро и мучительно встал уже совсем не философский вопрос о смысле жизни «вообще», а совершенно конкретный, понятный каждому обывателю вопрос о смысле уже прожитой им жизни — кем-то от начала до близкого конца, кем-то наполовину, кем-то пока малой частью, хотя может ли быть «малой» часть жизни, когда сама жизнь невероятно коротка?.. Фанатики социализма — люди, не способные взять в толк ни того, что случилось, ни того, что происходит и может произойти, прячут этот вопрос вглубь души. Более того, используют его как аргумент и средство в борьбе с высвобождением общества от коммунистических иллюзий. «Выходит, мы зря прожили жизнь? — вопрошают они в гневе. — Ну, нет!..» Рука их непроизвольно тянется к оружию.

Можно убить того, кто скажет: «Да, к сожалению, жизнь ваша прожита зазря», но невозможno убить сам вопрос о смысле твоей жизни. Он догонит тебя, найдет, достанет рано или поздно, хоть на смертном одре.

Не обойти его и в нашем разговоре, хотя бы краем коснуться, хотя бы нескольких сторон, а придется. Хотя бы в том его аспекте, из которого явствует: смысл жизни никак не в коммунизме и его «строительстве». Никто не сделал так много, чтобы сформулировать этот вывод так твердо и определенно, как сам социализм всем ходом претворения идеи и замысла в практику, в реальность. Вопистину: практика — критерий истины.

Играя на психологии множества людей, особенно русских, которые по природе своей менее всего прагматики, а более всего мечтатели, романтики, правдоискатели, страстотерпцы, а потому стремятся отогнать от себя подальше тосклиевые думы о смысле повседневных забот, лишений и страданий в область будущего,

подменить, заместить тяжелую и безрадостную действительность сладкими грезами о завтрашнем счастье, которое явится как чудо, посыпается как манна небесная в голой пустыне, коммунисты своей пропагандой усилили этот эмоциональный настрой народа, внушили миллионам людей нравственно-психологическую установку, согласно которой весь смысл жизни — в строительстве «светлого будущего», по сравнению с которым сегодняшний день для жизни просто не в счет. Жить надо ради завтрашнего дня, ради дальних поколений. Ради счастья всего человечества. И вышло так, что одна шестая земной суши стала фантастически огромной строительной площадкой, где прежде надобно было разрушить все старые сооружения, расчистить ее от хлама и сора, чтобы освободить пространство для претворения в практику великого строительного замысла; потом по проектам и чертежам, которые делались на ходу, строили «новый мир», который состоял из палаток и землянок, воспитывали «нового человека», который жил в этих временных сооружениях, терпел лишения, страдал и ждал.

Он ждал «светлого будущего», а оно не приходило. И не пришло. Зададимся другим вопросом: а должен ли человек, ищущий смысла в жизни, ждать, как долго он может ждать, может ли, имеет ли право проводить свою жизнь в ожидании?

Жизнь конкретного человека конечна, дни ее до ужаса коротки.

Авторы проектов социалистического строительства давали не раз обещания, называя едва ли не даты пришествия земного рая. Но всякий раз ошибались. И вместе с этим все призрачнее становилась надежда людей. И вместе с этим снижалась жизненная, творческая энергия людей, их желание работать на этот неведомый завтрашний день. Ибо они видели, что величие будущего оборачивается презрением к настоящему, забота о целом, общем (страна, человечество) строится на несчастье личности, отдельного человека. Ожидание теряло смысл, проведение дней и лет в состоянии ожидания действовало угнетающее, разлагало душу. Человек работал как каменщик на стройке, зная лишь отведенное ему задание, имея лишь отведенный ему сектор горизонта. И чем больше камня громоздилось сверху, чем тяжелее сооружение, тем быстрее уходило оно в трясину. Ибо все строительство не имело серьезного духовного фундамента. Не хочет человек жить в коммуналке, а хочет

иметь свой дом, строить его по своему проекту, своими силами. Не хочет растворять свое «я» в безликом «мы». Не хочет тратить свою единственную жизнь на ожидание счастья, ибо и без подсказок великих мыслителей понимает, что должен быть счастлив, коль рожден, хочет быть сам творцом своего счастья. Человек хочет дела, действия. Вместо этого ему предлагают исполнительство, революционное словопрение, собрания, митинги...

Старшие поколения уже свыклись с горькой мыслью, что лучшей доли им не видать. Молодые замечают, что их лучшие годы пролетают мимо и опять, как у отцов, зазря. Им тоже ожидать? Чего?.. Беда нашего общества заключается в том, что в бессмысленном томлении, под гнетом страха и лжи люди потеряли ясные представления о том, что есть добро, а что — зло, что такое хорошо, а что такое плохо. Мы уже не знаем, каким должен быть достойный человека образ жизни. Завтра будет довольно табаку, сахара, туалетной бумаги, подешевеют малость продукты, и мы снова впадем в состояние восторга от результатов нашей борьбы. Вот оно — счастье!..

Не от того ли так сильно «зашibal» всегда русский мужик, а потом и «строитель нового общества», что водка была дешевой? Не только от усталости, горя или радости. Прежде всего — от бессмыслицы жизни. Ощущение, что ты живешь в бессмысленномовороте тебе неподвластных событий, что их поток несет тебя как щепку в океан небытия, куда уже уплыли миллиарды безымянных «я», а ты так не понял, ради чего ты страдал и мучился в нищете или богатстве среди тебе подобных некчемушных людей, — вот заноза в душе и уме, от которой все их гниение и разложение.

Социализм не упростил, а усложнил и затруднил поиск ответа на вопрос «Что мне делать? К чему стремиться? Какую цель жизни иметь?» Ибо уничтожил свободу, а с нею (прежде всего) свободу выбора жизненных путей. В песнях пелось, будто «все пути открыты молодым», но это была ложь. Открытым был один-единственный путь — «активно участвовать в строительстве коммунизма», знать одно-единственное мировоззрение — марксистско-ленинское, одну-единственную философию — марксистско-ленинскую... Как не выбирает человек своих отца и мать, Родину и место рождения, так не мог он выбирать своего образа мыслей, определять свои политические взгляды, исповедовать свою мораль. Родившись в Союзе Со-

ветских Социалистических республик, он из всех способов организации общественной жизни мог выбрать только социализм, а из всех социализмов — самый лучший — советский. Человек жил не в социальном пространстве, а в социальной плоскости. Перед ним не было вариантов выбора своего движения в этом социализме — вверх-вниз, вправо-влево, а только вперед, по руслу, взявшему в железо и бетон, — к победе коммунизма. Выбор в несущемся во весь опор табуне. Выбор газеты или ресторанных блюд в вагоне поезда. Цель общего движения тут не зависит от тебя совершенно. Ты скакешь со всеми или попадаешь им под копыта. Ты заказываешь борщ или котлету, потому что другого вагона-ресторана нет, а поезд не сется и кушать хочется.

Мы не учились, нас обучали; мы не трудились своей душой, нас воспитывали, формировали. Модель поведения была задана. Тут выбирай, не выбирай школу, техникум, институт — выберешь только специальность, профессию, но не жизненный путь, ибо везде и всюду тебя будут учить одному мировоззрению, одной идеологии. Тут выбирай, не выбирай город или деревню, завод, фабрику или колхоз, все равно выберешь занятие с мизерной (двадцаткой больше, двадцаткой меньше) зарплатой, при которой жить бедно и плохо или совсем плохо, но (за редчайшим исключением) никогда хорошо, богато...

Во всех случаях — иллюзия выбора, по сути, выбор без выбора.

И какой тут смысл вопрошать по поводу высшей, самой последней, все остальное в твоей жизни определяющей цели («ради чего?»)? Тебе не дано ничего изменить в твоей судьбе к лучшему решительно и заметно, а только в мелочах, означающих, что ты приспособился к среде и тебе позволено оставаться живым, существовать, действовать, не проявляя инициативы, не творя. И какой тут смысл заниматься мучительной работой самопознания, самооткрытия (кто я, что я среди других? К чему я призван, что должен делать в этом мире именно я, только я и никто другой? Как найти свое место в жизни, состояться человеком? и т. п.), если, «открыв» себя, ты не имеешь возможности самореализоваться — жить по собственному замыслу? Сначала тебя сформируют, каким ты должен быть, потом используют. Во всех случаях (в школе, вузе, партийной, комсомольской организации и т. д.), ты, человек, цель

лишь постольку, поскольку из тебя надо сотворить хорошее средство. Это — более чем эксплуатация на производстве. Это — духовное угнетение. Ибо дух — это самопознание, самоопределение, саморазвитие. Где нет простора для духовности, там бессмысленной становится сама постановка вопроса о смысле жизни, не говоря о самой жизни. Нарастание же бессмыслицы существования в сознании людей ведет к их отуплению, ожесточению, рассогласованию в отношениях и действиях. Что и наблюдаем мы сегодня. Не только потому, что темны и порочны (злы, агрессивны и т. п.) от природы. Но потому, что сделались такими, несмотря на осуществленный план всеобщего среднего образования...

Социализм с его жестким мировоззрением материалистического детерминизма, фанатичной всеохватной идеологией, марксистско-ленинским учением, претендовавшим на единственно верную трактовку путей исторического развития, «спасения» всего человечества от ига капиталистической эксплуатации, породил у миллионов темных людей (пусть не звучит это уничижительно) уверенность в том, что коммунисты во главе с их вождями и в самом деле нашли ключи от затворов к человеческому счастью, ответ на извечно мучивший человека вопрос «Зачем живу?». Для тех, кто смотрел на социалистический эксперимент со стороны, уже давно ясно, сколь безмерно преувеличивали Маркс и Энгельс, затем Ленин, его окружение и последователи этих трех классиков свои умственные силы, решив, что им дано управлять социальной стихией. Но мы-то только начинаем понимать ошибочность «открытых» ими «законов», абсурдность программ и нелепость планов такого способа спасения человечества. Только начинаем, не хотим признавать этого, поскольку семьдесят с лишним лет служили целыми народами в трех соснах, но далеко в стороне от столбовой дороги эволюции. Придется признать...

Вина вождей очевидна. А вина народа, так называемых народных масс? Разве не ясно, что сам народ виновен в своих страданиях не меньше, чем вожди? Оглядываясь назад, можно только диву даваться, что темные, забытые, невежественные, дикие и полудикие народы Азии, уверовав в своих вождей, решили вдруг учить и спасать Европу.

Июнь 1985 г.

О ЕДИНСТВЕ МОНОЛИТА ИЛИ МНОГООБРАЗИЯ

Со всех сторон, изо всех уст несутся уже не крики, а стоны: «Довольно саморазоблачений!», «Хватит говорить о недостатках!», «Давайте работать, а не дискутировать!», «Дайте идеал и веру!», «Когда начнем говорить о „позитиве“?»...

Да, жизнь наша разбалансирована, разуравновешена, развинчена предельно. Многие говорят, что демократизация уже перешагнула границы допустимого, а от гласности не то что ушные перепонки скоро лопнут — с ума сойти можно. Говорят, что страну поразил хаос.

Что же выходит: прежде был порядок? Если так, то это был порядок мертвчины. И, может, мы должны пройти некоторый этап хаоса, из которого народится порядок свободы и права?

Что мы «устали» уже на первых метрах восхождения к вершинам свободы и демократии — не удивительно. Ведь демократизация применительно к личности — это выход тоталитарного человека из многолетнего и глубочайшего духовного подполья, возвращение из страны Лжи и Страха, где он был «освобожден» от обязанностей самостоятельно думать и решать, в страну Свободы, где жить достойно можно, надеясь только на себя, прежде всего и главным образом на свой ум, свои знания, свои способности, свою энергию, а не на партию, государство, профком, трудовой коллектив.

«Вдруг» оказалось, что огромному большинству людей такая трудная (от слова «труд», да еще умственный) жизнь не по плечу. Для множества совершенно нестерпимо сомнение, их душа жаждет слепой веры. Для множества недоступен последовательный и постоянный критицизм, постоянное и напряженное думанье. Большинству хотелось бы так: помитинговали, пошумели, поругались, посомневались, покритиковали, подумали маленько — и будет: «За работу!»

Вот даже с самого «верха» говорят: «Наступил второй этап реструктуризации: этап реальных дел». И слышится вздох радости и облегчения миллионов: «Наконец-то!»

И опять выходит, что слово, мысль, идея, творчество — это не «реальное» дело и не «дело» вообще. Что философия, литература,

наука, искусство, журналистика — занятия бесполезные, ибо лишь увеличивают теоретические, политические и всякие другие общественные шатания, которые ради спокойствия и стабильности надо преодолеть. Каким путем? Обычным, привычным. Высокой идеологической и общественно-политической активностью. Резким повышением дисциплины и ответственности коммунистов. Единением партийных рядов, изгнанием из партии тех, кто не разделяет «наших» целей, то есть тех, «кто не с нами». «Самое важное сейчас для партии, — утверждает Е. К. Лигачев, — это единство ее рядов» (АиФ. 1989. № 42. 21–27 окт. С. 3).

Итак, спасительная для преодоления беспорядков формула найдена. Старая, как мир, и новая, как сама неизвестность: единство.

О ЕДИНСТВЕ «ВООБЩЕ»

Конечно же, единство «вообще» надо приветствовать. Ибо не может быть смыслом человечества разъединение людей — классовое, социальное, религиозное, политическое и всякое иное. Не могут быть смыслом жизни борьба, революции, войны. Не могут быть смыслом создания партии внутренние распри, социальная демагогия, дискуссии ради дискуссий. Организации создаются и существуют «ради» чего-то. Их смысл в конечном счете всегда (по крайней мере, в программах и заявлениях) определяется в понятиях «интерес», «счастье», «справедливость», «равенство», «братство», «дружба», «солидарность», «мир» и т. п.

Единство, организованность, интеграция необходимы. Как необходимы для их достижения общие цели, иерархия органов, централизм и централизация, управление, социальная дисциплина, пределы, налагаемые обществом на жизнь и волю отдельного человека. Не может быть абсолютной свободы, безбрежной демократии, беспредельного деления общества на самопроизвольно возникающие объединения. Все имеет свою меру. Это закон. И чем крупнее, сложнее социальная система, тем он непреложней. Без единения общество и его организация просто распались бы.

Более того, если говорить о социализме и коммунистической партии, то их основной смысл вообще можно свести к интеграции

общества, его классов и различных групп в некую целостность ради всеобщего блага. Ибо в слово «единение» («интеграция») можно «спрятать» даже такие высокие понятия, как равенство, братство, справедливость, поскольку можно думать, что именно на пути к единению и с его помощью должны быть преодолены несчастье, несправедливость, неравенство.

Главный лозунг коммунистов «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» многозначен. В нем скрыты не только идея преодоления национальных границ на классовой основе, количественного накопления сил и призыв к борьбе, но также стародавний идеал, мечта социалистов о преодолении классовых различий между людьми, о соединении народов мира в одну общую, дружную, братскую семью. Прекрасная мечта!

Но если б только мечта и идеал, только цель... Единство партии прежде всего и практически всегда было средством политической борьбы. Пожалуй, самый впечатляющий образ «единой» партии дал В. Маяковский — «лучший и талантливейший (по словам Сталина) поэт нашей эпохи»:

Партия —
рука
миллионопалая,
сжатая
в один
громящий кулак.

Ни что-нибудь иное, а именно партия — «громящий кулак» нужна была Сталину и его режиму власти. И это было как-то объяснимо, пока шла борьба за власть и массы с другими политическими партиями. Внутреннее идейное и организационное единство было одним из условий достижения внешних целей. Хотя каких «внешних»? Скажем, меньшевики были такими же социалистами, как и большевики, но по-иному видевшими пути, средства и методы осуществления социалистической идеи. Уничтожению подлежал не идейный, а политический оппонент.

Когда же политические противники были устранины, необходимость борьбы за единство партии стала выводиться из задач борьбы с международной буржуазией и строительства нового общества.

Для безусловного подчинения меньшинства партии и народа большинству партии и народа, а этого большинства — ничтожному меньшинству партийно-государственной верхушки и его, Сталина, личной воле. Для безоговорочного подчинения личных интересов — общественным, индивидуальным — коллективным. Для создания жертвенного образа жизни: живем, трудимся и умираем не для себя — ради будущих поколений. Для формирования героического типа поведения масс — стахановцев, матросовцев, гастелловцев, гагановцев, то есть людей, готовых отдать для общего блага все, если надо, то и жизнь.

Теперь мы знаем, что, в конце концов, под видом борьбы за единство партийных рядов, идейное и морально-политическое единство общества на самом деле шла примитивная, но смертельная борьба «верхушки» за власть.

Теперь мы знаем, что при Сталине «враги», оппозиции, фракции и партии часто просто придумывались и подлежали уничтожению. А это значит, что уничтожался уже не враждебный класс, а сам класс-гегемон, лучшие умы общества, наиболее творческие люди самой партии. И пограничной линией, за которой начинались ненависть и истребление людей, было отклонение от «генеральной линии», от «указаний вождя», от «общих целей и задач», от «уставных и программных установок» и т. п.

Теперь мы знаем, что объединяли партию и народ не только вера в идею коммунизма, первостроительство, не только фронтовые окопы, «чувство локтя», «чувство партийного и комсомольского товарищества», «чувство гражданина СССР», но также исправительно-трудовые лагеря, проработки «неправильно» мыслящих на партийных и комсомольских собраниях, многомиллионные митинги и демонстрации «в поддержку» изуверских решений неправедных судов. Что общество и партия были едиными во лжи и страхе, экстазе подчинения «лично товарищу» (Сталину, Хрущеву, Брежневу и им подобным вождям), в отказе от свободы и снятии личной ответственности.

Теперь мы знаем, что благородный призыв коммунистов к единению пролетариев, который изначально нес в себе идею свободы, равенства и братства, в конце концов лишился своего смысла. Осталась одна форма — единство, именуемое иначе тоталитариз-

мом, причем тоталитаризмом в его варварской форме, когда единение людей достигается физическим насилием, когда человек в результате этого насилия настолько утрачивает свою человеческую сущность, что его поведение можно описать только в терминах социальной психологии: «массовый психоз», «эффект толпы», «иррациональное поведение». Что единство лишь иногда было спасительным для общества, но практически всегда — губительным для личности, что единство стало методом их самоуничижения и самоуничтожения.

Теперь мы все это знаем, теперь мы сожалеем.

И снова грезим о единстве! Вот парадокс — мы снова говорим, что «главное для нас — единство...»

Мы сегодня очень много знаем. Только что толку, если из знаний этих не делаем выводов? Воистину: многознание уму не научает. Мы словно обезумели. Слова и лозунги потеряли для нас их собственный смысл, поделились, как и классы, на враждующие лагеря, на слова «наши» и «не наши».

«Индивидуализм», «частная собственность», «многопартийность» и т. п. — это страх божий и всеобщая погибель. «Обобществление», «коллективизм», «единство» и т. д. — это путь к земному раю. Без партии нет общества, без единства нет партии.

Слово «единство» снова обретает в наших умах какой-то мистический смысл, магическое значение, становится словом-заклинанием, словом-спасителем, словом-messией. Объединимся — спасемся. Кто объединен — тот уже спасен.

КАКОГО ЕДИНСТВА МЫ ХОТИМ?

Говорят, что история повторяет себя дважды: вначале как фарс, потом — как трагедия. Красивый афоризм. Но точен ли он? Время необратимо. Выбор и выводы делают люди. От них зависит, повторят ли они в схожей исторической ситуации свои ошибки или исправят свои заблуждения и глупость.

Фарс свершился. И первая трагедия социалистического фарейства тоже. Но вот мы снова как бы в начале социалистической истории нашей страны: нас снова раздирают идейные и теорети-

ческие сомнения, шатания; снова фактически уже существует организационно-политический плюрализм; снова национальные распри; снова хозяйственная (хоть и в ином смысле) разруха, экономический хаос и т. п. Снова те же вопросы: «Что делать?» и более главный для темы нашего разговора: «Как делать?» Многим кажется, что часть ответа на второй вопрос ими найдена, и они кидают привычно: «К единству!»

Для меня же этот призыв звучит призывом к всенародной трагедии. Ибо нет никаких серьезных свидетельств того, что призывающие к единству видят его как-то иначе, чем оно понималось прежде, что они ищут его новую сущность и новое содержание, новые формы и методы единения. Как и прежде, в единении видится способ преодоления существующих и нарастающих сомнений, разобщения, разброда и беспорядка, предупреждения возможного раскола партии и т. п. И все.

Но как привести сегодня к общему знаменателю, единому значению бесконечно разнообразные мысли народных депутатов? Ученых? Писателей? Журналистов? Двадцати миллионов коммунистов? Снова силой и страхом? Для кого, зачем нужен ныне двадцатимиллионопалый «громящий кулак»? Кого им громить? Ради чего? В чьих интересах? «В интересах народа», как говорилось раньше? Но кто и когда действительно знал эти интересы? Кто сказал, что народ снова заинтересован жить с кляпом во рту? «В интересах социализма»? Но что это вообще за понятие — «интересы социализма»? Какие интересы могут быть у абстракции, каковым является понятие «социализм», тем более совершенно неясное понятие «социализм» сегодня? Слово не может ничего хотеть, желать. Слово можно использовать в любых интересах — это другое дело. Но в чьих? И наконец, разве десятки миллионов коммунистов и комсомольцев — это не сам народ?

Границ между двадцатимиллионной партией и народом уже давно не существует. Именно в этом, количественном, а не социальном (по составу) значении КПСС и является «партией всего народа». Ибо границы между классами и группами общества уже давно и во многом стерлись, существуют больше в воображении, в теории.

Беда, одним словом, не в том, что кому-то хочется единства, а в том, что (как и прежде) хочется единства «полного», дисциплины — «железной», ответственности — «безусловной». Беда в том, что из сознания советского человека вытравлена какая-либо диалектика и единство мыслится не как единство противоположностей, единство многообразия, а как единство гранитного монолита, единство косной, мертвкой и мертвящей массы.

И что уж совсем плохо, так это то, что в сознании нашем произошло, как говорят математики, переобозначение величин: «плюса» на «минус», а «минуса» на «плюс». Отрицательное стало называться и считаться положительным, а положительное — отрицательным. Если команды «сверху», на которых были построены общество, государство, партия, выполняются без споров и дискуссий, автоматически, то это «хорошо». Всякое сомнение «внизу» по поводу заданности «сверху» — это «плохо». Единство осталось без каких-либо противоположностей многообразия, стало мыслиться не как момент развития, а как состояние, которое необходимо постоянно и автоматически воспроизводить, поддерживать на «должном» уровне любыми средствами, даже физической силой.

Повторение истории в виде новой трагедии нашего общества, трагедии еще более масштабной и жестокой, на мой взгляд, вполне вероятно. Ибо за годы советской власти тоталитаризм свершился не над людьми, не сбоку от людей, а глубоко вжился в самих людей — в их сознание, мораль, чувства. Тоталитарное сознание человека — опустошенное и развращенное — никуда не исчезло от того, что мы признали Сталина деспотом, а общество — тоталитарным. В тоталитаризме своем мы только-только признались. Еще в 1983 году в «Кратком политическом словаре» говорилось, что «понятие тоталитаризма используется антикоммунистической пропагандой с целью создать фальшивую картину социалистической демократии».

Никуда не могли деться за 4 года перестройки двойная мораль, двойное сознание. И если сегодня в нем пока верх держит нарождающийся демократический, свободный импульс, то это вовсе не значит, что уже погибла иная, противоположная система взглядов и потребностей — жажда веровать, готовность подчиняться,

страсть исполнять, не думая. Иначе откуда бы взяться ностальгии по «твёрдой руке», «железной дисциплине»? Иначе почему бы, еще не научившись выговаривать слово «демократия», не разобравшись толком, что это за штука, мы уже свирепо требуем ее ограничения?

Жив догматизм, мифы и фарисейство. Живы догматики, мифотворцы и фарисеи. Захоложены, как личинки, дуновением ветерка свободы. Создастся благоприятная для них командная атмосфера — мгновенно оживут и будут удивляться тому, как могли они поддаться колдовским чарам демократизации...

Фарисеи — не пятая колонна в изменяющемся обществе, а все наше общество. Фарисеи — это мы, не способные осознать себя фарисеями, в чем и состоит секрет тоталитарно-догматического сознания, направленного не во внутрь человека, а во вне, где якобы сосредоточились все его враги и несчастья, с которыми надо бороться, бороться, бороться... Бороться так много и яростно, чтобы не было времени оборотиться на себя, задуматься: «А может, мои несчастья во мне самом?» Оттого-то нам обидно, а не стыдно за все прошедшее, оттого-то мы задаем вопрос «Кто виноват?» и ищем врагов вокруг, хотя первые и главные враги нам — это по преимуществу мы сами. Трусливые. Готовые к построению в шеренги и колонны, к командам «Смирно!», «Шагом арш!»...

Повторение трагедии возможно, потому что в нашем сознании живет устаревшее, механистическое представление об обществе, которое сложилось еще в конце XIX и на заре XX веков. Когда миру еще были неведомы имя Норберта Винера и слово «кибернетика», Когда даже фантасты не задумывались о возможности создания искусственного интеллекта и не было слова «компьютер», научной дисциплины «информатика». Когда управление страной и людьми мыслилось в понятиях «подчинение», «принуждение», а общество понималось в виде некоего гигантского механизма, в котором энергия центрального «двигателя», «пружины» через систему трансмиссии и «шестеренок» передается вниз, к массам, определяя тем самым направленность и энергию движения каждой «нижестоящей шестеренки» вплоть до самой малой и последней — до человека.

Только при таком взгляде на общество могла родиться сталинская теория «приводных ремней», представление о человеке как о «винтике» государственной машины. Только при таком понимании даже умные люди могли осознавать себя всего лишь «патроном, зажатым в обойме и ждущем удара бойка по капсулю, чтобы выстрелить» (писатель Бирюков).

Конечно, ныне число фанатиков в нашем обществе заметно побарабанило. Но они не исчезли совсем. Не особо побарабанило и людей, полагающих, что есть простые способы решения сложных задач (миф о «ведущем звене», ухватившись за которое, можно вытащить всю цепь), что «словом можно двигать горы», что «мы рождены, чтобы сказку сделать былью». Что главное в руководстве — вовремя дать верный лозунг, а дальше все само собой покатится.

Короче говоря, возврат к старым формам и методам социальной интеграции общества, единения партии возможен, поскольку в массовом сознании живет давно устаревшее представление о политике и управлении как основных способах этой интеграции, где решающую роль играют воля, команда, подчинение, принуждение. То есть их самый грубый и несовершенный вид.

Если тезис «главное для нас сейчас — единство партии», если призыв «К единству!» будут приняты как действительно необходимые данному моменту, если их восприятие не осложнится никакими историческими ассоциациями, трудными сомнениями и размышлениеми о том, в чем новая сущность единства, каковы новые формы и методы его достижения, то есть если мы будем воспринимать революционный лозунг как прежде бездумно: прошел — и действуй! — перестройка захлебнется. Захлебнется в криках боли, страданиях и крови.

Ибо невозможно совместить борьбу за единство, как «главное» дело дня, с либерализацией и демократизацией, как действительно главным делом перестройки, которая в сущности своей есть неуклонное нарастание свободы и многообразия всевозможных форм социальной жизни во всех ее сферах.

В сфере экономики — это возникновение различных форм собственности, развитие товарно-денежных, рыночных отношений, новых способов хозяйствования и т. п., которым единство

может противопоставить всерьез лишь скомпрометировавший себя централизм (даже если он зовется демократическим, шарахается от определений «бюрократический», «крайний», «чрезмерный») и опостылевшую тотальную планификацию, даже если она надевает более современные одежды, именуется госзаказом или как-то иначе.

В сфере политики — это появление множества новых объединений и организаций, стремящихся стать самостоятельными субъектами политических отношений, которым единство противопоставляет сформулированную Сталиным теорию «передаточного ремня», делящую общество на две части: «активную», куда, прежде всего, входит одна и единственная партия, а точнее, ее руководящий «верх», и аппарат, от которых через эти «ремни» пассивное большинство получает мудрость верхов.

В сфере идеологии — это уже реально существующий мировоззренческий и идеологический плюрализм, которому единство противопоставляет «единственно верное» и «подлинно научное» марксистско-ленинское мировоззрение, хотя оно, как известно, находится в глубоком кризисе...

Сказать одним словом, борьба за единство означает, что «открывающееся» для свободы общество будет все более «закрываться» для нее, но вновь открываться для лжи, доносов, клеветы — аморальности. Это значит, что мы закроем для себя неизвестное, непонятное и тем пугающее нас, но таящее надежду будущее и откроем страшное прошлое, которому предстоит стать нашим трагическим настоящим и безнадежным будущим.

К НОВОМУ ПОНИМАНИЮ ЕДИНСТВА

Если сегодня стало ясным, что «высокое и неуклонно растущее идейное и морально-политическое единство советского общества» — это миф и не более, если понятны причины, по которым этот миф, став элементом нашего сознания, уродовал людей и общество, то первое, что надо было сделать, — устраниТЬ причины и условия, в которых было возможно их действие. Второе (и самое главное) — прийти к новому, современному пониманию сущности

социальной интеграции, единения общества и его организаций. Иначе, хочешь — не хочешь, а поневоле повторишь известное и привычное.

Есть несколько моментов, без которых новое понимание социальной интеграции невозможно.

Первое и очевидное обстоятельство, которое пока не принимается политиками в расчет по вполне понятным причинам, это то, что социальная интеграция существует и должна рассматриваться в диалектическом единстве с социальной дифференциацией, что отрыв интеграции от дифференциации в теории и на практике чреват теми же серьезными ошибками и тяжелыми последствиями, как отрыв цели от средства, причины от следствия, идеала от действительности и т. п.

Более того, в наше сознание должно войти понимание того, что дифференциация первее интеграции, ибо, представляя собой разделение общества, классов, групп, сфер жизни и т. п. на части, ступени, уровни, она вызывает тем самым и необходимость способов сохранения целого. Дифференциация — основная сторона развития, основной момент эволюции общества от простого к сложному. Там, где нет дифференциации, расчленения целого, обособления частей, рождающих новые противоположности, там нет противоречия, там нет источника развития, там нет самого развития, прогресса.

Второй принципиальный момент, от которого зависит современное понимание единства, процесса социальной интеграции, — это взгляд на общество как на сложнейшую саморазвивающуюся кибернетическую систему, а не некий громадный социальный механизм. Кибернетический подход к пониманию общества все ставит с головы на ноги в буквальном смысле. Ибо в отличие от «механического» общества, которое строится сверху вниз, держится на вертикальных, прямых связях, кибернетическая самоуправляемая система строится преимущественно снизу вверх, от частей — к целому, на обратных связях.

Наше общество достигло той стадии развития (и застоя!), когда потенциал для его прогресса надо искать не столько в возможностях общества и государства как целого, сколько в их частях, подсистемах: в возможностях республик и регионов, а не в едином

всесоюзном плане; не столько в политической системе вообще, а в деятельности ее звеньев; не только целого общества, но прежде всего человека, личности.

Самоуправляемое общество организуется так, что не «верхи» наделяют правами «низы», а наоборот — «низы» делегируют управляющим ими органам определенные полномочия. Иначе говоря, общество строится снизу вверх путем последовательных метасистемных переходов, при которых вновь возникший уровень управления не отменяет функций предыдущего уровня, а создает внутри себя новые, дополнительные функции, новые виды деятельности. Если же эти новые функции, новая деятельность неочевидны, то не нужен, следовательно, и данный орган управления.

Например, в Швеции всего 18 министерств, аппарат каждого из которых не превышает 100 человек. Аппарат этот так немногочислен потому, что министерства не занимаются оперативным руководством «низами». Но вовсе не потому, что это сами министерства так решили. Отнюдь. Просто всю полноту ответственности за текущие дела, а значит и необходимые для этого права, несут муниципальные органы. Они и решают (через рикстаг), какое руководство им необходимо.

Третий пункт — о социальном интеграторе, об основной объединяющей силе общества. Считается, что в нашем обществе таким является КПСС. Согласно Конституции СССР, партия — «ядро политической системы, государственных и общественных организаций». В 1918 году Ленин писал: «Мы должны знать и помнить, что вся юридическая и практическая конституция Советской Республики строится на том, что партия все исправляет, назначает и строит по одному принципу». Сказать проще: вся власть принадлежит партии (а значит, и вся ответственность за состояние дел в обществе!..).

Ныне авторитет партии столь низок, что выполнить роль духовного, идеиного, нравственного интегратора всего общества она не может. Более того, может, ей не следовало и не следует стремиться к этой роли? Ибо вчера и сегодня она осуществляла эту функцию прежде всего волей и силой, управляла людьми через посредство, как правило, посредственных людей.

Между тем, подлинным интегратором свободного общества должны быть не воля и сила, а закон и право. Партия сама обязана действовать в рамках закона. То есть занять подобающее ей в обществе место, признав верховенство государственной власти, законодательных органов. Партия должна быть подконтрольна. И не создаваемым ею органам КПК, которые составляют с ней единую систему и, стало быть, всегда найдут общий язык в случае злоупотреблений, а именно закону.

Закону и общественному мнению, которое формирует не партия с помощью управляемой ею печатью, а именно свободная печать, свободная наука, свободные литература и искусство, которые находятся в особом, независимом положении к исполнительным и судебным органам государства и партии. Партия при этом может иметь свою собственную печать. Но не могут быть «партийными» пресса, литература и искусство в действительно свободном, плюралистическом обществе.

Работники духовной сферы не обязаны никого контролировать, они никем не руководят. У них один бог — истина, правда, которым они и служат. Они ищут правду, сообщают о правде, ради правды живут, за правду страдают, а то и умирают. И тем самым они — контролеры, они — руководители, они поощряют и «каратают» словом правды. И тем очищают общество от лжи, страха, злоупотреблений. И тем возвышают и сплачивают его — борьбой со злом за добро, честь и справедливость.

Одним словом, в духовной, политической и нравственной сферах интеграторами являются право и его учреждения, исполнительная власть и независимые, свободные пресса, наука, литература и искусство.

Не менее важно найти социальные интеграторы и в сфере экономики. Это, конечно же, не план, ибо он — явление искусственное. Действительными, естественными интеграторами общества могли бы стать частная собственность, товарно-денежные отношения, рынок, управление инвестиционной и финансовой политикой.

Иначе говоря, действительное единение общества происходит не с помощью «громящего кулака», а через оптимально и разумно организованные общественные отношения и механизмы, через сознание людей. Сплочение организации, единение общества

происходит не сверху, а снизу, не снаружи, а изнутри, не от общего к частному, а от частного к общему. В этом случае общество предстает как «цветок», вырастающий, прежде всего из Человека, из Личности.

Если мы хотим, чтобы общество наше расцвело, заплодонило, мы должны не вновь сжимать, а разжать партию — превратить «кулак» из «громящего» оружия в свободно работающую пятипалую руку, у которой, как помнится, более 100 степеней свободы.

Подлинное единство — это явление духовной культуры, но никак не воли, физической силы, дисциплинирования. Только единство, основанное на понимании, солидарности, согласии и духовной культуре, ведет к выработке новых форм отношений между различными частями общества и людьми, общественными организациями, государственными учреждениями, духовной сферой и экономикой. Только такая интеграция имеет шанс на продолжение и историческую эволюцию, бесконечность. «Силовой» тип интеграции неизбежно вырождается в «борьбу» за единство, в видимость единства, а в конце концов — в национальную трагедию.

Только с позиций общей и духовной культуры нашего общества в целом и каждой из республик страны надо рассматривать и вопрос о *многопартийности*, который надо дискутировать, ибо он давно вызрел. Будущее социализма как свободного общества подразумевает организационный плюрализм политической системы, партий, молодежных и других общественных организаций. Но сегодня-то речь идет о конкретной исторической ситуации, когда введение многопартийности означает, как минимум, разделение власти.

Применительно к СССР в целом идея многопартийности мне кажется во многом бесплодной изначально. Причина? Огромная разнокультурность нашей страны, и прежде всего ее республик. Именно уровень культуры того или иного народа определяет его способность породить и, породив, сохранить многопартийную систему. Наше общество, в котором еще не прижилась идея политических свобод, народ, у которого еще нет развитой способности к свободе, не выдержат многопартийности.

Вот почему сегодня нет и не может быть единого и универсального решения этого вопроса для всех республик, кроме права каждой из них решать эту проблему так, как хочет ее народ. В каждой из республик он решится в зависимости от того, насколько вы зрела и действительно остра, а не надуманна эта проблема.

Без особого труда можно представить многопартийную систему в маленькой Эстонии. И трудно поверить, что многопартийность нужна и будет эффективна ныне в Узбекистане или Казахстане. Подчеркиваю: ныне и на данном уровне развития культуры этих республик. Не случайно, видимо, то, что построение социализма в условиях однопартийной системы более всего пока подходило слаборазвитым странам.

В то же время США, начав с однопартийной системы, вскоре стали двух-, а затем и многопартийным обществом, при том что Дж. Вашингтон предостерегал народ от партий, от «пагубного воздействия партийного духа вообще».

Мне кажется, что в нынешних условиях, на данном уровне культуры народа, многопартийность не принесет нам ничего хорошего. Общество элементарно и примитивно переругается, передерется в борьбе за групповые, национальные, территориальные интересы, а партии погрязнут в борьбе за голоса избирателей, им станет важно не то, кто и за что голосует, а сколько избирателей голосует именно за них. Интересы народа и групп будут ими забыты. Выше всего станет партийный и своеокрыстный, личный интерес политиков.

К чему борьба непременно за «новые» партии, если это борьба, почти на сто процентов грозящая перейти в вооруженную войну? Ибо надо быть безнадежно наивным человеком, чтобы думать, будто КПСС с ее всепроникающей структурой, огромным аппаратом и всевозможным опытом борьбы и властовования, несмотря на ошибки в прошлом и неудачи в настоящем, «вдруг» добровольно отдаст власть. Кроме множества разных и понятных причин, по которым этого не произойдет, это не может случиться опять-таки и в силу нехватки культуры. Культуры общедемократической, политической, культуры диалога, культуры компромисса, культуры терпимости. Ни Венгрия, ни Польша нам тут примером быть не могут.

Если думать о народе, о сохранении хотя бы относительного спокойствия в стране, то реально возможным надо признать только путь постепенной реформации и наращивания плурализма внутри партии, постепенной трансформации общественного сознания коммунистов и граждан в сторону увеличения его свободы, демократизации, гуманизации.

Единая политическая партия (КПСС) в условиях демократизации неизбежно должна дифференцироваться внутри себя, то есть поделиться и состоять из различных течений, групп, фракций. Закрыть эту возможность — значит закрыть развитие партии, ее действительную перестройку. Кстати говоря, сделать бессмысленным и разговор о единении рядов.

Выигрыш от такой установки (при ответственной разумной позиции оппонентов) может быть поистине огромным. Ибо он переводит политическую борьбу из плоскости борьбы прежде всего за власть в русло борьбы прежде всего за идеи, концепции, платформы переустройства общества, то есть поиска истины, а не победы над оппонентом, победы любой ценой. Кроме того, это была бы борьба главным образом внутри партии, а не внутри всего общества. Это служило бы в основном идею содружества, согласия, эволюции, а не неизбежного конфликта.

И последний момент. Могучим интегратором, объединителем людей всегда служили высшие, над всеми частными идеями и интересами стоящие Идея и Цель. Какая идея может быть сегодня таковой для нашего общества?

Идея коммунизма и коммунизм как цель сегодня не могут выполнить этой роли. Слово «коммунизм» уже давно исчезло из обыденного словаря, из обыденной, повседневной жизни народа. Не потому, что слово «обветшало, как платье». Люди не верят в сам коммунизм, в идею коммунизма. Этот термин остался для пользования на съездах, конференциях, собраниях, для докладов и лекций, в лексике благонамеренных ортодоксов, фарисеев. Сегодня его редко услышишь из уст даже партийных и комсомольских работников, хотя партия — коммунистическая, союз молодежи — коммунистический.

Сегодня подавляющее большинство общества уже многие годы объединяет идея перестройки и ее главная цель: демократизация —

интеллектуальная, идеологическая, политическая, экономическая, производственная. По данным социологического опроса 2566 человек в 11 регионах России, 74% опрошенных с разными оговорками, но одобряют перестройку, происходящие в обществе перемены.

Однако (притом что перестройка — процесс длительный) может ли перестройка быть общей Идеей и высшей Целью жизни общества и человека? Перестройка, как ни крути, всего лишь момент истории, явление политическое, цели которого постоянно изменяются. И это естественно: перестройка — это революция, перерыв постепенности, это опять разрушительство. А жизнь, общество, человек жаждут стабильности, равновесия, творчества, созидания. Перестройка, как и любая революция, борьба, лишь обещают их, но дать не могут.

Перестройка — революция рано или поздно (лучше бы «рано») должна войти во всемирный поток эволюции и созидания, из которого наше общество давно и во многом выбилось, чтобы с гораздо большей эффективностью и пользой для человечества использовать творческий потенциал 300 миллионов людей более 100 наций и народностей, одну шестую часть земной суши и огромные водные пространства, принадлежащие нашему государству лишь в политическом и юридическом смыслах. С нравственной точки зрения они принадлежат всему человечеству.

Иначе говоря, слово «перестройка» надо сделать более содержательным. И не только с товарно-денежной, колбасно-молочной, то есть материальной, экономической стороны. Это, конечно же, чрезвычайно важно. Можно даже сказать — первостепенно. Но только до той поры, пока заполняются продуктами и товарами пустые полки и витрины наших магазинов.

Но вот они полны (а это будет!), люди сыты, сносно одеты. И что же? Разве исчез вопрос «Зачем живу? Ради чего?», которым мучается всякий культурный (не Шариков, не Швондер, конечно) человек? Вопрос этот стал еще нестерпимей. Ибо признать смысл своего существования в том, чтобы есть, — убийственно. Так живут порознь друг от друга — питаясь, работая и плодясь — и лошадь, и слон, и верблюд.

У перестройки-революции должны быть сильные духовные основы и духовные цели, она должна вывести наш народ к новой фи-

лософии жизни, к новому, более плодотворному, чем прежнее, мировоззрению, осуществить этот синтез единства и многообразия, интеграции и свободы, которые (вместе взятые) создали бы новое, куда более жизнеспособное и жизнерадостное общественное устройство.

Историей доказано, что народ, страдающий от внутренних раздоров, народ, не имеющий вкуса к свободе и способности быть свободным, не знающий опыта демократического правления, спасается от трудной и мучительной необходимости думать и решать самому тем, что зовет диктатора. Такую мечту осуществить не трудно. Народ всегда получал достойного его деспота и соответствующее правительство, чтобы потом оплатить свою ошибку ценой своих же страданий.

Сегодня важно понять: опасность перестройке, нарождающейся свободе, поднимающейся с колен демократии исходит не от прессы, науки, литературы и кино, лишь отражающих, как зеркало, нашу уродливую действительность, а от самого усталого и издерганного народа, а также тех политических руководителей, которые эту усталость, это раздражение, эту злость хотели бы использовать в своих интересах.

Не дадим случиться откату назад и вниз. Не будем уставать и раздражаться, не станем ненавидеть и начинать охоту на ведьм. Страшны не противоположности и противоречия, а способы их разрешения, неумение их разрешать. И несоединимое можно соединить в нашей жизни, если не искать простого решения сложных проблем, если не думать, что проблемы исторического масштаба могут быть решены мгновенно, если делать ставку не на ненависть, а на взаимопонимание, на согласие. Забывшие диалектику, мы привыкли к тому, что там, где противоречие, там только борьба, причем борьба не на жизнь, а насмерть, на полное уничтожение. Но это не так. Именно из противоположностей, как учил еще Гераклит, рождается прекраснейшая гармония.

Не враз, но общество наше может обрести эту гармонию, если возьмет за принцип жизни Согласие и Диалог. Это новый, непривычный для нас тип бытия. Но мы должны научиться жить именно так. Иначе откат не просто назад, но вниз, в историческую пропасть.

22 марта 1990 г.

О ТОМ, ЧТО ЗАБЫТО В КОНЦЕПЦИИ ПЕРЕСТРОЙКИ

Когда в партийных документах читаю о том, что разработка концепции перестройки завершена, меня одолевают сомнения и грусть. Уже? Так быстро? Значит, все ясно по поводу экономической реформы? О перестройке политической, правовой систем? Нет же! Если мы кое-что знаем о том, что следует разрушить, и еще менее о том, что необходимо бы создать, то по вопросу о том, с помощью каких средств и какими путями вести обновление общества, продолжаются и еще долго, быть может, на протяжении всей обновительной работы должны и будут идти жаркие споры. И это естественно: никакая концепция, никакая теория не возникает сразу в завершенном виде. Она постоянно изменяется, уточняется под воздействием практики. И далеко не в деталях, а существенно.

Как можно считать формирование программы обновления общества завершенным, если, например, не разработана концепция молодежи на этапе перестройки?

Перестройка, провозгласив гласность и реализм, создала возможность осознания всего масштаба и полной остроты молодежной проблемы, а это значит, что впереди нас ждут огромные потрясения от еще неизвестных цифр и фактов трагической истории нашей молодежи. Истории этой мы совершенно не знаем. Никто никогда неставил даже задачи ее написания. Мы знаем лишь историю комсомола, интерпретированную и как «славный путь» советской молодежи, ибо между понятиями «молодежь» и «комсомол» стоял практически знак равенства. Мы говорили «комсомол», подразумевали «молодежь». Мы говорили «несоюзная молодежь», и в этом уже содержался некоторый упрек, скрытый намек на то, что быть «несоюзной молодежью» — плохо, предосудительно. Несоюзная молодежь рассматривалась как «база роста» комсомола, как те остатки молодежи, которые по каким-либо причинам не достойны приема в комсомол, где сосредоточивалась лишь «передовая молодежь», при всей неопределенности этого понятия (что значит — передовая?). Это должно было рождать у «непередовой» части юношества известную иро-

нию, скепсис по отношению к тем миллионам молодых людей, которые, именуя себя «передовыми», никогда таковыми не были. Это должно было нарушать какие-то тонкие внутригрупповые связи и отношения, которые существуют в молодежной среде как относительно обособленной и замкнутой общественной группе, рождать чувство протеста, стимулировать конфронтацию между различными категориями молодежи.

Как должна была чувствовать себя учащаяся молодежь, когда прекращалась деятельность их союзов и организаций, когда в первые годы существования комсомола в его ряды принимали практически лишь рабочих? Что думала крестьянская молодежь, особенно в период коллективизации, когда ее доступ в Союз был крайне ограничен? Что испытывали молодые рабочие, не желавшие вступать в комсомол, когда Сталин бросил лозунг «Все сто процентов молодых рабочих — в комсомол»? Какие чувства испытывали юноши и девушки, когда закрывались их все иные, кроме комсомола, общественные молодежные объединения и организации? Что же все-таки случилось с молодежным движением в нашей стране? Как его «закрывали»? Какие драмы и трагедии кроются за этим? Пока лишь А. Жигулин в своей повести «Черные камни» приоткрыл нам краешек этой страшной тайны. Как ударили сталинские репрессии по молодежи, комсомольцам, работникам комсомола?..

1990 г.

О ПЕРЕСТРОЙКЕ КАК РАСПЛАТЕ

Отвлечемся от цифр и логических аргументов, которыми М. Горбачев объяснял необходимость «перестройки», от тех доводов, которые приводил Б. Ельцин, когда вырывал власть у Горбачева и начинал «реформы». Безусловно, в них заключена известная истина истории и смысла развития. Но в огромной, быть может, решающей степени они лживы, ибо главным в них была необходимость не объяснить, а оправдать свои планы и действия. И никому не дано узнать, что эти люди хотели на самом деле. Как ясно теперь и то, что они сами не знали этого, не ведали, что творят

и к чему приведут их начинания. Знать это почти невозможно в принципе, ибо социальная жизнь крайне трудно предсказуема. Тем более этим людям. Теперь-то ясно до конца: Горбачев повыше, поумней Ельцина, но оба лишь подтвердили общеизвестное: вершины власти еще не вершины ума и добродетели, а вовсе наоборот: с движением «вверх» растет лишь жажда власти и падает градус нравственности и индекс ума.

Но не следует видеть в Горбачеве «дьявола» от капиталистического ада, ниспосланного для разрушения социалистического рая. Он оказался в той точке исторического процесса и в той ситуации, когда вынужден был мыслить и действовать именно в этом направлении и никаком ином. «Перестройка» вызрела. Общество, беременное «перестройкой», должно было разродиться. И нужна была «повитуха». В этой роли и оказался (подвернулся) Горбачев. Возможно, кто-то другой выполнил бы эту роль лучше, а может, и хуже. Но он делал бы что-то похожее на то, что делал Горбачев при помощи всего своего политического окружения под восторженные вопли 250-миллионного советского народа. Давайте помнить это, ибо это было. Да, все надеялись, что перестройка открывает путь к новой счастливой жизни, которая тут же и наступит. Но, как и всякая революция (а перестройка, перебросившись от частностей к принципам, от экономики к политической системе, вскоре приобрела революционный характер), она означала лишь конец старой жизни, искупление грехов прошлого и не более. Она показала, что социалистическая власть не выполнила обещаний 1917 года, не справилась со своими планами и задачами. Несомненно, она могла бы существовать еще довольно долго (может 20, а то и 50 лет), но тогда уже была бы уничтожена силой в ходе гражданской смуты, если не отчаялась бы на мировую войну.

«Перестройка» — это приговор старой идеологии и системе, которые не исполнили назначения, взваненного ими на себя в 1917 году. Это расплата за все грехи прошлого. Не надо делить большевиков и коммунистов на «плохих» и «хороших», не надо гадать, «что было бы, если...», ибо у всех их одно название — «большевик», «коммунист». И для тех, кто не принадлежал к ним (а это абсолютно подавляющее большинство населения), для общества

совершенно не интересны внутрипартийные распри и «разборки». Взялись — делайте. Не смогли — уйдите. Довели до «перестройки», допустили ее возможность — значит, сами вынесли приговор своей системе и лично себе. Без гнили и болезни, без брожения и разложения революции невозможны. Но зачем обществу и народу гнилая «голова»?

Почему не наступила новая жизнь? Точнее, почему новая жизнь не стала лучше старой? Почему «перестройка» и «реформы» свелись к разрушительству, обернулись для подавляющего большинства народа обвалом бедности и нищеты? Можно искать и найти множество объяснений, но главное скрыто в природе «вождей» «перестройки» и «реформ», пришедших на смену старой властующей элиты. Все они в лучшем случае люди двоящиеся: двойственного духа и мышления, двойной морали, двойной психологии. Это «старые новые» («шестидесятники»), которые начали перестройку, это «новые старые» (Гайдар и К^о). Выросшие на догмах и мифах в условиях внешней и внутренней несвободы, как могли они творить лучшую жизнь?

Разве можно назвать Ельцина новым человеком? Весь образ его действий в момент ГКЧП, в октябре 1993 года (расстрел Белого дома), война в Чечне и т. д. и т. п. — это типичное поведение большевика, силовика. Но — не мозговика. Построенный им политический режим — это «диктатура демократии» для новой аристократии. Это, в сущности, тирания власти, чиновничества и криминализированного слоя «новых русских», то есть подавляющего меньшинства над подавляющим большинством населения. Вакханалия и беспредел в общественной жизни в самом широком смысле этого слова были предопределены тем, что высший слой общества, властная элита были по неизбежности сформированы Ельциным из людей третьего и пятого сортов, которые не то что не имели опыта управления и властования, но прежде даже не могли помышлять об этом в силу своей серости и посредственности. Все их «достоинство» заключалось именно в этом, то есть исключительно в том, что они не были допущены к прежней власти, «осели» преподавателями научного коммунизма (Бурбулис), завучами техникумов (Филатов), завлабами НИИ и вузов (Шахрай, Станкевич и т. п.). Могли ли эти люди

творить новые духовные ценности, вдохновлять писателей, поэтов и художников? Могли ли они вдохновить общество? На наших глазах на экранах телевизоров они учились выговаривать доселе неведомые им слова, отучались чмокать, гундеть и гнусавить, но так и не отучились. Под лозунгами борьбы за свободу и демократию они душили интеллигенцию и духовную жизнь общества, ибо они им были не нужны. Они упивались властью и разрушением «старого», привилегиями, на волне борьбы с которыми они пришли к власти, и — вот оно самое главное! — дележом государственной собственности, грабежом своей собственной страны — самой богатой в мире.

1994 г.

О ЦЕНЕ ГЛУПОСТИ

В Послании Президента РФ Федеральному собранию (февраль 1995 года) сказано: «Продолжаются попытки сконструировать и безотлагательно воплотить в жизнь собственную идеальную модель общественного развития. Старые мифы не преодолеть в одночасье». Невозможно оценить, во сколько обходится и обойдется стране новое мифотворчество. Но давно ясно: нет ничего дороже глупости.

Судя по результатам того, что замышлялось и было обещано, никто из них не в состоянии переломить ход событий к «реформационному» лучшему: ни Президент, ни Правительство, ни Дума, ни фракции, ни партии. Ухудшение дел списывается то на позавчерашнюю нерешительность Горбачева, то на вчерашнюю излишнюю решительность (радикализм) Ельцина, то на происки оппозиции (ГКЧП, Хасбулатов, Руцкой), то на «красно-коричневых». Выход ищется на путях смены людей и «команд», закрытии одних министерств и открытии новых, политического лавирования между разными силами, а дела идут все хуже, в тупик. В этом случае надо подняться над ситуацией и задать вопрос: может, дело не столько в депутатах и министрах, не в количестве центральных структур, соотношении прав центра и регионов и даже не в политике вообще, а в чем-то ином, гораздо более серьезном и значитель-

ном? Может, дело в неких обстоятельствах и процессах, некогда спущенных с цепи, развившихся до океанских размеров, поглотивших собой всех нас, в том числе, «родителей» этих процессов и явлений, и мы теперь растерянно барахтаемся в их бурных потоках, принимая их за некие «объективные» обстоятельства, которые невозможно преодолеть в силу этой их «объективности»? Иначе говоря, может, зчинатели перестройки и «реформы» ошиблись в чем-то более принципиальном, чем политика? И, может, все-таки они ошиблись в выборе вектора парадигмы развития?

1996 г.

О РОЛИ СТРАТЕГИЧЕСКИХ ЦЕЛЕЙ

Резонно задать вопрос: почему все случилось именно так? Кто виноват? Американские советники, в частности, Дж. Сакс, разработавшие и предложившие модели «шоковой терапии» российской экономики? Б. Ельцин, одобравший их? Е. Гайдар, с упоением проводивший в жизнь замысел заокеанских «друзей» и волю Президента? Правительство? Народ, абсолютное большинство (64%) которого не пришло в апреле 1993 года на референдум, который должен был решить, одобряет ли он выбор Ельцина и проводимую им политику? Те 52% из 36% голосовавших, которые одобрили курс Президента? Да, виноваты. Не в равной мере, но — виноваты.

И все-таки вряд ли можно сказать, что кто-то (Ельцин, Гайдар, Правительство, люди, не пришедшие на референдум и не голосовавшие за уже проводившуюся «реформу») хотел стране плохого, что им руководил злой умысел. Такое просто не укладывается в голове, если не веришь в катанинскую силу, в бесовщину, злой рок и т. п. Не снимая ни с кого вины и ответственности, более того, требуя, чтобы виновные понесли ее, скажем: была совершена стратегическая ошибка. И дело не только в том, что сделан исторически неверный выбор модели экономической реформы. Это само собой.

Модель экономической реформы не была соотнесена с более общим вопросом, а именно: какому из многих возможных направ-

лений развития России отвечает эта модель? Иначе говоря, куда должна, точнее, куда может двигаться Россия со всеми ее особенностями? Этот вопрос — первое экономической модели, ибо он определяет ее, а не наоборот. России предстоит битва за выживание и будущее. России нужна победа, и она должна победить.

Победа не приходит без подвига. Россия обречена на подвиг. Подвиг совершают люди ясной цели и высокого духа.

Проблема заключается в том, что народ страны не имеет и не знает такое цели, он деморализован, демобилизован, деградирует духовно и нравственно, разобщен психологически. Пока российский народ словно стадо овец покорно шел на заклание, с отчаянием взирая на то, как все ниже склоняет голову и мучительно погибает его некогда великая страна.

Между тем успех любой организации в решающей степени зависит от того, насколько четко определены не только ближайшие (тактические) задачи, но в том числе отдаленные (стратегические) цели — идеалы. Это тем более важно, когда речь идет об обществе, такой огромной стране, как Россия, такой сложнейшей организации, как российское государство. Вопрос о смысле жизни («Ради чего?») стоит перед ними неизмеримо острее, чем перед отдельным человеком. Эти цели — идеалы есть у каждой страны. Должны быть они и у России.

1996 г.

О МЕРЕ НОВАТОРСТВА

Конечно, демократия лучше диктатуры. Конечно, новаторство предпочтительней консерватизма. Конечно, сто умов (возможно) быстрее найдут верное решение, чем один. Конечно, идея равенства на первый взгляд заманчивее принципа неравенства. Конечно, роль масс в истории вроде бы сильнее роли одной личности. Кажется, что все это верно. Но только «в общем», «в принципе», «в конце концов». А в частности, в конкретной ситуации, в определенный исторический момент не всегда так. Далеко не всегда! «Ничего слишком», — говорили древнегреческие философы. Все хорошо в меру. Даже новаторство, даже демократия,

которой мы сегодня религиозно поклоняемся... Чем больше наблюдаю я нынешнюю действительность, тем острее у меня желание написать какой-нибудь трактат «О пользе консерватизма» или «О вреде демократии» или что-нибудь еще в этом роде. Не против новаторства и демократии, а в их защиту.

1996 г.

О РАСКОЛАХ РОССИИ

Все расколы России имеют духовные корни. Расколы Духа.

Сегодня в России все еще жива вырабатывавшаяся веками внутренняя способность и готовность во имя чисто духовных расхождений пойти на что угодно: на раскол семьи, страны, общества. Церковный раскол середины XVII века привел к жесточайшим преследованиям, анафеме и казням тысяч старообрядцев, к ссылкам и переселению в глухие и дикие места более 10 млн человек. Во имя «чистоты духа» (по сути) в начале XX века возникла Гражданская война, разорена страна и убиты миллионы. Инаковерцы и инакомыслящие вытравливались из общества во все годы советской власти, что, в сущности, имело свои огромные негативные последствия для всей социальной, в том числе материальной, жизни, а сказать одним словом — для культуры страны. Народу России всегда не хватало рационального, практического взгляда на жизнь, на то, что он вытворяет. Разве стоят того теоретические, абстрактные расхождения во взглядах на вещи крайне условные, неясные, спорные, чтобы уничтожать дома и храмы, заводы и фабрики, города и села, а главное, уничтожать людей? Конечно, нет. Но наша этика допускала, позволяла и позволяет. То же и ныне. Страна расколота, гибнет. Но ради «чистоты веры», ради нюансов и сегодня Гайдар не пойдет на союз с Явлинским.

О СМУТНЫХ ВРЕМЕНАХ

В России образовался сонм жирующих политиков, для которых «забота о России» стала доходным бизнесом; толпы брынцающих бизнесменов, которые не знают, куда девать свои неправед-

ным трудом добытые деньги и мечтающие превратить Россию в некое АОЗТ — акционерное общество закрытого типа. Глазами политических фигляров и разнокалиберных нуворишей с телевизоров на нас смотрят, увы, не лики духовных вождей и богоугодных святых, а самовоплощенное хамство, их речи проливают на нас не небесную благодать, а все убивающую ложь.

Мы живем в смутное, катастрофическое время, когда общество, а вместе с этим и личность, разрушаются, дезорганизуются, когда все и вся шатается, качается и кажется, вот-вот полетит в тартарары. В истории Руси это происходило уже четырежды: падение Киевской Руси, Смутное время, падение монархии в 1917 году и развал СССР в 1991 году. Всякий раз это вело к огромным несчастьям и гибели значительной части населения.

Выстоит ли Россия? Что нас ждет впереди? Каждый из нас ищет ответы на эти и многие подобные вопросы. Ответов множество, и нет того, в который поверило хотя бы большинство, благодаря чему образовалось бы некоторое единство. Ибо мнение людей, не изучавших историю России целиком и всесторонне, наивно, порой нелепо. Мнение и авторитет науки сведены на нет из-за многих расхождений во взглядах. Общество и массы остались незащищенными от ошибок, которые творят наобум безмозглые и безответственные государственные деятели и политические вожди.

О ЖЕРТВЕ

Россия — живучая страна. Потому что стержнем ее существования является национальное чувство. При всех оговорках Россия ощущает себя как народ, а государство существует, потому что народ не может представить себя вне государства. В любой ситуации он терпит до поры до времени. Но когда дело доходит до «точки», когда государство на последнем краю гибели, народ жертвует собой, спасая страну, государство. В самые критические моменты все именно так и происходило. В период Великой Смуты в XVI веке. В 1812 году. В Великую Отечественную. Русский человек идентифицирует себя с народом и страной, не видя смысла в своем существовании отдельно от них. Угроза для страны вос-

принимается как личная угроза. Русский может потерять все, но когда дело доходит до жизни, он дерется так, как не дерется никто, жертвуя собой ради других и своей страны в образе России. Готовность к жертве живет в душе русского человека. Она спрятана глубоко, под всякого рода личными интересами, в том числе материального порядка. Материальным слоем русский жертвует достаточно легко, ибо не избалован судьбой, в быту своем весьма неприхотлив, много- и долготерпелив. И когда этот слой истончается или исчезает вовсе, наружу вырывается жертвенность. В тот момент ничто уже не остановит миллионы людей от слияния их бешенства, энергии и воли на пути к победе. Безрассудство и беспощадность вырываются наружу неукротимым океаном чувств и могучим напором мысли, способными не только крушить врага, но и созидать оружие возмездия, творить чудеса научные, экономические, военные и всякого рода прочие. Это надо бы знать и учитывать сегодня американцам и остальным иноземцам. Россия поставлена на колени экономически. Это правда. Но не духовно, не нравственно. Вот началась война на Балканах, взыграло в людях национальное, славянское чувство. Кликнуть бы добровольцев — и пошли бы сотни тысяч. «Надо», «не надо» — в данном случае разговор не об этом. Люди готовы жертвовать собой не по приказу, не в силу законов толпы. Сознательно — индивидуально. Но это — Балканы. То же самое, только в неизмеримо больших количествах, может случиться в России по внутренним основаниям. Мы — у последней черты. И снова наше спасение, вероятней всего, придет через жертву. Может, самую великую жертву в истории.

О СОЦИАЛЬНОМ МОДЕЛИРОВАНИИ

КАКОЕ ЖЕ ОБЩЕСТВО МЫ «ПОСТРОИЛИ»?

Как назвать то общество, в котором мы живем? «Государственный социализм», как полагает Г. Х. Попов? Или, как говорится во всех официальных партийных документах, мы живем при социализме, который был извращен, искажен Сталиным, но

все же — при социализме, историей строительства которого несмотря ни на что следует гордиться? Ответ на этот вопрос имеет первостепенное значение. Без него нельзя начинать никакой дискуссии, ибо, если существующее общество все-таки социализм, хоть и деформированный, тогда справедлив горбачевский призыв «Больше социализма!» Если это «государственный» социализм, то задача состоит в том, чтобы сделать его «общественным». Если это «административно-командный социализм», то надо изменить систему управления обществом, сделав ее демократической.

Или надо согласиться с Ю. Н. Афанасьевым, полагающим, что наше общество «нельзя назвать социализмом, пусть даже и деформированным»? То есть общество, в котором мы живем, нельзя назвать социализмом вообще. Никаким — ни «государственным», ни «административно-командным». Может, то, что мы имеем — это действительно «государственный капитализм», как утверждают многие на Западе?

Поиск точного определения ситуации — не блажь. От ответа на этот вопрос становится ясным, чем мы занимаемся сейчас в ходе перестройки: улучшаем социализм или совершаем мирную социалистическую революцию, по сути дела, в непонятном, но несоциалистическом обществе, только начинаем строить социализм?

Произнося слово «социализм» разные люди сегодня вкладывают в него слишком разный смысл. Для многих оно просто бессодержательно, ибо теоретический идеал социализма, о котором говорили его основоположники, находится в вопиющем противоречии с действительностью.

Следуя кredo «Коммунистического манифеста», Октябрьская революция уничтожила частную собственность, свободный рынок, конкуренцию. Собственность стала общенародной, государственной. И что же? Уничтожен естественно складывающийся столетиями саморегулирующийся механизм интеллектуального, социального, экономического и политического соперничества людей, конкуренции предприятий в поисках лучших идей, решений, проектов. Убито чувство хозяина. Убит естественный источник творчества и инициативы, а значит, развития и обогащения общества.

Следуя канонам марксизма, революция рабочих и крестьян свергла класс эксплуататоров и уничтожила его в буквальном смысле. И что же? Теперь мы имеем такого непоборимого эксплуататора, как государство, и такого фактического владельца всех общественных богатств, как государственный и партийный аппарат. Смена владык при сохранении старой сущности? Разве это стоило революции?

Мы не имеем новой экономики с высшей по сравнению с капитализмом производительностью труда, которая, как говорил Ленин, «есть самое главное, самое важное для победы нового общественного строя».

Мы не имеем равноблагополучной жизни «простого» народа, но по-прежнему имеем тысячи миллионеров, награбивших свои богатства самым примитивным образом.

Мы не имеем особой «пролетарской» культуры, но и «старую» культуру вырубили под корень.

Уничтожив «старого человека» со «старой» моралью, старыми грехами и немощью, мы не создали «нового человека» — нового мышления, нового сознания, новой души, новой морали.

Конечно, можно сказать, что мы создали свою, социалистическую культуру, свою, социалистическую мораль и нравственность, нового, советского человека. Сказать можно все что угодно. Но про «советского человека» можно сказать только то, что он «другой» по сравнению с человеком, живущим в параллельных социализму обществах. Другой, но это вовсе не значит, что он «лучше». Часто — хуже. Ибо бездушен по целям и смыслу жизни. Догматичен по мышлению. Лжив и труслив по натуре. Конформист по поведению.

А как могло быть иначе?

Революция не может совершиться «над» людьми. Революция происходит с людьми, внутри людей. И если революция творила догматизм, ложь, страх, ненависть, приспособленчество, то их надо искать не в безвоздушном пространстве, а в реальных людях. Попавший в революцию народ, хочет он того или нет, живет в ней, как атомы металла в потоке раскаленной лавы; народ и отдельный человек теряют свободу и подчиняются законам стихийного течения жизни, роковому ходу истории, захлестнуты безответными

эмоциями и темными страстями массовой психологии, теряют свою индивидуальность, с точки зрения логики их поведение часто необъяснимо и непонятно. Необъяснимы миллионные демонстрации, требование смерти своим вчерашним вождям-кумарам, самооговоры «твердокаменных» большевиков, писавших в своих признательных показаниях, что «если партия сказала, что я враг, значит я — враг». Вот почему глупо сегодня искать ответ на вопрос: «Кто виноват?»... Виновата лава жизни. История. Революция. А люди различались только мерой одержимости и беспноватости в своем желании служить им — не отстать, успеть, опередить.

По учению Маркса и Ленина социализм в его идеальном значении должен органично включать в себя идею свободы, демократии и прав личности. В первую очередь. В действительности идея социализма и идея свободы и демократии оказались противоположными. Социал-демократы, с которых начиналась коммунистическая партия, последовательно осуществляли свой замысел. Коммунисты повсеместно уничтожали демократию под лозунгом о всемерном развитии демократии «социалистической».

Но нет демократии «социалистической», как не может быть «социалистической» правды, «социалистической» истины, чести, морали, любви, добра. Демократия или есть, или ее нет. Все остальное — социальная демагогия.

Как нет «социалистической» свободы, хотя десятилетиями советский народ убежденно распевал песню: «....Я другой такой страны не знаю, где так вольно дышит человек». Говорить о нашем реальном обществе, где была построена небывало широкая сеть концлагерей и уничтожены десятки миллионов человек, где задача строительства завода, фабрик, ГЭС и железных дорог всегда ставилась выше «строительства» личности, которая никогда не была целью, а всегда средством, — говорить о таком обществе как о свободном, то есть социалистическом, кощунственно. Сомневаюсь, что Маркс назвал бы социалистическим общество, в котором личность лишена элементарных человеческих прав, унижена и втоптана в грязь. Вряд ли согласился бы с этим и Ленин. В этом смысле можно сказать, что существующее в СССР общество — никакой не социализм. Ибо такой социализм способен внушать жи-

телям иных миров лишь ужас и отвращение, а у его строителей должен бы вызывать чувство стыда и вины перед человечеством. Не гордости, нет, а стыда и вины.

Прославляя революцию, понимали ли ее певцы, что революция, замышляясь как глобальный творческий акт, на самом деле не терпит творчества и творческих людей? Ибо революцию осуществляет масса, большинство, которые в силу извечной зависти всегда ненавидели людей духовных, гениальных. Неспособные возвыситься до величия и гениальности, они хулили и унижали их, принижали интеллектуальное меньшинство силой и волей большинства, а непокорных и гордых — истребляли.

В конце концов, социализм так и не стал образцом жизни для несоциализма. Люди капиталистического Запада и Европы — едут из любопытства — посмотреть вблизи, что же это такое — социализм. И возвращаются в твердой уверенности, что им такой строй не нужен. Из социалистических стран люди бегут на Запад, преодолевая невероятные препятствия, остаются там жить. Побывавшие в западном мире туристы возвращаются домой с чувством стыда за свою систему.

А ведь, согласно марксистско-ленинской теории, это «там», в капиталистическом обществе должно происходить непрерывное абсолютное и относительное обнищание рабочего класса, а при социализме люди должны жить все лучше и лучше. Выходит же все наоборот: у «них» уровень жизни растет, у нас — падает.

А ведь, согласно марксистско-ленинской теории, в капиталистических странах, достигших высшей стадии своего развития, уже давно должна была произойти пролетарская революция. Но не происходит — ни в США, ни в Англии, ни во Франции, ни в Канаде, ни в Японии.

Чтобы не отождествлять социализм и тоталитаризм, я бы, например, тоже не хотел думать, что живу в социалистическом обществе. Ибо кого же может увлечь «светлое будущее», путь к которому лежит через кровь, которое, будто змея яд, неизбежно выделяет культ личности, угнетение человека, унижение духа и личности, не принося взамен даже материальных благ?

И все-таки мы, видимо, должны признать, что наше общество — социалистическое. Ибо, как бы там ни было, все семьдесят лет все

его вожди и едва ли не весь народ (а потом еще и сотни миллионов человек в других частях мира) не только говорили о социализме, но и с энтузиазмом строили социализм, с позиций социализма противостояли иному, несоциалистическому миру. Ибо в первые годы советской власти страна двигалась вперед действительно неслыханно высокими темпами, действительно быстро сокращала разрыв в развитии с передовыми капиталистическими странами, догоняла их. Ибо рождение Новой Веры — веры в социализм вызвало в миллионных массах невиданный подъем духа, энтузиазма и национальной энергии, поставило народ с колен на ноги.

Став великой державой мира, мы быстро утрачиваем свое величие, снова становимся просто географически «большой» страной.

Почему? Оставим в стороне подробный анализ причин. Ответим коротко и емко: внеэкономические методы хозяйствования; антидемократические традиции; тоталитарное мышление; ограничения прав личности и обмена идеями и информацией, что не позволяет создать эффективную систему управления обществом. И тому подобное.

Как бы там ни было, в результате всех усилий народа создана некая новая социальная реальность, которую ни по каким критериям не назовешь капитализмом. Это общество можно назвать «некапитализм», а можно — «несоциализм»: уже не капитализм и еще не социализм. По уровню своего развития «несоциализм» не превзошел капитализм, как это должно было случиться в соответствии с его программами и планами. Напротив, даже передовой «некапитализм» пока отстает от среднего капитализма. То есть он не впереди, не обогнал «старый» строй, не «сменяет» и не «замещает» его, а сосуществует рядом, сбоку, но — в противовес ему. Рожденный капитализмом, вышедший из его чрева (по крайней мере, в Европе), «некапитализм» не превзошел своего «родителя» ни в чем существенном в смысле социального прогресса.

Что было и есть, никуда не денешь. Что же «было» и что же «есть»? Коль «оно» существует, то должно ведь и как-то называться? И называется «оно», по-моему, все-таки вполне определенно — социализм тоталитарный.

Социализм, полученный в результате всех, какие только были мыслимы и возможны, вульгаризаций, упрощений, искажений,

в «теории» и практическом воплощении идеи социализма как таковой; идеи, которая сама по себе в главном и основном представляется мне достойной и плодотворной по возможным результатам для того, чтобы считаться Целью социального прогресса; идеи, рядом с которой по ее гуманистическому потенциалу пока поставить нечего; идеи, которая сама по себе ни перед кем и ни в чем не «виновата», как не виновата чистая душа, над которой надругался пьяный и грязный насильник.

Что мы имеем в виду под тоталитаризмом в СССР? Полный контроль правящей партии и государства за всеми сферами и областями жизни граждан, включая их мышление и сознание. Установив единую для общества марксистско-ленинскую идеологию, партия и государство, а также общественные организации своими собственными формами и через посредство системы образования и воспитания, науки, литературы, искусства, средств массовой информации, системы политической учебы и даже дошкольных учреждений и семьи принудительным образом внедряли эту идеологию в сознание людей. Те, кто не был согласен с официальной идеологией, те через систему коллективных сознаний, бюро и комитетов подвергались «убеждению», а если отклонение от нормы было слишком велико, то подвергались репрессиям от «мягких» форм (понижение в должности, увольнение с работы и др.) до жестких — ареста, а то и физического уничтожения. В тоталитарном обществе недопустимы плюрализм мнений и взглядов, свободный обмен идеями и информацией, свобода организаций. Любой тоталитаризм («социалистический» в том числе) противостоит творчеству, и это несет ему неизбежную гибель.

Однако тоталитаризм имеет разные степени развития и свои формы. Элементы тоталитаризма были свойственны многим цивилизациям в далеком и недавнем прошлом, они присущи многим, в том числе западным обществам и в настоящем. Поражены тоталитаризмом (хоть и в разной мере) были все страны социализма. В СССР тоталитаризм достиг своей высшей и крайней формы, долгие годы сопровождался борьбой против любой иной идеи, не укладывавшейся в русло официальной идеологии, путем физического насилия.

Не будем, однако, видеть прошлое сплошь варварством, не будем видеть в нем только варваров и убийц. Жизнь всегда хранит и сохранила в себе созидательное начало. Иначе как объяснить, что мы живы, не до конца оглушили, не до конца бездуховны? Страх уничтожал общество, но страх же (страх нарушить главную обязанность человека — быть живым, чтобы мыслить и сохранить в памяти увиденное и пережитое, инстинкт самосохранения и продолжения социального рода), этот страх уберег в обществе тот минимум позитивного и положительного в мышлении, сознании, культуре и образе жизни, на основе которого мы начали и ведем ныне трудный и мучительный, но животворящий процесс, имеющий перестройкой.

Я называю «позитивными» и веру, и энтузиазм, с которыми творился этот социализм, и трудовые и ратные подвиги миллионов, которые не только в ослеплении рушили, но и строили, защищали построенное на вдохновении, поте и крови. И — быть может, прежде всего — все то, что сохранялось, создавалось, творилось, пробивалось вопреки угару строительного разрушительства: Свободолюбие, Мысль, Дух, Этика, Творчество.

Оставшиеся в живых (слава богу, в живых!) некоторые носители этих высших человеческих ценностей сегодня говорят с нами с экрана телевизора, их голоса — в эфире, их мысли — на газетных полосах и страницах журналов. О чем думали и говорили эти люди, которых справедливо отнести сегодня к высшему духовному слову общества, в условиях социалистической инквизиции и идеологического мракобесия? О свободе, демократии, справедливости, добре, чести, совести, о личном и всеобщем благополучии. О чем говорят и к чему из последних сил стремятся они сегодня? К тому же.

Всякого, кто исповедует гуманизм и социальную справедливость, как вчера, так и сегодня можно назвать социалистом в широком смысле этого слова. Все расхождения социалистов начинались вчера и продолжаются сегодня с того момента, когда понятия «социализм» и «социалист» начинали уточняться, зауживаться; когда формулировались конкретные цели и задачи создания нового общества, определялись пути и средства их достижения. Тут и возникали партии «большевиков» и «меньшевиков», «эсдеков»

и «эсеров», эсеров левых и правых. Тут появлялись анархисты, национал-социалисты...

Рассуждения на тему «что же мы построили?» имеют не столько историко-познавательный, а прежде всего практический характер. Ибо если идея социализма утопична по своей сути вообще, тогда в качестве исторической альтернативы остается пока только капитализм, поскольку никакой другой социальной реальности не существует. Если идея и модель социализма, созданные Марксом, Энгельсом, Лениным, в основном верны, но были грубо искажены, то надобно вернуться на исходные позиции тех идей, которые предполагалось осуществить, но которые не были реализованы. Пока идеология перестройки строится именно на таком подходе: «возродить ленинскую концепцию (модель — И. И.) социализма».

Например, авторы коллективной статьи в «Правде» («К современной концепции социализма» от 14, 16, 17 июля 1989 г.) к «основным чертам новой модели социализма, контуры (!) которой вырисовывались (!) в последних работах Ленина», относят десять его идей — использование закона стоимости и товарно-денежных отношений в рамках государственного плана и в интересах трудящихся; принцип оплаты по количеству и качеству труда; допущение плурализма социалистических форм собственности; признание кооперации формой социалистического производства и т. п. Мне такого рода подход кажется ошибочным. Почему?

О «ЛЕНИНСКОЙ МОДЕЛИ СОЦИАЛИЗМА»

Во-первых, потому что многие из названных черт «новой» модели социализма уже в ленинскую пору использовались капитализмом (закон стоимости, товарно-денежные отношения и др.), что некоторые из этих «черт» уже давно и вовсю «работают» на современный капитализм (кооперация, ориентация на интересы потребителя и т. п.). Ну а принцип оплаты по количеству и качеству труда вообще не стоит относить к числу ленинских открытий...

Во-вторых, потому что все имеет свои границы, меру; мыслительный прогноз тоже имеет свой предел, как имеют этот предел

наше зрение, слух, обоняние. И Ленин в этом смысле — не исключение, даже если бы семьдесят лет назад все эти и другие открытия сделал действительно он. Идеи, как и люди, стареют, умирают. Это ясно каждому. И если нынешние идеологи будто не знают этого, то лишь вследствие традиционно-религиозного отношения к самой фигуре Ленина.

Наиболее проницательные мыслители давно заметили, что когда люди обсуждают политические, религиозные или нравственные вопросы, то их устами во многом, быть может, в основном, говорят не живые, а мертвые, не современники, а предки, которые сами унаследовали, малость подразвили и передали теперь уже своим наследникам идеи, понятия, слова и язык, на которых они теперь говорят, которые они теперь на этом языке обсуждают.

Давно замечено и то, что исторические исследования — это вовсе не научные исследования, а просто исторические романы, которые знакомят нас с действиями не действительных исторических фигур и с действительными историческими событиями, а представляют главным образом, часто и единственno — душу романиста — историка, склад его мышления и взгляд на прошлое. Что ругать писателя-самоучку В. Пикуля за «искажение» дальней истории, когда уродованием близкой, «родной» истории СССР занимался многотысячный легион профессионально подготовленных ученых — мифотворцов? Да еще в несколько приемов и всякий раз с точки зрения нового социального заказа ЦК КПСС, его очередного руководителя? Пикуль роется в веках и пишет увлекательно, о людях пишет. А что производят наши достопочтенные ученые? Холодные, не существующие закономерности, горы цифр и никому неведомых имен. И это — история?

Давно замечено и то, что даже художественная литература, способная хранить в себе вечность, по сути дела, не может быть переведена с одного языка на другой. Это справедливо для языков даже современных и уж тем более — для языков, передающих нам идеи и понятия народов и цивилизации умерших.

Все это происходит потому, что действительный смысл слов, то есть чувства и понятия, которые они представляют собой, постоянно развиваются и изменяются. В то время как сами слова из-

меняются очень и очень медленно, их смысл, особенно в периоды культурной и научно-технической революций, изменяется стремительно. И вот, читая поэмы, романы и повести своих предков, мы насыщаем их слова собственным пониманием, а это значит, что, пытаясь узнать о прошлом, мы мыслим настоящее.

Так образуется психологическая ловушка, в которой находится человечество: мы думаем, что знаем историю, что мы почувствовали и поняли ее, хотя на самом деле она осталась непознанным и недоступным пространством, в котором бурлила жизнь, а теперь на нас веет оттуда лишь голос смерти и неизвестности...

Представим теперь, в каком ужасном положении находится догматизированное общество, которое ищет в догматах, унаследованных из дали десятилетий, ответы на проблемы современной жизни! Истолковывая труды и указания «классиков» научного коммунизма на свой лад, подводя под древние слова современные понятия, эти люди открывают нау đачу их труды и — о чудо! всякий раз находят там решения любых политических вопросов современности. Абсурд!...

Надо было Сталину уничтожить ленинцев, а по сути дела, и самого Ленина — и он иезуитски-хитро делал это с помощью ленинского же научного и политического наследия.

Надо было Хрущеву разоблачить Сталина, сменить политику в экономике, сельском хозяйстве, партийном строительстве и т. п. — он сделал это, опираясь исключительно на ленинскую мысль.

Надо было Брежневу развенчать Хрущева — он нашел все основания для этого у Ленина.

Теперь Горбачев, задумав великое дело борьбы с догматизмом, хочет сделать это... опираясь на догмы все того же Ленина: возродить (мистика какая-то!) «ленинскую модель социализма», «ленинскую национальную политику», «ленинскую партию» и т. д. и т. п. Еще одно свидетельство того, что марксизм-ленинизм превратился в Политическую Веру, в Библию, которая была написана в эпоху своего рода варварства, когда все важнейшие научно-технические открытия века были еще впереди; которая служила утверждению варварской формы социализма и которую теперь хотят приспособить к совершенно иным потребностям совершенно иного этапа цивилизации, решению

несравненно более высокого и сложного класса социально-политических задач.

Стыдно читать доклады, статьи и речи наших высших политических деятелей, которые, столкнувшись в мало-мальски сложной практической или теоретической проблемой, требующей собственного усилия мысли, собственной политической позиции, всякий раз находят все тот же и один-единственный выход — прячутся за цитату Ленина. «Ленин сказал...» И все. Ни на йоту выше сказанного вождем. Ни шагу влево или вправо, ибо шаг этот, как в концлагере, рассматривается как побег из марксизма-ленинизма.

И вот звучит до бесконечности уныло и безнадежно: «ленинская концепция социализма», «ленинский план построения социализма», «ленинская национальная политика», «ленинский план электрификации», «ленинская новая экономическая политика», «ленинский план кооперации», «ленинский план тракторизации», «ленинская партия», «ленинский принцип демократического централизма», «ленинский принцип федерализма», «ленинское государство», «ленинские принципы строения и деятельности комсомола».

Словно именем Господа Бога все в нашем обществе освящено мыслью, мудростью, провидением, добротой и заботой Ленина. Всем в этой жизни мы обязаны Ильичу. В прошлом, настоящем и будущем. В труде и в бою. Кажется, что и в постели, в любовных утехах — «Ленин с нами». Да разве ж это не религия, а Ленин — разве он не Бог после этого для «простого» человека?

Стыдно видеть и слышать, когда от навалившихся на нас проблем, словно ладаном от черта, откращиваются Лениным наши верховные вожди. Один, второй, третий, четвертый, пятый...

Вот и шестой, признавший кризис марксистско-ленинской идеологии и догматичности общественного сознания, призвавший к перестройке на всех направлениях, действует все по той же накатанной колее, тоже клянется в верности Ленину, ленинизму, а за ним — все высшее партийное сообщество, весь Центральный комитет, весь партийный аппарат: «Ленин сказал...», «Ленин указал...» Эта всесоюзная игра называется «идолократия».

Нестерпимый парадокс состоит в том, что из уст идолократов вылетают слова «демократия», «правовое государство», «борьба

с догматизмом», «новое мышление», «научный подход», «научное прогнозирование».

Полноте! Люди, у каждого из которых в мозги врос мавзолей из скелетов умерших идей, концепций и теорий, ничего не перестроят. Пошуршав этими непривычными и модными словами, они очищаются от ново- и инакомыслиящих и, одержимые страстью властвовать, сольются в новый монолит, чтобы этим монолитом, утыканым режущим, колющим и стреляющим оружием, с новым вожделением впороться в живое общественное тело. Вот брызнет, так брызнет!..

А ведь можно быть сократовцем, аристотелевцем, вольтерьянцем, гегельянцем, фейербаховцем, марксистом, плехановцем, горбачевцем, вовсе не становясь перед авторитетом на колени, не цитатничая до одури, не растворяясь в нем, а, растворяя существо его воззрений в своем уме, храня к нему почтение и уважение, которых достоин всякий великий человек, если он, конечно, велик.

Бессмысленно мечтать о свободе, считать себя свободными людьми и оригинальными мыслителями, самостоятельными умами, надеяться изменить будущее, если мы не можем отделить от прошлого даже настоящее, сказать о старом: «Это старое — бесполезное». Там, где свято и слепо следуют традициям в мыслях, там не может быть перемен в реальной жизни, не может быть прогресса. Догматизм погубил все великие цивилизации, превратив их в исторические руины, на которых прежде жившие в этих странах народы могут лишь грустить и вздыхать по поводу их былого величия. Древний Рим, Египет, Китай... Заставшие цивилизации...

Если мы и в самом деле хотим понять, что же с нами случилось, а тем более создать действительно новое представление о нашем обществе, мы должны отнять у Ленина, тем более у его преемников — генсеков, черты провидца и пророка.

Да, Ленин был гениальный политик. Это признают даже его противники. Это был великий ум, не боявшийся признавать свои ошибки, которых совершил множество. Не мог не совершать.

Ибо, творя революцию, он не мог быть только романтиком, но должен был стать pragmatиком в достижении поставленных целей. И когда революция была в опасности, был вынужден цели

ставить выше средств, политику — выше морали. «Нравственно то, — говорил он, — что способствует победе нового строя». Звучит жутковато... Но поток дел, которыми он занимался как политик, был фантастически велик, множество решений принималось им на ходу.

Отлучая десятки миллионов безграмотных мужиков от веры в Бога и обращая их в новую, социалистическую веру, он был вынужден со всей возможной страстью защищать свое вероучение от наступления научно-критической философии, зарождавшейся в начале XX века (Соловьев, Бердяев, Флоренский, Лосский и др.). Где страсть, там и заблуждения, ошибки, в том числе жестокие.

Не будь вопроса «быть или не быть», состояния «или — или», Ленин, хочется думать, вряд ли был бы столь непоследователен, нетерпим, категоричен и жесток в своих взглядах на оппозицию, которые брал потом на вооружение Сталин, которые используются и сейчас в борьбе за единство партии, идейное, морально-политическое единство общества.

Вот на V съезде РСДРП(б) Ленин говорит: «Нельзя писать про товарищей по партии таким языком, который систематически сеет в рабочих ненависть, отвращение, презрение и т. п. к несогласно-мыслящим». Что скажешь? Демократично, лояльно. И если вы хотите видеть в Ленине исключительно демократа и великого гуманиста, оборвите цитату на этом месте. Ибо уже в следующей за ней строке читаем: «Можно и должно писать именно таким языком про отколовшуюся организацию». И дальше: «Надо возбудить в массе ненависть, отвращение, презрение к этим людям, которые перестали быть членами единой партии, которые стали политическими врагами, ставящими нашей с.-д. организации подножку в ее выборной кампании. По отношению к таким политическим врагам я вел тогда — и в случае повторения буду вести всегда — борьбу истребительную» (Соч., 5-е изд. Т. 15. С. 297–298).

Вот вам, товарищи, ниньандреевцы, ленинское указание в борьбе с неформалами в сегодняшней предвыборной кампании в местные Советы народных депутатов, если вы бездумные ленинцы, если «не хотите поступаться принципами». Указание есть. Действуйте: истребляйте!..

Будучи гениальным политиком, Ленин оставался всего лишь человеком, которому свойственно поддаваться эмоциям, заблуждаться, совершать ошибки, за которые потом, по прошествии времени, на «трезвую голову», становится стыдно, хочется повиниться.

Пролистайте работы Ленина и во множестве случаев найдете: «Я ошибся...», «Мы ошиблись...», «Мы в России сделали тысячи ошибок...», «Тут была также большая моя вина...», «Я, кажется, сильно виноват перед рабочими России...», «Мы наглупили достаточно в период Смольного...», «Мы сделали и сделаем еще огромное количество глупостей...» и т. д.

И это не было кокетничанье. Ленин был вынужден признавать свои ошибки, потому что они были очевидны, дорого стоили обществу и его собственным замыслам.

В своих трудах Ленин всегда говорил о революции буржуазной, а не социалистической. Лишь потом, когда действительно буржуазная революция разразилась, захватив его абсолютно врасплох в Швейцарии (Ленин узнал о Февральской революции через три дня, назвал ее чудом), он, вернувшись в Россию, понял, что первые роли в этой революции уже разделены, тогда, избрав убедительные условия, Ленин провозгласил: «Да здравствует социалистическая революция!» Ленин высказывался против Советов в 1905 году и еще в середине 1917 года. В своих работах он говорил о пользовании правами человека, всеми свободами — гражданскими и политическими, но вскоре отменил их все. Он дал приказ вторгнуться в Польшу, а потом сожалел об этом. Он настаивал на срочном созыве Учредительного собрания, а потом разогнал его. Он пробовал ввести «военный» («штурмовой») коммунизм, а затем круто изменил свои взгляды и перешел к нэпу. Он рекомендовал Сталина в Секретариат партии, а затем в своем Завещании дал ему убийственную характеристику, сожалел о своем выборе и до того.

Ленин не был безупречен и непогрешим. И если мы хотим видеть в нем человека, то давайте признаем это. А с этим и относительную, а не абсолютную ценность его работ и идей. Их конечность, «смертность», известную ограниченность не только мозгом этого великого, но всего лишь человека, а также кругом тех открытий и того знания о мире, которые существовали в его время.

Идеология «научного социализма» в XIX веке развивалась под воздействием «могучего тока от естествознания к обществознанию» (Ленин). Характерной чертой мировоззрения того времени были механистичность, природный и социальный детерминизм. Все в мире виделось заранее предопределенным, и в нем не было места свободе выбора.

Энгельс называл три величайших открытия XIX века, которые имели фундаментальное значение для выработки марксистского мировоззрения: закон сохранения энергии, клеточное строение живого вещества, эволюционная теория Ч. Дарвина.

Ленин был современником открытия электричества, радио, таблицы Д. Менделеева и модели атомного ядра. Но он уже не застал открытий XX века, перевернувших наше мировоззрение: теория относительности А. Эйнштейна, квантовая механика Н. Бора, заставившие радикально изменить представление о времени, пространстве и причинности. Теперь, после открытия бессознательного, известно, что в природе существуют явления, у которых нет и не может быть причины. Без Ленина состоялись такие открытия в новой математике как теория алгоритмов и другие, согласно которым даже в этой «чистой» и точной науке есть ограничения наших возможностей в предсказаниях. После Ленина появилась кибернетика, без понятийного аппарата которой не может обойтись сегодня ни один обществовед, социолог. Без Ленина разрабатывалась такая фундаментальная философская проблема, как проблема ценностей.

Надо ли говорить, что современный научный аппарат видения и объяснения общества неизмеримо более могуч, чем при Ленине? Что Ленин, будь он жив сегодня, о многом, вероятно, судил бы с других позиций, в других терминах и категориях, а значит, приходил бы и к другим выводам...

Важно бы узнать и другое: а сам-то Ленин говорил когда-нибудь о «своей» «модели» социализма или эта модель конструируется из его идей уже задним числом? Сам-то Ленин именно эти «черты» считал главными? А может, он имел в виду еще кое-что более главное, да не успел сказать? А может, кое-что из названного он уже понимал как ошибочное? И кто докажет, что через некоторое время Ленин — политик гибкий, тонкий, диалектич-

ный и решительный — не отбросил бы некоторые свои идеи, переставшие сообразовываться с действительностью, и не сказал: «Я ошибся...»

Когда-нибудь (а это будет вскоре) тот, что станет анализировать Ленина на предмет не только величия, но и противоречивости, ошибочности его взглядов и идей, даст нам, полагаю, немалый их перечень. Но уже и сейчас кое-что понятно и должно быть сказано совсем не из намерений охаять или очернить Ленина. Совсем нет. Ради дела.

Не надо спекулировать Лениным и прикрываться его идеями, которые далеко не все могут «работать» в современных условиях, во многом, коренном — совсем иных и отличных от тех, на почве которых появлялись ленинские идеи и взгляды. Возьмем на вооружение его подход, его диалектику, его способность слушать и наблюдать жизнь, мгновенно оценивать ситуацию и принимать неожиданные, новые и радикальные решения, которые диктовала каждая новая ситуация. Искусство Ленина не только в его способности «просчитывать» ходы противника, заглядывать в будущее. Нередко он выигрывал свои «партии» и потому, что умел в каждой новой ситуации делать лучший из всех возможных ход. И так шел к победе, хотя победа не всегда была успехом...

Ленин тоже, вслед за Марксом, не считал коммунизм застывшим «состоянием» (то есть «моделью»), а представлял его себе как «движение, которое уничтожает теперешнее состояние». То есть понимал новое общество главным образом как «процесс», а не ясную во всех деталях цель, которая столь значительна и велика, что оправдывает любые средства ее достижения. Другое дело — корректировать процесс, управлять им в соответствии со вновь и вновь зарождающимися противоречиями, обстоятельствами, условиями, которые складываются вокруг процесса, даны его «строителям» помимо их желания и воли иным, внешним миром, в частности научно-техническим процессом, урбанизацией, другими глобальными всечеловеческими процессами.

Притом что Ленин тоже, как и его ближайшее окружение, был крайне нетерпелив, не говоря уж о массах, жаждавших «светлого будущего» поскорее, уже завтра же; что и он порой означивал конкретный срок пришествия этого «завтра» (смотри речь на III съезде

РКСМ), я все же склонен думать, что Ленин, как никто другой, понимал, сколь долг и труден будет путь в это «светлое будущее».

И вдруг из философа и мыслителя мы делаем заурядного «модельера», который сегодня строит будущее по одной «модели», завтра — по другой, послезавтра — по третьей, словно не понимая, что «кроит» он это будущее не из хлопчатобумажной ткани, а из «человеческого материала», всякий раз проходясь ножом политических решений по все новым и новым тканям человеческих умов, душ и тел, которые при этом исходят стоном, криком и кровью. Знал. Понимал. Кое-что из этого даже делал... Но не об этом сейчас речь. Ленин не был «модельером». Это факт. И делать задним числом из его идей «ленинскую модель социализма» не следует.

Откуда же тогда эта страсть к моделям? Возможно, от того, что сегодня есть разные модели социализма — венгерская, югославская, польская, корейская, китайская, советская, румынская... Что ни страна — то модель.

Вот на самом левом (настолько «левом», что уже оказывается «справа») краю — северокорейская «модель». Самый социалистический социализм...

Вот Венгрия и ее «модель»: вся во внешних долгах, беспокойных реформах, стабильности перемен, направленных в сторону австрийской «модели» социализма, если верить Ч. Айтматову.

Вот китайская «модель» социализма, построение основ (!) которого официально отнесено съездом КПК на сотню лет в будущее.

И так далее.

Все это — социализмы, но не единая модель социализма. И все это не теоретические «модели», не логические конституции, а уже данная нам, сложившаяся социальная реальность. Хочешь — называй ее социализмом, хочешь — не называй.

Июнь 1989 г.

О «МОДЕЛЯХ» И МОДЕЛЬЕРАХ

Кризис общества породил острейшую необходимость поиска путей выхода из него. В эту работу включились все, кто может сказать хоть что-то рациональное. Используются различные способы

научного поиска. В моде слова: «социальное проектирование», «социальная технология», «социальная инженерия», «социальное моделирование» и т. п. Говорят о моделях экономики и политической системы, моделях партий. И не только говорят — создают, причем с легкостью невероятной.

Наряду с несомненной полезностью поисков прорыва общества в будущее с помощью построения социальных моделей, в этом есть и немалая опасность. Время создало невиданные возможности для политического карьеризма. К власти рвутся не только люди светлых замыслов, но гораздо чаще — выдающиеся авантюристы и циники, знающие, что без платформы, без программы — без «модели» — нет политики. Многие доблестные модельеры, творя свои «модели», не имеют ни в голове, ни за душой ничего, кроме пошлого желания иметь хоть какую-нибудь, но непременно «свою» модель. Дабы «состояться». И находят своих последователей и органы печати, которые их поддерживают. И вот уже вся эта невообразимая эклектика, все это примитивное прожектерство, часто никак не связанные с действительностью, валятся на головы осатаневшего от переизбытка «моделей» избирателя, и он, усталый и озлобленный, кричит: «Довольно! Хватит дискуссий и „моделей“! Дайте спокойствия и порядка!» То есть, по сути дела, зовет диктатора. Так из мечты о демократии и свободе может усилиться несвобода.

Хочу порассуждать по поводу некоторых «общих» вопросов социального моделирования, имеющих принципиальное значение как для тех, кто моделирует, так и для тех, кому эти «модели» предназначены.

Слов нет: метод проб и ошибок плох. Но чем лучше метод моделирования ошибок?..

ЧТО ТАКОЕ «МОДЕЛЬ»?

В нашей обыденной жизни слово «модель» употребляется весьма широко. На слуху «модель автомобиля», «модель двигателя», «модель обуви» и т. п. Всякий изучавший физику и химию знает выражения «модель атомного ядра», «модель химической реакции» и множество других.

Идея социального моделирования возникла благодаря математике. Любая наука может считаться собственно научной тем в большей степени, чем больше она использует математические методы исследования.

Математика и логика — вот, как принято полагать, действительно точные науки. Точность всех остальных наук (тем более общественных) определяется именно тем, насколько они логичны и математизированы. Пропуская через логику цифры и формулы эмпирические факты и данные исследований (социологических в том числе), математика «отсекает» все, что не подчиняется ее требованиям, и делает социально-гуманитарное знание более точным, то есть собственно научным...

Что мы имеем в виду, произнося слова «социальная модель»?

В принципе, моделью действительности являются любые творения человеческого разума, созданные философией, наукой, литературой, искусством, ибо все эти творения подчинены общей для всех данных форм познания цели — помочь человеку, обществу ориентироваться в окружающем мире явлений и событий, предвидеть их. Все эти творения служат данной цели с той или иной мерой полезности, которая зависит от меры талантливости их творца, глубины его проникновения в сущность вещей.

Разве не являются моделями социальной действительности творения многих великих философов, начиная с древнейших — Гераклита, Сократа, Аристотеля и других и заканчивая современными, чьи взгляды претендуют на какую-либо завершенность, системность? Они создавали не что иное, как модели мира и общества, которые имеют самодовлеющее значение, неразрушимы именно как система взглядов, как модели, элементы которых (идеи, понятия и т. п.) человечество заимствует для конструирования все новых и новых картин будущего.

Разве пьесы Шекспира, романы Достоевского, Толстого, Чехова — не модели действительности с огромным заглядом в будущее? Разве произведения Платонова, Булгакова, Замятин — не гениальный прогноз перспектив, который они дали многие десятки лет назад?

Примеров подобного рода можно привести множество.

Философия, литература, искусство с помощью синтезированных художественных образов дают нам произведения, которые оказывают могучее воздействие на глубины нашего сознания и чувств, а значит, и наше поведение в сторону создаваемых ими идей, образов, философии жизни. Но поскольку ум творцов этих образов опирается не столько на логику, сколько (прежде всего) на интуицию и эмоции, поскольку творец тут больше философа, проповедует, чем доказывает, то все сказанное им столь предположительно, столь приблизительно и вероятностно, что каждый из читателей верит ему настолько, насколько сказанноеозвучно его индивидуальному опыту, строю эмоций, чувств, развитости его личной интуиции.

Таков тип художественных, эмоционально-умственных моделей социальной действительности, с помощью которых познается мир. Их значение трудно переоценить. Часто оказывается, что литература в описании и понимании жизни стоит выше науки, объясняет ее проблемы остree и глубже, «открывает» области бытия, в которые еще не проник взгляд науки. Так случилось с нашим обществом. Идеологами перестройки ныне чаще являются писатели и журналисты, чем профессора экономики, истории, социологии. Наука порой лишь подхватывает проблемы, поднятые литературой и журналистикой, делает их предметом научного познания.

Однако идеалом науки (и собственно наукой) является модель полностью формализованная, то есть не кем-то «придуманная» жизнь, ситуация, событие, не продукт чьего-то мозга, а (как привыкли говорить) «объективная» модель внешнего мира. Модель, созданная из определенных понятий по строгим, однозначным правилам, насколько строгим и четким, что ее можно «вычислить», поручить ее создание компьютеру, который должен пересчитать все варианты связей каждого понятия с явлениями действительности. Так можно «проиграть» одну ситуацию за другой, одно возможное состояние общества за другим, хотя бы отчасти избавив его от треклятого метода ошибок.

Ученые нашего общества и раньше не понимали, что более строгое знание о социальной действительности невозможно без

социального моделирования. В середине 60-х и самом начале 70-х годов в стране, и прежде всего в Москве и Новосибирске, начинали действовать группы ученых, активно осваивавших и развивавших общую теорию систем, кибернетику, методологические и прикладные вопросы социального моделирования.

Казалось бы, общество, избравшее путь движения в будущее не через естественно-историческое, эволюционное развитие, а через посредство проектирования этого будущего, то есть составление различных программ и планов, должно было всемерно поддерживать их и усиленно развивать это научное направление. Но оно отвергло их идеи и старания. Почему?

Что случилось с «моделью» научного социализма?

Опираясь на творения предшествующих им философов, свои модели мира в образе социализма оставили Маркс, Энгельс, Ленин. Ленинская модель социализма проверена экспериментально, в ходе социальной практики. Более того, эта ленинская (советская) модель социализма имела свои разновидности: югославскую, венгерскую, китайскую, корейскую, румынскую, чехословацкую, немецкую. И это не какой-то один социализм. Это — СОЦИАЛИЗМЫ.

Иначе говоря, модели общества существуют в виде не только идеальных построений, но и как социальная реальность, сложившаяся исторически и, как правило, вовсе не так, как она мыслилась ее творцам.

Можно утверждать: социализм построен. Ибо действительность насильно втискивали в схему, в теоретическую модель. И в то же время создание модели, тем более модели целого общества, — это **процесс**, это так или иначе, но **творчество**, в ходе которых это общество движется в будущее через множество состояний. И достижение этих состояний невозможно спланировать во всех мельчайших деталях. Кроме организации есть самоорганизация. Кроме управления есть самоуправление. В этом смысле каждый новый день, месяц, год несут никем не ожидавшиеся события, которые рушат спланированные замыслы. Именно в этом прав М. С. Горбачев, говоря: «Мы имеем концепцию перестройки», и глубоко ошибаются те, кто хотел бы создать ее в завершенном виде, а потом уже осуществлять.

И только если «цель любой ценой», если «к счастью — по крови», то раньше или позже, так или иначе «конечная цель», «идеал» могут быть достигнуты.

Вот мы у цели: полуголодные, полунищие, униженные, оскорбленные. И опять — в революции.

Почему все случилось именно так, а не иначе? Случилось у нас — в стране «первого в мире социалистического государства»? Даже если захотеть, то на Сталина все не спишешь. Ибо то же самое, в конце концов, случилось всюду, куда идея социализма была привнесена. И всюду были свои «модели». Причин множество, они крайне сложны. Но главная, по-моему, во внутренней противоречивости марксизма.

Парадоксально, но факт: существует как бы два марксизма, которые рассматривают главный закон нового общества с двух сторон.

Один марксизм утверждает, что материя первична, а сознание вторично; что общественное бытие определяет общественное сознание; что, следовательно, человек абсолютно зависим от условий жизни и среды обитания, создание которых и есть главная цель социалистического строительства; что миром движут классовые интересы и борьба классов, что марксизм — это **наука**.

Другой марксизм утверждает, что человек может освободиться от экономического, материального рабства только творчеством духа, то есть наукой, искусством, новой техникой, новыми формами управления и организации, политики, демократии. То есть — мыслью, сознанием. И в этом случае общественное сознание определяет общественное бытие, здесь сознание первично, а материя вторична. Тут «коммунизм=гуманизм» (Маркс), тут общечеловеческое выше классового. Тут главная задача нового общества — создание нового массового человека начиная с раннего детства. Тут марксизм — это идеология.

Но никому и никогда не удалось еще примирить науку с идеологией. То же случилось и с марксизмом. Возможности строгой науки столкнулись с амбициями марксистско-ленинской идеологии, считавшей себя «подлинно научной», «единственно верной», строго рациональной, базирующейся на точном значении основных закономерностей развития общества и всего человечества.

Рожденный Марксом исторический материализм такочно вписан Марксом в свою теорию, что не будет большой ошибкой сказать: марксизм — это социальный детерминизм. Согласно детерминизму, движение материи мыслится строго предопределенным естественными, объективными законами, действующими с «железной необходимостью» (К. Маркс), а история человечества предстает как бесконечная цепь причинно обусловленных явлений и событий, которые являются следствием этих причин. В этой полной уверенности в правоте своего дела и заложено зерно нетерпимости идеологии к науке.

В предисловии к первому тому «Капитала» К. Маркс писал, что «естественные законы капиталистического производства проявляются и реализуются с „железной необходимостью“; когда какое-нибудь общество напало на след естественного закона своего развития, оно не в состоянии ни перескочить через естественные формы своего развития, ни отменить их при помощи декрета». «В общественном производстве, — писал в другом месте Маркс, — люди вступают в определенные, необходимые, от их воли не зависящие отношения». «Не сознание людей определяет их общественное бытие, а, наоборот, их общественное бытие определяет их сознание».

Картина социального мира в свете этих Марковых формул проста и ясна: в нем все «необходимо». Если капитализм есть эксплуататорское общество, его «необходимо» уничтожить. При этом капитализм по мере своего развития «необходимо» пролетаризирует народные массы, «необходимо» создает своего могильщика — пролетариат, который «необходимо» совершает социалистическую революцию, уничтожает капитализм, «необходимо» строит социализм, наступление которого можно предсказать едва ли не с точностью восхода солнца.

Не хочется думать, будто сам Маркс понимал социальные процессы и ход истории в столь упрощенном виде, будто он сознательно закладывал противоречивость в свою «модель» общества. Но так вышло, что крайне примитивно понимали Маркса едва ли не все его последователи. Иначе чем объяснить расчеты на скорую мировую революцию даже Ленина, не говоря уж о Бухарине, Сталине, Хрущеве, которые пытались обозначить точное время прихода коммунизма?

Общество и его вожди тоже были во власти идеократии, не допускавшей незнания, неверия, сомнения, ничего необъяснимого, уже утвердившей вместо непрестанного общественного диалога и самопознания монолог, диктат, диктатуру, угнетение духа и мысли. В тоталитарном режиме иначе быть не могло.

Ибо действительно научные методы познания действительно означали бы проверку марксизма-ленинизма на его достоверность, подлинность путем критического скептицизма, сомнения, анализа, математики. Этого «научная» идеология допустить не могла. Без веры в чудо и его ожидания, без тайн, секретов и запретов, без спецотделов, спецслужб, а значит, без лжи, мистики, иррациональности и т. п. не может быть тоталитарного государства, партийного всевластия.

Мысль о существовании более точной, более научной науки, чем марксизм-ленинизм, они не могли даже допустить. Зачем нужны «самой научной и единственно верной» идеологии какие-то вспомогательные средства типа социального прогнозирования, математического эксперимента на социальных моделях, если она все может сама?

И хотя уверенность народных масс в том, что вожди нового общества, вооруженные марксизмом-ленинизмом, знают «все» или, по крайней мере, больше всех, была всего лишь предрассудком, именно на этом предрассудке строилась вся общественная жизнь. Преданный вождям, народ жаждал чуда. Но чудо не приходило. И не только потому, что чудес не бывает. А потому, что в действительности глобалистские замыслы, программы и планы строились на глазок, по интуиции, по воле, а не по научному знанию. Вожди сами ожидали чуда — то от коллективизации, то от индустриализации, то от освоения целинных и залежных земель, то от продовольственной программы, то от укрепления трудовой и продовольственной дисциплины. Народ и общество не познавали действительность, а верили и веровали. В вождей, которые ничего толком не знали, не умели и не могли, в науку, которая была обезглавлена, в искусство с завязанными глазами и затянутым ртом. Даже зная все это — верили!

Первая и главная трудность социального моделирования, особенно когда речь идет о макросистемах и макропроцессах, связана

с тем, что достоверность модели должна проверяться практикой, то есть путем социального эксперимента, историческая цена которого непредсказуема. Теперь мы знаем, во что обошлось строительство социализма в одной отдельно взятой стране и в мировом масштабе.

Положительным результатом этого фантастического опыта является, в частности, прочное знание о том, что историческая предопределенность социальных явлений и процессов (детерминизм) не действует с тем автоматизмом, который предсказал марксизм-ленинизм и на котором базировались глобальные проекты и планы — «модели» движения нашего общества в «светлое будущее».

О ТРУДНОСТЯХ СОЦИАЛЬНОГО МОДЕЛИРОВАНИЯ

Значит ли все сказанное, что социальное моделирование невозможно, что им не следует заниматься? Конечно, нет.

История знает немало случаев, когда мыслители и философы прозорливо угадали ход будущего. Руссо и Гольдсмит предсказали французскую революцию. Артур Юнг предвидел, что во Франции после кратковременного периода всяких насилий и неистовства «наступит прочное благоденствие как результат реформ». Гейне за много лет вперед говорил: «Вам, французам, следует бояться освобожденной и объединенной Германии более, чем всего Священного союза и всех казаков, вместе взятых». Философ Эрве за семь лет вперед предсказал Австро-прусскую войну 1866 года, а затем войны между Францией и Пруссий, между немцами и славянами (Бон Г. Психология социализма. СПб., 1988. С. 355–356). Человек, утверждающий, что будущее непредсказуемо (а таких немало среди крупных мыслителей), прав и не прав, так же как прав и не прав тот, кто утверждает возможность точного прогноза.

В разговоре на данную тему все зависит от самого понимания социального моделирования, от той глубины, которой мы хотим достичь в познании действительности.

Если под социальной моделью понимать полное описание будущего состояния количественных параметров и качественных ха-

рактеристик системы на строго формализованном математическом языке, в надежде перебрать все варианты этих состояний с учетом различных условий и факторов действительности, то такое моделирование при всей его желательности, думается, невозможно. Почему — скажем позже.

Если под социальным моделированием понимать опережающее теоретическое отражение самых общих свойств системы (целевое назначение, задачи, функции, структура, нормы, связи и отношения и т. п.) на высоком уровне абстракции и не более чем «на один шаг» от прошлого, выраженное в виде совокупности определенных идей и суждений, то разработка такого рода моделей вероятна и необходима.

Однако существует немало «частных» трудностей социального моделирования, которые надо бы принимать во внимание каждому из нас, кто «моделирует» действительность и судит о моделях.

Первое. Модель социального явления, процесса, состояния может быть построена лишь при условии достаточно полного и достоверного знания об объекте (общество, партия, государство) и т. п. Социальное моделирование практически невозможно без объективной статистики и эмпирических данных, полученных с помощью социологических исследований. Говорить всерьез о том, что социология в СССР хорошо развита, невозможно. И дело тут не в количестве анкетирований всевозможных социологических групп. Их в стране в последние годы развелось много. Уж скоро тридцать лет как существует Институт социологических исследований Академии наук СССР. Что толку?..

Второе. Дело в общем взгляде на роль социологии в обществе. Эта роль никогда не виделась политическими верхами как роль рационализатора, обратной связи в обществе. Социология была призвана подтверждать «гениальные предвидения» вождей, «мудрость замыслов» партии, создавать картину благополучия и успехов. Огромный круг проблем, главных для понимания того, что же происходит в обществе и с обществом, до недавних дней был запретным для социологических исследований. В стране отсутствует и не скоро еще будет создан единый банк социологической информации о разных сторонах жизни общества, ибо организация

профессиональных социологических служб только-только разворачивается. Лишь в 1988 году принято решение ЦК КПСС о развитии социологии в СССР. И это едва ли не самая главная причина, по которой социальное прогнозирование находится у нас на уровне каменного века.

Третье. Историзм социальных явлений означает, что выводы, полученные на основе социологических исследований и анализа социальных процессов, сегодня могут быть совершенно непригодны для понимания общественной жизни уже завтра. Тем более нелепо строить современную жизнь на идеях и суждениях людей (даже великих) далекой истории, как это сплошь и рядом пытаются делать ныне некоторые политики в ходе перестройки. Тем более в нашем, советском обществе, которое, если судить строго научно, не имеет своей истории.

Ибо понятие историзма непременно предполагает **непрерывность** смены состояний общественной системы, **преемственность** в развитии и **традиционализм**. О какой непрерывности и преемственности в развитии нашего общества можно говорить, если каждая смена руководителя партии сопровождалась отрицанием тех основ, на которых строилась политика предшественника? Если вся наша отечественная история — это не более чем история реформ и перестроек, революций и бунтов, перемен, сопровождавшихся невероятным потрясением и сокрушительным разрушительством сознания, а значит, морали и нравственности? Сказать одним словом — культуры.

Преемственно воспроизводилось только то, что «работало» на стабилизацию самодержавия, а затем тоталитаризма. Традиционными оставались лишь призывы героически трудиться, быть готовыми к обороне Родины, а если понадобиться, то и к смерти ради нее. Общество постоянно изменялось, но это не значит, что оно развивалось. «Развитие», по существу, — это непрерывная связь, это эволюция. Перерыв постепенности, скачок (революция), — фактически это иррациональный переход от одной формы бытия к другой, то есть отсутствие развития. Мы уже семьдесят с лишним лет находимся в состоянии революции, и — воистину выходит, что «есть у революции начало, нет у революции конца». Конечно, развитие — это и новаторство. Парадокс

нашой революции в том, что ею подавлялось прежде всего все новое, прогрессивное — дух, творчество, идея, мысль, свобода. Новые планы рождали лишь новые надежды и иллюзии, но не вели к прогрессу.

Более того, новые планы будущего предполагали новое видение прошлого, то есть «моделировалось» не только будущее общества, но и его история, которая стала более непредсказуемой, чем будущее. Рождались все новые и новые ее варианты. В итоге теперь прошлое не может узнать себя в писаниях его толкователей.

Конечно, прошлое было, и от него никуда не деться. Мы можем и должны его изучать. Но можно ли назвать это прошлое историей? Чему может научить эта история нас? И стоит ли такая история продолжения в новых моделях?

Четвертое. В сфере социологии (как и в стране в целом) нет приспособленной для социального моделирования электронно-вычислительной техники. И дело тут не только в нашем общем научно-техническом отставании. Причина эта опять-таки прежде всего идеологическая.

Компьютер с момента его возникновения навис неожиданной и страшной угрозой над системой тотальной лжи, которая пронизала всю систему во всех ее областях, ибо требовал правдивой информации. В противном случае он не нужен: компьютер, работающий на фальшивых цифрах, будет рисовать фальшивую картину, что общество прекрасно научилось делать и без электронно-вычислительной техники.

Компьютер разоблачает фиктивность общесоюзных и местных программ и планов, делает невозможной их «корректировку» в конце года или пятилетки. Могучее средство научно-технического и социального прогресса оказалось в нашем обществе не только бесполезным, но и вредным, опасным. Потому что означает фактический переход права знать правду об обществе от узкого круга политических работников и аппарата ко многим сотням тысяч «простых» людей, занятых обслуживанием компьютерной техники, то есть ко всему обществу. Потому что означает фактический переход власти принимать экономические решения от партийных органов к людям, владеющим этой информацией и способных квалифицированно оценить ее, —

ученым, экономистам. Профессия программистов носит индивидуальный и практический неподконтрольный характер: проверка правильности той или иной программы другим программистом или невозможна, или требует трудоемкости, близкой к подготовке этой программы.

Компьютер, способный за секунду «осмыслить» многие тысячи фактов, огромный объем информации и выдать оптимальное решение, превратился в противника идеологической системы, деятельность которой была сплошь мистифицирована. Потому-то компьютерная техника проникла лишь на те узкие участки общества, которые не связаны с идеологией (бухгалтерия и т. п.), в военную промышленность, в охранные органы (КГБ, таможня, МВД и др.). Потому-то компьютеров практически нет в научных учреждениях (институтах, кафедрах, лабораториях) обществоведческого профиля, в редакциях газет, журналов, на радио, телевидении, то есть в органах, которые первыми получают, первыми оценивают и осмысливают социальную информацию.

Так становится невозможным накопление и глубокое, всестороннее и последовательное осмысление полученной информации, ибо уже вскоре после ее получения образует завалы бумаг и папок, становится информационным хламом. Так исключается сама возможность последовательного социологического взгляда на историю, а остается лишь возможность описывать каждую данную историческую ситуацию без серьезной увязки ее с прошлым и будущим. Так по сути дела исключается возможность социального моделирования, прогнозирования.

Пятое. Трудность социального моделирования состоит в том, что в стране крайне мало квалифицированных социологов. Поскольку не нужна была социология, поскольку не нужны были и социологи. Учреждений, факультетов, которые должны бы их готовить, в стране не было. Социология была и остается полем для любительства и дилетантства. Социологами стали именоваться люди, проводящие опросы по анкетам, хотя социолог в действительности — это человек, способный как минимум объяснять социальную действительность на основе эмпирических данных. Он же должен дать хотя бы краткосрочный прогноз. Лишь в сентябре 1989 года в МГУ им. М. В. Ломоносова открыт факультет социологии.

Шестое. Среди существующих социологов, даже тех, кто, несомненно, способен к науке, серьезному анализу и осмыслинию действительности, владеет техникой конкретно-социологического исследования, буквально единицы знающих математический аппарат этих исследований. Между тем без математики невозможно ни строгое социальное моделирование, ни тем более математический эксперимент на моделях, их проигрывание на компьютере и отбор лучших оптимальных или близких к оптимальности вариантов.

Седьмое. Трудность социального моделирования состоит в том, что общественная жизнь, которую предстоит моделировать, определяется не только количественными, но и качественными признаками. Общество (семья, коллектив, организация) характеризуются не только с точки зрения их возрастного, классового, профессионального состава, уровня образования, материальных доходов и тому подобных признаков, которые можно выразить числами, поскольку это величины количественные. Любой человеческой общности и отдельному индивиду присущи еще эмоции и чувства, настроения и желания, убеждения, вера и т. д. Как измерить и выразить числом, скажем, патриотизм, веру, национальное чувство, симпатии и антипатии?

Думать, что мы уже знаем, как выразить числом эти качества (при том что они имеют разную степень интенсивности у разных людей, их групп и национальностей и, следовательно, могут быть в принципе замерены) было бы большой самонадеянностью. Робость в применении математических методов в социологии связана именно с тем, что многие социальные величины (свойства, характеристики, признаки) далеко не всегда подчиняются правилам арифметики. Там, где присутствуют эмоция, страсть, чувство, математика сплошь и рядом бессильна.

Восьмое. Трудность в разработке моделей социальных систем, особенно на макроуровне, заключается в том, что общество (как теперь очевидно всем) развивается не столь социально детерминировано, на основе якобы познанных объективных закономерностей, как это утверждалось десятилетиями в соответствии с главными постулатами исторического материализма. С гораздо большей определенностью можно утверждать, что общество развивается стохастично, то есть конфликтно, противоречиво, пре-

рывисто, часто непоследовательно: то с ускорениями, то с замедлениями и застоями, а то и попятными движениями, то на одном участке, в одной сфере жизни, то в других. И это естественно, ибо речь идет об огромных совокупностях людей — классах, группах, организациях и личностях, которые, преследуя свои интересы, вступают в борьбу друг с другом и постоянно «ломают» плавный ход истории, разрушают эволюционные процессы, которые по всем канонам еще вчера казались необратимыми.

Например, в 70-е годы в ранге абсолютной истины бытовал тезис о необратимости разрядки международной напряженности. Он основывался на достигнутых СССР многих экономических договорах со многими странами, а также хельсинкских соглашениях 1975 года — действительно беспрецедентных в мировой политике. Советское политическое руководство, а вслед за ним и вся общественная наука полагали, что повязанный экономическими договорами и торговыми сделками капиталистический Запад ни при каких условиях не откажется от курса разрядки, ибо это грозило бы ему огромными материальными убытками. Но ставший Президентом США «ястреб» Р. Рейган одним махом разрушил все иллюзии насчет необратимости разрядки, без всяких трудностей начал новый виток «холодной войны».

Или взять нынешний день. Начиная перестройку, М. Горбачев вряд ли предполагал, что она повлечет за собой глобальные перемены, разрушит всю социалистическую систему, поставит под сомнение саму идею социализма.

Девятое. Наука XX века носит вероятностный характер. Тем более общественная. Ибо каждое явление и событие в обществе есть бесконечная цепь и взаимосвязь различного рода причин. Количество этих причин столь велико, существенно, а взаимодействие столь запутанно, что выяснить их даже невероятно сильному, но одионокому уму непосильно. Потому и родилась идея коллективных, комплексных исследований. Теперь человечество гадает лабораториями, кафедрами, институтами, академиями, но с тем же эффектом, что древние прорицатели. Научиться предсказывать движение звезд и планет теперь оказалось гораздо проще, чем движение человеческих чувств и мыслей, тем более когда речь идет о многих людях, о целых обществах.

Чрезвычайная приблизительность выводов социологии должна быть принята во внимание практикой, политикой, ждущей от науки «единственно верных» прогнозов, «подлинно научных» социальных моделей. Знание этого обстоятельства требует быть терпеливыми, не раздражаться, если события идут вразрез с выводами ученых. Глупо сердиться химику или физику на неожиданный результат произведенного им опыта. Почему это должен делать политик?

В будущем возможны самые неожиданные повороты, самые различные сценарии, зависящие от невероятного множества причин. Наука может говорить о том, «что будет, если...», «что нужно сделать, чтобы...». Без введения этих ограничителей ученый становится шаманом. Единственно, что может утверждать он, так это то, что будут постоянные перемены, темпы которых зависят от личностей, масс и обстоятельств, которые они создают и рабами которых подчас оказываются.

Если мы хотим быстрее выбраться из болота, в которое попали, надо отказаться от иллюзий, будто мы можем «править» историей как рабом, думать, будто коммунизм призван завершить и увенчать историю, а мы — тот народ — мессия, которому суждено осуществить эту задачу.

Это важно понять потому, что один раз мы уже поверили в это и, поверив в свое великое историческое предназначение, сотворили то, отчего на виду у всего мира должны сами же отказаться. Это необходимо понять потому, что на грани XX и XXI веков в нашем обществе вновь сложилась социально-политическая ситуация, которая многими своими чертами, атмосферой и духом напоминает ту, которая складывалась и сложилась во второй половине и в конце века XIX: длительное нарастание народного недовольства способами управления обществом, падение веры в царя; поиски новой веры, нового экономического и политического порядка, новых ценностей и нового человека; хождение в народ; либерализация; проклятия прагматизму народившегося капитализма и тоска по духовности; появление (в результате реформы крепостничества) разночинной интеллигенции первого колена. Декабристы, Нечаев, Ткачев, Бакунин. Социалисты... Социал-демократы... Накипание революционной ситуации — и ре-

воляция 1905 года! Неудачная. И — революция февральская! Не та — буржуазная. И революция Великая Октябрьская — социалистическая!..

И — революционная перестройка... Через семьдесят три года.

Снова зреют глобальные социальные проекты, создаются модели нового общества, партий, политической системы, молодежного движения, комсомола. Вроде все нормально. Одно страшит: в угаре политических амбиций, спешке, по недомыслию не породить бы новых сумасшедших идей, новых «моделей», за которые надо будет снова платить верой и кровью, за которые потомки проклянут нас...

Опасения эти не надуманны... Зло пророчествуют анархисты-экстремисты, распаляя и без того наэлектризованные массы. Грозят, упреждают и сеют страх возврата к временам тоталитаризма сталинцы. Волны национализма захлестнули большинство союзных республик и часть России, и из этих волн на берег перестройки может неожиданно выйти национал-социализм, а попросту фашизм. Огромное множество людей повернули свои лица в сторону капитализма и примеривают его одежды к своим взглядам. Среди крайне правых революционеров в ходу сумасшедшие идеи «правильного» построения коммунизма, схожие с теми, что излагал в конце шестидесятых годов прошлого века «первый коммунист России» Сергей Нечаев, послуживший Достоевскому страшным прообразом Петра Верховенского в романе «Бесы»...

Общество на перепутье, в поиске, в состоянии исторического выбора. Куда и как идти дальше?.. Будем спешать не торопясь; не будем погонять Русь-тройку и историю.

Апрель 1990 г.

О ПРОЕКТЕ ЧЕЛОВЕКА

Откуда мы? Не будем спорить о том, как называлось общество, в котором мы жили: просто социализм, извращенный социализм, реальный социализм, государственный капитализм и т. д. Несомненно, что в любом случае это был тоталитаризм, причем в сталинский период — тоталитаризм в его худшей, варварской форме.

Несомненно, что перемены были нужны, что общество должно было кардинально измениться.

Несомненно, и то, что к моменту начала перемен, несмотря ни на какие оценки («застой», «стагнация» и т. п.), Советский Союз относился к числу развитых стран мира по своему научно-техническому, производственному, интеллектуально-духовному и культурному потенциалу, по качеству жизни населения.

Несомненно, что недопустимо только проклинаять и оплевывать прошлое, в нем надо разбираться, искать, находить и ценить те позитивные начала, которые вопреки всем ужасам и бедам, духовному гнету, сохраняли жизнь.

Несомненно, что человечество уже сегодня должно благодарить СССР – Россию и ее народы за то, что она первой в истории совершила опыт социальной революции, связанной с переходом от капитализма к социализму. Что, создав альтернативу стратегии капиталистического развития, заставила все человечество ускорить свой прогресс. Что «подсказала» стихийному капитализму, как лучше вести свое хозяйство за счет элементов планификации. Что стимулировала социализацию капитализма, уже тем самым облегчив жизнь сотен миллионов людей. Что показала ошибочные пути и решения, по которым человечеству не следует идти и которыми не стоит пользоваться. Что первой осознала необходимость перемен и начала их.

Кто и какие мы? Что за люди жили в бывшем СССР, а ныне живут в России? Кто осуществляет перемены и способен ли их осуществлять? Что и как много должно измениться в людях – в отдельном человеке и обществе? Возможны ли эти изменения и как много времени они займут? И т. д.

Начиная с 1917 года одной из сторон общей триединой задачи (наряду с созданием материально-технической базы социализма и коммунизма, формированием социалистических общественных отношений) было воспитание «советского человека».

Всесторонне продуманная, научно обоснованная, хорошо организованная система просвещения, воспитания и обучения оказывала мощное и постоянное воздействие на умы и души людей, «била» в одну точку, лепила, формировала личность, согласно заданным жестким параметрам идеальной модели, с детского сада

до последнего дня. Условия жизни и среда обитания, самовоспитание усиливали или ослабляли этот мощный напор, но серьезно противостоять ему не могли.

В итоге мы имеем крайне сложный, противоречивый человеческий «материал», с которыми вступили в перестройку и «реформы» и который еще долгое время будет существовать и вести их. Первое, что надо понять: «советский человек» — это реальность, второе — что сущность этого человека не могла измениться за несколько лет и оттого, что теперь его называют «россиянином». Этот человек и сегодня во многом таков, каким его задумывали и «сформировали». Это проявляется в массовой тоске по национальной, объединяющей идеи, по истинным ценностям, которые возвышали бы душу (идеал, справедливость, добро, нравственность). Это не тоска по социализму как таковому, а именно «идейная тоска» как проявление особенности российской цивилизации (примат духовного над материальным), стремление к истине, правде, такой основополагающей ценности, как державность — принадлежность к великому народу и великому государству. Живут среди нас и те, кто по-прежнему беззаветно предан идеалам социализма и коммунизма. Заметим: это тоже «россияне». И как все верующие, они не могут быть изгоями общества, если это общество действительно стремится к свободе и демократии.

Как и планировалось — это человек труда, способный на самоотверженность и трудовой подвиг «во имя» (освоения новых земель, счастья будущих поколений и т. д.), а не только ради денег. Человек, понимающий, что такое труд, и потому работающий много, но плохо. Ибо ни в царской России, ни при социализме у российского гражданина не было мотивов работать не только интенсивно, но и хорошо, качественно.

Как и програмировалось, это человек коллектива. Коллективизм прочно врос в душу советского человека, ибо имеет такую прочную основу российской цивилизации, как община. Коллективизм и сегодня помогает людям и стране выжить в экстремальных условиях. Но «коллективист» в завершенном виде — существо жестокое и опасное. Для него важнее всего, чтобы «все было как у всех», чтобы «все поровну», независимо от способно-

стей и труда. От колLECTивизма, когда это чувство переходит допустимую грань, исходит зло, в частности и для строительства новой России.

Как и предвиделось, это человек-интернационалист. Даже нынешний разгул национализма, война между народами не могут вытравить из людей это чувство. И дело не в том, что в ходе социалистического строительства была якобы создана «новая историческая общность — советский народ». Воспитание чувства «пролетарского интернационализма» облегчалось издревле предзаполненной в сознание россиян такой цивилизационной российской черты, как народность — равноправие и равноценность всех людей независимо от национальных, религиозных и других отличий. Другое дело, что и здесь все было доведено до абсурда: возник человек, который порой не знал языка своей нации, своей истории и культуры. Нынешний национализм во многом спровоцирован безмерным интернационализмом.

Как и предусматривалось, это человек-гражданин, верящий в силу государства, способного обеспечить его безопасность, взявшего на себя заботу о его существовании и будущем. Ради Отчизны этот человек готов жертвовать жизнью и умереть, но готов обречь на жертвы и других. Он настолько надеется на государство, что перестал заботиться о себе сам, настолько верит «верхам», что перестал думать. Это человек, привыкший к весьма скверным условиям жизни, не знающий, что можно жить лучше, вечно готовый к «временным» трудностям и ждущий еще худшего. Это человек, готовый терпеть даже тогда, когда ясно, что дальше терпеть нельзя.

Как и мыслилось, это человек ответственный. Ему до всего есть дело, идет ли речь о событиях в стране, за океаном или о соседях по лестничной клетке, но — считающий себя вправе влезть в чужую жизнь, сообщить о другом «куда надо».

Как судить об этом человеке? Плох он или хорош? Если за основу оценки взять вторую часть каждой из характеристик (а каждую из них можно «развернуть», усилить, представить в более негативных, даже ужасающих тонах), то надо будет признать, что «советский человек» — исчадие ада, а страна, где он жил, а значит, и живет, действительно «империя зла», как утверждал Р. Рейган.

Но обратим внимание прежде всего на первую часть каждой из этих характеристик. Они тоже — несомненная правда. Каждая из них тоже может быть представлена в гораздо лучшем свете.

Итак, «суммарный», усредненный «советский человек» — это человек веры и духа. Человек труда. Человек коллектива. Человек интернационалист. Человек-гражданин. Человек ответственный. Из таких «человеков» состоит российский народ. Добавим еще, что этот народ необычайно богат гениями, талантами и умными головами, чрезмерно сметлив, от природы добр, великодушен и т. д.

Так и только так прежде всего надо смотреть на свой, российский народ: через достоинства и добродетели. И тогда народ — это первое и главное богатство страны, которое надо сберегать, основной капитал, который недопустимо выводить за «скобки» производимых перемен, видеть в нем «мясо реформ», а не их главную и высшую цель.

В «советском человеке» есть благоприобретенные пороки, а в российском, в том числе русском народе, довольно природных, цивилизационных недостатков. Социологические опросы последних лет показывают, что носители «классического» советского сознания год за годом смещаются в старшие возрастные категории. Идет естественная смена поколений. Беда в том, что при этом ни отдельный человек, ни общество стали не лучше, а во многом — хуже. Но и в этой ситуации никакое правительство не вправе упрекать народ за то, что он «такой», а не иной. Народу надо помочь осознать свои недостатки и пороки с тем, чтобы избавляться от них. Это средство известно: образование и просвещение.

Июль 1991 г.

О СУЩНОСТИ ПРОИСХОДЯЩЕГО

Жизнь нашего общества находится ныне не только в крайне запутанном, предельно непонятном, но и каком-то таинственном состоянии. Мы хотим обновиться, возродиться. Но что обновлять, что возрождать? Кое-что из того, что не должно было погибнуть, было уничтожено. Пусть даже это «кое-что» не такое уж малое.

Не в этом суть. Мертвых не воскресить, искалеченные судьбы не сделать счастливыми. Оболваненных не разумить...

Нет, не обновиться, не возродиться должно наше общество, а переродиться в нечто совсем иное. Погибнуть. Сущность Происходящего — в нарождении через умирание и жертву. Закон этот исполняет все живое на земле. Как пшеничное зерно, павши в землю, не оживет, пока не умрет, так и общество наше не станет совсем иным, пока совсем (по крайней мере, почти совсем) не отринет старую, нас kvозь ложную идеологию и философию жизни со всеми ее неисчислимыми доктринаами, следование которым привело нас на край гибели. Так доведем дело до конца. Коль мы на краю — сделаем последний шаг.

*Из книги И. М. Ильинского «Между Будущим и Прошлым: Социальная философия Происходящего». М., 2006.
Глава 1.*

АБСУРД ПРОИСХОДЯЩЕГО

XX век явился самой яркой демонстрацией крайней противоречивости человеческой натуры, доводящей свои мысли и дела до полного абсурда¹.

С одной стороны, именно в этом веке человеческий Разум привнес величайшие научные открытия, изумительные технические достижения, небывалый рост благосостояния значительной части населения планеты. С другой стороны, именно в этом столетии вопреки этому же Разуму были развязаны две невиданные по масштабам и жестокости мировые и одна «холодная» мировая войны, совершались социальные революции и перевороты, породившие неслыханные формы закрепощения, угнетения и эксплуатации человека, пренебрежения к человеческой жизни, свободе, праву, чести и морали. XX век представил новые, изощренные формы рабства, насилия и зверства — концентрационные лагеря, массовый террор и международный терроризм, обрек миллионы людей на беспрощение, унижение и гибель.

Различные интеллектуальные и духовные лидеры говорят о наступлении периода глобальной скуки, о грядущем столкновении цивилизаций, о движении общества к новому тоталитаризму, о реальной угрозе демократии со стороны неограниченного в своем «беспредел» либерализма и рыночной стихии. События последнего десятилетия, когда столь обыденными для нашего слуха стали словосочетания «гуманитарная катастрофа» и «принуждение к миру», явно разрушают недавние футурологические клише,

¹ Абсурд (от лат. *absurdus* — нелепый) — граница, изнанка, оборотная сторона смысла, его превращенная форма.

предвещая более чем драматичный образ только что начавшегося XXI века.

Современная цивилизация, как колыбель специфической «культуры смерти», подверглась суровой критике в XI энциклике папы Иоанна Павла II «Евангелие жизни» (март 1995 года). Государства западного мира, констатирует Иоанн Павел II, «изменили своим демократическим принципам и движутся к тоталитаризму, а демократия стала всего лишь мифом и прикрытием безнравственности». Во время своей поездки в Мексику глава римско-католической церкви говорил о социальных грехах нынешнего мира, о господстве насилия, неравноправии, расовой дискриминации, жажде богатства и власти, которые нельзя искоренить без уяснения и ликвидации «структурных корней эксплуатации и угнетения» (Окружное послание Evangelium Vitae папы Иоанна Павла II «О ценности и непрерывности человеческой жизни». Париж–Москва, 1997).

Главные причины кризиса человечества находятся не столько в «естественной» борьбе за территории и рынки, не столько в характере экономических и производственных отношений, сколько в тех общественных идеалах, на которых строились современные социально-политические системы. Эти системы породили пропасть между прогрессом культуры материальной и культуры духовной — культуры в подлинном ее значении — и оказались не в состоянии ее преодолеть.

Абсурд происходившего я вижу в том, что человечество безжалостно уничтожало то, что только успело создать, что оно с невиданной яростью и в немыслимых масштабах вело внутривидовую борьбу на взаимоуничтожение целых стран и народов, не особо заботясь о том, чтобы понять, что такое человек, как раскрыть и развить в нем те качества и силы, которые сделали бы его жизнь не только более благополучной, но и счастливой. На это не хватало любопытства и желания, а также средств — они тратились на войны и покорение природы. Но ни одна из побед на этих направлениях не привела ко всеобщему счастью. Покорение материального мира не стало достаточным условием для благоденствия человечества.

XX век показал: горе тому обществу и народу, над которым восторжествуют вооруженные всеми средствами современной тех-

ники бездушные существа. Тогда достижения науки и техники начинают служить не облегчению жизни, а во вред ей, оборачиваются против человека. Техника становится служанкой произвола и орудием для уничтожения людей. Достижения цивилизации начинают служить изощренному взаимоистреблению человеческого рода.

Когда правитель, живущий мечтой во что бы то ни стало попасть в мировую историю, затевает «перестройку» целой системы стран с территорией в треть мировой суши и населением в два с лишним миллиарда человек, не думая о последствиях своего начинания, разве не похож он на дикаря, разводящего костер на артиллерийских складах посреди огромного армейского гарнизона? Но этому человеку рукоплескал весь мир... А развал СССР тремя подвыпившими и безмерно амбициозными мужиками, в котором вовсе не было нужды и которого не ожидали даже его враги?.. А избрание опозорившегося, неспособного не только эффективно управлять страной, но даже здраво рассуждать и внятно выражать свои мысли Б. Ельцина на новый президентский срок в 1996 году?.. Все эти события находятся за гранью смысла.

XXI век уже с первых дней еще шире распахнул занавес в Театре Абсурда нашей жизни. Когда я вижу, как президент США, чтобы поймать одного человека, отдает приказ «наказать» целый народ, т. е. убить тысячи людей, и взять «на прицел» еще полтора десятка стран за якобы их связь с террористами, или повелевает «устранить» главу неудобного им руководителя другой страны и все в таком роде, то понимаю, что никакого международного права на нашей планете уже нет. Но при этом как ни в чем не бывало заседает Совет Безопасности ООН, проводятся многочисленные совещания на высшем уровне, на которых президенты и премьеры разных стран с важным видом ставят свои подписи под всевозможными договорами, заявляя об их историческом значении. О каком значении и зачем они говорят, если заведомо знают, что завтра любому из них может позвонить лидер ныне единственной супердержавы и сказать, что принятый договор задевает ее национальные интересы, а потому... И плакал любой консенсус! Все искусство дипломатии состоит ныне в том, как разжевывать и проглотить лимон с красивой миной на лице. Если бомбекка

Югославии — это предотвращение «гуманитарной катастрофы», тогда что такое война? Если Россия и США теперь не враги, а партнеры и почти друзья, то зачем НАТО расширяется на Восток, обустраивает свои аэродромы в Узбекистане, Туркмении, Таджикистане?..

Абсурдность нарастает лавинообразно, крупномасштабно, глобально. Абсурдны не только события, но и их объяснения, которые предлагаются политиками и средствами массовой информации. Тут следствия выдаются за цели, а о причинах просто умалчивается; умысел представляется случайностью, а военная агрессия — «гуманитарной помощью», сознательная имперская политика по разгрому экономик других стран, захвату рынков сбыта и труда означается безобидным словом «глобализация». Здесь «война — это мир», «свобода — это рабство», «незнание — сила» (Д. Оруэлл).

Когда я смотрю по ТВЦ передачу Андрея Карапулова «Момент истины», то думаю, что в этот самый «момент» по телефону «02» тысячи россиян вызывают скорую помощь, а еще тысячи завтра идут на прием к психотерапевтам и получают невеселые диагнозы о разного рода психических расстройствах. Потому что вынести карапуловские «истины» без ущерба для здоровья могут немногие.

Как это возможно: украсть кредит МВФ в 4,8 млрд долларов в стране, две трети населения которой живет в нищете, где годовой бюджет образования всего около 1 млрд долларов? Как это вообще возможно? Броде в стране есть Президент, Правительство, Дума, Совет безопасности, Минфин, ФСБ, МВД, Министерство по налогам, Счетная палата... Есть кому распорядиться, дать команду, осуществить контроль, есть кому искать и ловить. Не могут? Неправда. Мы можем все, что захотим. Доказано. Не хотят? Почему? Неужели?.. И даже — Сам?.. Но тогда зачем разрушено все, что было прежде? Зачем «реформы», «свобода», «демократия», «всенародные выборы»? Ради вот этого?.. Абсурд.

Или (еще один факт из передачи «Момент истины»): как это можно — быть воровским «авторитетом» и стать «всенародно избранным» губернатором одного из крупнейших регионов России? Более того: став губернатором, распродавать рыболовный флот по цене 1 (один) доллар США за один корабль при реальной стои-

мости каждого в миллионы? Более того — продавать самому себе? И никого и ничего при этом не бояться. И ни за что не отвечать, и никакого наказания не получить. Ну ладно: с верховной властью все ясно. А сам «народный избранник» — он был в здравом уме, выдвигаясь в управители миллионов людей? На что рассчитывал? Не разберутся, не поймут? Им все равно, им на все наплевать? Получается — правильно рассчитывал... Что же, и народ потерял рас- судок?

Разве не вызывает смятение ума и ощущение абсурдности про- исходящего столкновение, скажем, таких фактов: в мире в ситуа- ции голода находятся более 500 млн человек — и 225 самых богатых людей имеют богатств больше, чем 3 млрд бедных людей планеты; у трех наиболее богатых людей богатств больше, чем со- вокупный валовой продукт 48 бедных стран с населением в 600 млн человек? Или: за годы «реформ» две трети населения России оказались за чертой бедности, около 40% живут в нищете; зарплата профессора составляет около 50 долл. в месяц; сотни тысяч учителей то и дело месяцами не получают зарплату, а еже- годно на зарубежные счета наших «олигархов» и им подобных «бизнесменов» уходит около 20 млрд долл.; гражданин РФ Бере- зовский покупает в Ницце замок стоимостью в сотни миллионов долларов; гражданин Ходорковский добровольно заявляет, что за четыре года «сколотил» состояние в 3 млрд долл.; едва ли не все разведанные сырьевые и энергетические ресурсы России, оце- няемые в 32–35 трлн долл. и являющиеся главной доходной статьей российского государственного бюджета, «вдруг» оказа- лись в частном владении нескольких человек... Зачем? Почему? По какому праву то, что добыто потом и завоевано кровью всех предшествующих поколений и принадлежит всему народу, стало собственностью кучки предприимчивых деляг, а то и откровенных жуликов и воров?

Примеры такого рода можно приводить бесконечно. Их ты- сячи. Во всех сферах жизни — экономике, политике, культуре, об- разовании, во всех регионах и городах, на всех уровнях управле- ния — от национального до поселкового. Они и создают основу нашей жизни, в которой, конечно, есть и положительные начала, идущие от «здравого смысла», благодаря чему мы все же живы.

Но шквал абсурдности нарастает, доля нелепости, бессмыслинности, несуразности, нелогичности, необъяснимости, непонятности, непредсказуемости и, как следствие, неустойчивости общественного развития увеличивается.

Чем грозит это обществу и человеку? Смятением умов, разрушением духа и нравственности. Абсурдное парадоксально. Это факт: огромное множество людей принимают старое за новое, разрушительство — за созидание, хаос — за порядок, бесправие и диктатуру меньшинства — за демократию и власть народа, разворовывание общенародной собственности — за строительство рыночной экономики и приватизацию; телевизионное киллерство — за свободную журналистику, манипуляцию сознанием миллионов и коллективное сумасшествие — за свободные выборы. Война такочно «встроилась» в нашу жизнь, что воспринимается как мир, тихое умерщвление нищетой миллионов понимается как забота о благосостоянии народа. Порок стал добродетелью; воры, убийцы, наркоманы и проститутки — героями фильмов и романов; кучка «олигархов», ограбивших свой народ, именуется «гениями организации», «создателями рабочих мест». Сегодня даже войны стали «демократичными», бомбы — «умными», оружие — «несмертельным».

Абсурд происходящего порождает абсурд в мыслях, мышлении и сознании, перевернутую картину мира, когда привычные слова утрачивают собственные изначальные значения и наполняются иным, порой прямо противоположным, смыслом. Из лжи следует все что угодно. Истина следует из всего что угодно. Так и хочется, перефразировав Гегеля, сказать: «Все действительное — абсурдно, все абсурдное — действительно»¹.

¹ Знаменитая формула Гегеля (ее называют также «двойным принципом») звучит так: «Что разумно, то действительно; и что действительно, то разумно» (Гегель Г. В. Ф. Соч. Философия права. М.—Л., 1934. Т. VII. С. 15). В недавно найденном варианте записей лекций Гегеля по философии права 1819/20 гг. эта формула звучит так: «Что разумно, то станет действительном, что действительно, станет разумным» (Hegel G. W. F. Philosophie des Rechts. Die Vorlesung von 1819/20 in einer Nachschrift. Hrsg. von D. Henrich. Fr./M., 1983. S. 15). «Двойной принцип» Гегеля означал, что, познавая, можно быть уверенным в том, что знания претворятся в наличной действительности. Формула «работает»: действительность действительно существует, но в силу своей бессмыслинности (абсурдности) отрицает самое себя.

Но может ли человечество жить долгое время с перевернутым сознанием, образно говоря, ходить вниз головой, задом наперед? Оказывается, может. Человек — существо чрезвычайно легко программируемое. Он быстро приспосабливается не только к мыслимой, виртуальной, но и к физической реальности.

Еще в конце XIX века психологи начали опыты с ношением очков, которые искали по горизонтали и переворачивали изображения. Кроме того, использовались призмы, которые давали дополнительные искажения. Целью опыта было выяснение вопроса о том, сможет ли человек при таких условиях ориентироваться в физическом пространстве — ходить пешком и на лыжах, ездить на велосипеде, классифицировать игральные карты. Эксперименты, проводившиеся в разные годы и в разных странах, показали, что все это вполне возможно. Дело в том, что зрение фиксирует сенсорное сообщение не сетчаткой глаза как таковой, а на уровне мозга: когда мы встаем на голову, видимые предметы остаются в прежнем положении, а не переворачиваются вместе с нами. Надев очки, переворачивающие изображения, и призмы, искалиавшие их, испытуемый попадал в мир, где объекты то и дело совершали кажущиеся движения и никогда не находились там, где он надеялся их найти или схватить. Ложные зрительные данные ставили подопытного перед необходимостью либо следовать старой зрительной системе отсчета, но тогда он наталкивался на предметы, падал, садился рядом со столом, либо постепенно адаптироваться к новой физической реальности и одновременно формировать новую систему отсчета. Разумеется, все испытуемые шли по второму пути и довольно быстро начинали ориентироваться в окружающей среде. Один из них уже на шестой день совершил продолжительную лыжную прогулку, другой через 10 дней легко ходил по улицам, а спустя 39 дней катался на велосипеде. Самый длительный опыт продолжался всего 10 недель. Во всех случаях у людей формировались новые зрительно-моторные координации. Адаптация происходила гораздо быстрее у тех испытуемых, кто сознательно и активно стремился перестроить свое зрительное восприятие. Экспериментаторы отмечают при этом, что образование новых зрительно-моторных координаций наблюдается только у высших животных (человека и обезьяны). Ни

у рыб, ни у кур, которым пристраивали искажающие очки, никакой адаптации не происходило.

Но что такое научное знание? Что такое информация? Это вид человеческого зрения. Иногда оно уступает в своем значении зрению физическому. «Лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать», — говорим мы. То есть, когда к нам поступают противоречивые данные, мы отдааем предпочтение зрительной информации. Я говорю это к тому, что результаты опыта с перевернутыми очками и призмами надо оценить по достоинству. Они сообщают очень много о психике и психологии человека, в частности о его способности как высшего животного, наделенного разумом, быстро приспосабливаться к абсолютно любой реальности и жить хоть «вверх тормашками», хоть по правде, хоть по лжи, хоть между ложью и правдой; хоть только разумом, хоть только инстинктом и эмоциями, хоть в равном союзе с тем и другим.

Человек «вообще» — существо удивительное и очаровательное, но по определению — ограниченное. Чрезвычайно. Сроком жизни. Объемом мозга. Количеством хромосом. Степенями свободы. Что уж говорить о конкретном, так называемом простом человеке, который не особо стремится к звездам, высшим смыслам и ценностям. Вся его жизнь изначально полна абсурда. Миллиарды людей ежедневно, из года в год, на протяжении всей жизни ходят на работу и монотонно занимаются одним и тем же делом, в котором часто нет места мысли и творчеству и которое, следовательно, по определению не может приносить наслаждения, радости и счастья. Однообразная жизнь проходит без надежды когда-нибудь преуспеть. Шахтер спускается в шахту, землепашец садится на трактор, рыбак выходит в море, токарь становится к станку с тем же настроением, что и Сизиф, обреченно вкатывавший на вершину горы огромный камень, откуда тот вновь и вновь низвергался вниз, к ее подножию. И так — без конца, безо всякой пользы и какого-нибудь смысла... Но больше того — сотни миллионов людей на земле не имеют никакой работы. Они лишены даже этого удела: заниматься хоть чем-нибудь.

Абсурд обнаруживает себя не только в скуке и отчаянии, тревоге и потерянности, в ощущении враждебности внешнего мира и

страхе перед ним, но также в стремлении спрятаться от него «где-то» или в самом себе. А то и покинуть его. Раз и навсегда.

И вот страшный итог. Среди 57 стран мира Россия сегодня занимает второе место по количеству самоубийств на 100 тыс. жителей — 43 человека. Для сравнения: Испания — 7, Уругвай — 9,2; США — 12,8; Франция — 20. Хуже, чем у нас, только в Литве — 47 человек. Смертность от психических расстройств среди разных заболеваний стоит на первом месте и выросла с 1990 по 1994 год на 284%, т. е. почти утроилась. Российский народ ускоренно вымирает: ежегодно население России сокращается на 1 млн человек. Смертность «помолодела» — из жизни уходит прежде всего трудоспособный, активный слой населения. Прогнозируется, что к середине XXI века русских в России будет меньше на 35–40%.

По запасам сырья в расчете на каждого жителя страны гражданин России — самый богатый в мире, а на деле — один из самых нищих. Еще недавно наша страна имела лучшую в мире систему образования, сотни тысяч иностранцев ежегодно приезжали к нам на учебу. Теперь даже Индия не признает российские дипломы о высшем образовании, не говоря уж о Германии, Чехии и других европейских государствах. Страна нищает, народ вымирает, а ему твердят: «надо успеть вписаться в цивилизованный мир», «надо успеть вскочить на подножку последнего вагона глобализации». И десятки миллионов человек, будто завороженные, повторяют эти слова, не желая понять: если количество бед и пороков в обществе не сокращается, а увеличивается, то это значит, что оно идет бедственным и порочным путем. Разве все это не Театр Абсурда?

Но самое любопытное заключается в том, что нечто похожее давно происходит и «там» — в сытом, благополучном, «развитом» мире. Все знают, например, что в США около 700 тыс. профессиональных психологов, что здесь каждая семья стремится обзавестись своим психотерапевтом. Почему? Вот красноречивый ответ, взятый из книги «Воля к смыслу» американского психолога Виктора Франкла: «Чаще, чем когда-либо, психоаналитики сообщают, что они сталкиваются с новым типом невроза, который характеризуется главным образом потерей интереса и безынициативностью... Снова и снова психиатры принимают пациентов, которые сомневаются в том, что жизнь имеет какой-то смысл. Такие

случаи я называю „экзистенциальным вакуумом“. Что касается того, насколько часто встречается данный феномен, я использую данные исследования, проведенного среди моих студентов в Венском университете: только 40% студентов (немцев, швейцарцев и австрийцев), посещавших мои лекции в Германии, утверждали, что они на своем собственном опыте испытывали чувство крайнего абсурда, в то время как уже не 40, а 81% студентов (американцев), посещавших мои лекции в Англии, признались, что испытывали то же самое. Из данного соотношения мы не делаем вывод о том, что экзистенциальный вакуум является преимущественно американским заболеванием; он, скорее, явление, сопутствующее индустриализации.

Мне представляется, что экзистенциальный вакуум является следствием двойной потери: потери инстинктов, обеспечивающих безопасность животного в окружающем мире, и в более поздний период потери традиций, которым подчинялась жизнь человека в прежние времена. Сегодня инстинкты не подсказывают человеку, как он должен действовать, равно как и традиции больше не являются руководством к действию»¹.

О том, что человеческое рассуждение может быть нелепым, привести к противоречивым выводам, к искажению смысла и даже бессмыслице, известно издревле. Проблема абсурда возникла в античные времена и имела большое значение при разграничении истинных и ложных суждений во время диспутов и судебских разбирательств. В Средние века противоречивость и парадоксальность рациональных рассуждений преодолевались актом веры. В XIX веке проблему абсурда стала исследовать не только философия, но и художественная практика. Возникли театр абсурда, поэзия абсурда, абсурдистское кино, абсурдистская литература. Абсурд стал характеристикой не просто некоторых форм суждений и высказываний, но и определением человеческого бытия — его иррациональности, изначальной стихийности, бессознательности и неподвластности разуму.

Беда даже не в том, что «жизнь — это сказка, которую придумал дурак» (В. Шекспир), а в том, что, как заметил он же, «миром пра-

¹ Франкл В. Воля к смыслу. М., 2000. С. 28–29.

вят дураки», которые эту дурацкую сказку передумывают и пересказывают каждый на свой лад, и поэтому от столетия к столетию эта сказка-жизнь становится все бессмысленней, хотя кажется наоборот — обретает все более глубокий смысл.

Попытки описать и раскрыть абсурдность человеческого бытия, человеческого поведения предпринимались во все времена, но особенно настойчиво представителями философии существования — экзистенциалистами (Н. Бердяев, М. Хайдеггер, К. Ясперс, Ж.-П. Сартр, А. Камю и др.). В художественной форме эту сторону мира представили А. Камю, К. Чапек, Ф. Кафка.

Абсурдность художественного мира, созданного Кафкой, Камю передавал с помощью притчи о сумасшедшем, ловившем рыбу в ванне: «Врач, у которого были свои идеи о психиатрическом лечении, спросил его: „А если клюнет?“ И получил суровую отповедь: „Быть того не может, идиот, это же ванна“». Тем самым, поясняет Камю, «мир Кафки — поистине невыразимая вселенная, в которой человек предается мучительной роскоши: удит в ванне, зная, что из этого ничего не выйдет». Иными словами, большинство окружающих нас людей, как и герои Кафки, в тайниках души сознают абсурдность окружающего и не такие уж сумасшедшие. И тем не менее они самозабвенно предаются алогичным и беспечальным занятиям. Это и есть одна из величайших загадок человеческого бытия.

Откуда берется абсурд ныне происходящего? Что (кто) является его источником? Почему в нынешней жизни его так много? Ответы на эти вопросы многозначны и сложны. Искать их — не наша задача.

Но одну тему я все же обозначу, ибо в ней таится едва ли не основной источник абсурда происходящего: фундаментализм. То есть такой слой знания, обращение к которому, по убеждению его носителя (личности, организации или социальной группы), позволяет гарантированно решать все задачи. Это такой уровень своего рода умопомешательства, когда начинает казаться, будто абсолютно «все» следует исключительно из «этого». Например, счастье — из денег; благополучие — из материального; общество — из рынка; прогресс — из техники и так далее. Только из «этого» и ни из чего «иного». Фундаментализм — это своего рода болезнь.

Не случайно о человеке, безмерно проникнувшемя какой-то идеей, поверившем во всемогущество какого-то знания, говорят «чокнутый». Для «чокнутого» химика жизнь — это всего лишь химический процесс. «Чокнутый» физик осмысливает общество в категориях природных законов. «Чокнутый» экономист не видит ничего, кроме экономики, и потому понятие «общество» для него тождественно понятию «экономика», хотя в глубине души он подозревает, что экономика — нечто большее, чем общество.

Людей такого рода — великое множество. И горе народу, когда они оказываются у власти. Тогда все идет «по-ихнему», т. е. наперекосяк. Ибо людям этого сорта не дано чувства меры, стремления к «золотой середине», оптимальному варианту, к преемственности. В сути своей фундаменталист — это р-р-рево-люционер. Его ум и характер отличают крайняя нетерпимость к иному мнению, иному объяснению картины мира.

Сегодня над миром и Россией, дополняя друг друга и взаимодействуя меж собой, властвуют «рыночный фундаментализм» и «технический фундаментализм». Люди, которые исповедуют эту веру, чувствуют себя твердо и уверенно, ибо за этими фундаментализмами числится немало достижений и заслуг, они имеют (какое — поговорим позднее) научное обоснование. О том, что мир на краю пропасти, они слышать не хотят; на рассуждения о том, что будущее человечества под вопросом, отвечают: «Ересь»¹. И гнут свою линию — угрюмо и упрямо. Что получается? Безумство. Но известно, что люди, творящие безумства, неизбежно безумны. Они могут быть даже очень умны. Иначе как понять, что тот же Ходорковский сумел сколотить состояние в 3 млрд долл.? Быть только хитрым и подлым — мало. Без ума тут не обойтись. Главное, однако, в том, в какую сторону и как повернут этот ум...

¹ 24 июля 2002 г. газета «Московский комсомолец» опубликовала прелюбопытное интервью с самым богатым человеком России М. Ходорковским. В своих собственных глазах он — «гений организации», спаситель нефтяной отрасли. По его словам, вопреки устоявшемуся мнению вовсе не нефть правит миром, да и вообще она почти ничего не «весит» в российском бюджете. На суждение корреспондента: «Загаживается планета», — Ходорковский говорит: «Это все ересь». — «Гринпис — это зеленая ересь?» — спрашивает журналист. Ходорковский отвечает пространно, но смысл сказанного тот же: «Ересь».

Но речь не только (и не столько) о «деловых» людях. А политика? А религия? Да и все общество, живущее в условиях абсурда и катастрофичности многие десятилетия? Вдумайтесь в происходящее — и вы без труда обнаружите, что предрассудки в нашей жизни сплошь и рядом преобладают над разумом, суеверия — над верой, гипнотическое внушение — над знанием и пониманием, демагогия «лидеров» — над демократией, готовность верить и веровать в любую чушь из уст властей — над критическим и независимым мышлением. Здесь мы имеем дело с крайней формой фундаментализма — фанатизмом, когда в голове отсутствует какое-либо знание, а его место заняла безрассудная, слепая вера.

Фанатик — это человек, у которого «идея фикс» стала стержнем его личности, его миссией; это человек, который воспринимает себя как орудие этой идеи, неких высших сил, даже если это силы не небесные, а заокеанские. Он — избранник этих сил, причем, как нередко оказывается на поверку, избранник платный, что еще более усиливает энергию его фанатичных действий.

Фанатизм масс, живущих в нынешнем российском обществе, — факт непризнаваемый. Поскольку неприятный. Но — факт. Иначе как понять, что общество поделилось на две части: яростных «рыночников», т. е. людей «нормальных», «правильных», и «нерыночников», т. е. «ненормальных», даже если ты в принципе не отвергаешь саму идею рынка, но начинаешь рассуждать о его регулировании, социальной справедливости. Приговор скор и однозначен: человек «неправильный» — значит, «не наш».

А на мой взгляд, объявляемые «нормальными» людьми — это и есть те, кто при первой возможности и призывае к «перестройке» начинает с упоением разрушать завоеванное кровью и построенное на костях их предков; кто без особых колебаний и возмущения позволяет опробовать на себе «шоковую терапию» только потому, что якобы «так делают во всем цивилизованном мире»; кто восторгается «сильным ходом» Президента, расстрелявшего из танков парламент страны; кто с детской наивностью несет свои последние гроши в разного рода «финансовые пирамиды», в том числе построенные «родным» государством; кто всей душой откликается на призывы «Голосуй или проигра-

ешь!», «Голосуй сердцем!», выбирая Президентом страны ненумного и немощного человека, уже доказавшего, что способен лишь разрушать, но не строить. Эти люди считают себя «нормальными». Те, кто сомневается в подобной белиберде, — вне нормы. Они — патология. Ибо размышляют, понимают и, как могут, протестуют. Они — безумцы?.. В стихах раннего Евтушенко есть мысль о том, что «гений — это норма, все остальное ненормальность». Если на происходящее посмотреть с этой точки зрения, то «ненормальность» (абсурдность) окружающей действительности надо признать нормой. Пока гениальность — случай частный и редкий. Может, поэтому всех «выдающихся», «высовывающихся» и объявляют то «безумцами», то «психами» и «шизофрениками»?..

Идеи, которые лежат по ту сторону смысла, чаще всего оказываются и по ту сторону добра, т. е. на стороне зла. Геббельс, признанный мастер манипуляции человеческим сознанием, любил повторять: «Политика — это искусство невозможного». Эта философия гитлеровской Германии стоила миру более 100 млн жизней, безумства целой нации и ее поражения в войне. Это, конечно, тоже результат, но убийственно-отрицательный.

Этим примером я хочу подчеркнуть мысль о том, что абсурд действительности возникает не только стихийно, как результат спонтанного столкновения и взаимодействия огромного множества людей и организаций, преследующих свои цели и интересы, но также (а может, прежде всего) вследствие существования и деятельности определенных политических сил, сознательно направляющих развитие общества и объясняющих глобальные процессы с точки зрения идеологий, формирующих общественное сознание и мнение выгодным для них образом. Порой, возможно, вовсе не предполагая, что их взгляды ложны и творят абсурд.

Вспомним: в Священной книге, где описана картина грехопадения, говорится о Древе познания Добра и Зла. О Древе познания. Об одном древе. Об одном, а не о двух. То есть в знании о мире добро и зло, ложь истина неразделимы.

Любое знание имеет двойственную природу и так же двойственno может быть использовано на практике. И капитализм тут — не исключение. Идея капитализма уже давно развилась

в мощную идеологию, в которой существует множество подразделов, исследуемых и описываемых из столетия в столетие ее ярыми приверженцами и апостолами — философами и учеными, писателями и журналистами. Они горой стоят за эту идею и пророчат ей бессмертие с той же яростью, с какой недавно это делали служители Идеи коммунизма. И не только потому, что эта Идея кормит их. Они не в состоянии представить иной картины мира. Они учат всех тому, что знают, а знают то, что хотят знать, а хотят знать только то, что им выгодно, что приносит практическую пользу, прибыль; что хотят знать «другие», которые видят и понимают мир исключительно или прежде всего в категориях «выгода», «прибыль», «эффективность», «рынок», «конкуренция» и т. п. С этой точки зрения они смотрят на науку, знание, обучение, воспитание, на человека и общество в целом. Выгодно, прибыльно, эффективно — значит «хорошо». Все и всякое иное — «плохо».

Парадоксальность и абсурд ныне происходящего в мире заключается в том, что основным источником противоречий и конфликтов в международных отношениях, главной угрозой существования человечеству являются страны, которые добились невиданных успехов в науке и технике, самого высокого уровня жизни, которые считаются символами свободы и демократии, представляют собой для многих их воплощенный идеал. Проблема, однако, не в том, что так о них думают другие, а в том, что в этом убеждены они сами, полагающие, будто им открылось некое универсальное мировоззрение, которое должно стать всеобщим в этом грешном мире, где «они» — посвященные и избранные, кому при любом раскладе мирового развития «место под солнцем» должно быть гарантировано. Но поскольку им как никому ясно, что «Боливар не вынесет двоих» («второй» — это «остальная часть человечества»), то для начала этой «части» надо просто заговорить зубы, заморочить голову. Там, где расходятся интересы, рождается ложь, зло и борьба. Цель оправдывает средства.

Как известно, потребности демократического строя Древней Греции вызвали к жизни особенный слой людей — софистов, взявших на себя функцию профессионального обучения молодых

людей умению не столько достигать в разговоре истины, сколько красочно рассуждать, дабы отстаивать свои интересы в народном суде, добиваться успеха в гражданской жизни¹.

Софизм в современной жизни предстает в совершенно иных, несравненно более грандиозных, масштабах и иных формах, но сущность его осталась прежней: перехитрить другую сторону (оппонента, конкурента), отстоять свой интерес, добиться выгоды (прибыли). Особый слой людей нынешних софистов, за деньги заказчиков работающих в сфере так называемого практического, «эффективного», знания и принадлежащих к широкому слою работников, занятых в сфере познания и обучения, производит не истинное, а ложное знание. Свои ложные выводы они делают не преднамеренно, а в силу незамечаемых нарушений правил логики. Основой таких рассуждений являются реальные процессы и общие теоретические посылки, которые изначально не подвергаются сомнению.

Разве сотни тысяч людей (ученых, писателей, журналистов), совсем недавно с разных сторон изучавших и описывавших «реальный социализм», ставили перед собой задачу делать заведомо ложные выводы и прогнозы? Абсолютное большинство к этому не стремилось. И даже те, кто сознательно приукрашивал действительность, делали это не из-за страха перед цензурой, как предлагаю это понимать сегодня сторонники «реального капитализма». Все происходило именно так (ложно), а не иначе (истинно), потому что коммунизм в их сознании полагался явлением несомненно объективным и закономерным, безусловно научным. Попавшись в сети Большой Идеи, человек не может вырваться из ее плена, пока не вспорет «сеть» острым ножом схваченной им Истины, пока не наступит Прозрение. До тех пор он пленник и раб этой Идеи, и она творит с ним то, что захочет. И только когда Идея вполне оформится в Идеологию, что предполагает ее становление,

¹ Каждое дело в Афинах слушалось и обсуждалось в присутствии большого количества участников судебного процесса. Истец и ответчик обязаны были выступать лично, потому успех и неудача дела в значительной мере зависели от их ораторского искусства. Чтобы добиться успеха, многие предварительно выслушивали (за плату) советы и наставления о хитростях построения речей, которые приносили успех. Хитростям этим учили софисты. (Здесь мы не касаемся софистики как философского течения; об этом — позднее.)

развитие и проверку практикой, только тогда станет ясно, что она есть по существу. В раннем же возрасте все идеи, как и младенцы, безумно очаровательны...

Но что проку рассуждать о коммунизме? Он уже в прошлом и, скорее всего, останется в нем лишь как интересный и поучительный факт истории.

Возьмем капитализм, идеологи которого мыслят его явлением «естественным», ибо он якобы отражает истинную сущность человеческой природы и человеческих отношений во всей их противоречивости (добра и зла, величия и порочности, возвышенности и низменности). Но чем был капитализм изначально и не так уж давно, каких-то триста лет назад? Большой Идеей, знанием о незнании. Прообразом будущего. Видением в полутиме. Иллюзией, миражом... И вот мираж наполнился чертами действительности, стал «реальным капитализмом», который, как выяснилось, обладает определенными достоинствами и преимуществами перед другими Идеями, тем же коммунизмом, который повержен им... Но следует ли из этого, что капитализм — это то Гармоничное, Совершенное и Максимально Возможное, о чем мечтало человечество? Увы!.. Доказывать это никому не надо. В конечном счете перед нами Большой Абсурд.

Абсурд действительности происходит из абсурда замыслов, тех знаний и понятий, которые властвуют умами, от абсурдности ценностей и дум, которые завладели теми, кто принимает политические и экономические решения. Тут все зависит от идеологических пристрастий, преодолеть которые дано немногим. Обычный ум ищет не смысл, а выгоду, которая часто лежит в темных основаниях, за гранью совести и интеллекта, по ту сторону добра. Жизнь начинается отрицательным зарядом, смертью, бессмыслица подменяет смысл, сознательное вытесняется бессознательным, найти границу между правдой и кривдой, истиной и ложью становится невозможным. Понять, что «квадратный круг» — это бессмыслица, может каждый. Но опровергнуть умозаключения типа «невидимая рука рынка и свободная конкуренция все сами расставят по своим местам» способны немногие. Слишком высокая абстракция, в которую к тому же верит множество других, хотя это не более чем миф, абсурд, ставший реаль-

ностью. Эту реальность изучают, она становится «научным знанием», которое распределяют по книгам и учебникам и вдлбливают в умы одного поколения за другим. Так бессмыслица про-исходящего начинает заключать в себе все больше тайны, становится секретом смысла. Абсурд превращается в предмет по-знания, абсурдная наука поставляет все больше абсурдных зна-ний на фабрику абсурдного образования, которое (вместе со СМИ и окружающей средой) творит абсурдного человека, соз-дающего абсурдную действительность. Круг замыкается.

И вот мы на самой вершине Абсурда, выше которой только звезды, космос, пустота и тишина: человечество, как об этом за-являют его лучшие мыслители и целые международные организа-ции, в том числе ООН, находится на грани гибели, но ищет источ-ник опасности где угодно и в чем угодно, только не в самом себе.

Как же выйти из ситуации абсурда?

В Средние века абсурдность преодолевалась актом веры: «Верую, ибо абсурдно!» Итог известен: религиозное мракобесие.

В новой истории абсурду противостояли рационализм, научное знание. Но, кажется, и Разум свое уже сделал. Вся удручающая ум и душу действительность — это результат «работы» «чистого разума», который был подвергнут строгой критике еще И. Кантом, говорившим об ограниченных возможностях естествознания дать полную картину мира и ставившим вопрос о единстве противопо-ложностей: рационального и чувственного, теоретического и эм-пирического. Ведь это воинствующий рационализм породил по-нятие науки, которое стало отождествляться исключительно с математикой и естествознанием. И поныне мы слышим заявле-ния представителей так называемых точных наук о том, что «любая наука является наукой настолько, насколько в ней мате-матики». С подачи воинствующего рационализма в общественное сознание вдолбили представление о том, что «есть науки есте-ственные, а есть противоестественные, т. е. социальные, гумани-тарные», завязался совсем небезвредный спор «физиков» и «ли-риков», зародилось и укрепилось пренебрежительное отношение к философии, истории, социологии.

Все, что мы имеем и наблюдаем (как хорошее, так и плохое), — «заслуги» исторического материализма и самонадеянного, эгои-

стического pragmatизма, которые являются полностью рационалистическими. В крайнем преувеличении роли рационализма сошлись коммунизм и капитализм. Поэтому результаты их исторического творчества, если смотреть на них не через призму идеологических и политических догм, а с высоты понятия «человек», практически одинаковы. Человек для оголтелого рационалиста — прежде всего средство, а при крайнем возбуждении Радуга — только средство. И никогда (на практике) — цель. Об этом только декларируется, вспоминается, когда «разуму» вдруг хочется кушать или когда он неожиданно обнаруживает себя в дефиците. Тогда вспоминается, что человек и есть носитель разума и что он состоит не только из разума, но еще и из эмоций и чувств, способен не только мыслить, но — еще чаще — радоваться и страдать, любить и ненавидеть, испытывать чувства стыда и вины, ответственности и долга. Ведь это господствующий рационализм вызвал к жизни представление, что «наука свободна от ценностей» и этических ограничений, что выше разума никакой инстанции не существует. А совесть? А стыд? А честь? А горе? А счастье? А радость? Одним словом — а чувства, эмоции? Любая вещь вырождается в свою противоположность, если нарушается мера. Неразумность (абсурдность) происходящего есть свидетельство того, что мера рационального (разумного, рассудочного) и эмоционального (чувственного) в человеке, деятельности и развитии человечества была явно нарушена в сторону рационализма. Но не случайно человеку даны мозг и сердце, заключенные в одно тело, в один организм. Они должны находиться в гармонии — только тогда человек уравновешен, а его жизнь можно считать гармоничной. И это не романтизм, не иррационализм, а философский реализм.

Мне кажется, что сегодня апеллировать только к разуму, только к научному знанию уже бесполезно. Рационализм натворил так много иррационального (противоречивого, необъяснимого, бессмыслиценного), что, будучи не в состоянии охватить его избыточность, просто «отключился». Более того, он находится в рабском услужении у безумной власти и бешеных денег, выполняет все их капризы и прихоти, но вовсе не служит истине. Самые гениальные математики и естествоиспытатели сегодня заняты

подготовкой то «звездных войн», то химического, биологического и всяческого иного сверхнового оружия. Самые талантливые геополитики, политологи, социологи, психологи обосновывают политические стратегии и планы, составляют прогнозы нового передела мира. И сколько бы ни говорили отдельные объективно мыслящие и добропорядочные исследователи и политики этим людям, что они творят абсурд и хаос, в это не верят ни они сами, ни подавляющее большинство населения. Потому что эта горстка глупцов и мошенников, опираясь на мнение такой науки, которая полагает себя «свободной от ценностей», выдает творимую по их заказу бессмыслицу и ложь за правду и истину. Потому что в их руках свободные (они же продажные) СМИ и все иные инструменты манипуляции сознанием как отдельного человека, так и общества. От них (от так называемой политической и деловой элиты), увы, зависит уж если не все, то почти все. Со стыдом, совестью и честью они благополучно расстались по пути «наверх» и к богатству.

«Реформы» и все разрушительство совершены ими ради свободы и благополучия народа. Но что мы имеем? Массовое бегство от свободы, наполнение слова «демократия» все более отрицательным смыслом, нарастание авторитаризма и колонизацию страны.

«Реформы» начинались борьбой за политический и организационный плюрализм: всем надоели одна-единственная компартия и выборы без выбора. Теперь в России под каждым кустом по партии. Иногда, особенно в канун парламентских выборов, можно подумать, что политическая жизнь в стране бьет ключом. Однако это иллюзия. Сегодня даже «левые» — почти такие же, как «правые», они предполагают существование друг друга, чтобы имитировать борьбу, которая на самом деле является игрой, спектаклем, в котором актеры не представляют никаких интересов зрительного зала («народа») и имеют перед ним одно-единственное эфемерное обязательство — развлекать, делая это хуже или лучше в зависимости от своего таланта и финансовой поддержки спонсоров. Мертвые партии во главе с «лидерами», симулирующими активность.

Еще недавно наш народ считался (и был!) «самым читающим» в мире, книга стоила не дороже хлеба, газета — не больше,

чем спички, а поэты были идолами молодежи. Сегодня произвесь не только «лирики», но и «физики», наука «сворачивается» и совсем не популярна среди новых поколений, полагающих в большинстве, что «только в бизнесе — соль, остальное — ноль». Окончив школу, многие не могут вспомнить, когда началась Великая Отечественная война, думают, что гитлеровский фашизм уничтожен США, а не Советским Союзом, не помнят имен Г. К. Жукова и Ю. А. Гагарина. Не знают русского языка, не умеют делить и умножать. Знание вытесняется верой в потустороннее, космическое. На страницы газет и журналов, на телеэкраны хлынули колдуны, заклинатели, астрологи, экстрасенсы, священники. Люди покупают и пьют «святую» и «заряженную» воду, идут на приемы по объявлениям «Приворожу», «Поставлю астральную защиту».

Еще недавно слово «фашист» в нашей стране было самым ненавистным и ругательным. Теперь на книжные прилавки хлынули потоки расистской литературы. Вы можете свободно купить «Mein Kampf» А. Гитлера, «Миф ХХ века» А. Розенберга, «Опыт в неравенстве человеческих рас» Ж. А. Гобино, «Политическую антропологию» Л. Вольтмана, «Фашистский социализм» П. Д. Рощеля, «Удар русских богов» В. Истархова, выпуски серии книг «Расовый смысл русской идеи» и множество других. В них проводится главная мысль: судьба нации определяется не обучением и воспитанием, а расовым инстинктом, зовом крови. И миф крови получил отклик в умах и душах русской молодежи. Безумие!.. Но генетика, убежден, тут вовсе ни при чем. Русский фашизм — это стихийная реакция гордой русской души на то униженное положение, в которое ввергнута наша страна, это возмущение оскорбленного духа, это плата за обман о сладких плодах «свободы», «демократии», «благополучия», обещанных на заре «перестройки» и «реформ». Тут не помогут никакие законы о борьбе с экстремизмом — слишком глубока причина явления. Не будем скрывать: у «бритоголовых» есть немалая социальная база, которая пока только наблюдает за происходящим...

Сегодня абсурдность мира может быть преодолена союзными усилиями рационализма и гуманизма, логики ума и голоса совести. Надо осознать абсурдность созданного и происходящего,

устыдиться и устрашиться его. Осознание — шаг к постижению смысла того, что и как предстоит делать, чтобы вырваться из цепей, в которые человечество заковало себя. В освоении внешнего мира человек ушел гораздо дальше, чем в развитии и понимании самого себя. Стремясь к созданию второй, искусственной природы, приносящей пищу, одежду и кров, т. е. удовлетворяющей его естественные, в сущности своей животные потребности, возведенные им в культ (комфорт, удовольствия, сверхпотребности), человек создал тем самым систему материальных ценностей, которым он молится, согласно которым формирует и воспроизводит себя с помощью созданных им инструментов, главным из которых является система образования. Человек может выбирать, какую повесть ему купить и читать, а какую не покупать и не читать, какую телепередачу смотреть, а какую — не стоит. Но он не может не осваивать материал школьных и вузовских учебников, не может не сдавать зачеты и экзамены, иначе не получит образования, не сможет чувствовать себя полноценным членом общества, добиться успеха в жизни. Даже в самом свободном обществе образование, по существу, является делом обязательным. Более того, в абсолютном большинстве стран существуют государственные образовательные стандарты, определяющие по нижней планке, по минимуму объем и структуру тех знаний, которые должен освоить образованный специалист. Вопрос не стоит так: «Что и сколько должен знать человек, специалист?» Поскольку ответ в этом случае может быть только один: «Как можно больше, как можно шире». Вопрос ставится реалистичней: «Чего нельзя не знать и не уметь, чтобы считаться образованным специалистом?» Не может человек всю жизнь проводить за школьной партой или в студенческой аудитории. Учеба — этап подготовки к трудовой, производительной деятельности.

Так определяются дневная и годовая учебная нагрузка, продолжительность и уровни обучения, учебные программы и планы. В соответствии с доминирующим ныне рационалистическим подходом, в том числе к образованию, мы формируем эти программы и планы таким образом, чтобы «на выходе» из вуза мы получали выпускника-специалиста, способного принести в трудовом процессе максимальную полезность. Сказать по-иному — максималь-

ную выгоду, прибыль. Разумно? Конечно. Что же нас не устраивает? А то, что в результате совокупной деятельности миллиардов таких специалистов создается действительность, которая грозит гибелью тем, кто ее сотворил.

В чем же дело?

Современное образование — это мощнейшее средство програмирования... нет, я не хочу произносить слово «человек»... Скажем так — «индивида». Ведь если мы говорим «человек», то должны иметь в виду не только его умственные способности, но и его эмоциональную, чувственную, духовную стороны, которые создаются не столько обучением, сколько (прежде всего) воспитанием. Но этим не занимаются ни школа, ни вуз. Смею утверждать: в современных школах и вузах нет образования, есть только обучение. Система образования обращена только к левому полушарию мозга, где размещается это самое «ratio» — разум. Другое полушарие, «отвечающее» за чувства и эмоции, задействовано крайне плохо. Это значит, что оно не развивается. Все, что не движется, не развивается, то атрофируется, деградирует. Но левая и правая доли мозга не изолированы друг от друга, они составляют целое, которое в силу ослабления функций одной из двух половин начинает работать односторонне. В итоге мы видим мир и понимаем жизнь однобоко, частично, а не в полном объеме. В том числе и миссию образования, самих себя (человека), смысл жизни вообще и в частности нашей личной.

Современная система образования, встроенная в однобокий и уже этим порочный, ошибочный, абсурдный мир, воспроизводит его, тиражируя «специалистов» (по сути — ремесленников), которые являются (хотя и не сознают этого) «функциями», «колесиками и винтиками» созданного поколениями их предшественников искусственного и в сути своей противостоящего им и уничтожающего их мира вещей и предметов, управляющего ими и все более порабощающего их. Наоборот, они полагают себя людьми передовыми, ибо владеют компьютерами, работают в Интернете, могут общаться в любых формах, не входя в непосредственный контакт друг с другом. Мы даже не сознаем, насколько, словно дети, «заигрались» с Природой и Техникой, «возрастающими потребностями» и погоней за удовольствиями.

Возник парадокс управления. С одной стороны (в силу многих причин), мир становится все сложнее и противоречивее, все более неопределенным и все менее предсказуемым; все более взаимосвязанным и взаимозависимым, все менее управляемым и потому требующим лучшего управления. С другой стороны, заметна всеобщая тенденция явного снижения уровня компетентности властей и всех правящих, в том числе в самом высшем звене. Демократия, допуская всех к решению вопроса о власти, чрезвычайно усредняет уровень правящего слоя. Среди немногих, кто по определению (от природы) способен управлять, оказывается слишком много серых, бесцветных, слабо обученных и плохо воспитанных людей, в советниках и экспертах у которых числится сонм подобных им личностей, подобранных по принципу «чем ночь темней, тем ярче звезды». Эти люди обещают народу все, а на деле не могут ничего. Они презирают знание и его носителей, предпочитают действовать методом проб и ошибок, учатся управлять на тех постах, где должны быть учителя. Они, как это делал еще ранний Ельцин, выторговывают себе право на ошибку, а непредсказуемость своего поведения возводят в ранг добродетели. «Лучше, если мы окажемся более или менее правы в нужный момент, нежели абсолютно правы слишком поздно», — говорят такие «лидеры». И, что самое парадоксальное, находят себе миллионы почитателей.

Всему этому во многом способствуют парадоксы высшего образования, которое образует критическую массу «образованцев», из которых и рекрутируются такого рода кадры.

Парадокс состоит в том, что при резко сокращающихся расходах государства на образование количество стремящихся получить высшее образование, поступающих в вузы и оканчивающих их с каждым годом быстро увеличивается. С 1960 по 1995 год количество студентов в мире выросло с 13 млн до 82 млн, т. е. в шесть раз. В 2001/2002 учебном году из 1 млн 100 тыс. выпускников школ России в вузы поступили около 1 млн человек (т. е. почти 90%), в то время как 30 лет назад в вузы поступали 25–30%. При этом, как известно, качество обучения в школах заметно снизилось. Можно ли в свете вышесказанного полагать, что в России есть собственно «высшее» образование? Ситуацию надо всерьез

осмыслить и изменить к лучшему, в частности усилить механизмы отбора на всех этапах поступления в вузы, исходя из наличия у абитуриентов соответствующих способностей. Вместо этого вводится так называемый единый государственный экзамен...

Парадоксально то, что при увеличении потребности в людях с подлинно университетскими (широкими, фундаментальными) знаниями, без которых в нынешней ситуации ничего не поймешь, университеты утрачивают свою универсальность, готовят узких «специалистов», не способных видеть дальше своего носа.

Парадоксально то, что, все более сокращая финансирование образования, государство старается максимально стандартизировать его содержание, взять все под свой контроль. Там, где государство необходимо, его нет или очень мало, а там, где без государства можно обойтись, его много и слишком.

Настал момент Истины.

Мы должны понять, что первый враг человека — сам человек, что главная угроза человечеству исходит от самого человечества. Что надо всем заняться изменением и улучшением природы и породы человечества. Что для этого необходимо переосмыслить старую и выработать новую парадигму развития общества и парадигму образования, с помощью которых образуются и преобразуются человек и человечество.

Но прежде Человек и Человечество должны ужаснуться самим себе.

Рискну утверждать: сегодня в мире есть одна-единственная сила, способная объединить человечество — все народы и расы всех континентов, все религии и идеологии, все политические партии, общественные и национальные движения, молодых и старииков, — это страх. Потому что у всех нас одна-единственная опасность — опасность гибели, смерть. Смерть человечества. Гибель человека как вида. Гибель в уже обозримом будущем, через два-три поколения, а не в «принципе», через миллионы лет, как полагают некоторые.

Сегодня мир переживает момент, которого никогда не было в истории человечества: оно стоит перед дилеммой «быть или не быть». Чувства должны ударить по Рассудку, вывести из прострации и включить его. Мощь разума должна соединиться с мораль-

ной энергией еще до того момента, когда «грянет гром». Великая опасность должна вызвать Великий страх. Сегодня к страху надо подойти рационалистично, pragmatically, т. е. извлечь из него пользу. «Страх и надежда могут убедить человека в чем угодно» (Л. Вовенарг).

Приведу любопытный исторический факт, достойный серьезных размышлений. В 1972 году, когда был опубликован первый доклад Римского клуба «Пределы роста», прогнозировавший возможность катастрофы человечества уже через 75 лет из-за исчерпания сырьевых ресурсов, нехватки продуктов питания и перенаселения планеты, некто Зикко Маншолт, председатель Комиссии Единого экономического сообщества, в ответ на политическую бурю, вызванную прогнозами ученых, выступил с открытым письмом по поводу экономической и сельскохозяйственной политики Европейского сообщества в свете результатов проекта Римского клуба. Он предложил перевести производственную систему на жесткое планирование, ввести государственный контроль за использованием ресурсов, резко ограничить потребление материалов и товаров, установив минимальный уровень оплаты труда. По мнению Маншолта, Комиссии следовало немедленно принять пятилетний план для Европы, главной целью которого должно стать экологическое равновесие и прекращение экономического роста¹.

Нонсенс! Европе, по сути дела, было предложено «закрыть» рынок и капитализм, перейти к плановой экономике, к социализму. Почему? Стало страшно, запаниковали. «Никто не хотел умирать».

Надо сказать, что Римский клуб, опубликовавший этот доклад, рассчитывал именно на это — на «шоковую терапию», т. е. на устрашение, на отрезвление через страх перед гибелью. И он в целом добился своего: кое-какие корректизы в свою экономику западные страны после этого все же внесли, прежде всего — элементы госрегулирования рынка. А потом все пошло своим чередом.

Еще пример — сенсационное открытие американских ученых: 5 июля 2002 года в ночном небе штата Нью-Мексико был обнаружен астероид шириной 2 километра, приближающийся к нашей

¹ См.: Римский клуб. М., 1997. С. 41.

планете. Вероятная дата его столкновения с Землей — 1 февраля 2019 года. До нашей гибели осталось всего 17 лет!.. Эта новость всколыхнула ученых всего мира. За астероидом наблюдают около 200 обсерваторий на всех континентах. В политических кругах не- медленно начались переговоры об изыскании средств на подго- товку проектов по разрушению небесного тела на дальних подсту- пах. И это при том, что вероятность столкновения 2002NT7 (так окрестили астероид) равна 0,06%.

Страшно... С физическим телом в переговоры не вступишь, его не обманешь, не подкупишь, не напугаешь. Семнадцать лет — это совсем близко, даже для стариков. При столкновении с землей по- гибнут все: демократы, либералы, консерваторы, социалисты, лей- бористы, белые, черные, желтые, зеленые, красные, голубые, бога- тые и бедные, сильные и слабые, здоровые и больные... Все. Понимание этого факта заставляет забыть абсолютно обо всех рас- прях в человеческом сообществе. В этом вопросе единение взгля- дов и сил гарантировано.

Но чем же отличается этот вариант гибели человечества от ги- бели вследствие экологической катастрофы и вызвавших ее при-чин? Во-первых, сложностью объяснения и понимания. Во-вто-рых, растянутостью во времени и возможностью рассуждать по формуле Людовика XV — «после нас хоть потоп». В-третьих, ил- люзией сильного и богатого меньшинства выжить за счет слабого и бедного большинства. Лазейка для ума открыта — и он изощ- ряется, придумывая разные способы выхода из щекотливого по-ложения, кроме, казалось бы, очевидного: вырабатывать формулу общего спасения. Ибо или спасемся все, или все погибнем. Но все происходит так, как если бы кто-то поставил задачу увеличить ве- роятность гибели Земли от столкновения с астероидом 2002NT7 с 0,06 до 100%. Разве это не абсурдно?

Большинство тех, кто управляет сегодня социальными процес- сами, является их движителями, абсолютно убеждены в том, что в целом «все идет как надо», а всякие иные, не сходные с их мнени- ем взгляды и оценки, именуют «ужастиками» и «страшил- ками». Когда в этом Театре Абсурда человек спрашивает о смысле жизни, начинает рассуждать о совести и чести, долге и справедли- вости, его объявляют больным. Когда он говорит, что «это» про-

исходит не случайно, что «это» кому-то надо, потому что выгодно, на него высокомерно машут рукой: «А, сторонник взгляда на историю как на Заговор».

Многие все же чувствуют, некоторые знают, кое-кто понимает, что в мире «что-то» происходит не так. Интеллигенция, как водится, кричит «Больно!», приспосабливается и корит себя за то, что воспитала «двоечников» и «троечников», которые теперь управляют народом. А народ... народ страшится, наблюдает, страдает, терпит и — безмолвствует. Нет ужасного для тех, кто видел немало страшного в прошлом и переживает ужасы каждый день. Нет ужасного для новых поколений. Вброшенные в этот безумный и жуткий мир, они принимают его за норму, поскольку не знают другого. А взяв за норму абсурдное и ужасное, воспроизводят и умножают его.

Всю жизнь нас учат тому, что бояться — стыд и позор, что ничего нет страшнее страха, что страх страшней опасности, что надо быть героем и идти навстречу врагам и угрозам с душой, полной отваги и смелости. Да, страх может лишить рассудка, приковать к земле. Да, страх может стать источником храбрости наших врагов; бывает так, что в нем больше зла, чем в предмете, которого боятся.

Эти истины известны и верны. Но они, как и все иные, не абсолютны, а относительны. Все зависит от времени, места и ситуации, в которых они применяются. Если надо умереть ради своей семьи или чести, то надо умереть. Но если надо струсить, чтобы спасти свой народ, то надо струсить и проявить героизм таким образом. Иначе говоря, есть страхи губительные, а есть — спасительные. Страх высоты уберегает от падения в пропасть. Страх есть предчувствие беды и беспокойство души о будущем зле, которые угрожают жизни. Страх — это побудитель к действию, позволяющему устраниТЬ его источник.

Овладевая человеческим сознанием и подсознанием, страх вскрывает подспудно таящиеся в человеке силы ума, воли и энергии, о которых прежде никто даже не подозревал. Из личного опыта каждый знает: испугавшись, мы не бежим, а летим; поднимаем неподъемное; придумываем такие ходы, которые не могут разгадать самые умные и хитрые. Страх, как следствие угроз и

опасностей,— это могучая объединительная сила, помогающая выживать и побеждать целым народам, как это было, например, не раз в истории России, в частности в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов. Страх в скрытой форме живет в человеке и обществе и является одной из важнейших их характеристик. Весь ход исторического процесса человечества можно рассмотреть с точки зрения влияния страха и найти, что это влияние существенно и огромно.

Пусть никто не говорит, что он ничего не боится. Не ведает страха только глупость. Невежда свободен как от страха, так и от ответственности. Но если ты сознаешь тебе и всем грозящую опасность и понимаешь, что «все» бездействуют, изображая из себя героев, которыми на самом деле не являются, то как не бояться? Если ты знаешь, что на самом деле все не просто боятся, а оцепенели от страха, находятся в состоянии ужаса, как не испугаться этой картины?

Абсурдное и ужасное требует объяснения. Ничего нельзя объяснить без знания.

Абсурдное и ужасное требует понимания. Ничего нельзя понять, не постигнув смысл знания.

Абсурдное и ужасное требует противодействия разрушению и созидания будущего с помощью знания и понимания.

*Из книги И. М. Ильинского «Образовательная революция». М., 2002.
Вступление.*

ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ

УСТОЙЧИВОЕ РАЗВИТИЕ – НОВОЕ МИРОПОНИМАНИЕ И МИРОУСТРОЙСТВО ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

Если абсурд происходящего не объяснять действием космических и небесных сил, то ответ на вопрос, как и почему возникает бессмысленность мыслей и хаос действительности, надо искать все-таки на Земле. Правильно будет сказать так: во всем виновато само общество. То есть (в широком смысле) совокупность всех способов взаимодействия и форм объединения людей, в которой выражается их всесторонняя зависимость друг от друга. Как взаимодействуют (общаются), иначе говоря, как строят свои отношения на личном уровне, между различными хозяйственными, политическими, общественными и другими организациями, как строят систему управления сверху донизу, какие создают законы, каким ценностям и правилам морали следуют — такую действительность и имеют. Абсурдную? Значит, абсурдно действуют.

Но остается вопрос о том, *почему* люди действуют *именно так*, что в итоге возникает не удовлетворяющая их действительность? Человек — существо сознательное и, следовательно, действующее целесообразно. Но чем предопределена цель и ее выбор? Свободой? Говорят, что свободный человек может выбрать то, что хочет. Так ли это? В реальности, как правило, он выбирает то, что *возможно* выбрать, что налицо и доступно. Иначе говоря, свобода выбора ограничена возможностью выбора. Образ действий и поступков человека подчинен той системе ценностей, которые он признал и усвоил, в рамках возможного выбора, которые он признал и почитает. Этот человек действует по данным целям, и его действия носят упорядоченный характер. Но какой порядок рождается в результате этих действий — зависит от того, *какой* смысл

они преследуют и сколько в них этого смысла. Ибо разные цели имеют разный по своей сущности, глубине и значению смысл.

Например, И. Кант не только говорил уже о развитии нравственности и права, но придавал первостепенное значение объективному «механизму» человеческой природы. Каждый индивид, полагал он, сообразуясь только со своим разумением, неизбежно сталкивается с сопротивлением со стороны других индивидов. Это взаимное сопротивление характеризуется Кантом как антагонизм, который и является движущей силой социального прогресса. Кант отверг утверждение Ж. Ж. Руссо, будто в предшествующем цивилизации «естественному состоянию» отношения между индивидами носили мирный, идиллический характер. «Люди, — писал он, — столь же кроткие, как и овцы, которых они пасут, вряд ли сделали бы свое существование более достойным, чем существование домашних животных. Поэтому да будет благословенна природа за неуживчивость, за завистливо соперничающее тщеславие, за ненасытную *жажду обладать и господствовать!* Без них все превосходные природные задатки человечества остались бы навсегда неразвитыми. Человек хочет согласия, но природа лучше знает, что для его рода хорошо; и она хочет раздора»¹.

Если человек живет в обществе, где в разряде высших ценностей значатся «жажда обладать», «господствовать», «неуживчивость», «соперничающее тщеславие», «ненасытность», «завистливость» и тому подобные вещи, если детям и молодым людям на уроках и лекциях, в семье, в кино, театре, в литературе, прессе и телепередачах изо дня в день, из года в год говорят, что это и есть подлинные ценности, ради которых стоит жить, что в них и есть смысл жизни, то он начинает думать, что это так и есть. Вынужден. Поскольку сам он не в состоянии переоткрыть мир заново, начиная с его первых дней. Он доверяет, верит попросту потому, что ему не из чего выбирать. Тем более что эти ценности отвечают его «природе», они просты и понятны. Они выводятся человеком в разряд абсолюта, но от этого сами абсолютом не становятся. Если человек жаждет любви, дружбы, сочувствия, имеет понятие

¹ Кант И. Идея всеобщей истории во всемирно-гражданском плане // Соч. М., 1966. Т. 6. С. 22.

совести и чести, то однажды вдруг обнаруживает, что деньги не творят и не усиливают эти чувства и мораль, а, наоборот, разрушают их. И вот он снова в ситуации выбора и делает его в пользу «земных радостей». Это одна линия жизни, которая творит в обществе один порядок жизни.

Но есть множество людей, для которых существуют необходимые цели и которые стремятся к более осмысленной, подлинно человеческой жизни. Это — *необходимость должного*, а не сущего, необходимость того, что *не существует, но должно было бы существовать* в соответствии с определенным умонастроением субъекта. Человек находится под категорией должного, хоть это признается не всеми, более того, внушается мысль, что, родившись, человек действует дальше исключительно на свой страх и риск и никогда никому ничего не должен. Должными признаются цели, которые считаются ценными на основе суждений о том, что является ценным, а что — нет, что более ценно, а что — менее. Чьих суждений? Суждений личности и общества.

Но сделать выбор с позиции «должного» — дело чрезвычайно сложное даже для взрослого человека. Тем более если речь идет о ребенке или молодом человеке. Это практически немыслимая задача. Как может начинающий жизнь человек соотнести интерес личности с интересами общества, народа, нации? Как может он понять, что наука — объективная ценность, искусство — объективная ценность, социальная организация — объективная ценность, хозяйство и техника — объективные ценности, личность — объективная ценность, жизнь — объективная ценность? Как может он решить, что поставить на первое место, что на второе, третье, иначе говоря, как выстроить иерархию ценностей? Сколько бы мы ни говорили о свободе личности и правах человека, сколько бы много сама личность ни мнила о себе, этот труд берет на себя общество, а точнее сказать — государство. Для того-то в свое время они и создали школу и специальные учебные заведения. «Образованный человек» — это не тот, кто умеет считать, писать, сверлить, пахать, сеять, стрелять, рулить, покупать, продавать, рекламировать, отдавать распоряжения и командовать, — это человек обученный. Ремесленник. Специалист. Только в технике сегодня более 40 тыс. специальностей. Человек образованный — это человек,

имеющий в своем сознании определенный образ мира, приверженный определенным ценностям, которые предопределяют определенный образ жизни и действуют с помощью определенной системы образования.

Итак, мы вышли на категорию «образование» в самом широком его смысле, что позволяет сделать банальное умозаключение: окружающая нас социальная действительность — творение человека, которого сотворило общество через посредство системы образования. *Какое образование — такое и общество. Какое общество — такое и образование.* Если общество хочет измениться, оно должно изменить систему образования. Но чтобы сделать это, общество должно ответить на вопрос: что не устраивает его в самом себе в настоящий момент и каким оно представляет свой образ в будущем? К какому идеалу оно стремится? Наличие частной собственности, рынка и частных лиц, действующих на свой страх и риск, принципа, что каждый индивид, работая на себя, работает на всех (и наоборот), вовсе не исключает наличия в обществе механизма, который примирил бы индивидуальное и общественное, который тот же И. Кант называл «автоматом», обеспечивающим «патологически вынужденное согласие в обществе»,ставил задачу гуманизировать его, превратить в моральное. Главным направлением культурного прогресса является, по Канту, сближение народов, благодаря которому вследствие действия того же «механизма природы» будет навсегда покончено с войнами и народы всей планеты объединятся в мирном союзе. «Дело идет не о моральном совершенствовании людей, а только о механизме природы, относительно которого требуется узнать, как использовать его применительно к людям, дабы направить в народе столкновение немирных устремлений индивидов в составе народа, чтобы они сами заставили друг друга подчиниться принудительным законам и таким образом осуществить состояние мира...»¹ Продвижение к этому идеалу он считал основной целью всей истории человечества, которому предстоит вечно приближаться к ней без надежды полностью осуществить ее.

Начиная с эпохи Просвещения основная борьба взглядов на устройство социальной жизни и судьбу человечества шла между

¹ Кант И. К вечному миру // Соч. М., 1966. Т. 6. С. 286.

либерализмом и социализмом. В XX веке она выступила также как противостояние сторонников так называемого открытого (утилитарного, элементаристского) и закрытого (идейного, тоталитаристского) общества. История их противостояния хорошо известна, как и то, чем оно закончилось.

Крах социалистической системы, особенно развал СССР, позволил некоторым авторам на Западе поставить вопрос о «конце истории» как о «завершении идеологической эволюции человечества и универсализации западной либеральной модели как окончательной формы правления» (Ф. Фукуяма). Политики и население тех стран, где эта модель реализуется, восприняли эту «научную» весть с восторгом и энтузиазмом. Начался этап насильственного экспорта этой модели в другие страны, прежде всего в те, которые оказались на историческом перепутье, в ситуации выбора.

Однако и в стане либерализма уже давно вызревало сомнение по поводу незыблемости его основ. Усилиями умов лучших западных ученых было рождено немало новых взглядов и теорий по поводу будущего человечества.

С 60-х годов XX века и до сегодняшнего дня развитые страны определяют общество, в котором они уже живут, как «постбуржуазное», «посткапиталистическое», «постмодернистское», «постпредпринимательское», «пострыночное», «посттрадиционное» и даже «постцивилизационное» и «постисторическое». Широкое хождение получили более конкретные термины: «информационное общество» (the informational society), «технотронное общество» (the technotronical society), «общество знаний» (the knowledgeable society, the knowledge society, the knowledge-value society) и, наконец, «постиндустриальное общество» (the postindustrial society). Последнее понятие почти не встречает противников на Западе.

Что такое «постиндустриальное общество»? Прежде всего, это взгляд на историю не с точки зрения классовой структуры общества и борьбы классов, а с позиций уровня технологического развития общественного производства. Вторая фундаментальная составляющая теории постиндустриального общества — это подразделение всего общественного производства на первичный

(сельское хозяйство), вторичный (промышленность) и третичный (сфера услуг) секторы и утверждение о грядущем росте в развитых странах доли третичного сектора по сравнению как с первичным, так и со вторичным секторами в совокупной рабочей силе и в структуре ВНП.

Признанный патриарх теории постиндустриализма Д. Белл определяет «постиндустриальное общество как общество, в экономике которого приоритет перешел от преимущественного производства товаров к производству услуг, проведению исследований, организации системы образования и повышению качества жизни; в котором класс технических специалистов стал основной профессиональной группой и, что самое важное, в котором внедрение нововведений... во все большей степени стало зависеть от достижений теоретического знания... Постиндустриальное общество... предполагает возникновение нового класса, представители которого на политическом уровне выступают в качестве консультантов, экспертов или технократов»¹.

Из этого определения следует, что *основным ресурсом* постиндустриального хозяйства является *знание* (как теоретическое, так и прикладное). Не капитал, а знание — вот первое и главное понимание богатства в этом обществе. *Знание становится важнее денег*, поскольку деньги имеют свойство быстро расходоваться и исчезать. Знание — это благо неуничтожимое, сколько бы раз вы его ни использовали. Материальное богатство ограничено количеством, и потому оно имеет свойство сосредоточиваться в руках немногих. Знание не ограничено количеством его носителей и пользователей. Знание доступно всем. Тем самым устраняется *фактор редкости* блага и богатства. Богатым может быть каждый. Все определяется количеством и *的独特性* знаний и творческих способностей личности: у кого их больше, у кого они лучше, тот имеет все шансы обрести и большее материальное богатство.

Почему богатые страны все богатеют, а бедные все больше беднеют? Дело в том, что ныне важно не то, в какой сфере вы работаете (обрабатывающая промышленность, сфера услуг или

¹ Bell D. Notes of the Postindustrial Society // The Public Interest. 1967. № 7. P. 102.

управления), а важно, какую *функцию* вы исполняете. В новых условиях преуспевают прежде всего те, кто занят аналитической, творческой работой, производит знание, выявляет и решает новые проблемы, которые ставит жизнь. Счастливая звезда традиционных сфер производства, тех, кто может делать тяжелую физическую работу и много работать, уже закатилась. Наивысшую зарплату сегодня платят тем, кто разрабатывает новые пути производства: консультантам, дизайнерам, маркетологам, рекламистам, архитекторам и другим специалистам, помогающим найти новые рынки сбыта, ниши для производства, способным разжечь аппетит потребителей. У этого есть объективные причины.

«Чистых» либералов давно уже не так легко найти даже в США. Либералов, которые «не поступаются принципами», — либерал-радикалов — там именуют «либертарианцами». Сказать понятнее — *фанатиками идеи*, не желающими считаться с реалиями современности. Уже в 30-е годы XX века понимание либерализма предполагало, что права и свободы индивида становятся фикцией, если отсутствуют социальные гарантии возможности их реализации, обеспечение которых со временем стало рассматриваться как важнейшая функция государства. В теоретическом плане «социально ориентированный» либерализм опирался на идеи Д. Кейнса. Упор делался на обеспечение равных стартовых возможностей всем гражданам, достойных условий жизни тем, кто столкнулся с невзгодами и неудачами, оказался на нижних ступенях социальной лестницы. Во многом благодаря курсу на приздание рынку социальной направленности администрацию США в течение 32 лет (с 1933 по 1980 год) возглавлял президент от демократической партии, более 44 лет демократы имели устойчивое большинство в обеих палатах конгресса.

В 90-е годы «новые демократы» стали выступать за экономический рост на основе свободного рынка, *регулируемого* в общественных интересах, за «демократический капитализм», который противопоставлялся не только различным модификациям социализма (в том числе и демократического), но и модели капитализма без демократии. Избранный председателем демократической партии Билл Клинтон, вскоре ставший президентом США, в мае

1991 года заявил на партийной конференции о качественно новом подходе к определению политических целей, который «отвергает старые категории и вытекающие из них ложные альтернативы», «сочетает либеральные и консервативные взгляды, но не является ни тем, ни другим»¹.

Этот подход стал именоваться «третьим путем». Он подразумевал, что его приверженцы отказываются ассоциировать себя с традиционными правыми и левыми политическими силами и берут на вооружение все идеи, безотносительно к их происхождению, которые могут быть полезны для решения проблем общества. Естественно, предполагалось, что речь идет не об электическом смешении различных подходов и идей, а об их синтезе, органичном слиянии в целостной концепции. При этом государство определяется как институт, обслуживающий общество, а не владеющий им, содействующий проявлению более широких гражданских инициатив, отвечающий на нужды граждан и их коллективов по месту жительства и работы, контролируемый ими.

«Третий путь» трактуется ныне не только как «американская мечта», но и как один из возможных вариантов решения проблемы социального равенства, наиболее значимой для левых сил многих стран, особенно европейской социал-демократии. Платформа «новых демократов» США, их идеи «третьего пути» оказались схожи с взглядами тех социал-демократов Европы, которые отказались от антикапиталистической риторики, программ национализации ведущих отраслей промышленности.

Обратим внимание: уже более 10 лет либерализм дрейфует в сторону социал-демократии, а можно сказать — и «европейского социализма». В мае 1998 года, во время визита в Англию на встречу глав государств «восьмерки», Б. Клинтон провел день в Чекерсе, резиденции премьер-министров Великобритании, обсуждая с Т. Блэром концепцию «третьего пути». В сентябре 1998 года в конференции в Нью-Йоркском университете, специально посвященной идеологии «третьего пути», где выступил американский президент, приняли участие Т. Блэр, премьер-министр

¹ Цит. по: Загладин Н. Демократическая партия США: от либерализма к идеологии «третьего пути» // Мировая экономика и международные отношения. 2000. № 7. С. 64.

Италии Р. Проди и премьер-министр Болгарии П. Стоянов. В апреле 1999 года в Вашингтоне состоялась встреча, на которой в атмосфере полного единодушия обсуждалась концепция «третьего пути». Ее участниками наряду с Б. Клинтоном и Т. Блэром были канцлер ФРГ Г. Шредер, премьер-министр Италии М. д'Алема, премьер-министр Голландии В. Кук.

Как с явным раздражением писала по поводу этой встречи правоцентристская газета «Вашингтон пост», понятие «третьего пути», разделяемое участниками этих встреч, настолько расплывчато, что оказывается приемлемым и для либералов, и для социалистов. Налицо конвергенция «левых», центра и части «правых». Левые, отмечала газета, теперь говорят не о «социализме», а о «коммунизме», самоуправленческих началах, не о «коллективизме», а о «солидарности». Термин «третий путь» не нов. Его контуры от страны к стране различны, и то, что в одном государстве представляется «левым», в другом покажется крайне консервативным. В этом явлении можно искать и найти элементы конъюнктурщины в угоду политическому моменту. Но, в сущности, поиск «третьего пути» в США и других странах — объективная необходимость, прагматический ответ на трудности, с которыми сталкиваются правительства стран, в которых (как в США) есть силы, пытающиеся до предела минимизировать роль государства, и в которых (как в Европе) существует тенденция усиления государственного контроля над социально-экономическими процессами.

Наиболее полное определение «третьего пути» в формулировке А. Фрома практически идентично современным программно-теоретическим взглядам Социнтерна. «В широком смысле слова, — писал Фром в августе 1998 года, — „третий путь“ представляет собой принятие двух вердиктов истории, которые многие левые долгое время не признавали. Первый состоит в том, что капитализм — это самая лучшая из когда-либо существовавших экономических систем, способных обеспечить рост и эффективное распределение ресурсов. Второй — что семья из двух родителей, разделяющая такие ценности, как вера, трудовая этика, личная ответственность, гражданский долг, открытость к новым идеям, — это наилучшая из когда-либо существовавших социальная ячейка для воспитания детей.

В то же время „третий путь“ отвергает присущее правым *религиозное преклонение перед капитализмом*, которое смешивает цели и средства, не признает ответственности общества за то, чтобы направлять силы рынка на достижение целей экономического и социального прогресса в широком смысле слова. Он также отрицает скептицизм правых в отношении поддержки семей и выделения обществом ресурсов для того, чтобы его базовые ценности реализовывались в полном объеме, создавая возможности, поощряя ответственность и солидарность.

Если соединить все это, возникнет *новая политическая идеология*, которая предполагает использование рыночных средств для достижения общественных целей; сочетает верность традиционным ценностям с жесткой решимостью содействовать быстрым экономическим и технологическим переменам; требует организации общественных ресурсов для общего блага, признавая растущее бессилие крупных централизованных бюрократических структур и возрастающее значение самоуправляющихся личных и общественных институтов. Это означает: а) введение жестких экологических стандартов, выполняющих благодаря рыночным нововведениям, таким как уплата штрафов за создание отходов; б) замену системы помощи бедным системой соревнования за создание рабочих мест; в) помочь бесплатному образованию за счет создания возможностей выбора, соревнования и проверки результатов; содействие глобализации торговли за счет расширения круга победителей — американцев, по своему уровню подготовки способных воспользоваться преимуществами экономического роста»¹. По оценкам специалистов, уже сегодня можно говорить о налаживающемся взаимодействии по линии межпартийных связей, углублении сотрудничества в идеино-теоретической сфере между демократической партией США и лидерами крупнейших партий Социнтерна.

Так и хочется воскликнуть: «Вот она — стратегия демократического реализма, вот он — разумный прагматизм!»

Однако в реальной политике все обстоит иначе. Очевидными стали две вещи. Первое: в мире определилась сравнительно *небольшая группа* экономически развитых стран с населением чуть

¹ Цит. по: Загладин Н. Демократическая партия США... С. 68. Курсив мой. — И. И.

более 1 млрд человек, *вступивших в постиндустриальную зону*, и около 170 стран с населением в 5 млрд человек находятся на индустриальной и доиндустриальной стадиях развития. Они представляют «остальной мир», которому суждено жить в режиме «догоняющего развития» без какой-либо реальной надежды когда-нибудь догнать лидеров этой исторической гонки, даже если мыслить историю в категориях бесконечности. Второе: *амбициям лидеров также поставлен предел*.

Занятые борьбой за «лучшее место под солнцем», думавшие практически только о том, как выжить «здесь и сейчас», страны и народы не учли того простого обстоятельства, что нерешенные проблемы, совершенные ими ошибки и просчеты имеют свойство накапливаться, суммироваться. В итоге эти проблемы переросли рамки отдельных стран и регионов и обрели *глобальный, общечеловеческий характер*. До их осознания человечество доросло со всем недавно.

Тридцать лет назад (в 1972 году) был опубликован доклад Римского клуба «Пределы роста», растиражированный в 5 млн экземпляров, в котором на основе расчетов было показано, что через 75 лет на Земле будут исчерпаны сырьевые ресурсы, возникнет катастрофическая нехватка продуктов питания, загрязнение окружающей среды станет невыносимым для человека, если немедленно не отказаться от экономического роста¹ и

¹ За последние полтора века человечество использовало больше природных ресурсов, чем за все предыдущие тысячелетия жизни на Земле. Площадь лесов на земном шаре сократилась в два раза, навсегда исчезли многие виды флоры и фауны, немало видов — на грани исчезновения. Только в течение XX в. разнообразие биологических видов на Земле сократилось на 20%. Не обратимыми могут стать истощение озонового слоя, концентрация в атмосфере «тепличных» газов, возникновение множества аномальных явлений, разрушение биосферы, а также исчезновение многих видов растительного и животного мира, в том числе и самого человека, раньше того времени, которое они могли бы существовать на Земле при нормальном развитии земной части Вселенной. Человечество из положенных ему — в соответствии с естественными законами Вселенной — 50 млн лет жизни на Земле в результате отмеченных процессов разрушения может продолжать существовать на этой планете гораздо меньше, скажем, всего еще несколько сотен или тысяч лет. Немало авторитетнейших ученых полагают, что катастрофа может случиться уже в наступившем столетии, т. е. через два-три поколения. Преждевременная смерть человечества была бы подобна смерти младенца, еще не успевшего раскрыть свои способности.

если не будет ограничен рост численности населения планеты¹.

Доклад произвел впечатление разорвавшейся бомбы. Начались дискуссии, поиски ответов на вопросы: почему такое стало возможным? кто виноват? Состоялось множество международных научных конференций и совещаний на высшем уровне. Только Римский клуб подготовил более 20 докладов («Пересмотр международного порядка», «Цели для человечества», «Нет пределов обучению» и др.). В 2000 году был опубликован новый доклад Римскому клубу «Фактор четыре»², где авторы обосновывают концепцию «производительности ресурсов», под которой понимают возможность жить в два раза лучше и в то же время тратить в два раза меньше. И так далее.

Однако самым знаменитым, поистине историческим событием общепланетарного масштаба, которое освещало более 5 тыс. журналистов всех стран мира, явился Форум XX в. — Конференция ООН «Окружающая среда и развитие» с участием сотен выдающихся мыслителей и ученых мирового масштаба, а также более 100 глав государств и правительств, состоявшаяся в июне 1992 года в Рио-де-Жанейро — через 20 лет после выхода доклада «Пределы роста». Материалы этой конференции, и прежде всего доклад ее Генераль-

¹ Если с начала XVIII в. (за 300 лет) население планеты увеличилось в 10 раз, то за последние 70 лет оно утроилось. (Капица С. П. Сколько людей жило, живет и будет жить на Земле. Очерки теории роста человечества. М., 1999. С. 21.) Сегодня в мире около 6 млрд человек. Каждый день рождается 757,6 тыс. человек. С учетом смертей ежедневный прирост населения составляет 250 тыс. человек. (Там же. С. 23.) В середине века население Земли достигнет 12–13 млрд человек. «В итоге рост населения, — пишет С. П. Капица, — следует считать основной глобальной проблемой человечества, за которой уже следуют остальные, в том числе антропогенные, изменения окружающей среды и возможное исчерпание ресурсов. В росте численности населения мира мы будем видеть выражение и меру развития, развития во всех измерениях». (Там же. С. 31.) «В настоящее время, — считает С. П. Капица, — человечество вступило в критическую эпоху своего развития, когда за считанные десятилетия происходит резкое изменение темпов роста, а затем и возрастного состава населения мира. При этом коренным образом меняется парадигма развития человечества — изменение, которого прежде не было. Этот грандиозный по своим масштабам цивилизационный переворот определяет многое из того, что сейчас происходит». (Там же. С. 26.)

² См.: Вайцзеккер Э., Ловинс Э., Ловинс Л. Фактор четыре. Затрат половина — отдача двойная. М., 2000.

ного секретаря Мориса Стронга, и несколько заключительных документов, из которых назовем Декларацию по окружающей среде и развитию, принятую в Рио-де-Жанейро и включающую в себя 27 рекомендательных принципов, раскрывают существо и цели реализации концепции устойчивого развития, соотношение национальных и общечеловеческих интересов, роль государства и различных социальных слоев населения и т. д. В Декларации, этом научном и политическом документе, значение которого в общем невозможно переоценить, закреплены принципы новой парадигмы¹ развития

¹ Понятие «парадигма» в социальных науках получило распространение после выхода в свет книги американского историка науки и философа Томаса Самуэла Куна (1922–1995) «Структура научных революций» (1962). Парадигма — это концептуальная схема, которая признается членами научного сообщества в качестве основы их исследовательской деятельности для описания концептуального каркаса, который принимает то или иное научное сообщество. Парадигма определяет видение учеными картины мира, методы познания и характер выбиралых проблем. Ученые, овладевая содержанием парадигмы, учатся видеть мир сквозь ее «призму». Не факты судят теорию, а теория определяет, какие именно факты войдут в осмысленный опыт. Отсюда тезис Куна о несоизмеримости парадигм — утверждение о невозможности установления строгих логических отношений между сменяющими друг друга фундаментальными теориями. С этим связано его отрицание кумулятивизма (концепция, согласно которой историческое развитие знания происходит путем постепенного добавления новых положений к накопленной сумме истинных знаний) и преемственности в эволюции науки: знание, накопленное в рамках предыдущей парадигмы, отбрасывается после ее крушения, а научные сообщества просто вытесняют друг друга. Периоды смены парадигм Кун назвал научными революциями.

Научная революция, которая связана с полной или частичной заменой парадигмы, включает ряд последовательных этапов: зарождение и становление научной дисциплины (допарадигмальный период), «нормальную» науку (парадигмальный период), кризис «нормальной» науки, научную революцию (смену парадигм). Допарадигмальный период характеризуется соперничеством различных школ и отсутствием общепринятых концепций и методов исследования. На определенном этапе эти расхождения исчезают в результате победы одной из школ. С признанием парадигмы начинается история научной дисциплины как развитие и совершенствование научной традиции. В это время ученыe заняты «нормальной» наукой — решением конкретных и специальных задач («головоломок») на основе принятой парадигмы. Однако постепенно накапливаются «аномальные факты», которые не поддаются объяснению на основе данной парадигмы. Это порождает состояние профессиональной неуверенности в научном сообществе, наступает кризис парадигмы. В этой ситуации резко возрастает интерес к поиску новых идей, которые могли бы послужить основой новой парадигмы. В результате этого в конечном счете происходит научная революция — вытеснение старой парадигмы новой. Процесс смены парадигм согласно Куну не

человечества, мироустройства на планете. Декларацию в Рио подписали главы государств и правительств 179 стран мира. На скромном, «мягком» дипломатическом языке в Декларации зафиксированы оценки, выводы и перспективы, имеющие воистину судьбоносное значение. В окончательной редакции пункта 8 Декларации, например, сказано, что «государства должны ограничить и ликвидировать нежизнеспособные модели производства и потребления». Непосвященному человеку эти слова мало что говорят. На самом деле за этим предельно аккуратным выражением стоит признание, что путь, которым пришли к своему благополучию ныне развитые страны, теперь *неприемлем для человечества в целом*. Чтобы понять смысл каждого из 27 пунктов Декларации, надо изрядно поразмыслить. Декларация побуждает государства к необходимости перевода усилий по реализации концепции устойчивого развития в ранг государственной и межгосударственной политики, с которой должны сверяться все экономические и политические решения.

Исключительно важное значение для судеб человечества имеет также принятый Конференцией в Рио документ с символическим названием «Повестка дня на XXI век», представляющий собой программу действий государств в период после конференции в соответствии с ее решениями¹. Глава 36 «Повестки дня на XXI век» под названием «Содействие просвещению, информированию на-

поддается логико-методологической реконструкции. Сам он объясняет его в социально-психологических терминах, уподобляя его обращению в новую веру.

¹ «Повестка дня на XXI век» (программа 21) является документом, доработке которого были посвящены основные усилия Главного комитета Конференции ООН по окружающей среде и развитию. Фактически это суперпрограмма, ориентированная на подготовку мирового сообщества к решению тех проблем, с которыми наша цивилизация столкнулась, вступая в XXI в. Документ (общий объем 560 страниц) содержит 40 глав, сгруппированных в 4 раздела, причем каждая глава охватывает одну или несколько сопряженных программных областей. В нем, в частности, говорится, что «развитые страны подтверждают свое обязательство достичь призванного ими целевого показателя Организации Объединенных Наций для ОПР, составляющего 0,7% валового национального продукта... Причем некоторые страны согласны достичь этой цели к 2000 году» (п. 33.15).

«По оценкам Секретариата Конференции, среднегодовые расходы (1993–2000 годы) на осуществление в развивающихся странах мероприятий, содержащихся в «Повестке дня на XXI век», должны составить свыше 600 млрд долларов США, включая около 125 млрд долларов, которые будут предоставлены международным сообществом в виде субсидий или на льготной основе» (п. 33.20). (Там же. С. 58.)

селения и подготовке кадров» гласит: «В основу предложений по данной программной области положены рекомендации Тбилисской межправительственной конференции по окружающей среде и развитию, организованной ЮНЕСКО и ЮНЕП в 1977 году. Эти предложения охватывают три важных направления:

- переориентация просвещения на проблемы устойчивого развития;
- расширение информированности населения;
- содействие профессиональной подготовке.

Фактически речь идет о необходимости превращения концепции устойчивого развития в систему духовных и профессиональных установок человечества».

Многие пишущие о Конференции в Рио почему-то редко обращают внимание на то, что она обсуждала вопросы не только (и не столько) экологии как таковой, но и «развития». Развития человечества «вообще» в связи с глобальными изменениями в окружающей среде. Последствий этих катастрофических изменений для человечества, которое, если оно хочет выжить, должно внести корректизы в свое понимание мира и свою практически преобразующую деятельность. При всей важности тех богатейших материалов о состоянии окружающей среды, которые были подготовлены организаторами конференции, самым главным был анализ причин, обусловивших такое состояние, и выводы для будущего.

Вывод конференции, закрепленный в «Повестке дня на XXI век», звучит вполне определенно и обескураживающе: индустриальный период развития человечества (а это почти 300 лет) шел за счет и в ущерб природе, которая теперь *мстит ему*. Тот путь, по которому шло человечество, *та парадигма развития, которую оно исповедовало доныне, исчерпали себя полностью и окончательно*. Один из основополагающих выводов Конференции ООН в Рио состоял в том, что повторение развивающимися странами ($\frac{3}{4}$ населения мира) пути развития небольшого числа стран, достигших высокого уровня благосостояния, невозможно — планета Земля этого не выдержит.

Морис Стронг, Генеральный секретарь Конференции ООН «Окружающая среда и развитие» в Рио-де-Жанейро, в своем докладе при открытии конференции отметил: «Центральными вопро-

сами проблемы, которой нам предстоит заниматься, являются: *характер производства и потребления в промышленно развитой части мира*, который подрывает системы, поддерживающие жизнь на Земле; взрывообразный *рост населения*, преимущественно в развивающейся части мира, добавляющий ежедневно четверть миллиона человек; углубляющееся *неравенство* между богатыми и бедными, которое ввергает 75% человечества в борьбу за выживание, и, наконец, *экономическая система*, которая не учитывает экологические ценности и ущерб,— система, которая рассматривает *неограниченный рост как прогресс*. М. Стронг констатировал: «Процессы экономического роста, которые порождают беспрецедентный уровень благополучия и мощи богатого меньшинства, ведут одновременно к рискам и дисбалансам, в одинаковой мере угрожающим и богатым, и бедным. Такая модель развития и соответствующий ей характер производства и потребления не являются устойчивыми для богатых и не могут быть повторены бедными. Следование по этому пути может привести нашу цивилизацию к краху»¹.

Решительным было выступление премьер-министра Норвегии Гру Харлем Брундаланд, являвшейся председателем Всемирной комиссии по окружающей среде и развитию. Она сказала: «*Нам дано мало времени* на изменение характера нынешнего неустойчивого развития человечества. Мы должны искоренить нищету. Мы должны добиться большего равенства как в каждой стране, так и между ними. Мы должны добиться соответствия деятельности и численности человечества с законами природы...

Человеческая история достигла водораздела, за которым изменение политики становится неизбежным. Более миллиарда человек, не могущих сегодня удовлетворить свои основные потребности, наши собственные дети и внуки и сама планета Земля *требуют революции*. Она грядет. Мы знаем, что у нас есть возможности предотвратить опасность, хаос и конфликты, которые в противном случае неизбежны... Мы просто вынуждены осуществить наиболее важный после сельскохозяйственной и промышленной революций переход — переход к устойчивому развитию»².

¹ Цит. по: Коптию Г. А. Конференция ООН по окружающей среде и развитию. Рио-де-Жанейро, июнь 1992 года. Новосибирск, 1992. С. 7.

² Там же. С. 8.

Подводя итоги работы конференции, М. Стронг подчеркнул беспрецедентный масштаб и значимость этого события: «*Mир* после Конференции должен стать другим». Другими должны стать дипломатия и система международных отношений, другой должна стать и Организация Объединенных Наций, другими станут и правительства, принявшие на себя обязательства двигаться к устойчивому развитию. «Мы выживем только все вместе, в *противном случае не выживет никто*»¹.

Такие резкие оценки и категоричные выводы вкратце можно обосновать следующим образом:

— На долю 20% наиболее богатой части населения планеты приходится 83% мирового дохода, а на долю остальных 80% населения — 17%, причем на долю 20% беднейшей части населения мира — всего 1,4%. Разрыв между 20% наиболее богатых и 20% беднейших быстро увеличивается (30:1 в 1960-м и 60:1 в 1990 году), что ведет к соответствующему нарастанию социального напряжения как внутри стран, так и особенно между развитыми и развивающимися странами, чреватого глобальным социальным взрывом.

— Чтобы устраниить отмеченный диспаритет путем быстрого экономического подъема $\frac{4}{5}$ мира до уровня у $\frac{1}{5}$ богатой части населения мира, надо (если оставить доход богатой части на том же уровне) увеличить доход $\frac{4}{5}$ населения в 20 раз. Это при нынешних технологиях потребует соответствующего роста потребления ресурсов планеты.

— Население планеты растет последние десятилетия «взрывным» образом: 1920 год — 2 млрд, 1993 год — 5,6 млрд, а к 2030 году ожидается удвоение нынешней численности населения планеты, причем рост населения в развивающейся части мира быстро опережает рост населения в развитой (к 2025–2030 годам ожидается, что в развивающихся странах будет жить 84% населения планеты). Очевидно, что приведенную выше оценку роста потребления ресурсов (в 20 раз), необходимого для устранения диспаритета, следует по меньшей мере удвоить ($20 \times 2 = 40$ раз).

Возможность изменения за 35–40 лет технологий таким образом, чтобы на единицу продукции потреблять в 40 раз меньше природных ресурсов и энергии, трудно себе представить, а простое воспроизведение пути экономического развития капиталистиче-

¹ Цит. по: Коптюг В. А. Конференция ООН... С. 21.

ских стран развивающимся миром быстро приведет к исчерпанию невозобновимых ресурсов и ускоренному разрушению природы, в которой уже произошли глобальные изменения.

Понимание этого привело Конференцию ООН в Рио-де-Жанейро к выводу о необходимости *срочного* перехода от прежней к *принципиально новой парадигме развития цивилизации*, основы которой составляют одобренную главами государств концепцию *«устойчивого развития»*.

Итак, появился еще один взгляд на развитие человечества, еще одна формула будущего. Как отнестись к ней? Поставить в общий ряд с уже существующими теориями, количество которых увеличивается на наших глазах, в том числе за счет усилий российских ученых? Однако в любом случае, если не ставить задачу (как это делают многие) изложить непременно свой «особый» взгляд, сконструировать свою «собственную» теорию, то следует выбрать какую-то из уже существующих. Какую? Тут надо бы провести сравнительный анализ существующих и названных теорий и концепций, дабы объяснить читателю свою склонность к идеи *«устойчивого развития»*, которую я буду демонстрировать. Но я не стану делать этого, а ограничусь заявлением, что достаточно хорошо знаком с каждой из них, чтобы сделать вполне сознательный выбор. И этот выбор — *«устойчивое развитие»*¹. Почему — скажу в одной из следующих глав. А сейчас попытаюсь объяснить, что означает этот термин, в чем его смысл и содержание.

За десять лет после Рио по этому поводу в мире, в том числе в России, видными учеными² написаны тысячи статей и десятки

¹ Говорят, что дать точный перевод на русский язык английского термина *«sustainable development»* практически невозможно. Так бывает, мы это знаем. Но можно описать общий смысл этого термина: «допустимость», «допустимое развитие», «согласованное развитие» природы, общества, человека; экономики, экологии, социума (социальной сферы в ее полном объеме).

² Анализ и оценка этих трудов не входят в число моих задач, я не профессинал в этой области. Я был близко знаком с академиком РАН Н. Н. Моисеевым, который активно работал в этой сфере, знал академика РАН В. А. Коптиуга, внесшего значительный вклад в обоснование новой парадигмы, знаю В. И. Данилова-Данильяна, А. Д. Урсула и других российских ученых. Это высококлассные исследователи, чей научный авторитет для меня чрезвычайно велик. В своих пристрастиях к *«устойчивому развитию»* я во многом полагаюсь на него, а не только на свои знания и собственную логику.

фундаментальных трудов, предложены десятки определений «устойчивого развития», каждое из которых отражает стремление их авторов к чистоте и окончательности. В этом нет ничего нового: такое происходит с каждым понятием. Явление столь же закономерное, сколь и бессмысленное, ибо достичь желанной «чистоты» определения, когда речь идет о социальных процессах, невозможно: они находятся в постоянном движении и изменении, тем более если понятия творятся не для узкого круга специалистов, а для широкой публики. К. Поппер выступал против определений «слева направо» вроде «устойчивое развитие — это...», а далее следует дефиниция. Он полагал, что идти надо в обратном направлении, «справа налево», т. е. сначала *описать объект*, явление или процесс, а уж потом наклеивать на него ярлык. В данном случае это наиболее приемлемый вариант: парадигма «устойчивое развитие» находится в стадии становления, многое еще попросту неясно.

Надо полагать, это прекрасно понимала Г. Х. Бруннланд, бывший премьер-министр Норвегии, которая еще задолго до Конференции в Рио руководила группой экспертов ООН по подготовке доклада Международной комиссии по окружающей среде и развитию (МКОСР) под названием «Наше общее будущее». Содержание понятия «устойчивое развитие» описано в этом докладе целым рядом формулировок, что мне кажется лучшим вариантом в ситуации, когда новая парадигма является не предметом интеллектуальных упражнений для узкого круга специалистов, а вопросом ее понятности или непонятности и, значит, восприятия или отторжения сотнями и сотнями миллионов людей.

В докладе «Наше общее будущее» говорится: «Человечество способно придать развитию устойчивый и долговременный характер, с тем чтобы оно отвечало потребностям ныне живущих людей. Концепция *устойчивого развития* действительно предполагает определенные ограничения в области эксплуатации природных ресурсов, но эти ограничения являются не абсолютными, а относительными и связаны с современным уровнем техники и социальной организации, а также со способностью биосфера справиться с последствиями человеческой деятельности... Устойчивое и долговременное развитие представляет собой неизменное со-

стояние гармонии, а скорее процесс изменений, в котором масштабы эксплуатации ресурсов, направление капиталовложений, ориентация технического развития и институциональные изменения согласуются с нынешними и будущими потребностями. Мы не утверждаем, что данный процесс является простым или беспрепятственным. Болезненная процедура выбора неизбежна. Таким образом, в конечном счете в основе устойчивого и долговременного развития должна лежать политическая воля»¹.

«Устойчивое развитие — это такое развитие, которое удовлетворяет потребности настоящего времени, но не ставит под угрозу способность будущих поколений удовлетворять свои собственные потребности. Оно включает два основных понятия: понятие потребностей, в частности потребностей, необходимых для существования беднейших слоев населения, которые должны быть предметом первостепенного приоритета, а также понятие ограничений, обусловленных состоянием техники»².

«Даже при узком понимании физической устойчивости развития предусматривается забота о социальной справедливости по отношению к разным поколениям, забота, которая логически должна быть распространена на отношения справедливости к разным слоям населения в пределах каждого поколения»³. «Устойчивое развитие требует удовлетворения основных потребностей всех и предоставления всем возможности удовлетворять свои стремления к лучшей жизни»⁴.

«Устойчивое развитие является процессом изменений, в котором эксплуатация ресурсов, направление капиталовложений, ориентация технологического развития и учрежденческие изменения находятся в гармонии, повышают ценность текущего и будущего потенциала с целью удовлетворения человеческих потребностей и стремлений»⁵.

«Мир должен быстро выработать стратегии, которые позволяют странам отойти от их нынешних, зачастую разрушительных про-

¹ Наше общее будущее. Доклад МКОСР. М., 1989. С. 20.

² Там же. С. 50.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 51.

⁵ Там же. С. 53.

цессов роста и развития и двинуться в направлении устойчивого развития. Это потребует изменения политики во всех странах, как в плане их собственного развития, так и в отношении их влияния на возможности развития других стран»¹.

«Устойчивое развитие не ограничено только чисто политическим ростом. Оно требует изменения содержания роста для того, чтобы он был менее материально- и энергоемким и более справедливым по распределению прибылей»².

Представлю читателю еще одно описание «устойчивого развития», которое дал уже в 2002 году заместитель Генерального секретаря Организации Объединенных Наций по Департаменту по экономическим и социальным вопросам Нитин Десай (Nitin Desai), — бесхитростное, но, на мой взгляд, очень понятное и потому привлекательное. Из всех ныне существующих взглядов на содержание понятия «устойчивое развитие» я избрал именно это еще и потому, что Десай был заместителем Генерального секретаря Конференции ООН в Рио-де-Жанейро, принявший новую парадигму развития человечества. Более того, именно Десай являлся Генеральным секретарем Всемирной встречи по устойчивому развитию, которая проходила с 26 августа по 4 сентября 2002 года в Йоханнесбурге (Южная Африка). Иными словами, он не просто один из десятков тысяч профессоров и политиков, которые восприняли выдвинутую в Рио идею «устойчивого развития» и теперь пишут о ней в поисках кто славы, кто всего лишь хлеба насущного, а один из немногих, кто стоял у истоков ее рождения и занимается этой проблемой долгие годы. Надо полагать, этот человек является одним из самых знающих в данной области.

«Устойчивое развитие, — говорит Десай, — можно рассматривать под разными углами зрения. Я бы охарактеризовал его как непосредственное привнесение в развитие элементов управления имуществом и активами. И в домашнем хозяйстве, и на предприятии Вы обычно рассчитываете, что Вам удастся сохранить уровень потребления без уменьшения капитала. Вы живете в доме — и Вы не хотите, чтобы он разрушался. Вы владеете садом — и Вы не хотите,

¹ Наше общее будущее. Доклад МКОСР. М., 1989. С. 55.

² Там же. С. 58.

чтобы он приходил в упадок. Вы обычно считаете себя способным потреблять то, что Вам нужно, в объеме, который не приведет к снижению качества Вашего имущества. Применительно к концепции „устойчивого развития“ управление материальными и денежными активами используется более широко. Оно должно применяться не только в доме, но и в регионе или стране. Кстати, есть один момент, который не обязательно будет в полной мере ощущаться в домашнем хозяйстве,— это вопрос о том, кто получает выгоды от потребления. Каковы характер и размеры потребления в разных частях мира? Поэтому когда речь идет об „устойчивом развитии“, недостаточно сказать, что объем производства растет. Вы также должны задаться вопросами: не ведет ли это увеличение к сокращению ресурсов или долговременным экологическим проблемам, на решение которых придется тратить средства будущим поколениям; не создаст ли оно опасности для нынешнего и будущих поколений? Каков характер распределения этого потребления?

В целом это *процесс*, а не описание какого-то *состояния*. Вы не можете сказать, что „это — устойчивое развитие“. Вы можете только сказать, что это развитие происходит устойчиво. Думайте об этом как о наречии, а не как о прилагательном. Это характеристика процесса, а не состояния дел»¹.

Какие же идеи и принципы лежат в основе «устойчивого развития»?

В первом приближении «устойчивое развитие» конкретизируется в идее *достижения разумной сбалансированности* социально-экономического развития человечества и сохранения окружающей среды, а также резкого сокращения экономического разрыва между развитыми и развивающимися странами в области как технологического прогресса, так рационализации (разумности) потребления.

Упомянем некоторые *основополагающие принципы*, лежащие в основе указанной концепции и нашедшие отражение в Декларации Рио по окружающей среде и развитию.

1. Ориентация процесса развития *только* на традиционные *экономические* показатели более неприемлема. Принцип 4 Деклара-

¹ Хроника ООН. 2002. № 1. С. 22–23.

ции Рио гласит: «Для достижения устойчивого развития защита окружающей среды должна составлять неотъемлемую часть процесса развития и не может рассматриваться в отрыве от него». Таким образом, необходимо найти приемлемый баланс между экономическим развитием, сохранением природы и социума. При расчете ВВП конкретных стран необходимо принимать во внимание не только наращивание создаваемого человеком капитала, но и сокращение (расход) «природного капитала». Чисто экономический подход при оценке ВВП должен быть заменен методами, используемыми в экологической экономике.

2. Погоня за *максимальной прибылью* не может более рассматриваться как основная движущая сила развития. Рыночная система хозяйствования будет становиться все более и более *регулируемой* со стороны правительства и парламентов¹ в результате постоянного «давления» на них глобальных изменений в окружающей среде и соответственно со стороны общества. Одновременно будет непрерывно нарастать *духовная*, и в частности *моральная*, *компоненты развития*, учитывающая культуру и традиции каждой нации. Шкала ценностей общества и каждого человека должна быть *изменена в пользу* моральных, духовных и биосферных компонент.

3. Резкое *различие в уровнях жизни богатых и бедных* должно быть сокращено и внутри стран, и между странами. Принцип 5 Декларации Рио гласит: «Все государства и все народы должны сотрудничать в решении важнейшей задачи искоренения бедности — необходимого условия устойчивого развития — в целях уменьшения разрывов в уровнях жизни и более эффективного удовлетворения потребностей большинства населения мира».

4. Устранение вооруженных конфликтов, как межгосударственных, так и внутригосударственных межнациональных, является необходимым условием возможности движения к устойчивому развитию.

5. Исключительно важен принцип 3 Декларации Рио: «Право на развитие должно быть реализовано так, чтобы справедливо

¹ Регулировать собственно рыночные механизмы вряд ли возможно, а вот регулировать параметры, определяющие направленность действий рыночных сил, законодательная и исполнительная власть обязаны.

удовлетворить потребности развития как нынешнего, так и *будущих поколений*.

С тех пор как эти идеи и принципы были провозглашены, прошло десять лет. Что изменилось в мире? Принял ли он новую парадигму развития к действию? Формально — да. Как и рекомендовано в заключительных документах Конференции в Рио, подавляющее большинство правительств мира (в том числе в России) приняло национальные концепции перехода на путь «устойчивого развития». Но это, пожалуй, и все. Как говорится в докладе, выпущенном Генеральным секретарем ООН Кофи Аннаном 20 декабря 2001 года, «глобальный экономический рост, стимулировавший многие экономики в 1990-е годы, *не привел к устойчивому развитию или подобию развития*, которое бы охватывало экономический рост, социальное развитие и охрану окружающей среды»¹. К таким выводам пришла эта организация после проведения десятков макрорегиональных круглых столов известных экспертов, общественных деятелей и ученых, посвященных формулированию важнейших положений официальной повестки дня Всемирной встречи в Йоханнесбурге. При поддержке соответствующих структур ООН проведены сходные конференции неправительственных организаций, региональные межправительственные и межсекторальные консультации. Более того, состояние экологии *ухудшилось*, разрыв в уровнях экономического развития и соответственно в уровнях жизни между развитыми и отстающими странами *еще более увеличился*. Решения Конференции в Рио о выделении процветающими государствами 0,7% ВВП на помощь развивающимся странам *остались не выполнеными*. Долги этих стран западным кредиторам увеличились. Конфронтация в мире не ослабла, а *еще более усилилась*. Возник новый источник напряжения и опасности — международный терроризм. Можно сказать, что новая парадигма развития терпит провал.

Что мешает тому, чтобы мир начал переход к устойчивому развитию? Согласно выводам названного доклада разрыв в осуществлении устойчивого развития особенно заметен в четырех следующих областях:

¹ Хроника ООН. 2002. № 1. С. 19.

— Нынешний подход к развитию носит фрагментарный и разрозненный характер и не объединяет в целое задачи в области экономики, социальной сферы и охраны окружающей среды, которые существенны для устойчивого развития.

— Неустойчивые формы потребления и производства по-прежнему налагают непомерное бремя на мировые природные системы.

— Политические подходы к финансам, инвестициям, технологиям и ресурсам в сфере развития нескоординированы и непоследовательны и в большей мере обусловливаются краткосрочными соображениями, чем долговременными интересами устойчивого развития.

— Финансовые ресурсы для обеспечения устойчивого развития остаются недостаточными; при этом официальная помощь на развитие (ОПР) с 1992 года фактически сокращается, а частные инвестиции изменчивы и сконцентрированы на небольшой группе стран.

Говорится также о том, что переход к новой парадигме развития мешает отсутствие конкретного плана действий и согласованных индикаторов, позволяющих оценивать результаты. Наверное, это так, хотя ясно, что это не главное.

По моему мнению, распространению нового взгляда на мировое развитие препятствуют две основные причины: психологическая и политическая.

При том что каждый человек наделен рассудком, далеко не все любят и способны рассуждать, тем более о глобальных, мировых проблемах. Но даже среди интеллектуалов существует устойчивая неприязнь к универсальным идеям. Попытки установления единого мирового порядка, будь то принципы национал-социализма, коммунизма или либерализма, воспринимаются так же, как провозглашение единой религии, в то время как миллиарды людей молятся разным богам, имеют свою древнюю культуру, свой язык. Универсализм вызывает антипатию и потому, что стремится к экспансии, к своему полному претворению на практике, как это было с коммунизмом и происходит сейчас с либерализмом. Излишняя самонадеянность всегда во вред. Либерализм, скажем, для Китая в его полном воплощении — вещь абсурдная. В китайском языке нет иероглифа, означающего слово «свобода». Демократия для большинства стран Ближнего Востока — явление чужеродное: ис-

стари и поныне в них властвуют короли, шейхи, ханы. Универсальная идея намекает на силовое решение проблемы. И в этом смысле она источает опасность, пугает, отталкивает, а не привлекает.

И все же *основная причина* медленного распространения концепции устойчивого развития лежит в *сфере политики*. Группа развитых стран, население которых составляет около 1 млрд человек («золотой миллиард»), объективно *не заинтересована* в этой модели развития.

«Американский образ жизни не подлежит обсуждению», — заявил в 1992 году президент США Дж. Буш, еще только собираясь в Рио. Соответствовала этому заявлению и позиция США в ходе работы конференции. Особенно непримиримой она была в отношении Конвенции по сохранению биологического разнообразия¹. Буш заявил, что США не подпишут ее, хотя этот документ был согласован заранее. Этот шаг был расценен как попытка сорвать конференцию. Даже развитые страны не поддержали США, и в итоге они оказались в оппозиции ко всему миру. США сделали также все возможное, чтобы ослабить действенность Конвенции об изменении климата и «Повестки дня на XXI век» по вопросам, касающимся сокращения выбросов парниковых газов, прежде всего углекислого газа, в атмосферу². За этой позицией стоят по-

¹ Число разновидностей биологических организмов (от простейших до человека) на нашей планете огромно. К настоящему времени их описано около 1,4 млн, хотя общее число, по имеющимся оценкам, составляет не менее 5 млн. Специалисты утверждают, что в связи с деградацией природной среды ежегодно исчезают 10–15 тыс. разновидностей (преимущественно простейших) организмов. Это означает, что за грядущие 50 лет планета потеряет, по разным оценкам, от четверти до половины своего биологического разнообразия, формировавшегося сотни миллионов лет. Многие разновидности исчезнут до того, как мы узнаем об их существовании.

² Парниковыми называют газы, которые интенсивно поглощают тепловое инфракрасное излучение и тем самым усиливают роль атмосферы как аналога парникового покрытия по отношению к поверхности Земли. Рост концентрации парниковых газов в атмосфере и обусловливает ожидаемое глобальное потепление климата нашей планеты, чреватое многими бедами для сельского хозяйства в результате регионального изменения погодного и водного режимов; угрозой для многих экосистем, адаптировавшихся к определенным климатическим условиям, а также трагедией для прибрежных районов в результате подъема уровня океанов и открытых морей. Многие специалисты полагают, что глобальное потепление климата Земли уже началось.

литические и экономические соображения. Основные выбросы углекислого газа приходятся на долю промышленно развитых стран: США — 25%, бывший СССР — 19%, ЕЭС — 14%, Китай — 10%, весь остальной мир — 32% (данные 1986 года). Если подсчитать выбросы на душу населения, то соотношение цифр еще более впечатляет и свидетельствует о том, что истоки глобального изменения климата кроются в чрезмерном потреблении ресурсов развитыми странами.

«Я приехал сюда не для того, чтобы извиняться, — заявил тем не менее Буш. — Мы прибыли для того, чтобы стимулировать осмотрительные и в то же время действенные акции». Довольно единодушным было мнение участников конференции и СМИ о том, что Буш не понял или ему «не позволили понимать», что переход на рельсы устойчивого развития — это процесс революционных изменений в мире, действительно требующий нового мышления.

С тех пор в позиции США, как, впрочем, и большинства стран, ничего не изменилось. Грубо говоря, проблема «устойчивого развития» просто забалтывается. Кто-то выступает «за», кто-то «против», кто-то занимает нейтральную позицию. Ведь что такое «парадигма»? Это всего лишь концептуальная схема: совокупность выводов — слова и факты. Сами по себе они никому не угрожают. В этой парадигме можно видеть великую и огненную идею выживания человечества, а можно — новое мировоззрение. Под «крышу» этой общей идеи можно подвести иные теоретические конструкции, выдвинуть встречные идеи, кучу сомнений и затеять бесконечную дискуссию. Более того, можно сказать, что никакой проблемы «выживания» не существует вообще. Так и делают сторонники рыночного фундаментализма, утверждающие, что прогнозы Римского клуба, Декларация Рио и «Повестка дня на XXI век» — это не более чем очередные предсказания «конца света». «Все уже было, — говорят они, — а мир жив. И будет жить, ибо безграничны возможности человеческого разума, который всегда находил выход из самых затруднительных ситуаций. Так будет и в этот раз».

Но поскольку опасность все же реальна, поскольку о ней известно широким массам, с которыми надо так или иначе счи-

таться (политикам — как с избирателями, бизнесменам — как с работниками), то мы являемся свидетелями имитации перехода на путь устойчивого развития: парламентские слушания, заседания правительства, научные конференции, принимаются разного рода рекомендации и решения, а на самом деле происходит подмена понятия «устойчивое развитие» «развитием-как-обычно», «развитием-как-было».

Так, концепция перехода России к устойчивому развитию разрабатывалась около четырех лет и была принята только в апреле 1996 года. И благополучно забыта. Понятие «устойчивое развитие России» не встречается ни в одном серьезном политическом документе.

Так, при президенте США создан Совет по устойчивому развитию, который в течение трех лет разрабатывал Стратегию устойчивого развития страны. Она принята. Сформулированы 10 целей устойчивого развития США. Внешне все выглядит хорошо. Но, как полагают российские специалисты, в этих документах заложено *неразрешимое противоречие между скоростью развития цивилизации и скоростью эволюции биосфера, между экономикой и экологией, и абсолютно неясно, каким образом Соединенные Штаты намерены его решать*. Можно ли в стране, где сохранилось только 4% естественных экосистем, «поддерживать функционирование и устойчивость природных систем»?¹

Сейчас эта страна, где проживают около 6% населения Земли, потребляет примерно 24% мировой энергии, 40% мировых естественных ресурсов, в разных сферах дает от 25 до 60% всех загрязнений на планете. (Развитые страны в целом потребляют 50% энергии и 80% сырья, производя $\frac{2}{3}$ мировых отходов.) Один американец ежегодно в совокупности использует 37 тонн сырья и материалов, а все американцы — 10 млрд тонн, что составляет около трети материалов, вращающихся в глобальной экономике.

Не менее сложно обстоят дела и в «остальном мире». Как могут развивающиеся страны повышать уровень своего благосостояния,

¹ См.: Данилов-Данильян В. И., Залиханов М. И., Лосев К. С. Экологическая безопасность. Общие принципы и российский аспект. М., 2001. С. 193.

не повторив пути беспрецедентного потребления ресурсов, который прошли развитые ныне страны? Если встать на него, то это и будет путь к глобальной экологической катастрофе. И тем не менее они идут по нему.

Китай – страна развивающаяся, но, так же как и США, имеющая первостепенное значение в происходящих глобальных процессах, роль которой будет все больше возрастать, – также сформировал стратегию устойчивого развития, названную «Китайская программа XXI века – белая книга о населении, окружающей среде и развитии Китая в XXI веке» (China's agenda 21, 1994). Выбор Китаем стратегии устойчивого развития таков же, как и выбор США, – *развитие «как обычно» и даже с более интенсивным экономическим ростом (8–9% в год)*, хотя и с учетом охраны окружающей среды. Тем же путем, вслед за США, идет и Россия.

США понимают, чем грозит им этот «поход». Не случайно 9-й пункт «Целей устойчивого развития США» звучит так: «Международная ответственность: занять руководящую роль в разработке и проведении глобальной политики устойчивого развития, стандартов поведения, торговой и внешней политики, которые содействуют достижению устойчивого развития». В переводе с американского языка на общечеловеческий это надо понимать так: «Парни, вы должны развиваться по-новому, т. е. устойчиво, мы же будем жить как прежде. И не говорите нам о справедливости: мы строим новый порядок».

Этот порядок называется «глобализация по-американски», о чем надо сказать особо.

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ ПО-АМЕРИКАНСКИ – ОСНОВНОЙ ФАКТОР НЕУСТОЙЧИВОСТИ РАЗВИТИЯ

Относиться к глобализации – предельно масштабному и чрезвычайно сложному явлению – непредвзято и объективно – дело крайне трудное, ибо (как следствие масштабности и сложности) оно столь же невероятно противоречивое. Поэтому всех специа-

листов, размышляющих и высказывающих о глобализации, можно поделить на две полярные группы: ее ярых сторонников и не менее ярых противников. Сказать коротко — глобалистов и антиглобалистов.

Выступать за глобализацию сегодня модно и выгодно. В этом случае можно сразу попасть в разряд «современных», «прогрессивно» и «новаторски» мыслящих. Таким людям гарантировано внимание газет и журналов, они не сходят с экрана телевизора. Сделать это совсем не сложно: все средства массовой информации находятся в руках стратегов, идеологов и организаторов глобализации. Сегодня это грандиозная пиаровская кампания, в которой главное не в том, что и как происходит и должно происходить на самом деле, а в том, что, как, когда и кому сказать и показать. Многое в этой кампании уже удалось. Значительная часть населения, скажем России, убеждена, что глобализация — «это хорошо», необходимо и неизбежно.

Какие «плюсы» сопровождают глобализацию?

Глобализация — это свободное перемещение товаров и услуг. Это, конечно, хорошо. Если у тебя есть деньги, ты можешь купить вещи и продукты, которых раньше не видывал, о которых даже не мечтал; можешь приобрести импортный автомобиль, пусть подержанный, но все же несравненно более комфортный, чем «Жигули» или «Москвич». И так далее.

Глобализация — это свободное передвижение людей через государственные границы. Отлично! Если у тебя есть деньги, ты можешь поехать на отдых в Турцию или Египет, а то и в Испанию, Италию, на Кипр или какие-нибудь острова...

Глобализация — это свободное перемещение идей и информации. Замечательно! Если у тебя есть деньги, купи хороший импортный телевизор, а к нему телевизорную «НТВ-плюс» — и на твоем экране почти весь мир...

Разговор о такого рода плюсах глобализации можно было бы продолжить. Но не в этом сейчас дело. В данном случае я хочу лишь подчеркнуть, что эти плюсы видны и понятны каждому, они ощущаемы, почти осозаемы. Именно потому они ежедневно из года в год, в «лоб» и завуалированно в самых примитивных формах вдлбиваются телевидением, радио, газетами и журналами

в умы телезрителей, радиослушателей и читателей. Так формируется представление о том, что глобализация — это несомненное благо, которому не следует препятствовать, за которое надо бороться.

Честно говоря, мне бы тоже хотелось присоединиться к хору этих голосов. Ведь как и все, я пользуюсь вышеназванными благами глобализации. Более того, я знаю и понимаю, что глобализация — естественно-исторический эволюционный процесс, форма синтезирования и усвоения человечеством основных достижений отдельных культур и сообществ. Глобализацию в ее изначальном понимании можно назвать *интернационализацией*. В этом смысле она действительно процесс объективный, неизбежный и необходимый. Вся логика истории побуждает народы и страны двигаться в сторону расширения связей между их государствами, культурами и религиями, находить все новые, соединяющие их основы. Даже те, кто не понимает этого, вынуждены это делать. Еще раз подчеркну: объективно и неизбежно.

«Только в глобальном масштабе возможно решение основных научно-технических задач современности, — еще 30 лет назад писал выдающийся ученый, мыслитель и романтик XX века А. Д. Сахаров, — например, таких, как создание ядерной и термоядерной энергетики, новой сельскохозяйственной технологии, производство синтетических заменителей белка, проблемы градостроительства, разработка безвредной для природы промышленной технологии, освоение космоса, борьба с раком и сердечно-сосудистыми заболеваниями и др. Эти задачи требуют многомиллиардных затрат, непосильных для отдельного государства... Только в глобальном масштабе возможны разработка и осуществление стратегии развития человеческого общества на Земле, совместимой с продолжением существования человечества...»¹

Сегодня любому здравомыслящему человеку понятно, что глобальные проблемы и угрозы, с которыми столкнулось человечество в XX веке, не могут быть устраниены на национальных и региональных уровнях. Они могут быть решены только на уровне общепланетарного сознания, на уровне мироощущения всеедин-

¹ Сахаров А. Д. О стране и мире. Нью-Йорк, 1976. С. 116–119.

ства человеческой цивилизации, духовной конвергенции и интеграции еще во многом и существенно различных социумов — стран, обществ, народов. Выход из глобального мирового кризиса возможен только на пути межгосударственного, международного сотрудничества, объединения сил и средств всех государств в борьбе с общими проблемами и общим злом. В этом смысле надо обеими руками голосовать «за» глобализацию. Выступать «против» нее в таком понимании просто глупо, все равно что устраивать митинги и демонстрации в знак протеста против природных катаклизмов — извержений вулканов, морских бурь, штормов, землетрясений, наводнений.

Столь же глупо выступать против глобализации как *теории* с неизбежным многообразием и различием концепций и школ, точек зрения, понятий и определений этого высшей степени сложности феномена, которым является глобализация.

Другое дело — глобализация в том виде, в каком она осуществляется, как *реальность* в ее нынешнем варианте. Тут она менее всего представляет процесс естественный, объективный и эволюционный. В основном и основном глобализация, которую мы наблюдаем, — это *сознательная стратегия*.

Сколько лет этой стратегии? Столько же, сколько существует идея мирового господства, идея построения мировой империи. Империализм — это глобализм. При таком понимании глобализации к числу идеологов глобализма можно отнести Александра Македонского, Чингисхана, Петра I, Наполеона, Гитлера и Сталина. В качестве воинствующих глобальных религий в этом случае можно рассматривать христианство и ислам, национал-социализм и коммунизм, стремившихся распространить свое влияние на весь мир. Идейные корни нынешней глобализации кроются в исторических глубинах. Ведь в конце концов не суть важно, в какие времена, в какой части света, какой народ и какая личность были глашатаями и носителями идеи мирового господства. Нет многих из тех стран, истлели кости фараонов, ханов, королей, царей, императоров и вождей, а идея жива и в сущности своей осталась прежней: один и «самый лучший» на Земле народ по праву сильного правит всеми другими народами, которые мыслятся им слабыми.

В начале прошлого ХХ века родилась идея создания мирового правительства. Его прообразом была Лига Наций, которая не справилась с этой задачей и после Второй мировой войны воссоздалась в виде Организации Объединенных Наций. Принеся немало пользы, она эту функцию также не смогла осуществить. Если мыслить привычными категориями, то этого и не могло случиться. Как найти баланс в интересах сильного и слабого, богатого и бедного? Сами между собой они никогда не договорятся. Это возможно только при условии угрозы применения силы к обеим сторонам. В какой-то мере и довольно долгое время эту роль выполняли войска ООН.

Но как только рухнул (был развален) СССР, как только исчез второй полюс силы, противостоявший силе США, так сразу же эта страна и заявила о том, что вынашивало ее руководство с самого начала ХХ века, но особенно внятно было выражено в тайных доктринах середины этого столетия, которые теперь рассекречены.

В 1978 году в Колумбийском университете вышла книга «Сдерживание. Документы американской внешней политики и стратегии 1945–1950 гг.». В ней опубликованы основные, бывшие до того сверхсекретными документы холодной войны. Из этих документов явствует, что *идеологическая борьба* с СССР имела для США *второстепенное* значение. Главной целью американской политики было *разрушение Советского Союза как geopolитической целостности* на пути *США к мировому господству*. Из них, в частности, явствует, что еще в 1939 году были выработаны планы приятия США прежней роли Британской империи в качестве *мирового властелина*, которые потом и воплотились в стратегии и документах холодной войны, главным из которых является NSC 20/1 от 14 апреля 1950 года.

Центральное стратегическое понятие в вышеназванных документах — достижение геополитических целей *США «средствами, находящимися на грани с войной»* (в традиционном смысле. — И. И.). Эти средства включают *экономику, дипломатию, использование международных организаций, созданных в качестве так называемых институтов гегемонии, и, наконец, угрозу применения силы*. Установившееся положение вещей после Второй ми-

ровой войны — военный мир, иными словами, как сказано в NSC 20/1, «*тотальная политическая война, конечной целью которой является безоговорочная капитуляция Советского Союза*», на пути к которой определялись и промежуточные цели: а) геополитическое ограничение силы и влияния СССР; б) компрометация идеологии геополитического противника, включая, с одной стороны, теологизацию американской идеологии в качестве универсального мировоззрения, а с другой — демонизацию всякой идеологии, представляющую потенциальную угрозу для гегемонии США.

«Наши цели в отношении Советского Союза, если они не могут быть осуществлены средствами, граничащими с войной, должны быть достигнуты с помощью самой настоящей войны, ибо наша задача — свергнуть советскую власть и разрушить СССР».

Далее в документе говорится, что геополитические цели США — по существу военные цели. Каковы же они?

Во-первых, уничтожить сферу советского влияния в Восточной Европе (в NSC 20/1 это обозначено как «*первая цель*»), что достигается с помощью экономического проникновения. Таким образом, экономика была включена в арсенал способов и средств войны «иными средствами». Государственный секретарь Маршалл, выступая в Гарварде в 1947 году, заявил, что его план — «*военные действия, осуществляемые при помощи экономики*, цель которых, с одной стороны — сделать Западную Европу полностью зависимой от Америки, с другой — подорвать влияние СССР в Восточной Европе и подготовить почву для установления американской гегемонии в этом регионе». Видимо, с этого момента и надо отсчитывать возникновение понятия «*экономическая война*».

Помимо того, в NSC 20/1 утверждается: «*Вторая цель — изменение границ Советского Союза и отделение от него в первую очередь балтийских стран и Украины*. Для этого надлежит поощрять и инициировать любые *сепаратистские движения* в Советском Союзе, ибо сепаратистские движения, правильно организованные, являются самым лучшим средством для уничтожения советской мощи и *расчленения СССР*... Независимо от того, каким будет антикоммунистическое правительство грядущей России (конечно,

дружественно относящееся к США), оно всегда должно обладать лишь ограниченным военным потенциалом и должно пребывать в состоянии полной экономической зависимости от Соединенных Штатов»¹.

Опасно не понимать, что США и Россия никогда не будут друзьями и даже партнерами. Сегодня многие западные исследователи и политики признают, что противостояние между СССР и США в холодной войне носило не столько идеологический, сколько геополитический характер. Еще в начале XX века американский адмирал и теоретик военно-морской стратегии США П. Мэхэн (1842–1914) утверждал, что главную опасность для США представляет Россия как обширная континентальная держава, борьба с которой является основной геополитической задачей США.

Холодная война стала примером того, что политические цели могут быть достигнуты не посредством *прямого* вооруженного вмешательства, а путем применения иных форм насилия, *подрыва* монополии противника *изнутри*. Эта война завершилась без непосредственных вооруженных сражений и кровопролитий между основными противниками — США и СССР, без использования ими ядерного оружия, хотя за всеми периферийными (локальными) войнами (Корея, Вьетнам, Египет — Израиль, Мозамбик, Ангола, Афганистан) всегда стояли эти две супердержавы и их союзники.

В самом деле, что главное в войне? Насилие, т. е. стрельба и борьба сами по себе? Конечно же нет. Главное в войне — достижение цели. Насилие — средство этого достижения. Средства могут быть разными и любыми. На протяжении борьбы (иногда очень долгой) они могут меняться и комбинироваться. И тот, кто достиг цели, — победитель, кто проиграл — побежденный. После победы победитель «пожинает лавры», т. е. пользуется богатствами побежденного, по-своему и по-новому расставляя фигуры (личностей, государства, блоки) на Великой шахматной доске.

С точки зрения новой концепции войны это, может быть, самый главный вывод: поскольку цель войны — получение вы-

¹ Цит. по: Крейтор Н. Геополитика «холодной войны» // Наш современник. 1998. № 5. С. 220, 222.

годы, то надо воевать так, чтобы эта выгода была максимальной. А именно: надо воевать такими способами, чтобы овладеть страной (территорией, материальным богатством, в том числе и армией, не разрушая и не уничтожая их). Пиррова победа сегодня не в моде. Речь идет об изощренной стратегии «непрямых действий». Одним из самых современных средств реализации такой стратегии является глобализация.

Таким образом, нынешняя глобализация — это не новая стратегия США. Это ее модификация с учетом времени и тех технических достижений, которые произошли в мире за вторую половину XX века и которыми в полной мере владеет эта страна: компьютер, электронные СМИ, Интернет, создающие принципиально новые схемы и возможности для бизнеса, управления людьми и финансами, плюс огромные богатства и «мозги», которые они уже многие десятки лет «отсасывают» из всех стран мира, и конечно же самые мощные вооруженные силы. Сегодня США — единственная супердержава.

Находясь в плену стародавних геополитических замыслов, США «оседлали» объективный процесс глобализации и сознательно его погоняют, ускоряют. Если перевести слово «глобализация» с затуманенного пиарщиками языка на простой, то его смысл сводится к американским представлениям о том, как должен быть устроен мир по крайней мере в XXI веке во всех отношениях — экономике, политике, социальной сфере, науке, культуре, образовании. Глобализация — это в сути своей даже не вестернизация, а *американизация* человечества. Это не синтез культур и их добровольное избирательное усвоение общечеловеческого каждым народом, а насильтвенное насаждение, замена многих и разных культур одной, «универсальной» — американской. В том числе и в развитых западноевропейских странах. Да, они пользуются доверием США; да, им тоже достаются лакомые куски со стола глобализации. Но, по сути дела, им также отводится роль всего лишь протекторатов в строящейся американской мировой империи.

Сегодня совершенно ясно, что причиной глобальной вахты «всемирного полицейского» для США являлась не только агрессивность СССР, как говорилось некогда. Если бы это было так, то,

выиграв холодную войну, США должны были бы снять с себя эту функцию: слишком дорого обходится ее осуществление. Но этого не произошло. По-прежнему существует НАТО; по-прежнему американские войска находятся в Германии, Японии и Южной Корее; по-прежнему американский флот контролирует мировую акваторию. Более того, теперь НАТО заняли важнейшую стратегическую позицию в Югославии и контролируют Европу, вошли в Афганистан, Узбекистан, Таджикистан — в самое «подбрюшье» России. Военная мощь США превосходит совокупную военную мощь 10 следующих за ними крупнейших держав мира. Трезвомыслящие российские военные аналитики считают, что США опережают весь мир на целое поколение войн. К 2010 году они полностью перевооружат свою армию высокоточным оружием. Страна, которая сама признает, что ей никто не угрожает в военном плане, не сокращает, а с каждым годом увеличивает военный бюджет, который намного превысил цифру 300 млрд долл. Как и чем все это объяснить?

Только тем, что объектом стратегических интересов США является весь мир; что, встав в 1946 году на автопилот холодной войны, страна по-прежнему продолжает этот курс. Концепция войны, ее формы, методы и средства изменяются, совершенствуются, но цель — создать ведомый США мир, основанный на превосходстве американской политической, военной и экономической мощи, а также на американских ценностях жизни,— остается неизменной. Америка никогда не согласится на положение «первой среди равных» даже в клубе развитых стран. Ее устраивает только роль доминирования, только роль гегемона, только однополярность.

Напомню некоторые высказывания президента США Дж. Буша-старшего, который еще в 1983 году говорил: «Соединенные Штаты считают своим жизненно важным интересом предотвращение доминирования на территории Евразии любой враждебной державы или группы держав»¹. Далее, уже в своих мемуарах, он пишет: «Мы просто обязаны вести за собой... Мы должны обеспечить предсказуемость и стабильность в международных отноше-

¹ Doyle M. Kant. Liberal Legacies and Foreign Affairs // Philosophy and Public Affairs. 1983. Summer. P. 205–235.

ниях. Ведь мы — единственная держава, имеющая необходимые ресурсы и репутацию... Если Соединенные Штаты не поведут за собой, в мире не будет руководства»¹.

Позднее президент США Б. Клинтон во главу угла своей внешней политики поставил «стратегию вовлечения и демократического расширения», принятую в 1995 году, а еще ранее запустил «мотор» глобализации, стал ее яростным пропагандистом. Бывшая госсекретарем в его администрации М. Олбрайт откровенно заявляла: «Мы будем сохранять свое присутствие всюду, где есть необходимость в защите наших интересов»². Уже в те годы расходящим штампом в американских СМИ стал термин «благожелательная гегемония».

Каким же способом осуществляется эта гегемония? Та же Олбрайт называла эти способы без всякого смущения: «Простая логика, экономические стимулы, техническая помощь, новые соглашения, обмен информацией, *насилие, угроза насилия, санкции, угроза санкций* — и любая комбинация вышеперечисленного»³.

Почему Америка вступила в войну со всем миром? Зачем она взваливает на свои плечи задачу глобализации — «руководства этим миром»? Какой смысл для нее тратить уже сегодня огромные деньги на содержание могучей армии в качестве, как говорил начальник штаба армии Д. Раймер, «сил быстрого реагирования для глобальной деревни»? Ни о каком меценатстве и заботе о судьбах человечества не может быть и разговора. Все очень просто: *речь идет о борьбе за природные ресурсы, рынки сбыта и труда, географическое пространство, чистую воду и чистый воздух, которые уже в дефиците сегодня, а завтра их на всех просто не хватит. Кто-то должен будет умереть, а кто-то останется жить.* Кто? Какие народы и страны? Вот в чем дело. Никакой романтики. Чистый прагматизм, голый расчет: *идет битва за будущее*, и США хотят во что бы то ни стало быть победителями в этой битве. Ни в одной стране мира не спорят о будущем столько, сколько

¹ Bush G., Scowcroft B. A World Transformed. N. Y., 1998. P. 566.

² Albright M. The Testing of American Foreign Policy // Foreign Affairs. 1998. November–December. P. 59.

³ Ibid.

в США. И конечно же на глобальный вопрос «Кто должен выжить?» они отвечают однозначно: «Мы».

Глобализация ныне — это стратегия построения новой геоструктуры XXI века, это *политический проект и план*. Это своего рода социальное *изобретение* глобальных менеджеров США, представляющее собой одну из *новых форм войны нового типа*, целью которой является установление нового мирового порядка.

Важно подчеркнуть: глобализация в ее нынешнем варианте носит *паразитический* характер, ибо практически все выгоды от нее получают не более 30 из 200 стран мира, а если говорить точнее, то не более десятка стран: США, Япония, Германия, Великобритания, Франция, Канада и немногие другие.

Например, американская экономика, как самая мощная в мире, «глобализируется» в наибольшей степени, поскольку извлекает из этого процесса *максимальные выгоды*. И прежде всего из-за проникновения на новые рынки. За десять лет (1987–1997) американский экспорт увеличился на 140%, и его вклад в экономический рост достиг 30%. В отдельных отраслях американской экономики эффект глобализации заметен особенно. Так, в моторостроении 47% занятых непосредственно связаны с работой на экспорт, в аэрокосмической отрасли и в производстве электронных компонентов — 44%, в добыче железных руд — 42%, на водном транспорте — 41%.

Общие «дивиденды», которые Соединенные Штаты получают от глобализации, очень высоки. Во-первых, *дешевый импорт* из развивающихся стран сдерживает инфляцию и тем самым способствует росту доходов, повышению потребительского спроса и как следствие — росту экономики. Во-вторых, открытость американской экономики, которая не боится экономик других стран, ибо превосходит их по своей мощности, способствует *притоку капиталов и квалифицированной рабочей силы* (прежде всего ученых и инженеров) из-за рубежа, что положительно влияет на экономический рост и, следовательно, на занятость населения. В-третьих, *рост экспорта* американских товаров также приводит к созданию дополнительных рабочих мест, часто высокооплачиваемых. В-четвертых, *вывоз капитала за рубеж* создает американским компа-

ниям более благоприятные условия для функционирования: норма прибыли повышается, конкурентные позиции улучшаются. В конечном счете и это способствует укреплению американской экономики.

Но то, что выгодно небольшой группе стран и крупнейшим транснациональным корпорациям, возглавляющим глобализационный процесс, совсем не выгодно странам, которые являются объектами глобализации. Более того, опасно для них: рушатся национальные экономики, падает уровень отечественного производства, увеличивается зависимость от стран-экспортеров. Ни о какой взаимозависимости тут говорить не приходится — они попадают в полную зависимость. Ни о каком взаимодействии не может быть и речи — налицо доминирование, диктат. И только. Одним словом, для них потери намного превышают выгоды.

В этом виде глобализация несет миру множество катастрофических опасностей и угроз, не способствует разрешению мирового кризиса, а значительно усугубляет его. Выступать в пользу такого процесса в высшей степени глупо и аморально.

Таким образом, выявились и столкнулись лоб в лоб две противоречащие друг другу тенденции мирового развития: либо (ради выживания всего человечества) отказаться от ныне действующей парадигмы его развития в ущерб богатым и передовым в техническом отношении странам, либо (ради выживания этих стран — ¼ части, т. е. меньшинства человечества) поступиться интересами большинства населения планеты, силой навязать ему свою волю и выживать за его счет.

Парадокс ситуации заключается в том, что глобализация как форма покорения мира выдается ее идеологами и организаторами за способ его спасения; что странам, которые стоят во главе процесса глобализации, в то же самое время приходится ставить свои подписи под документами, которые прямо противоречат их стратегическим целям (например, под «Повесткой на XXI век»). Поэтому такого рода заявления, декларации, договоры, соглашения надо воспринимать не более как тактический ход, как уловку. Много лет назад богатые страны, входящие в Организацию экономического сотрудничества и развития, приняли на себя обяза-

тельство перечислять 0,7% ВВП на развитие бедных стран. Однако лишь очень немногие выполняют эти обещания¹. И это не США. Реальная политика и обстановка в мире подтверждают: под знаменем свободы они творят насилие; под лозунгами демократии устанавливают тоталитаризм; мир утверждают ракетами и кровью. О негативных последствиях такого рода глобализации не раз говорил папа Иоанн Павел II. Генеральный секретарь ООН К. Аннан видит в глобализации главный вызов нынешнего времени и находит в ней смысл при условии, если она будет осуществляться в интересах всего человечества, а не ради удовлетворения амбиций и интересов его несоразмерно меньшей части, оставляя в нищете миллиарды людей.

Выступая 2 октября 2002 года в Йельском университете (США, Нью-Хейвен), К. Аннан отметил, что терроризм, антисемитизм, подозрительность и враждебность современного мира порождены не только нетерпимостью и невежеством, но представляют собой также «уродливые проявления выборочной, антагонистической глобализации».

ЧЕЛОВЕК – ИСТОЧНИК АБСУРДА И НАДЕЖДЫ НА ИСТИНУ

Все прогрессы реакционны, если рушится человек!..

А. Вознесенский

Было бы ошибкой и несправедливостью возлагать вину и ответственность за абсурд происходящего с человечеством лишь на политиков, научную и техническую революции, которые его породили. Ведь что такое «политика», «НТР», «образование»? Абстракции высшего порядка, за которыми стоит Человек. Именно человек со всеми его победами и успехами, заблуждениями и ошибками, совершенными в процессе всей истории. В XX веке проблема человека и проблема человечества лишь проявились с такой остротой, которая достигла такого уровня катастрофично-

¹ Annan K. A. Making Globalization Work for the Poor // The Handu, Chennai (Madras), 13.12.2000.

сти, что стала очевидной для многих, в то время как в эпоху Возрождения, в XIV–XVI века, ее только начали осознавать и обозначили наиболее образованные по тем временам личности Европы, и прежде всего Италии. Известно, что в ту пору зародился гуманизм, который сегодня понимается как «особый тип философского мировоззрения, в центре которого — человек с его земными делами и свершениями, с присущими ему природе способностями и влечениями, с характерными для него нормами поведения и отношениями. В широком смысле слова гуманизм — доброжелательное отношение к человеку, утверждающее его свободу и достоинство независимо от каких-либо исполняемых им социальных функций и ролей, усматривающее в нем самостоятельный источник творческих сил. В современной научной литературе под гуманизмом понимается, с одной стороны, вся совокупность антропологических и гуманитарных наук, с другой — явление духовной жизни, выходящее по своим масштабам далеко за рамки одного лишь западноевропейского Возрождения»¹.

Известны все перипетии этого мировоззрения, которое начало с того, что утверждало приоритет гуманитарного знания перед естественно-научным знанием и средневековой схоластикой. По словам Петрарки, одного из первых итальянских гуманистов, «к чему знать свойства зверей, птиц, рыб и змей, если не знать или не желать узнать природу человека, ради чего мы рождены, откуда приходим и куда идем»².

Главное открытие и важная заслуга гуманизма состояли в том, что он рассматривает человека как свободное существо, способное творить самого себя, придавать себе ту природу, которую он сам пожелает как субъект познания и деятельности, опирающийся в своих действиях на собственный разум и творческие потенции. Гуманистический идеал личности как свободной индивидуальности, способной к самосозиданию и творчеству, породил мечту об обществе, в котором эта способность будет полностью реализована в жизни, что привело к возникновению первых коммунистических утопий (Т. Мор, Т. Кампанелла и др.).

¹ Новая философская энциклопедия. Т. 1. М., 2000. С. 567.

² Цит. по: Гарэн Э. Проблемы итальянского Возрождения. М., 1986. С. 45.

К. Маркс связал философию коммунизма с философией гуманизма. Он писал, что полностью развитый коммунизм — это гуманизм, что гуманизм есть отрицание Бога и полное утверждение человека.

Коммунизм выдвинул идею формирования гармоничной, всесторонне развитой личности, образования «нового человека», создал «Моральный кодекс строителя коммунизма». Итоги этого уникального социального эксперимента весьма неоднозначны.

В борьбе за «нового человека» для этого человека было сделано много хорошего — в здравоохранении, образовании и других областях социальной сферы. Немало хороших качеств укрепилось в самих людях. Но речь сейчас не об этом.

В одном произведении А. Платонова героя по имени Настя твердо знала, что следует «плохих людей всех убивать, а то хороших очень мало». «Ты вполне классовое поколение,— радовался по этому поводу другой герой этого же произведения по фамилии Сафонов.— Ты с четкостью сознаешь все отношения, хотя сама еще малолеток. Это монархизму люди без разбору требовались для войны, а нам только один класс дорог, да и мы класс свой будем скоро чистить от несознательного элемента». «Враги народа», «несознательный элемент», люди с «отсталыми взглядами и буржуазными привычками», т. е. все, кто мешал строить «нового человека», разными способами «отсеивались». Народ «вычищали» так усердно и эффективно, что ни в чем не виновные, частью очень хорошие, лучшие и даже вполне «новые» (маршалы, партийные и государственные деятели) люди отрекались под пыткой от себя и своих семей. Объект воспитания, становясь «новым», переставал быть просто человеком.

Теперь, когда надо унизить идею гуманизма, тут же вспоминают эпоху сталинизма в СССР, национал-социализма в Германии, действительно страшные дела. Но заметим, что, по сути дела, утопическая идея «нового человека» имеет божественное происхождение, берет свое начало от Адама и Евы, которых Бог за их прегрешения изгнал из Эдема, а позднее, убедившись в греховности натуры их детей и всего потомства, уничтожил, устроив Всемирный потоп. Ной и его семья — вот прообраз «нового человека». Но что вышло из этой затеи у Бога?.. Известно.

Тогда божественную идею подхватили сами люди.

В 1762 году Ж. Ж. Руссо издал работу «Эмиль, или О воспитании». За религиозное вольнодумство она была приговорена к сожжению. Идея Руссо, изложенная в его сочинении, гениально проста: ребенок может стать идеальным и совершенным, если его изолировать от порочной социальной среды. «Правда, как это сделать? — иронически спрашивал Руссо.— Разве что поместить его на Луну или на необитаемый остров?»

Тем не менее российская императрица Екатерина II восприняла эту мысль всерьез и немедленно учредила Московский воспитательный дом с целью создания «новой породы» людей. Поскольку «корень всему злу и добру воспитание,— полагала Екатерина,— ...единое токмо средство остается, то есть: произвести сперва способом воспитания, так сказать, новую породу или новых отцов и матерей, которые б детям своим те же прямые и основательные воспитания правила вселить могли, какие получили они сами, и от них дети передали б паки своим детям; и так следуя из родов в роды, в будущие веки».

В ходе Французской революции Робеспьер предпринял более масштабную попытку воплотить в жизнь идеи Руссо, сделав экспериментальной площадкой Францию, а объектом эксперимента — весь народ. Робеспьером был введен кульп Верховного Существа. Декларировалось, что кульп, достойный Верховного Существа, заключается в выполнении человеком его обязанностей. Из этих обязанностей он считал первейшими: ненавидеть нечестность и тиранию, наказывать тиранов и изменников, помогать несчастным, уважать слабых, защищать угнетенных, делать всем другим всевозможное добро и не быть ни к кому несправедливым. По сути, это было новое Евангелие, Кодекс строителя капитализма. Но пороки человеческие от этого не исчезли. Зло и несправедливость оставались. Тогда был применен террор «как самое эффективное средство управления и воспитания». Но и после этого люди упорно не хотели становиться «новыми»...

Анатоль Франс как-то заметил, что тот, кто жаждет насилием облагодетельствовать человечество, со временем приходит к выводу, что люди — это сущие обезьяны. И начинает рубить головы.

Через сто с лишним лет идею «нового человека» подхватила новая Великая революция — в России.

Но в те же годы и ранее о проблеме человека, тревожась о его судьбе, писали ярые противники социализма и коммунизма. В 1898 году основатель социальной психологии Г. Лебон в книге «Психология толпы» писал, что «большинству великих европейских наций серьезно угрожает явное вырождение», ибо «удовлетворение постоянно растущих материальных потребностей стремится стать единственным их идеалом»¹.

Н. А. Бердяев более всего опасался безбрежной рационализации сознания человека и потери смысла человеческого существования, чрезмерной веры в технику, т. е. безграничной власти над природой и человеком со стороны безличных социальных сил. Питирим Сорокин говорил о «чувственной культуре» индустриальной эпохи, обретенной на гибель вследствие разрушения системы подлинных ценностей. Б. П. Вышеславцев обращал внимание на то, что в позднеиндустриальном обществе человеку противостоит колоссальная организационная система — государство плюс современная промышленность, которые функционируют в собственных, часто весьма далеких от человека, а то и враждебных ему интересах, полностью превращают его в объект.

В первой половине XX века в связи с «проблемой человека» разносторонней критике подверглось позднеиндустриальное общество. Х. Ортега-и-Гассет указывал на тенденцию варваризации общества как на результат «восстания масс», господства «массового человека». Р. Гвардини отмечал противоположность результатов деятельности современного человека его подлинно человеческим целям. О «проблеме человека» писали С. Сигеле («Преступная толпа», 1892); З. Фрейд («Психология масс и анализ Я», 1921); В. Вундт («Проблемы психологии народов», 1911) и др.

Сегодня мы видим, как охваченный беспокойством человек подвержен соблазну или отдать всю свою свободу всевозможным диктаторам, или потерять ее, превратившись в маленький винтик машины. Хорошо отлаженные механизмы технического контроля над природой, изысканные методы психологического управления личностью и быстро развивающиеся формы организационного конт-

¹ Лебон Г. Психология народов и масс. СПб., 1995. С. 135.

роля над обществом дорого стоят для человека. Изобретя все это в качестве средства удовлетворения своих нужд, человек сам стал для этих средств вспомогательным средством, сам стал проблемой.

Суть этой «проблемы современного человека» можно описать несколькими основными тезисами:

— превращенный в *элемент* сложной организационной системы, «человек массы» чувствует себя бессильным и одиноким. Он склонен к *простым и радикальным* решениям, к агрессии, насилию, идолопоклонству, когда место подлинно человеческих ценностей занимают такие социальные феномены, как партии, государство, «свободный рынок», «демократия», техника, прогресс и даже мифы (среди них, например, миф о крови);

— масскультура, прямо враждебная *духовному* началу в человеке, формирует *стереотипы* сознания массового человека, его быт, потребности, поведение;

— в целях все большей продуктивности с помощью системы образования происходит неумеренная *специализация* человека, личности: работник вынужденно становится специалистом в очень *узкой* области, что сужает его интеллектуальный и духовный уровень и увеличивает зависимость от сложных организаций. Эта тенденция усиливается. Для современной социальной науки характерны мелкотемье, надуманность исследовательских проектов. В неистовом желании знать «все большее о все меньшем» упускаются многие существенно важные вещи. Общество, прежде всего власть, все меньше интересуют фундаментальная социология и человек как таковой и все больше — эмпирические данные, прикладные исследования, позволяющие добиваться повышения производительности отдельного индивида;

— так называемая информационная революция привела к тому, что человек вынужден едва ли не основную часть своего времени *разыскивать* и обрабатывать нужную ему информацию. К тому же человек чувствует себя еще ничтожнее, когда ему противостоит не только система гигантских предприятий, но и целый почти самоуправляющийся мир компьютеров, думающих гораздо быстрее, а нередко и правильнее его. В то же время он буквально завален ненужной, но *навязываемой* ему информацией, часто ущербной с точки зрения нравственных критериев;

— научно-технический прогресс обеспечил человеку, который в нравственном отношении является еще весьма незрелым существом, невиданную мощь, вплоть до возможности уничтожения самого человечества; отсюда угроза жизни на Земле (оружие массового уничтожения, экологическое варварство).

Каждый из этих тезисов, отдельных пунктов и понятий можно «развернуть» в обширную статью или книгу, да многие из них, собственно говоря, уже написаны. О «массовом человеке», «человеке толпы», «человеке-винтике» создана целая литература — художественная, философская, психологическая, социологическая. Пора писать его историю, ибо ее сегодня творит именно такой человек — униженный, оскорбленный, бессильный в одиночку повлиять на происходящее и, кажется, тянувшийся к объединению в различные партии и организации, вместо которых на самом деле возникают относительно большие или малые «толпы». Ибо, как утверждал еще Г. Спенсер, «характер социального агрегата определяется характером единиц, его составляющих». Эти «партии» столь же манипулируемы и агрессивны, иррациональны и мало способны к разумным и эффективным действиям, как и каждый их член в отдельности. Любопытных отсылаю к таким недавно вышедшим в России работам, как «Век толп. Исторический трактат по психологии масс» С. Московичи (М., 1996); «Агрессия» Р. Бэдона и Д. Ричардсона (СПб., 1999); «Наиболее распространенные заблуждения и безумства толпы» Ч. Маккея, вышедшей в Москве в 1998 году, но написанной и опубликованной более 150 лет назад — в 1841 году в Лондоне, и другим.

Сотни книг и тысячи статей написаны о поп- и массовой культуре, о кризисе образования, связанном с утратой им фундаментальности, об информационной революции, в результате чего возникла проблема избыточности информации, которая запутывает и стесняет собственное мышление человека, доводя его до отчаяния и нежелания разбираться в происходящем. Море литературы существует и по научно-техническому прогрессу, прогрессу человечества вообще.

Редко кто не согласен с тем, что изменить парадигму развития человечества невозможно, если не изменится человек. Человечество должно сойти с нынешнего пути, изменив вектор своего раз-

вития и способы достижения желанных целей, определение которых должно осуществляться *на основе измененной и вновь установленной иерархии и гармонии ценностей*, новой системы духовных установок.

Ведь что такое эти самые установки? Всего лишь специфические социально-психологические комплексы, особые оценки действительности, стереотипы, догмы и мифы, которые сформировались в течение столетий и особенно последних десятилетий, которые вдолблены в наше сознание и намертво вросли в него. Точнее, это извращенная иерархия ценностей. Радикал-либералы, например, насмерть стоят за «священное право частной собственности», коммунисты — за «священное право общественной собственности». Ну а по сути — между ними нет особых различий. Ибо суть эта состоит в одном и том же: кто является владельцем земли и недр, машин и человека — отдельный хозяин или государство? «Мы» или «они»? Если «мы», то все и всем будет хорошо. Если «они», то плохо. Крайности сходятся, совпадают. Что первые и вторые делают с землей, недрами, машинами и человеком, которые выступают для них в качестве «средств»? Одно и то же — с их помощью добиваются максимальной продуктивности и богатства прежде всего (и главным образом!) для себя. Это и является для них высшей ценностью. Но этого почему-то многие не хотят замечать. А собака зарыта именно тут. Общество и государство не самосоздаются. То и другое — создается. Сознательно. По нашему замыслу. Это мы сами, ищащие выхода из тупика, стремимся к тому, что ценим, и создаем то, к чему стремимся. А не безличная «история», не «стихийный рынок», не «свободная конкуренция». Общество, государство и народ будут такими, какими мы их замыслим и осуществим. Если, скажем, действительной (хоть и не артикулированной) идеологией развития российского общества в годы «реформ» останется радикальный либерализм, вульгарный экономизм, безудержная погоня за прибылью, то страна неизбежно придет к принципу: «максимальное количество продукции какой угодно ценой», т. е. к безудержной эксплуатации ничтожно малым меньшинством огромного большинства населения, что мы уже и наблюдаем.

Но как обойтись без экономизма, индустриализма, машинизма, материализма, если на научном и техническом прогрессе построена вся современная цивилизация? Речь конечно же не о том, чтобы ломать машины, уничтожать капитал, экономику. Еще раз: спасение видится в правильном установлении иерархии и гармонии ценностей.

Когда-то Ф. Ницше требовал и пытался осуществить переоценку всех ценностей и «упорядочение их по рангам». Высшую ценность, по его мнению, воплощает в себе великий человек, который и устанавливает ценности. Думаю, что история человечества после Ницше показала, что его вера в великого человека, способного облагородить и спасти мир, потерпела крах. Людей, которые претендовали на собственное величие и установление новой системы ценностей, было немало. Их имена и названия стран, которые они возглавляли, известны. Как известно и то, что получилось из этих попыток. Они трагичны. Беда в том, что во власть приходят вовсе не великие. За власть дерутся ничтожества, которых эта власть делает «великими», хотя, по сути своей, они в большинстве случаев остаются тем же самым, чем были в самом начале, — ничтожествами. У них есть возможность изменить систему ценностей, но если они начинают этим заниматься, то она получается не чем иным, как слепком ума и души их авторов.

В чем прав Ницше, так это в том, что высшую ценность воплощает в себе человек. Не «великий», а просто — человек. Прав, что необходима переоценка ценностей, но уже под этим углом зрения — при взгляде на человека как на высшую ценность.

Трагическая антиномия человеческого бытия как раз и состоит в том, что между назревшими целями и готовностью их осуществить часто возникают проблемы, которые человек не всегда умеет решать. Сегодня такой проблемой является *сам человек*, не способный взять на себя ответственность за судьбу человечества, стоящего на краю пропасти. Назрела необходимость *новой духовной реформации*, новой попытки исторического единения мира.

Это значит, что человек не должен покоряться судьбе, быть пассивным. Несмотря на все многоцветье палитры культур, на различие историй, географических и прочих условий обитания,

у людей необходимо формировать *чувство общности, единое видение* того, что происходит на планете. В процессе самоорганизации человеческий Социум должен родить «нечто», что можно назвать Интегральным Интеллектом. Развитие средств информации и коммуникаций уже создает основу нового «общепланетарного мышления». Подобно тому как отдельные нейроны образуют систему — мозг, способный к интеллектуальной деятельности, так и человечество из великого множества людей превращается в систему, способную анализировать сложнейшее переплетение судеб и обстоятельств и находить выходы из, казалось бы, тупиковых ситуаций.

Хочется верить, что для преодоления настоящего и грядущего кризисов у человечества хватит мудрости и воли, хотя положительный исход совершенно *не очевиден*. Ведь на пути восприятия современной планетарной обстановки с общечеловеческими позициями стоят региональный, групповой и личный эгоизм, национальные амбиции, различного рода фундаментализмы, догмы и стереотипы мышления, о чем уже говорилось. Смогут ли интегративные тенденции воплотиться в единый общепланетарный защитный организм? Смогут ли позитивные, интегративные тенденции обогнать разрушительные процессы в природе, обществе и человеке, которые ведут к концу истории?

В решающей степени это зависит от направляющего влияния Интегрального Интеллекта планетарного сообщества, роль которого состоит в его способности предвидеть возможные кризисы, ощущать край той пропасти, к которой человечеству нельзя подходить. Целью Интегрального Интеллекта должны стать *разведка альтернативных путей развития*, выявление опасностей, подстегивающих человеческое сообщество, поиск путей и новых концепций, позволяющих избежать краха.

Эту высшую задачу призваны решать различного рода международные организации, и прежде всего такие, как Организация Объединенных Наций и ЮНЕСКО. Они призваны стать вершиной пирамиды Интегрального Интеллекта планетарного сообщества. Сердцевиной этой организации мог бы стать некий «Совет мудрецов», интеллектуальный, профессиональный и моральный имидж которых абсолютно безупречен. Их основная задача — не

управлять миром, а формировать *исследовательские программы и программы просвещения*. Человечеству надо знать варианты возможного развития процессов, преодоления возникающих противоречий и проблем. Эти знания должны становиться достоянием всего многомиллиардного населения планеты.

Отметим, что при всем этом человечество в *жестоком цейтноте*. Времени на постепенную и длительную переделку сознания поколений просто нет. Несколько десятилетий — вот все, чем мы располагаем. Уже входящее в жизнь новое поколение должно *вполне* осознать реальность глобальных угроз и неотвратимую необходимость перемен, более того — начать эти перемены в таких масштабах, которые позволили бы в обозримом будущем сказать: старые тенденции остановлены, новые процессы запущены. Если не говорить обветшавшими от частого употребления словами «революция» и «реформа», то предстоящий процесс можно бы обозначить каким-то новым словом, например *«рефолюция»*, смысл которого должен отразить процесс замедленной, менее разрушительной и более созидающей революции, менее консервативной и более новаторской, ускоренной реформы, когда все изменяется и в то же время все достойное существования не разрушается бездумно и не исчезает. В жизненных процессах отсекаются крайности, они *оптимизируются* за счет сглаживания противоречий на основе философского реализма. Гамлетовский вопрос «быть или не быть?» человечество решает не через противоположность «или — или», а через рядоположность «и — и». Пусть будут Христос, Будда и Магомет. Материализм и идеализм. Либерализм и социализм. Пусть существует все, что имеет жизненную основу и способно выжить. Пусть будет многообразие. И ничего «одногоединственного», «единственно верного», «окончательного». Терпимость, взаимопонимание, справедливость, солидарность — вот главные, исходные составляющие, на основе которых только и сможет установиться новое мышление, мир в умах и в отношениях людей, государств и народов. Оправдание такого подхода и такой философии весьма убедительно. У этих принципов нет альтернативы, кроме гибели.

Пафос идей нового мышления обращен, безусловно, ко всем живущим, однако более всего — к детям и молодежи, чье сознание

еще не слишком «зациклено» на мифах и догмах прошлого, и прежде всего — к будущим, еще не родившимся поколениям. Таким образом, новые поколения, молодежь объективно оказываются в роли исторического субъекта, на долю которого выпадает миссия осуществления глобальных перемен в развитии человечества на основе новой философии жизни.

Мы должны смотреть в будущее, зная, что в схожих ситуациях человечество уже бывало, духовная реформация для него — не такая уж новость.

К. Ясперс считал, что первая попытка духовного единения мира была осуществлена в последнем тысячелетии до нашей эры: между 800 и 200 годами. Для обозначения этого исторического периода Ясперс использовал термин «осевое время». В ту пору в трех древних цивилизациях — Индии, Китае и Греции — начались похожие исторические изменения. Анализируя их, К. Ясперс выделил *четыре периода в человеческой истории*: 1) прометеевскую эпоху: возникновение речи, появление орудий труда, использование огня; 2) эпоху великих культур древности: письменность, магическая религия, государственность; 3) осевую эпоху: формирование человека в его духовной открытости миру; 4) эпоху науки и техники: мир как единая сфера общения. При этом Ясперс указывает на «два дыхания» мировой истории. Первое дыхание — это прометеевская эпоха, великие культуры древности и осевое время. Второе дыхание начинается с эпохи науки и техники (второй прометеевской эпохи) и, возможно, приведет «к новому, еще далекому и невидимому второму осевому времени, к подлинному становлению человека».

Символическим выражением осевого времени стали философы, отваживающиеся «противопоставить себя всему миру»: Будда в Индии, Конфуций и Лао-Цзы в Китае, Заратустра в Иране, Гомер, Гераклит, Парменид, Платон, Аристотель в Греции, пророки Илия, Исаия, Иеремия и Второй Исаия в Палестине. Эти мыслители совершили необычайный духовный прорыв, попытавшись расширить границы индивидуального человеческого существования и заглянуть в будущее. Благодаря этому был совершен переход от мифологического мышления к логосу — рациональному и разумному объяснению мира.

К. Ясперс дал яркую характеристику духовной жизни той эпохи, отметив схожее с нынешним обостренное ощущение надломленности человеческого бытия, *ожидание мировой катастрофы*.

Сегодня человечеству пока не хватает того, что проявилось в те древние времена: духовного подвижничества, преобразовательного энтузиазма, стремления к духовному братству, к единству и взаимопониманию. Великая дерзновенная цель «осевого времени» — *«превратиться в настоящих людей»* — еще не волнует современное человечество. Поэтому перспектива второго осевого времени весьма проблематична. С одной стороны, перед лицом глобальных проблем осевое время кажется неизбежным: только объединившись и осознав себя в качестве единого субъекта, человечество может выйти из кризиса. Стремление решать глобальные проблемы в одиночку (как это пытаются делать Запад) лишь усугубляет кризис и приближает роковую развязку.

В то же время прецедент «осевого времени» демонстрирует возможность духовного единения человечества. Если в трех древних, почти не соприкасавшихся, культурах возникла когда-то *единая атмосфера* дерзновенных духовных устремлений, то это позволяет надеяться на сохранение такой возможности в будущем. Ясперс был прав, утверждая, что *возможность входит в историю через человеческую мысль о ней*.

Речь сейчас идет не только о единении экономик, интеграции государств и национальных политик. Это само собой. В данном случае я говорю о едином понимании глобальных угроз человечеству как элитой, так и широкими массами, о признании ими — в качестве рациональной идеи преодоления мирового кризиса — необходимости мобилизации, развития и эффективного использования всех существующих ресурсов человечества (природных, экономических, финансовых, управленческих), но прежде всего главного из всех ресурсов — человеческого. Во все века, когда над той или иной страной сгущались тучи, великие политики, государственные деятели и полководцы поступали одинаково: они мобилизовывали ресурсы, сосредоточивали силы, вдохновляли народ.

Сейчас тучи собирались над всем человечеством, и самые грозовые — над нашей страной. Мобилизация человеческих ресурсов

понимается мною как задача интеграции и развития человеческого потенциала (интеллект, знания, характер, прежде всего воля, продолжительность жизни). Это самый очевидный момент. По этому поводу уже много сказано. Около 10 лет назад ООН ввела особый индекс, позволяющий оценивать уровень развития человеческого потенциала в каждой стране (ИРЧП). С 1995 года такой индекс выводится и по России. Картина печальная — в 2000 году мы оказались в седьмом десятке из 126 стран, которые обследует комиссия ООН.

На проблему человеческого потенциала можно, конечно, смотреть, как это и делают эксперты ООН, с точки зрения *достигнутого уровня*. Этот уровень предопределен уровнем социально-экономического развития той или иной страны, количеством денежных средств, которые расходуются на образование, здравоохранение, питание и другие бытовые нужды населения. Итогом такой оценки является рейтинг стран, где впереди — развитые, а позади — отсталые, развивающиеся и неразвитые. Вся «динамика» от года к году сводится к изменению мест в этой иерархии среди первой и второй групп стран. Но ясно, что никогда «последние не станут первыми». При таком подходе политика в развитии человеческого потенциала есть «искусство возможного», а это «возможное» хорошо известно, ограничено, задано прошлым. Таков традиционный подход.

Но человек «вообще» есть не только то, что уже проявилось в нем и что можно измерить, выразить с помощью цифр. Человек есть то, что он сам о себе представляет, и то, чего он не знает о себе, но что живет в нем.

Конкретный человек в данный момент жизни — существо ограниченное генетически, а также теми предшествующими условиями, в которых он развивался и творил (или не творил) самого себя. В большинстве случаев человека формируют обстоятельства, из которых он не может или не хочет «выпрыгнуть» — нет стимулов. Определяя ИРЧП, мы сегодня замеряем, по сути дела, стихийно сложившийся результат, то, что получилось.

Но что *могло бы получиться?* Что *должно было получиться?* Что мы *хотели бы получить?* В чем наш *замысел* человека? Каким мы хотим его видеть, каким он должен быть, чтобы дать ответы на

вызовы века? Каков мыслимый ИРЧП? В какой момент взросления и жизни человека остановили в его развитии? Когда и почему он сам остановился?

Почему и когда возникает проблема «нового человека»? Всякий раз, когда затевается радикальная ломка старого порядка и перед обществом возникают принципиально новые задачи. Поэтому что для совершения глобальной перемены необходима некая *критическая масса людей*, которые выступают за эту новую перемену, принципиально отвергая прежний, устаревший и изживший себя порядок вещей.

Историю творят не боги, а люди. При всей несомненной и огромной роли личности история делается *количеством и качеством людей* на всех уровнях управления, во всех сферах общества. Ни ссылка на божественное пророчество, ни концепция истории как уже осуществленного и все еще реализуемого общемирового или общероссийского заговора (при том что в пользу такого взгляда говорит немало фактов, что отчасти он имеет место быть и весьма соблазнителен как способ объяснения происходящего) не могут устроить того, кто ищет всеобъемлющую истину. Во всем этом есть только ее зерна, крупицы, части, стороны, грани. Закулисные руководители, манипуляторы и те, кто помогает строить «закулисье» и манипулирует, влияют на ход событий. Но в главном общественно-исторический процесс складывается на основе познанных и пока неизвестных нам закономерностей, которые проявляются как сумма деятельности людских единиц (личностей) и масс.

Перестройка и «реформы» в России, например, с самого начала уперлись в вопрос: кто будет их совершать? Те, кто правил и жил в прежние времена? Но они же «старые», думали зачинатели перемен, и, значит, все новое будут делать с оглядкой в прошлое. Нужны, полагали они, именно «новые» люди, не связанные с прошлым ни взглядами, ни делами. Так возникло нечто вроде клуба «молодых реформаторов», хотя этим молодым было уже под 40, а то и крепко «за». Но мыслилось, что они якобы несут в себе «новое зерно»: новые знания и мысли, новую энергию. «Новые люди»! Хотя вся новизна их заключалась в безоговорочной преданности «новым» задачам и правилам политической игры,

«новым» по занятym должностям и старым по возрасту вершителям судеб России.

Вскоре появилось еще одно выражение подобного рода — «новые русские». И дело не только в том, что это понятие в основном возникло из-за желания честных, порядочных и культурных граждан отделить от себя разных нуворишей. Было в этой кликухе и что-то существенное, реальное, знаковое. «Новые русские» — в основном мелкие предприниматели и представители среднего бизнеса, среди которых водилось и водится немало шпаны, — были, тем не менее, действительно «новыми», кое в чем важном для экономики и жизни вообще. Агрессивно-активные, безудержно предпримчивые, цинично-прагматичные, нацеленные на успех в своем «бизнесе» любой ценой, а в конце концов — на деньги. Уже достаточно состоятельные и не скрывающие своих богатств, которые далеко не всегда были добыты праведными трудами. Таких людей в стране прежде не было. Их презирали и пренебрегали, ненавидели и ненавидят. Но они едва не стали основой того самого «среднего класса», который, говорят, придает обществу стабильность и устойчивость, да только большинство из них подкосил дефолт 1998 года.

После августовского кризиса их количество заметно поубавилось, и экономическая, во всяком случае торговая, жизнь стала замирать. Иначе говоря, в принципе-то и такие люди нужны. Правительство осознало, что без миллионов людей — без критической массы предпринимателей среднего и малого бизнеса — никакие реформы в России невозможны. Была принята программа переподготовки предпринимателей за рубежом. Действовали различного рода фонды типа «Кадры реформы». Осуществлялся крупный проект по подготовке и переподготовке предпринимателей малого и среднего бизнеса («Морозовский проект»), в котором наш вуз — Московская гуманитарно-социальная академия был одним из участников. Но по большому счету все это было суетой, не имеющей серьезного значения. На самом деле эту проблему — проблему новых кадров, а в известном смысле и «нового человека» — призвана и должна решать конечно же семья, но в первую очередь российская школа — средняя и высшая. Это была задача воспитания жизнеспособных поколений российской молодежи, по

поводу чего еще в 1993 и 1995 годах я с группой исследователей молодежи подготовил два специальных доклада Правительству РФ¹, из которых первый просто проигнорировали, а второй отклонили на заседании Правительства под председательством В. Черномырдина и запретили рассыпать в региональные комитеты по делам молодежи, посчитав сей доклад «очернительским». У меня лично и у вуза, ректором которого являюсь, есть интересная история о том, как мы боролись за то, чтобы воспитательная функция, изъятая в начале 90-х годов из школ и вузов волей новой власти, была возвращена на положенное ей место, с тем чтобы в России нарождались, росли и развивались новые поколения детей и молодежи, достойные своих предков и великого прошлого нашего Отечества.

Так что же с «новым человеком»? Может, сразу оставить в стороне эту задачу? У истории надо учиться. Но в том-то и дело, что такие попытки, по моему убеждению, необходимо с маниакальной настойчивостью продолжать. Просто потому, что альтернативы нет. Другой вопрос — цели, формы и методы, сроки. Очеловечивание, одухотворение человека — дело неимоверной сложности и трудности. Но если им не заниматься, мир озвереет. Дух человеческий растет невероятно медленно, а утрачивается гораздо быстрее.

Верно, что немногие люди от природы наделены даром добродетели, т. е. расположением духа, делающим человека способным действовать во имя добра — творить истину, справедливость и мир. Но справедливо также думать, что немногие люди и порочны от рождения. Большинство людей пребывают в расположении духа, которое можно охарактеризовать как пограничное («непорок», «не-добродетель»). То есть при известных условиях они могут встать на добродетельный или, наоборот, порочный путь.

Главный тезис новой глобальной парадигмы и стратегии развития России: *человек — это ведущий, определяющий фактор всех социальных процессов и перемен*. В том числе и экономической реформы. Все, что есть в обществе, имеет человеческое происхож-

¹ См.: Молодежь России: тенденции, перспективы / под ред. И. М. Ильинского, А. В. Шаронова. М., 1993; Молодежь: будущее России / под ред. И. М. Ильинского. М., 1995.

дение, содержание и измерение. Любые перемены буксуют и ваются там, где в них крайне мало человеческого начала, мал объем человеческой деятельности, мала критическая масса людей, которые активно участвуют в политике и экономике. Скажем, сегодня в России едва ли не вся социальная материя сопротивляется переменам. Огромное, в высшей степени сложное дело, каковым является происходящая глобальная перемена, пытается осуществить небольшая группа технократически ограниченных, идеологически запоренных, нетерпимых к иному взгляду и иной мысли, порой просто невежественных людей.

Человеческое измерение истории означает, во-первых, что главным действующим лицом оздоровления и развития общества должен стать народ; во-вторых, исходным пунктом и основным критерием успеха перемен должны стать интересы основной массы людей, их социальное самочувствие. Должен происходить хотя бы небольшой, но ощутимый и постоянный рост уровня жизни, особенно обнищавшей и бедной части населения.

Динамичные общества вынуждены обращаться к молодежи. Если они не делают этого, то революции и реформы вскоре захлебываются. Старшие поколения могут лишь составить проект будущего, замыслить социальную перемену, дать ей толчок. Времени их человеческой жизни, жизненного потенциала на большее не хватает. Молодежь лишь частично включена в существующие общественные отношения и структуры, у нее практически нет собственного прошлого, ее сознание более открыто переменам. Умные, дальновидные реформаторы не могут не видеть в молодежи обновляющую силу, оживляющий инновационный элемент, интеллектуальный, духовный и энергетический резерв, который выступает на передний план и вводится в действие, когда обществу надо произвести глубокую и быструю перемену и в то же время хорошо приспособиться к быстро меняющимся и качественно новым обстоятельствам.

В этом и состоит основная социальная функция молодежи в обществе. Это требует огромной просветительской и образовательно-воспитательной работы, *опережающего перспективного развития новых поколений*, ибо только авантюристы могут обещать, что выведут страну из кризиса за несколько лет. На это,

увы, уйдет жизнь поколений. И потому основной объект в реализации идеи опережающего перспективного развития — дети и молодежь.

Я не желаю своим внукам того будущего, которое грезится фанатам технотронной и информационной эры. Я хотел бы для них чего-то более человеческого. При всей громадной важности такой стороны нашего бытия, как материальное благополучие, есть вопросы не менее, а может, более важные. Скажем, вопрос о том, будет человек развиваться или будет деградировать? Сохранится он в природе как вид или исчезнет вообще? Вопрос сегодня стоит именно так. И даже если исключить из рассмотрения этот возможный трагический финал, если мыслить будущее в категориях «развитие» и «прогресс», то остаются вопросы о том, *как* будет проходить развитие человека, *какие* собственно человеческие качества будут совершенствоваться в результате следования человечества по тому или иному пути. Ведь набор свойств человека, отличающих его от других представителей животного мира, к которым он принадлежит, хоть и значителен, но не столь уж велик. И каждое качество имеет уникальное значение. При всей многозначности самого понятия «человек» («человек разумный» — *Homo sapiens*, «человек производящий» — *Homo faber*, «человек символический» — *Homo symbolicum*, «человек экономический», «человек политический» и — наконец! — «человек чувствующий», «человек духовный», «человек нравственный») — самое главное, в конце концов, чтобы (для начала) он продолжил свое физическое существование.

Один из видных отечественных специалистов по философской антропологии Б. Т. Григорьян перечисляет такие признаки: биологическая неприспособленность человека при рождении к кому-то чисто животному существованию; особое анатомическое строение человека, необычная пластичность его поведения; способность человека производить орудия труда, добывать огонь, пользоваться языком. Лишь *человек обладает традицией*, памятью, *высшими эмоциями*, способностью *думать*, утверждать, отрицать, считать, планировать, рисовать, фантазировать. Только он может знать о своей смертности, *любить в подлинном смысле этого слова*, лгать, обещать, удивляться, молиться, грустить, презирать,

быть надменным, зазнаваться, плакать и смеяться, обладать юмором, быть ироничным, играть роль, *познавать*, опредечивать свои замыслы и идеи, воспроизводить существующее, известное ему, и создавать нечто новое, не существовавшее ранее в условиях данной ему действительности¹.

В тексте мною не случайно выделены несколько исключительно человеческих качеств: «обладание традицией», «высшие эмоции» (совесть, честь, долг, обязанности и т. д. — *И. И.*), «способность думать», «любить в подлинном смысле этого слова», «познавать». Среди педагогов, психологов и социологов доминирует взгляд, что «современный» человек все более утрачивает их, не успев развить. Можно ли поверить в это? Ведь слов по этому поводу произносится немало. Но и не много. Гораздо меньше, чем следовало бы. В «массовой» литературе, «массовых» песнях, «массовом» кино проповедуются совсем иные ценности, и хотя звучат слова «любовь», «долг», «честь», но с искаженным и перевернутым смыслом. Все менее человеческого и в образовании. Но даже то, что культура и образование пытаются сохранить и развить в человеке, во многомнейтраллизуется и уничтожается тяжелым прессом абсурдной действительности, в понятие которой я включаю не только быт и среду обитания человека, но также виртуальную реальность, созданную значительной частью деятельности почти всех средств массовой информации. Они же, реальная действительность и виртуальная реальность, в конечном счете создаются вовсе не самопроизвольно, а в результате познавательной, образовательной и практической деятельности множества отдельных личностей, государственных, общественных, частных и других организаций в рамках той философии (концепции) развития, которую они исповедуют.

Экономическая, финансовая, информационная, технологическая глобализации, сделав бешеный рывок в конце XX века, ныне уперлись в *Человека*. Уже в самом начале *ускоренная* глобализация на наших глазах начинает пробуждаться: и как доктрина, и как реальный процесс она уже встретилась с сопротивлением правительств некоторых стран и народов, имеющих свои

¹ См.: Григорьян Б. Т. Понятие о человеке в современной философии// О человеческом в человеке. М., 1999.

представления об идеалах и ценностях жизни, настоящем и будущем человечества. Проект насильтственного внедрения *универсальных* неолиберальных ценностей столкнулся с *многообразием* национальных культур, которые не намерены сдаваться и умирать. Тем более, как стало понятно в конце XX века, эти самые *западные ценности*, властвовавшие над почти половиной человечества и позволившие сделать огромный рывок в научно-техническом и экономическом развитии, показали свою *стратегическую уязвимость и порочность*. *Человеческий материал* сопротивляется, не поддается насилию. Более того, отвечает насилием на насилие.

Начало XXI века ознаменовалось окончательным оформлением и проявлением 11 сентября 2001 года такого страшного социального феномена, как международный терроризм. По сути дела, это силовой ответ на силовую глобализацию. На мой взгляд, сущность международного терроризма может быть понята только в таком широком, социально-политическом контексте. Все иные аспекты — этнический, религиозный, психологический — представляют лишь обрамление этой сущности, но не ее ядро.

В журнале «Хроника ООН» (2002. № 1. С. 7–17) под рубрикой «Всего одна мысль» приводятся любопытнейшие высказывания 188 ораторов, выступавших в ноябре 2001 года с трибуны 56-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН, обсуждавшей вопросы международного терроризма (в том числе 42 глав государств и правительства, 9 заместителей премьер-министров и 96 министров иностранных дел). Из каждого выступления представлено буквально три-пять строк, в которых выражено понимание тем или иным выступавшим причин и сущности терроризма. Подавляющее большинство, несмотря на весь дипломатический протокол, который принято соблюдать в таких случаях, в качестве причин терроризма назвали бедность, нищету, неравенство и социальную несправедливость. «Народ Конго просит только о справедливости, как для слабых, так и для сильных, как для богатых, так и для бедных», — заявил Д. Кабила, президент этой республики.

Совсем иная тональность прослеживается в речах представителей развитых стран. «Тerror силен тогда, когда слаб антитеррор, — заявил Ш. Перес, заместитель премьер-министра Израи-

ля. — Террор не служит ни справедливости, ни достижению каких-либо целей. Это не лекарство — это болезнь». И только Йошка Фишер, заместитель канцлера Германии, набрался смелости сказать, что «борьба... против терроризма должна основываться на сознании того, что Первый мир не может сколь-либо долго оставаться в безопасности и изоляции от тенденций и конфликтов Третьего мира». В этих словах есть явный намек на то, что «Первый мир» в 1992 году подписался под «Повесткой дня на XXI век», вполне отдавая себе отчет в том, что Великий Отказ от нынешнего пути развития неизбежен, что рано или поздно придется пойти другой дорогой. Но одно дело — признать это на словах, на бумаге, другое — добровольно и сознательно решиться на практические шаги.

Становится все более понятным, что никакая сила — ни деньги, ни армия, обладающая сверхсовременным оружием, не в состоянии перебороть такую духовную субстанцию, которой обладает каждый народ, как образ и *тип мышления*, или, как модно сейчас говорить, *национальный менталитет*. Складываясь исторически, в течение столетий, этот менталитет является продуктом всего традиционного образа жизни, религии и системы образования данного общества. Именно менталитет определяет глубинные основы индивидуального и колективного поведения представителей той или иной нации. В данном случае именно национальный менталитет определяет отношение народов, стран и отдельно взятых людей к глобализации.

Десятилетие «реформ» в России показало, например, что невозможно эффективно управлять обществом и добиться положительных результатов, не считаясь с менталитетом российского народа. Несложно понять и то, что невозможно достичь какой-то даже самой светлой цели на международной арене, не считаясь с многообразием национальных менталитетов. Или — не изменив образ мышления этих народов.

Надо признать, что ментальная несовместимость людей и народов является поистине *трагедией и бичом* современного мира. Она еще надолго останется таковой. На протяжении всей истории человечества разъединяющие, центробежные силы явно преобладали над силами объединяющими, интегрирующими, центростре-

мительными. В XX веке итогом такого противоречия стали две мировые войны, холодная война и нынешняя мировая война нового типа. Разнонаправленные ценности, интересы и потребности стран и народов означают, что у каждого из них — своя правда, свои представления о том, что такое добро и зло, истина и ложь, справедливость и несправедливость, свои взгляды на цели, средства и способы разрешения сложившихся противоречий. Дезинтеграция, противостояние, вражда и ненависть, агрессивность и насилие породили международный терроризм, ставший одним из основных средств разрешения межгосударственных, межрелигиозных и межнациональных споров цивилизационного масштаба. И европейская научная мысль подбрасывает в этот костер все новые, совершенно безумные идеи.

В 1975 году в Германии вышла книга Е. Браунмюля «Антипедагогика. Очерки к упразднению образования»¹, хотя близкие идеи развивались и ранее². Представители антипедагогики радикально отвергают необходимость воспитания и образования, которые якобы тоталитарны и нацелены на деперсонализацию, враждебны детям, людям и всей жизни. Они характеризуют воспитательный акт как смерть, как промывку мозгов и души человека: «Нет педагогики, которая не была бы более или менее явным террором». Воспитание в интерпретации Браунмюля означает подавление ребенка взрослым, которое основано на страхе и на подчинении его чуждым нормативным представлениям. Воспитание и образование — это-де способы манипуляции, которые предполагают, что взрослый лучше знает, что нужно ребенку, что ему полезно, а что нет.

Антипедагогика исходит из определенного образа ребенка: ребенок со своего рождения сам знает, что для него является благом, и знает лучше, чем взрослый. Молодой человек не является воспитуемым существом (*homo educandus*). Эта мысль выражена в одном из основных принципов антипедагогики — принципе спонтанной автономии ребенка.

¹ Braunmühl E. Antipädagogik. Studien zur Abschaffung der Erziehung. Weinheim—Basel, 1975.

² Излагается по статье А. П. Огурцова «Постмодернистский образ человека и педагогика» (Человек. 2001. № 3. С. 5–17).

Свою концепцию представители антипедагогики называют концепцией «открытого образования» и «самоопределяемого обучения». Из нее вытекают соответствующие следствия — прежде всего представления об основной цели антипедагогики: «поддерживать, а не воспитывать»... Поддержка как форма отношения между учителем и учеником основывается на понимании того, что ребенок лучше, чем его родители и тем более учитель, знает, что ему нужно на любой стадии его жизни. Швейцарский педагог Ю. Райхен проводит различие между образовательным цехом и «свободным преподаванием», в котором школьник сам принимает решения о содержании образования, его целях, методах и формах. Антипедагогика полностью порывает не только с традициями образования и воспитания, но и со всей культурой: «Антипедагогика осуществляет *слом существующей культуры*», — писал Шенебек. М. Винклер в своей книге «Лозунги антипедагогики»¹ заметил, что антипедагогика *отрекается от историчности и преемственности поколений*, благодаря которым молодое поколение может стать взрослым, лишь включаясь в связь традиций, используя опыт и знания более старого поколения в воспроизведстве и производстве общественного наследия и человеческого рода.

Согласно представителям антипедагогики современная социальная ситуация выражена в плюрализме ценностей и интересов, в их конкуренции и в *отсутствии какого-либо консенсуса*. Современное общество — это общество *без фундаментальных ценностей*, поэтому преподаватель не имеет права признавать какие-то общезначимые цели воспитания и образования, которые, в свою очередь, основываются на общезначимых ценностях и нормах. Это означает, что в условиях современного общества воспитание и образование потеряли свой смысл.

Антипедагоги считают, что необходимо *отказаться от поиска какой бы то ни было устойчивости в бытии человека*. Вместо усилий мысли — спонтанность, вместо ответственности — произвол, вместо регулятивных норм — консенсус, вместо ценностей — договоренности, не имеющие обязательного характера и не предполагающие доверия и ответственности, вместо реальности — симу-

¹ Winkler M. Stichworte zur Antipädagogik. Stuttgart, 1982.

лякры, вместо интенциональности — коммуникативность, вместо истины — убеждение. Таково кредо постмодернистской философии вообще и постмодернистской философии образования в частности.

Размышляя на подобные темы, организатор и первый президент Римского клуба Аурелио Печчеи пришел к выводу о том, что необходима «человеческая революция», сущность которой состоит в осознании человечеством надвигающейся угрозы его физической гибели путем смены ценностных ориентиров развития¹. Человеческая революция — это «трансформация человека», «глубокая культурная эволюция», способная «поднять его качества до уровня, соответствующего новой возросшей ответственности человека в этом мире», «это возрождение человеческого морального начала в момент великого бедствия»².

По своей сути «человеческая революция» является своего рода апофеозом всех предшествующих революций: промышленной, научной и технической, она предполагает «этическое, философское и гуманистическое обновление человеческой мысли и культуры в целом», что означает необходимость переоценки ценностей, господствующих в современном индустриальном обществе, т. е. необходимость отказа от ориентации на «обладание» и первоочередное удовлетворение материальных потребностей. Взамен предлагаются ценности духовного плана: стремление человека быть хозяином своей судьбы, участвовать в жизни общества, свобода развивать свои таланты и способности, жить в гармонии с окружающими людьми и природной средой. «Мы должны сосредоточить усилия на том, чтобы сделаться лучше как этически, так и в природном существовании, если мы готовимся жить в новом мире, который мы создаем».

УСТОЙЧИВОЕ РАЗВИТИЕ: УТОПИЯ И КАТЕГОРИЧЕСКИЙ ИМПЕРАТИВ

На фоне всего, что я уже сказал, рассуждения об «устойчивом развитии» выглядят утопией. Допустим.

¹ Печчеи А. Человеческие качества. М., 1985. С. 311.

² Peccei A., Ikeda D. Before it is Too Late. Tokio etc., 1984.

Но почему и когда возникают социальные утопии? Потому и тогда, когда особенно непереносимо начинает ощущаться непримлемость существующего мира, необыкновенно остро встает вопрос о социальной гармонии и социальной справедливости. И что же тут плохого, что люди (как правило, выдающиеся) начинают размышлять по поводу альтернатив настоящему? Утопия и ныне имеет огромное познавательное значение даже на фоне тех возможностей, которые открылись в век НТР в вариативном прогнозировании будущего. Это несомненно, несмотря на то что в годы идеологической борьбы с коммунизмом на Западе велась огромная работа по дискредитации утопий и созданию антиутопий как способа борьбы с ним. Идея социализма нанесен нокаутирующий удар, социализм как реальность резко сократился в масштабах. Однако еще существуют Китай, Куба, КНДР и немало социалистических партий: только в России их три. Не случайно.

Нельзя не признать, что самим фактом своего существования социализм во многом изменил облик своего «оппонента» — капитализма, сделал его более человечным и эффективным. Не говоря уж о том, что блестяще продемонстрировал миру возможности решения некоторых социальных проблем, в частности развития образования. Одним словом, невозможно отрицать и позитивное влияние социализма на историю. Другое дело, что социальный утопизм несет в себе опасность того, что по мере движения к идеалу все действительное и реальное, включая и самого человека, ради которого они отвергаются как несовершенные, превращаются в средство достижения цели. Что из этого выходит, когда движение к ней осуществляется логично и последовательно, хорошо известно, в том числе из истории нашей страны.

Да, идея социализма крепко скомпрометирована. Но потребность в социальной справедливости и солидарности, возможности видеть в «другом» не волка, а человека и друга, надеяться на помошь и поддержку «всех», когда трудно «одному», такая потребность не испарилась. Не имея общего выражения ни в идее, ни в реальности, она гнетет ум и душу. Глубокое (явное или скрытое) разочарование владеет сейчас множеством людей в мире.

И не бытовое, ситуационное, а мировоззренческое, экзистенциальное. Обнаружились неустранимость противоречия между равенством и свободой, «неконкурентоспособность» добра в сравнении со злом как источником активности. Миллионы людей чувствуют это невероятно остро, лелеют надежды на возможность жизни в обществе, где нет разительной поляризации бедных и богатых, где отношения между его членами определяются не частными, а общими интересами, когда альтруизм превалирует над эгоизмом. Почему же? Ведь, скажем, российские граждане живут в другом, теперь уже капиталистическом, «естественном», «открытом» обществе?¹ Да потому, что и капитализм в его либерально-демократическом исполнении, дав человечеству очень много положительного, прогрессивного, вовсе не является совершенным обществом, последним словом истории. Он не что иное, как обыкновенная утопия, которая пока все еще жива, но уже исчерпала себя и выродилась в нечто такое, что Дж. Сорос называет «рыночным фундаментализмом». Сорос выдвигает и обосновывает свою утопию — концепцию «открытого общества»², отвергающую нынешний тип социального устройства.

Спросите себя, уважаемый читатель: с чего бы это Джордж Сорос — один из богатейших в мире людей, состояние которого оценивается почти в 20 млрд долл.; человек, за которым закрепилось звание «финансового гения», «мага и волшебника», способного в одно мгновение выигрывать миллиарды, обрушивать финансовые системы стран и целых континентов; с чего бы эта «акула капитализма», у которой вовсе нет никакой нужды без оснований критиковать и порочить вскормившее его общество, этот чрезвычайно умный, pragmatically и реалистически мыслящий человек, *не утративший чувства чести и порядочности*, — вдруг стал заниматься утопиями? Просто, думаю, этот человек увидел и понял то, чего не могут сознавать его «коллеги»: корабль капи-

¹ Ф. Хайек замечает, что слово «капитализм» не было известно К. Марксу и никогда им не употреблялось. Оно зазвучало как антоним термину «социализм» только после выхода в 1902 г. книги В. Зомбарты «Современный капитализм». Он подразумевает систему, удобную для владельцев капитала с их частными интересами (см.: Хайек Ф. Пагубная самонадеянность. М., 1992. С. 192).

² См.: Сорос Дж. Открытое общество. Реформируя глобальный капитализм: пер. с англ. М., 2001. С. 458.

тализма идет ко дну, а все так весело поют и пляшут, что не хотят даже слышать о грозящей опасности. Воистину «пагубная самонадеянность»! Идеи и мысли этого человека по поводу капитализма вообще и особенно его будущего в высшей степени интересны и показательны. Я специально написал небольшую главу «Сорос против Хайека»¹, в которой путем простого сопоставления цитат главного «рыночного фундаменталиста» Хайека и Сороса показываю, как далеко зашли в своих утопических фантазиях ярые сторонники «свободного рынка» и «свободной конкуренции». Здесь же я приведу три характерные высказывания Сороса.

В книге «Открытое общество» Сорос пишет: «Я считаю, что пропаганда рыночных принципов зашла слишком далеко и стала слишком односторонней. Рыночные фундаменталисты верят в то, что лучшим средством достижения общего блага является ничем не ограниченное стремление к благу личному. Это *ложная вера*, и тем не менее она приобрела очень много последователей. Именно она является помехой на пути к нашей цели — глобальному открытому обществу. Мы очень близки к этой цели, однако не сможем достичь ее, если не осознаем ошибочности рыночного фундаментализма и не устраним несоответствия между экономической организацией мира и его политической организацией... считаю, что *сегодня рыночный фундаментализм представляет большую угрозу открытому обществу, чем коммунизм*. Коммунизм и даже социализм дискредитированы, а рыночный фундаментализм находится на подъеме»². В книге «Кризис мирового капитализма» Сорос говорит: «Я прихожу к гораздо более определенному заключению о будущем. Я *предсказываю неминуемый распад системы мирового капитализма*»³.

Продолжая разговор о том, утопична ли идея «устойчивого развития», стоит заметить, что утопия является выражением интересов определенных классов и социальных слоев, как правило, не находящихся у власти. Обычно она отражает чаяния низов, их протестные настроения.

¹ См.: Ильинский И. М. Образовательная революция. М., 2002. С. 474–490.

² Сорос Дж. Открытое общество. С. 171–172.

³ Сорос Дж. Кризис мирового капитализма: пер. с англ. М., 1999. С. 113.

Но станет ли сочинять утопию Организация Объединенных Наций, зачем ее подписывать руководителям 179 государств и правительств, т. е. высшим властителям мира? Декларацию Рио и «Повестку дня на XXI век», новую парадигму развития человечества следует назвать скорее *антиутопией*. Или — императивом, повелевающим действовать только так, а не иначе. Безальтернативно.

Устойчивое развитие, как я его понимаю, — это социальная идея и программа воплощения в жизнь не некоего заданного образца, а *предпочитаемого будущего*, движение в это будущее по новой шкале ценностей. В сути своей это не политический, а социальный проект. Другое дело, что для его реализации необходимы политическая воля и политические механизмы. В итоге — это социально ориентированное постиндустриальное будущее.

Устойчивое развитие может стать утопией, если ему будет противостоять «глобализация по-американски», о которой я писал. Она — главный фактор неустойчивости в мире. Источником неустойчивости является также и желание ряда стран, в том числе России, построить многополярный мир в противовес существующей однополярности.

На мой взгляд, обе эти тенденции в долгосрочном плане бесперспективны. Однополярность — это борьба «одного против всех» с меняющимися в зависимости от ситуации союзниками. Многополярность — это борьба «всех против всех». Это мир хаоса.

История международных отношений свидетельствует о том, что многополярность является самой неустойчивой системой, в рамках которой происходит больше всего войн и конфликтов. Этот тезис можно подтвердить историей Европы на протяжении десятка веков. На него работает и история середины XIX века. В этот период, пока центры силы (Англия, Франция, Германия и Россия) бились за колонии, они находили точки соприкосновения для сотрудничества в самой Европе (с Россией до Крымской войны). Но как только периферия была поделена на сферы влияния, все внимание наиболее могущественных стран сконцентрировалось на Европе, в которой сохранились не до конца разделенные зоны влияния (проливы, Балканы, Саарская область, части Польши и Украины). Вся система многополярности начала ру-

шиться в пользу блоковой bipolarности в преддверии грандиозной схватки.

Теоретически многополярная система может быть устойчивой при равных силовых возможностях центров. Но такое идеальное состояние невозможно на практике. Как показывает история, кто-то обязательно вырывается вперед. И тут начинает работать закон силы, который гласит: как только государство достигает уровня экономической мощи и военного потенциала, адекватного мощи и потенциалу ведущих государств мира, оно требует для себя нового геополитического статуса, означающего передел сфер мирового влияния.

На эту тему можно рассуждать бесконечно, что и делают геополитики и политологи, разворачивая все новые возможные варианты будущего, в частности построения нового bipolarного мира (США — Китай со своими союзниками). Не принимается во внимание, как я уже говорил, одно ключевое обстоятельство: *будущего может не быть. Вообще. Никакого. Ни многополярного, ни bipolarного, ни однополярного.*

Как же разрешить данное противоречие? Только не через силу. Через диалог, компромиссы и договор. Через мир. Через отказ от традиционных представлений об однополярности и насыщение этого понятия новым содержанием, хотя и не таким уж новым в теоретическом смысле. Я думаю, что структура международных отношений будет развиваться по схеме: от однополярности — к bipolarности с переходом через стадию многополярности; от одного центра силы к двум центрам через этап множества центров силы. И снова — к однополярности, но уже на новом витке движения по спирали вверх, с развитием на основе новых противоречий. Одним словом, на новом историческом витке должна возникнуть *однополярность*, которая *покроет весь мир*. На основе подлинной глобальной интеграции, единого всемирного хозяйства с *единой политической системой*, которой пока нет и из-за отсутствия которой трясет весь мир.

Но это — дело будущих и многих поколений. Когда-то понятие «мировое сообщество» должно обрести реальное содержание. На роль управления им может претендовать Организация Объединенных Наций, но никак не одна страна, какой бы богатой и силь-

ной она ни была. Если США продолжат нынешнюю политику, они обречены на самоизоляцию и вечную борьбу с международным терроризмом. Мне кажется, что американцам все же надоест жить на войне. И тогда глобализация начнет обретать свой истинный смысл.

В этом случае роль национальных государств постепенно будет уменьшаться, но это вовсе не значит, что они сойдут со сцены. Искусственно ускорять этот процесс, как это делают сейчас транснациональные корпорации при содействии «клуба» развитых стран, чрезвычайно опасно. Характер глобализации зависит от осознания катастрофичности общемировой ситуации и доброй воли именно «сильных» стран. Мучительный путь и боль осознания еще впереди. Ясно одно: без разрешения проблемы социальной справедливости, будь то отдельная страна или мир в целом, человечеству не выжить. Чтобы понять эту истину, как и всякую иную, ее надо пережить. Времени на это совсем мало. Как быть?

Будущее надо искать не на острие прогресса, а в борьбе за сохранение человечества, в соучастии и сплочении всех, кто противостоит беспределу все пожирающего молоха экономизма и техно- utilитаризма, кто несет контросистемный заряд. Кто думает не только об удовлетворении личных потребностей и комфорте, а еще и о будущих поколениях, о перспективах жизни на нашей Земле. Кто не может существовать и действовать без ответа на вопросы: «зачем?», «куда?» Это прежде всего экологические движения, включающие в себя как борьбу за сохранение природы, так и экологию культуры, патриотические, национальные, религиозные течения. Все, кто противостоит агрессии искусственного, выхолощиванию души и тела человека, его превращению в робото-компьютерное устройство нулевого поколения.

Как показывает опыт всех революций Нового и Новейшего времени, закономерностью для любой из них была повышенная мифологизация общественного сознания. Любая революция континентального или мирового масштаба отмечена выдвижением «великой идеи» относительно продуктивной утопии. Надо формировать, программировать будущее, сознательно и ускоренно изменяя картину мира и миропонимание вступающих в жизнь поколений, из которых формируется не только класс работников, но

также духовная, политическая и деловая элита каждой страны и мирового сообщества в целом.

Новый доклад Генерального секретаря ООН Кофи Аннана на саммите в Йоханнесбурге подтверждает, что «Повестка дня на XXI век» остается широким и долгосрочным образом будущего. ООН вновь вполне определенно высказалась в пользу концепции «устойчивого развития». И мир должен принять эту парадигму с большим доверием и энтузиазмом, нежели многие иные концепции типа «постиндустриализма», «информационного общества», «техногенного общества», «общества знаний». В конце концов они представляют собой такие же «концептуальные схемы», т. е. парадигмы, которые лучше воспринимаются политиками, бизнесменами и финансистами только потому, что оправдывают существующие взгляды на общественное устройство, оставляя за экономикой ведущую роль, перепевают старые песни на новый лад, ничего не меняя в них по существу. Именно потому концепция «устойчивого развития», словно икона нового бога, поставлена в главном углу дома, но все по-прежнему поклоняются старым идолам и божкам, а кто-то служит дьяволу. Именно потому везде и повсюду развитие идет по принципу «как было», о чем я уже говорил.

Односторонние концепции удобны для восприятия и просты для понимания именно потому, что они односторонни. Творцы этих концепций выделяют один фрагмент действительности и предлагают нам, словно дикарям, через осколок бутылочного стеклышка взирать на огромный и неохватный мир и считать, будто видимое есть весь мир. При этом они все время забывают о существе по имени «человек», которое держит это стеклышко в своих руках, и почему-то никак не хотят вписать это «существо» в понятие «мир». Поэтому всегда и все в их концепциях по своему значению оказывается выше человека: над ним властствуют то экономика, то техника, то информация, то знание.

В итоге на основе этой однобокости, схватывающей некоторую часть истины уже происходящего, создается образ неотвратимого и единственно возможного будущего, к которому изо всех сил (согласно банальным принципам типа «первый куш — самый большой», «кто не успел, тот опоздал») устремляются те «новаторы»,

для которых смысл жизни — делать деньги, а следом за ними кидаются и все остальные. Гонка длится два-три десятилетия, потом оказывается, что она была очередным заблуждением. Немногие подсчитывают полученные прибыль и выгоды, а «масса» — си-няки и потери и переживает синдром похмелья.

Вот, например, чрезвычайно популярный сегодня термин «информационное общество», которым каждый распоряжается в зависимости от того, как понимает его смысл. Одни полагают, что уже живут в «информационном обществе», другие только собираются в него переходить и пугают ничего не понимающих в этом вопросе людей тем, что «Россия не успеет вписаться»...

Но что такое «информационное общество» в своей сущности? Откуда оно берется? Его спустило к нам на землю некое первоустройство? Да нет же, это плод человеческого разума и деятельности людей, следующих за ним.

Множество ученых размышляют о кончине мира после капитализма, иначе говоря, после эпохи индустриализма. Иногда эту картину укладывают в термин «посткапитализм», который, по существу, является бессмысленным. Ибо «что-то» после капитализма все же будет. Обычно говорят о «постиндустриальном обществе», что означает смещение центра хозяйственной активности от производства материальных благ к созданию услуг и информации, повышению роли теоретического знания. На этой методологической основе родились различные концепции, в частности концепция «информационного общества». Термин был предложен японским теоретиком К. Коямой, а затем обоснован другим японским исследователем И. Масудой в труде «Информационное общество как постиндустриальное общество».

Новое в сравнении с классической концепцией постиндустриализма (Д. Белл) здесь состоит в том, что к традиционному делению экономики на первичный (сельское хозяйство), вторичный (промышленность) и третичный (услуги) секторы добавляется еще один сектор — информационный, который объявляется ведущим, системообразующим. Информация провозглашается ключевым фактором производства.

Не стану анализировать эту концепцию, выделять то, в чем авторы, по мнению множества исследователей, правы, и то, в чем за-

блуждаются. Все это уже известно. Более того, в промышленно развитых, т. е. «постиндустриальных» («информационных»), обществах во многом стали действительностью, например, демассификация, индивидуализация товаров и услуг; новая культура потребления — установка на приобретение вещей одноразового пользования, ускоренное обновление товаров, традиционно считавшихся «товарами длительного пользования». То есть информационное общество нацелено на расширение и ускорение, а значит, и увеличение объемов потребления, что, в свою очередь, ведет к интенсификации роста объемов производства и в конце концов к расходованию сырья, разных видов энергии, увеличению объемов отходов, вредных выбросов в атмосферу. По этой позиции (природопользование) концепция «информационного общества» противостоит концепции «устойчивого развития». Между тем она уже стала образцом жизни, привычкой и традицией, от которой надо отказываться. Но для того чтобы совершить этот акт, сначала придется осознать, понять — почему и ради чего это нужно сделать. Ведь о глобальных проблемах, об «устойчивом развитии» никто не говорит ни в школе, ни в вузе, наоборот, детей и молодых людей приглашают в «информационное общество», рассказывают о том, как это замечательно — жить в такое время.

То же самое происходит и со взрослыми, в том числе с теми, кто учит и воспитывает, кто пишет учебники, повести и романы, снимает кинофильмы, вещает на радио и делает телепрограммы. Понять самостоятельно суть происходящего молодой человек просто не в состоянии. На это способен не всякий взрослый. Но даже если он имеет необходимый интеллект и знания, познание требует от него огромного труда. Ибо, даже постигнув смысл происходящего и будущего, он не может не сознавать, что изменить ситуацию в одиночку он не в состоянии, что ему противостоит фантастическая сила инерции и динамики океана жизни.

Необходимо либо всем меняться, либо всем погибать. «Но если не изменяется никто, то почему это должен делать я?» — думает этот «некто». Так думают все. И я в том числе. И потому все идет «как было».

Но это лишь один аспект логики социального развития, согласно установкам «информационного общества» (человек — при-

рода). Между тем есть еще сам человек. Не забудем о нем. Он — главный.

Отличительной чертой «информационного общества» является характер межличностных отношений, которые становятся *все менее устойчивыми*. Из трех типов связей — длительные (родственные, семейные), среднесрочные (дружеские, соседские, профессиональные), кратковременные контакты — доминирующее значение приобретают последние — «контакты». Осмотритесь вокруг — и вы увидите, что с каждым годом в нашей жизни все меньше «отношений», дружбы, коллективизма и все больше именно «контактов» и «связей», носящих холодный функциональный характер, похожих на те, которые описал Е. Замятин в знаменитом романе-антиутопии «Мы», хотя это была пародия на коммунизм. Теперь впору сочинять новое антиутопичное произведение под названием «Я», раскрывающее парадоксы и абсурд крайнего индивидуализма. Впрочем, кое-что на эту тему уже создано: «Эгоист», «Одинокая толпа».

С точки зрения развития человека и межличностных отношений «информационное общество» — это духотрясение, это моральный пожар, уничтожающий остатки человечности. Чем больше общество атомизируется, тем труднее в нем прийти к какому-либо согласию, к единым стандартам поведения, общим правилам, общим ценностям, без которых нет ни общества, ни государства. Нет порядка. Наоборот, все больше субкультур, национальных амбиций, а значит, все выше потенциал конфликтности. Зато невероятный простор для манипуляции сознанием и его программирования. Осмысленная демократия все более вытесняется «теледемократией». И так далее. О позднем капитализме говорят «дезорганизованный». В этом определении многое правды.

В глубинной сути своей «информационное общество» противостоит и человеку.

В сегодняшнем воплощении его нельзя признать ни моральным, ни нравственным, ибо «товаром» в нем является любое знание (и истинное, и ложное), любая информация (и полезная, и вредная). Для тех, кто производит этот «товар», это и не суть важно, главное — чтобы его покупали. А технология продаж на се-

годня хорошо отработана: воздействие на индивидуальное сознание (чем оно незрелей, тем лучше), формирование в нем потребности в том или ином товаре и, соответственно, его потребительской стоимости.

Отдавая дань огромным технологическим возможностям современного «информационного общества» (скорость производства и распространения информации, охват ею огромного числа людей), нельзя не понимать, что большинство не приучено задаваться простыми вопросами: в чьих интересах это все происходит, кому выгодно, к каким последствиям может привести? Для того чтобы использовать достижения современных информационных технологий во благо, а не во вред Человеку, необходимо наличие «человеческого измерения» (индивидуального, коллективного, общественного) как регулятора, как критерия оценки полезности. Однако надо признать, что это измерение крайне слабо формируется и в процессе обучения, и в процессе воспитания.

Удивительное явление — человек! Объявив себя царем природы, центром вселенной и, стало быть, наделив самого себя высшим правом властвовать и повелевать, он все время озабочен вопросом, чему поклоняться и кому повиноваться. И находит объекты поклонения в им самим созданных идолах — в виде то вождя, то государства, то демократии, то рынка, то информации, то знания. И служит им до самоуничтожения, оставляя в стороне понимание простых вещей: есть природа и человек, которого она неведомо зачем создала, а между ними — общество, сотворенное человеком для того, чтобы разговаривать с природой в движении. Движение во времени этого триумвирата и есть жизнь, которая возможна лишь до той поры, пока не нарушены пределы их взаимоотношений.

И вот человек и общество, вступив в конфликт между собой, перешагнули допустимые границы в отношениях с природой. Теперь их надо строить заново, на основе нового понимания того, что такое мир и Мир, как должны они строиться, чтобы жизнь продолжалась. Концепция «устойчивого развития» претендует именно на это — на роль универсального миропонимания и устройства. Она отличается от всех предыдущих идеологий, претендовавших на универсализм и глобализм, тем, что в главном и

основном носит социальный, а не политический характер, как это было с ее предшественницами — идеологиями коммунизма и либерализма.

Во-первых, идея «устойчивого развития», на мой взгляд, обладает достоинством *подлинной универсальности*. Она предельно широка и всеохватна для того, чтобы на основе общих принципов каждое конкретное общество могло выработать ее собственное понимание и определение. На это стоит обратить особое внимание: общие принципы каждая страна трансформирует в национальную концепцию «устойчивого развития» с учетом своих традиций и своей культуры. Такой подход предложен в «Повестке дня на XXI век».

Второй момент, на котором следует акцентировать внимание: новая парадигма развития (*sustainable development*) — *плод ума не одинокого гения, а международного научного сообщества*, действовавшего под руководством Организации Объединенных Наций — самой крупной авторитетной международной организации, объединяющей около 200 стран мира. Выработка этой концепции продолжалась более 20 лет на основе анализа громадного объема информации, которой, кроме ООН, не располагает ни одна организация в мире¹. Аргументы и выводы нарабатывались и выверялись в дискуссиях на многих сотнях конференций и встреч, которые проходили в этот период. В работе самой Конференции в Рио (как и в ее подготовке) участвовали тысячи лучших мыслителей и ученых всех стран мира.

Третий момент: под этой Декларацией и «Повесткой дня на XXI век» поставили свои подписи руководители государств и правительств 179 стран мира, в том числе всех промышленно развитых — США, Японии, Европы, в частности России. Политики — люди как минимум pragmatичные, реалистичные. Прежде чем они подписались под названным документом, он прошел всестороннюю научную экспертизу в их странах. Иными словами, Декларация Рио и «Повестка дня на XXI век» — это *первые в истории че-*

¹ О возможностях ООН в этом плане я знаю не понаслышке: будучи экспертом ООН по вопросам молодежной политики в 1989–1991 гг., я руководил подготовкой доклада Генерального секретаря ООН «The situation of youth: trends and prospects towards to 2000».

ловечества международные договоры, принятые на основе консенсуса. Можно сказать, что это плод разума всего человечества, документ не только научный, но и политический. Для тех, кто согласен с содержащимися в нем идеями и принципами, — *это основа современного миропонимания, если хотите, общепланетарная идеология.* Ибо они содержат не только объективно-научное знание, но и могучий эмоциональный, нравственно-духовный заряд, способный воодушевить и объединить множество людей, вызвать поистине общепланетарное движение.

Идея «устойчивого развития» получила полную поддержку еще одной Всемирной конференции, проходившей под эгидой Организации Объединенных Наций, по вопросам образования, науки и культуры (ЮНЕСКО), которая в октябре 1998 года обсуждала в Париже вопросы высшего образования в XXI веке.

Парадокс и абсурдность ситуации заключается в том, что широкая публика, особенно в России, до сих пор почти ничего не знает о выводах этих мировых форумов. Российские СМИ о них практически не сообщали ни во время их проведения, ни позднее.

Материалы ООН по устойчивому развитию, в частности Конференции ООН по окружающей среде и развитию в Рио-де-Жанейро (1992 год), *в русском переводе не опубликованы.* «Повестка дня на XXI век» полностью *на русском языке напечатана лишь в 2001 году.* Когда СМИ все же вспоминают о Конференции в Рио, то акцент делается исключительно на проблемах окружающей среды, отчего в глазах обывателя это поворотное для истории человечества событие выглядит своего рода большой «тусовкой» движения «зеленых», к которым у многих почему-то сложилось весьма ироничное отношение: бузотеры, блаженные, мешающие серьезным людям заниматься серьезными делами, хотя на самом деле это совершенно не так.

Практически объяснения такого положения дел лежат в сфере идеологии и политики. Все это время начиная с 1992 года, когда состоялась Конференция в Рио, в России шла и продолжается борьба за власть, раздел и передел собственности без ясного понимания, куда идет страна и куда ей следовало бы двигаться.

Надо сказать, что не добавили особого оптимизма и итоги Всемирной встречи на высшем уровне по вопросам устойчивого раз-

вития, которая проходила в Йоханнесбурге (ЮАР) с 26 августа по 4 сентября 2002 года¹. Выступая 2 сентября, Генеральный секретарь ООН Кофи Аннан подчеркнул, что всему есть свой срок и что сегодня в мире наступил срок преобразований, срок рационального управления; что необходимо остановить процесс «девития» (de-development), т. е. обратного процесса развития, имеющего место сегодня. Президент Франции Жак Ширак сделал вывод о том, что «десять лет спустя после Рио нам нечего праздновать».

В Политической декларации Саммита есть строки, в которых дается оценка десяти годам после Рио, звучащие следующим образом: «Мы признаем, что цели, поставленные нами для самих себя на Саммите Земли в Рио, не были выполнены». Декларация прямо подтверждает приверженность принципам Рио и принципу общей, но дифференцированной ответственности, говорит об актуальности Хартии Земли, которую игнорировали на протяжении всего официального подготовительного процесса к этой Встрече. Между тем Хартия — это документ, содержащий фундаментальные принципы для создания справедливого, устойчивого и мирного глобального общества в XXI веке. Он является своеобразным аналогом Декларации прав человека в области окружающей среды. Уже первые строки Хартии гласят: «Мы находимся на критическом этапе истории Земли, когда человечество должно избрать свое будущее». В ней много положений и принципов, имеющих исключительное значение. В пункте 14 Хартии содержится требование «включить в формальное образование и непрерывное обучение знания, ценности и опыт, необходимые для устойчивого образа жизни».

Объективная и полновесная оценка итогов этой Встречи еще впереди.

Если судить по откликам СМИ, то представители большинства стран выразили удовлетворение результатами саммита, но некоторые, в частности представители Европейского союза и стран ЛА-

¹ В работе саммита приняли участие 21 тыс. человек, в том числе 9101 делегат, 8227 представителей неправительственных организаций и 4012 аккредитованных представителей СМИ, представители 189 стран мира, в том числе более 100 президентов и премьер-министров.

тинской Америки, а также ряд неправительственных организаций, высказали разочарование. В российских газетах не слишком обильные публикации вышли под заголовками «Мир брошен на произвол судьбы» («Коммерсант», 5 сентября), «Саммит Земли сел на мель» («Известия», 6 сентября). «Российская газета» цитирует авторитетный французский журнал «Монд дипломатик», который пишет, что причиной деградации природы является «ускоряющийся процесс либеральной глобализации производства и потребления». Глобализация в ее нынешнем виде, считает журнал, «привела к неравенству, которого человечество не знало со времен египетских фараонов» («Российская газета», 27 августа).

Многие экологические организации, принимавшие участие в работе саммита, характеризуют его как форум «упущенных возможностей». В совместном заявлении «Гринпис» и Всемирный фонд по защите живой природы констатировали, что «саммит в Йоханнесбурге станет историческим примером провала революции в развитии возобновляемых источников энергии и неспособности дать доступ к электричеству двум миллиардам землян». В заявлении Oxfam говорится, что результаты конференции — не более чем «крошки для бедняков», что все происходившее в Йоханнесбурге — это «победа эгоизма и жадности». Представитель «Гринпис» Стив Сойер сказал: «Все закончилось куда хуже, чем мы ожидали».

Некоторые представители неправительственных организаций считают, что окончательные документы конференции могли бы быть более амбициозными, если бы не позиция Вашингтона, который мешал достижению многих договоренностей.

Дж. Буш отказался приехать на Встречу и прислал на нее госсекретаря США К. Пауэла, который был освистан во время своего выступления. Высказываясь по поводу текста «Плана осуществления», США сделали пять оговорок. Во-первых, США не признают, что принцип 7 Декларации Рио — принцип общей, но дифференцированной ответственности — может означать какую-либо ответственность США перед развивающимися странами. Во-вторых, формулировки о корпоративной ответственности применяются в понимании США только для существующих межправительственных соглашений. В-третьих, США толкуют па-

граф 42(о) о разработке международного режима по распределению выгод от использования генетических ресурсов как предполагающий разработку международного документа необязывающего (non-binding) характера. В-четвертых, все ссылки на «здоровье» в документе «Плана осуществления» не могут интерпретироваться для США как включающие abortionы. И последний сюрприз от США — они не признают никакие цели официальной помощи развитию, выраженные в процентном отношении к валовому национальному продукту.

Одним словом, как заявил в своем заключительном слове К. Аннан, «от подобных конференций не следует ожидать чудес». И их не было.

Человечество находится в том состоянии, когда ему явно не хватает разума. Рационализм изрядно скомпрометировал себя. Мир невольно тянеться куда-то в сферу метафизики — к первым началам и первым причинам, к чему-то сверхприродному, в область высшего знания, к бестелесным сущностям, где всякое множество находится в единстве, а во всяком единстве видится множество. К той диалектике, где философский метод еще не отделен от теории, а вера — от знания. Так и хочется, пользуясь приемом Канта, «ограничить знание, чтобы освободить место вере»¹.

«Устойчивое развитие», если отнести к нему вполне серьезно (а другого не дано), должно быть воспринято в качестве психологической установки, включающей в себя его принципы как безусловное утверждение, воспринимаемое без сомнения. В данный момент я не вижу иного выхода. Спорить годами, десятилетиями о том, что такое «устойчивое развитие», возможно ли оно, просто нельзя — мы слишком ограничены во времени, у нас его нет. Сама парадигма и ее принципы должны быть приняты нашим разумом как отправная точка для дальнейших рассуждений на эту тему, но мы должны действовать уже на достигнутом уровне знания и понимания сложившейся в мире ситуации. А он, разум, вполне достаточен для того, чтобы сказать: «Верую, чтобы понимать». И — понимая! — действовать. Так — через элемент веры — должно выходить нам из порочного круга наших знаний и действий.

¹ Кант И. Соч. М., 1964. Т. 3. С. 95.

Именно с такой установкой в сознании живет множество существ, масса «*Homo sapiens*». В концепции «устойчивого развития» не все до конца логически доказуемо (об этом и говорил Н. Н. Моисеев, когда обращал внимание на неточность русского перевода термина «*sustainable development*»). Так давайте думать о названии, давайте переопределим понятие, учитывая, что общий смысл его ясен уже сейчас и со временем прояснится еще более. Изменим позицию нашего разума, ибо это необходимо нам для того, чтобы принять «устойчивое развитие» как *категорический моральный императив*. Давайте поверим не только в смысл этой новой парадигмы, но и себе. Ведь кроме разума мы обладаем еще интуицией; верим в свой разум, способный признать свою ограниченность и принять разумную веру в качестве еще одной формы знания. Мне кажется, что в качестве *философской веры* «устойчивое развитие» найдет себе неизмеримо больше сторонников, чем в виде научной теории и логического знания. Ибо приведет мысль сотен миллионов к истокам бытия и будет способствовать установлению «нового мирового порядка» не в политическом, а в гуманитарном смысле.

*Из книги И. М. Ильинского «Образовательная революция». М., 2002.
Часть 1.*

АСИММЕТРИЧНЫЙ ЧЕЛОВЕК

Тема «Высшее образование и образованный человек для XXI века» является основной в научных исследованиях Московского гуманитарного университета. По этой теме уже состоялись три крупные международные конференции, участниками которых в 2005 году впервые стали ведущие ученые различных институтов Российской академии наук, которых, как, впрочем, и ученых высших учебных заведений, организаторы нынешних «реформ» и «модернизаций» отечественного образования игнорировали с самого начала. Теперь хорошо известно, что у истоков «реформ» (а правильно сказать — разрушения) отечественной системы образования стояли различные фигуранты внешних сил — Всемирный банк, «благотворитель» Джордж Сорос и т. п.

Изначально за образец в строительстве системы образования новой России ее идеологами и организаторами были взяты, естественно, американская модель, американские технологии. Напор со стороны реформаторов был и остается чрезвычайно сильным и, прямо скажем, результивативным. Да и как могло быть иначе? Ведь процесс трансформации организовывали государственные органы, а государство — даже слабое — сильнее гражданского общества, которое в России только-только формируется.

Реформы имели некоторые «плюсы», хотя в основном энергия и деньги, в том числе заемные, ушли на разрушительную работу. Многие «новации» не воспринимаются образовательным сообществом вовсе не потому, что это сообщество согласно широко распространенному мнению якобы уже по природе своей предельно консервативно и не желает никаких перемен. Это глупость.

Именно ученые и педагоги лучше, чем кто-либо (будь то государственный чиновник, родители студентов или работодатели), доподлинно знают изнутри как достоинства, так и недостатки той работы, делать которую они учились и которой посвятили всю свою жизнь; именно они, и никто другой, знают, что не существует в мире такой модели образования, которую можно взять и поставить «под ключ» в нынешней России взамен существовавшей советской модели образования, бывшей в свое время если уж не самой лучшей, то одной из лучших в мире. Любая новая модель не будет воспринята народом, если не учитывает его традиций, культурного и языкового многообразия. И потому у России нет иного пути, как переделывать прежнюю систему сообразно новым, но нашим собственным, российским, а не навязываемым со стороны, представлениям о нынешнем, но главное — будущем устройстве всего мира, будущем образе России и образе будущего человека.

Именно поэтому в названии темы научных исследований нашего университета мы говорим не просто об образовании и образованном человеке XXI века. Это было бы куда проще: проводи мониторинг этой темы, отслеживай перемены, строй графики, корректируй практику и т. п. Мы ставим задачу шире: прояснить вопрос о том, какими **должны быть** образование и человек, чтобы XXI век стал лучше, чем век XX. Ведь ясно же всем, что прошлое столетие ознаменовано не только триумфом человеческой мысли, но было и временем величайших потрясений и катастроф, оставившим XXI веку гамлетовский вопрос: «Быть или не быть?..»

1. ГЛОБАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Со времен древних философов Востока и Запада и до наших дней не подвергается сомнению мысль о том, что образование является **противоядием невежеству** — предрассудкам, поверьям, грубости, хамству; что только на путях овладения знаниямичество ожидает благополучие и счастье. Нет нужды доказывать, что именно благодаря науке и образованию жизнь большинства

населения многих стран мира стала несравненно благополучней, чем в прошлые века.

XX век именуют веком атома, веком космоса, веком научно-технической революции и т. д. С неменьшим основанием можно утверждать, что **XX век был веком образования**. Только за последнюю треть XX века количество студентов в мире увеличилось с 13 млн до 100 млн, то есть почти в восемь раз. Прогноз ЮНЕСКО: к 2020 году число студентов возрастет еще на 40 млн, а материально-техническая и информационная база, расходы на ее содержание увеличатся в два раза.

В то же время в XX веке — веке образования — на земном шаре помимо двух мировых войн, десятков революций, переворотов и гражданских войн произошло около тысячи локальных войн и военных конфликтов, в которых погибли сотни миллионов людей. XX век — век-кровопийца.

И именно в XX веке — веке образования — мир оказался перед лицом множества острейших проблем, которые получили название «глобальных». Почему? Потому, что они касаются как минимум сотен миллионов людей, а как правило, практически всего мира, то есть являются общепланетарными.

Римский клуб называет **около тридцати** таких проблем: бесконтрольное расселение человека по планете; неравенство и неоднородность общества, социальная несправедливость; голод и недоедание; широкое распространение бедности; безработица; мания роста; инфляция; энергетический кризис; уже существующий или потенциальный дефицит природных ресурсов; распад международной торговой и финансовой систем; протекционизм; неграмотность и устаревшая система образования; бунты среди молодежи; отчуждение; упадок городов; преступность и наркомания; взрыв насилия и ужесточение полицейской власти; пытки и террор; пренебрежение законом и порядком; ядерное безумие; политическая коррупция и бюрократизм; деградация окружающей среды; упадок моральных ценностей и утрата веры; ощущение нестабильности и, наконец, **неосознанность** всех этих трудностей и их взаимосвязей¹.

¹ См.: Римский клуб. М., 1997. С. 26.

С середины XX века дамокловым мечом над человечеством по-прежнему висит вероятность мировой термоядерной войны. Еще недавно причины такой войны объяснялись идеологическим противостоянием коммунизма и капитализма. Но вот в марте 2007 года министр обороны США Гейтс на заседании конгресса заявил о том, что США должны готовиться к войне с Россией и Китаем... США намерены разместить элементы своей системы ПРО в Европе...

По данным Минобороны США, в ближайшие годы на постсоветской территории может случиться как минимум 12 вооруженных конфликтов, которые принесут ужасные бедствия: сотни тысяч людей погибнут от оружия, 24 млн от болезней, 88 млн будут страдать от голода, 22 млн станут беженцами¹.

Человек XX и XXI веков характеризуется как «воинственный», «воюющий».

Наивысшую воинственность проявляют США, страны НАТО, их союзники. Для общества западных стран характерна высокая поддержка военных акций: в некоторых государствах развязывание войн против Югославии (1999), Афганистана (2001), Ирака (2003) и др. поддерживали до 80–90% населения при отсутствии серьезных доводов для этого. Войска Запада присутствуют ныне в 170 из 200 стран мира. Военные базы уже созданы в 7 из 14 республик бывшего СССР. Нынешний западный строй, особенно американский, отличается наибольшей воинственностью.

Война признана естественным состоянием общества, приравнена к нравственному подвигу, к очистительному, животворящему деянию. Жизнь механизирована, машинизирована, погружается в духовные и нравственные пустоты, отказывается от идеалов добра и справедливости в пользу насилия и жестокости.

Сила стала высоким достижением разума, превращена в идеал. Дегуманизация затронула все мировое сознание. Под пологом призывов Запада к свободе и демократии, борьбе с деспотизмом и тиранией американским и западноевропейским политикам видится только материальная выгода, творится только война. Человечество превратилось в бесформенную пластилиновую массу, из которой лепят то послушный «электорат», то мужественных сол-

¹ Ежегодник СИПРИ. 2005. М., 2006. С. 128.

дат-контрактников, не знающих высших идеалов и чувства патриотизма, но готовых умирать за «хорошие» деньги.

Время рождает все новые вызовы и опасности. В конце XX века к этим проблемам добавились феномен **глобализации по-американски**, борьба США за установление **нового мирового порядка**, которые стали тяжелейшим испытанием и бременем для современной цивилизации. Начало XXI века ознаменовано возникновением **международного терроризма**.

Появление Интернета выводит из изоляции огромный массив знаний и в то же время порождает еще одну — беспрецедентную по своим последствиям — форму неравенства между странами Севера и странами Юга — **цифровой разрыв**, а также следующий за ним **когнитивный** (познавательный) разрыв, связанный с ограничением в доступе к информации, образованию, научным исследованиям. Достаточно сказать, что 90% ресурсов Интернета публикуется всего на 12 языках, и это при том, что в мире их около 6 тыс. И так далее.

Еще в конце 60-х годов крупнейшие ученые и мыслители XX века пришли к выводу, что **человечество ускоряющимися темпами идет к своей гибели**. Под угрозой находится не просто его благополучие, а **физическое** существование, **сама жизнь** человечества.

Все эти выводы и факты общеизвестны, о них не стоило бы и говорить, если бы не существовал и не обострялся мучительный вопрос: «Почему?..»

Почему же во все более образованном и по логике вещей все более умном мире насилие, бедность и нищета, разрыв между индустриально развитыми странами и «остальным» человечеством остаются не только реальностью, но и усиливаются? Почему отношения между странами не лучше, а все хуже?.. Если количество невежества в мире во всех его грубейших проявлениях увеличивается, то получается, что формула «образование — противоядие невежеству» не работает?

Следуя уже давно сложившейся традиции, поиск ответов на эти вопросы можно перевести в область политики и экономики, ошибок в действиях правителей и т. п. А может, следует наконец посмотреть в корень и признать, что причиной всех причин, про-

блемой всех проблем в человеческом обществе является **сам человек**, который есть **результат образования**? Может быть, следует все-таки сказать, что в определенный момент своей истории человечество совершило трагическую ошибку в выборе образа, смысла и конечных целей образования, результатом которой стала катастрофа, являющаяся первопричиной всех катастроф, — **«антропологическая катастрофа»**, о которой в свое время говорил М. К. Мамардашвили? За всеми нашими бедствиями, поражениями (большими и малыми) он видел кризис человека, который проявляется прежде всего в том, что отсутствуют люди, **способные понимать происходящее** своим собственным умом.

На взгляд М. К. Мамардашвили, жившего и творившего в СССР, способность понимать была подавлена коммунистической идеологией. В этой Системе человек заранее знал, каким он **должен** быть, каким **должно** стать будущее, которое наступит неизменно, а потому важно не то, что есть на самом деле, а что **быть должно**, и спрашивать и рассуждать об этих разных «должно» не следует, более того, запрещено, а значит, опасно¹.

Однако причины антропологической катастрофы выходят далеко за рамки политических идеологий. Это не проблема коммунизма или либерализма. Это проблема общемировая. Это проблема *homo sapiens*. И это проблема не только внутренней противоречивости человеческой эволюции, в основе которой лежит незыблемый и жестокий закон борьбы человека и народов за выживание.

В этом смысле XX век отличается от всех предыдущих невиданными масштабами жертв, что объясняется в значительной мере бурным ростом населения планеты, новыми видами оружия масового поражения и другими причинами, а также невероятной изощренностью методов и форм духовного и физического насилия. Сами же по себе насилие и жестокость в отношении человека к человеку — совсем не новость. С «человеком разумным», который по логике вещей от века к веку должен становиться все более разумным, а вследствие этого и все более гуманным (человечным), происходит нечто на первый взгляд непонятное: вместо того чтобы от дикости и варварства восходить к все новым высотам разума, ду-

¹ Вестник высшей школы. 1990. № 6. С. 62–69.

ховности и нравственности, он теряет свои собственно человеческие качества (доброту, совесть, честь и т. п.) — расчеловечивается.

Я говорю сейчас не о физической конституции человека, не о физиологической стороне вопроса, а о главной причине антропологического кризиса — об огромном и нарастающем количестве людей, не обладающих способностью **понимать** Происходящее, вследствие чего на всех уровнях и во всех структурах управления различных стран мира (скажем очень условно — в Единой Системе Управления Человечеством) день ото дня увеличивается количество ошибочных решений в экономике, политике и других сферах. Итог — накопление и обострение местных, национальных, региональных и глобальных проблем, о которых говорилось.

2. ПРОБЛЕМА ПОНИМАНИЯ

Отметим особо: в конце перечня десятков глобальных проблем современности, названных Римским клубом, говорится о «**неосознанности** всех этих трудностей и их взаимосвязей». На самом деле — это глобальная проблема номер один. У «человека разумного» что-то случилось с головой, с его способностью мыслить и понимать.

Я определяю этот феномен как «кризис понимания». На мой взгляд, он имеет более сложное объяснение, чем то, которое предложил М. К. Мамардашвили. Да, значительная часть людей «не способна понимать происходящее своим собственным умом» в силу идеологического догматизма, политической зашоренности и т. п. Сложность явления, однако, не только в том, что люди не понимают «своим собственным умом» — чужим умом понять и невозможно, проблема заключается в том, что многие, скажем так, нормальные, свободные люди **не хотят** понимать. Потому что понимание — это не только результат, но и процесс, это тяжелый труд: чтобы понимать, надо узнавать, читать, думать, осмысливать информацию, то есть вырабатывать собственный взгляд на вещи и т. д.

Многие люди **не понимают, что они — не понимают**: они самонадеяны, амбициозны и не могут даже допустить мысли о том, что они не способны что-то понять.

Наконец, есть категория людей, много знающих, но **не понимающих нечто самое важное в происходящем**, без чего все остальные их знания во многом теряют смысл. Сегодня это, например, такие крайне противоречивые и сложные явления, как глобализация, международный терроризм, внешняя политика США и др. Упрощенный взгляд на эти явления, который предлагаю структуры, заинтересованные именно в таком легком прочтении этих глобальных угроз, дает искаженную картину мира.

Основа понимания — знание: нельзя понять, если не знаешь. Но знание — это только **путь** к пониманию, который человек должен пройти, если стремится к подлинному, глубокому, сущностному, а не поверхностному знанию. Ибо **знание имеет уровни**, а стало быть, существуют и различные уровни, различная **глубина понимания** предмета. Цельное и всеобъемлющее понимание того или иного процесса, явления, тем более — современного сложного и быстро изменяющегося мира возможно только при условии, если человек углубился именно до **сущностного** уровня понимания.

В мире не так много дураков, как принято думать. Гораздо больше непонимающих. Люди произносят одни и те же слова, обсуждают одни и те же события, находясь на разных уровнях понимания их смысла.

Знание имеет не только многоуровневый характер, но, как известно, и **различные типы**. Тип знания определяет **тип образования**, а тип образования — разные **типы людей**.

Еще со времен Сократа и Платона выделялись два основных вида знания, одно из которых означалось словом «технэ», другое — «эпистеме».

«**Технэ**» — это искусство, ремесло, наука; в переносном смысле — хитрость, ловкость; вообще — способ; это прагматичные, конкретно-предметные знания, реализуемые в умениях и навыках что-то делать и зарабатывать на хлеб насущный. Именно такому знанию учили софисты, вклад которых в интеллектуальное образование огромен. Продукт такого образования — *homo faber*, человек-ремесленник, человек-специалист.

«**Эпистеме**» — это знание, в котором содержатся ответы на вопросы «что это?», «зачем?», «почему?», то есть направленное на осознание сущности — внутреннего содержания любого предмета,

выражающего устойчивое единство всех многообразных форм его бытия; чего-то самого устойчивого и неизменчивого в нем. В античной философии сущность мыслилась как «начало» понимания всех вещей. Сущность — основа вещи. Человек, не постигший сущности, — это человек, мало или ничего не понявший. Другое дело, что в постижении сущности мы движемся мыслью от понимания внешней, видимой формы вещей к их содержанию, от сущности первого порядка к сущности второго порядка и так далее — все глубже и глубже. «Что это такое — жизнь?», «Зачем живу?», «Почему все происходит так, а не иначе?» — вот вопросы, ответы на которые дает знание «эпистеме».

Еще Сократ замечал, что знание должно нести благо, делать людей мудрыми и счастливыми, что человек должен тянуться к мудрости, учиться, философствовать. Назначение такого рода знания в том, чтобы помочь человеку войти в этот мир, осознать смысл своего бытия. Если функция «технэ» — вооружать человека инструментами выживания, то функция «эпистеме» — формировать собственно Человека как такового — *homo sapiens*, человека разумного.

Беда, однако, в том, что второй тип знания («эпистеме») и соответствующий ему тип образования ныне практически не культивируются. Даже нынешнее гуманитарное образование, которое призвано исполнять человекообразующую функцию, в его нынешнем виде в основном также носит предметно-конкретный характер и тоже призвано формировать лишь умения и навыки, служить способом к зарабатыванию средств на хлеб насущный. Развитие способностей рефлексировать, размышлять ради обретения мудрости, самостоятельность и гибкость мышления, терпимость к иному мышлению, способность общаться, убеждать других, изменять собственную позицию, действовать в нестандартной ситуации, проявлять инициативу, брать на себя ответственность и т. п. не числятся в ряду государственных образовательных стандартов, а следовательно, не ценятся ни педагогами, ни учащимися. Между тем это главные свойства, необходимые человеку для того, чтобы не просто адаптироваться к современной жизни, но и изменять ее к лучшему.

Наше бытие, все сущее есть смешение истины и лжи. Они намертво связаны между собой, и обыденное сознание обычно не

в состоянии различить истину и ложь. Обыватель отождествляет бытие-ложь с истинно сущим бытием, ибо не знает и не понимает, что это такое, каким оно может быть.

Проблема решается через разъединение истины и лжи. Для этого и необходимы ученые и педагоги. Вот тут нам и требуется знание «эпистеме» — знание о сущности происходящего в человеке и обществе — глубинный смысл, оправдывающий их существование. Но мы учим запоминать, в лучшем случае — анализировать, но не размышлять, искать истину, чтобы понимать. И делается это не только по некоторым объективным причинам, но и порой вполне сознательно, умышленно, по идеологическим и политическим соображениям.

Полностью изменилась природа власти. Право собственности и право управления бизнесом настолько смешались, власть так глубоко проникла в экономику, а богатство такочно интегрировалось во властные структуры, что использование закона применительно к власти и собственникам стало почти невозможным. Власть и богатство сами пишут под себя законы, сами их не исполняют, а когда нужно — переписывают. Власть стала самодостаточной ценностью, а не средством достижения цели. Власть стала делом авантюристов, маргиналов и жуликов. Достижение власти стало мерилом социальной добродетели. Не сознающий до конца сущности происходящего народ прощает власти все, даже расстрел избранного им парламента.

В современной истории почти не осталось места случайностям. Планетарное развитие осуществляется в основном согласно программам и планам различных международных и транснациональных организаций, двусторонних и многосторонних договоров между могущественными странами, в которых главная их часть, главный смысл кроется в засекреченных приложениях к этим договорам, планам и программам. Объяснить, а тем более понять фатальный алгоритм исторического процесса без знания этих документов становится просто невозможно.

Между тем, двигаясь по дороге овладения знаниями, современный человек встречает немало ловушек и препятствий: это ложное (часто по умыслу) знание; это конфиденциальное, секретное знание, которое на одном из этапов познания человеку

приходится заменять домыслами и мифами, а дальше уже мыслить, основываясь на полуистине. В этих случаях невозможно понять подлинную картину прошлого или происходящего. Тем не менее такое «знание» запускается в научный и пропагандистский оборот, становится элементом нашего сознания. Этот «элемент» (в зависимости от масштаба явления или события) может быть столь важным, что коренным образом меняет наше отношение к действительности.

На собственном примере мне хочется показать, как человек от неполного и сомнительного знания приходит к знанию более полному, которое служит базой понимания сущности предмета, а понимание перерастает в убеждение, становящееся мотивом действий субъекта.

Речь пойдет о причинах величайшей трагедии XX века — развале СССР. По поводу распада СССР написано множество книг и статей. Основные выводы в них сводятся к следующему:

1) виновником начала холодной войны является СССР, так как Сталин (якобы) после завершения Второй мировой войны намеревался покорить Европу и весь мир;

2) СССР развалился исключительно под грузом внутренних противоречий и проблем, проиграл (и не мог не проиграть) холодную войну вследствие порочности коммунистической идеологии, которая, в частности, выразилась в стагнации экономики СССР 80-х годов и общественном застое. И т. п.;

3) внешний фактор не имел практически никакого значения. Это был самораспад.

Именно такой взгляд на трагические события конца XX века в нашей стране внедряется в общественное сознание. И в основном Происшедшее воспринимается большинством населения России, а тем более других стран именно так¹. Однако на самом деле

¹ Недавно в телешоу «Времена» В. Познера обсуждался вопрос о причинах распада СССР. В передаче участвовали мэр Москвы Ю. М. Лужков, кинорежиссер А. Кончаловский, писатель В. Аксенов и др. Когда Ю. М. Лужков коснулся темы «внешнего воздействия», остальные участники передачи лишь снисходительно усмехались: «Ах, оставьте!..»

На днях в телешоу «К барьеру!» Владимира Соловьева обсуждался вопрос о том, правильно ли делает правительство США, выделяя деньги в поддержку оппозиционных партий в России на предстоящих в декабре 2007 г. выборах в Гос-

это был не стихийный самораспад, а сознательный развал страны под воздействием внешних сил и, разумеется, внутренних противоречий и сил, которые (внутренние силы) в течение многих лет формировались под влиянием опять-таки внешнего воздействия.

Новая познавательная ситуация, которая складывается в связи с постепенным рассекречиванием закрытых документов и открытием архивов, ведет к пересмотру уже традиционных версий или их серьезной корректировке — к новому, более глубокому уровню истинного понимания сущности событий прошлого, а с этим — и настоящего.

Я никогда не считал, что СССР «развалился исключительно под тяжестью собственных проблем»; всегда, как и многие, думал, что определенную роль в этом сыграл внешний фактор — США и Запад в целом. Но насколько велика была эта роль? Фантазировать по этому поводу можно было сколько угодно, что и делали все, кто писал о холодной войне. Но это были чисто логические умозаключения и домыслы, которые всегда очень легко принять за вымыслы, не имеющие отношения к научному знанию.

Но вот в 2005 году я обнаружил в Исторической библиотеке РФ ксерокопию сборника некогда совершенно секретных документов стратегии и внешней политики США 1945–1950 годов, которые были рассекречены правительством США и опубликованы Колумбийским университетом в 1978 году. Почему они десятилетия пролежали не востребованными российскими историками — это другой вопрос. Сейчас о главном: в этом сборнике содержится множество свидетельств, которые позволяют смело утверждать, что существующий взгляд на многие аспекты холодной войны (причины, цели, средства, методы и т. д.) — это (в своей основе) большой миф.

Не СССР, а Запад, и прежде всего США, начали холодную войну. Как впоследствии признавался Джордж Кеннан — временный поверенный в делах США в Москве, а позднее один из главных аналитиков РФ и президентских выборах в марте 2008 г. Голоса зрителей разделились в такой пропорции: «неправильно» — более 45 тыс., «правильно» — около 19 тыс.

США все еще сохраняют благородное лицо спасителя свободного мира, а те, кто осуществлял перестройку и реформу внутри СССР (Горбачев), а затем в России (Ельцин с его «командой»), выступают в роли плотников, прорубивших окно в Свободный Мир.

литиков Госдепартамента США и идеологов холодной войны, «это была скорее тень, чем сущность опасности, которую мы должны были разогнать... советское правительство не хочет и не ожидает войны с нами в обозримом будущем» (Док. 5, 6 ноября 1947 г.).

Историки многих стран, в том числе США, еще в 60-е годы XX столетия утверждали, что Трумэн «перереагировал» на политику Советского Союза, что «советская угроза» была явно преувеличена. Таких ученых в то время относили к разряду «ревизионистов». Теперь даже поклонники Трумэна говорят, что, «как показывают новые исследования, не исключено, что Запад прекратил попытки кооперации раньше, чем это сделал Сталин»¹.

Вот такая простенькая оценка, вот такое скромненькое определение величайшей в истории политической ошибки, породившей гонку вооружений, стоившей человечеству XX века многих локальных войн и военных конфликтов, колоссальных средств и десятков миллионов жизней.

Последнее по этому поводу. В книге «Главный противник» в качестве приложения я опубликовал также бывший секретным до 1998 года план третьей мировой войны против СССР под кодовым названием «Немыслимое». По замыслу У. Черчилля, эту войну уже 1 июля 1945 года должна была начать Великобритания в союзе с США, используя недобитые немецкие армии. План этой войны разрабатывался еще задолго до того времени, когда был взят Берлин, а отменен был 10 июня 1945 года, когда стало окончательно ясно, что эту войну Великобритания и США выиграть не смогут.

Итак, выходит, что в действительности не Сталин собирался идти до Ла-Манша, а Черчилль мечтал осуществить свою давнюю мечту — уничтожить Советский Союз. Не имея шансов победить в «горячей» войне, США и Великобритания придумали повод развязать холодную войну.

В документе № 68 Совета национальной безопасности США (СНБ) от 14 апреля 1950 года говорится, что «холодная война — это на самом деле настоящая война, в которой на карту поставлено выживание свободного мира»².

¹ Американские президенты. М., 1997. С. 430.

² Главный противник: Документы американской внешней политики и стратегии 1945–1955 гг./сост. и автор вступ. ст. И. М. Ильинский. М., 2006. С. 451.

И холодная война, как следует из многих десятков совсекретных документов СНБ, велась по всем правилам войны: стратегия, тактика, цели, задачи, разведка, тайные операции, огромные финансовые затраты и т. п.

Более того, на случай возможной победы рассматривались варианты поведения США в отношении побежденного. В документе СНБ 20/1 от 18 августа 1948 года говорится:

«Перед нами по-прежнему стоит вопрос, что делать с некоммунистической властью, которая может быть установлена на части или на всей территории России как следствие военных действий.

Прежде всего, стоит отметить, что вне зависимости от идеологической основы любого некоммунистического режима и вне зависимости от того, насколько он будет придерживаться идеалов либерализма и демократии, мы должны будем в той или иной форме обеспечить то, о чем уже говорилось выше. То есть даже если установившийся режим будет некоммунистическим и формально дружественным по отношению к нам, мы должны будем обеспечить следующее:

- а) Отсутствие у подобного режима большой военной мощи.
- б) Его сильную экономическую зависимость от внешнего мира.
- в) Соблюдение им прав национальных меньшинств.
- г) Отсутствие попыток установить подобие железного занавеса при контактах с внешним миром.

Если нам придется иметь дело с режимом, борющимся с коммунизмом и дружественным по отношению к нам, то мы, без сомнения, должны будем делать все, чтобы выполнение вышеописанных условий не было для него унизительным. Однако в той или иной форме нам все-таки придется следить за их соблюдением, если мы хотим мира и стабильности во всем мире»¹.

Эта цитата уже для понимания того, что творили с новой Россией «друг Джордж», «друг Билл», «друг Коль»...

И все же меня мучил еще один вопрос: «А как понимало холодную войну руководство СССР? Как настоящую войну или как игру? Был ли план ведения этой войны с нашей стороны?» Я думал: «Если в начале реформ руководитель КГБ Бакатин

¹ Главный противник. С. 202–203.

выдал американцам схему подслушивающих устройств в посольстве США в СССР, делился с ними другими секретными сведениями, то план ведения холодной войны СССР с Западом, если бы он существовал, непременно был бы предан огласке». И все же было важно доподлинно знать: был или не был?

Я предпринимал разные попытки найти ответ, но безуспешно. И вот 1 февраля 2007 года я встретился с Ф. Д. Бобковым — бывшим первым заместителем председателя КГБ СССР, начальником политической контрразведки КГБ с 1969 по 1990 год. Этот человек не мог не знать ответа на мой вопрос, ибо он был одним из немногих, кто участвовал в холодной войне со стороны СССР. Ф. Д. Бобков прочитал книгу «Главный противник», позвонил мне и изъявил желание встретиться.

Я задал Ф. Д. Бобкову свои вопросы и получил на них ясные ответы.

— «Знало ли руководство СССР, что американцы, согласно секретным документам, которые опубликованы в моей книге, относились к холодной войне как „к самой настоящей войне“?»

Ответ: «Нет».

— «Относилось ли руководство СССР, со своей стороны, к холодной войне как к самой настоящей войне? Был ли план противостояния в этой войне?»

Ответ: «Нет».

— «Был ли какой-то единый орган (штаб) по координации наших действий?»

Ответ: «Нет».

— «Имел ли руководство СССР достаточную информацию, вроде той, которая содержится в книге „Главный противник“?»

Ответ: «Практически нет».

— «СССР проиграл войну интеллектуально?»

Ответ: «Да».

Все, что я теперь знаю о холодной войне из секретных документов США и очень важного разговора с Ф. Д. Бобковым, существенно корректирует и второй аргумент о причинах распада СССР.

Да, многое кроется во внутренних противоречиях и пороках бывшей Системы. Это так. Но чрезвычайно важным был фактор внешнего разрушительного воздействия.

И по большому счету СССР не проиграл холодную войну. Он просто ее не вел. Он дал противнику полную свободу вести эту войну на своей территории, предпринимая вялые ответные меры, которые выражались прежде всего в ограничениях свободы граждан в передвижениях, попытках заглушить радиоголоса из-за рубежа, приструнить инакомыслящих и т. п. Хотя достаточно было бы накормить, обуть и одеть людей на те сотни миллиардов рублей, которые тратились на вооружение и особенно на помочь зарубежным «братьям», и народ никогда бы не допустил неожидавшегося никем (даже Западом) крушения еще могучей и в целом жизнеспособной Системы.

Я убежден, что главная причина развала страны — невежество, слабоумие политической верхушки СССР, прежде всего КПСС.

Кто были наши «вожди»? Нельзя сказать, что это были люди необразованные. Без высшего образования подняться по служебной лестнице уже в 60-е годы было невозможно. Однако в эпоху НТР на серьезную руководящую работу брали людей главным образом с высшим техническим образованием. Это была эпоха технократов. И даже гуманитарии советского периода были не вполне гуманитариями, поскольку основную часть объема их знаний составляли догмы советского обществознания, истории КПСС и т. п.

Иначе говоря, в осмыслении и понимании Происходящего в ту пору не было задействовано «эпистеме» — знание о сущности, человекообразующее знание, которое требует ответов на вопросы: «Что это?», «Почему?», «Зачем?». Огромной страной в сложнейшее время управляли люди с усеченным сознанием, думавшие в полголовы, в пол-ума. В СССР отсутствовала понимающая элита. Даже те, кто отвечал за работу «с массами» и их образование — учителя школ и преподаватели вузов, партийные и комсомольские работники на всех «этажах» управления, воспринимали термин «холодная война» всего лишь как пропагандистский трюк. Тем более ничего не понимали сами народные «массы».

США «выиграли» холодную (психологическую и информационную) войну потому, что им хватило ума и духа понять холодную войну «как самую настоящую войну», в которой гуманитарное знание о советских людях и советском строе служило

инструментом духовного разложения советских людей. К началу 70-х годов только в США, не говоря о Европе, работало около двухсот «мозговых центров» — независимых или связанных с университетами неприбыльных научных учреждений и организаций (среди них такие, как Стэнфордский и Хадсоновский институты, Баттельевский мемориальный институт), энергично развивалась деятельность почти трехсот прибыльных фирм, проводящих независимый анализ, консультации, изыскания, наблюдения, прикладные исследования и разработки¹.

Существует немало других сложных явлений современности, знания о которых из политических соображений представляются обществу в усеченнном виде или ложном свете. Это глобализация, международный терроризм, приватизация в России и множество других, путь к пониманию сущности которых — нелегкий труд и даже мужество.

Одно дело, когда речь идет о человеке взрослом, опытном и зрелом в своем миропонимании, способном размышлять — анализировать и обобщать, делать выводы; о человеке самообучающемся, саморазвивающемся. Другое дело — человек молодой. В его становлении и развитии решающую роль играет образование.

Главный Учитель человека — это сама жизнь: окружающая среда, включая природную, вместе с климатом, стихийное влияние людей, их нравы, верования, а ныне — еще и средства массовой информации и т. п. Эти тайные педагоги и обучают, и воспитывают. Этот процесс называют социализацией, и он имеет свою педагогическую целесообразность: открывает глаза человеку на реальную жизнь в том виде, какова она есть на самом деле без прикрас. Это естественное воспитание, которое чаще всего происходит помимо желания и воли человека.

Однако общество не может удовлетвориться стихийным воспитанием новых поколений. Ибо оно заинтересовано в том, чтобы дети и молодежь отвечали образу мыслей и деятельности, которые доминируют и имеют перспективу в этом обществе, быстрее и эффективнее включались в полезную для общества деятельность, в том числе в экономическую, производственную и др. В этом

¹ См.: Римский клуб. С. 30.

смысле формальное образование есть процесс организованный, целенаправленный, регулируемый в соответствии с определенными обществом образовательными стандартами. Стандарт — это форма, это мыслимый образ человека и работника (профессионала, специалиста), который отвечает в данный момент представлениям и потребностям общества. Процесс образования — это приведение человеческого существа в соответствие с данной формой, данным образом.

Что первично, а что вторично в образовании человека «вообще» — спонтанное, естественное или организованное, искусственное образование, что из них является основой образования, а что дополнением — эти и другие вопросы оставим за скобками данного разговора. Сейчас подчеркнем главную мысль: сформированный человек формирует реальную действительность, в том числе и систему образования, которая формирует последующие поколения. И так — по кругу или по спирали, как кому будет угодно.

Если общество определило правильный модельный образ своего бытия, правильный образ человека и правильный образ образования, то по логике вещей человек, общество и образование должны развиваться гармонично и благополучно. Разумеется, через борьбу интересов, преодоление противоречий и конфликтов. Но если человечество зашло в тупик нравственной эволюции, поставило себя на грань самоуничтожения, как это случилось ныне, то есть все основания думать, что оно ошиблось в выборе образа, согласно которому определяет стратегию своего развития, образ человека и формального образования.

Люди, способные понимать Происходящее, давно признали это. Кое-кто чует, что в мире «что-то» неладно, «что-то» происходит не так. Если говорить «одним словом» и «вообще», то, на мой взгляд, Человек заблудился прежде всего и главным образом в своих представлениях о смысле и предмете (чему учить?) формального, то есть организуемого обществом, образования.

Однако самодовольное меньшинство управляющих миром не хочет и слышать ни о каких ошибках и заблуждениях: ведь это рушит все их представления о реальном мире, в котором им хорошо, и тот образ жизни, который им нравится. «Все идет как надо!.. Ах, кто-то выступает против Свободного рынка, Рациона-

лизма и Прогресса? Как можно? На них держится весь нынешний миропорядок!..»

Абсолютное же большинство населения мучается и страдает, не сознавая, что и почему все происходит именно так, а не иначе, не лучше, а все хуже.

Между тем в области образования существуют по крайней мере два фундаментальных заблуждения, о которых следует сказать.

3. СВЕРХРАЦИОНАЛИЗМ

Выступать против рационализма в принципе, конечно, глупо. Ведь *ratio* в переводе с латинского — «разум». Человек тем и отличается от остального животного мира, что он — существо разумное. Однако философия рационализма и процесс рационализации жизни общества, достигший высшей точки в XX веке и пронизывающий ныне все содержание образования и сознание подавляющего большинства человечества за исключением части населения Индии и восточных стран, понаделали немало больших и малых бед. Гигантские гуманитарные катастрофы XX века, о которых говорилось, есть следствие претензий рационализма на доминирующую роль в мировой культуре. Ибо рационализм трактует их всего лишь как изначально присущее человеку стремление к господству и власти.

Смысл рационализма кажется вполне понятным и на первый взгляд привлекательным: последовательно преодолеть стихию природы, стихию человеческой психики с целью замены их упорядоченной деятельностью, подчиненной принципу эффективности, которая (эффективность), в свою очередь, расценивается прежде всего с точки зрения «практической полезности», а та — измеряется выгодой и прибылью, в конечном счете — деньгами. Вся человеческая деятельность и человеческие качества обрели исключительно экономическое измерение.

Возник эконоомоцентристский социум, в котором роль образования и науки занижается, ставится в подчиненное положение относительно экономики. Более того, образование стало рассматриваться как один из ее секторов. Такие человеческие качества, как

совесть, доброта и т. п., превратились в атавизм. Под вопрос поставлена нравственность вообще.

В одном телеинтервью американский миллиардер Д. Сорос, отвечая на вопрос, не мучает ли его совесть, когда он обрушивает финансовые рынки целых регионов, в результате чего сотни тысяч людей теряют работу, разоряются, а некоторые кончают жизнь самоубийством, сказал так: «Нет, не мучает. В условиях свободного рынка это все равно сделал бы кто-то. Но если „кто-то“, почему не я?..»

Сорос – это образованный, очень умный, гениальный... Человек? Нет – финансист. Слишком много в нем дьявольского и мало человеческого. Завершенный, очень эффективный рационалист.

Принцип рационализма породил философию и психологию насилия.

Насилия над Природой, которую человек должен непременно покорить.

Насилия одной страны над целым миром ради установления «нового мирового порядка».

Насилия «moderna» над культурами «традиционных» обществ и типов образования.

Насилия над инстинктами человека, в сознание которого вдалбливается исключительно все целерациональное и ценностно-рациональное, но вытесняется традиционное и нерациональное. В результате лишь утилитарно ориентированный субъект (о чем мы поговорим позднее) признается надежным, предсказуемым и вос требованным в рамках обмена на свободном рынке, а люди высокой духовности и нравственности относятся к разряду пережитков иррационального, традиционного прошлого.

Безграничные вера в безграничные возможности привнести новый Порядок в сознание «неправильно» устроенного человека, в «неправильные» культуры и «неправильное» мировое сообщество посредством логически ясных процедур, даже если это процедуры военных операций, «логика» ракетно-бомбовых ударов, – это, безусловно, крушение «чистого разума».

Рационализм предполагает недоверие к низовому, массовому сознанию, обычному, простому человеку с его традициями и нра-

вами. В первые годы российских реформ вполне серьезно говорилось о том, что в России «слишком много образования», «слишком много науки». Новая «элита» боялась, что народ вот-вот поймет действительный смысл «шоковой терапии» и ваучерной «приватизации», то есть что это разрушение и грабеж страны; боялась за себя и своих детей — наследников награбленного. Управляемость общества — вот что волнует власть на самом деле, будь то власть коммунистическая или либеральная. Слепая вера в тотальную планификацию, так же как и во всемогущество невидимой руки свободного рынка, — это грандиозное заблуждение.

XX век — век научно-технического прогресса, когда наука вела к новым техническим достижениям, а те в свою очередь стимулировали развитие науки, создавали новые экспериментальные возможности для новых открытий. Именно XX век с его научно-инженерной картиной мира породил философию потребительского общества и, как следствие, потребительского отношения к природе. Именно в 30-е годы XX века родилось понятие «технократия», которое вначале относилось к специалистам в области физики и химии, а вскоре распространилось и на другие социально-профессиональные категории, вызвав к жизни представление, будто хорошо осуществлять политическую власть могут только специалисты в области производства и техники.

Технократия резко изменила конфигурацию власти и процессы принятия решений. Во всех органах власти появилось множество «технарей» — помощников и советников, знатоков в узкой области науки и техники, которые своими советами во многом предопределяли качество принимавшихся решений. Предполагалось, что это сделает политику научной, более рационалистичной, прагматичной. Так оно и случилось.

Но, как это было уже показано на примере правящей элиты СССР в годы холодной войны, обществом стали управлять люди, которые подходили к решению сложнейших социальных и экономических проблем как к обычным и простейшим инженерным задачам: промышленное строительство велось без учета связи с экологией, развитие культуры — с игнорированием исторических, этнических и других особенностей населения и т. д.

Вряд ли можно совершенно точно установить время, когда-то или иное заблуждение относительно смысла и целей образования стало доминирующим в общественном сознании и превратилось во всеобщую практику. Для нашего разговора это и не важно.

Сегодня очевидно, что одним из таких заблуждений стало представление, что смысл образования — в развитии логического интеллекта, что обучаемый должен овладеть прежде всего и главным образом интеллектуально-аналитическими знаниями, а также определенными практическими навыками и умениями.

Между тем внутренний духовный мир человека наполнен также дополнительными, дологическими и внелогическими представлениями, которые не сформулированы и, как правило, не вполне, а то и вовсе не осознаются им. Человек живет в реальном мире, и его ум полон самых разных сведений и представлений, являющихся следствием его практического опыта, который сугубо индивидуален, ибо индивидуальны страдания и переживания, ведущие к познанию истин, пониманию окружающего мира. Вся эта невнятность была заклеймена рационализмом как «иррациональное» и, следовательно, «незаконное», ненужное, мешающее жить и понимать мир.

Если в 50–60-е годы XX столетия рационализм символизировала технократическая элита, то с 80-х годов процесс рационализации представляет экономическая элита, которая стремится уничтожить все, что противостоит рынку. Прежде в почете были «физики» и в загоне — «лирики». Теперь в почете «силовики», в загоне — «мозговики».

В советские годы рациональное начало связывалось с деятельностью государства с его вездесущим планированием, с приматом коллектива и общества, а иррациональное исходило от индивида. Нынешняя ультралиберальная модель развития России видит источник всех благ исключительно в индивидуальности, а все зло — в надындивидуальных структурах, порождающих якобы ложные цели, представления о долге и ненужной жертвенности. Но именно ультралиберальная модель образования под видом «лучшей» уже теснит традиционное европейское образование. И наиболее успешно это происходит в России.

Обе модели рационализма (и марксистская, и либеральная) потерпели крах, хотя либерализм с этим никак не смирятся. С уде-

сятеренной энергией он культивирует ту систему образования, которая отвечает его представлениям о нынешнем и завтрашнем мироустройстве¹. Такое образование — отрыжка прошлого. Но лишь для тех стран и обществ, в которых рационализм исчерпал свой потенциал, доведен до крайности и превратился в свою противоположность — в безумие. Иное дело страны развивающиеся, в которых сосредоточена основная часть мирового населения. Тут не отделаешься никакой экономической помощью, даже если она составляет десятки миллиардов долларов. Эти страны хотят самостоятельно пройти тот путь развития, который проделали ныне развитые страны. А это путь рационализма.

Взять такую огромную страну, как Китай, с населением 1 млрд 300 млн человек. За последнее десятилетие я побывал там трижды — в 1996, 2003 и 2007 годах, посетил города Пекин, Шанхай, Сиань, Ханчжоу, Суджоу, несколько университетов и предприятий этих городов. Мои личные впечатления полностью совпадают с общеизвестными выводами: огромными шагами Китай движется по пути научно-технического прогресса, используя внешние ресурсы, но особенно — внутренний потенциал. В основе философии развития китайского общества лежат все не идеологические мотивы, а сугубо прагматические расчеты, рационалистический подход. Не случайно. Еще много десятилетий назад Дэн Сяопин сказал: «Не важно, какого цвета кошка, лишь бы хорошо мышь ловила». Китайское образование американизируется.

То же самое происходит в Индии, Латинской Америке и Африке. Это значит, что Его Величество Рационализм еще не сказал своего последнего слова. И можно только предполагать, к каким результатам приведет рационализация жизни «остального мира». Я не буду заниматься этим сейчас, но мне кажется, что неиспользованный потенциал рационализма в сознании трех чет-

¹ 31 мая 2007 г. в Париже проходила 2-я Всемирная встреча руководителей ассоциаций университетов, в которой я принимал участие как президент Национального союза негосударственных вузов. Обсуждались разные вопросы, прежде всего проблема качества образования. Однако все доклады носили привычный характер, существующая парадигма образования не подвергалась никаким сомнениям: мобильность студентов в процессе обучения, вариативность и верификация учебных планов и программ, ориентация университетов на запросы бизнеса и т. д. и т. п.

вертей населения планеты — это невероятный объем идей, страсти и энергии, который будет основным «топливом» движителя мирового развития, и в то же время — это самая страшная бомба, которая может уничтожить человечество, если этой энергией не управлять.

Образование, устремленное в завтрашний день, безусловно, не отвергает, а предполагает рационализм, но не в той жесткой идеологической дилемме, в которой он был представлен вчера и существует поныне: или тоталитаризм, или либерализм. В принципе уже давно понятно, что экономическая и социальная сферы, индивидуализм и коллективизм, если смотреть на них даже с рациональной точки зрения, связаны между собой отношениями дополнительности. Ни тотальная планификация и запредельный коллективизм, ни свободный рынок и абсолютный индивидуализм не могут обеспечить полную рациональность, то есть пронести максимальный эффект. Крайний подход — это всегда упрощение. В данном случае истина лежит посередине.

Другое дело, что соединить противоречивое и, казалось бы, несоединимое — это огромный труд, требующий ума, знаний и творческих усилий. В этом смысле процесс рационализации человеческой деятельности, взятой в любом аспекте (образование, экономика, политика и т. д.), — это искусство, это постоянное творчество, на которые способен, увы, не каждый. Оптимальная рациональность — это непрекращающийся процесс выработки критериев и оценки ситуации, выбор вариантов развития, требующих таких качеств интеллекта, как творческое воображение, интуиция, конструирование настоящего с опорой на понимание возможных вариантов развития событий в будущем. Это перманентная рефлексия.

Рационализм направил образование в русло специализации, которая, как условие и момент объективного процесса разделения труда, несомненно, необходима современной экономике, современному производству. Кроме того, быть специалистом выгодно конкретному человеку. Научиться делать что-то одно лучше других намного легче, чем научиться делать лучше всех сразу много разных вещей. Специалист быстрее найдет работу, получит хороший заработок.

Насчет «хорошего человека» все намного сложнее. Все вроде понимают, что «хороший человек», конечно, тоже необходим обществу. Но специальности «хороший человек» не существует, тут нет государственного стандарта, ни школе, ни вузу, ни самому человеку за это денег не платят. С прагматической точки зрения быть «хорошим человеком» невыгодно. Находясь в ситуации выбора, человек, естественно, выбирает тот путь, который легче и выгоднее – быть специалистом.

Объективный фактор совпал с субъективным. Так родился феномен массового специализированного образования.

4. ГИПЕРСПЕЦИАЛИЗАЦИЯ

Корни логоцентристической парадигмы европейской философии образования лежат в Античности. О том, что знание имеет смысл, если оно приносит пользу; о том, что мало знать, надо уметь пользоваться знанием, то и дело рассуждал со своими собеседниками платоновский Сократ.

«Технэ» – это и есть знания, умения и навыки, направленные вовне, от человека к внешнему миру, к природе. Их цель – освоение этого внешнего мира. Это знания, нацеленные прежде всего на развитие ума, логического интеллекта. Их роль в жизни огромна. Именно с помощью этих знаний человек покорял природу, осваивал космос. Именно эти знания стали считаться силой. Позднее корень «технэ» был соединен с приставкой «поли» – и появилось понятие «политехния» – знание многих искусств, умений, навыков. Именно на основе политехнических знаний родилась научноцентристская, политехническая философия нынешнего образования, цель которого – наполнить голову, ум обучаемого знаниями, развить в нем необходимые умения и навыки. Именно эти знания («технэ») определили предмет современного образования – ЗУН (знания, умения, навыки). Именно этот предмет образования определил и его продукт (тип человека) – homo faber – человек профессионал, человек-специалист.

Не будем говорить об истории классификации наук, нарастании специализации в практической деятельности и соответ-

ственno в обучении. Отметим лишь, что Аристотель и другие античные мыслители подразделяли все знание (по объекту) всего на три области: природа (физика), общество (этика) и мышление (логика) плюс философия, которая через столетия стала распадаться на ряд самостоятельных наук — математику, механику и т. д. Затем столетие за столетием происходило ускоряющееся расчленение знаний на обособленные области.

Нынешний общероссийский классификатор специальностей по образованию (ОК 009-2003, утвержденный приказом Минобразования России от 04.12.2003 № 4482) содержит 28 укрупненных групп специальностей; 181 направление подготовки (объединяющих бакалавриат, магистратуру и специалитет); 506 специальностей высшего профессионального образования (только специалитет).

Физико-математические науки подразделены на 17 специальностей, естественные науки — на 25, гуманитарные — на 30, культура и искусство — на 46, сельское и рыбное хозяйство — на 16, энергетика, энергетическое машиностроение и электротехника — на 39, металлургия, машиностроение и металлообработка — на 35, авиационная и ракетно-космическая техника — на 27, электронная техника, радиотехника и связь — на 21, химическая и биотехнологии — на 26, технология продовольственных продуктов и потребительских товаров — на 25. Это специальности, в рамках каждой из которых есть еще более узкие специализации.

Количество специализаций по каждой специальности колеблется от одной до шести-восьми (а в здравоохранении значительно больше). Полный перечень специализаций не опубликован официально, поскольку устанавливается либо соответствующими учебно-методическими объединениями (УМО), либо с их разрешения — самими вузами. Если считать, что на каждую специальность приходится в среднем четыре специализации, то их число составляет свыше двух тысяч. К ним надо добавить еще сотни военных специальностей.

Одним словом, сегодня в мире абсолютно доминирует научно-центристская парадигма образования, одной из очевидных особенностей которой является гиперспециализация. И от этого про-

цесса никуда не деться. Чем больше мы знаем, чем глубже проникаем в суть явлений, тем детальней, многообразней предстает перед нами картина мира и тем шире область непознанного. В результате растет специализация в работе исследователей, они занимаются изучением все более узких секторов и проблем. Благодаря сосредоточенности на малом, благодаря более совершенным методам и приборам ученым удается совершать все больше новых частных, но крайне важных открытий, все дальше продвигать свое специальное знание в рамках своей науки (скажем, той же медицины). Так рождаются новые области человеческой практики и соответственно потребность в специалистах-практиках для данной области.

Специализация в любом деле приносит много пользы, и доказывать это — значит ломиться в открытую дверь¹. Но я рассуждаю об образовании в контексте антропологического кризиса, то есть сокращающихся способностей человека понимать Происходящее. В этом смысле специализация порождает массу проблем.

Задача образовательного процесса видится ныне в основном как наполнение головы индивида специальными знаниями, обучение его осуществлению рассудочных процедур и операций, одним словом — рационализация ума и деятельности. Рационализированный, и в этом смысле «образованный», человек предстает в образе индивида, очищенного от бремени природных несовершенств, предрассудков, иллюзий, страстей и всего иррационального, как «чистое рацио», как «чистый разум», «сознание вообще». То есть якобы как существо усовершенствованное, хотя на самом деле этот теоретический субъект с улучшенным логическим интеллектом в процессе сбрасывания с себя природных несовершенств освобождается и от всего собственно человеческого.

Холодная рассудочность, лишенная эмоций и страстей, духовной и нравственной подоплеки, в массовом порядке являет миру

¹ Дж. Сол полагает, что современное понимание специализации (to specialize — специализироваться) появилось с момента, когда все чаще было необходимо выделить какую-то область знания (to highlight). Слово «specialization» (специализация) ввел в употребление в 1843 г. Джон Стюарт Милль, а слово «специалист» (specialist) — в 1856 г. Герберт Спенсер. (Сол Дж. Р. Ублодки Вольтера. Диктатура разума на Западе. М.: Астрель. 2006. С. 686.)

множество людей, которые, «добру и злу внимая равнодушно», относительно неплохо исполняют свои служебные обязанности, но плохо или совсем не видят дальше своего «профессионального» носа, своих «специальных» интересов. «Усовершенствованный интеллект» стал отказываться от созерцания всей совокупности фактов окружающей его действительности. И прежде всего потому, что при узком знании ему не под силу охватить всю широту, проникнуть в глубину происходящего. И нет исходящих из души желания, хотения, вдохновения, поскольку душевное развитие практически перестало входить в предмет образования, который замкнулся на научных знаниях, практических навыках и умениях (ЗУН).

Под напором все усиливающейся и суживающейся специализации подлинная личность все более сокращается в своем объеме или просто исчезает. Между понятиями «личность» и «специалист» нельзя поставить знак равенства в принципе. «Специалист» является частью личности человека вообще. И чем больше индивид тратит времени и усилий на свою специализацию (а теперь все чаще и на вторую-третью переподготовку), тем меньше у него возможностей, да и потребности на личностное развитие.

Однако большинство людей не видят в этом никакой проблемы. По их понятию, цивилизация предполагает специализацию, и выступать против последней — значит вставать на пути прогресса, тянуть общество назад. А то, что специалист — гражданин своего отечества, забывается; а то, что человек становится все менее заметной частью целого, все меньше знает о целом и не способен рассуждать широко, «вообще», так это (получается) даже хорошо. Работать будет побольше. Итог? Обсуждение общественных дел на разумном уровне, в конструктивном плане стало практически невозможным. Это так заметно, когда слушаешь рассуждения различных специалистов по какой-либо широкой теме по радио или телевидению. «С одной стороны», «с другой стороны», «с третьей»... «седьмой»... А в завершение что-то вроде: «Вот такие у нас времена»... Какие?..

Все углубляющаяся специализация в образовании требует увеличения объема преподаваемых специальных дисциплин. В целях

повышения качества подготовки специалистов многим кажется разумным и далее сокращать объем общенациональных предметов — философии, истории, социологии, психологии и других наук о духе, которые по праву называют человекообразующими.

Однако человек познает мир не только умом и рассудком, но также душою. В том числе и самого человека, и его ум, и его душу. «Эпистеме», как уже говорилось, — это знание о человеке и его душе, это знание, направленное на осознание сущности любого предмета познания. Именно эти знания должны составлять основу образования, если бы образование понималось как — главным образом! — постижение смысла бытия и обретение человеком собственного образа.

Прямой результат гиперспециализации — тот парадоксальный факт, что в обществе все больше формально образованных людей, все больше ученых, а на самом деле все меньше подлинно образованных людей, способных понимать и творить. Узкий специалист, как правило, исполнитель, в лучшем случае — аналитик. Между тем усложняющаяся и глобализирующаяся действительность требует многообразных способностей, позволяющих не только анализировать, но и воображать, фантазировать, синтезировать — творить. Однако синтез и творчество подавляющему большинству специалистов не по зубам.

Специалист отлично знает лишь крохотный участок Вселенной, лишь частичку общественного космоса, но ведет себя, как правило, с амбицией, присущей только Богу.

Можно ли считать специалиста «образованным человеком»? Думаю, далеко не каждого. Но сам специалист так не думает. В политике, в любом руководящем кресле, будучи нередко существом примитивным и полным невеждой, он излагает и отстаивает свои взгляды самоуверенно, не принимая никаких возражений. Самодовольство наглухо закрыло путь к его мозгам. Такие люди (а их во власти множество, потому как вузы никого, кроме специалистов, и не готовят) источают опасность для общества. Господствуя в нем, они деморализуют ту небольшую часть подлинно творческих людей, которые способны понимать и имеют мужество сообщать миру о своих взглядах, дабы уберечь его от опасностей. Но узкоспециализированное большинство отвергает

их претензии на истину. Почему? Да потому, что специалист обычно преуспевает.

Представьте себе хорошего специалиста, сделавшего, скажем, выдающееся открытие, за которое он получил премию. Он знаменит, имеет большие гонорары. Зачем ему стремиться к широкому знанию? Почему он должен думать, что надо быть каким-то иным, жить как-то по-другому?..

В 2002 году в Стокгольме я присутствовал на Нобелевских чтениях, где лауреаты по биологии, физике, химии обсуждали разные вопросы, в частности о будущем человечества... Гении в своем узкоспециальном деле, они увлеченно говорили о судьбах мира, строили прогнозы и часто выглядели наивными простаками, изрекавшими банальные истины. Но журналисты жадно ловили каждое их слово, а назавтра газеты публиковали материалы с этой пресс-конференции целыми полосами.

Существует убеждение, что «если человек талантлив, то талантлив во всем». Это, конечно, большое заблуждение.

Такое, как показывает история и практика, бывает крайне редко.

Четырнадцать лет подряд я руководил Научно-исследовательским центром, знаю многие сотни исследователей-гуманитариев. Это дает мне право сказать: как вчера, так и сегодня в недрах научного «цеха» со степенями кандидатов и докторов наук трудится множество совершенно заурядных людей. Они, безусловно, необходимы и полезны науке, по крайней мере как систематизаторы информации. Беда в том, что они берутся ее интерпретировать: пишут книги и учебники, делают глубокомысленные выводы, которые сплошь и рядом не точны или ошибочны, а потому как минимум бесполезны, а то и вредны. Дело в том, что они не способны видеть ничего, что лежит за рамками их специальности. Отсутствие интереса к широкому знанию такие ученые считают своим достоинством и именуют дилетантами тех немногих, кто стремится в другие отрасли знания.

Мадам Эйнштейн, супруга автора теории относительности, как-то с иронией заметила: «Мой муж — гений: он умеет делать все, кроме денег». Энциклопедисты, мыслители, гении никогда не были в моде. Тем более в нынешние времена. Способность делать

деньги — вот главное, что ценится в человеке. Несколько лет назад в Нью-Йорке, на Бродвее, я увидел растяжку шириной метров в пять и длиной, наверное, метров в пятьдесят, на которой трехметровыми буквами было написано: «People make money. That's all» («Люди делают деньги. И это все»).

Ныне существует культ специалиста, культ профессионала. На первый взгляд это хорошо. Но это и опасно. Специалист — существо запоренное.

В 1999 году я написал книгу «О „культуре“ войны и Культуре мира», в которой изложил свои представления о концепции войны нового типа. Она попала в руки только что подавшего в отставку министра обороны РФ И. Н. Родионова. Когда мы встретились, он сказал мне: «То, о чем Вы пишете, не понимают и не хотят понимать работники Генштаба. Это люди окопного мышления: „Рота, за мной! Ура!..“» На днях я беседовал с генералом Г. И. Да-ниленко, который является теоретиком войны нового типа, читает лекции в Академии Генштаба. Он сказал: «В Генштабе многие по-прежнему не хотят слушать ни о какой новой концепции войны...»

А война нового типа в виде «цветных революций», агрессивной глобализации и других форм между тем уже идет. Генералы вчерашнего дня ждут команды «Огонь!..». Это и в самом деле еще не «горящая», еще не их война, но это война. Это надо понимать политикам, населению. Не понимают и не хотят понимать. Поймут, когда все то, что ныне наше, станет не нашим, но будет уже поздно. Генералы могут уже просто не понадобиться — не стрелять же по своим?..

Подчеркнем: целью современной европейской и мировой образовательной парадигмы является не формирование Человека, а формирование специалиста, человека-функции, что и предполагает философия рационализма. Функциональность — это один из основных принципов (наряду с принципом полезности) современного общества. В массе своей человек-функция, человек-исполнитель более «полезен», нежели человек размышляющий, сомневающийся.

Гиперспециализация — одна из причин вырождения человека и возникновения массы катастрофических проблем в развитии человечества, и прежде всего — проблемы понимания, неосознанности происходящего.

5. АСИММЕТРИЧНЫЙ ЧЕЛОВЕК

Но почему все-таки глобальной проблемой номер один следует назвать именно неосознанность происходящего? Ведь это было признано еще до 1989 года, считающегося точкой начала интеграции экономических систем свободного рынка, получившей название «глобализация»? То есть до того момента, когда всем процессам развития, а не только экономическим, было придано огромное ускорение, с каждым годом набирающее все более бешеные темпы?

Ответ очевиден: мир уже давно достиг высочайшей степени сложности, и уже давно понятно — чем сложнее он становится, тем сложнее его постигать. В эпоху телекоммуникаций, Интернета и нарастания объемов усложняющейся информации данные о мире превосходят человеческие возможности их осмысления. Даже Коллективным разумом, Интегральным интеллектом, даже с помощью мощнейших компьютеров. Тем более невозможно постичь мир эпохи глобализации умом отдельного индивида¹.

Две с половиной тысячи лет назад Сократ, считавшийся в ту пору мудрейшим из мудрецов, говорил: «Я знаю, что я ничего не

¹ В 1976 г., во время обучения в Дипломатической академии МИД СССР, я прочитал научно-фантастическое произведение под названием «Черное облако». Не помню автора, не знаю, переведена ли книга с английского на русский язык, но в голове хорошо отложилась ее фабула.

В беспредельных пространствах космоса блуждает некое огромное вещество, являющееся мыслящей субстанцией. Однажды один из астрономов США обнаруживает точку, которая с каждым днем все ближе к Земле. Поначалу земляне считают, что это астероид, и начинают лихорадочно думать, как его уничтожить. Неожиданно «черное облако», не долетая до Земли, перестает двигаться, перекрывая солнечные потоки тепла и света. Люди предполагают, что перед ними мыслящее «облако». Им удается установить с ним контакт. Облако спрашивает: «Кто вы? Расскажите о себе». Земляне передают «облаку» всю информацию о человеческой цивилизации. «И это все?» — удивилось «облако». Люди, понимая, что гость из космоса может дать им информацию чрезвычайной важности, просят «облако» поделиться ею. «Облако» соглашается и передает ее в визуальной форме на экран телевизора. Но первый же из самых выдающихся своим умом и памятью людей через несколько секунд падает без сознания. За ним то же происходит со вторым... пятым... и последним из великих. Со всеми произошло одно и то же: воспаление мозга от крайнего переизбытка информации.

Возможности человеческого мозга огромны, но все-таки ограничены даже у тех, кто способен думать и понимать.

знаю». Известен афоризм Козьмы Пруткова (конец XIX века): «Никто не обнимет необъятного».

Сегодня многие с придыханием произносят слово «информация». В глазах этих «многих» тот, кто владеет информацией, тот владеет миром. Но информация сама по себе знанием не является. Информация — лишь инструмент знания, форма знания. Информационные программы СМИ цепны постольку, поскольку они свежи и своевременны. Информация ценится потому, что она может быть товаром, что с ее помощью можно «make money».

Однако истинную ценность информация приобретает лишь в том случае, если она правильно осмыслена и понята. Но для этого необходимы глубокие знания и способность осмысливать, то есть вносить смыслы в набор невразумительных сведений, которые представляет собой информация как таковая.

Сегодня многие мнят, будто информационное общество — это и есть общество знаний. Однако избыток информации не означает еще приращения знаний. Общество знаний возможно там, где есть не только знания и информация, но и люди, способные свободно ориентироваться в их потоках, имеющие критичный ум, чтобы отличить полезную информацию от бесполезной.

Итак, необъятность, запредельная и все усложняющаяся сложность мира — вот первая, объективная причина неосознанности Происходящего.

Но дело в конце концов не в том, чтобы всем знать всё и про всё. Такое принципиально невозможно не только потому, что объем непознанного и неизвестного намного больше того, что нами познано, — в ходе развития человека и общества возникает множество всех новых проблем. Процесс познания бесконечен.

Мы можем знать больше или меньше, чем знаем, больше или меньше того, что необходимо для более или менее благоприятного хода эволюции. Так вот, при том что человечество накопило огромный объем знаний, совершило множество фантастических открытий и т. п., мы все же знаем намного меньше, чем могли бы.

Почему?

Прежде всего потому, что человек — существо весьма молодое. Если космос возник, как предполагают ученые, около 15 млрд лет назад, а процессу очеловечивания в животном мире — 5 млн лет,

то возраст homo sapiens — «всего» 100 тыс. лет, а первых исторических цивилизаций — только 10 тыс. лет. Христианская эра насчитывает в пять раз меньше — всего два тысячелетия, а в России — чуть больше тысячи лет.

Сто лет для человека — это срок, хотя, если задуматься, срок отчаянно и обидно короткий: всего 36 400 дней. Тем более для Истории, для Эволюции сто лет — мгновение. И тысяча лет — тоже немного. Но именно в этих временных параметрах надо рассматривать образование человека, понимая его как формообразование, то есть как процесс развития в нем собственно человеческих качеств согласно некоему образу.

Еще задолго до той поры, как в мире появилось организованное светское образование, мировоззрение и эмоциональная основа человечества складывались под мощным влиянием церкви, в частности христианской, и православия как одной из ветвей христианства, определяющего лик русского и большинства российского народа почти от самого начала его истории до наших дней.

Можно думать, что все в этом мире, в том числе человек, создано Богом из Ничего в свободном акте его воли без какой-либо необходимости и цели. Но можно полагать (и небеспринченно), что это Человек выдумал Бога: правители — из необходимости управлять рабами и «свободными гражданами», а рабы и «свободные граждане» приняли идею Бога ради того, чтобы было к кому воззвать о помощи против произвола и несправедливости правителей, а также о сотворении Вечной памяти усопшим.

Такой подход мне ближе. В том числе и потому, что помогает понять логику развития светского образования, которое, кроме всего прочего, также есть первейшее и могучее средство управления людьми от древнейших времен до наших дней. Правители, хоть церковные, хоть светские (будь то monarch или парламент, состоящий в основном из членов правящего класса и обслуживающий его интересы), объективно не заинтересованы, никогда не желали и не желают, чтобы управляемая ими масса людей (население, народ) слишком знала и слишком понимала в политике и социальной жизни.

На этапе рабовладельчества образование получали только избранные; о духовном развитии низших слоев (большинства насе-

ления) речь даже не заходила. Они обучались лишь ремесленническим знаниям и умениям. То же было на Руси и позднее в России — хоть во времена крепостничества, хоть после него. Церковь внушала и внушает пастве идею аскетизма, призывала и призывает: «Будь из всех последним и всем слугою» (Мк 9:35), обещала и обещает: «Будут первые последними и последние первыми» (Евангелие).

Власть твердит о свободе и демократии, о благе народном и прочих подобных вещах, но на самом деле ее интересует лишь одно: спокойствие умов и дум народных, политическая стабильность. Не дай бог — бунт или какого-нибудь цвета революция. И потому власть обещает народу едва ли не то же самое, что и церковь верующим, только иными словами. Как и во все времена, сегодня народ не должен слишком знать и слишком понимать.

Вторая причина неосознанности происходящего — направленность человеческого сознания на внешний мир, о чем уже говорилось. Вся история человечества — это история его физического выживания в борьбе против сил природы за пищу и другие условия сохранения жизни. Отсюда и философия рационализма, и взгляд на знание с точки зрения его практической полезности, и развитие в человеке прежде всего тех его качеств, которые помогали в борьбе за выживание.

Человек сам по себе в научном познании был на отдаленных позициях. Даже вопросы жизни, здоровья и долголетия становились первостепенными лишь тогда, когда обрести бессмертие вдруг вознамеривался кто-то из фараонов, царей или королей. В принципе же жизнь человеческая никогда не ценилась или ценилась совсем невысоко. Развитие ума, мышления, творческих возможностей человека столетиями не входило в предмет научного познания, хотя все это — функции человеческой психики, а говоря словами мыслителей от древних времен до конца XVIII века, — функция души. Понятие «душа» было заменено понятиями «психика», «психическая жизнь».

Первый этап клинико-неврологических и нейропсихологических исследований человека начался лишь в 1865 году с открытия французским невропатологом Броком ведущей роли левого полушария в регуляции речи. Постулат о доминировании левого по-

лушария и подчиненной роли правого был сформулирован Баллоновым и Деглинным в 1976 году. Во второй половине и особенно в конце XX века гипотезы и открытия посыпались одно за другим. В 1981 году профессору психологии Калифорнийского технологического института Роджеру Сперри за достижения в изучении отдельных полушарий человеческого мозга была присуждена Нобелевская премия.

На мой взгляд, открытия в этой области Р. Сперри и других, в том числе российских, ученых до сих пор недооценены и плохо используются в образовательной теории и практике.

Вот факт, который приводится во всех учебниках по психологии: у 90% людей доминирует левое полушарие мозга, которое «отвечает» в организме человека за хронологический порядок, чтение карт и схем, запоминание имен, слов, символов, речевую активность, чувствительность к смыслу, видение мира веселым и легким, детальное восприятие действительности¹. В других публикациях функции левого полушария излагаются несколько иными словами, но означают в принципе то же самое: это ответственность за правую сторону тела, математику, слова, логику, факты, дедукцию, анализ, практику, порядок, геометрическую прямолинейность, видение мелких деталей действительности².

Но ведь кроме практики есть идеи и теория, кроме логики — интуиция и воображение, кроме дедукции — индукция, кроме анализа — синтез, кроме исполнительности — творчество, кроме порядка — хаос, кроме способности видеть мелкие дела — видение «большой картины», глобальный подход, способность управлять несколькими делами сразу. Согласимся: это в высшей мере важные способности и качества!

Чего стоит исполнитель в мире, полном неожиданностей, без способности подойти к делу творчески? Много ли стоит работник, умеющий анализировать, но не способный обобщать, делать выводы, определять цели? Добьется ли успеха человек, охватывающий своим умом мелкие детали, но не видящий «за деревьями леса», работающий по принципу «один день — одно дело»? Ни-

¹ См., напр.: Столяренко Л. Д. Основы психологии. М.; Ростов н/Д, 1999. С. 35.

² См.: Пиз А. и Б. Язык взаимоотношений. М., 2005. С. 75.

когда не станет хорошим руководителем тот, кто не может быть «генератором» идей, не имеет высокой интуиции, не способен мыслить глобально, то есть смотреть на мир широко, далеко, заглядывать «за горизонт», проникать глубоко в суть вещей, «дирижировать» сразу многими людьми и делами. И так далее.

Именно специализация полушарий позволяет человеку рассматривать одну и ту же задачу, мир в целом с двух различных точек зрения, познавать их не только логически и рационально, но также с помощью интуиции и эмоций с их пространственно-образным подходом к явлениям и моментальным охватом целого. Противоположные функции двух полушарий создают физиологическую основу для творчества, порождают в мозге как бы двух собеседников с единой целью — искать истину, творить новое, понимать.

Но что мы видим? У 90% людей левое полушарие мозга не просто развито лучше правого, а доминирует над ним, то есть существенно превосходит по развитости, подавляет его. Хорошо развито правое полушарие лишь у 10% людей. Из имеющихся в коре больших полушарий головного мозга 15 млрд нервных клеток человек использует лишь 15%. Как видим, резервные возможности нервной системы и психики человека фантастически велики. Они используются нейropsихологами и дефектологами при лечении больных.

Может быть, так оно и быть должно? Может, это нормально, предопределено генетически? Как отмечают специалисты, большой объем противоречивых данных до настоящего времени не позволяет считать окончательно решенным вопрос о причинах и нейрофизиологических механизмах латеральной специализации мозга¹. В данном случае это не принципиально.

По мнению ученых, человек не рождается с функциональной асимметрией полушарий. Если человек останется на всю жизнь неграмотным и будет занят рутинной работой, межполушарная асимметрия у него почти не разовьется. Если же человек включен в процесс образования, то специфика полушарий станет из-

¹ См.: Бианки В. Л. Механизмы парного мозга. Л.: Наука, 1989; Ильюченко Р. Ю. и др. Взаимодействие полушарий мозга у человека: установка, обработка информации, память. Новосибирск: Наука, Сибирское отд., 1989.

меняться под влиянием как генетических, так и социальных факторов.

Академик РАН В. Иванов пишет, например: «Возьмите мозг. Современная теория информации впервые позволила количественно оценить его потенции. И оказалось: нормальный мозг одного обычного человека может вместить в себя достижения всей существующей и существовавшей до сих пор культуры. Я не преувеличиваю. Физиологически это так. Из чего следует целый ряд практических выводов.

И прежде всего тот, что вся современная, во всем мире работающая на протяжении веков система образования и воспитания неправильна. Потому что очевидно: ни один из живущих на земле людей, в том числе и тех, кого мы почитаем за гениев, полностью не реализует свои интеллектуальные возможности. Более того: КПД нашего мозга на протяжении человеческой жизни буквально мизерный. И причину этого надо искать в самом раннем детстве.

Мозг человека рождается как бы недоделанным. Гигантское количество его нейронов и связей между ними включается очень медленно. Не случайно лет до двух мы, как правило, еще не умеем говорить. И потом очень мало помним о первых годах своей жизни.

Физиологически наша нервная система, наш мозг приспособлены к тому, чтобы постепенно, но очень быстро, очень рано многое усваивать. Так вот, смысл новой образовательной парадигмы: зная возраст, когда в работу включаются те или иные участки мозга, его связи, не пропустить время для того, чтобы дать старт развитию способностей человека, включению его во взаимодействие физиологических и культурных начал в нем самом. Если мы этого вовремя не сделаем, то навсегда останемся полууродами в каком-то отношении.

Главное — мы все должны усвоить вовремя. А в нынешней образовательной системе все усваивается позже, чем нужно, и потом начинаются жалобы: молодежь у нас не такая...»¹

В педагогике разрабатываются методы обучения с учетом индивидуального профиля асимметрии обучающихся (левши, сенсорные инвалиды). Особенности межполушарных асимметрий

¹ Новая газета. 2004. 19–22 августа. С. 21.

учитываются в некоторых видах профессиональной деятельности, которые прямо или косвенно связаны с экстремальными условиями. Надо полагать, что это только начало. Учет специализации мозга и межполушарной асимметрии — перспективное направление в повышении эффективности обучения и воспитания, одним словом — в развитии человека.

Подчеркнем главную мысль: генетика — генетикой, но функции как левого, так и правого полушарий, предзапrogramмированные в мозг человека природой и развившиеся в процессе эволюции, могут быть развиты или погашены, заморожены.

Между тем нормой считается осуществление любой из многих названных функций за счет работы всего мозга — и левого, и правого полушария.

Структуры правого полушария, функционально организованные по голограмматическому принципу, выполняют главным образом суммацию, сопоставление и синтез информации (Г. Е. Шанина). На ранних стадиях онтогенеза у большинства детей выявляется правополушарный тип реагирования. И только в определенном возрасте (как правило, от 10 до 14 лет) закрепляется тот или иной фенотип, преимущественно характерный для данной популяции (В. Аржажевский). Это подтверждается и данными о том, что у неграмотных людей функциональная асимметрия головного мозга меньше, чем у грамотных. В процессе обучения функциональная асимметрия усиливается: левое полушарие специализируется в знаковых операциях, а правое — в образных. Правое полушарие способно воспринимать информацию в целом, работать сразу по многим каналам и в условиях недостатка информации восстанавливать целое по его частям. С работой правого полушария принято соотносить творческие возможности, интуицию, этику, способность к адаптации. Правое полушарие обеспечивает восприятие реальности во всей полноте многообразия и сложности, в целом со всеми его составными элементами. Экспериментально доказано, что подавление правого полушария сопровождается эйфорией, а подавление левого — глубокой депрессией человека. Лишенный правого полушария человек (художник, композитор, ученый и т. п.) перестает творить.

Как же образовалась эта ненормальность?

Во-первых, в процессе естественной эволюции. Специализация обретала все больший характер из-за предпочтительного пользования человеком правой рукой (90% людей), расположения центров речи в левом полушарии (у 92% людей), полярности эмоциональных состояний (правое полушарие — отрицательные, левое — положительные) и ряда других особенностей¹.

Однако эволюция человечества — это не только физиологический, но и социальный процесс, который оказал на развитие мозга, специализацию и асимметрию его полушарий определяющее влияние. Развивались прежде всего те функции мозга, к которым предъявлялось повышенное внимание, которые были востребованы практикой. Творчество, интуиция, воображение, концептуальность, глобальный подход и другие свойства правого полушария, а с ними такие профессии, как поэт, композитор, скульптор, художник, артист, ученый и т. п., всегда были выбором отдельных индивидов, которых толкал в эту сторону «зов природы», «божественный дар» или психические отклонения².

Со временем появились специальные учебные заведения, где такого рода люди проходили обучение. Среди них от поколения к поколению происходило нарастающее накопление одаренности, тогда как в остальной массе людей происходило нарастающее умаление и исчезновение таких функций правой доли мозга, как творчество, воображение, интуиция, глобальное восприятие действительности и другие им подобные качества, без которых не бывает открытий и прогресса. Сколько гениев — изобретателей, ученых, художников, писателей и поэтов потеряло в итоге человечество?

¹ См.: Сидоров П. И., Парняков А. В. Введение в клиническую психологию. М., 2000. С. 37.

² Еще в 20–30-е годы прошлого века группа ученых во главе с Г. В. Сегалиным выдвинула тезис, согласно которому источник гениальности — в человеческой аномалии. Сегалин утверждал, что, «стерилизую» людей, от плохой наследственности можно добиться хороших результатов. Зато «не будет ни одного великого или замечательного человека, ибо генез великого человека связан органически с патологией, понимая патологию не как болезнь, а как биологический фактор, который является одним из сопутствующих биологических рычагов генетики и в создании природой великих людей».

Ошибка почти всех психиатров, утверждал Сегалин, состоит в том, что между патологией обычных людей и патологией гениальных ставится знак равенства.

Ответить на этот вопрос невозможно. Человечество до сих пор озабочено в основном материальными, но не интеллектуальными и духовными богатствами, которые таятся в человеке.

Между тем у остальной части человечества эти свойства ума постепенно атрофировались, в то время как потребность в способности человечества видеть не только детали, но и целое, не только локальное, но и глобальное отношение частей к целому, многомерность и сложность мира все увеличивалась.

Гиперспециализация, о которой говорилось выше, ведет к драматическому росту фрагментации знания, а стало быть, и раздроблению человеческого сознания, противостоит его целостности, развитию тех свойств человеческого мозга, которые помогают «связывать» воедино сущности различных специальных знаний — это воображение, интуиция, целостное видение «общей картины», — «живущих» в правом полушарии. Знания, словно дрова, не должны складываться в штабеля, а должны тщательно обрабатываться и формироваться в систему¹.

Спросите у высокоинтеллектуального человека, как это происходит, и он наверняка скажет: «Не знаю». В «хорошо устроенной голове» это происходит как-то само собой. В ней одновременно работают логика и интуиция, дедукция и индукция, единичное сопрягается с общим, материальное с идеальным, практическое с теоретическим, прозаическое с поэтическим, локальное с глобальным, реалистическое с фантастическим, рациональное с эмоциональным и т. д. Если определить этот сложнейший и неописуемый процесс одним словом — это слово «творчество», которое сегодня предопределяет искусство жить, превращать океан информации в жизненную мудрость. А это гораздо больше, чем профессиональное образование. Чтобы выживать и достойно жить в современном обществе, мало быть информированным и знающим, надо быть мудрым. Понимать, что сохраняют человека

¹ Ученые провели свои исследования (при этом анализировались только литераторы), сравнили проценты отягченности и вывели поразительный ряд, по которому у здоровых людей психиатрическая отягченность составила 60%, у душевнобольных — 70%, а у великих — абсолютные 100%. То есть ни один великий художник не был свободен от наследственной психиатрической отягченности. (См.: Гениальность: божий дар или наказание? М., 2006. С. 9–10.)

приверженность вечным ценностям (добрь, любовь, справедливость и т. д.), несуетность, нескованность ума и души аксиомами науки и догмами веры, новейших открытий и моды.

Никто не скажет толком, что такое вдохновение, когда неконтролируемым потоком вдруг начинает бить фонтан прекрасных слов или музыки. Откуда? Из ума? Из души? Или из темных глубин подсознательного и бессознательного, сцепленных с пламенем эмоций и холодного сознания?..

Тип знания, тип педагогики, цели, предмет образования определяют тип «продукта» — тип людей, которые «сходят» с образовательного конвейера как своего рода социальные машины.

Развитие ума, логического интеллекта — это только одна, хоть и чрезвычайно важная, задача образования. Человек — это не просто ум. Человек — это душа. Важны его целостность, универсальность, тип мышления, воображение и т. д. Голову професионала можно напичкать до предела специальными знаниями, и он будет, возможно, великолепным работником на том месте, ради которого учился. И будет совершенно неуместен («не на своем месте»), если повороты судьбы вдруг заставят его сменить род деятельности. А именно это сплошь и рядом в силу многих причин (банкротства, дурной характер хозяина, семейные неурядицы и т. п.) и происходит сегодня. Кроме того (вот мелочь какая!), человек рождается, чтобы жить, а не только работать. Понятие «жизнь» куда как шире понятия «работа». Истинную ценность представляет не рабочее, а свободное время, необходимое «для полного развития индивида», о чем писал еще К. Маркс. Человек должен благоговеть перед жизнью, восхищаться ею, воспринимать не только прозу, но и поэтику бытия, уметь открывать себя и других людей, жить в сложных ситуациях. Этому не учат в вузах. Подлинной школой жизни человека являются литература, поэзия, кино, если это, конечно, не эрзац искусства. Они открывают эстетическое измерение человеческого существования. Но кто об этом думает сегодня?

В результате того типа образования, которое ныне культивируется в мире, неизбежно происходит массовое сужение (уменьшение) личности обучаемых. В психологии есть термин «потеря души». Иначе говоря, среднестатистический образуемый (обучаемый) человек — это человек, в котором от поколения к по-

колению происходит уменьшение напряжения сознания; по-другому сказать, уменьшение желания думать о том, что происходит вокруг него. У него нет стремления осмысливать проблемы жизни, он замыкается в себе, становится все более равнодушным. В нем не хватает жизненной энергии и силы воли на преодоление внешних обстоятельств. Порой безразличие и паралич воли заходят так далеко, что перерастают в психические заболевания.

Разумеется, многое зависит от той задачи, которую решает человек. Если он строит мост или плавит металл, проектирует машины — нужны одни знания, один тип личности. Если же он руководит людьми, общественной или политической организацией — необходим другой ум, другие качества души.

Скажем, политическим и общественным строительством эффективно заниматься могут только люди, нацеленные на понимание смысла жизни, мыслящие достаточно широко и глубоко, глобально и конкретно, способные целенаправленно выстраивать свою деятельность, охватывая своим умом сразу множество дел, не теряя за повседневностью стратегического плана, за деталями — общей картины. Очевидно, что это не *homo faber*; это — *homo sapiens* — человек разумный, человек понимающий; человек, наделенный мудростью, способный осмысливать действительность, понимать суть Происходящего в целостном мире. Только целостное сознание созидает, строит целостный мир. «Осколочное» сознание разрушительно.

Поскольку асимметрия мозга не является изначально заданной вообще, а в такой резкой пропорции (9:1) тем более; поскольку доказано, что асимметрия мозга, а значит, и свойства, продуктивность и качество мышления могут изменяться под воздействием социальных факторов, прежде всего воспитания и обучения, то разве не следует использовать эту возможность в ситуации антропологической катастрофы? Ведь именно целостность видения мира, именно способность постигать сложное и нетривиальное, именно творчество востребованы сегодня как никогда прежде. И не только от отдельных выдающихся личностей, политиков и государственных деятелей, а от миллионов и миллиардов людей. Сегодня следует придать особое значение развитию правого полушария мозга

людей с детских лет и на всех этапах образования — вот в чем состоит моя мысль. Как это сделать — другой вопрос.

Чтобы понимать нынешний глобализирующийся и крайне противоречивый мир, человек должен как можно полнее задействовать весь свой мозг, в частности правое, а не только левое полушарие. Сложный мир можно постичь только сложным умом, сложным мышлением, «хорошо устроенной головой», которую можно обрести лишь с помощью правильно построенного образования человека.

6. О ПРАВИЛЬНОМ ОБРАЗОВАНИИ

Принято полагать, что основы жизни зиждутся на идеях, экономике и политике. Но не только. Не менее важными движущими силами истории являются страсти и страхи, желания и надежды, чувства и мысли, ценности и мотивы отдельного человека, за которыми, как правило, следуют его деяния. Какими будут дела человека — добрыми и созидательными или злыми и разрушительными, зависит от того, каковы его мировоззрение, миропонимание. А это значит, что история человечества движется прежде всего по законам воспитания и обучения, если сказать одним словом — образования.

Все позитивное в истории задано хорошим, правильным образованием. Все злое, отрицательное, скверное — отсутствием образования или плохим, или неправильным (противоречащим культурным нормам), короче — некачественным образованием.

Искусством правильной — плодотворной и счастливой жизни человек обязан правильному образованию. В историческом процессе правильное образование должно предшествовать экономической и политической деятельности государства, политика, работника любой сферы, оно должно опережать их действия в каждую данную единицу времени — год, месяц, день.

Правильное образование (воспитание и обучение) ведет к верным чувствам и мыслям — к достоинству и справедливости, нравственности и здоровью, к ответственному отношению к делу и способности преодолевать вредные желания и привычки.

Правильно образованный человек желает и способен бережно сохранять и передавать новым поколениям все лучшее в истории его отечества и всего человечества, отсекать и не продолжать все изжившее себя и худшее, осторожно, но настойчиво культивировать новое и прекрасное.

Кроме материального существует духовное производство, к сфере которого и относится прежде всего образование. Духовные ценности, без которых общество не может жить, производятся в любом случае: сознательно — самим обществом и государством, или стихийно — улицей, образом жизни людей, или заимствуются со стороны, как это в значительной степени происходит сейчас.

Идеи, представления, идеалы, научные знания, принципы политики, нормы права, морали и искусства возникают и умирают одномоментно на всех трех указанных и других направлениях, транслируются к сознанию людей через многие каналы, самым могущественным из которых было, пока остается и должно быть формальное образование. При правильном отношении к нему ни Интернет, ни СМИ не должны заменить его, хотя уже (по недосмотру общества) заметно потеснили.

Если мы признаем существование сознания человека (а это так), то должны признать факт необходимости сознательного влияния на его формирование согласно избранному вектору общественного развития. И это прежде всего задача образования, в том числе высшего. И тут мы по необходимости выходим за рамки подготовки специалистов, как ты их ни назови — «бакалавр» или «магистр», должны задуматься о том, какого человека мы хотим сформировать. Ибо каким будет человек, таким будет и общество.

«Дух» — это высшая способность человека, позволяющая ему стать источником смыслополагания, личностного самоопределения, осмысленного преображения окружающего мира. Духовное производство, неотрывное от внутренней работы человека над своим развитием, наполняет общество моральными, культурными и религиозными ценностями (идеями, знаниями, принципами и т. п.) и тем самым уравновешивает напор «разума», а тем более «рассудка», сверхрационализма и прагматизма. Духовность придает «специалисту» статус «личности», ибо все «специалисты»

в принципе стандартизированы и должны знать то и столько, сколько предписано образовательным стандартом. Отличия начинаются не с содержания головы, а прежде всего с души, уровня духовности. Развитая душа, высокий дух противостоят вульгарному материализму, утилитарной необходимости, грубой практической полезности и выгодности. Дух стремится ввысь, он потребляет, чтобы созидать, но не наоборот.

В XIX–XX веках понятие души заменено понятиями «психика», «психическая жизнь», то есть переведено в разряд науки. Душа стала представляться измеримой с помощью статистики, социологии, специальных исследований. Сегодня мы можем говорить о состоянии души (психики) не только индивидов, но и всего общества, всех народов планеты. Это прекрасно. Но как же ужасно понимать, что Мировая Душа рушится прямо на глазах!..

16 апреля 2007 года, в дни, когда я готовил эту книгу, в университете Вирджинии (США) 23-летний студент Чо Сен Ху хладнокровно застрелил более 30 человек, отправив перед этим в адрес телекомпании «Эн-би-си» видеообращение, в котором объяснил учиненную им расправу ненавистью к богатым людям. Преподаватели университета, врачи и полицейские дружно отнесли этого студента к разряду психически ненормальных, отметив, что в школе он был одним из лучших учеников, что стихи и пьесы, которые он писал, уже в те годы были полны жестокости и насилия, он часто находился в подавленном состоянии, был нелюдим, сидел в последнем ряду, любил рисовать вопросительные знаки, а самого себя называл «знаком вопроса»¹.

Возможно, этот студент и в самом деле был ненормальным. Возможно, как пишет в порядке комментария зам. директора Института психологии РАН В. Кольцова, это был человек «закомплексованный, неуверенный в себе, своего рода аутсайдер. И его поступок — не что иное, как форма компенсации ущербности его личности»².

Конечно, можно сказать, что это — случай. Просто печальный момент истории. Но так ли это? История США полна такими «случаями».

¹ Российская газета. 2007. 20 апреля. С. 7.

² Комсомольская правда. 2007. 20 апреля. С. 5.

1 декабря 1997 года Майкл Карнил, 14 лет, убил троих и ранил пятерых человек в школе городка Уэст Пэдьюка, штат Кентукки.

24 марта 1998 года, Джонсборо, штат Арканзас. Тринадцатилетний подросток и его двоюродный брат одиннадцати лет убили четырех девочек и учителя, ранили еще 11 человек.

21 мая 1998 года, штат Орегон. Кип Кинкел, 15 лет, застрелил четверых и ранил десятки человек.

20 апреля 1999 года, Литтлтон, штат Колорадо. Эрик Харрис и Дилан Киболд убили 12 и ранили десятки школьников («убийство в Коломбайне»).

21 марта 2005 года, Рэл Дэйк, штат Миннесота. Джейф Вейс застрелил деда, его приятеля, пятерых соучеников, учителя и охранника школы.

2 октября 2006 года, Никел Майнс, штат Пенсильвания. Чарлз Робертс, 32 года, убил четырех и ранил семь девочек в религиозной школе амишей.

16 апреля 2007 года...

Итак: что же все это такое? Всего лишь бытовой случай?

Когда-то философы определили, что историческим событие становится только тогда, когда оно носит одноразовый, исключительный характер. Если же событие повторяется, да еще регулярно, это не быт, не история — как минимум хроника, а точнее — «природа». «Природа» же поддается измерению, счету и, таким образом, определяется понятием «закономерность».

Объяснение психологами и криминалистами приведенных случаев с позиций поступка невротического одиночки ущербо: таких зажатых, неконтактных, угрюмых людей в мире — сотни миллионов. В том же Китае, в Индии, где сосредоточено большинство населения планеты. Но мир никогда не слышал ничего подобного тому, что периодически происходит в США. И это при том, что для Китая и Индии бедность и нищета несоразмерно характернее, чем для США. Однако там нет такого давления на человека, как в США, где политическая система якобы не тоталитарна, более того, согласно широко распространенному в мире мнению США — страна самая демократическая, самая свободная.

Однако на самом деле это далеко не так. С точки зрения свободы «души» и «духа» США — это тоталитарное общество. Ра-

ционализм и pragmatism порождают тоталитарную массовую психологию, согласно которой единственным критерием жизни является успех, измеряемый материально, в конечном счете — деньгами. Человек, не доказавший себе и другим, что он соответствует этому критерию, испытывает постоянный стресс. Быть богатым и сильным в таком обществе — совершенно необходимо. Если ты недостаточно богат и силен, ты стремишься достичь этого любыми средствами. Или мстишь другим за свою неспособность и слабость. Даже ценой собственной жизни.

На мой взгляд, случай 16 апреля 2007 года с Чо Сен Ху — это яркий пример демонстративного поведения.

Когда я смотрел по ТВ кадры видеоролика, который этот студент прислал в «Эн-би-си», когда видел его яростный, ненавидящий взгляд и слушал его слова, мне показалось, что он обращается ко всему миру и ко мне лично. Смысл этих слов таков (близко к тексту): «Вы довели меня. Я должен это сделать. А вы задумайтесь, почему я решился на такой страшный шаг».

Мне стало жутковато...

Сегодня, 20 апреля 2007 года, когда я пишу эти строки, в Ираке четверосмертников в разных местах взорвали себя, убив около 200 человек...

А сотни миллионов мальчишек и девчонок по всему миру в это время играли в компьютерные игры, построенные по формуле «свой — чужой», или смотрели кровавые боевики — образовывались...

В принципе к убийству в любой стране готово множество людей. Нужны только настоящий пистолет в руке, момент и решимость. Чо Сен Ху — один из миллиона случаев реализовавшейся потенции мирового зла, жестокости и насилия, накопленных человечеством вполне сознательно согласно одобренной им философии развития и философии образования. Неправильного образования.

После злодейского акта в Вирджинии началась паническая проверка школ и университетов в Германии, где 25% детей и молодых людей имеют психические отклонения. В России таких еще больше — за 30%. Похожая ситуация и в других европейских странах. Это — измеренное состояние «души» человечества,зываю-

щее у меня мысли совершенно иные, нежели у профессиональных психологов и криминалистов — специалистов своего дела.

Мы наблюдаем массовый упадок Мировой Души, а США — это лишь огромный экран, на котором человечеству демонстрируются результаты длительного психологического давления на психику людей образа жизни, порожденного крайним рационализмом, за-пределным прагматизмом и сверхспециализацией. Эпидемия безумного рационализма и циничного прагматизма поразила огромную часть мира, который достиг невиданных успехов в области материального производства и потребления ценой невиданных и до сих пор неосознанных духовных потерь.

Если смотреть на мир глазами древних греков, полагавших, что «тело — это гробница души», что «душа живет в теле», то дела в ряде стран мира и в тех же США обстоят прекрасно: люди поглощают все больше пищи, становятся все выше, все жирней и тяжелей, все лучше одеты и обуты.

А если все обстоит наоборот? Если тело живет в душе, как полагал еще Плотин, а не душа в теле? Если душа все же выше «природы»?

Перед лицом «упадка души» мы вновь должны задаться этим вечным вопросом. Как никогда прежде, сегодня очевидно, что душевная сфера не совпадает с рациональной, значит, надо вносить серьезные коррективы в образовательную политику, увеличивая в образовательных стандартах и неформальном образовании долю человекообразующего знания и организованного воспитания, которое является непременным условием правильного образования, ослабляя давление на человека со стороны политики, пропаганды и рекламы.

В 1998 году в Бостоне (США) состоялся XX Всемирный философский конгресс, в котором участвовало более 3000 философов из многих стран. Тема, которую они обсуждали: «*Paideia: Роль философии в воспитании человечества*». Заметьте: не в обучении и не в образовании, а — в воспитании.

Большинство участников конгресса согласились с тем, что в нынешнем понимании пайдея — это «одновременное развитие интеллектуальных и этических способностей индивида», «совокупность идей и практик», единство воспитания и обучения. До-

стигнуто понимание того, что главная ценность сегодня — не научное знание, ибо само по себе знание не творит блага, не делает человека ни лучше, ни счастливее. Главное — человеческая жизнь во всех ее проявлениях и свобода как пространство и возможность реализации всех человеческих способностей и достижений, в том числе научного знания.

Декларируется, но до сих пор не воспринята педагогической практикой истина, что образование — это не учебная подготовка к какой-то профессии или специальности, ко всякого рода производительной деятельности; более того, образование существует не ради какой-либо учебной подготовки. Напротив, всякая учебная (профессиональная) подготовка существует прежде всего для благообразного формирования человека. И только тогда переданное знание обретает смысл.

Вот говорят, что в России перепроизводство юристов, что качество юридического образования низкое. Соглашусь с этим при одном условии: если качество юридического образования станем определять не по итогам тестирования хоть свежих, хоть остаточных знаний в рамках дидактических единиц, установленных государственными образовательными стандартами, а по таким критериям, как доброта, честь, совесть, справедливость, долг, гуманность и т. п., одним словом, по любви к людям человека, который надел форму милиционера или прокурора, мантию судьи. Тут я согласен: качество юридического образования в этом плане ниже, чем можно представить. Бессовестность и бесчестие, хамство и жестокость, а то и просто преступная деятельность работников органов правопорядка стали притчей во языщах. Недоверие к работникам этих органов в обществе — тотальное. Причины? Они вовсе не в том, что эти люди плохо знают законы, не умеют ловить, допрашивать, сажать преступников. Причины в другом: невоспитанность, неблагообразность, бескультурье.

Снова скажу: образование не существует вне знания. Но это не только специальное знание. Это знание, происхождение которого порой невозможно установить. Часто это следование образцам (родители, учителя, педагоги, герои книг и кино и т. д.), застрявшей в голове случайно услышанной мысли, ставшей жизненным правилом. Это тот самый тип образовательного сущностного зна-

ния «эпистеме», которое стало формой и способом схватывания и сведения в целостное понимание всех случайных фактов и информации. И это уже не старая одежда, которую можно снять и выбросить, а кожный покров, который всегда с тобой...

Жизнь общества становится все многограннее, все сложнее. У этой сложности есть две стороны: теоретическая и практическая — научное знание открывает все новые просторы для новаторства, а практика (технические, политические, культурные нововведения и др.) в порядке обратной связи ведет к трансформации научного знания. Иначе говоря, сегодня ураган перемен не позволяет говорить о существовании некоей объективной и стабильной действительности, отраженной в достоверном научном знании, с помощью которого мы осваиваем эту действительность. Постоянны только перемены, которые, между прочим, инициирует сам человек. Сложность или простота действительности — в его уме, в его душе и в его руках. Невозможное становится возможным, если действительность грамотно моделируется и конструируется, если для достижения своих планов и проектов человек прикладывает не только ум и знание, но также духовное усилие и волю.

Мы живем в мире малопредсказуемого будущего, нелинейного развития, в условиях свободы выбора. Это означает, что в момент крайне неустойчивой, критической ситуации любое на первый взгляд малозаметное решение может вызвать непредсказуемые макроскопические последствия. Прогнозы от нынешнего состояния дел могут быть глубоко ошибочными из-за многих внешних обстоятельств, от которых зависит субъект действия или какой-то процесс, именно в силу случайного влияния со стороны. Начало и конец пути могут быть прямо противоположны той экстраполяции, которую мы осуществляли.

Иначе говоря, в нынешних условиях будущее ускользает из-под нашего контроля, если мы мыслим его лишь в привычных причинно-следственных категориях. Мы должны иметь широкие знания, небывало могучий ум и мудрость, сильную интуицию и огромное воображение (вот работа правого полушария мозга!) для того, чтобы заглядывать «за горизонт» и знать, чего же мы желаем добиться; и это могучее «хотение» предопределит исход дела в том смысле, что образ будущего начинает воздействовать на наш ум и

душу в определенном направлении. Таким образом, будущее как бы переселяется в настоящее. Однако это возможно прежде всего при условии, если «хотение» исходит от сильной умом и душой, в частности, волевой личности или иного субъекта деятельности.

Образование в своей сущности есть познание истины, касается ли этой общей картины мира, сиюминутно происходящего, самого человека или какого-то специального знания. Познание истины и есть образование. Но чтобы стремящийся познать истину мог достичь своей цели лучшим образом, он должен быть образован.

Приобщение к истине есть процесс понимания, ибо истина (сущность вещей и явлений) не дается сразу и в завершенном виде. Это значит, что познающий субъект должен проявить активность, затратить немало умственных и душевных усилий. Истина может существовать как нечто наличествующее, бытующее, известное. Но человек не может проглотить ее, не «разжевав». Борьба за истину предполагает вовлеченность, включенность человека в практику, в социальную деятельность.

Заученное, но не пережитое не входит в ткань души, остается лишь в памяти, и, как показывает жизнь, ненадолго. Мы забываем множество дат, цифр, формул, фактов, имен, событий, о которых узнали в школе или в вузе. Остаются с нами навсегда, если они были приобретены в процессе образования, способности рассуждать, описывать, объяснять, анализировать, обобщать, делать выводы, находить и формулировать проблемы, ставить цели и задачи — одним словом, мыслить, творить на основе понимания сущности того, на что направлена наша мысль в данном случае. А это значит, что учить надо не столько знанию, сколько пониманию; не столько запоминанию, сколько умению творить новое.

В условиях предельного хаоса, нестабильности настоящего, неопределенности и непредсказуемости будущего человек, как никогда прежде, нуждается в опорах, которые позволяли бы ему не только выживать, но и радоваться жизни, чувствовать себя счастливым. В либеральном обществе опорой не может быть государство. Опорой не может быть работодатель. Опорой может быть (хотя и это не всегда случается) семья.

Всегда, во всем и всюду опорой для человека может быть только он сам. Эта истина известна давно, но сегодня она особенно

актуальна. По Сократу, «познав самих себя, мы одновременно знаем заботу, в которой нуждаемся, а без такого познания мы никогда этого не поймем»¹.

Главное же в «заботе о себе» — это забота о душе, о ее совершенствовании. «Душа, если она хочет познать самое себя, должна заглянуть в душу, особенно же в ту ее часть, в которой заключено достоинство души — мудрость»².

Забота о себе предполагает сосредоточение своего внимания не только на внешнем мире и успехе в нем, но и — быть может, в большей мере — на себе, наблюдении за тем, что происходит с твоей душой, твоим сознанием, твоей мыслью.

Надо сказать, что ныне мы наблюдаем массовое бегство людей от общества в семью и свой личный мир. Но часто случается и бегство от себя — уход в виртуальные миры, наркотический кайф, «тусовки» без смысла.

Заботиться о себе — не значит впадать в крайний индивидуализм. Речь о сосредоточенном внимании на тех переменах к лучшему — в сторону высших добродетелей, которые происходят внутри человека, поставившего себе целью служение высоким ценностям — добру, справедливости, отечеству и т. п.

Нынешняя педагогика не имеет инструментов, способных помочь молодому человеку в этом деле. Узкоспециализированное, а тем более дистанционное «образование» (обучение) полностью исключает наличие Другого — учителя, наставника, у которого ученик учился бы добру, справедливости, мудрости. Между тем Другой абсолютно необходим, хотя бы потому, что невежество не имеет воли заботиться о своей душе.

Что делает Платон в своих «Диалогах», беседуя от имени Сократа с учениками? Он учит их размышлять, идя от одного факта к другому, от одной ситуации к следующей, он учит их не останавливаться на каком-то выводе, а идти дальше, задавая все новые и новые вопросы. Он учит их искать истину (наиболее общее выражение сущности). Он учит их очищению души, учит мудрости.

¹ Платон. Собр. соч.: в 4 т. М., 1990. Т. 1. С. 256.

² Там же. С. 262–263.

Почему Платону доступно то, что невозможно его ученикам? Он уже немало пожил, он уже много знает, много видел, много страдал — он имеет личный опыт. И это опыт не только умственный, интеллектуальный, но и чувственный. Ну и, конечно же, потому, что Платон обладает наивысшей духовной способностью — мыслить широко, проникая во все сущее до самых его последних глубин. Платон — это высокоразвитая душа, а не только демонической силы ум.

Заметим, каждый из учеников еще до беседы с Сократом уже принял для себя какое-то решение. Но тут встречается Сократ со своими вопросами. Начинается, говоря современным языком, своего рода «тестирование». Но не на отгадку определенного количества вопросов из еще большего их количества, а познавательное путешествие за мыслью Сократа, который направляет мысль собеседника; экзаменация на способность следить за ходом этой мысли, улавливать скрытые в ней смыслы и намеки.

Ученики не просто отвечают на вопросы Сократа, а то и дело делают для себя открытия, восклицая: «Клянусь Зевсом!..» Они наблюдают за творением и рождением мыслей на их глазах, они видят красоту их творца и самих его мыслей; они — в ситуации понимания, и они — понимают. Тут ничего не надо зазубривать на память (как это обычно происходит с различного рода формулами, частными знаниями, которыми нагружены «умения и науки» из области «технэ») — они наедине с обнаженной Простотой, с ее Величеством Истиной.

Так рождалось и так должно было бы развиваться гуманитарное знание и гуманитарное образование. Но этого не произошло. Причина? Их много, они разные. Но главные в том, о чем уже говорилось: слишком долго — многие столетия развитие человечества шло в сторону научного и полезного, логического, рационального и прагматического в ущерб и в противовес духовному, эмоциональному, чувственному, художественному, прекрасному, романтическому. Духовное принесено в жертву материальному.

Мы все ближе к ситуации, когда о «человеке разумном» (понимающем) становится невозможным говорить. Как можно сказать человеку с высшим образованием, а тем более с научной степенью, что он *homo faber*, а не *homo sapiens*? Оскорбление. Хотя на самом деле

множество людей не понимают, что их сознание закрыто для существенного подхода к объяснению действительности, что они превратились в манипулируемые механизмы, которые воспроизводят себе подобных и делают это с полной уверенностью в своей правоте.

Не понимается очень многое, в частности и то, что глубинные пороки современного человечества кроются в порочности той философии образования, в основу которого положена ориентация прежде всего на индивидуализм, прагматизм, материальный успех, стремление к которым ныне доведено до крайности.

В России сегодня насаждается именно этот тип образования. Например, в межведомственной программе «Студенчество России в 2004–2008 годах» говорится, что формируется новый тип личности, ориентированный на индивидуализм, приоритет частного интереса над общественным, расчет только на свои силы, ценность капитала.

Известно, это американский шаблон. Но стоит ли его копировать? Не стоит. Об этом написано много статей и книг, в том числе в самих США. Приведу цитату из недавно вышедшей в России монографии американского венгра П. Холландера «Антиамериканизм рациональный и иррациональный». Автор — апологет американского образа жизни, но в главе «Высшее образование: вместилище альтернативной культуры» с сожалением отмечает: «В связи с проблемами высшего образования существует лишь одно общее положение, по которому сходятся во мнениях отдельные критики и представители групп, принадлежащих к разным краям политического спектра, а именно: американская система высшего образования весьма и весьма несовершенна. Тут не возникает ни малейших разногласий даже между представителями, настолько различающимися в своей образовательной (и политической) философии, как, например, Уильям Беннет (бывший министр образования при Рейгане) и Барлет Джииаматти (бывший президент Йельского университета)»¹.

Когда в вузах заходит речь о воспитании, то некоторые говорят, что его не надо отделять от обучения, другие полагают, что речь может идти исключительно о «профессиональном воспитании»,

¹ Холландер П. Антиамериканизм рациональный и иррациональный. СПб., 2000. С. 349.

иначе говоря, о воспитании специалиста. Право на существование имеет любая точка зрения.

Но, во-первых, воспитание уже давным-давно выделено в самостоятельный процесс и отдельно оценивается при государственной аккредитации вуза. Во-вторых, «профессиональное воспитание» предполагает развитие в человеке тех личных черт и качеств, которые позволяют ему лучшим образом выполнять свои обязанности на рабочем месте. Однако человек работает по одной четверти суток пять дней в неделю, а остальное время просто живет и выполняет многие другие функции, часто более важные, чем трудовые.

Задача состоит в том, чтобы расширить поле воспитания человека с детства и на всю жизнь.

В Законе РФ «Об образовании» образование трактуется как единый процесс воспитания и обучения. На деле это совсем не так. В 1992 году воспитательная функция вообще была изъята из школ и вузов и возвращена обратно (формально) только в 2000 году. И о чём мы теперь говорим? О воспитывающем обучении? Или об особо организованном воспитательном процессе за пределами учебного процесса? Разве на воспитание выделяются какие-то особые часы, которые включаются в учебные программы и планы? И кто осуществляет воспитание? Особые воспитатели? Нет, конечно.

Известно, что на деле это невозможно, этого не бывает. В лучшем случае воспитательная функция возлагается на кураторов учебных групп в вузах и классных руководителей в школах. В целом же воспитание выносится за рамки учебного процесса и осуществляется во внеучебное время. Если осуществляется... В сферу воспитания в лучшем случае попадает лишь часть обучаемых — участники художественной самодеятельности, спортсмены и т. д. Однако смысл воспитания не только и не столько в этом. Главное — учить мыслить, осмысливать, понимать, обретать добродетели и мудрость, которые должен являть собой Учитель. Все это и есть процесс вхождения в культуру, процесс гуманизации.

«С самого детства надо вести к тому, чтобы наслаждение и страдание доставляло то, что следует, именно в этом состоит правильное воспитание», — говорил Платон.

Но что же должно доставлять удовольствие и причинять страдания правильно воспитанному человеку?

Скажут: «Делать добро — удовольствие». Соглашусь. Но есть и другие мнения. Более того, есть злые дела, которые доставляют людям радость, и они отстаивают такую линию жизни.

На экранах кинотеатров и TV идет фильм «Ночной дозор». В конце фильма устами ребенка излагается резюме: добро, по сути, ничем не лучше зла. Даже хуже. Добро — это то же зло, только лицемерное, скрывающее свою суть. Борьба между Светом и Тьмой — это всего лишь игра. Поиграть можно хоть «черными», хоть «белыми» — от выбора цвета фигур суть игры не меняется: и в том и в другом случае ты можешь выиграть или проиграть.

Главный идеолог этого фильма Константин Эрнст (он же — руководитель государственного телеканала № 1 — Первого канала) развел эту мысль: «Темные силы — это гораздо более свободные люди, они позволяют себе быть такими, какими им хочется быть, они живут для себя. У светлых слишком много обязательств. Они чувствуют ответственность. Это задерганные невротики, которые пытаются сделать всем хорошо».

Итак, перед нами проблема: куда нам, стоящим на середине лестницы, идти: вверх или вниз?

Сознание человека таит в себе не только добродетели и сози-дательные начала, но также грязные и позорные пласти. Образование, и прежде всего воспитание, направлены на заглушение, профилактику и коррекцию разрушительных инстинктов и низменных побуждений, коренящихся в человеческой природе. Злоумышленники разного рода — продукт не только социальной среды, но и особого рода идей, настроений, особого типа воспитания в семье, школе, вузе.

Мы полагаем, что преступник — это тот, кто преступил черту закона. Однако это формальный подход, позволяющий многим людям, умеющим «обходить» закон, творить преступные дела. Ибо сущность преступления — насилиственное отнятие тех или иных благ у других людей, жизнь за счет других, игнорирование интересов и прав людей ради достижения своекорыстных целей. Это — сфера морали и нравственности, имеющая свои нормы и правила, свои законы, которые надо строго соблюдать всем, если

общество стремится к справедливости, гармонии и стабильности. Однако в той же России миллионы людей и знать их не хотят.

За 2006 год в России прибавилось 20 долларовых миллиардеров. В список богатейших людей планеты, составленный журналом «Форбс», попали 53 гражданина РФ. Их общее со стояние больше, чем годовой бюджет страны со 146-миллионным населением¹. Их доходы растут в 6 раз быстрее, чем доходы государства. Средний возраст — едва за сорок. Значит, пятнадцать лет назад, когда началась «приватизация», им было 25–27 лет. Источник дохода (за исключением троих, занятых производством стальных труб) — нефть, газ, металл, банки, телекоммуникации, игорный бизнес.

Этих людей часто называют талантливыми бизнесменами, олигархами, «хозяевами жизни». У меня, как и у множества других людей, совсем иные определения. Но речь сейчас не об этом.

Несомненно, что такого рода люди имеют особую систему ценностей, особую мораль и особую психологию. Чтобы прилично выглядеть в своих собственных глазах и оправдать свое стяжательство, преступник вынужден сформировать и поддерживать в себе презрение к людям и ненависть к обществу. Ему необходимо найти причины, в силу которых он должен быть именно таким, каков он есть. В основе преступной морали лежит представление, что все люди — звери, что прав тот, кто силен и богат, и т. п. Для формирования таких взглядов достаточно, если в семье ребенку съязмальства будут подчеркивать в людях все отрицательное, низкое, высмеивать добрые дела, видя за ними низменные мотивы. Разве могут эти люди по определению быть добродетельными?

Вот совесть. Она зачем людям такого рода и многим «предпринимателям»? Могут ли они испытывать наслаждение, совершая свои недобрые дела? Или наслаждение это тоже особого рода?

Совесть — это способность человека критически оценивать себя, осознавать и переживать свое несоответствиециальному. Укоры совести, муки совести, чувство вины, раскаяния и стыда перед самим собой... Совесть — это призыв к совершенству, это способ самооздачивания человека, побуждение в нем стремлений к нравственно лучшему, эстетически прекрасному, духовно совершененному.

¹ Комсомольская правда. 2007. 10 марта. С. 3.

Совесть — это «голос иного»: сокровенного «я» или «других» — близких, общества. Устами совести как бы говорит Всеобщий закон, Высшая Истина. Совесть — это сила души, это внутреннее знание принципов. Это закон, живущий внутри нас. Совестливый человек не нарушит юридический закон, не покусится на права другого. Совесть — это способ организации общества и управления им. Тем более общества свободного. Ибо свобода в своем истинном значении есть жизнь по совести.

Разве совесть нужна российским олигархам и мультимиллионерам? Разве они сознают ответственность перед собой и обществом за свои, скажем мягко, нечестивые поступки? Конечно нет.

Совесть в грязных делах — огромная помеха. Не случайно К. Маркс говорил, что совесть есть функция от политических взглядов или социального положения индивида. Множество людей сегодня не имеют совести и не печалятся ее отсутствием.

Но если совесть в нашем обществе в острейшем дефиците, то свободно ли это общество? И может ли оно надеяться на благополучное будущее, если все вокруг ищут только виноватых и никому ни за что не стыдно? Ответ вроде бы ясен. Так почему же мы не воспитываем совестливость в наших подопечных? Почему тем самым поощряем лицемерие и склонность к преступлению? Почему боимся сказать: «Ты — должен!», «Ты не исполнил своего долга!», не спросим: «Почему не совершаешь добрых поступков?»

Если мы хотим понять все усложняющийся мир, то первое, что должны сделать, — понять невероятную сложность человека, перестать объяснять его сущность одно-, двух- и даже четырехсторонне: *homo sapiens* (человек разумный), *homo faber* (человек-ремесленник), *homo economics* (человек хозяйственный), *homo prosaicus* (человек прозаический). Человек — носитель Добра и Зла, Высокого и Низкого, Рационального и Эмоционального, Творец и Тварь. Человек — существо рациональное и эмоционально неисточающее; работающее и играющее; экономическое и потребительское; эмпирическое и воображающее; прозаическое и поэтическое. Человек — существо внутренне антагонистическое. Но таков полноценный, нормальный, а не асимметричный человек.

* * *

Когда я размышляю об образовании в его истинном смысле, о том, каким оно должно быть, меня порой охватывает чувство безысходности — так велик разрыв между «сущим» и «должным». И кому нужны мои мысли? Кто хочет услышать и понять то, что я говорю? Единый экзамен, переход на бакалавриат и магистратуру, закрытие плохих филиалов и вузов, выстраивание рейтингов... Всем этим тоже следует заниматься, но как далеко в стороне данные задачи лежат от подлинных целей образования и его действительного качества!.. «Жизнь прекрасна!», «Все идет как надо!», «Хватит пугать нас концом света! Не такое видывали!..»

Преодолеем ли мы обозначенную Мамардашвили антропологическую катастрофу или окончательно дорастем до последних людей, которые «уже и знать не знают, что такое звезда, и презирать себя не могут, и приговаривают: мы счастливы, мы счастливы, и подмигают» и которым уж никакие иные миры не нужны, ибо они и так заблудились...

Ильинский И. М. Асимметричный человек. М.: Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2007.

ПРОШЛОЕ В НАСТОЯЩЕМ

В 1991 году власть в России захватили люди «без царя в голове». Решающую роль в дальнейшем развитии событий сыграл «внешний фактор», интеллектуальная и идеологическая интервенция Запада, и прежде всего США. Сейчас не важны имена, фамилии и должности интервентов, они почти все, думаю, известны... Революция произошла не «вдруг», она готовилась долгие годы. И это тоже сегодня не надо доказывать.

Политическая власть и экономика России оказались в руках людей, в абсолютном большинстве своем не обремененных глубокими знаниями, жизненным и управлеченческим опытом, но одинаково алчущих власти и богатств. Появились новые лидеры, новая элита, хотя к разряду «лучших людей» подавляющее большинство этой «элиты» никак не отнесешь... Вот уже двадцать лет формируются новые общественные, в том числе производственные (рыночные), отношения... «Реформируется» образование, призванное создать новый социальный тип человека, новые ценности и новое сознание, новые символы, новую культуру, новую философию жизни. Одним словом — «новую» Россию.

Но ничего толкового у революционеров не выходит.

Революция — это прорыв в развитии. Но куда «прорвалась» Россия? В небывалую нищету и бедность более восьмидесяти процентов населения! В деиндустриализацию, технологическую и продовольственную зависимость от Запада, в коррупцию, терроризм, преступность... Обессилена до предела и обесславлена армия... Нет нужды перечислять все «заслуги» строителей «новой» России. Разрыв между властью и народом огромен, недове-

рие к государственным мужам и чиновникам растет, «элиту» и «олигархов» массы ненавидят.

Итог революции 1991 года на сегодняшний день — не прорыв в будущее, а откат на десятилетия назад и еще большее отставание от «развитых» стран. Все попытки «новой» России «задержать» с Западом в конце концов обречены на провал. И не только потому, что Запад исторически не любит, а точнее сказать, презирает Россию. Запад сам уже давно находится на краю пропасти. Достаточно вспомнить «Повестку на XXI век», подписанную в 1992 году в Рио-де-Жанейро, истерические признания президента Франции на открытии Давосского экономического форума в 2010 году («...Все, что мы творим, — шизофрения... Мы на краю пропасти!.. Да, все мы — шизофреники!»).

Ах, какой же это спасительный шаг для России — стать другом, а может, и союзником по НАТО, когда идеология либерализма и идеология рыночного фундаментализма исчерпали себя и, обессиленные, выживают, паразитируя на «телах» уничтожаемых государств с помощью разного рода и цвета революций — розовых, оранжевых, тюльпановых... Теперь вот революции тунисская, египетская, ливийская...

Но кто сказал, что сам Запад и их водитель — США застрахованы от революций? Не только политических, либеральных, но и социалистических или вроде? Реальный социализм уничтожен. Но идея социальной справедливости вечна. И там, где растут противоречия и проблемы, там неизбежно накапливается взрывоопасный и горючий материал.

Лидеры России не раз заявляли, что наша страна исчерпала лимит на революции. Увы. Не существует такого лимита. И никто не может его установить. Единственная гарантия от революционных потрясений — благополучие населения и чувство справедливости происходящего в странах. При отсутствии того и другого, хотите того или нет, в народе копится гнев. В итоге — митинги и демонстрации, раньше или позже — бунт, революция.

Конечно, если резко повысить зарплату полицейским и армейским офицерам, кое-кто из них станет лояльней к власти. Социальную напряженность можно регулировать с помощью разного рода подачек народу. Но не надо переоценивать возможности

управления эмоциями и манипулирования сознанием людей. Главный двигатель революции — стихия. Этому учит вся история человечества. Революция — не случай, а способ бытия человечества. Революции свершались тысячетелетие назад, свершаются ныне и будут свершаться всегда и всюду, где экономическое и духовное насилие переходит пределы терпимости человека, где появляются личности, способные выразить чаяния и интересы масс.

Нынешняя Россия не приговорена к революции. Если «наверху» сумеют вовремя найти решения, адекватные существующим проблемам, то нам вовсе не нужен «российский консерватизм», провозглашенный «Единой Россией» в качестве спасительной идеи от развала страны и для достижения желанной «стабильности». Стабильности — чего? Бедности и нищеты — на одном полюсе и безумных, наворованных богатств — на другом? Этот вопиющий антагонизм невозможно «стабилизировать». Чтобы предотвратить революционные волнения, нужны решительные меры «сверху». Какие? Сейчас речь не об этом.

Нынешняя Россия не застрахована от новых революционных потрясений, если все будет и далее происходить так, как происходило при Ельцине, а во многом продолжается и ныне.

* * *

С первых дней строительства «новой» России и по сей день во весь рост стоит вопрос самоидентификации: «Что такое — Россия?», «Откуда „мы“?», «Куда движемся?», «Кто мы — русские?», «Кто есть я — житель и гражданин России?», «Зачем живу?...» Двадцать лет прошло. Ответа нет. А это, между тем, главные вопросы, от которых зависит будущее страны. Будущее, не безмерно отдаленное, а ближайшее.

Нынешняя («новая») Россия, если судить формально, представляет собой (вроде бы) в основном уже сложившуюся Систему со всеми присущими этому понятию атрибутами. На самом деле — это во многом бесформенный конгломерат организационных структур и физических лиц, пребывающих в состоянии Хаоса и Абсурда, несущихся в социальном пространстве без руля и ветрил в Никуда. Объявляется о все новых планах, программах, доктринах, стратегиях, реформах, модернизациях, а бедность и нищета

нарастают, а деньги и мозги «убегают» из России, а ее земли, недра и предприятия скапуаются иностранными «инвесторами». И все больше молодых людей не хотят заводить семьи, рожать детей, мечтают уехать из России и жить за рубежом.

Еще раз: главная причина этих явлений — все в тех же вопросах, поставленных выше, и неспособности власти и общества дать на них вразумительные ответы.

От сознания верхов, новорусских и новороссийских богатеев, которые повинны в сложившейся ситуации в первую голову, ускользают некоторые существенные вопросы философского толка. С нефтью, инфляцией и газом, индексацией, инвестициями, котировками валюты и прочими экономическими и финансовыми проблемами эти вопросы напрямую («как бы») не связаны, но «в конце концов» ведут к митингам, демонстрациям, терроризму, войнам, свержению правительств, революциям, к развалу целых стран и цивилизаций...

О чём это я? Да опять все о том же: о самоидентификации (са-моопределении) народов, наций, стран. И отдельных индивидов. Последнее в этом сложном процессе — самое главное. «Все прогрессии реакционны, если рушится человек» (А. Вознесенский).

Появляясь на белый свет, человеческое существо не приносит с собой представления о том, кто и что он есть. Не дарованы ему от рождения и отношения с другими человеческими особями, без которых (отношений) множество не может быть связано в единую общность, где люди, живя каждый для себя, живут еще друг для друга. Только в ходе совместного бытия приходит осознание собственного «я», «других», рождается чувство «мы».

И если ты строишь «новую» Россию, то надо бы делать все для того, чтобы люди поскорее добровольно и с радостью объединялись в единую общность. Но — на основе высокой идеи, а не ради какой-то корысти. А что мы видим вокруг? Сплошь бутафорные структуры: ветер дунет — и рассыплются. Могучей объединительной идеи в России нет. «Единая Россия» — не идея. Для кого и зачем «единая», что она хочет «законсервировать», понятно всем...

Человек приходит в готовый мир, мир многотысячелетней истории — своей страны и человечества. Смысл жизни человека — сози-даться, а не крушить все и вся. Слому подлежит лишь изжившее себя,

мешающее развитию. Для этого человек должен знать и понимать историю во всей ее многосложности и противоречивости, сознавая, что это — «твое», «наше», а значит, «тебе» и «нам» продолжать дела предков. Иного не дано. Без позитивного усвоения прошлого, без преемственности в истории невозможно развитие ни общества, ни человека. Прошлое — это жизненная опора. Из истории исходит чувство гордости, уверенности и стабильности в человеческой душе, укорененности во времени: уйдешь ты, придут новые поколения, они не забудут тебя, продолжат твои дела, а значит, жизнь прожита не зря. Без истории человек не намного больше, чем просто ничто.

У строителей «новой» России отсутствует «философский глаз», все их тело утыкано «глазами» экономическими и финансовыми. Всюду и во всем им мерещатся деньги, деньги, деньги, а история, а прошлое — абстракции. История снова, как было в начале становления советской власти, это «политика, опрокинутая в прошлое». Бездумному уничтожению ныне подлежит прежде всего советское прошлое. И это объяснимо: социализм есть политический враг либерализма, тем более если во главе новой идеологии и новой системы агитпропа изначально стояли и остаются фанатики и рыночные фундаменталисты. Советское прошлое, разумеется, совсем небезупречное, опошлено до безобразия. В основном цель свою новоделы достигли: молодые люди морщат лицо и отмахиваются руками при словах «коммунизм», «социализм», «КПСС», «комсомол», «советский человек» и им подобным. Семьдесят пять лет российской истории вырублены из памяти, наполнены ложью и мифами. Молодой человек из обычной семьи, начинающий свою жизнь, в обозримом прошлом лишен исторических корней. Найти их во тьме веков могут только единицы царского, княжеских да некоторых дворянских родов...

Россия поставлена перед выбором: либо она обретет внятные и высокие цели, свои собственные (в том числе и «общечеловеческие») святыни и главные смыслы существования, тем самым придаст их и каждому ответственному гражданину, наполнит этими смыслами отношения между организациями, отдельными личностями; либо она расколется на части, рассыплется на десятки, а то и сотни народов и народиков, стран и страночек, а с этим канет в Лету как великая держава, которой она так недавно была.

* * *

За годы «реформ» на Советский Союз и советскую власть выпало неимоверное количество грязи. Ради чего? Чтобы омертвить, убить Прошлое. Как это сделать? Именно так: испоганить. В этой своей работе «реформаторы» с помощью западных политтехнологов, психологов, социологов и других специалистов в области управления поведением человека, которые уже многие десятки лет трудятся в сотнях закрытых лабораторий, в основном уже добились немалого. Выросшие в ельцинские и последующие времена, обученные по соросовским учебникам, молодые люди в массе своей утратили привязанность к ближайшему, советскому Прошлому. А когда уйдут из жизни живые носители этого Прошлого, их родители и родственники, многие из которых захватили своей жизнью лишь часть Прошедшего и сегодня хоть как-то воз действуют на становящееся сознание своих детей, подростков, те окажутся и вовсе «свободными» в своем выборе — кем быть? каким быть? куда лететь? зачем жить? Утратят подлинное понятие о своей нации, своем народе, подлинной России и о самих себе. Свободный полет! Какая прелесть! Я ничей, я сам по себе!..

А все-таки... Каждый человек рано или поздно встает перед вопросами: кто я? откуда я? Самоопределение — неизбежный жизненный акт.

Но что представляет собой этот акт? Нечто похожее на акт творения Всевышним мира из Хаоса, а человека — из праха земного? Допустим. Тогда ты, творящий самого себя, подобен Богу? Допустим недопустимое. Но где подручный материал — Хаос и прах земной? А это и есть то, что окружает тебя, это — Прошлое, некогда бывшее Будущим и Настоящим. И ты, определяющий свое «я», не представляешь собой чего-то такого, чего раньше не было. Хочешь ты того или нет, но чтобы создать самого себя (самоопределиться), нужно иметь под рукой некий исходный материал, образ, шаблон, соотнести с ними свои представления о самом себе и выбрать, а лучше сказать — насобирать из разных существующих и прежде существовавших образов и идей человека таких добродетелей и ценностей, которые подходят тебе.

Итак: самоопределение — это **работа выбора**, а не **открытие** нового, **не изобретение**. Здесь больше подражания, чем творчества.

Сотворение самого себя — это акт, предзаданный Прошлым. Основной выбор сделан Человечеством уже до тебя. Самоопределение (создание самого себя), а вместе с тем заявления о создании «нового человека», «юной нации» (вот уж воистину галиматья!), произносимые ныне с таким пафосом, есть не более чем незначительные вариации Прошлого, т. е. уже готового «я» бывшего, «старого человека». Грандиозный проект по созданию Человека давно завершен, и новые поколения лишь «модернизируют» его бесконечными «новациями», не привнося в Сущность ничего лучшего, но то и дело уродуя доброе, хорошее старое основание.

Поиск своего «я» всегда привязан к Настоящему, ибо только в Настоящем мы и существуем. Но Прошлое, от которого кому-то так хочется отказаться, привязано к Настоящему намертво, вросло в него и неотрывно. И даже обрубить его — напрасная затея, осуществить которую можно только на время. Ведь человеку свойственно помнить, и ценит он превыше всего — Память. Провожая человека в последний путь, поем: «Ве-ечная па-а-мять!..»

А Вечности неведомо Настоящее, Прошлое, Будущее. Вечность состоит из мгновений, которыми и являются эти три модуса Времени. Взятое в бесконечной длительности, оно, Время, и есть Вечность. А Вечная память, если мечтать о ней, поконится в Прошлом — в далеком и близком.

Когда старшие советуют молодежи торопиться жить «здесь и сейчас», когда кто-то из молодых с радостью принимает эту формулу жизни, тем и другим надо бы знать и понимать, в каких сложнейших взаимосвязях находятся Прошлое, Настоящее и Будущее, которые, вместе взятые, представляют собой **длительность**, являются **условностями**, придуманными людьми для удобства понимания истории и своего местоположения в ней.

«Здесь и сейчас», если говорить о чувственном восприятии времени, — это «текущий момент». Ученые доказали: мы можем слышать этот «момент» своими ушами. Слуховое Настоящее время длится около трех секунд! Это — миг, мелькание Вечности, которую Платон и называл Настоящим. Понятно, что речь идет не о таком Настоящем, не о мгновении, не о «миге между прошлым и будущим», который, как поется в одной из песен, и «называется жизнь».

Аристотель ввел особую единицу времени, условно обозначенную им **«теперь»**, — как границу между Прошедшим и Будущим. Настоящее — это **интервал** между **двумя «теперь»**, одно из которых связано с Прошедшим (память, воспоминания), другое «теперь» принадлежит Будущему, которое мы воспринимаем как мечты, чаяния, упование, надежду.

Но сколько длится каждое «теперь»? Ведь эпоха так называемого исторического времени охватывает приблизительно 6 тыс. лет; предысторического — несколько сот тысячелетий; геологического — несколько миллиардов; космическое время — бесконечно. Если допустить, что человек существует на Земле около 550 тыс. лет, и положить эти 550 тыс. равными одному двадцатичетырехчасовому дню, то тогда 6 тыс. лет исторического времени — **«мировая история»** — составляет **всего-навсего 16 последних минут жизни в течение этого дня** (Философский энциклопедический словарь. М., 2006. С. 77). Как определиться с нынешним «теперь» новейшей российской истории в этом случае?

На дворе 2011 год от Рождества Христова; России почти вдвое меньше, более 1000 лет. Как определить «теперь» для ее Прошлого? В каком месте (столетии, десятилетии) нам возможно обрубить его? Где заканчивается живая память о «ближайшем» Прошлом?

Можно подумать, например, что для меня, Ильинского Игоря Михайловича, «теперь» начинается с 1936 года, когда я родился. Да нет же, я помню улицы Ленинграда и дома, построенные за сотни лет до моего рождения; я знал свою маму и своего отца, своих бабушек и тетушек, родившихся в конце XIX и начале XX века. Я дожил до конца XX века и вот уже более десяти лет живу в XXI веке. Это — мое «теперь», приписанное к Прошлому. И в то же время — мое Настоящее, из которого Прошлое не извлечь иначе, как размозжив мою голову. И я еще жив, планирую кое-что сделать, а значит — пожить... У меня есть «теперь», связанное с Будущим.

Кто-то скажет: «Это все философия, абстракции, пустые рассуждения». Да, это философия. Философия, рожденная жизнью, философия, без которой настоящей, осмысленной жизни быть не может.

И все-таки я, вероятно, не стал бы писать этих слов, если бы 31 марта 2011 года Президентский совет по правам человека не

предложил Президенту России Д. А. Медведеву отчаянный документ «Об увековечении памяти жертв тоталитарного режима и о национальном примирении». Документ корявый и глупый, свидетельствующий об одном — о ненависти и злобе его авторов ко всему, что связано с советским прошлым. А по-моему, и к России, к народу российскому, особенно — русскому. Тут и десталинизация, и «дистанцирование современной (?) России от СССР», и вынос тела Ленина из Мавзолея, и построение в каждом городе и районе памятников жертвам репрессий. Принять его — значит начать в России «охоту на ведьм».

Но в вечной памяти остается то, что продолжает влиять на «здесь и сейчас», на «теперь» Настоящего, а может, и на «теперь» Будущего, что требует своего продолжения и восстановления при каждой новой смене поколений и исторических эпох...

Нет, братцы, не удастся вам переписать историю. Россия останется Россией со всеми ее бедами и великими победами. И только тогда она — Россия, и только тогда у нас есть подлинная, а не кастрированная история.

Ильинский И. М. Прошлое в Настоящем: Избранное. М.: Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2011.

||

НОВОЕ
ПОНИМАНИЕ
МИРА

О «КУЛЬТУРЕ» ВОЙНЫ И КУЛЬТУРЕ МИРА

I. О «КУЛЬТУРЕ» ВОЙНЫ

В истории человечества немало парадоксальных явлений. Более всего меня поражают два.

Первый парадокс — это совершенно незначительное любопытство человека к самому себе в сравнении с его страстным стремлением познать окружающий мир. В результате невероятные средства уходят на изучение космических далей, земных ширей и океанских глубин и хронически не хватает денег на то, чтобы поскорее победить болезни, ежегодно уносящие миллионы жизней, изжить социальные язвы, заставляющие миллиарды людей, по сути дела, и не жить, а мучиться и страдать от жизни. Разумеется, я вовсе не считаю, что внешний мир изучать не следует. Конечно же, необходимо. Странной мне кажется эта несоразмерность.

Второй парадокс — это людская страсть все живое превращать в неживое, это неистовость, последовательность и жестокость, с которой человек истребляет себе подобных. Истребляет веками, тысячелетиями. Только за пять с половиной последних веков по Земле огненным смерчом пронеслось около 15 тыс. войн и вооруженных конфликтов, которые унесли 3,5 млрд человеческих жизней. Взять уходящий XX век... В Первой мировой войне погибло 10 млн человек, во Второй — 50 млн. В локальных войнах и конфликтах 1945–1995 годов погибло еще около 50 млн человек. 110 миллионов жизней! Из них более 70 миллионов — мирные жители. И более 400 миллионов искалеченных...

Однажды я встретил определение истории, которое дал русский философ Н. Ф. Федоров. Он писал: «История как факт есть взаимное истребление, истребление друг друга и самих себя,

ограбление и расхищение через эксплуатацию и утилизацию всей внешней природы (т. е. земли), есть собственное вырождение и умирание... История как факт есть всегда взаимное истребление, будет ли оно открытым, как во времена варварства, или же скрытым, как при цивилизации, причем жестокость делается только утонченною, а вместе с тем и злую». Прямо скажем: обидные слова, но если смотреть на мир открыто и честно, то в главном — справедливые.

А что натворил человек с природой? Страшно сказать, да и не нужно, ибо все уже известно. А с самим собой, с человечеством?.. Оценить затраты на войну и потери от разрушений просто невозможно. Известно лишь, что холодная война обошлась человечеству в 10 трлн долл. Поэтому давно признано, что война — безумие.

Удивительно то, что при этом во все века были люди, которые воспевали войну, доказывали ее неизбежность, более того — необходимость. И это не какие-то сумасшедшие, нет, а умные и даже гениальные люди.

Вот, например, цитата из произведения блестящего немецкого философа Фридриха Ницше «Человеческое, слишком человеческое»¹. Сюжет так и называется — «**Война необходима**». Ницше писал: «Только мечтательность и прекраснодущие могут ожидать от человечества еще многоного (или даже особенно многоного), когда оно разучится вести войны. Доселе же нам неведомы иные средства, которые могли бы так же сильно и верно, как всякая великая война, внушать слабеющим народам такую грубую походную энергию, такую глубокую безличную ненависть, такое хладнокровие убийцы со спокойной совестью, такой общий организованный пыл в уничтожении врага, такое гордое равнодушие к великим потерям, к своей собственной жизни и к жизни близких, такой глухой, подобный землетрясению, трепет души; пробивающиеся здесь ручьи и потоки, которые, правда, катят с собой камни и всякий сор и уничтожают поля нежных культур, позднее, при благоприятных обстоятельствах, с новой силой приводят во вращение механизмы духовной мастерской. Культура отнюдь не может обойтись без страстей, пороков и злобы. Когда римляне в импера-

¹ Ницше Ф. Сочинения. М.: Мысль, 1990. Т. 1. С. 449–450.

торскую эпоху несколько утомились от войн, они пытались обрести новую силу в травле зверей, в битвах гладиаторов и в преследовании христиан. Современные англичане, которые в общем также, по-видимому, отказались от войны, прибегают к иному средству, чтобы возродить исчезающие силы: они пускаются в те путешествия, мореплавания, восхождения на горы, которые предпринимаются будто бы с научными целями, в действительности же для того, чтобы из всякого рода приключений и опасностей привезти домой избыточную силу. Придется, вероятно, изобрести еще немало подобных суррогатов войны, но именно из них будет все более уясняться, что такое высокоразвитое и потому неизбежно вялое человечество, как современное европейское человечество, нуждается не только вообще в войне, но даже в величайшей и ужаснейшей войне — т. е. во временном возврате к варварству, — чтобы не потерять из-за средств к культуре самой своей культуры и жизни».

«Железом и кровью» — вот выражение, характеризующее политику грубого насилия. Говорят, оно пошло от поэмы английского поэта Теннисона (1809–1892), в которой есть строки: «Не мечтаниями, а кровью и железом будет образована нация». Его многократно повторял прусский канцлер Бисмарк.

Но это представители немецкой нации с ее, как известно, извечным стремлением к тысячелетнему рейху, господству в мире и «дранг нах Остен». Война у немцев издревле в крови. По этому поводу есть даже старый афоризм: «Если собираются два немца, то они начинают маршировать».

А что же русские? Они что — лишь «оборонщики» и сплошь миростроители? Среди нашего брата певцов войны не было и нет? Увы, были и есть.

Вот некоторые фразы о войне одного из лучших русских философов XX века Н. А. Бердяева: «Народы должны периодически сходить с ума, чтобы воевать». «Война, при духовно должном отношении к ней, облагораживает и возвышает человеческую душу». «Война говорит о самобытной исторической действительности, она дает мужественное чувство истории»¹.

¹ Бердяев Н. А. Философия неравенства. Письма к недругам по социальной философии. Париж, 1971. С. 190, 192–193.

Война стала **наукой**. На войну, ее идею и практику, с древних времен работал и работает сонм мыслителей, философов, разного рода гуманитариев, естествоиспытателей и «технарей», военные академии, институты, издательства, газеты, журналы, а с некоторых пор еще радио и телевидение.

Война сама по себе считается высоким **искусством**, требующим выдающихся личных качеств от полководцев и военачальников, и потому мы знаем имена Македонского, Наполеона, Суворова, Кутузова, Жукова и других бесчисленных полководцев, которыми гордятся тот народ и та страна, ради которых ими одержаны блестательные победы и которым с тех пор принадлежит слава этих побед. Быть военным во все времена и во всех странах считалось честью. Военная служба притягивает все новые и новые поколения людей, которые грезят военной формой, военными званиями и наградами, военными заслугами и военной славой. Но что в своей сути значит быть военным? В конечном счете это значит уметь и быть готовым убивать и умирать. По приказу. Ради... Да разве важно, ради чего? Учиться убивать, мечтать о смерти — что может быть абсурдней!

Война — **предмет высокого искусства**. О войне написано и создано несчетное количество романов, повестей, поэм и стихотворений; опер, кантат, ораторий, симфоний и песен; художественных полотен, скульптур, памятников и обелисков. Все они посвящены великим и выдающимся полководцам и военачальникам, мужеству и героизму павших на поле брани известных и неизвестных солдат.

Война стала элементом, целой сферой человеческой культуры, спутником, образом нашего мышления, более того — образом жизни. Справедливо говорить о **«культуре» войны**. В связи с этим с некоторых пор стали говорить о культуре мира. Два этих понятия, взятые в широком смысле и пока еще, на мой взгляд, не вполне очерченные по объему и содержанию, являются антонимами: мы говорим **«культура войны»** — и прямо противоположным ему понятием предполагаем **«культуру мира»**. **В общем** все правильно. А в частности?..

В пьесе английского драматурга Тома Стоппарда **«Аркадия»** одному из персонажей принадлежат следующие слова: «Это будет

замечательно — жить в третьем тысячелетии, особенно в его начале. Человек каждый день будет убеждаться: почти все, что мы знали о любом явлении и считали, что это объективная истинна, — оказывается неверным».

Верно замечено. Эта мысль справедлива и относительно понятий «война» и «мир» и, стало быть, вырастающих на их основе понятий «культура войны» и «культура мира». Чтобы утверждать культуру мира, надо знать «культуру» войны. Не в том общем смысле, где война — Зло, а мир — Добро, а с точки зрения конкретного содержания понятия «война» в **конце XX века, в узком смысле** этого понятия. Каково сегодня содержание понятия «война» с точки зрения ее целей, характера, форм и методов ведения? Каково, если хотите, ее философское понимание? Какова ныне, если она существует, новая концепция войны? Как надобно понимать войну: в ее старом, традиционном смысле — грохочут пушки, строчат пулеметы, рвутся гранаты и бомбы, несутся танки и самолеты, идут корабли и подводные лодки, короче — сшибаются в смертельной схватке огромные множества людей, все вокруг рушится, кровь, стоны, крики, смерть, но вот — победа! и — долгожданный дележ захваченного? Или в войне есть нечто новое, нами пока не замеченное, не до конца, а то и совсем не осознанное?

Если ныне все еще действует старая концепция войны, то и концепция мира и миростроительства остается традиционной. Но если в концепции войны уже произошли или на наших глазах происходят какие-либо изменения, о которых мы пока (почему — вопрос другой) не знаем или не догадываемся, то ясно, что эти изменения должны быть учтены миростроителями, концепция мира должна быть тоже откорректирована. Если же изменения в концепции войны радикальны, то радикально измениться должны и концепция мира, концепция культуры мира и все вытекающие из нее программы конкретных действий.

Есть немало оснований думать, что старая концепция войны себя изжила. Широкое использование оружия, и прежде всего ядерного, против армии и населения по хорошо известным причинам сегодня уже практически невозможно. Растущая взаимосвязанность мира делает все более недопустимой даже саму мысль об очередной мировой войне в ее традиционном понимании. Если

численность населения стран, участвовавших во Второй мировой войне, составляла 1,7 млрд человек, а в рядах вооруженных сил находилось 110 млн человек, то какой же была бы картина новой традиционной войны? Втянутыми в нее и воюющими оказались бы едва ли не все страны и народы, то есть буквально весь мир. Воевали бы уже не армии, а именно народы. Если в Первой мировой войне среди погибших гражданское население составляло 5%, то во Второй мировой уже 48% среди погибших — мирные жители. Из 35 млн погибших в локальных войнах 1945–1995 годов мирные жители составляют около 90%.

Казалось бы, если мы понимаем все это, то с войной и даже мыслью о ней надо покончить немедленно и навсегда. Увы. Вряд ли это удастся. Более того, вероятность крупномасштабной, в том числе ядерной, войны в грядущем веке, что бы ни говорили об этом политики сегодня, на мой взгляд, исключать никак нельзя. Тем более вероятны локальные войны и конфликты, количество которых растет год от года. С 1900 по 1914 год произошло 35 войн и конфликтов, т. е. 2,5 в год; с 1917 по 1933 год — 78, т. е. 3,5 в год. С начала 1990 по конец 1995 года имели место 93 войны (19 войн в год), в которых участвовало 70 государств. Число погибших в этих войнах составило примерно 5,5 млн человек.

XXI век запрограммирован на взрыв. Сегодня в мире насчитывается 190 государств, то есть вдвое больше, чем в начале XX столетия, и на 21 больше, чем их было на момент распада Советского Союза в 1991 году. Процессы интенсивной дифференциации в мире и появления новых независимых государств будут продолжаться, и уже в обозримом будущем свои государства могут оформить около 400 «микронационализмов» по всему миру, включая, естественно, и Россию. На планете сохраняется более 70 «горячих точек»; свыше 20 районов оцениваются как зоны потенциальных конфликтов. Многие из них находятся на территории бывшего СССР, представляя непосредственно угрозу безопасности России. НАТО настойчиво лезет на Восток. США не скрывают, что одной из потенциальных опасностей является неустойчивая политическая ситуация в России. Врагом ее считают не только Запад, Восток, но и «ближнее зарубежье», например националистические круги стран Балтии. В военных концепциях США, развитых стран

Запада, Китая, Японии, Индии, Израиля, Турции, Пакистана четко определены источники военных угроз. Среди них и Россия. И то, что Президент России заявляет, будто у него вокруг одни «друзья» («друг Коль», «друг Билл», «друг Ширак»), что он полагает, будто «у России нет врагов», то я это воспринимаю лишь как политическое легковерие и все в таком и еще более постыдном роде. С той позицией, которую уже многие годы занимают наши правители в вопросах войны и мира, я, как гражданин России, которого никто не может лишить права нести ответственность за судьбы своего Отечества, согласиться никак не могу. При том, что я не специалист в военных вопросах, хочу выразить свое общее понимание происходящего и в этой области, поразмышлять на эту тему в социально-философском, социологическом плане, и прежде всего о сущности и содержании войны в современных условиях, хотя предмет моей научной и практической деятельности лежит на противоположном полюсе — в области проблем мира, точнее — культуры мира. Однако что поделать, если все происходящее сегодня я воспринимаю как «военный мир» или «мирную войну»? Говоря о мире, о культуре мира я, хочу того или нет, не могу не думать о войне как абстракции и о войне как реальности. Предлагаю читателю некоторые свои «непричесанные» мысли, которые могут показаться кому-то, особенно узким специалистам, и прежде всего военным, скажем так, «странными» уже по предмету рассуждений.

Но что поделаешь, если мне действительно странно слышать, например, слова об **угрозе** третьей мировой войны. В эти дни, во время агрессии США и НАТО в Югославии об этой угрозе кто только не говорит: президенты, премьеры, политики, военачальники. А вот мне это слышать, повторяю, странно. Потому что, по моему убеждению, **третья мировая война уже состоялась и закончилась** — холодная война. В ходе и в результате этой третьей мировой войны родилась, в частности, **новая концепция войны**. И эта концепция войны реализуется: **идет четвертая мировая война**. Обращаю ваше внимание, война не готовится, а идет! И идет полным ходом. Говорю все это не из желания произвести сенсацию, кого-то шокировать или напугать, а потому что убежден: все происходит именно так.

1. ТРЕТЬЯ МИРОВАЯ «ХОЛОДНАЯ ВОЙНА»

Зададимся вопросом: «В чем смысл любой войны в любые времена?» Получение выгод — экономических и политических. Победитель пользуется этими выгодами по своему разумению, устанавливая свой порядок отношений между государствами и внутри них. Масштаб этого «нового порядка» зависит от масштаба войны. Завершение мировой войны ведет к перестройке старых отношений и установлению нового мирового порядка.

В XX веке **первая перестройка** имела место после Первой мировой войны. Ее результатом было расчленение побежденных держав: Германии, Австро-Венгрии, Османской империи, а также западных областей Российской империи. Было создано **девять** новых государств в Центральной и Восточной Европе и **пять** новых государств на Ближнем Востоке.

Вторая перестройка была осуществлена в результате итогов Второй мировой войны. Главным ее результатом было разделение Германии и всей Европы, а точнее сказать, всего мира на Восток и Запад, развязавшаяся между ними холодная война.

Третья перестройка произошла в результате окончания холодной войны. По последствиям смены миропорядка минувшая холодная война не только сравнима с двумя прошлыми мировыми войнами, но и превосходит их: разрушен — распался СССР — главный противник США и Запада в холодной войне; развалена мировая система социализма; распущена военно-политическая Организация Варшавского Договора как одного из мировых центров силы; произошли крупномасштабные геополитические сдвиги, перегруппировка сил, коалиций и союзов, смена политических режимов; возникло около 30 новых государств и т. д. Иначе говоря, по всем основным признакам (цель войны, **бескомпромиссная борьба** ради ее достижения всеми **средствами насилия** в течение определенного времени, **победа** одной стороны и **поражение** другой, существенное изменение **соотношения сил** и в итоге их иная **расстановка** после победы), с моей точки зрения, **холодная война с полным основанием может быть названа третьей мировой войной.**

Проигрыш холодной войны — это величайшая трагедия всех народов бывшего СССР, трагедия России и ее народа. Ход и последствия этой войны еще не осмыслены. Исследователи мучаются вопросами: когда началась холодная война? Кто был ее инициатором — США или СССР? Какие задачиставил этот «инициатор»? Закончилась ли холодная война? Побежден ли Советский Союз Соединенными Штатами или он сдался им? Иначе говоря, являются ли США и Запад подлинными победителями в этой войне или присваивают себе эти лавры не вполне заслуженно? И так далее.

Всех этих вопросов я в своих рассуждениях едва коснулся, походя, между делом, а не специально. Ибо при всей их важности, очевидно и неоспоримо: Советского Союза нет, а США и Запад существуют. Холодная война, именно как третья мировая война, должна быть осмыслена прежде всего с точки зрения ее сущности: что же это была за война, если мы ее не смогли выиграть? В чем главная причина проигрыша? Все вместе взятое это надо знать для того, чтобы понять глубинный смысл, сущность происходящего с Россией и на всем постсоветском пространстве сегодня, а сказать короче и ясней — чтобы не проиграть четвертую мировую войну.

Итак, о причинах проигрыша.

Расхожими и в основном справедливыми аргументами в связи с этим называются, во-первых, обреченность (в силу ее утопичности) коммунистической идеологии как таковой; во-вторых, неэффективность вытекающей из этой идеологии плановой экономики; в-третьих, заскорузлость мысли советской командно-бюрократической системы управления; в-четвертых, предложенная США и Западом гонка вооружений, которую СССР, по их замыслу и расчетам, выдержать не мог. И не смог: валовой внутренний продукт США в 80-е годы превосходил ВВП СССР почти в пять раз. В принятой им гонке вооружений СССР в определенный момент выдохся, его руководство запаниковало и понаделало кучу трагических ошибок, начиная с ввода войск в Афганистан, антиалкогольной кампанией, заканчивая подписанием Ельциным, Кравчуком и Шушкевичем Беловежских соглашений о роспуске СССР, а также добровольным отказом Горбачева от власти. Регистр таких ошибок надо бы составить и проанализировать их

в комплексе. Тогда многое в причинах проигрыша холодной войны стало бы намного понятней.

Ибо наряду с объективными обстоятельствами и условиями, которые привели СССР к проигрышу холодной войны, а также факторами субъективного свойства (прежде всего — ошибки руководства) к числу «причин» этого поражения надо отнести заведомую ложь и мифы, сознательно созданные и внедренные в общественное сознание противником, которые были подхвачены и растиражированы прозападно настроенными гражданами, нет, лучше сказать — жителями СССР, в том числе России, многие из которых потом оказались на разных «этажах» власти в роли радикальных младореформаторов. Это разного рода чубайсы, гайдары, немцовы, козыревы, федоровы, кириенки. Хотя некоторые «старики», начиная с Президента России, по своей способности поливать грязью и рушить свою собственную страну, безусловно, входят в группу лидеров и возглавляют ее.

Одним словом, правда и ложь в объяснении трагического поражения СССР в «холодной» войне настолько перемешаны, что разобраться в этом нелегко.

В спор по этому поводу я ввязываться не стану: слишком сложен и масштабен предмет. В данном случае, на мой взгляд, достаточно просто признать, что СССР проиграл холодную войну по **целому ряду причин. Но главной** причиной, по моему убеждению, является низкое **качество стратегического менеджмента**, проще сказать, проблема низкого **качества управления** страной вследствие низкого интеллектуального потенциала высших структур власти. На мой взгляд, проблема не только и даже не столько в коммунистической идеологии и плановой экономике как таковых, сколько в плохом управлении ими и всеми общественными процессами. «Плохая» идеология, «застойная» экономика, как показали все годы «реформ», имели еще огромный запас прочности, могли бы еще работать, по крайней мере, долго, а страна — жить неплохо и лучше, постепенно избавляясь от проблем и пороков коммунизма, если бы руководство страны, в том числе на последнем этапе и Горбачев, были способны подходить к анализу действительности и прогнозам на будущее не наивно-романтически, самоуверенно и в конце концов (по последствиям) — безответ-

ственno, а действительно мудро, расчетливо, осторожно. То есть как великие политики. Великими, однако, были лишь амбиции, но не умы. Корни всех остальных и последующих причин кроются здесь. Если бы они, в частности, с самого начала холодной войны вполне сознательно и ответственно отнеслись к ней не как своего рода игре в войну, а как к самой настоящей войне на взаимное уничтожение. Но этого, как будет показано ниже, видимо, не случилось. В итоге можно считать, что победа в холодной войне Соединенным Штатам в определенном смысле свалилась с неба. Да, она далась им «за явным преимуществом», но не столько вследствие их превосходства в силе, сколько по глупости противника, потенциал которого, как показали годы разрушительных «реформ», был еще огромен. Модели столь скоротечного завершения холодной войны не было ни в одном из сценариев ЦРУ. Это признает, например, С. Тэлботт. «Всего лишь 10 лет назад, — писал он в 1996 году, — многие из нас не могли и вообразить, что мы или хотя бы наши дети доживем до того момента, когда Советский Союз **откажется** от марксизма-ленинизма и **мирно распадется** на 12 отдельных стран». В конце 80-х годов СССР, по сути дела, сам закончил холодную войну с Западом: вывел войска из Восточной Европы, пошел на объединение Германий, односторонне сократил тактическое ядерное оружие, прекратил реализацию ряда военных программ, уже не говоря о «роспуске» СССР, который был осуществлен в силу преступного авантюризма организаторов развала сверхдержавы. Уж если и говорить о каких-то сторонних факто-рах, то это было скорее внутриполитическое давление, чем давление извне.

Но это было в конце. Вспоминая жизнь и события 70-х и 80-х годов, анализируя их, я прихожу к мысли о том, что руководство СССР, изредка припугивая «массы» холодной войной, само не воспринимало ее как настоящую войну. Тем более не относились к этой войне как к настоящей партийно-политический, государственный и комсомольский аппараты, не говоря уж о народе, об обычавателе. Жупел холодной войны изредка использовался как своего рода «страшилка» для мобилизации «народного духа» и единения «масс», когда «вдруг» обнаруживалось, что этот дух испаряется, а единение слабнет. Тогда народу напоминали об **идеологическом**

противнике, акцентируя внимание на том, что идет непримиримая борьба между якобы передовой коммунистической и якобы изжившей себя буржуазной идеологиями, победа в которой, конечно же, исторически гарантирована коммунизму, но при этом нельзя расслабляться, необходимо быть бдительными. И все в таком духе. Люди старшего поколения хорошо помнят не столь уж частые совещания, собрания, пленумы по этому поводу. Абсолютным большинством они воспринимались как просто очередные «накачки» партийно-комсомольского актива, молодежи и масс в целом. В разрушительные замыслы противника, жестокость форм и методов холодной войны не верил почти никто. «Накручивают», «создают психоз» — так обычно расценивались циркуляры, статьи и лекции по этому поводу. Холодная война, если кто-то и верил в нее, проходила «где-то», «там», но не в твоем районе, городе, области, а в общем получалось так, что ее фактически не было. Боролись между собой КГБ и ЦРУ, спорили дипломаты, обменивались визитами и угрозами главы правительств и т. п. Но это их работа. Все равно «светлое будущее» не за горами, коммунизм — на века. Ну, даже если война все-таки идет, так ведь «холодная» же, а не «горячая»...

Между тем в понимании США и Запада холодная война была идеологической лишь внешне, на поверхности. По своему замыслу, по существу она была для них **самой настоящей войной, причем войной нового типа**.

Принципы будущего переустройства мира начали разрабатываться в американских экспертно-аналитических центрах еще в период Второй мировой войны. Во многом они были связаны с реализацией «Проекта по исследованию войны и мира», который готовился Советом по международным отношениям. В документах этого Совета прямо говорилось, что после окончания Второй мировой войны США должны обеспечить себе ведущее место в «мировом порядке» и реорганизовать международные отношения таким образом, чтобы «перенести американскую модель в Европу для создания выгодного для США экономического и политического климата». В то время именно Европа была главным объектом интересов США, именно ее они намеревались покорить и подчинить своей воле прежде всего. СССР лежал в послевоенных руинах, и мало кто ожидал, что именно Советский Союз ста-

нет для США главной внешнеполитической проблемой. Ставка делалась на создание ООН, где США изначально намеревались играть ведущую роль, на тесные англо-американские отношения, на выработку приемлемых методов сотрудничества со сталинским режимом¹.

В 1978 году в Колумбийском университете вышла книга «Сдерживание. Документы американской внешней политики и стратегии 1945–1950 гг.». В ней опубликованы основные, бывшие до того сверхсекретными документы холодной войны. Из этих документов явствует, что **идеологическая борьба** с СССР имела для США **второстепенное** значение. Главной целью американской политики было **разрушение Советского Союза как geopolитической целостности** на пути США к мировому господству. Из них, в частности, видно, что еще в 1939 году были выработаны планы принятия США на себя прежней роли Британской империи в качестве мирового властелина, которые потом и воплотились в стратегии и документах холодной войны, главным из которых является NSC от 14 апреля 1950 года.

Центральное стратегическое понятие в вышеназванных документах — достижение geopolитических целей США **«средствами, находящимися на грани с войной»** (в традиционном смысле. — И. И.). Эти средства включают **экономику, дипломатию, использование международных организаций, созданных в качестве так называемых «институтов гегемонии»**, и, наконец, **угрозу применения силы**. Установившееся положение вещей после Второй мировой войны — **военный мир**, иными словами, **как сказано в NSC 20/1, «тотальная политическая война, конечной целью которой является безоговорочная капитуляция Советского Союза»**, на пути к которой определялись и промежуточные цели: а) geopolитическое ограничение силы и влияния СССР; б) компрометация идеологии geopolитического противника, включая, с одной стороны, теологизацию американской идеологии в качестве универсального мировоззрения, а с другой — демонизацию всякой идеологии, представляющей потенциальную угрозу для гегемонии США.

¹ Nitze P. The Grand Strategy of NSC-68 // NSC-68. Forming the Strategy of Containment. Ed. by N. Drew. Wach., 1994. P. 7.

«Наши цели в отношении Советского Союза, — говорится в этих документах, — если они не могут быть осуществлены средствами, граничащими с войной, должны быть достигнуты с помощью самой настоящей войны, ибо наша задача — свергнуть советскую власть и разрушить СССР».

Далее в документе говорится, что геополитические цели США, по существу, военные цели. Каковы же они?

Во-первых, уничтожить сферу советского влияния в Восточной Европе (в NSC 20/1 это обозначено как «**первая цель**»), которая достигается **с помощью экономического проникновения**.

Таким образом, экономика была включена в арсенал способов и средств войны «иными средствами». Государственный секретарь Маршалл, выступая в Гарварде в 1947 году, заявил, что его план — **«военные действия, осуществляемые при помощи экономики**, цель которых, с одной стороны, сделать Западную Европу полностью зависимой от Америки, с другой — подорвать влияние СССР в Восточной Европе и подготовить почву для установления американской гегемонии в этом регионе». Видимо, **с этого момента и надо отсчитывать возникновение понятия «экономическая война»**.

Помимо того, в NSC 20/1 утверждается: **«Вторая цель — изменение границ Советского Союза и отделение** от него, в первую очередь, Балтийских стран и Украины. Для этой цели надлежит поощрять и инициировать любые **сепаратистские движения** в Советском Союзе, ибо сепаратистские движения, правильно организованные, являются самым лучшим средством для уничтожения советской мощи и **расчленения СССР**»¹.

«Независимо от того, каким будет антикоммунистическое правительство грядущей России (конечно, дружественно относящееся к США), — говорится в документе, — оно всегда должно обладать лишь ограниченным военным потенциалом и должно пребывать в состоянии полной экономической зависимости от Соединенных Штатов»².

Таким образом, после Второй мировой войны США фактически выступили как преемник нацистской Германии в качестве

¹ Цит. по: Крейтор Н. Геополитика «холодной войны» // Наш современник. 1998. № 5. С. 220.

² Там же. С. 222.

злейшего врага СССР. Уничтожение СССР, как и у Гитлера, было главной целью крестового похода США. Императивы американского имперского мышления питались теми же амбициями, что и гитлеровской Германии: быть единоличным лидером мировой политики. То, что Гитлер называл политикой «жизненного пространства», в доктрине Рузвельта именовалось политикой «открытых дверей».

Повторю: «холодная» война была для США войной настоящей, а не игрушечной. И те **четко очерченные цели, предполагавшие бескомпромиссную борьбу с СССР всеми средствами и до конца** (важнейший элемент понятия «война»), — первое тому подтверждение.

Другое дело, что это была война **нетрадиционная**, война нового типа, в которой уже с самого начала просматриваются новые подходы, новые формы и методы ее ведения. В процессе подготовки стратегии и в ходе холодной войны рождались новые, тончайшие технологии ее ведения, к числу которых прежде всего относятся **экономическая война и психологическая война**.

О психологической войне необходимо сказать особо.

Приведу программное высказывание (оно лежало в основе психологической войны и холодной войны в целом) бывшего руководителя ЦРУ США А. Даллеса. Он говорил: «Посеяв там (в Советском Союзе. — И. И.) хаос, мы незаметно подменим их ценности на фальшивые и заставим их в эти фальшивые ценности поверить. Как? Мы найдем своих единомышленников... своих союзников и помощников в самой России. Эпизод за эпизодом будет разыгрываться грандиозная по своему масштабу трагедия гибели самого непокорного на Земле народа, окончательного, необратимого угасания его самосознания... Мы будем всячески поддерживать и поднимать так называемых художников, которые станут насаждать культ секса, насилия, садизма, предательства — словом, всякой безнравственности. В управлении государством мы создадим хаос и неразбериху... Мы будем незаметно, но активно способствовать самодурству и беспринципности чиновников, взяточников. Бюрократизм и волокита будут возводиться в добродетель... Честность и порядочность будут осмеиваться и никому не станут нужны, превратятся в пережиток прошлого.

Хамство, наглость, ложь и обман, пьянство и наркомания, животный страх перед другом и беззастенчивость, предательство, национализм и вражду народов, прежде всего вражду и ненависть к русскому народу, — все это мы будем ловко и незаметно культивировать, все это расцветет махровым цветом...» А. Даллес получал, что надо всячески шельмовать и изображать как отбросы российского общества всех тех, кто догадается или поймет эти замыслы Запада. «Без этого, — писал он, — не уничтожить самого непокорного на Земле народа».

В 1951 году для ведения психологической войны в США был создан специальный суперсекретный **межведомственный орган — Управление психологической стратегии (УПС)**, который осуществлял специальные исследования, организовывал информационные потоки, планировал конкретные психологические операции. Постоянными членами этого Управления были помощник Государственного секретаря США, помощник Министра обороны США и директор Центрального разведывательного управления. Цель УПС — последовательное эффективное воздействие на СССР невоенными и неэкономическими средствами. Параллельно с УПС действовало Командование тактической информации, осуществлявшее психологическую поддержку конкретным военным операциям. Так было во время войны в Корее (1951–1953 гг.), во Вьетнаме (1964–1966 гг.) и далее.

УПС просуществовало не так долго из-за чисто аппаратных игр: Совет национальной безопасности, Госдепартамент не хотели иметь еще одного игрока и соперника на внешнеполитическом поле. Взамен УПС был создан новый сверхсекретный орган — **Управление координации операций (УКО)**. Но общая идея психологического сопровождения внешнеполитической деятельности, термины «психологическая стратегия», «психологическая операция», принципы и подходы, наработанные УПС, вошли в обиход этого управления и американских спецслужб навсегда. С тех пор психологическая стратегия США понималась и понимается как «многоуровневая система мер, направленная на оказание скрытого, **закамуфлированного** воздействия на основного геополитического противника США — Советский Союз и его союзников — для создания международного климата, благоприятствующего реализа-

ции целей „свободного мира“ по достижению мирового лидерства во всех областях (экономической, технологической, военно-политической, идеологической, культурной и т. д.)».

В меморандуме Э. Тэйлора от 30 декабря 1952 года «психологическая стратегия» приравнивалась к понятию **«психологическая война»** и в такой широкой трактовке включала в себя информационную и культурную деятельность, направленную на зарубежные страны с целью повлиять на состояние умов отдельных граждан и целых социальных групп на территории потенциального противника, их намерения, ожидания, представления; скрытые политические манипуляции, тайные меры экономической войны (саботаж, диверсии)¹.

Стержневое значение в психологической войне имел проект под названием «Советская уязвимость». Его разрабатывали известные специалисты «по России», такие как Дж. Кеннан, профессора Гарвардского университета Р. Вульф, А. Инкелес, Б. Мур, Р. Гершенкрон, а также С. Блэк из Принстонского университета, Дж. Кэмпбел из Государственного департамента США. Был создан специальный «Реестр холодной войны», в который заносились все средства реализации психологической стратегии. К таким средствам относились множество различного рода государственных и негосударственных неправительственных организаций, связанных с внешнеполитической деятельностью, некоторые университеты и исследовательские центры, частные фонды и фирмы, частные лица. Таковыми были, например, Комитет по существующей опасности, Совет НАТО, Национальный совет по предотвращению войны, Всемирная федерация содействия ООН; организации «Мировые федералисты», «Американцы за демократическое действие»; Совет мировых проблем, Национальный военный колледж, Чикагский институт психоанализа, Институт дипломатической службы, Дартмутский колледж, Бруклинский институт; многие профессора таких университетов, как Миннесотский, Нью-Йоркский, Колумбийский, Мичиганский, Стэнфордский, Вашингтонский, Чикагский, Бруклинского института и Массачу-

¹ Memorandum to Steering Group from Edmond L. Toylor. 30.12.1952. PSB Files. 091. 412. box 15. Цит. по: Макарычев А. С. Из истории холодной войны: «психологическая стратегия» //США: экономика, идеология, политика». 1997. № 6. С. 75.

сетского технологического института, Флетчерской школы права и дипломатии.

В период холодной войны в США были проведены тысячи исследований по поиску «приемлемых», «менее опасных», «мирных» способов применения военной силы без непосредственного развязывания вооруженной борьбы — давление, нажим, шантаж, запугивание с целью получения политических, экономических и других дивидендов, близких к тем, что давали традиционные войны.

Военно-устрашающие действия пронизывали все формы противоборства: политическую, дипломатическую, идеологическую, экономическую, технологическую, финансовую борьбу. Так, планом «психологической войны» США предусматривалось систематическое воздействие на население и руководство СССР с целью внушения готовности Вашингтона в любой момент нажать на ядерную кнопку, нанести внезапный сокрушающий удар, пойти на сумасшедшие действия. Основу психологического устрашения СССР хорошо раскрывает высказывание Президента США Р. Рейгана: «Никто не хочет пускать в ход атомную бомбу, но враг должен ложиться спать в полной убежденность, что мы можем выпустить ее».

Кроме психологической войны к разряду тонких технологий холодной войны, которые обеспечили США успех, относится ее **особая скрытность**. Подчеркиваю — особая. Ибо разведка и разного рода тайные приемы в войне, как известно, применяются издревле. Но **холодная война со стороны США выступает как «супертайная борьба»**. Многие исследователи полагают, что перенос центра тяжести на тайные операции обеспечил **коренное** изменение всего хода холодной войны, сыграл **решающую** роль в достижении победы США и Западом.

Тайными операциями США руководила Рабочая группа по делам национальной безопасности, в которую на протяжении большей части 80-х годов входили президент США, вице-президент, директор ЦРУ, руководитель Госдепартамента и Министерства обороны, советник президента по делам национальной безопасности. Особую роль играл директор ЦРУ, который имел рабочий кабинет в Белом доме, круглосуточный доступ к прези-

денту и держал в своих руках все приводные ремни тайных операций. Никто, кроме перечисленных лиц, не имел полного представления о замыслах, целях и планах этих операций. Записи на заседаниях группы велись на листах, которые нельзя было выносить из зала заседаний, они хранились в секретных делах президента. По вопросам тайных операций члены рабочей группы никогда не советовались с Конгрессом, Сенатом, Верховным судом. Иными словами, подготовка и осуществление тайных операций тщательно скрывались не только от государств, против которых они были направлены, но и от американского народа, общественности, средств массовой информации.

Когда в начале 80-х годов одному из подкомитетов Конгресса США стало известно о тайном сговоре представителя США с верхушкой Саудовской Аравии о совместных тайных действиях по оказанию помощи моджахедам в Афганистане и конгрессмены решили провести слушания по этому делу, в Конгресс явились работники службы безопасности и в нарушение существующих законов изъяли все документы, магнитные записи по этому вопросу, а президент США лично запретил касаться таких дел или распространять какую-либо информацию о них. Взаимодействие спецслужб и разведок, министерств, политических, предпринимательских, информационных и других организаций многочисленных государств, принимавших участие в тайных операциях, налаживалось и регулировалось непосредственно членами Рабочей группы по делам национальной безопасности, прежде всего начальником ЦРУ, секретарем госдепартамента и министром обороны. Тайные операции финансировались по особым каналам, и расходы на них не отражались в государственном бюджете¹.

Одним словом, США имели общую **доктрину** холодной войны, **планы** по каждому из видов борьбы, организационные **механизмы** их реализации глобального масштаба, руководящие **центры** и т. п. По логике вещей, руководство СССР должно было знать об этом через свою политическую и военную разведку и наверняка знало. В этом случае СССР, как и США, должен был

¹ См.: Серебряников В. В. Социология войны (гл. «Холодная война как социально-политический феномен»). М., 1997. С. 294–296.

иметь свою стратегию холодной войны, свои планы и органы руководства этой войной. Но если часть важнейших документов США по этому поводу уже опубликована, то никаких документов, показывающих цели, задачи, формы и методы ведения холодной войны со стороны СССР, пока неизвестно. Возникает даже мысль, что их и не было.

Во всяком случае, известно, что руководство СССР, как это ни парадоксально, исключало ведение психологической войны на территории западных государств, считая это вмешательством в их внутренние дела. Даже управлению спецпропаганды Главного политического управления Советской армии и Военно-Морского Флота запрещалось вести пропагандистские операции во время оказания помощи Вьетнаму, в ходе отражения им американской агрессии, а также во время войны в Афганистане. Настойчивые предложения некоторых генералов и офицеров действовать наступательно и проводить психологические операции на территории других государств влекли за собой неприятности. По этой причине, в частности, был досрочно уволен в запас один из руководителей Управления спецпропаганды Главного политического управления Советской армии и Военно-Морского Флота, генерал-майор Л. Шершнев.

Таким образом, к числу итогов холодной войны надо отнести не только экономические и политические выгоды, которые получили США и Запад как победители, но и основы новой концепции современной войны как систему идей, принципов, форм и методов ее ведения с наименьшими людскими и материальными потерями в целях очередного передела (перестройки) мира и установления «нового мирового порядка».

2. О НОВОЙ КОНЦЕПЦИИ И НОВОЙ «КУЛЬТУРЕ» ВОЙНЫ

Холодная война стала убедительным примером того, что политические цели могут быть достигнуты не посредством **прямого** вооруженного вмешательства, а путем применения иных форм насилия, **подрыва** мощи противника **изнутри**. Эта война завершилась

без **непосредственных** вооруженных сражений и кровопролитий между основными противниками — США и СССР, без использования ими ядерного оружия, хотя за всеми периферийными (локальными) войнами (Корея, Вьетнам, Египет-Израиль, Мозамбик, Ангола, Афганистан и т. д.) всегда стояли эти две супердержавы и их союзники.

С точки зрения новой концепции войны это, может быть, самый главный вывод: поскольку цель войны — получение выгоды, то надо воевать так, чтобы эта выгода была максимально возможной. А именно надо воевать такими способами, чтобы овладеть страной (территорией, материальным богатством, в том числе и армией, не разрушая и не уничтожая их). «Пиррова победа» сегодня не в моде.

Речь идет об изощренной стратегии «непрямых действий». Сама по себе эта идея не нова. Можно сказать, что американцы взяли на вооружение учение древнекитайского военного теоретика и полководца Сунь-Цзы (V век до н. э.), который писал: «Тот, кто умеет вести войны, покоряет чужую армию, не сражаясь; берет чужие крепости, не осаждая; сокращает чужое государство, не держа свое войско долго». Он же утверждал: «Самая лучшая война — разбить замыслы противника, на втором месте — разбить его союзы и потом — разбить его армию. Поскольку цель войны — получение выгоды, то ради этого надо сделать все, чтобы овладеть страной и армией противника, не разрушая их»¹.

В самом деле — что главное в войне? Насилие, то есть стрельба и борьба сами по себе? Конечно же нет. Главное в войне — достижение цели. Насилие — средство этого достижения. Средства насилия могут быть разными и любыми. На протяжении борьбы (иногда очень долгой) они могут меняться и комбинироваться. И тот, кто достиг цели — победитель, кто проиграл — побежденный. После победы победитель «пожинает лавры», т. е. пользуется богатствами побежденного, по-своему и по-новому расставляя фигуры (личностей, государства, блоки и т. п.) на Великой шахматной доске.

Война, пока она будет существовать, всегда будет насилием. Но если раньше война начиналась и заканчивалась военными дей-

¹ Военная мысль. 1993. № 12. С. 38.

ствиями, то есть **вооруженным** насилием, то ныне, если внимательно вникнуть в содержание многочисленных «малых» региональных войн, которые произошли с 1946 по 1995 год (а таковых случилось около 900), особенно в войнах, которые США и НАТО вели в последнем десятилетии (Сомали, Ирак, Босния, Косово и Югославия в целом и т. д.), то мы заметим несколько существенных изменений, говорящих о том, что мы являемся свидетелями реализации именно новой концепции войны, осуществляющей во многом, а иногда совсем иными способами, формами и методами.

1. Изменилось понимание войны, и прежде всего роли в ней **вооруженного** насилия, которое прежде было главным и едва ли не единственным элементом содержания войны.

2. На первое место выдвинулись средства **социального насилия**: политические, идеологические, дипломатические. И особенно — экономические. Раньше эти формы межгосударственных отношений использовались как превентивные меры до объявления начала военных действий. Теперь они используются как формы **ведения** войны. Более того, войны необъявленной, в сочетании с боевыми действиями. Что происходит, например, в Югославии? Идут бомбардировки. И в то же время было объявлено эмбарго на поставку нефтепродуктов. К. Милошевичу один за другим прибывают дипломатические эмиссары. Все происходящее в Югославии показывает телевидение, в том числе для населения Югославии. То есть ныне война носит характер **комплексного** насилия: вооруженного, экономического, дипломатического, информационного, психологического. Каждое из этих направлений планомерной деятельности составляет самостоятельный элемент содержания общего, широкого понятия «война» и в свою очередь может быть также названо войной — экономической, информационной, психологической, политической. Понятие войны, таким образом, теряет свои четкие очертания, расплывается. Воистину, все выходит так, как писал Оруэлл: «Война — это мир. Мир — это война». Слово «война» сегодня приложимо едва ли не к чему угодно. Говорят о войне торговой, таможенной, промышленной, технологической, финансовой и т. д. Не способный ухватить смысл происходящего, мозг массового обывателя отключается.

3. Появились **принципиально новые**, прежде неведомые формы ведения войны: **психологические, информационные, экологические** и другие, которые, по сути дела, уже являются главными.

Еще в 1970 году американский специалист А. Гальстон, изучавший действие экологического оружия в Индокитае, ввел термин «экоцид», т. е. «экологическая война» — преднамеренное воздействие человека на природу, окружающую среду в военных целях. США были первыми, кто применил экологическое оружие. 30 ноября 1961 года Президент США Д. Кеннеди отдал приказ о применении цитотоксических боевых рецептур для поражения природной среды в ходе боевых действий в Индокитае. На огромных территориях Вьетнама с помощью отравляющего вещества «эйджент оранж» были уничтожены десятки тысяч мирных жителей, тропические леса и почвы. В общей сложности пострадало более 2 млн человек. Если до начала экоцидной атаки в долине Аллюй насчитывалось 170 видов птиц и 55 видов млекопитающих, то после «обработки» американцами этой территории гербицидами, там осталось только 24 вида птиц и 5 видов млекопитающих¹.

Вооруженное насилие используется прежде всего в качестве устрашения или — в крайнем случае.

4. Появились новые **виды** оружия — нелетального (несмертельного) действия: психотропное, генетическое, биологическое, экологическое. Они дополняют обычные и ядерные виды вооружений, но крайне эффективны. Это различные типы лазеров для ослепления людей, химические средства, не позволяющие людям и машинам двигаться по дорогам из-за практически «нулевого» трения, специальные боеприпасы с химикатами, выводящие из строя двигатели самолетов, кораблей и машин, электромагнитные приборы, блокирующие работу электронной техники, и т. д.

5. Резко усилилась роль **скрытых форм** ведения войны. Скрытая фаза психологической войны, как показывает история холодной войны и нынешней России, может длиться очень долго. В течение этого времени усиливается разведывательная деятельность с целью определения реального военно-экономического потенциала госу-

¹ Васильев А. И. Техногенная безопасность военной деятельности накануне XXI века. М., 1998. С. 33, 35.

дарства противника, выявления уязвимых мест в системе государственного и военного управления. Проведение этих мероприятий сочетается с политическими и дипломатическими акциями, направленными на дискредитацию внешней и внутренней политики вражеского государства, международную изоляцию, лишение союзников, установление политической и экономической блокады.

6. Специалисты считают, что **возможная крупномасштабная война будет скоротечной**. Это определяется наличием исключительно мощных, разрушительных видов оружия. В своих прогнозах военные теоретики связывают продолжительность войны с действием закона «убывающей силы» государств в ходе военных действий, т. е. с их возможностью своевременно восполнять людские потери и материальные издержки, понесенные в процессе операций. Согласно этому закону война продолжается до тех пор, пока в общем балансе сил фронта и тыла не создастся катастрофическая диспропорция, в результате которой страна окажется совершенно истощенной, не способной питать армию.

Объективно складываются предпосылки к резкому сокращению продолжительности военных действий. **Следовательно, ошибочно рассчитывать на то, что в ходе войны удастся развернуть военную экономику, наверстать упущенное в мирное время, накопить необходимые стратегические ресурсы для ведения напряженных операций.** Заботиться об этом надо заблаговременно. Делать расчет на отражение агрессии **пассивными** оборонительными ответными действиями после начала войны — значит заранее обрекать себя на поражение.

Таковы, на мой взгляд, базисные идеи и основы новой концепции войны.

В терминах культуры об этой концепции можно сказать, что в ней, по замыслу, должно быть меньше варварства и больше цивилизованности. То есть меньше откровенной грубости, примитивизма, жестокости, насилия — одним словом, крови и разрушений; большие утонченности, изощренности, обходительности, подтекста, почти очарования и т. п.

...Кошка играет с мышью, прежде чем сожрать ее. Можно думать, что она растягивает свое удовольствие. А можно на это взглянуть и по-другому: кошка дает возможность мышке насладиться послед-

ними мгновениями жизни. Кошка, если глубоко взглянуть на сущность этого милого и ласкового зверька, животное чрезвычайно демократичное и гуманное. Она просто любит мышку и игрой с нею демонстрирует всему животному и человеческому окружению свой гуманизм. И то, что кошка все-таки съедает мышку, она в общем-то тут ни при чем. Виноват голод. Жрать хочется.

...Говорят, что палач «любит» свою жертву. По-своему, конечно. Прежде чем рубануть топором по шее, он тщательно прицеливается, чтобы голова отлетела с одного удара. Говорят, палач даже может страдать. Гильотина была изобретена и для того, чтобы облегчить тяжелую участь палачей. Потом (как всегда, это были, конечно же, американцы) изобрели электрический стул. Прогресс в области «культуры» казни, «культуры» убийства налицо. Смысл этого процесса прост: «Я убью тебя не больно». Но — убью. Потому что «у меня есть национальные интересы». А проще — «жрать хочется».

Как известно, во время натовской агрессии в Югославии летчики разбомбили несколько автобусов с мирными жителями. НАТО не сразу признало это. Но в первый раз, когда это случилось, официальный представитель НАТО Джемми Шеа, выступая на пресс-конференции, которую показывали по телевидению, сказал дословно следующее (я слышал и записал это сам): «Он (т. е. летчик. — *И. И.*) сбросил свои бомбы с лучшими намерениями, как и подобает пилоту из демократической страны». Кажется, еще немного — и появятся выражения «гуманитарная бомба», «демократическая ракета», «смертельная помощь» и тому подобные. Страшный абсурд! Как можно бросить бомбу «с лучшими намерениями»? Как можно выговорить эти слова? Только при одном условии: если так думаешь.

О войне в ее традиционном, варварском смысле сегодня стаются не говорить. Ибо наступила «эпоха прав человека», «эпоха демократии», то есть как бы прав и власти народа, который, если вести войну все теми же варварскими методами, и является той самой «мышью», которой играет «кошка- власть», и есть та самая «шея», которую ищет нож гильотины. И поэтому идею войны и сам способ ее ведения надо «завернуть» в такие обертки, так преподнести, чтобы народу было не страшно. Народ должен думать, что от войны ему не будет больно, а если все же и будет, то совсем не долго.

А лучше всего сделать так, чтобы народ (он же — избиратели, налогоплательщики, население, масса, толпа) не знал вообще и совсем не понимал, что такое современная война. А просто тихо и спокойно жил и страдал, болел и умирал как бы естественной смертью, потому что вечно жить не дано никому, умирать все равно придется.

Наступила эпоха «гуманных», «цивилизованных» войн. Выражения, в которых описывается современный мир («методы политики, находящиеся на грани с настоящей войной», «военный мир», «мирная агрессия» и т. п.), как правило, состоят из «враждебных» друг другу, конфликтующих и несоединимых слов, отражающих прямо противоположные смыслы и явления: война — мир, вражда — дружба и т. п. По сути своей эти выражения абсурдны. Между тем на их основе строятся доктрины национальной безопасности, военные доктрины, которые реализуются на практике. В результате возникает абсурдная реальность, абсурдный мир, в котором оказывается возможным, чтобы группа стран ради якобы гуманных целей довела действительно острую, но относительно небольшую гуманитарную проблему до масштабов всемирной гуманитарной катастрофы, убила тысячи людей, стерла с лица земли прекрасную страну. Я говорю о косовской проблеме и Югославии... Абсурд.

Человек поступает так, как он мыслит. Абсурд и хаос в голове — абсурд и хаос в делах и в жизни. Если грань между войной и миром исчезает в мыслях и понятиях, это значит, что мы действительно, сами того не понимая, все время находимся на «мирной» войне, живем в условиях «военного» мира.

Идеи и принципы новой концепции и новой «культуры» войны в сущности своей определяют содержание, формы и методы действий, направленных на устранение войны из жизни человечества, то есть культуры мира.

3. ЧТО ПРОИСХОДИТ В МИРЕ СЕГОДНЯ?

Вопрос, на который надо ответить, носит самый общий и потому самый принципиальный характер: «На каком этапе развития и в каком состоянии находится общепланетарное человеческое со-

общество?» Этот вопрос и будущее мировых закономерностей являются сегодня предметом научных прогнозов сильнейших умов мира, различных школ «оптимистов» и «пессимистов». Напомню о двух самых громких и известных констатациях.

Первая принадлежит профессору Фрэнсису Фукуяме. В 1989 году в журнале «Нэшнл интерес» в статье «Конец истории?», которая затем была расширена в одноименную монографию, он заявил, что с крахом коммунизма история пришла к счастливому завершению и человечеству предстоит в будущем только совершенствоваться на непревзойденной и безальтернативной либерально-демократической основе. Иначе говоря, **мир стар**, образование новых цивилизационных моделей уже завершено. Мировое сообщество стоит на пороге создания и уже вступило в пору строительства единой общечеловеческой цивилизации. **Главное – интеграция** наций, народов и государств. Основа этой интеграции – **либерализм**. Главный интегратор и мировой гегемон – США.

Второй прогноз принадлежит также американскому профессору Самюэлю Хантингтону. В 1993 году в журнале «Форин Афферс» он опубликовал статью «Столкновение цивилизаций?», дух которой куда менее оптимистичен, чем статьи Фукуямы. Хантингтон предсказывает, что на смену прежнему антагонизму между капитализмом и социализмом идет жестокое противоборство цивилизаций, и в первую очередь западной, исламской и православной. Сторонники этой точки зрения полагают, что **мир еще молод**, полон творческой энергии для развития «старых» и создания новых цивилизационных общностей. Главной тенденцией **будет дифференциация, дивергенция, суперенизация**, а их «идейной» основой – **национализм**, грозящий довести принцип права наций на самоопределение до полного абсурда.

У каждой из этих точек зрения есть свои сторонники. Но большинство специалистов отвергают и тот, и другой подходы как единственное и универсальное объяснение происходящего в мире. На самом деле все неимоверно сложней. Все сходятся, пожалуй, только в одном: мы являемся свидетелями и участниками **общемирового кризиса** как следствия накопившихся проблем развития, которые были замечены с большим запозданием, продолжают накапливаться, углубляться и обостряться.

Наблюдая за происходящим на планете, выдающиеся умы человечества все чаще задаются вопросом, обладает ли оно, то есть это самое человечество, здравым смыслом? В конце 60-х годов крупнейшие ученые и мыслители XX века объединились в Римский клуб и за 25 лет своего существования представили миру 20 научных докладов, уже первый из которых — «Пределы роста» — потряс мировое сообщество. Ибо он и все остальные доклады в конце концов сходились в одном: **человечество ускоряющимися темпами идет к катастрофе, к своей гибели**. Под угрозой находятся не просто его благополучие, а само существование, сама жизнь человечества. И это не просто разговоры о «конце света», а научные прогнозы, основанные на математических расчетах. Это прогноз не на столетия, а на сто—сто пятьдесят лет. То есть для вас и ваших будущих детей. С тех пор появилось понятие **«глобальные проблемы человечества»**.

Почему эти проблемы называются глобальными? Потому что они касаются как минимум сотен миллионов людей, а как правило — всего мира, то есть являются общепланетарными. Что это за проблемы? Римский клуб называет их около тридцати. Это — бесконтрольное расселение человечества; неравенство и социальная несправедливость; мания роста; голод и недоедание; энергетический кризис; истощение сырьевых ресурсов; ядерное безумие; деградация окружающей среды; упадок моральных ценностей и утрата веры и тому подобные.

Вот пример глобальности и взаимосвязанности трех проблем такого рода.

Проблема бедности: от болезней, связанных с бедностью, в мире (прежде всего в Африке, Латинской Америке, на Ближнем и Среднем Востоке) ежегодно умирают около 20 млн человек, или 40 000 человек в день, или 1700 человек в час.

Проблема социальной несправедливости: на долю **полутора десятков** самых богатых стран — США, Европа, Япония, Австралия и др. — из почти двухсот стран мира приходится около 85% мирового дохода.

Главной причиной войн и конфликтов является **проблема социальной несправедливости** в отношениях между странами и между людьми внутри самих стран.

Почему это происходит? И что делать, чтобы мир не погиб?

На мой взгляд, убедительный ответ на эти вопросы был дан в июне 1992 года в Рио-де-Жанейро, где под эгидой ООН состоялась конференция по теме: «Окружающая среда и развитие». Главный и оглушительный вывод, к которому пришли сотни лучших умов мира, звучит так: **путь, по которому в течение последних столетий двигалась основная часть человечества, добившаяся наиболее значительных экономических и научно-технических успехов, сказать коротко и понятно — путь капиталистического развития, главным смыслом которого является погоня за прибылью, исчерпал себя. Исчерпал полностью и окончательно. Дальнейшее движение по этому пути ведет к неизбежной гибели всего человечества.** Человечество должно срочно найти новую парадигму (модель, концепцию) своего существования и развития. Эти выводы и предложения содержатся в заключительном документе конференции под названием «Повестка на XXI век».

Еще одной доминантой мирового развития является процесс **интернационализации** экономики, развития единой системы мировой связи, изменения и ослабления функций национальных государств, активизации деятельности транснациональных негосударственных образований (компаний, корпораций). В принципе этот процесс является **естественно-историческим**, эволюционным, происходящим в течение столетий. Об идее «вечного мира» и необходимости образования единого мирового правительства писал еще И. Кант. Французский историк Ф. Бродель считает, что еще в XVI–XVII столетиях начался процесс интернационализации капитала, создания «мировой экономики» вокруг некоторых центров европейского капитализма (Англия, Голландия и др.). Если говорить об эволюции человечества с ее непременной постепенностью перемен, происходящих по воле жизни, в ходе естественной борьбы Нового и Старого, то интернационализацию надо признать **объективным** процессом.

Однако с некоторых пор темпы развития этого процесса резко ускорились. И не только под воздействием НТР, появления компьютера, электронных средств связи и т. п. За этим объективным по своей природе процессом обнаружились могучие силы, которые ускорили его искусственно, придавая его движению выгод-

ное им направление. Особенно заметно это стало после исчезновения с мировой политической арены СССР и его союзников. Общемировой процесс интернационализации капитала получил новое название — «глобализация». В определенном смысле глобализация — это прямое продолжение естественно-исторического процесса, и в то же время — нечто принципиально новое, искусственное, навязанное — субъективное.

О глобализации **впервые** заговорили американцы. Термин «глобализация» **впервые** вышел из-под пера американца Т. Левитта в статье, опубликованной в 1983 году журналом «Гарвард бизнес ревью». Он обозначил этим словом экономический феномен слияния рынков многонациональных корпораций. В 1990 году другой американец из Гарвардской школы бизнеса К. Омэ опубликовал книгу «Мир без границ», в которой придал этому понятию более широкое значение. За прошедшие с тех пор годы все окончательно встало на свои места. Сегодня даже самые яростные либералы на Западе, в том числе в Европе, признают **американоцентричность** глобализации.

Скажут: «Разве в этом дело?» У этого процесса, как его ни назови — «глобализация» или «интернационализация», есть очевидные выгоды. Расширяется рынок. Углубляются специализация и международное разделение труда. Стимулируется рост производства. Происходит экономия на масштабах производства и т. д. Конечным результатом «интернационализации-глобализации» должно стать **общее** повышение благосостояния в мире и, стало быть, устойчивость развития.

Вряд ли. Пока, как хорошо известно, все выгоды от этого процесса получат те силы, которые за ним стоят, стимулируют, ускоряют: Великая Триада — США, Европейский союз, Япония, а также ТНК. Из глобализации как источника выгоды исключены развивающиеся страны. В частности, Россия. Зато налицо негативные последствия: ужесточается конкуренция стран, фирм и личностей, порождая конфликты на национальном, региональном и интернациональном уровнях. Глобализация лишь углубляет и без того безмерную пропасть между богатыми и бедными, обостряет проблему социальной справедливости. То есть не решает глобальные проблемы человечества, а усугубляет их.

Решать их так или иначе надо. Реальность глобальных проблем как угрозы существованию человечества вполне сознают все, в том числе США и их союзники. Об этом, на мой взгляд, лучше всего свидетельствует тот факт, что под заключительным документом конференции в Рио-де-Жанейро «Повестка на XXI век» поставили свои подписи главы государств и правительств 147 стран мира, в том числе США, Японии и всех европейских стран. Для реализации идеи «устойчивого развития» государства обязались, в частности, преодолевать образовавшийся колоссальный разрыв между подавляющим большинством бедных и абсолютным меньшинством богатых и сверхбогатых стран, делиться с развивающимися странами передовыми технологиями, распространять в богатых странах идеологию разумного, умеренного потребления и т. п. Главная цель всех этих и многих других мер — движение к социальной справедливости, снятие существующего и предотвращение нового социального напряжения в обществах и между странами. Все это давало возможность полагать, что выводы Конференции послужат неким поворотным пунктом во внутренней политике государств, в международных отношениях и мировом развитии в целом. Тем более что согласно решению Конференции государства-участники должны были разработать и принять национальные концепции перехода на путь устойчивого развития. И большинство стран их впоследствии приняло.

Однако на самом деле в большинстве случаев они оказались не более чем «дымовой завесой». В действительности развитые страны сделали из сложившейся ситуации совершенно иной, выгодный только для них вывод: они решили ускорить процесс глобализации, т. е. все того же, по своей сути гибельного пути капиталистического развития стран мира, возглавив этот процесс и управляя им. Подчеркнем: двигателем глобализации является мировой (глобальный) капитализм, представляющий собой тенденцию, фазу человеческой истории и в то же время **политическую программу**.

Глобальный капитализм как **политическая программа** поддерживается США, ЕС, ТНК и могущественными частными компаниями. Сама по себе это не новая программа, однако историки сходятся во мнении, что в последние годы она приобрела черты

идеологии, причем идеологии агрессивной. Начиная со времен Рейгана и Тэтчер и после крушения Советского Союза глобализация стала «единственной игрой» во «всемирной деревне». Основными средствами продвижения к всемирному капитализму служат deregulation и либерализация экономики, приватизация, конкуренция и структурная перестройка. Цели этой программы поддерживаются средствами массовой информации, школами бизнеса, профессиональными журналами, большинством «серезных» экономистов, а также некоторыми обществоведами. Поддерживают их также наиболее мощные международные организации, в частности Всемирная торговая организация, Всемирный банк и Международный валютный фонд.

Разграничение между объективной тенденцией развития общества и политической программой клана государств редко является самоочевидным, сознательно затушевывается. Идеологи глобального капитализма подчеркивают значение и неизбежность экономических тенденций, определяющих человеческую историю. Они находят много сторонников, ибо в интеллектуальном и политическом отношении удобно присоединиться к вечному движению, к свободе и процветанию. С недавних пор многие государства и правительства сознательно отказались от своей доли ответственности, становясь таким образом послушными инструментами глобального капитализма.

Глобальный капитализм представляет собой не только **экономическую систему** с ее достоинствами и недостатками, но также и **идеологию**, предлагающую всеобъемлющую точку зрения на личное счастье и общественную гармонию. По мнению некоторых из его наиболее преданных лидеров и адептов, глобальный капитализм обладает всеми атрибутами **фундаментальной религии**. Поэтому необходимо оценить его вклад в мировую культуру, которая сейчас действительно формируется. Несколько черт этой культуры явно имеют негативные последствия для будущего человечества.

— Происходит совершенно очевидное проникновение денег в сферы жизни и общества, которые ранее традиционно формировались под воздействием других ценностей и целеустановок. Мир бескорыстия и благотворительности сужается. Ученые, которые

раньше работали, по крайней мере частично, для самореализации и ради добавления новых знаний к коллективному наследию, ныне работают на фирмы, ориентированные на получение прибыли, приобретение патентов или достижение преимуществ над своими конкурентами.

— Бедность по-прежнему определяется исключительно как нехватка материальных средств и удобств, в то время как становится все более очевидным, что **одиночество и отчуждение** — такие же серьезные и даже более труднопреодолимые проблемы. Некоторые богатые страны в действительности очень бедны в том, что касается общественных отношений, щедрости и духовности.

— Отношения между людьми, политические, экономические и социальные вопросы все чаще рассматриваются с позиций **pragmatизма**, граничащего с отказом принимать во внимание все, что не является очевидным, а также с таким чувством реализма, которое просто прикрывает собой цинизм. «Логика», «ограничения» и «потребности рынка», а также «конкуренции», не говоря уже о требованиях «финансовых рынков», не только принимаются, но и становятся неотъемлемой частью мировоззрения значительного числа людей, а также институтов, в теории отвечающих за всеобщее благосостояние. «Серьезным» почитается то, что соответствует требованиям **рынка**, иначе говоря, фактически совпадает с возврзениями и интересами тех, кто контролирует эту удобную абстракцию. То, на что нельзя быстро навесить ярлык «эффективного», считается « сентиментальным », «нелепым » или даже « опасным ». Доминирующая идеология калечит человеческий дух. **Организуемое устаревание и гибель культур**, образа жизни и форм социальной организации, которые не рассматриваются как «продуктивные» или «современные», или «рыночно ориентированные», фактически увязывается с идеей развития и прогресса.

Традиционный, классический капитализм исчерпал свой инновационный потенциал и все более становится реакционной силой, самой опасной ветвию исторического развития.

Сегодня глобальный капитализм (как тенденция и политическая программа) лишь частично отражает мировоззрение человечества и общества, которые нуждаются в обогащении и развитии представлений о прогрессе на базе какой-либо иной универсаль-

листской модели. Концепция этой модели пока лишь формируется, но несомненно одно: она не может не отрицать как концепцию «конца истории», так и будущее «столкновение цивилизаций», должна стать противовесом технократии и рыночному фундаментализму.

Почему США и их союзники отвергли идею «устойчивого развития» как новую парадигму движения человечества в будущее? Ответ прост: эта идея развития им абсолютно **невыгодна**. Экономически — потому что надо укротить темпы развития экономики, осуществлять его с опорой прежде всего на собственные сырьевые источники и взаимовыгодную торговлю с ресурсодобывающими странами; надо снизить планку потребления населения, привыкшего к его высоким стандартам; надо, более того, делиться своими богатствами и достижениями со слаборазвитыми и отсталыми странами.

Выравнивание уровня социально-экономического развития стран невыгодно США и развитым странам также и политически: слабые становятся сильнее, сильные — слабее. Содействовать этому — значит добровольно отказаться от идеи мировой гегемонии, от установления нового, выгодного им мирового порядка. За что же тогда боролись более полувека? Ради чего потратили столько сил и средств?

Тем более что впервые за всю историю США как никогда близки к достижению своей стратегической цели. С исчезновением СССР мир из bipolarного стал практически unipolarным. Существующий «униполь» включает в себя прежде всего группу развитых и богатых стран Запада. Ведущей державой внутри «униполя» являются США. Униполярность мира (то есть сосредоточение его могущества в одной «точке» взамен рассосредоточенности (баланса) этого могущества среди многих стран, как это было в прошлом столетии, а затем, до 1991 года, на двух полюсах — СССР—США) рассматривается идеологами этой доктрины как **конечная точка эволюции**. Отныне никакой многополярности и bipolarности, никакого «баланса сил» нет и быть не должно, полагают они. Отныне устанавливается «новый мировой порядок», который творится по замыслам и планам «униполя» при доминирующем мнении США.

Но все не так просто.

Не надо забывать о России, Китае и Индии, об исламском мире, о странах Азиатско-Тихоокеанского региона, о той же самой Японии, нынешнем союзнике США. Пока еще всерьез не задеты интересы и безопасность этих стран, они молчат. Но они скажут свое «слово» непременно, ибо США и Европа их непременно заденут. Просто потому, что сильны. А сила и энергия ищут выхода и применения. Таков закон. Да и внутри «униполя» единство и согласие далеко не абсолютны и не вечны. Германия и Франция имеют вековые амбиции, которые ныне поутихли, но не исчезли и непременно проявятся в свое время. Для чего, например, объединяется Европа, создав свою единую валюту? Для более успешной конкуренции. С кем? Да прежде всего — с Америкой. Драма униполюсности не за горами. Мы еще увидим, как евро вцепится в горло доллару.

Среди многих проблем на пути к установлению «нового порядка» (расширение числа участников глобального лидерства, достижение большего единства среди них и др.) едва ли не первостепенными и жгучими являются вопросы: 1) видят ли страны «униполя» возможность включения России — этой огромной и потенциально богатой страны — в число ведущих актеров мировой политики? 2) захочет ли сама Россия быть включенной в число стран-участниц глобального лидерства и жить по правилам одного из звеньев униполярной системы? Если ответ на эти вопросы положительный, то позиция глобального лидерства является прочной и сохраняется на долгие времена. Если ответ отрицательный, то униполярность не может быть стабильной и долгосрочной.

Пока ответ отрицательный. Запад проявил к России глупое равнодушие и недальновидность. Россия оказалась без его массированной помощи, которая была обещана на этапе начинавшейся перестройки Горбачеву, а потом (вначале) и Ельцину. Россия не стала ни партнером, ни тем более союзником Запада, поставлена в унизительное положение просителя кредитов и наблюдателя того, как НАТО по инициативе США наводит «порядок» то в Ираке, то в Судане, то в Афганистане, то в Югославии, полностью игнорируя при этом ее мнение. Экономически Россия по-

ставлена на колени. Теперь ее пытаются поставить на колени политически. То есть подавить волю, национальную гордость. Это бесперспективно. Может случиться так, что у России не останется иного выхода, как свернуть до минимума свои отношения с Западом, объявить себя самодостаточным миром и взять на себя роль лидера глобального сопротивления господству Запада. «Железный занавес» сегодня невозможен. Но разумная самоизоляция — вполне. Нежелательная, печальная, но при известных условиях неизбежная позиция, если альтернатива — самоунижение, самоуничтожение, смерть. Таков один из вариантов возврата к биполярности, а в последующем — и к многополярности мира.

Итак, о каком-либо единстве взглядов и позиций на мировое развитие и мировой порядок говорить не приходится. Противостояние очевидно. Чтобы США и их союзники обрели желаемые экономические и политические выгоды и установили новый мировой порядок, необходимо, чтобы подавляющее большинство стран отказались от того порядка, который установился после Второй мировой войны. Абсолютное их большинство добровольно это не сделает. Остается единственный путь — насилие, то есть война.

4. ЧЕТВЕРТАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА

До недавнего времени самым распространенным в мире было мнение, что холодная война закончилась; «империя зла» — СССР — повержена. Победили силы свободы демократии и прогресса; перед человечеством открылись невиданные прежде возможности и горизонты для установления на планете обстановки взаимодоверия, согласия, дружбы и мира. Нетрудно вспомнить, что всего пять-шесть лет назад такие представления властвовали умами абсолютного большинства политически наивных обывателей всех стран мира и даже многих казалось бы матерых политиков и государственных деятелей. Но эйфория по этому поводу стала быстро проходить. На глазах изумленного человечества в движение пришли такие мощные силы национализма и сепаратизма, на «теле» многих географических пространств (прежде всего — на постсоветском и восточноевропейском) обозначились

такие трещины и разломы, из которых, как во время землетрясений, вырвались такие огонь и жар, что годы холодной войны стали казаться благостным миражом.

Сегодня многие придерживаются точки зрения, согласно которой все происходящее в современном мире есть завершающая стадия холодной войны, на которой победители по праву делят свои выгоды и устанавливают тот образ и порядок жизни, ради которого и велась эта война. Поскольку, как полагают они, победили силы добра, то этот этап надо просто пережить, после чего наступит пора спокойного и устойчивого развития мирового сообщества по пути добрососедства, согласия, мира и благополучия. Но и этот наивный взгляд — не более чем очередная иллюзия.

Задумаемся: если и в самом деле именно агрессивность СССР являлась главной причиной глобальной вахты США и Запада на всем протяжении холодной войны, то почему, одержав победу в этой войне, устранив опасность этой агрессии, Соединенные Штаты Америки не «закрыли» НАТО, не увеличили свои легионы из Германии, Кореи, Японии, не возвратили к своему побережью флот, контролирующий мировую акваторию, не сократили военный бюджет? Уменьшившись с 1991 по 1995 финансовый год с 310 до 260 млрд долл., он постепенно возвращается к прежним параметрам. На 1999 финансовый год уже предусмотрены расходы в 270 млрд долл. На днях Конгресс США выделил дополнительно 17 млрд долл. на продолжение агрессии в Югославии. Американская политическая стратегия базируется на присутствии 100 тыс. американских военнослужащих в Европе, такого же числа в Азии, 25 тыс. на Ближнем Востоке. В постоянной готовности находятся 12 авианосных групп.

В чем дело? Ответ может быть только один: поскольку главная стратегическая цель — установление нового мирового порядка по-американски — в итоге холодной войны все-таки не достигнута, то войну следует продолжать. Но это уже не та долгая холодная война, о которой говорилось. При сохранении стратегической цели речь идет о войне нового типа: новой по форме, новой по содержанию, новой по методам ее ведения. Речь идет о четвертой мировой войне.

Цели войны

Не слишком посвященный в глобалистскую проблематику, прозападно настроенный читатель может усомниться в самой постановке вопроса о четвертой мировой войне. Таких людей, особенно среди молодежи, сегодня, увы, предостаточно. Чтобы убедить неверующих, приведу выдержки из трех американских источников высшего уровня авторитетности. Они раскрывают geopolитические цели США.

Вот для начала заключительные фразы бывшего Президента США Д. Буша из его выступления на съезде республиканской партии США 20 августа 1992 года, в период его борьбы с Б. Клинтоном за президентское кресло, то есть в то самое время, когда Запад, и прежде всего США, были опьянены своей победой в холодной войне. Цитирую: «И сегодня вечером я говорю вам: присоединяйтесь ко мне **в нашем новом крестовом походе**, чтобы пожать плоды нашей глобальной победы, чтобы **выиграть мир** (планету, Землю! – *И. И.*), чтобы мы могли сделать Америку безопасной и более сильной для нашего народа. У нас появилась редкая и беспрецедентная возможность поставить сладкую чашу процветания на наш американский стол. Да благословит вас Бог...»¹

А вот выдержка уже из выступления Билла Клинтона на закрытом совещании Объединенного комитета начальников штабов 25 октября 1995 года. Этот программный документ сопоставим разве что с известным заявлением Аллена Даллеса, которое я цитировал выше.

«...Последние десять лет политика в отношении СССР и его союзников убедительно доказала правильность взятого нами курса **на устранение** одной из сильнейших держав мира, а также сильнейшего военного блока. Используя промахи советской дипломатии, чрезвычайную самонадеянность Горбачева и его окружения, в том числе и тех, кто откровенно занял проамериканскую позицию, мы добились того, что собирался сделать президент Трумэн с Советским Союзом посредством атомной бомбы.

Правда, с одним существенным отличием — **мы получили сырьевой призрак**, не разрушенное атомом государство, которое было бы не легко создавать.

¹ Компас. ИТАР-ТАСС. 1992. 31 августа. № 167. С. 16.

Да, мы затратили на это многие миллиарды долларов, но они уже сейчас близки к тому, что у русских называется самоокупаемостью. За четыре года мы и наши союзники получили различного стратегического сырья на 15 млрд долл., сотни тонн золота, драгоценных камней и т. д.

Под несуществующие проекты нам переданы за ничтожно малые суммы свыше 20 тыс. тонн меди, почти 50 тыс. тонн алюминия, 2 тыс. тонн цезия, бериллия, стронция и т. д.

В годы так называемой перестройки в СССР многие наши военные и бизнесмены не верили в успех предстоящих операций. И напрасно. Расшатав идеологические основы СССР, мы сумели бескровно вывести из войны за мировое господство государство, составляющее основную конкуренцию Америке. Наша цель и задача и в дальнейшем оказывать помощь всем, кто хочет видеть в нас образец западной свободы и демократии.

Когда в начале 1991 года работники ЦРУ передали на Восток для осуществления наших планов 50 млн долларов, а затем еще такие же суммы, многие из политиков, военные также не верили в успех дела. Теперь же, по прошествии четырех лет, видно — планы наши начали реализовываться.

Однако это не значит, что нам не над чем думать. В России, стране, где еще не достаточно сильно влияние США, необходимо решать одновременно несколько задач:

— всячески стараться не допускать к власти коммунистов. При помощи наших друзей создать такие предпосылки, чтобы в парламентской гонке были поставлены все мыслимые и немыслимые препоны для левых партий;

— особенное внимание уделить президентским выборам. **Нынешнее руководство страны нас устраивает во всех отношениях. И потому нельзя скучиться на расходы.**

Они принесут свои положительные результаты. Обеспечив занятие Ельциным поста президента на второй срок, мы тем самым создадим полигон, с которого уже никогда не уйдем.

Для решения двух важных политических моментов необходимо сделать так, чтобы из президентского окружения Ельцина ушли те, кто скомпрометировал себя. И даже незначительное „поглавление“ нынешнего президента не означает для нас поражения.

Это будет лишь ловким политическим трюком. Цель оправдывает средства.

Если нами будут решены эти две задачи, то в ближайшее десятилетие предстоит решение следующих проблем:

— **расчленение России на мелкие государства путем межрегиональных войн, подобных тем, что были организованы нами в Югославии;**

— **окончательный развал военно-промышленного комплекса России и армии;**

— **установление режимов в оторвавшихся от России республиках, нужных нам.**

Да, мы позволили России быть державой, но империей будет только одна страна — США¹.

Выступая на Российско-американском совете делового сотрудничества в Чикаго (2.10.1998), Государственный секретарь США М. Олбрайт развила эти мысли: «Наша задача состоит в том — поскольку это в наших интересах, — чтобы **управлять последствиями распада** советской империи».

И вот, наконец, выдержки из самого свежего и совершенно официального документа под названием «Стратегия национальной безопасности США для нового столетия», одобренной администрацией Б. Клинтона! «В настоящий момент Соединенные Штаты призваны играть руководящую роль — быть организатором сил мира и прогресса, направлять стихийные процессы мировой экономики в позитивное русло, способствовать нашему (их! — И. И.) процветанию, укреплять наши (американские! — И. И.) идеалы и ценности, создавать гарантии нашей (то есть опять же их, но не нашей с вами! — И. И.) безопасности... Наш стратегический подход основан на признании того, что мы должны лидировать в мире, если мы хотим в своей стране чувствовать себя в безопасности...

Мы должны быть готовы к тому, чтобы использовать все необходимые инструменты национальной мощи для оказания влияния на те или иные действия других государств и негосударственных объектов национальных отношений...

¹ Цит. по: Мирная интервенция // Наш современник. 1999. № 2. С. 166–167.

Мы должны четко проявлять свою волю и способность к глобальному лидерству»¹.

Могут ли США упустить этот шанс? На этот счет не надо строить прогнозов. Ответ уже дан: ракетные удары по Судану, Афганистану, Ираку, война в Югославии. Самоуверенность американцев поощряет то, что **силовые возможности США сегодня велики как никогда. После семи лет непрерывного экономического бума их валовой национальный продукт приближается к 9 трлн долл. Военная мощь страны превосходит совокупную военную мощь десяти следующих за нею крупнейших держав мира.** Америка входит в важнейшие союзы. Их преобладание и растущий вес в Западном полушарии обеспечивает НАТО. Североатлантический союз (7,5 млн военнослужащих) не имеет конкурентов на планете. **Даже самые осторожные пессимисты признают, что несказанно благоприятное стечние обстоятельств гарантирует Америке минимум 20 лет безусловного мирового лидерства.**

Соперников пока не видно даже на горизонте. Опасения США 80-х годов, что Япония и Западная Европа развиваются быстрее их, ушли в прошлое. «Во всех практических смыслах, — размышляет Рональд Стил, — Америка неуязвима. Ей не грозит никакое вторжение. У нее нет врагов, желающих ее крушения. Она не зависит от внешней торговли... Она кормит себя сама. Она имеет союзников и при этом не зависит от них. Она никогда не зависела от них даже в годы холодной войны. Соединенные Штаты распространили сеть военных баз, и созданы эти базы не ради самозащиты». «Никогда со временем Древнего Рима, — пишет Чарльз Мейнс, — отдельно взятая держава не возвышалась над международным порядком, имея столь решающее превосходство»².

Кто противник?

С исчезновением СССР конкретного противника как такового в его традиционном представлении у США и его союзников нет. Против кого же тогда они борются? Борьба идет не против «кого», а против «чего» — против установившегося после Второй мировой

¹ Независимая газета. НГ-сценарии. 1999. № 2.

² Независимая газета. НГ-сценарии. 1998. № 12. С. 4.

войны порядка, в основе которого лежало международное право и созданный ООН механизм разрешения локальных конфликтов и войн, предотвращающий возможность возникновения крупномасштабных и мировой войн. Пока существует старый мировой порядок, не может утвердиться новый. Ибо за абстрактным понятием «мировой порядок» стоят созданные для его поддержания идеи, системы ценностей, концепции, доктрины, понятия, нормы, правила, законы и целые отрасли права, не говоря уж об огромном количестве разного рода международных организаций, и прежде всего Организации Объединенных Наций (ООН) с ее Советом Безопасности, а также Организации Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры (ЮНЕСКО).

Из состава ЮНЕСКО США демонстративно вышли уже много лет назад. ООН как прототип «мирового правительства» их сегодня не устраивает, поскольку Совет Безопасности работает на основе консенсуса, а это значит — руки США были бы постоянно связаны. Идеальным инструментом в борьбе с существующим мировым порядком и установлением нового является НАТО. На юбилейной сессии НАТО в апреле с. г. была одобрена новая стратегическая концепция этой организации, которая некогда была создана для оборонительных целей. Теперь эта стратегия превращает НАТО в наступательную, завоевательную организацию. Достаточно сказать, что сейчас НАТО, не исправившая разрешения СБ ООН, самостоятельно решает, где и когда ему начинать войну, защищать «свои» интересы там, где оно обнаружит их нарушение или ущемление и т. д. Где расположены «эти интересы», насколько расширительно их толковать, что означает их ущемление, когда это случится — все эти вопросы США и его союзники по НАТО решают сами, независимо от существующих законов и международных организаций. Реального противника можно придумать практически в любой момент.

Так, еще задолго до апреля с. г., были нанесены ракетные удары по Судану и Афганистану. Якобы по базам террористов. Возможно. Но фактически нападению подверглись суверенные государства. Мир и ООН проглотили и это хулиганство. Теперь война в Югославии.

Пока Россия посредничает в урегулировании балканского конфликта, пока она нейтральна и реально, практически не мешает США и НАТО делать то, что они хотят, она не является их противником. Но стоило России заявить, что она не подчинится установленному НАТО эмбарго на поставки нефтепродуктов Югославии и продолжит выполнение своих договорных обязательств, как тут же с их стороны последовала угроза применения оружия в отношении наших морских судов. То есть Россия немедленно стала потенциальным врагом, а если бы эмбарго начало действовать и наша страна сдержала слово, она вступила бы в войну, стала бы реальным врагом. По сути дела, потенциально противником США и их союзников является весь остальной мир, который хотел бы сохранить миропорядок, установившийся после Второй мировой войны.

Сама кризисность мира становится поставщиком противников для США и НАТО, которые необходимы им для демонстрации своей силы, воли и, как они надеются, умения управлять миром. Им необходим хаос, ибо только из него и может вырасти «новый порядок». И если вдруг жизнь начинает стабилизоваться, это беспокоит США и НАТО. И они что-то придумывают, чтобы destabilизировать ситуацию. В принципе можно было бы разработать доктрину глобальной игры под названием «контролируемая деструкция» или «организованный хаос». Вероятнее всего, она существует, как это было во время холодной войны.

Вдумайтесь в то, что происходит в России. Как только политическая обстановка утихомиривается, как только появляются первые проблески социально-экономической стабилизации, так тут же происходит нечто невероятное. ГКЧП. Расстрел Белого дома. «Черный вторник». Отставка правительства. «Черный август». Никому не хочется верить в то, что за всем этим, кроме радикализма «реформаторов», глупости и вороватости наших властей стоит еще кто-то. Но давайте спросим себя: «Что делали в России около 20 тыс. западных, в основном американских советников, среди которых, убежден, как минимум каждый второй был разведчиком?» Уверен, что они свой «хлеб» отработали сполна.

Не сомневаюсь, что с их «помощью» через западников типа Гайдара, Чубайса, Козырева, Федорова и им подобных в стране были искусственно организованы и в последующем искусно ис-

пользованы в различных целях (в том числе и воровства) кризисные ситуации (типа ГКО) для повышения... уровня контроля за экономическими, политическими и социальными процессами в России. Политический и экономический хаос повелительно вынуждает власти искать выхода из кризиса. На сложные и умные решения они не способны. Тогда им в очередной раз предлагается «простой» и широко распространенный выход из положения — взять очередной заем у МВФ. И они это делают. Успех данной стратегии создает для США и НАТО отличные условия для их управления разнообразными экономическими и социальными процессами в России.

Ибо, находясь в сложном положении, наши правители вынуждены следовать определенному универсальному своду правил — своего рода «кодексу должника», который предполагает выполнение ряда обязательных условий для получения помощи по выходу из кризиса. Это может быть, скажем, введение режима функционирования национальных денежных систем на основе внешней валюты (что дает второе дыхание мировой резервной валюте и ее намечающимся конкурентам); определение квот и порядка заимствований финансовых ресурсов; установление жесткой взаимосвязи объемов национального бюджета, экспортной выручки, уровня внутреннего потребления и внешних выплат (продлевающих жизнь глобальной «долговой экономике»); осуществление обязательного страхования национальных и финансовых рисков (раздвигаящих временные рамки для применения второго поколения производных финансовых инструментов); проведение заранее оговоренной социальной политики и т. п.

Сколько и каких обязательств приняли Гайдар, Чубайс, Федоров, Кириенко, которым, чем они особо хвалятся, Запад без труда давал займы? Но стоило правительству Примакова впервые «упереться», как решение такого вопроса затянулось на долгие месяцы.

*Глобальная цель —
глобальная форма войны: глобализация*

Мировое господство, новый мировой порядок — это глобальная цель. Традиционный способ достижения этой цели известен со времен Римской империи до Наполеона и Гитлера: вооружен-

ная борьба массовых армий с целью уничтожения противника, оккупации его территории, захвата материальных богатств и подчинения своей воле (порабощения) населения побежденных стран. Повторюсь: новая концепция войны отодвигает вооруженные формы ее ведения на крайний, последний случай. Зачем бомбить заводы и фабрики, стирая их с лица земли, чтобы потом восстанавливать, если есть разного рода «идеальные» (от слова «идея»), «социальные», «информационные» и «психологические» бомбы, которые в совокупности не менее эффективны, чем ядерное оружие? Если есть различного рода социальные технологии проведения как оперативных, так и крупномасштабных глобальных операций, позволяющих достигать своих целей незаметно?

Не сомневаюсь, что в США и других странах Запада так же, как и в годы холодной войны, под большим секретом функционирует множество научных центров, отобранны лучшие профессора ведущих университетов, которые разрабатывают эти виды оружия, новые технологии ведения четвертой мировой войны и отдельные операции.

Не удивлюсь, если однажды узнаю, например, что и Ф. Фукуяма, и С. Хантингтон не просто умные люди, профессора и высококвалифицированные футурологи, но и сотрудники каких-либо суперсекретных центров стратегических исследований. При том, что они высказывают фундаментально противоположные точки зрения на ход мировой истории, обе эти противоречиво-противоположные позиции странным образом прекрасно укладываются в одну-единственную очень целостную внешнеполитическую доктрину страны, гражданами которой они являются,— США. Более того, вдруг ловишь себя на мысли, что внешнеполитическая доктрина США не просто вбирает в себя эти противоположные концепции, но как бы базируется на них. Более того, что, может быть, это вовсе и не научные, а политические подходы, облеченные в научную форму, в которых желаемое выдается за действительное, субъективное за объективное, тайное за явное. То есть миру предложен социальный прогноз под прекрасно исполненный социально-политический заказ. Почему бы и нет?

Ведь торжество и распространение либерализма (Фукуяма) — это торжество и распространение **американизма**, ибо Америка —

родина либеральной идеологии и высшая форма ее воплощения в реальность; торжество и распространение американской модели демократии, американских ценностей, культуры и образа жизни. Одним словом — «американской цивилизации». Но это и есть стратегическая **цель** США, которой они не скрывают.

А идея «столкновения цивилизаций»? Пусть, скажем, исламский мир ужесточает религиозную борьбу с христианством, а США и Запад между тем будут утверждать в мире, в том числе в исламском и христианском, свою веру, свою «религию» — либерально-демократическую; будут агрессивно проводить вестернизацию, а точнее американизацию, планеты. Руководство США уже давно применяет новый стратегический подход для утверждения своего мирового лидерства — не просто использовать уже существующие межгосударственные и различные глобальные конфликты, не просто реагировать на них, но **провоцировать** и организовывать их для того, чтобы затем **возникла потребность** стороннего вмешательства в их разрешение. Старое как мир правило: «разделяй и властвуй». Не надо быть ни политиком, ни ученым, чтобы видеть: уже давно внешняя политика США строится именно на этом принципе. Разговоры о дружбе и интеграции, в том числе и с Европой, — это договор между удавом и кроликом, который может «интегрироваться» с удавом, только будучи проглашенным.

Фундаментальные, да еще правдоподобные социальные прогнозы тем и интересны, что после их появления на свет во всем мире на них набрасываются миллионы исследователей и журналистов, в большинстве своем не способных к самостоятельному анализу глобальных процессов и тем более к социальному прогнозированию, которые создают на основе этих предсказаний миллионы статей, брошюр, книг, теле- и радиопередач, прочитав, просмотрев, прослушав которые уже не поймешь, сколько в них объективного начала, а сколько субъективного, в том числе злого замысла, сколько правды, а сколько лжи и обмана. Но цель достигнута: глобальная идея с языка запредельных абстракций переведена на язык «божьих коровок», «разжевана», а вслед за тем и проглочена сотнями миллионов обывателей — читателей, телезрителей, радиослушателей. С точки зрения «заказчика» это

означает: психологическая («бомбовая») обработка социального пространства проведена; можно пускать вперед «наземные» силы в фигуральном (политиков, дипломатов) и буквальном смысле этого слова. И тут происходит «чудо»: научные предсказания начинают сбываться! Боже мой, но вовсе не потому, что столь точным был прогноз, а потому что «операция» была грамотно спланирована, что ее осуществление было прекрасно обеспечено во всех отношениях: научном, информационном, материальном, техническом, кадровом и т. д. Тут дело уже не в целях, а в средствах. А в этом смысле американцы молодцы.

Но если относительно политической заангажированности Фукуямы и Хантингтона еще можно сомневаться, то З. Бжезинский — бывший помощник Президента США по вопросам национальной безопасности, то есть человек, допущенный к высшим государственным секретам, никаких сомнений на этот счет вызывать не может и не должен. Его прогнозы о развале СССР, увы, сбылись, а относительно России и других стран СНГ — начинают сбываться. И дело тут, я думаю, не только в том, что Бжезинский умен. Это факт. А в том, что сильна и последовательна в достижении своих целей Америка. СССР развалился не потому, что должен был и не мог не развалиться, а потому, что его разваливали извне. И развалили.

Затевая новый передел мира, утверждая свое мировое господство и новый мировой порядок, США, точнее их «мозговые центры», не могли не понимать, что и теперь этот процесс будет сложным, трудным и достаточно долгим. Они не могли, следовательно, не озабочиться тем, как сделать так, чтобы, несмотря на сложность процесса (такова его сущность, природа), как-то его упростить, облегчить эту деятельность. Это возможно при одном несомненном условии: если этот процесс **будет восприниматься** (первая психологическая ловушка!) как естественный, объективно предопределенный, более того, объективно необходимый человечеству в силу его полезности. Интернационализация капитала и формирование единой мировой экономики вполне отвечали этим их требованиям. Оставалось умело пристроиться к этому объективному процессу, «оседлать» его и управлять им в своих интересах, подводя под категорию «объ-

ективного», а значит, «необходимо неизбежного» все, что этим интересам отвечает, и отбрасывая то, что им противоречит. Процессу было придано новое название — глобализация. Были найдены движущие субъекты этого процесса — транснациональные корпорации и отдельные личности типа Дж. Сороса, задача которых в глобальном смысле состоит в том, чтобы ускорить этот процесс, придавая ему все более четко заданное направление — либерализация экономик стран всего мира. На мой взгляд, **глобализация**, по поводу природы и сущности которой среди специалистов идут жаркие споры, — это самое сильное, дьявольское оружие, изобретенное США. Двойственный характер глобализации, ее объективная основа позволяют США и союзникам действовать открыто, «честно» и «доброжелательно». Хотя на самом деле мы являемся сегодня свидетелями Всемирной Капиталистической Революции, цель которой — насильтвенное навязывание либерально-демократических ценностей всем нациям и народам. Глобализация, какой мы ее видим, это гомогенизация мира, т. е. жизнь по единым принципам, приверженность к единым ценностям, следование единым обычаям и нормам поведения, стремление все универсализовать; глобализация — это признание растущей взаимозависимости, главным следствием которой является подрыв, разрушение национального государственного суверенитета под напором действий новых актеров общепланетарной сцены — США, ЕС, Японии, транснациональных корпораций (ТНК), религиозных и мафиозных группировок, отдельных личностей, которые взаимодействуют на равных основаниях только между собой, но не с теми государствами, на которые они направили свои силы. В сущности — это установление господства промышленно развитых держав над менее слабо развитым окружением. **Это вид экономической и культурной, а затем и политической агрессии.** По сути это и есть четвертая мировая война: экономическая, дипломатическая, идеологическая, информационная, технологическая, психологическая. Цель этой войны — передел сфер влияния, рынков, доступа к сырьевым источникам, человеческим ресурсам, новым территориям и т. п.; установление нового мирового порядка. Разве не ради всего этого велись все прежние войны, в том

числе Первая, Вторая и третья мировые? У новой войны уже есть немало признаков войны «горячей» — бомбардировки Ирака и Югославии, Афганистана и Судана. Борьба с терроризмом? Возможно. Немножко — «да». Это явное. Но — «эри в корень!», как советовал Козьма Протков. Не в этом главное, тайное, далеко идущее. Это демонстрация того, кто в мире хозяин уже сегодня, кто и как будет наводить новый мировой порядок.

Экономический смысл глобализации состоит из тех четырех стратегических принципов, которыми руководствуются ТНК еще с конца XIX века:

1. Обеспечение своего производства иностранным сырьем.
2. Закрепление на иностранных рынках сбыта через создание там своих филиалов.
3. Рационализация производства путем его перемещения (декларации) в страны, где издержки производства меньше, чем на национальной территории.
4. Ориентация на «технофинансовую» стратегию, состоящую в использовании своих зарубежных инвестиций для создания таких форм закрепления на иностранных рынках, как организация субподрядных предприятий, поиск прибылей на международных финансовых рынках, включая участие в спекулятивных операциях.

Иначе говоря, глобализация — это идея, концепция, доктрина, выгодная определенным странам, ибо она несет им только выгоды и никакого риска, но крайне опасная для тех стран, на поле которых проводится эксперимент по проверке достоверности этой концепции. В частности, для России.

Что требует от России, например, МВФ — один из множества инструментов глобализации? То же, что и от всех других, подлежащих «реформированию» стран: структурной перестройки, т. е. соблюдения рыночной и бюджетной дисциплины; сбора налогов, массовых увольнений, сокращения расходов на социальные нужды, образование, науку, культуру, отмены государственного вмешательства в экономику, ставки на саморегулирование рынка.

Но даже если взглянуть на пришедшую в Россию глобализацию, это не что иное, как ренессанс «дикого» национального

капитализма, когда рынок и капиталисты демонстрировали полную глухоту к человеческому (социальному) аспекту своей деятельности. Так появились огромные «резервные армии» безработных, городские трущобы, массовая нищета. Эта политика породила идеологию как фашизма, так и идеологию социализма, привела к трем социальным революциям (английской, французской, российской), к двум мировым войнам. Всем было понятно, что капиталист, как бы он ни был озабочен прибылью, должен обеспечивать своим рабочим известный уровень жизни. Под давлением обстоятельств и примера социалистических стран в этих странах в социальной сфере произошли значительные сдвиги, которые теперь закреплены там законом и защищаются государством. Возможности для получения прибылей в национальных государствах сегодня минимальны, сырьевые запасы истощены. Этим и было вызвано появление ТНК. С исчезновением СССР и сильной армии у России они получили доступ к «телу» нашей страны и овладевают ею самым диким образом, причем с помощью местных, российских подданных. И снова демонстрируют все то же наплевательское отношение к человеку. Иными словами, глобализация несет с собой новое обострение классовых отношений. На этот раз не только в национальном и региональном, но и в общепланетарном масштабах.

Два прошлых столетия стихия рынка бушевала в отдельных странах, теперь это глобальная стихия, а точнее, это пожар, созданный по умыслу теми, кому это выгодно. И они вовсе не намерены его тушить, наоборот, подливают в огонь масла. Это люди с глобальными возможностями и аппетитами, глобальными замыслами и планами, но **философия их жизни не подразумевает чувства глобального долга и ответственности**. Ибо нынешний этап глобализации имеет план, идеологию и стратегию, но **не имеет философии, ценностей и этики**. Единственная цель — деньги и власть, которым все позволено. Каждый более или менее внимательный человек понимает, что под разговором о свободе и демократии, правах человека и всеобщем благодеянии кроется и прокладывает себе дорогу «новый мировой порядок» по имени «планетарный тоталитаризм».

Экономическая война

В России взорвались и разрушили ее экономику две «идеальные» бомбы — «шоковая терапия» и «приватизация». Изобретенная МВФ якобы для лечения «больных» экономик, «шоковая терапия» на самом деле является изощренным способом приведения данных экономик в полную зависимость от МВФ, а значит, от США, ибо они играют в этом фонде «первую скрипку»; это безотказное средство деиндустриализации страны, то есть остановки промышленности без единого выстрела. Это «оружие» опробовано в Венесуэле, Перу, Боливии, Чили и везде принесло великолепные (с точки зрения воюющей стороны) результаты. Его использование в России превзошло все ожидания американских советников. Пять лет гитлеровских бомбажек не смогли уничтожить промышленность СССР. Более того, за эти годы на Урале, в Сибири и на Дальнем Востоке была создана еще одна экономика, еще одна индустрия, благодаря которой Гитлер и был повержен. Ельцин и Гайдар с помощью их главного советника, американского экономиста и специалиста по «шоковым» делам Джейфри Сакса решили эту задачу вдвое быстрее: экономика и наука России разрушены, промышленность и сельское хозяйство парализованы. Теперь Д. Сакс говорит: «Главное, что подвело нас, это колossalный разрыв между риторикой реформаторов и их реальными действиями... И, как мне кажется, российское руководство превзошло самые фантастические представления марксистов о капитализме: они сочли, что дело государства — служить узкому кругу капиталистов, перекачивая в их карманы как можно больше денег и поскорее. Это не шоковая терапия... Это злостная, предумышленная, хорошо продуманная акция, имеющая своей целью широкомасштабное перераспределение богатств в интересах узкого круга людей».

Что самое интересное во всей этой истории? Возможность Саксу говорить, будто во всем виноваты «реформаторы», то есть российская сторона. И ведь в самом деле — виноваты. Кто теперь разберется, кто, в чем и насколько виноват? Да и разве в этом дело? Экономика России разрушена — это факт. Это главное. То есть цель достигнута. А в том, что такая цель была, можно убедиться здесь же, перелистив несколько страниц назад и перечитав

выступление Б. Клинтона 25 октября 1995 года, из которого явствует: «...курс на устранение одной из сильнейших стран мира» существовал, США «получили сырьевой призрак, не разрушенное атомом государство, которое было бы не легко создавать». Главная ошибка и вина Ельцина и Гайдара состоят в том, что они вообще взялись испытать это оружие на территории своей страны, наивно полагая, что если они не хотят воевать с Америкой, то Америка обязана за это любить Россию, что она сделает ей «хорошо» в ущерб собственным интересам и планам. Преступная наивность. Или замысел?.. Во всяком случае, на Гайдара это похоже.

«Шоковая терапия» — лишь один из инструментов построения единой мировой экономики, ее интернационализации. По сути дела, это способ ведения экономической войны.

Экономические аппетиты США поистине огромны. Стоит напомнить, что в настоящее время США потребляют около 40% мировых ресурсов (причем из 72 жизненно важных источников сырья 69 ввозят из слаборазвитых стран), шесть других стран из «большой семерки» — также около 40%. В то время как в этих странах существует высокий уровень потребления, основные потребности другой, гораздо более значительной, части населения не удовлетворяются. Развитые страны могут обеспечить высокий уровень жизни своего населения (оно составляет 20% от мирового) фактически только за счет населения отсталых стран (оно составляет 80% от мирового). В результате каждый человек в передовых странах потребляет в 20–30 раз больше ресурсов планеты, чем житель тех стран, где около 1,5 млрд человек постоянно страдают от голода¹.

Чтобы обеспечить дальнейшее благополучие стран «золотого миллиарда», архитекторы «нового мирового порядка» призывают отсталые страны (являющиеся, по существу, объектом неоколониальной эксплуатации) во имя некоего «глобального процветания» отказаться от «суверенитета» и права использовать принадлежащие им естественные ресурсы в интересах собственного развития. На практике, как правило, речь идет о том, чтобы в той или иной форме поставить природные богатства этих стран под

¹ Философия и общество: Научно-теоретический журнал. 1999. № 1. С. 99–100.

жесткий контроль промышленно-финансовой элиты мира. Показательно, что в Программе ООН по экономическому и социальному развитию на 90-е годы не содержится существовавших в 60–70-е годы установок на неотъемлемый суверенитет народов на природные богатства своих стран. Вместо необходимости новой постиндустриальной аскезы — экологического самоограничения и духовной реформации (к чему призывают интеллектуалы Римского клуба) возникает соблазн превратить одну шестую часть земной суши в стратегический плацдарм для того, чтобы продлить существование потребительского общества на Западе. В первую очередь предполагается активно использовать Россию в качестве поставщика дешевых природных ресурсов, так необходимых постиндустриальным державам в условиях нарастания второй волны глобального экологического кризиса.

Россия была и остается потенциально **самой богатой в мире страной**, в которой проживает **три процента** населения планеты. При этом у нас сосредоточено 35% запасов всех мировых ресурсов (энергетических, экологических, биологических и пр.) и **более половины (!)** стратегического сырья. На каждого жителя нашей страны приходится 11,7 планетарных ресурсов в условных единицах, в то время как на жителя США — 2 единицы, Западной Европы — 0,67. Каждый среднестатистический житель России потенциально в 6 раз богаче американца и 17,5 раза — любого европейца. Запасы российского сырья оцениваются примерно в 30 трлн долл., США — 8 трлн долл., Китая — 6 трлн долл., Европы — менее 1 трлн долл.

С каждым годом в мире все выше ценятся чистый воздух и чистая пресная вода, объем которой только в озере Байкал составляет одну треть всех мировых запасов.

Было бы наивным полагать, что при настающем дефиците сырья и разного рода источников энергии, без которых не могут существовать никакая промышленность и экономика, потенциально бедный в сравнении с Россией, но сегодня неизмеримо более сильный Запад и прежде всего США не попытались бы за получить в свои руки все эти богатства. Желательно, конечно, мирным путем. В российской прессе уже не раз мелькали сообщения о том, что Америка хочет купить у России Восточную

и Западную Сибирь. Разумеется, ради блага России. Поскольку это вряд ли удастся, то лучше всего с помощью займов посадить ее в «долговую яму» и качать сырье в неограниченных количествах. Запустить на территорию России транснациональные корпорации, которые освоят ее с выгодой для себя и, конечно же, для США.

По оценкам экспертов, сегодня в мире действует порядка 40 тыс. финансово-промышленных групп (ФПГ) и транснациональных корпораций, располагающих в 150 странах около 200 тыс. филиалов. Они контролируют более трети промышленного производства этих стран, более половины внешней торговли. Однако главенствующие позиции среди них занимают не более 300 корпораций США, Японии, Германии, Великобритании, Франции, Италии, Республики Корея и других стран. **В США на долю 100 крупнейших корпораций приходится 60% ВВП, 45% рабочей силы, свыше 60% НИР и НИОКР.** Они действуют одновременно в 30–50 отраслях национальной и мировой экономики. Эти ТНК именуются «корпорациями без границ». Вспомним название книги американца К. Омэ — «Мир без границ», вышедшей в 1990 году. Вспомним политику «открытых дверей» начала 50-х годов. Слова другие, но смысл абсолютно одинаковый. Преемственность геополитической стратегии полная.

Одним словом, понятие экономики сегодня вышло за рамки традиционного смысла как способа хозяйствования. **Глобальная экономика становится глобальной правящей системой:** кто владеет, у кого деньги, тот и управляет. Экономика во многих случаях ставится выше политики. Экономика, более того, уже во многом определяет идеологию нынешней эпохи и будет доминировать в наступающем веке, если процесс глобализации экономики будет продолжаться и иметь тот же вектор. В этом случае геополитические императивы уступят место геоэкономическим.

Повторю: силовые маневры эпохи уже не связаны ни с вооруженным завоеванием территорий, ни даже с прямым подчинением экономического пространства противника. Они скорее нацелены на **навязывание своей политической воли** и видения будущего, на установление и поддержание **желаемой** топологии мирохозяйственных связей, на достижение стратегических горизонтов, определяе-

мых геоэкономической конкуренцией, на **упрочение** либо подрыв той или иной системы социально-экономических ориентаций.

Столкновение стилей и форм хозяйствования, соперничество основных центров мирового развития, социальные и финансовые коллизии, непростые взаимоотношения между региональными сообществами — все это драматические игры нашего времени, которые сводят потенциал военной силы скорее к угрозам ее применения и рамочной демонстрации возможностей, нежели к полномасштабной реализации боевой мощи.

В мире идут нешуточные экономические битвы, в том числе иногда и между организаторами и актерами экономической глобализации. Но это — ссора друзей. Главный объект борьбы — остальной мир, за исключением «золотого миллиарда». В ходе геоэкономической битвы рушатся экономики многих стран, финансовые рынки, разоряются сотни тысяч предприятий, безработными оказываются сотни миллионов людей, которые мучаются, страдают, болеют и умирают, не понимая, что они — жертвы новой мировой войны. **Неосознанность происходящего — вот огромная, поистине глобальная проблема.** И это не случайно: специфика четвертой мировой войны в том и состоит, что это **ползучая революция, тихая** катастрофа, незаметное, скрытое, необъяснимое и непонятное для обывателя постоянно происходящее изменение. Война всех против всех. Война всегда и всюду.

Информационная война

Мнения специалистов по этому поводу заключаются в том, что сотрудничество и соперничество государств на мировой арене из традиционной материальной сферы все более отчетливо смещается в информационную область¹. Об исключительной внешне-политической важности информационной сферы свидетельствует ряд стратегических инициатив руководства США в направлении создания «мирового информационного сообщества» («Глобальная информационная инфраструктура», проекты «Супермагистраль», «Теледесик», «Технологии XXI века» и др.). Развитие перечисленных инициатив с учетом переживаемых Россией

¹ См.: Наш современник. 1999. № 2. С. 168–169.

социально-экономических и производственно-технологических трудностей представляет беспрецедентные возможности для реализации стратегических целей внешней политики США в области безопасности: обеспечить себе превосходство на важнейших направлениях фундаментальной и прикладной науки, лидерство в военной и военно-технической областях, поставить другие страны в зависимость от американских информационных технологий и тем самым создать условия для экономического диктата и распространения своего политического и духовного влияния.

Высокотехнологичные страны Запада приступили к осуществлению целенаправленной государственной политики на закрепление в долгосрочной перспективе своего превосходства в информационной сфере, в том числе путем разработки стратегии, тактики и технологии «информационной войны». По оценкам американских экспертов, «информационное оружие», не требуя столь значительных капиталовложений, как обычное вооружение и ядерные силы, не только может иметь аналогичный им эффект воздействия, но дает комплекс возможностей, не известный ранее в истории войн (целенаправленное информационно-психологическое воздействие на потенциального противника; массированная информационная блокада; компьютерный удар по ключевым звеньям инфраструктуры систем государственного управления и управления экономикой страны; подавление средств информационной войны противника).

Анализ средств и методов, используемых Вашингтоном в отношении России, позволяет сделать вывод, что в ряде масштабных проектов США в данной сфере содержатся технологические вызовы для России. В частности, в провозглашенном администрацией Клинтона—Гора проекте «информационной супермагистрали» (с использованием возможностей мировой сети Интернет) прорабатываются вопросы получения несанкционированного доступа к зарубежным (в том числе и российским) национальным информационным ресурсам, а также внедрения в информационно-телекоммуникационные системы вирусов, «логических бомб» и других технологических средств ведения «информационной войны». Большое значение при этом придается вопросам защиты собственных информационных сетей, усиления наблюде-

ния за международной сетью Интернет с задействованием возможностей Минобороны и спецслужб (ЦРУ, АНБ и ФБР) США.

Реализация проекта глобальной низкоорбитальной спутниковой связи «Теледесик» в США дает возможность непосредственного выхода на зарубежного абонента, минуя национальные системы связи, с предоставлением широкого спектра услуг: от телефонной и компьютерной связи до приема многоканальных телевизионных и радиопрограмм. Введение в строй системы «Теледесик» равносильно «информационной колонизации» территории России. Средствами этой системы может проводиться мониторинг земной поверхности, осуществляться радиоразведка и, по некоторым данным, обеспечиваться наведение высокоточного оружия в пределах национальной территории России. Традиционные меры таможенного, лицензионного и иного контроля за развертыванием и использованием подобных систем оказываются неэффективными. Ответ на технологический вызов Запада, угрожающий интересам национальной безопасности, может быть найден только путем концентрации имеющегося научно-технического и технологического потенциала страны на создании подобной **отечественной** системы низкоорбитальной спутниковой связи и непосредственного включения российских организаций в международную часть проекта «Теледесик» для обеспечения надлежащего контроля за ее работой в пределах нашей национальной территории.

По поручению администрации США американские спецслужбы при содействии государственных и коммерческих структур реализуют в отношении РФ программу «воздействия на внутреннюю обстановку в иностранных государствах». Создается глобальная система мониторинга информационных ресурсов России с использованием всех имеющихся в арсенале спецслужб сил и средств. Помимо этого, в США изучается возможность использования высокочастотных антенн космического базирования для подавления радиосвязи системы управления Вооруженными Силами РФ. Этот сценарий, по имеющимся сведениям, рассматривается в качестве возможной «реакции со стороны США в случае мятежа в российской армии и попыток захвата пунктов управления войсками и пусковых шахт МБР». При этом, по мнению экс-

пертов Центра военных и стратегических исследований, связанных с Разве́дывательным управлением Министерства обороны США (РУМО), информационная блокада и выведение из строя телекоммуникаций будут играть решающую роль в военных конфликтах нового типа. В силу этого в качестве одной из важнейших задач США является сохранение контроля над АО «Связьинвест» со стороны американского капитала в лице Дж. Сороса и подконтрольных ему структур.

Развитие технологий, и в частности компьютерных систем, среди которых первенство принадлежит Интернету, активно за-воевывающему информационное пространство в России, облегчило проникновение западных спецслужб в компьютерные системы других стран, включая и нашу. Неафишируемые успехи Соединенных Штатов в этой области поставили перед спецслужбами и Министерством обороны США вопрос, по каким правилам использовать новое средство ведения войны, сопоставимое по своим разрушительным возможностям с ядерным оружием. Не удивительно в этой связи стремление Вашингтона «оказать России помочь» в оснащении и налаживании информационных систем.

Концепция **информационной войны** еще молода. Однако подразделения по ведению такой войны организованы во всех видах вооруженных сил США. Целью информационной войны во время боевых действий является нарушение работы пунктов управления, ракетных и стартовых позиций, аэродромов, портов, систем связи и т. п. В системы связи внедряется компьютерный вирус. Специальные микробы разрушают физические основы электронной аппаратуры. «Логические бомбы» дистанционного управления разрушают электронные устройства, управляющие движением воздушного транспорта, парализуют финансовую жизнь страны. И т. д. Например, во время проведения операции «Буря в пустыне» в 1991 году система ПВО Ирака была заблокирована американцами и полностью бездействовала во время нанесения ими бомбовых ударов. С целью деморализации иракских солдат американцы распространили 30 млн листовок, на дезинформацию работало 2500 радиопередатчиков¹.

¹ Военная мысль. 1997. № 2. С. 23.

Психологическая война

В своей книге, изданной в 1994 году, Дж. Коллинз, приводит определение психологической стратегии, данное комитетами Конгресса США начала 90-х годов: «Это действия, предусматривающие планируемое использование пропаганды и акций по влиянию на мнения, эмоции, отношения и поведение друзей, нейтралов и врагов таким образом, чтобы обеспечить выполнение целей в области безопасности до, во время и после военных событий»¹.

Проведение информационно-психологических операций стало неотъемлемой составной частью военных действий. На стратегическом уровне их планируется осуществлять задолго до начала вторжения в форме тайной войны. Ставится задача в мирное время обеспечить скрытый контроль над информационными ресурсами противника, составляющими основу государственного и военного управления. **Возможности по подрыву государственных устоев изнутри до начала военных действий возросли за счет широкого использования средств массовой информации (СМИ).** Расчет делается на использование СМИ противника путем **их подкупа**. Считается, что они могут внести раскол в общество, дестабилизировать внутриполитическое положение, ослабить государственные и экономические структуры, активизировать деятельность оппозиционных сил, обострить недовольство населения, добиться развала или дискредитации вооруженных сил и других силовых структур, вызвать недоверие народа к руководству и в итоге обеспечить политическое и психологическое прикрытие агрессии.

Знают ли об этом, понимают ли это вполне руководители российских СМИ? Понимают ли, что кроме бизнеса и прибыли некоторые частные фирмы, как это было в годы холодной войны и как это, без сомнения, есть сейчас, служат разведывательным целям и участвуют в информационной войне против России? Партнер по бизнесу — врач России... Но кто тогда, спрашивается, ты, российский гражданин? Т. Тернер — совладелец TV-6, Ж.-К. Ван Дамм — ОРТ, Сталлоне — НТВ... Стоит ли в таком случае удивляться тому, что показывают эти телеканалы, тем,

¹ Collins J. Special Operations Forces. An Assessment INNS. National Defense University, 1994. P. 5.

что они, в частности, забыты американскими фильмами часто низкого пошиба?..

Принципами ведения подрывных психологических акций являются: скрытность, систематичность, активность, многообразие приемов, правдоподобие, знание психологии противника, рефлексивное управление его поведением.

Важнейшей задачей психологической и информационной войны, как говорит об этом генерал-полковник Марк Левоновский (Университет национальной обороны, Вашингтон), является «воздействие на аналитический процесс, протекающий в России, стимулирование чувства опасности, изоляции, наличия непреодолимых трудностей, а также затруднение принятия решений политическими лидерами и правительственные органами».

С началом военных действий информационно-политическое воздействие резко активизируется, на полную мощь начинает работать машина **лжи и дезинформации**, предпринимаются попытки с помощью внутренней оппозиции до предела обострить национально-этнические, территориальные, экономические и религиозные противоречия, разжечь очаги вооруженных конфликтов. Преследуется цель создать постоянный действующий фронт борьбы внутри вражеской страны, обстановку политического и экономического хаоса, неуправляемости, обреченности, безысходности. При этом всем органам, ответственным за внешнеполитическую пропаганду в США, предлагается осуществлять свою миссию «в духе человечности, искренности и доверительности». Пропаганда должна быть «простой и доходчивой», избегать «невыполнимых обещаний». Расчет делается на то, что психика человека наиболее уязвима, воздействуя на нее, можно личную робость превратить в массовую трусость, сомнения — в недоверие, раздражительность — в ярость. И если государство не занимается патриотическим воспитанием населения, не ведет контрпропаганду, не имеет четко выраженной национальной идеологии, развал изнутри неизбежен.

В ход пущены все способы и средства ослабления и разложения исторического соперника. На службу своим целям Запад поставил очернение российской истории, разжигание национализма, конфликта между поколениями; дискредитации идей и нравственных

норм, образа жизни русского народа; культивирование предательства, преступности, спекуляции на ошибках и просчетах политиков.

Глобализация и психологическая война как один из ее инструментов — это не только создание единой мировой экономики, хотя этот момент первичен, ибо ТНК интересуют прежде всего сырье, рабочая сила и рынки сбыта тех стран, куда они приходят. Параллельно с экономической экспансией ведется **универсализация человеческих ценностей, универсализация культуры** на основе техноглобализма (СМИ, Интернет и т. п.), который превращает всех людей в жителей единой «планетарной деревни». Культурная глобализация проявляется в формировании глобализированных однородных средств массовой информации, литературы, искусства, кинофильмов, видеокассет, поп-культуры, компьютеров, факсов, Интернета, повсеместного использования английского языка в качестве всеобщего средства общения, распространения наркобизнеса, не знающего границ и национальностей.

В чем смысл нынешней психологической стратегии и тактики США в отношении российского населения с помощью всех средств массовой информации как Запада, так и (прежде всего) российских?

Задача № 1 — внушить, что Россия по сравнению с Западом — отсталая страна, причины и свидетельства чему лежат еще в глубинах ее истории. Поэтому упор в освоении российской истории делается на мрачных периодах и «темных пятнах». Победы, герои, великие открытия и великие люди «вымарываются» из летописи России либо грубым оплевыванием, либо якобы «новым» их толкованием с помощью «неожиданно» найденных документов, «неизвестных» фактов (хотя бывает и такое), либо простым умолчанием. Относительно молодежи — это лучший способ: о чем не слышал — того не знаю. «Короткая» и «тощая» историческая память лишает сознание живущих и новых поколений связи с прошлым, заставляет их искать жизненные опоры в настоящем.

Отсюда задача № 2 психологической стратегии — внушить, что дела в России обстоят исключительно плохо, а оснований так полагать более чем достаточно. Никакой информации даже о скромных, а тем более значительных успехах. Писать и говорить только о плохом, показывать только плохое. Закрылось... Разрушилось...

Сломалось... Взорвалось... Избили... Убили... Изнасиловали... Не раскрыли... Не поймали... Не догнали... И так далее. Ну ничего ни у кого ни в чем не получается — ни у властей, ни у бизнесменов. Кругом жулики и воры, развратники и обманщики. Было, есть и будет. Беспредел. Беспросвет. Какие чувства должен испытывать человек, когда он читает, слышит и видит такое? Отчаяние и стыд за страну, в которой живет. Страх перед окружающей его действительностью, от которой хочется бежать. Куда? Туда, где лучше. Скажем, в другую страну. И некоторые бегут. Но многие, большинство обращают свой взор в будущее. И что же они видят? Ту «картину», которую рисуют для них своей кистью услужливые СМИ, либо не ведающие, что делают в погоне за разоблачительством, сенсацией и «чернухой», либо...

Это задача № 3 психологической войны Запада с Россией: лишить население России надежд на светлое будущее. Что такое Россия, скажем, в писаниях злайшего ее врага З. Бжезинского? «Черная дыра». Что это такое? В астрофизике «черная дыра» — это некое тело, которое безвозвратно поглощает окружающую матернию. Именно так представлена наша страна в его последней книге «Великая шахматная доска»¹. Советую прочитать всем, кого интересует будущее мира. Никто еще не говорил так откровенно и цинично об Америке как «единственной сверхдержаве», удел которой — править миром; никто еще так с деланным сочувствием и великодушием, а на самом деле — с брезгливостью и торжеством — не рассуждал о России. «Черная дыра» — и только. Да и та должна развалиться.

Оценки, содержащиеся в работах некоторых «специалистов» по России, проповедующих русофобию как своего рода мировоззрение и претендующих на статус великих произведений, складываются в крайне неприглядный образ России: опасна для человечества как атомная бомба; зачата на насилии и предательстве от кочевника-разрушителя; никогда не жила и не хочет жить по законам; расплывшаяся баба, которую не способен удовлетворить ее слабосильный муж (он же — сын) — русский народ; тюрьма в России больше чем тюрьма, несвобода у нас в крови. О народе:

¹ См.: Бжезинский З. Великая шахматная доска. М., 1998. С. 256.

нелюди. Но не звери, между человечеством и фауной; рабское долготерпение, поражающее до сих пор нормальных людей, и т. п.

По телевизору как-то показали сцену: свинья, символизирующая Россию, зарезана и разделена на куски, которые были разданы участникам передачи. Ряд изданий обошла фотография: человек заглядывает под хвост коровы, — и подпись: «Путешествие вглубь России».

Не удивительно, когда плохо о России пишет иностранец. Не знает, не понял, не любит, ненавидит, презирает. Причин может быть много. Русофobia широко распространена за границей с давних времен. Французский роялист маркиз Астольф де Кюстин в 1843 году после путешествия по России издал свою книгу «Николаевская Россия»¹, густо полив ее грязью и помоями. Он — один из родоначальников русофобии.

И в России есть (и должны быть!) люди, остро чувствующие отрицательные, греховные стороны жизни и своего народа. Такие люди с грустью переживают эту боль со своим народом. Их немало, и ничего кроме чувства уважения я к ним не испытываю. Но хохотать и злорадствовать по этому поводу могут только выродки. Ибо тогда они выступают против своей страны и своего народа, то есть действуют как предатели и враги.

Ибо лишают его последнего, за что цепляется и чем живет человек до самого конца, — надежды на будущее. Но если бы они говорили «правду и только правду, и ничего кроме правды», тогда хотя было бы объяснение такой позиции: не могу лгать. Ответственная позиция. Но страх божий в том, что эти люди лгут. Ибо правды не знает никто. За правду выдаются гадания на гуще данных социологических опросов, шаманство полуобразованных телекомментаторов и футурологов.

И тем не менее результат налицо. Огромные массы людей, не имея удовлетворяющего их прошлого и настоящего, безнадежно смотрят в завтрашний день. Они лишены мотивов действовать, если хотите, жертвовать ради России, ибо в душе не на что опереться. У человека всего три опоры — прошлое, настоящее, будущее. Когда прочны все три, он уверен и активен. Лиши его хотя

¹ Кюстин де А. Николаевская Россия. М., 1990. С. 352.

бы одной из этих опор, и душа начинает беспокоиться, тосковать и метаться. Нет опоры — нет души. Чему же удивляться, что нынче нас настигла очередная волна бездуховности?..

И все же, все же!.. Верю: моя Россия не погибнет.

Россия — живучая страна. Потому что стержнем ее существования является национальное чувство. При всех оговорках Россия ощущает себя как народ, а государство существует потому, что народ не может представить себя вне государства. В любой ситуации он терпит до поры до времени. Но когда дело доходит до «точки», когда государство на последнем краю гибели, народ жертвует собой, спасая страну, государство. В самые критические моменты все именно так и происходит. В период Великой смуты. В 1812 году. В Великую Отечественную. Русский человек идентифицирует себя с народом и страной, не видя смысла в своем существовании отдельно от них. Угроза для страны воспринимается как личная угроза. Русский может потерять все. Но когда дело доходит до жизни, он дерется так, как не дерется никто, жертвуя собой ради других и своей страны в образе России. Готовность к жертве живет в душе русского человека. Она спрятана глубоко, под всякого рода личными интересами, в том числе материального порядка. Материальным слоем русский жертвует достаточно легко, ибо не избалован судьбой, в быту своем весьма неприхотлив, много- и долготерпелив. И когда этот слой истончается или исчезает вовсе, наружу вырывается жертвенность. В тот момент ничто уже не остановит миллионы людей от слияния их бешенства, энергии и воли на пути к победе. Безрассудство и беспощадность вырываются наружу неукротимым океаном чувств и могучим напором мысли, способными не только крушить врага, но и созидать оружие возмездия, творить чудеса научные, экономические, военные и всякого рода прочие. Это надо бы знать и учитывать американцам. Россия поставлена на колени экономически. Это правда. Но не духовно, не нравственно. Вот началась война на Балканах, взыграло в людях национальное чувство. Кликнуть добровольцев — и пойдут сотни тысяч. «Надо», «не надо» — в данном случае разговор не об этом. Люди готовы жертвовать собой не по приказу, не в силу законов массовой психологии. Сознательно или бессознательно — другой вопрос... Но это — Балканы.

Скоро то же самое, только в неизмеримо больших количествах может случиться в России по внутренним основаниям. Мы — у последней черты. И тогда наше спасение снова придет через жертву. Может, самую великую жертву в истории. Упаси Боже! Но разве все решает Бог? Или «Запад нам поможет?» Бог давно забыл о России, занят чем-то другим. У Запада — своя жизнь. Мы интересны им ровно настолько, насколько полезны. Судьба России — в наших руках...

«Счастливую и великую Родину любить не велика вещь. Мы должны ее любить, именно когда она слаба, мала, унижена, наконец, глупа, наконец, даже порочна. Именно, именно, когда наша „мать“ пьяна, лжет и вся запуталась в грехе, мы не должны отходить от нее. Так да будет», — писал В. В. Розанов.

Угроза вооруженного насилия

Говоря о способах военных действий, важно обратить внимание на ярко выраженную тенденцию к увеличению их пространственного размаха, превалированию дистанционных действий над контактными. Войска будут вынуждены действовать в условиях «расширенного поля сражения», часто при отсутствии непосредственного соприкосновения с противником и отчетливо выраженных фронта и тыла. Дистанционный характер противоборства предполагает нанесение ударов издалека. Стороны будут стремиться поразить противника еще до вступления в непосредственное соприкосновение с ним. Это означает, что успех в таком противоборстве при прочих равных условиях будет на стороне того, кто обладает возможностями ведения глубокой разведки, имеет преимущество в дальнобойных средствах поражения и управления, способен принимать решение в резко меняющейся обстановке.

Рассматривая характер современной крупномасштабной войны, следует отметить, что в последние годы совершенно необоснованно ослаблено внимание к защите от ядерного оружия. Выдвигается бесспорный тезис: ядерная война невозможна, поскольку это будет иметь для человечества катастрофические последствия. И все же надо учитывать, что она может возникнуть непреднамеренно, вопреки воле воюющих государств, будучи спровоцированной третьей стороной. Нельзя не считаться с ве-

роятностью возникновения пассивной формы ядерной войны. Так, опасная радиационная (химическая) обстановка в ходе военных действий может сложиться в результате разрушения АЭС обычными средствами поражения. Чернобыль показал, какими последствиями чреват взрыв даже одного энергоблока. А ведь в настоящее время только в Западном регионе насчитывается 108 АЭС, 239 ядерных реакторов, 1243 объекта химической промышленности.

За период с 1945 по 1985 год в мире было произведено 1349 испытаний ядерного оружия в военных целях. Затем благодаря достигнутым договоренностям между СССР и США, других государств, а также деятельности ООН, эти испытания были в основном заморожены. Широко распространилось представление о том, будто угроза ядерной катастрофы тем самым предотвращена. Увы, это не так. Уже сейчас обладателями ядерного оружия являются многие страны, а не только США, СССР, Китай, Франция и Индия, как это было еще недавно. К этим странам уже прибавилась Украина. По оценкам специалистов, в ближайшие несколько лет обладателями ядерного оружия могут стать по крайней мере еще 23 страны¹. Не имеющие опыта обращения с ядерным оружием, его хранения, обслуживания, утилизацииadioактивных отходов, эти страны станут огромным источником опасности ядерной катастрофы даже не по умыслу, а по нечаянности.

Чем это закончится — известно. Напомним. Разрушится озоновый слой земли, изменится климат, радиационные и экологические свойства тропосферы, стабильность состояния ионо- и магнитосферы. Атмосфера будет загрязнена аэрозольными частицами и газообразными примесями, возникающими в результате взрывов, пожаров в лесах, огненных штормов в городах и на нефтепромыслах. Предполагается, что только в местах добычи и на складах сгорит до 2,5 млрд т ископаемого топлива (нефти, газа), площадь лесных пожаров составит не менее 10 млн кв. км, а общее количество частиц дыма и пыли достигнет $1,2 \cdot 10^9$ т. Мелкодисперсная пыль и дымки вызовут резкое увеличение оптической плотности

¹ Шнейдер Б. Глобальная революция: доклад Римского клуба // Свободная мысль. 1993. № 3. С. 29.

атмосферы, что, в свою очередь, приведет к нарушению температурного баланса планеты и установлению на обширной территории «ядерной зимы». За короткий срок температура понизится приблизительно на 15–20 градусов. Во многих регионах будут созданы условия для образования токсичного озона и смога.

Таким образом, главным **климатическим эффектом** ядерной войны будет резкое, исключительно сильное и длительное охлаждение воздуха над континентами. Все живое, что не сгорит в огне ядерных пожаров, **погибнет от переохлаждения**. Для растительного мира тропиков и субтропиков это будет почти мгновенная смерть, поскольку тропические леса привыкли существовать лишь в очень узком диапазоне температур.

Еще более страшными будут результаты ядерной войны для человечества. Расчеты показывают, что в случае обмена ядерными ударами общей мощностью 5000–10 000 Мт погибнет сразу от 300 млн до 1 млрд человек и столько же людей получат тяжелыеувечья, а оставшиеся в живых подвергнутся облучению и радиоактивному заражению. Применение этого вида оружия приведет к резкому уменьшению численности населения, ухудшению его здоровья, появлению новых форм заболеваний и вызовет необратимые генетические изменения. Сложившееся в природе равновесие нарушится, и еще неизвестно, как будет чувствовать себя человек в такой обстановке. Однако уже сейчас ясно, что люди, выжившие после ядерной катастрофы, окажутся в тяжелейших условиях и само существование человека как биологического вида будет поставлено под сомнение¹.

Надо подчеркнуть важность заблаговременного прогнозирования будущей войны. Уместно вспомнить исторические уроки. Ни перед Первой, ни перед Второй мировой войной государственные деятели, генеральные штабы воюющих государств не смогли заранее определить их продолжительность, содержание и характер. Расплачиваться за это пришлось огромными людскими потерями и материальными издержками. Но тогда ошибки и просчеты все же можно было как-то исправить в ходе войн, хотя и ценой колоссальных жертв. Теперь сделать это не удастся.

¹ Васильев А. И. Техногенная безопасность военной деятельности накануне XXI века. С. 33.

II. О КУЛЬТУРЕ МИРА

Из последних пяти с половиной столетий истории человечества лишь 292 года оно прожило без войн¹.

Почему, несмотря на всю свою приверженность философии самоубийства, которая властвует уже тысячелетиями, человечество до сих пор не истребило себя? Потому что во все времена находились люди, которые мыслили иными категориями, говорили и заботились о мире.

Предшествующая глава, посвященная «культуре» войны, написана мной лишь для того, чтобы лучше понять природу и содержание современной войны и, основываясь на этих знаниях, рассуждать о культуре мира, лучше вести работу по защите мира и строительству мирной жизни.

1. О НОВОЙ УНИВЕРСАЛЬНОЙ МОДЕЛИ МИРОВОГО РАЗВИТИЯ

Налицо недовольство многих представителей интеллигенции, церкви и некоторых организаций гражданского общества идеологией глобального капитализма, последствиями глобализации в том виде, как этот процесс выглядит в нынешние дни. Чрезмерный индивидуализм и слишком меркантильный, pragматический взгляд на жизнь, изменения и прогресс вызывают чувство протеста. Силы, пытающиеся навязать миру свои представления о том, «что такое хорошо» и «что такое плохо», то есть свою систему ценностей, сами являются источниками насилия и угрозой безопасности. Преступность и маргинализация огромных масс индивидов, групп и целых стран заставляют задуматься о состоянии здоровья социальной ткани мирового сообщества.

Но по поводу чего противники глобального капитализма выражают свое недовольство и протест? По поводу частностей, **отдельных аспектов** процесса глобализации. Скажем, излишняя концентрация капитала и власти; самоизоляция и отчуждение

¹ Национальная доктрина России (проблемы и приоритеты). М., 1994. С. 255.

личности; безработица, эксплуатация и т. п. На что тут же следует ответ, что «идеальных обществ не бывает», что все это не более чем «издержки», которые можно и нужно исправлять с помощью закона. Во всяком случае, глобальный капитализм извлекает пользу из сильных сторон рыночной экономики и в настоящее время не имеет конкурентов; постоянно возникающая склонность к эксцессам и самодовольству должна быть ограничена; система функционирует относительно успешно при условии регулирования со стороны органов государства с помощью политики распределения и перераспределения доходов. Значительное число людей сейчас живет лучше, чем несколько десятилетий назад. Рыночная экономика является единственным известным типом организации, обеспечивающим разумное сочетание личной свободы, инициативы и возможностей для максимального числа людей.

И это на самом деле так. Более того, существующие альтернативы глобальному капитализму (социализм, коммунизм) не пользуются популярностью у большинства населения практически всех стран, за исключением тех, где они возникли под сенью советского социализма.

Глобальный капитализм можно осуждать за **крайности и небузданность**. Он примет и эту критику, ибо и крайности, скажут нам его сторонники, можно устраниТЬ.

Выходит, что карта противников глобального капитализма, агрессивность которого на пути к мировому господству растет на глазах, бита? Ибо если мы замахнемся на его природу и сущность, нас тут же обвинят в «отсталости» и осмеют. Как говаривал Черчилль, «демократия — скверная вещь, но ничего лучшего человечество не придумало». Так же можно сказать и о капитализме, тем более что речь идет как раз о либеральной демократии. Тупик?

Но ведь речь идет о выживании человечества, на грань которого (выживания) мир был поставлен именно «развитым» капитализмом, которому поспособствовал также и «развитой социализм». **И значит, все-таки надо «зреть в корень», то есть в природу и сущность глобализации.**

В той же России «новый порядок» устанавливается без концлагерей и ГУЛАГов, а с помощью долларизации, средств массового оболовивания, поп-культуры, информационного террора, с помо-

щью образования по рецептам Мирового банка, которое все более готовит «специалиста» к работе и все менее — человека к жизни, появления новых поколений, которым наплевать на государство и Отечество. Глобализация в том виде, как ее приводят ныне США, ЕС и ТНК, — это стратегическая ошибка. Если в ее результате и устанавливается «новый порядок», то это «запутанный порядок», который разрешим только через воссоздание регулирующих государственных инструментов в регионах и отдельных странах, но никак не в масштабах планеты. Глобализация делает экономический, а следовательно, политический и нравственный мир неопределенным и непредсказуемым. Жить в этом непредсказуемом, вероятностном пространстве человеку становится все труднее.

Глобализация — отнюдь не необратимый и не неизбежный процесс. Любой процесс в конечном счете порождается и направляется людьми. В данном случае на него справедливо посмотреть именно в том свете, что он **навязан** людям помимо их воли. Именно США и политические силы различных стран создают образ глобализации как процесса неизбежного, заранее предначертанного и неотвратимого. Но то, что сделано человеком, то человек может и переделать.

Выступая на всемирной встрече в верхах под эгидой ООН в марте 1995 года по проблемам социального развития мира, президент Франции Ф. Миттеран задал многозначительный вопрос: «Сумеем ли мы **предотвратить** превращение мира во всеохватывающий рынок, где господствует **закон сильного**, где главной целью является получение максимальной прибыли в короткие сроки, где спекуляция за несколько часов сводит на нет плоды труда миллионов?»¹

На первом семинаре в Копенгагене бывший премьер-министр Канады Пьер-Эlliот Трюдо сказал: «Что нужно делать? Первым шагом на пути борьбы с миропорядком, который определяется корпоративными интересами, является обеспечение **солидарности между одинаково мыслящими правительствами и народами**. Однако я рискну предположить, что реальная противодействующая сила в конечном итоге должна опираться на волю народа, ко-

¹ Цит. по: Серебрянников В. В. Социология войны. С. 63.

торую может мобилизовать чистая политика. Только в этом случае группы суверенных государств могут собраться вместе и восстановить свою власть над **силами дезорганизации и несправедливости**. ...Можно также предположить, что „чистая политика“, не произрастающая из целостной доктрины, приведет к диктаторским режимам. Для упрочения положительных сторон процесса глобализации, а также поддержки демократических черт рыночной экономики следует разработать **программу политического противодействия глобальному капитализму**»¹.

Обратим внимание на то, что так говорят руководители развитых капиталистических государств. То есть понимание негативных последствий глобализации существует. Более того, есть признаки сопротивления американизации планеты, в частности Европы.

Некоторые страны, например Франция и ряд других европейских государств, рассматривают глобализацию как попытку США добиться культурной, экономической и политической гегемонии. В сущности они считают глобализацию новой формой империализма или новой стадией капитализма в век электроники. Любопытно, что в декабре 1993 года США и Европейский союз не смогли договориться о политике в культурной области и в конце концов исключили из договора пункт о свободной торговле и производстве видеокассет и других предметов культурного назначения. В борьбу за культурную самобытность втягиваются целые страны, социальные группы и индивиды. Ибо США, как державагегемон, пытаются навязать свою культуру всем, в том числе и союзникам. Между тем в нормальном, то есть эволюционном, процессе мировые достижения культуры могут осваиваться путем простой имплантации (пассивного усвоения), в инновационной форме — путем избирательного усвоения.

Я не стану сейчас рассуждать на тему об универсальной парадигме развития человечества и о том, «куда идти России»: слишком она сложна, и, главное, предмет разговора во многом совсем иной. На выработку такой универсальной парадигмы уйдут годы, работа тысяч лучших интеллектуалов мира. Иначе говоря, для этого необходимы время и спокойствие, то есть мир. Ибо если гло-

¹ Международная экономика и международные отношения. 1998. № 12. С. 98.

бализация как четвертая мировая война будет идти в тех темпах, которые пытаются навязать миру США и НАТО, то может случиться так, что вскоре говорить будет не о чем и не с кем.

Первое, что необходимо сделать, это, следуя советам П. Трюдо и Миттерана, **замедлить процесс глобализации**, сбавить ее скорость и темп. Для перехода от старой парадигмы развития человечества к новой необходимо время, в течение которого надо разобраться прежде всего с самим процессом глобализации как объективным процессом, с его положительными и отрицательными сторонами. Почему бы в рамках ЮНЕСКО и других демократических форумов не провести открытые дискуссии по вопросу о том, что такое сегодня «хорошая жизнь», по каким признакам можно определить «хорошее» общество.

Худшее, что можно сделать, это продолжать то же, что и вчера-позавчера, в святой надежде, что пронесет или образуется само собой. Не пронесет и не образуется. В следующий кризис мы имеем все возможности войти подготовленными, вооруженными необходимым знанием и пониманием. И если мы не подготовимся, то даже переложить вину за следующий виток страданий будет уже не на кого. Самое большее — это начать вести себя разумно, то есть пытаться объединять тех, кто понял или способен понять и действовать хотя бы на уровне взаимной известности, информированности и доверия. **Организация сотрудничества единомышленников — это единственный шанс разумного выхода из цивилизационного кризиса.** Оглядываясь на полтора-два десятка прошедших лет мы имеем основание сказать, что следующий виток кризиса преодолим, если подготовка к нему станет осознанной задачей хотя бы части населения, если социально активные граждане поймут, что с учетом прожитого можно прийти к кризису во всеоружии новых связей, новых отношений, таких, которые помогут пройти сквозь катаклизмы, сохранив лучшее, что создано нашей цивилизацией. Чтобы сделать это, не нужно творить чудеса. Детали конструктора, из которого строится новая цивилизация, рассыпаны по земле: надо только наклониться, чтобы поднять их, надо только объединиться, протянуть друг другу руки, чтобы вовремя сложить их вместе. Если нагнется каждый, то мы можем и не заметить, как волны истории унесут в пучину ошибки

и заблуждения, грязь и гордыню нашего мира, как однажды утром мы обнаружим себя на другом берегу.

Надо активнее вырабатывать культуру солидарности, которая вобрала бы в себя справедливость и милосердие, свободу и ответственность. Нет оснований полагать, что узкая и эгоистическая концепция индивидуального интереса — будь то на уровне личности, группы людей, или страны, или группы стран — более свойственна человеческой природе, нежели щедрость или забота об общем благе. Распространенной ошибкой является недооценка влияния человеческого поведения на преобладающую культуру и дух времени. Это означает, что для модификации этой культуры требуется много усилий и объединение малых и больших инициатив. Может быть, солидарность станет одним из организующих принципов обновленного универсального идеала?

«Культура самодовольства», которая характерна для многих стран Запада и особенно США, должна уступить место скромным попыткам научиться быть действительно человечным. Некоторый прогресс в установлении более разумных отношений между человеком и природой достигнут. Отношения между людьми остаются менее обещающими. Почти забыта необходимость быть в гармонии с самим собой. И это при том, что все мудрецы древности в своих учениях настаивали на нерасторжимой связи между личностью, коллективом и Вселенной. Самосовершенствование и самореализация являются лишь нарциссизмом, если они не подчинены потребности познавать и отдавать.

Для будущего человечества огромную важность **имеет культура диалога**, в частности начинающийся диалог о правах и **ответственности**, привилегиях и **обязанностях**, свободе и **заботе** об общем благе. Он должен вестись с большим вниманием к интеллектуальной строгости суждений, совмещать сознание своих скромных возможностей с уважением к другим точкам зрения. Нельзя отдавать на откуп тем, кто хочет воздвигнуть забор вокруг человеческой свободы, монополию на призыв к строгому **моральному порядку**, без которого общество не может существовать, к выдвижению его на первый план наряду с правами и обязанностями, без следования которым даже рынки не могут быть эффективными.

Программа политического противодействия глобальному капитализму, о которой говорил П. Трюдо, может и должна быть разработана сторонниками Ф. Майора, выдвинувшего идею культуры мира, которая призвана со временем вытеснить «культуру» войны из сознания людей и их жизни. Огромная работа уже проделана. В период подготовки к 2000 году, который объявлен ООН Международным годом культуры мира, на этом направлении может быть осуществлен прорыв. И наша конференция, проходящая в рамках Международного форума мэров городов «Культура мира в третьем тысячелетии» под патронажем Ф. Майора и Ю. М. Лужкова, должна послужить этой задаче.

Культура мира — это утопия, а утопия в переводе с греческого означает «небыvalая, блаженная страна; все мечтательное, несбыточное; грезы о счастье» (В. Даль). Может, лучше сказать «идеал», если слово «утопия» все еще слишком ассоциируется с фантазиями философов и экономистов XIX века, несет в себе смысл сомнения. Хотя, в принципе, дело, как говорится, не в словах. Нужна путеводная звезда, которая вдохновляла бы, возвышала, звала и вела к цели. В конце концов и глобальный капитализм — это тоже утопия с ее обещаниями того, что свободная игра рыночных сил и конкуренция, склонность человека к инновациям и НТР сами собой, автоматически приведут человечество в царство свободы и процветания. Идеал культуры мира в этом смысле не только выше, но даже практичней, ибо может избавить человечество от гибели, в то время как глобальный капитализм всей своей сутью «гарантирует» эту гибель. Мир движим утопиями и идеалами, которые в принципе не достижимы, не реализуемы. В этом и состоит их великое значение в жизни человека и общества.

2. О «КУЛЬТУРЕ МИРА» КАК ПРЕДМЕТЕ ПОЗНАНИЯ

Движение миростроителей должно стать фактором международной политики, с которым вынуждены были бы считаться все личности, государства, блоки. Скажу так: мы должны **стать силой**.

Чтобы стать реальной силой, нам следует изжить свои слабости, одна из которых, на мой взгляд, состоит в недостаточной фи-

лософской, теоретической разработанности самой идеи культуры мира. Пока это в основном все же только идея, смысл которой, когда нас спрашивают об этом, мы объясняем коротко и доступно: «культуру войны» надо заменить культурой мира. Прекрасно.

Но что такое «культура мира»? Если мы ищем легких ответов, то можем, конечно, сказать: «Читайте работы Федерико Майора — мыслителя XX века, творца и носителя этой прекрасной идеи». О культуре мира Ф. Майор сказал уже немало и замечательно, и не менее сделал на практике. Выдающаяся во всех отношениях личность, он, без сомнения, заслуживает высшего признания как борец за мир. Наш Институт молодежи и я лично представляли Ф. Майора Нобелевскому комитету на присуждение ему звания лауреата Нобелевской премии мира. Убеждены, что недалек тот день, когда он будет носить это прекрасное звание.

По поводу культуры мира уже принято немало документов и рекомендаций, деклараций и обращений ЮНЕСКО, а также ООН. Помимо книг Ф. Майора о культуре мира выходят книги в разных странах, в том числе в России.

Но давайте согласимся с тем, что мы только в самом начале пути. На «культуру войны» тысячелетиями работали многие лучшие умы — мыслители, философы, теоретики, психологи, социологи, не говоря уж о естествоиспытателях и «технарях». Они объясняли природу, сущность и характер войны, ее цели, формы и методы ведения, уточняя ее философию, теорию и концепцию по мере мирового развития.

Стремление решать вопросы силой, через насилие прочно вошло в сознание людей. Агрессивность и жестокость для многих из них являются как бы природными свойствами. Мы же хотим противопоставить им образование как единый процесс обучения и воспитания. Победить объективно, природой заложенные качества личности чрезвычайно трудно, хотя, наверное, все-таки при определенных условиях возможно.

Каковы эти условия?

Во-первых, конечно, надо изменять окружающую человека среду, обстановку и условия, в которых он живет. Не может быть дружбы и мира там, где нет свободы и справедливости. При этом о состоянии свободы и справедливости в обществе надо судить по

степени свободы самых низших слоев. Ибо волк и овца по-разному понимают слово «свобода». Все тираны, когда-либо жившие на свете, тоже верили в свободу — свободу для самих себя. Сейчас, например, в России — океан свободы и демократии, но действительно свободен лишь один человек — Президент. Ибо он абсолютно ни от кого не зависит: отвечая за все и за всех, на самом деле ни за что и ни перед кем не ответственен. «Свободный» народ России может лишь бастовать, голодать, кричать, страдать, плакать и умирать. Тоталитарный демократизм или, лучше сказать, демократический тоталитаризм — вот как называется общественное устройство нынешней России.

Во-вторых, надо строить такую систему народных выборов, создать такие тесты для кандидатов во власть (депутатов, конгрессменов, сенаторов, мэров, губернаторов, президентов и т. д.), которые не допускали бы «наверх» людей агрессивных, безжалостных и жестоких. Ибо войны, кризисы, революции и социальные катастрофы — не стихийные бедствия. Их порождают люди, общественные установления, само устройство общества и государства. Каковы люди, таковы и устройства. И если ясно, что нынешняя жизнь мирового сообщества неудовлетворительна, то это означает одно — неудовлетворительны («двоечники!») люди, которые управляют этой жизнью, неудовлетворительны принятые нами правила, по которым они могут попадать «наверх». Но то, что человек сделал, он может и переделать.

Ничто не принесет нам мира, кроме победы умных принципов и знаний. Война — это развязывание с помощью зубов политических узлов, которые не поддались уму и языку. Будем умнее, станем терпеливее в достижении согласия. Война не принесет мира, ибо война живетвойной и плодит войну. На вершинах власти должны находиться люди, обязанные по закону и (что важнее!) своему генетическому коду стремящиеся избегать войны, как капитан корабля избегает кораблекрушения.

В-третьих, надо так изменить всю систему обучения и воспитания новых поколений, чтобы изменился сам тип человеческого мышления. Несомненно, что война своей главной причиной имеет не столько биологические и социальные, а прежде всего и главным образом духовные корни. Большое общество — больные люди.

И наоборот: невозможно составить здоровое общество из больных умом и душой людей. И, стало быть, эти умы и души надообно лечить. И начинать лучше всего с тех, кто сам в состоянии признать диагноз времени, в котором живет, и нездоровье своей психики, кто хочет лечиться. Стихийные сторонники культуры мира — социальная база движения за культуру мира, они как можно скорее должны стать сознательными и активными его участниками.

«Все, кто размышлял об искусстве управления людьми, убеждены, что судьбы империй зависят от воспитания молодежи», — говоривал еще Аристотель.

Но всякий, кто учил и учился, знает, что обучение и воспитание предполагают соответствующее учебно-методическое оснащение: учебные планы и программы, учебники и пособия и т. п. Их надообно срочно создавать. Иначе призывы повиснут в воздухе, а энтузиазм подвижников идеи испарится. Это одна задача.

Она может быть решена при условии, если существует **знание о предмете** «культура мира». В свою очередь, знание может появиться, может быть очерчено и систематизировано, если из всей совокупности сложнейших и многообразных связей и отношений будет вычененен (как бы ни трудно это было сделать) **предмет знания** под названием «культура мира». Только при этом условии идею культуры мира возможно будет донести «понятным для всех языком и распространить среди молодежи», к чему призывает Предварительный сводный доклад для ООН о культуре мира. Иначе идея культуры мира так и останется пламенной мечтой, высоким идеалом, великой утопией, но не станет реальностью.

Прекрасно, что ЮНЕСКО готовит многотомную серию книг по истории, в которых проливается свет на развитие человечества во всей его сложности. Эти книги показывают, что история — это не только история битв и завоеваний. «История человечества», «Общая история Африки», «Аспекты исламских культур», «Общая история Латинской Америки», «История Карибского бассейна», «Вклад арабских цивилизаций в латиноамериканскую культуру через Пиренейский полуостров» — такого рода книги будут несомненно полезны.

В таком же плане, на мой взгляд, должна строиться работа и применительно к бывшему постсоветскому пространству, страны

которого обречены на историческое сотрудничество и дружбу. Нужны крупные, обобщающие труды, написанные под знаком культуры мира, а не выяснения вопросов, кто кого и когда завоевал, победил, кто и кем властвовал. Но что такое «знак культуры мира»? Ответ необходим. Иначе ничего не выйдет. Простое и очередное переписывание истории с точки зрения запросов нынешней политики никому не нужно. Более того: мне кажется, что для учебного предмета «культура мира» мы найдем не так уж много нужного материала. Скорее наоборот — мало. У нас нет иного выбора, как обратить свой взор в настоящее и главным образом — в будущее. Мы должны взяться за перо и превратить огненную идею в философию, в достоверное знание, если хотите, в наступательную идеологию.

В Предварительном сводном докладе для ООН о культуре мира говорится, что «культура мира включает в себя ценности, взгляды и формы поведения, отражающие определенные социальные взаимосвязи и способствующие развитию таких отношений, которые строятся на соблюдении принципов свободы, справедливости и демократии, прав человека в полном их объеме, на терпимости и солидарности, на отказе от насилия, на предотвращении конфликтов путем устранения их коренных причин, на решении проблем путем диалога и переговоров, на гарантии полного осуществления каждым своих прав и возможности участия в процессе развития своего общества» (154ЕХ/42, р. 1). Примем эту формулировку за рабочее определение понятия «культура мира».

Тут все в общем правильно. Под таким определением подпишется едва ли не каждый человек, едва ли не каждая партия, кроме «ультра» и фундаменталистов. Ибо центральные понятия тут «свобода», «справедливость», «демократия», «права человека». Но надо понимать, насколько разным смыслом наполнены, насколько по-разному звучат и переживаются эти понятия в богатой и бедной стране, в сырой и голодной семье, там, где демократия — плодоносящая реальность, и где, как в России, она — не более чем мираж, средство обмана, орудие разрушения общества и порождения несправедливости. Принципиально различны в разных странах критические потенциалы социальной напря-

женности, ненависти, нетерпимости, агрессивности и экстремизма, одним словом, потенциалы конфликтности. Следовательно, различен объем, масштаб, характер и острота социальных, экономических и политических проблем, а значит, пути и средства их решения.

Проблема культуры мира актуальна везде, но актуальна в разных аспектах. Американцам, например, надо бы понять, что их президент и его администрация втягивают страну в построение такого «мирового порядка», который непременно ударит по их кошелькам, неизбежно спровоцирует внутренние беспорядки, возникновение новых и обострение старых социальных проблем. Гражданам России, и прежде всего молодежи, надо разъяснить, что в их стране идет пока еще «мирная интервенция», которая в любой момент может перерасти в «горячую» войну, и надо быть сегодня гражданином и патриотом, чтобы завтра не стать покойником. И так далее и все в таком роде. Нужны упреждающие, профилактические действия — исследования, статьи, книги, конференции, кинофильмы, фестивали под лозунгами культуры мира, предупреждающие войну.

3. О ФИЛОСОФИИ КУЛЬТУРЫ МИРА

Мы должны понимать, что если хотим увлечь идеей культуры мира, то должны поставить ее на прочную философскую основу. В принципе нужен специальный труд «Философия культуры мира», в котором обстоятельно и глубоко раскрывалась бы диалектика войны и мира как противоположностей и показывался примат, первенство и верховенство мира над войной. Эту философию, разумеется, изложенную доступным его возрасту языком, с первых школьных лет ребенок должен впитывать в себя, мир должен становиться для него высшей ценностью. Дети должны играть в мир, и для этого надо создать соответствующие игры. Дети должны иметь «мирные» игрушки, которые надо научиться делать. «Долой Александров! Да здравствуют Архимеды!..» Песни, стихи и поэмы, скульптуры, памятники и художественные полотна о людях мирного труда и героизма, о тех, кто работал на мир,

а не на войну, иначе говоря, на Жизнь, а не на Смерть,— вот что должно лежать в основе новой культуры — культуры мира, культуры XXI века вообще.

Но все это — в будущем. И сборник лучших сочинений о мире, и отдельные философские трактаты о нем. А в этой своей работе в качестве прекрасного примера того, как вдохновенно, умно и захватывающе можно говорить философу о мире и в пользу мира, хочу привести выдержки из книги замечательного русского философа-персоналиста Б. П. Вышеславцева¹. Если служишь идеи культуры мира, это надо знать.

Лук и Лира Гераклита

Чтобы бытие существовало, необходим, следовательно, другой принцип, кроме противоречия, кроме борьбы. «Война есть отец всех вещей», — говорит Гераклит, но этот отец пожирает своих детей, как Хронос. Марксисты, любящие ссылаться на Гераклита, не заметили, что у него существует другой принцип, как мать всех вещей, и это — **гармония, согласие, мир**, принцип, без которого ничто не рождается и ничто не пребывает. Но этот принцип не пользуется у них никакой симпатией и потому замалчивается: он не нужен для классовой борьбы и развития ненависти, он ведет к миру и любви.

Противоречие разрешается, на противоречии нельзя остановиться, противоречие само по себе невыносимо — это повторяет Гегель, но что означает «разрешение» противоречия — это остается у него в тени.

Гегель разрешает практически много противоречий, но принцип разрешения противоречий нигде точно не формулирует. И однако разрешение антиномий составляет сущность диалектики.

Неудивительно, что марксисты не заметили принципа разрешения у Гераклита, но что Гегель его не заметил, что Лассаль, написавший двухтомную книгу о Гераклите, его не понял — вот это удивительно. При всей своей симпатии к Гераклиту, при всей своей любви к античным символам и аллегориям (например, «сова Минервы»), Гегель не заметил грандиозного символа лука

¹ Вышеславцев Б. П. (Б. Петров). Философская нищета марксизма. 2-е изд. Франкфурт-на-Майне, 1957. С. 23–28.

и лиры, в котором Гераклит показывает, как «из противоположностей рождается прекраснейшая гармония».

Ибо она рождается только из противоположного, **не из тождественного, не из унисона**. Она есть нечто новое, раньше не бывшее, удивительным образом возникающее там, где раньше было противоборство, взаимоотрицание и вытеснение.

«Мы не понимаем, как противоборствующее согласуется с самим собой: это многообразная гармония, подобно луку и лире» (Гераклит).

Поразительное богатство мысли сконцентрировано в этом символе; оно не сразу разгадывается. Лук есть система противоборствующих сил, и чем сильнее напряжение отталкивающихся полюсов, тем лучше лук. Уменьшить или уничтожить сопротивление обоих концов лука — значит уничтожить самый инструмент. Но тетива лука может превратиться в струну лиры. Лира построена на том же принципе, как и лук: она есть многострунный лук (как и всякий струнный инструмент), преображеный или «сублимированный» лук. Здесь мы можем наглядно созерцать и даже слышать, как из противоборства возникает прекраснейшая гармония.

Принцип лука применяется во всяком строительстве, а прежде всего в архитектуре: она строит на противодействии сил, на контрафорсах, и «арка» означает лук (Гаге). На том же самом принципе гармонии противоборствующих сил построена вся техника, а в сущности весь космос: и солнечная система, и атом.

«Многозвучна и многообразна, согласно Гераклиту, гармония космоса, как гармония лиры и лука» (Плутарх). Лук и лира в своем принципе «тождественны» и все же противоположны, как жизнь и смерть, ибо лук несет смерть, а лира радость жизни.

Интересно то дополнение, которое Платон делает к знаменному афоризму Гераклита («Пир», 187 АВС): Гераклит выразился здесь ошибочно, хотя он имеет в виду нечто верное. Несовместимое и противоречивое не может быть соединено в гармонию, **поскольку и пока** оно остается несогласуемым. **Особое искусство** (как, например, музыка или медицина) должно прийти на помощь, чтобы враждебно-несовместимое превратить в любовно-согласуемое и установить гармонию. Этим Платон удерживает в непри-

косновенности закон противоречия: ибо если противоречие не переживается как противоречие (во всей его невыносимости), то разрешение и гармония теряют смысл и ценность.

Война и мир

Борьба классов как противоречие интересов, **поскольку и пока** она углубляется и развивается, может привести к «общей гибели борющихся классов» (слова Маркса). Такова судьба противоречия, пока оно остается противоречием. Чтобы избежать этого результата, необходимо «особое искусство», новый акт разрешения противоречия, «скакок» из борьбы противоположностей в гармонию противоположностей, иначе говоря: переустройство всего общественного здания. Но всякое переустройство есть «строй», синтез, гармония, являющаяся на место неустройства, дисгармонии. Таков неизбежный вывод из следующих слов «Коммунистического манифеста»:

«Противоположные классы ведут борьбу, **всегда кончающуюся** революционным **переустройством** всего общественного здания **или общей гибелью** борющихся классов».

И еще один важный вывод вытекает из этих слов: **борьба всегда кончается**; она не есть вечный и абсолютный принцип бытия, ибо если бы она вечно продолжалась и одна существовала, то противоположности пожрали бы друг друга и все погрузилось бы в небытие.

Конец и конечная цель (телос) борьбы есть **мир и гармония**. Без этого борьба бессмыслена и гибельна. Конечная цель и смысл противоречия есть разрешение противоречия; без этого противоречие есть бессмыслица («бессмыслица» и есть пребывание в непрерывном противоречии). **Борьба существует ради мира**, но не мир ради борьбы. На этом важнейшем диалектическом принципе покоятся не более и не менее как вся античная и христианская этика, этика гармонии, мира и любви.

Не мудрено, что к этому принципу **мира и гармонии** диамат пишет мало симпатии. Он предпочитает замалчивать его. Тем не менее это фундаментальный **диалектический принцип**, и мы можем диалектически принудить к его принятию. Призвать диалектику значит иногда призвать ее на свою голову.

Цитируя собственные слова противника, мы вправе, однако, говорить о **принуждении** в случае, если его высказывание взято из иного, ему враждебного миросозерцания, и если оно подтверждает нашу, ему враждебную точку зрения. Нет большей диалектической победы, как такое вынужденное признание, подтвержденное цитатой. В этом смысле мы часто говорим: «Маркс вынужден признать»... «Ленин вынужден признать»...

Так Маркс, несмотря на свое отвращение ко всякому «мирному» решению, несмотря на свое презрение к христианской морали мира и к античной идеи справедливости, принужден в конце концов признать, что смысл и телос всей борьбы есть **мир и гармония**: «уничтожится антагонизм классов, падут враждебные отношения наций»... вместо классовой борьбы воцарится социальная гармония противоположностей: «всех и каждого». Так говорит «Коммунистический манифест».

Но, может быть, диамат, спасаясь от такого диалектического удара, попытается отодвинуть все это бесконечность, утверждая, что весь бесконечный путь до этой бесконечно далекой цели состоит из одной бесконечной борьбы и ненависти? (Иначе говоря, что бесконечная ненависть ведет в царство бесконечной любви и бесконечное нагромождение противоречий создает гармонию).

Однако мы уже указывали, что развитие и углубление одного только **внутреннего противоречия** приводит всякую вещь к гибели и разрушению. Все живое погибает в силу внутреннего и внешнего противоречия (капитализм погибает в силу внутреннего противоречия — это общее место марксизма). И если что-то вообще существует, то только потому, что существует другой принцип бытия, другое соотношение противоположностей, кроме соотношения антагонизма и взаимного исключения. Если бы противоположности только «пожирали» друг друга, то они за бесконечностью времени давно пожрали бы друг друга. Бытие всех существ доказывает, что противоположности не только «пожирают», но и «**питают**» друг друга (выражение Аристотеля), причем это «питание» должно необходимо перевешивать «пожирание».

Всякая вещь, всякое существо есть **система гармонически связанных противоположностей** — будь то атом, солнечная система, организм, общество. Греческое слово «система» сразу выражает

этот диалектический принцип, ибо «система» означает то, что «сополагаемо», то, что «стоит вместе», в противоположность тому, что несовместимо.

Таким образом, диалектика имеет два принципа: **война и мир**, антагонизм и гармония, взаимопожирание и взаимопитание противоположностей. При этом второй принцип — **мира и гармонии** — перевешивает, он дает всему смысл, ценность и бытие: война существует ради мира, а не мир ради войны; мир может обойтись и без войны, но война не может обойтись без мира.

Принцип **мира** перевешивает, но это не значит, что он абсолютно доминирует: мир (согласие) постоянно нарушается и восстанавливается, **противоречие всегда присутствует** (в этом Гегель прав).

Космос не есть неподвижная гармония, раз навсегда найденный аккорд; он есть развивающаяся симфония с возникающими диссонансами и разрешениями. В этом историзм Гегеля сохраняет свое значение.

Все сказанное дает нам возможность сделать важный вывод, касающийся марксистского понимания истории. **«Вся история есть история борьбы классов»** — этот тезис имеет смысл, но он становится ложным, если его абсолютизировать и оторвать от противоположного утверждения. С совершенно таким же, и даже с большим правом можно сказать: **«вся история есть история сотрудничества и солидарности классов»**.

При этом антитезис «сотрудничества», т. е. гармонического взаимодействия, перевешивает, ибо иначе история давно бы кончилась «общей гибелью борющихся классов», по выражению Маркса.

4. ОБ ИДЕОЛОГИИ КУЛЬТУРЫ МИРА

Со словом «идеология» у многих связаны ужасные представления. Хотя в самом понятии «идеология» не кроется ничего опасного. **Идеология — это всего лишь система ценностей**, которую большинство субъектов общества признает главенствующей для себя. Идеология объединяет разношерстных субъектов в то, что называется обществом. Поэтому идеология существовала и существо-

ствует в любом нормальном обществе всю историю цивилизации. Идеология есть не только у коммунизма и социализма, но и у либерализма, консерватизма и т. п. Мы говорим «философия войны», «идеология войны». И это естественно. Как естественно сказать «философия мира», «идеология мира»; «философия культуры мира», «идеология культуры мира». В свою очередь, **гибель любого общества**, если это не было следствием форс-мажорных обстоятельств, **начиналась именно с разрушения идеологии**. Так было с Римской империей. Это подтверждает и случай с СССР. Стоило власти объявить основные ценности общества ложными, как общество стало на глазах разваливаться.

Многие не любят слово «идеология» и избегают его лишь потому, что не знают: идеологии бывают разными. Как бактерии бывают болезнетворными и полезными. **Идеологии существуют не сами по себе и для себя; они — инструмент в руках управляющих людьми и процессами, элемент технологии управления.** Причем предельно функциональный элемент. **Управлять обществом можно, только консолидировав его.** Только тогда оно становится управляемым в отличие от толпы. Эту задачу и решает идеология. Идеология культуры мира необходима, на мой взгляд, для того чтобы, во-первых, с ее помощью сплотить и воодушевить сторонников культуры мира, во-вторых, чтобы сделать их действия более эффективными, то есть чтобы поскорее заместить «культуру» войны культурой мира.

Существуют две технологии управления обществом: технология **цели** и технология **врага**. По первой общество консолидируется на достижение важной для общества цели, по второй — на борьбу с врагом. Соответственно, различаются и идеологии. Идеология глобального капитализма — это идеология врага. Ибо это идеология интервенции, агрессии, идеология войны.

Идеология культуры мира — это идеология цели. А цель — мир. Эта идеология предполагает созидание, а не разрушительство, строительство, а не войну. Культура мира замещает «культуру» войны прежде всего в сознании, а уже потом — на практике. Ее «оружие» — знания, информация. Она принимается человеком и обществом добровольно, а не принудительно, через средства пропаганды, воспитания и обучения. То есть распространяется от-

крытыми, публичными, ненасильственными методами, не предполагает жестокости, лжи и обмана.

Идеология культуры мира представляет собой систему взглядов, идей, в которых осознаются и оцениваются отношение людей к вопросам войны и мира и (в связи с этим) друг к другу, а также содержатся цели (программы) социальной деятельности, направленной на исключение из общественной жизни «культуры» войны и утверждение в ней культуры мира.

Смысл идеологии культуры мира в том, чтобы путем распространения знаний и информации раскрывать сущность и содержание, негативные последствия современного процесса глобализации как формы мировой войны за установление нового порядка. Это значит, что ни одно из явлений, действующих на общественную жизнь в результате глобализации, не должно избежать тщательного исследования и оценки, распространения полученной информации. Знания и информация являются предпосылками культуры мира и демократии. Это значит, что движение за культуру мира должно иметь свои аналитические центры, свое видение стратегии мирового развития. Эти центры должны активно изучать глобальный капитализм, вырабатывать рекомендации о новых формах и методах утверждения культуры мира. Разумеется, в числе этих центров в первую очередь надо назвать ООН и ЮНЕСКО.

Оставляя в стороне вопрос об институтах и политических программах, призванных ограничивать и сдерживать скорость и темпы глобализации, скажем о том, что, на наш взгляд, должен был делать любой приверженец философии и идеологии культуры мира.

1. Рассматривать любое явление или институт глобализации, будь то государство, рынок, экономическая интеграция или производительность, как социальную конструкцию, то есть как продукт культуры, который отражает уровень знаний и конкретную систему власти.

2. В толковании глобализации отвергать априори любую форму детерминизма и исходить из того, что глобализация — процесс не только естественный, но и искусственно навязанный. Расширение свободы маневра в объяснении явления — важный мо-

мент как для отдельных лиц, так и для институтов. Требуется расширить возможности выбора и освободить выработку мнений от заданных ограничений.

3. Обращать особое внимание на используемую терминологию. В вопросах благосостояния личности и общественной организации ни одна из концепций не может быть нейтральной. Например, говорить о «социальных последствиях» или «социальных аспектах» глобализации означает принимать этот процесс само собой разумеющимся, то есть как процесс, к которому необходимо «адаптироваться» или «приспособливаться». В частности, говорить о «рынках труда» означает рассматривать людей в качестве товара. Ссылаясь на «организации, действующие на рынке труда», вместо того, чтобы употреблять термин «профсоюзы», означает желание исчезновения последних. Упоминать об «отсутствии политической воли» означает избегать анализа политических противоборств и взаимоотношений в структурах власти.

4. Проявлять особый интерес к фактам, данным и толкованиям, охватывающим всю полноту проблемы глобализации: к статистике бедности и богатства; к фактам маргинализации, а также появления новых элит; к информации о неформальном секторе и одновременно о «налоговых оазисах». И так далее.

5. О ВОСПИТАНИИ МОЛОДЕЖИ В ДУХЕ КУЛЬТУРЫ МИРА

Рассуждая о войне, Н. А. Бердяев говорил: «Зло нужно искать не в войне, а до войны, в самых мирных по внешнему обличию временах. В эти мирные времена совершаются духовные убийства, наполняются злоба и ненависть. В войне же жертвенно искупается содеянное зло... Война великая проявительница. В ней проецируется на плоскость то, что происходит в глубине». В глубине души, в глубине ума, в сознании, подсознании и бессознательном. В природе человека.

Заменить «культуру» войны культурой мира — значит изменить природу человека. Немыслимая, утопическая задача. Ибо это и есть задача создания «нового человека», за решение которой че-

ловечество принималось не раз. Чтобы понять, за сколь утопически сложную задачу мы беремся, совершим небольшой экскурс в историю воспитания «нового человека».

В 1762 году Ж. Ж. Руссо издал работу «Эмиль, или О воспитании». За религиозное вольнодумство она была приговорена к сожжению. Идея Руссо, изложенная в его сочинении, была гениально проста: ребенок может стать идеальным и совершенным, если его изолировать от порочной социальной среды. «Правда, как это сделать? — ironически спрашивал Руссо. — Разве что поместить его на Луну или на необитаемый остров?»

Тем не менее Екатерина II восприняла эту мысль всерьез и немедленно учредила Московский воспитательный дом с целью создания «новой породы» людей. Поскольку «корень всему злу и добру воспитание, — полагала Екатерина, — ...единое токмо средство остается, то есть: произвести сперва способом воспитания, так сказать, новую породу или новых отцов и матерей, которые б детям своим те же прямые и основательные воспитания правила вселить могли, какие получили они сами, и от них дети передали б паки своим детям; и так следуя из родов в роды, в будущие веки».

Робеспьер предпринял более масштабную попытку воплотить в жизнь идеи Руссо, сделав экспериментальной площадкой Францию, а объектом эксперимента — весь народ. Робеспьером был введен кульп Верховного Существа. Декларировалось, что кульп, достойный Верховного Существа, заключается в выполнении человеком его обязанностей. Из этих обязанностей он считал первейшим: ненавидеть нечестность и тиранию, наказывать тиранов и изменников, помогать несчастным, уважать слабых, защищать угнетенных, делать всем другим всевозможное добро и не быть ни к кому несправедливым. По сути, это было новое Евангелие, Кодекс строителя капитализма. Пороки человеческие не исчезли. Зло и несправедливость оставались. Тогда был применен террор «как самое эффективное средство управления и воспитания». Но и тогда люди упорно не хотели становиться «новыми»...

А. Франс как-то заметил, что те, кто жаждет насилию облагодетельствовать человечество, со временем приходит к выводу, что люди — это сущие обезьяны. И тогда начинают рубить головы.

Через сто с лишним лет идею «нового человека» подхватила новая Великая революция — в России. Не буду приводить выдержки из работ Ленина, Сталина, Хрущева, Брежнева и деятелей коммунистической партии рангом пониже — Луначарского, Калинина, Крупской, Дзержинского и других, чтобы доказать, что борьба за «нового человека» велась в гигантских масштабах, умело и последовательно. Был создан Кодекс строителя коммунизма, по сути дела списанный с Евангелия.

Надо сказать, что в борьбе за «нового человека» для этого человека было сделано много хорошего — в здравоохранении, образовании и других областях социальной сферы. Немало хороших качеств укрепилось у самих людей. Но речь сейчас не об этом.

В одном произведении Платонова есть героиня по имени Настя, которая твердо знала, что следует «плохих людей всех убивать, а то хороших очень мало». «Ты вполне классовое поколение, — радовался по этому поводу другой герой этого же произведения по фамилии Сафонов. — Ты с четкостью сознаешь все отношения, хотя сама еще малолеток. Это монархизму люди без разбору требовались для войны, а нам только один класс дорог, да и мы класс свой будем скоро чистить от несознательного элемента».

«Враги народа», «несознательный элемент», люди с «отсталыми взглядами и буржуазными привычками», то есть все, кто мешал строить «нового человека», разными способами «отсеивались». Народ «вычищали» так усердно и эффективно, что ни в чем не виновные, частью очень хорошие, лучшие и даже вполне «новые» (маршалы, партийные и государственные деятели и т. п.) люди отрекались под пыткой от себя и своих семей. Объект воспитания, становясь «новым», переставал быть просто человеком.

Надо сказать, что идея «нового человека», разумеется, по другому поводу и в иной интерпретации выдвигалась Т. Рузвельтом и У. Черчиллем, не говоря уж о Гитлере и Муссолини.

Почему и когда возникает проблема «нового человека»? Всякий раз, когда затеивается радикальная ломка старого порядка и перед обществом возникают принципиально новые задачи. Поэтому что для совершения глобальной перемены необходима некая **критическая масса** людей, которые выступают за эту новую пере-

мену, принципиально отвергая при этом прежний, старый порядок вещей.

Перестройка и «реформы» в России с самого начала уперлись в проблему: кто будет их совершать? Те, кто правил в прежние времена? Но они же «старые» и, значит, все новое будут делать с оглядкой на старое. Нужны были именно «новые» люди, не связанные с прошлым ни взглядами, ни делами. Так появились «молодые реформаторы», хотя этим молодым было в лучшем случае под сорок, а то и крепко «за». Но мыслилось, что они якобы несут в себе «новое зерно»: новые знания, мысли, энергию. «Новые люди»! Хотя вся новизна их заключалась в безоговорочной преданности «новым» задачам и правилам политической игры, «новым» по занимаемым должностям и старым по возрасту вершинам судей России.

Вскоре появилось еще одно выражение такого же рода — «новые русские». И дело было не только в том, что это понятие в основном возникло из-за желания честных, порядочных и культурных граждан отделить от себя разного рода нуворишей, хамов и «чмо». Было в этом выражении и что-то существенное, реальное, знаковое. «Новые русские» — в основном мелкая предпринимательская сошка и шпана от среднего бизнеса — были тем не менее действительно «новыми» кое в чем важном для экономики и жизни вообще. Агрессивно-активные, безудержно предпримчивые, цинично- pragmaticальные, нацеленные на успех в своем «бизнесе» любой ценой, а в конце концов — на деньги. Уже достаточно состоятельные и не скрывающие своих богатств, которые далеко не всегда были добыты праведными трудами. Таких людей в стране прежде не было. Их презирали и презирают, ненавидели и ненавидят. Но они тем не менее едва не стали основой того самого «среднего класса», который, говорят, придает обществу стабильность и устойчивость.

Вот после августовского кризиса 1998 года их количество заметно поубавилось, и экономическая, во всяком случае торговая, жизнь стала замирать. То есть, в принципе такие люди нужны. И правительство уже давно осознalo, что без миллионов людей — без критической массы предпринимателей среднего и малого бизнеса — никакие реформы в России невозможны. Принята про-

грамма переподготовки предпринимателей за рубежом. Действуют различного рода фонды типа «Кадры реформы». Осуществлялся крупный проект по подготовке и переподготовке предпринимателей малого и среднего бизнеса («Морозовский проект»), в котором наш Институт был одним из участников. Но все это — суeta, не имеющая серьезного смысла. На самом деле эту проблему — проблему новых кадров, а в известном смысле и «нового человека», призвана и должна решать, конечно же, семья, но в первую очередь — российская школа — средняя и высшая. Это — задача воспитания **жизнесспособных поколений** российской молодежи. У меня лично и нашего Института есть весьма интересная история борьбы за то, чтобы воспитательная функция, изъятая в начале 90-х годов из школ и вузов волей новой власти, былаозвращена на положенное место с тем, чтобы в России нарождались, несмотря ни на что, росли и развивались новые поколения детей и молодежи, достойные своих предков и великой истории нашего Отечества. Но это несколько иная тема.

Так что же с «новым человеком», который любит мир и ненавидит войну? Может, сразу оставить в стороне эту задачу? У истории надо учиться. Но в том то и дело, что такого рода попытки, по моему убеждению, необходимо маниакально продолжать. Другой вопрос — цели, формы и методы, сроки. Очеловечивание, одухотворение человека — дело неимоверной сложности и трудности. Но если им не заниматься, мир озвеет. Дух человеческий растет невероятно медленно, а утрачивается гораздо быстрее.

Верно, что немногие люди от природы наделены даром добродетели, т. е. расположением духа, делающим человека способным действовать во имя добра — творить истину, справедливость и мир. Но справедливо также думать, что немногие люди и порочны от рождения. Большинство людей пребывают в расположении духа, которое можно охарактеризовать как пограничное («непорок, «недобродетель»). То есть при известных условиях они могут встать на добродетельный или, наоборот, порочный путь.

Сегодня не только социально-экономические условия и вся атмосфера жизни, но также телевидение буквально толкают молодых людей на путь жестокости и насилия. Если бы ничего больше не делать, а только **упорядочить телепрограммы** телеканалов

ОРТ и НТВ, предельно **ограничив** демонстрацию телеужасов, насилия и жестокости, извергающихся в юные души и умы с телевизоров, то уже это было бы большим делом.

Думаю, что в программы школ и вузов надо включить хотя бы небольшие **курсы по глобалистике и конфликтологии** (в нашем Институте это сделано). Сегодня все, кто действует в сфере социального управления и политики, принимает решения, должны знать о тех вызовах и угрозах, перед которыми стоит человечество и наша страна; как говорится, порами чувствовать единство и неделимость мира, взаимосвязь и взаимозависимость регионов, государств, народов и наций. Невежество в этой области — одна из угроз, без устранения которой глобальных проблем не решить.

Сегодня все, кто принимает политические и социально-управленческие решения, должны иметь хотя бы минимум **знаний по конфликтологии**. Знать, в частности, что конфликт — не патология общественной жизни, а способ существования социума. Что мечтать о бесконфликтном развитии — вредная утопия. Что конфликт имеет и созидательное начало. Что дело, в конце концов, не столько в конфликте, сколько в культуре, цивилизованности его разрешения. И т. п. Можно говорить о понижении или повышении уровня конфликтности. Здесь есть как объективные, так и субъективные стороны. В России, например, многие конфликты спровоцированы властью. В этом смысле они противоестественны, искусственны.

Но и объективно мир становится все более конфликтным. Надо **учиться жить в условиях повышенной и растущей конфликтности** государств, народов, наций, социальных групп, организаций и индивидов. Если не говорить о политике, то способ разрешения этой проблемы тут может быть только один — образование, т. е. обучение и воспитание. Люди должны знать, что такое конфликт и как его преодолевать, а также иметь для этого необходимые качества ума, мышления, характера: умеренность,держанность, осторожность, терпимость и т. д.

Надо развернуть также работу по распространению среди молодежи идей демократии и воспитанию ее **в духе демократии**.

Разумеется, то, что мы наблюдаем в России, — это не демократия, если говорить о демократии как результате и состоянии.

Люди, которые якобы олицетворяют и творят российскую демократию, вовсе не демократы. И это нанесло огромный урон идее демократии в глазах народа, в том числе молодых людей. Но это не меняет положение вещей. В частности того, что демократия отвечает природе человека. Того, что (как доказано историей, в том числе современной) демократия является политическим строем, дающим наибольшие шансы достичь мира и справедливости. Того, что демократия — это не столько результат, сколько процесс демократизации, растянутый во времени и (если говорить о России) весьма надолго. Всегда существует разрыв между тем, что должно и могло быть, и тем, что достигнуто. И так далее. Иначе говоря, у нас нет решающих причин, по которым Россия должна отказаться от идей демократии и демократизации.

Надо учесть, что молодым досталось, увы, недемократическое наследство. Что ни в одной стране мира и ни в какую эпоху демократизация не предшествовала экономической реформе. Демократия строится на экономике. Не может быть удовлетворительной, развитой и современной демократии в голодной стране. Голод и нищета — это повод к воровству, грабежам и убийству. Тут нужна уже не демократия, а «сильная рука», т. е. авторитаризм. Я говорю о том, что экономической реформе должна предшествовать модернизация в духовной сфере, т. е. осознание необходимости перемен от уровня правящих элит до возможно более широких масс. И уж затем реформирование экономики. Иначе говоря, реформы должны идти не синхронно, а асинхронно: сначала — сдвиги в сознании, затем — перемены в экономике и потом — перестройка и развитие политических институтов, демократизация. Так должно было быть с самого начала и происходить на протяжении всех реформ. Безусловно, в реальности это крайне сложный и труднорегулируемый процесс, но только при этом условии он может быть эффективным.

С молодежью об этом надо говорить. Она должна иметь возможность получить хотя бы верbalное знание о природе и сущности демократии. Ее надо воспитывать в духе демократии и т. д. Как — другой вопрос. Но мы должны ставить такую задачу. В частности, создавать повсюду клубы ЮНЕСКО, главной задачей которых является распространение идеи культуры мира.

Государство и общество должны всемерно способствовать тому, чтобы молодежь активней **самоорганизовывалась** в целях распространения и реализации идей культуры мира и демократии.

В самом деле: что такое — «молодежь»? Это абстракция, причем высокого порядка. Как понятие «народ». Абстракция безмолвна, она не имеет воли, бездействует. Молодежь, как и народ, — это «великий немой». «Народ» не выйдет из кризиса, не наведет порядок. «Молодежь» не решит своих проблем, ибо в этом качестве она — объект. Пока не осознает своих целей, не организуется ради достижения этих целей, не начнет за них бороться. Пока она не обретет субъектность, не станет субъектом исторического действия.

Идеи культуры мира так и останутся благими пожеланиями, если хотя бы какая-то часть молодежи не будет видеть в них цель и смысл своей деятельности, не будет служить им. Мы — те, кто серьезно относится к этой идеи и концепции, созданной Ф. Майором, — должны предпринять для этого конкретные меры.

Я считаю, что в России, странах СНГ и Восточной Европы, где ныне находятся многие основные «горячие точки», на пространстве которых в XXI веке, несомненно, вспыхнет еще много конфликтов, следует развернуть **массовое движение** «Молодежь — за культуру мира».

В связи с тем, что 2000 год объявлен ООН Годом культуры и мира, в России реализуется крупный общегосударственный проект. Институт молодежи и Международный институт ЮНЕСКО «Молодежь за культуру мира и демократии» участвуют в нем в качестве координатора молодежной подпрограммы. В рамках этой подпрограммы мы намерены провести в 2000 году Международный фестиваль молодежи с участием молодежи стран СНГ и Восточной Европы.

Не вдаваясь в детали, скажу, что, во-первых, этот проект может хорошо поработать на интеграционные процессы, а это значит, на снятие противоречий, предубеждений, взаимной нетерпимости в межгосударственных, межкультурных и межнациональных отношениях на всем посткоммунистическом пространстве.

Во-вторых, через конкретные дела он сблизил бы тысячи лидеров различного рода молодежных организаций десятков стран, спо-

собствовал выявлению лидеров нового политического поколения. Надо отдавать отчет, что проблема выращивания новых политических лидеров является остройшей для всех бывших социалистических стран. Не надо доказывать, что большинство из нынешних президентов стран СНГ по своему менталитету — «силовики».

В принципе, все проблемы мира и демократии упираются в **культуру власти**, конкретнее — **культуру политических лидеров**: их сознание, культуру мышления, ум, мудрость, умеренность, осторожность. Новое политическое мышление нельзя подарить, внедрить, оно неотрывно от характера человека, формируется в процессе образования — обучения и воспитания, корректируется практикой. Иными словами, это процесс, и процесс длительный. Выращивание политических лидеров нельзя отдавать стихии, этот процесс надо организовывать, им надо управлять. Важно, чтобы те, кто завтра будут на разных уровнях управлять государствами, знали друг друга как можно больше и лучше, доверяли друг другу.

В рамках движения «Молодежь за культуру мира» могли бы проводиться национальные и международные фестивали молодежи, осуществляться многие другие, прежде всего образовательные и культурно-спортивные акции. На мой взгляд, после соответствующей проработки вопрос о создании массового движения «Молодежь за культуру мира» можно было бы внести на рассмотрение Совета стран СНГ.

Надо понимать: молодежь — дело настолько серьезное, что решение этой проблемы нельзя отдавать в руки только самой молодежи. Это очень «взрослое» дело. Надо понимать и другое: то, что государство «сэкономит» на молодежи, оно потом с лихвой потратит на борьбу с ней, точнее, с ее пороками, которых можно было бы избежать.

Молодежь становится действующей силой, когда она обретает **субъектность**, т. е. когда она организуется на основе каких-то целей. Сейчас в море разного рода проблем есть одна, которая выше всех: проблема выживания человечества и многих наций в частности. А выжить можно, только сумев преодолеть имеющиеся разногласия, предубеждения, ненависть и т. д. Это дело сложное, долговременное. Это дело тех, кому жить и править своими странами завтра.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Прочитав написанное, кое-кто наверняка скажет: «Вот мысли антizападника, антиамериканиста!» Но нет же, нет! Никогда противником Запада, как такового, не был и не буду. Я шесть раз бывал в США, объездил около 15 штатов, посетил десятки городов, многие университеты, исследовательские центры, в том числе дважды Центр национальных стратегических исследований, Институт русских исследований Д. Кеннана и другие. Несколько месяцев жил в Канаде. Читал лекции, собирая материал для книги и снимал фильм о Швеции. Объездил почти все страны Европы. Восхищаюсь. Ценю. Многому научился и учусь у Запада. Надо быть идиотом, чтобы относиться к великим западным достижениям как-то иначе. Россия уже многое для себя взяла от Запада, в том числе и от Америки. И должна еще взять. Но — добровольно. Диктат и силу моя страна не примет даже в самых гибельных обстоятельствах. Ельцин и К° — еще не Россия. Их терпели и терпят до той поры, пока речь шла о внутренних делах. Но если явно обозначится для России угроза внешняя, им не усидеть «наверху» и нескольких дней. И тогда появится человек, который выразит и дух, и волю народа.

Несомненно, мы являемся свидетелями общей тенденции, которая становится все более заметной: возрастающей сложности государственных, социальных, политических, технических, наконец, глобальных проблем сопутствует явное снижение уровня компетентности правящих лиц. Колесо истории, как и в старом примитивном мире, крутят дураки и мошенники. Самые злостные преступники рода человеческого сегодня, как и прежде, находятся в кругу народных вождей. Гитлер, Пол Пот — вчера, Клинтон, Салана — сегодня.

Многие, силясь понять происходящее и будучи неспособными сделать это, в отчаянии отказываются от своей обязанности размышлять и понимать, не ценят жизнь, живут растительной жизнью, не ведают, что творят, уродуя себя и окружающих. Парadoxально, но факт: в отечественных философских словарях статьи «цель жизни», «смысл жизни» — отсутствуют. «Жить так, чтобы не было в жизни смысла — вот что становится теперь смыслом жизни» (Ф. Ницше).

В американском темпе жизни миллионы людей в России, Америке и Европе суетятся, делают дела, стараются обогатиться, и в итоге все сообща неутомимым трудом создают — пустыню, в которой изнемогают от зноя и погибают от духовной жажды.

Сегодня трудно угадать, в каком направлении движется Россия, неясно, как далеко зайдет процесс ее внутренней дезинтеграции и интеграции в мировую экономику. Кризис настолько сложен и остр, что определенно можно говорить лишь о многих вариантах развития событий. В ситуации хаоса, когда первой и главной является проблема выживания «здесь и сейчас», думами о том, как встретить вызовы XXI века, руководство страны просто не озабочено. И не хочет, и не может. Между тем это не менее насущная задача нынешнего выживания: вопрос о смысле и цели жизни существует не только для отдельного человека, но также для целого народа.

Мы должны не только найти смысл жизни, но и внести смысл в жизнь, чтобы сживить и собрать воедино распадающийся дух и тело человечества. Кто исполнит эту миссию? Сообщество интеллектуалов? Великий народ страстотерпец и правдоискатель? Мы должны ответить на этот вопрос. Борьба против глобальной агрессии за мир и культуру мира — один из ответов.

Мир сбит с толку и замер в оцепенении. Мы должны очнуться, открыть глаза и увидеть смертельную угрозу — на сей раз со стороны американского экспансиионизма.

Четвертая мировая война идет! Да, уже идет. Поймите и соглашитесь с этим. Тогда мы сможем сказать насилиникам: «Мы вас поняли и разоблачили, господа! Остановитесь!» И это даст нам новую платформу для борьбы за мир, за утверждение культуры мира.

На штыки, как известно, можно опереться на некоторое время, но на них нельзя сидеть. Идеи гремят на весь мир громче пушек. Мысли могущественней армий. Принципы одержали больше побед, чем конницы и колесницы, танки и ракеты типа «Томагавк».

С помощью высоких, огненных идей (и среди них — идея культуры мира) мы должны разбудить российского орла, которому американский кондор нанес уже несколько мощных ударов. И путь здесь только один — братское единение славянского мира, проч-

ный союз с восточным миром. Мы должны заклеймить США как главного агрессора и главного поджигателя новой, четвертой мировой войны, и главного врага мира. Не надо бояться этих слов, ибо они — правда. Не бывает «либеральных» бомб и ракет, как заявил официальный представитель НАТО, не бывает «демократической» смерти. Есть просто бомбы, обыкновенное убийство и просто смерть, одинаковые для сербского ребенка и американского президента. России и всему человечеству американцами брошен фундаментальный вызов: либо покоритесь, либо уничтожим.

Надо ясно понимать, что угроза войны не исчезнет, если мы будем просто наблюдать за тем, как американцы и НАТО уже хозяйничают в мире, демонстрируя «новый мировой порядок». Эта угроза не станет меньше, если мы будем заниматься только умиротворением людских умов и душ, только пропагандировать идеи культуры мира. Разумеется, эту работу надо продолжать все сильней и активней. Но надо поднять нашу экономику, возродить былую мощь нашей армии.

Увы!.. Ни США, ни ее союзники в Европе ничто не почитают так, как военную силу, ни к чему не питают столько уважения, как к новейшей и лучшей, чем у них, военной технике. По этой причине надо признать, что еще не начавшая действовать натовская доктрина «Сотрудничество ради партнерства» уже морально устарела, что политика заискивания перед Западом смертельно опасна, ибо рассматривается им как слабость. Нынешняя агрессия в Югославии — это проба сил. Если славянские государства и все, кто объективно входит в евразийскую зону мира будут, как сейчас, разъединены, их всех, кого раньше, кого позже, ждет катастрофа. Мы должны возвзвать к 25 миллионам соотечественников за рубежом, к белорусам и украинцам, призвать их к единению, укреплению своей солидарности и мощи.

Россию рано списали со счета. Да, мы обеднели, ослабли под ударами изнутри и извне. Да, наша промышленность стоит, а во многом разрушена. Но такие мрачные этапы истории уже были в России. В ходе Второй мировой войны мы создали еще одну, такую же, по сути дела вторую промышленность, которая была до войны. Все послевоенное хозяйство было восстановлено за пять лет. Эти славные годы страданий, эти подвиги не забыты. И у нас

нет иного выхода, как повторить этот горький, но неизбежный опыт. Надо собрать в кулак все материальные и моральные силы, объединиться в братском союзе с теми, кто понимает весь драматизм настоящего и трагизм возможного будущего России и всего мира. Мы обязаны остановить имперские амбиции и авантюризм Америки и ее подобострастных, плохо понимающих, что они творят, союзников. И тогда откроются новые возможности и пути движения к Культуре мира, к Храму Мира.

Ильинский И. М. О «культуре» войны и Культуре мира. 2-е изд. М.: Изд-во МосГУ, 2003.

О НОВОМ МИРОВОЗЗРЕНИИ

Новое мировоззрение ищет свободы, истины и целостности (единения, содружества, единства) на путях диалектики, диалога (дискуссии, многообразия взглядов и мнений), солидарности и любви, изобличая все двусмысленное, двоящееся, прикрытое, неискреннее. Это мировоззрение — тот меч, которым должна быть отсечена от наших мыслей и сознания та ложь, которая накапливалась в них десятилетия под прикрытием высоких фраз о защите интересов трудящегося человека, ведущей роли большинства, всесилия колLECTивизма, скорого достижения бесклассового общества, всеобщего равенства и счастья. Акт отсечения лжи — не механический, разовый, внешний. Жизнь бесконечно сложна, копившееся годами зло и изжито может быть только годами, постепенно, в ходе очищения умов и душ живущих ныне людей, а главное — нарождения новых поколений, входящих в жизнь в атмосфере властовования новых ценностей, которые выражает новое мировоззрение.

Так же как не одномоментным и не простым является выражение самого этого мировоззрения, которое образуется не путем механического отбрасывания из старого того, что устарело, и утверждения того нового, что кажется новым и прогрессивным. В обоих случаях речь идет о творчестве, о синтезе, в основу которого должна быть положена идея философского и идеологического компромисса, на которые должны пойти друг с другом материалисты и идеалисты, революционеры и консерваторы, — все носители разных философий, религиозных верований, политических идей, независимо от их сословной и социальной принадлеж-

ности. Должны! Если хотят оставаться живыми и оставить своим потомкам живой мир, хотят жить в благополучии и того же желают своим наследникам.

Россия и ее народы, некогда завидовавшие Франции, в 1917 году получили свою социальную революцию. Теперь мы имеем более чем семидесятилетний опыт претворения на практике ее идей, призывов, обещаний. Огромный и великий опыт, предельно обостривший проблемы социальной философии, доведший сотни миллионов людей до вражды и ненависти.

Теперь мы с грустью и ужасом осмысливаем последствия своего эксперимента. Но мало грустить, стыдиться и ужасаться. В анализе этого опыта надо быть еще и безжалостными. Более безжалостными и последовательными, чем при проведении самого опыта. Не ради оправдания самих себя и узнавания, что же мы построили, нужно называть вещи своими именами, выговаривать всю правду до конца. Ради будущих поколений, чтобы избавить их от стыда и ужасаний за нас, не набравшихся мужества быть смелыми и честными даже на краю гибели.

Мы должны оценить социальные, политические и нравственные последствия пройденного этапа «социалистического» строительства, искать причины неудач не только в действиях и поступках тех или иных конкретных личностей, сколь много власти им ни принадлежало бы, сколь глупы и злонамеренны ни были бы они. Мы должны искать эти причины не только в концепциях, теориях, науке, но и в философских основах марксистско-ленинского мировоззрения, на которых строятся все три составные части этого учения.

Безусловно, дело это не только крайне деликатное в существующей идеологической и политической атмосфере, но и невероятно сложное. Но от дискуссий никуда не уйти.

Не пытаясь дать исчерпывающих ответов по существу, я поставлю лишь несколько вопросов философско-мировоззренческого свойства, которые возникают у всякого, кто хочет понять Маркса, Энгельса, Ленина. Понять, а не механически заучить их.

Вот первый и главный вопрос — об источнике развития, которым, как знаем мы со школьной и вузовской скамьи, является внутренняя противоречивость всего сущего. Закон диалектики о

единстве и борьбе противоположностей философски обосновывает источник движения и развития мирового процесса, классовой борьбы и социальных революций. Это центральный вопрос марксистско-ленинского мировоззрения. В «Коммунистическом манифесте» К. Маркс писал: «Противоположные классы ведут борьбу, всегда кончающуюся революционным переустройством всего общественного здания или общей гибелью борющихся классов». Но может ли внутренняя противоречивость предмета и борьба этих противоречий быть единственным источником развития? Почему и как из конфликта, к которому ведет всякое противоречие, должен всегда и непременно образовываться «скачок» к более совершенным формам бытия, в данном случае бытия общественного? Почему противоречие раз и навсегда признается делом совершенно естественным, необходимым? Почему не видеть в противоречии признак и несовершенства предмета, источник разрушения и гибели? Почему противоречия надо видеть только взаимоисключающими?

Так можно мыслить, если надо обосновать, прежде всего, неизбежность борьбы классов на взаимоуничтожение, неизбежность социальной революции, неизбежность устраниния одного класса другим.

Так и родилась философия классовой ненависти, которая после социалистической революции пронизала все наше общество. Ибо победитель — класс-гегемон, имеющий свою идеологию, являющуюся официальной, обязательной для всех. Ненависть культивировалась, на ненависти воспитывались новые поколения. Научившись ненавидеть, они и мыслили ненавистно-разрушительно, искали предмет ненависти и находили его повсюду — в природе, вещах, людях, даже близких. В окружающем их мире идей и мыслей они находили по преимуществу те, которые соглашались с их образом мыслей и взглядов, ибо все мы мыслим избирательно. То, что не отвечает нашим взглядам, мы осуждаем и отбрасываем как ненужное.

Бесконечно повторяя слова о том, что «революция — не только разрушение, не только уничтожение старого, отжившего, а прежде всего созидание, творчество», мы все-таки главным образом супением разрушали, а не созидали. Почему?

Может, потому, что в наше сознание не вошел другой (кроме противоречия и борьбы) принцип бытия — принцип гармонии, согласия и мира? Диалектика требует парности. Если мыслитьialectично, непредвзято, беспартийно, то легко увидеть, что у понятий «противоречие», «антагонизм» есть антоним — «гармония», у понятия «борьба» — «согласие», у понятия «война» — «мир».

Война и революция, как способы разрешения противоречий, не могут абсолютизироваться, не могут быть постоянным состоянием. Борьба и война всегда кончаются, даже если конкретная цель не достигнута, ибо война и борьба пожирают борющихся и воюющих и грозят борющимся сторонам небытием. В конечном счете борющиеся рано или поздно приходят к какому-то согласию, на котором строится мир. Так пришли мы теперь, как ни сопротивлялись, к признанию приоритета общечеловеческих ценностей над классовыми. Принцип согласия, гармонии и мира перевешивает принцип антагонизма, борьбы и войны, ибо война ведется ради мира, а не мир существует ради войны. Война всегда кончается, и кончается миром.

И это никак не исключает тезис о том, что противоречие всегда существует.

Диалектика не терпит крайностей, абсолютизации, отрыва тезиса от антитезиса, текста от контекста, одной противоположности от другой. В этом отрыве умирает истина и рождается ложь. Можно утверждать, что вся история человечества есть история классовой борьбы и революции. И это верно само по себе. Но с еще большим правом можно сказать, что вся история общества — это поиск способов согласия и мира между классами.

Да, борьба есть всюду, где есть противоречие интересов, и не только классовых. Но разве борьба — это только революция? Есть еще путь реформ. Разве борьба всегда заканчивается революционным переустройством общества? А соглашение, договор? Этим путем, боясь забастовок, идут сейчас трудящиеся всех развитых капиталистических стран, и нет никаких признаков, что они готовы к революции. Наоборот: коммунисты Франции тезис о социальной революции сняли из своей программы.

XX век стал веком торжества идей революционности и классовой борьбы, с помощью которых люди хотели извлечь из общества

материальные выгоды для большинства — для трудящихся, и прежде всего рабочих, крестьян. Не вышло. По разным причинам. Но, думаю, прежде всего потому, что идея революционности была доведена до крайности, до абсурда. В центр мировоззрения была поставлена идея именно противоречий между классами, идея их именно борьбы вплоть до взаимного уничтожения.

Между тем, у того же Маркса в том же «Коммунистическом манифесте» есть мысль куда более гуманистическая и потому неизмеримо более перспективная: «уничтожится антагонизм классов, падут враждебные отношения наций»... вместо классовой борьбы воцарится социальная гармония противоположностей: «всех и каждого». Но я не помню, чтобы кто-то когда-то руководствовался в политике этой формулой. Она — идеал необозримо далекого будущего. А пока — ненависть, борьба, разрушение, уничтожение.

В нашем сознании самодовлеющее значение приобрел тезис о социальной революции. Мы с восторгом поем: «Нет у революции начала, нет у революции конца!» Не правда. У революции есть начало, у нее не может не быть конца и есть конец. Ибо революция — это борьба, это разновидность войны. «Мировая революция» — понятие относительное. Отсутствие крови и физического уничтожения людей в «мирной» революции не означает отсутствия жертв и страданий.

Революция — это взрыв, социальное потрясение, апокалипсис; это хаос, несогласие, дисгармония, перерыв постепенности и в этом смысле перерыв развития, прогресса.

И потом революция — лишь момент истории, всего лишь момент. Революция — это реакция на прошлое, это плата за прошлые ошибки. Революция — это конфликт и разрыв времен; конфликт поколений, отцов и детей; конфликт ценностей и культур, нравов и идей. Революция — это необходимая и неизбежная борьба нового против старого, разрушение и уничтожение старого в этой борьбе, в пламени которой гибло немало нового; гибнут люди старые и молодые, консерваторы и новаторы.

Революция — это перерыв постепенности развития истории, непременное ее торможение вследствие той огромной разрушительной силы, которую несет в себе всякая революция, прежде

всего, и которая (сила) всегда «срабатывает». Революция истребляет вечность и прошлую культуру, открывая дверь в будущее, обещая прорыв и ускорение развития, а вместе с этим — новый, более высокий уровень материального и духовного бытия. Открывая. Обещая. Но это еще не значит, что она обязательно исполняет свой намек на обещание.

Бывают революции-дички, революции, ушедшие, как яблони, в цвет, в неистовое белое кипение, — не плодоносные революции, которые лишь нарушают естественный процесс эволюции.

Ибо развитие, прогресс, по существу, есть постепенность, непрерывная связь. Перерывы постепенности (революции) сами по себе еще ничего не создают. Революция «обещает» разрешение противоречия, «обещает» скачок на высшие ступени развития, но еще не означают собой этого скачка. Революция может завершиться скачком «вверх», а может и «скакнуть» вниз. Но в любом случае она кончается. И если она кончается восхождением общества на новые уровни развития, то тогда она имела смысл. Иначе она была бессмысленной.

Революция как перерыв постепенности — не разрешение противоречия, а сама по себе нестерпимое противоречие, разрешить которое можно лишь при условии, если его не замазывать, не приглаживать, а обнажать, вскрывать, разматывать последовательно до конца. Тот, кто не видит противоречий и проблем, их выражавших, тот никогда их и не решает. Противоречия сами по себе накапливаются, обостряются, так или иначе, разрешаются и далеко не всегда скачком вверх, а часто падением вниз. Общество, где такое возможно, однажды находит себя деградировавшим, регрессирующим. Что и происходит сегодня с нашим обществом, которое свои противоречия и проблемы старалось не замечать.

Каждая революция имеет свою длительность перерыва постепенности исторического процесса, который измеряется не днями и месяцами, а годами и десятилетиями. Считают, что английская революция, начавшаяся в 1640 году и внесшая в сокровищницу человеческого опыта такие духовные ценности, за которые она боролась, как парламентская форма демократии, религиозная свобода и права личности, продолжалась около 50 лет, прежде чем утвердила их окончательно. То есть победила и завершилась. Счи-

тают, что французская революция (более социальная и менее национальная, чем английская) длилась более 80 лет, оставив человечеству опыт утверждения атеизма, свободомыслия, политической демократии, эгалитаризма (Русланов И. Молодежь в русской истории. М., 1972. С. 46–61). Общество завершает революцию и вступает на путь естественной эволюции, когда проходит свои этапы развития.

Социалистическая революция, происшедшая в октябре 1917 года, прошла свой этап отрицания «старого» образа жизни, свершения прежней власти и установления власти революционной, внутрипартийной борьбы за власть, поиски «модели» нового общества, утверждения нового образа жизни; свой этап отрицания отрицания, когда возникло сомнение по поводу достижимости поставленных целей и общее (хоть и скрытое) разочарование социализмом, повлекшее за собой гнилостные процессы в обществе, его быстрое духовное и нравственное разложение.

Было бы глубокой ошибкой считать, что кризис идеологии социализма возник на этапе перестройки, в 80-е годы. Он начался в 30-е годы при Сталине и был очевиден при Сталине, особенно после Второй мировой войны, когда в международном коммунистическом движении начались поиски иных, не советских путей социалистического строительства. В СССР все сомневающиеся просто уничтожались, и только это могло создать иллюзию идеологического благополучия, идеально-политического единства.

В противном случае уже давно в общественной среде появилась бы реакция на несовершенство теории и практики социализма, возникли бы силы, стремящиеся как «улучшить» социализм, так и реставрировать прежний, капиталистический строй. Сегодня условия для разномыслия существуют, и мы имеем весь спектр этих настроений: революционных, ультрапреволюционных, реставрационных, реакционных, консервативных, либеральных, демократических.

Вместе с признанием кризиса идеологии коммунизма перестройка вновь поставила общество в положение, когда старый порядок жизни должен быть отвергнут, старая система экономики, права и власти радикально изменена. То есть общество снова находится в действительно революционном состоянии. Сегодня и

решается судьба Октябрьской революции: завершится ли она творческим синтезом идей и ценностей революции с историческими, традиционными идеями и ценностями каждого из народов СССР, которые (идеи и ценности) были отброшены, задавлены революционным напором социалистов, но которые невозможно уничтожить, ибо они накапливались, формировались столетиями и составляют душу этого народа, — и тогда общество взойдет на новый, более высокий уровень своего развития. И значит, революция имела смысл.

Ультрареволюционеры и реакционеры, каждый под своим лозунгом помимо своей воли действуя в одном направлении, с помощью озлобленных, полуголодных масс остановят творческий процесс, который только начинается, и тогда общество погрязнет во внутренних раздорах, будет катиться все дальше вниз.

Творческий синтез, переход общества на более высокие этажи своего развития из состояния, в котором оно находится, возможно только при условии выработки такой философии развития, такой новой его идеологии, которая широтой и глубиной своего подхода и видения мира устранила бы максимум тех естественных противоречий, которые существуют у людей разной социальной принадлежности, разных убеждений и т. п., то есть вмешала бы в себя многие иные мировоззрения. Если сказать в самом общем смысле, это должно быть мировоззрение, устраниющее крайности, а значит, узость и ограниченность взглядов.

Сегодня надо признать наиболее опасными для мира и жизни всякие крайности, как бы они ни назывались, ибо, в конце концов, все противоположности сходятся и становятся разрушительной и убийственной силой. Крайняя революционность ничем не лучше крайней эволюционности, ибо, в конечном счете, та и другая на своем краю обретают лик крайней реакционности, хотя та и другая оправдывают себя заботой о благе человека и потому имеют своих ярых приверженцев, готовых удушить несогласных с ними.

Уймем свой пыл: истина лежит посередине. И если, в самом деле, общее человеческое благо для нас дороже национальных и идеологических амбиций — снимем мировоззренческие, идеологические (религиозные, социальные, политические) и социальные шоры, встанем на середину между крайностями — на путь фило-

софско-мировоззренческого компромисса. Даже если он не приведет к истине (потому что она не всегда лежит посередине), то непременно добавит мира, спокойствия и стабильности, даст всем нам время и возможность сообща подумать о том, как найти лучшие пути в будущее.

Современное мировое сообщество нуждается в социологической концепции, которая сняла бы предельно обострившееся идеологическое противоборство, следствием которой стало бесконечное множество политических конфликтов, разрешение которых пришлось искать, в конце концов, на поле брани, в сотнях «малых» и двух мировых войнах, унесших около полмиллиарда человеческих жизней. Не от бомб и ракет исходит угроза современному человечеству, а от идеологий. Военные доктрины рождаются не потому, что есть оружие и связанная с этим необходимость объяснить, почему и как его надо использовать, а потому, что есть идеи, которые требуют оружия для доказательства своей силы, ибо сами по себе они неживотворны и потому бессильны.

Потребность в новом мировоззрении неистовая. Общество насытилось разрушительством, а теперь — и саморазоблачениями. Сознание и душа тоталитарного человека — опустошенные и развращенные — просят новых идей, положительных идеалов, веры в их осуществимость. Борьба с тоталитаризмом — это работа не только против него, но и (главное!) работа во имя всех иных ценностей, противоречащих ему. Прежде всего, на выработку нового мировоззрения, нового мышления, нового сознания, на свободу и демократизацию.

В кризисе духовная и моральная жизнь не только в социалистическом мире. Материальное благосостояние не может удовлетворить человека и дать ответ на вопрос «Зачем, ради чего живу?» В мучительном поиске ответа на этот главный вопрос находится, прежде всего, молодежь. Роль религии падает. В США, например, это подтвердили 61% католиков и 69% протестантов (Кризис буржуазной цивилизации и поиски «нового» стиля жизни. Вып. 4. М., 1985. С. 159). В тех же США на подъеме, наоборот, утопический коммунизм (там же, с. 149). Во множестве рождаются новые религии и среди них религии без бога.

С учетом кризиса «классического» социализма все это означает, что ситуация для того, чтобы предпринять попытку выработки нового планетарного мировоззрения (вероучения), самая благоприятная.

Никуда мы не денемся от выработки нового всемирного именно мировоззрения, а не только, как считает М. Горбачев, политического мышления. И кто этим займется первым — не важно. Главное сегодня — кто сделает первый шаг, кто пойдет в своих идеях дальше установившихся представлений о возможном, насколько позитивно, рационально и ценно, всеохватно будет это мировоззрение.

Мир и современный Запад уже давно ищут мировую религию, мировое мировоззрение, пытаются заглянуть в будущее так далеко, посмотреть на него с такой неожиданной точки зрения, что нам, когда мы узнаем об этом, покажется фантастикой.

Планетарное мировоззрение — это система социально-политических и религиозных убеждений, выражающих сознание главной мировой идеи развития, которые рационализируют потребности и цели человечества, придают частным побуждениям индивидов сознание общественной цели и общего предназначения. При этом человеческое общество воспринимается как гармония, целостность и единство, скрепленное системой общечеловеческих духовных и нравственных ценностей, а само мировоззрение — как средство достижения этой гармоничности, целостности и единства. Каждое конкретное общество вправе выдвигать свои версии этого общего мировоззрения, которые являются его подосновой, подсистемой, формой, видом.

В процессе выработки нового мировоззрения предстоит осуществить фантастическую задачу: соединить несоединимое, или, точнее сказать, что полагалось несоединимым — науку и религию, знание и веру, идеализм и материализм. Соединить не механически, а синтетически, диалектически, через снятие нетерпимости между этими и другими противоречащими противоположностями. Ибо, как заметил еще Гераклит, именно «из противоположностей рождается прекраснейшая гармония». Из противоположностей, а не из тождества, не из унисона. Противоречивое и несовместимое в социальной жизни остается несогласующимся,

спорящим, ненавидящим, борющимся и воюющим до тех пор, пока нет согласия. Пока нет желания найти согласие. Когда же это желание и стремление налицо, тогда есть возможность начать диалог, чтобы превратить враждебно-несовместимое в любовно-согласуемое: установить гармонию, превратить смертоносный лук в сладкозвучную лиру.

Возможно ли, например, «соединить» социальную науку с религией? Может, это нелепость? Может. Но пока что общая картина мира, которую рисовала наука, носила и носит столь вероятностный, столь общий характер, наука столь приблизительно описывает прошлое и настоящее, не говоря уж о будущем, что на основе ее данных как раз легче сказать: «Верю», чем «Знаю». Мы верили в социализм, решения партии, в объективность законов общественного развития, потому что полагали его строго научным. Полагали. Но не знали. Не знали, но строили. Потому что верили.

Теперь предстоит сделать социологию и историю наукой, постепенно наполняя понятия, которыми они оперируют, объективным и точным знанием. Но разве можно осуществить это враз и быстро? На это уйдут, быть может, столетия. А срок человеческой жизни краток. И разве исчезнет когда-нибудь вера? Разве смогут рационализм и позитивизм когда-нибудь вытеснить из человека бессознательное, подсознательное, эмоциональное и иррациональное? Споря между собой, вера и знание всегда будут идти рядом. И в силах нашего разума сделать их не враждебно-ненавистными друг другу, а согласными хотя бы в главном и основном.

Материалисты, как ни парадоксально это звучит, должны признать самосостоятельность проблем философии духа, поставленных Гегелем, но не «замеченных» Марксом. Признать систему ценностей жизни общества и человека, ибо только на этом пути можно вывести народ из состояния духовного и морального упадка, преодолеть вульгарный экономизм. Признать свободу и право личности как самоценности, без чего никогда не преодолеть отношения к ней как к средству и только средству, с которым можно обращаться, как злагорассудится, как того требует цель.

Вчера еще материалист, признававший существование такого рода проблем, не мог считаться материалистом, а значит, марксистом-ленинцем.

Но вот ситуация: надо изменить свои взгляды на мир, признать заблуждения и — осться жить. Или осться при своем мировоззрении и — погибнуть. Каждый отдельный человек вправе решать эту проблему по-своему. Иные захотят умереть последовательными материалистами. Но кто вправе из-за идеологической твердолобости тысяч губить судьбы миллионов, судьбы общества и народа?..

Если мне снова скажут: «Интересы социализма, интересы пролетариата, интересы классовой борьбы требуют, чтобы...» я скажу: «К черту эти интересы! Знает ли их тот, кто так говорит? Кто дал ему право толковать эти интересы на свой дурацкий лад?!»

Новое мировоззрение должно базироваться на общесоциологических закономерностях, которые не могут отвергнуть ни идеалисты, ни материалисты, на законе эволюции, законе преемственного развития, законе единства дифференциации и интеграции.

Не революция, а эволюция должна войти в наше сознание в качестве центральной идеи. Ибо революция — это перерыв постепенности, лишь момент развития, а не само его развитие и тем более — не его смысл. Ибо и революции совершаются ради эволюции, когда она заходит, точнее, когда ее заводят в тупик. Не может развитие состоять из одних перерывов. Это не развитие, а движение. Но движение не вверх, а вниз, то есть деградация, погибель.

Надо сказать, что марксистское учение содержит в себе не только страстный призыв к классовой борьбе и революции, но и трезвое представление об эволюции мира, его необратимом изменении, подчиняющемся какому-то неясному закону. В этом смысле, как и во многих других отношениях, оно противоречиво.

С одной стороны, исторический материализм полон стремления завершить и увенчать историю «последней» социалистической революцией и коммунизмом, даже если его представлять не как состояние, а как «движение, которое преодолевает теперешнее состояние» (Маркс).

С другой стороны, марксизм исходит из представлений об эволюции, неэквивалентности прошлого и будущего, видит историю как развитие во времени, у которого (развития) есть цель. Но тогда надо признать, что эта цель истории содержится не только в настоящем, которое познаемо, но и в будущем — за пределами

истории, в вечности, — и в этом смысле непостижима, а как бы задана свыше.

Тут идея эволюции выступает в роли связующего звена между наукой (рациональным) и религией (транцендентальным). Это и делает марксизм научно-религиозным учением, наполненным не строгими формулами, действующими с точностью естественных законов, а научно-художественными образами, религиозным чувством.

Деятельность, не отвечающая общему направлению эволюции (в сторону сохранения природы, прогресса общества, человека, личности, их мышления, свободы и т. п.), рано или поздно выявляет себя на фоне общего потока эволюции и деятельности на других ветвях истории как псевдоактивность, то есть деятельность по ложным целям, как деятельность вопреки общему ходу развития, то есть деятельность, в конце концов, деструктивная, вредная. Субъекты, осуществляющие такую деятельность, исторически обречены. Все, что не развивается или мешает развитию, рано или поздно погибает.

Дифференциация, нарастание многообразия, усложнение общественной жизни — закон исторического развития, который, кажется, пока никто всерьез опровергнуть не смог. Как никто не сможет (сегодня особенно!) отвергнуть происходящий в мировом сообществе одновременно с дифференциацией процесс интеграции всех существующих социальных систем, государств и наций перед лицом нарастающих глобальных проблем современности (угроза ядерной войны, экологическая катастрофа, истощение запасов сырья, источников энергии и т. п.).

Вот исключительно важный момент Новейшей истории, который должен быть замечен всеми, хоть он известен уже давно: единство, взаимосвязь и взаимозависимость дифференциации и интеграции, опасность преувеличения одного процесса в ущерб другому. Опасность, экспериментально проверенная, увы, — на живых людях.

История религии, как и история «построения социализма в одной отдельно взятой стране», показали, что насилиственная интеграция, «во что бы то ни стало», идеально-политическое единение общества без свободы неизбежно ведут к идеологическому

мракобесию, разным формам инквизиции, уничтожению личности и живого человека. Равно как и проповедь «абсолютной» свободы личности без интегрирующей идеи и цели порождает анархию, пустое разрушительство и развал общества.

Взятые в «чистом» виде и крайнем выражении идеи индивидуализма и коллективизма одинаково бесплодны. В одном случае всесильное своим богатством меньшинство эксплуатирует абсолютное большинство. В другом — бесстрашное и отчаянное в своей нищете и неспособности построить целесообразную жизнь абсолютное большинство выделяют угнетателей из своей собственной среды и, ослепленное идеей всеобщего равенства, занимается уравниванием и самоуничтожением с таким старанием, что вскоре находит себя без ума, души и морали, в еще большей и нарастающей бедности.

Вот, наконец-то, признана в качестве Высшей идея приоритета общечеловеческих ценностей над интересами классовыми — одна из спасительных и гуманных идей XX века. Ибо только она и может унять классовую борьбу, идеологическую вражду, принести миру прочный мир.

Может, эта идея и должна лечь в основу современных представлений о будущем? Может, эта идея станет привлекательной для всех слоев общества, а не только «пролетариев»? Может, эта идея, благодаря своей необъятной широте, позволит всем народам мира идти в будущее не только путем классического капитализма, станет тем социальным «интегратором» и Высшей Целью, к которой будут идти рядом, а не опережая, не обгоняя, не уничтожая друг друга, все страны — малые и большие, сильные и слабые?

Может, эта идея, главным смыслом которой является двуединый противоречивый процесс объединения (интеграции) мирового сообщества и свободного развития свободной личности, поубавит в мире амбиций «гегемона» в его ведущей роли исторического развития, а с этим и возможности тех партий, которые от его имени, но без его участия, решают судьбы народов, мира и его собственные?.. Может, под воздействием этой идеи поубавится в мире революционности, переворотов, перестроек, социальных потрясений, разрушительства? Может, добавится в нем уважения к эволюции, родившей жизнь и человека, к есте-

ственному ходу событий и накопительным процессам, умения смотреть в глубь вещей, а не только в ширь настоящего и в даль времен? Ведь только в работе, а не в борьбе по поводу работы, приходит к человеку и в семью богатство, только постепенно, а не «вдруг» обретается обществом культура.

Неотъемлемым компонентом нового мировоззрения, которого не было в материалистическом мировоззрении, должна быть система ценностей, то есть некий должный бытийственный порядок, устанавливаемый сознанием человека и общества, которому они следуют в своей деятельности.

Исключительно важный момент! Ибо ценностный подход к жизни ставит перед человеком и обществом вопрос о том, какие цели их деятельности являются должными. Ибо прежде и до сих пор их всегда «ставила» перед обществом партия, отводя народу только третий акт — реализацию цели, исключая два первых — выбор цели и поиск средств ее осуществления.

Тоталитарный социализм и его философия выдвинули свою систему «социалистических» ценностей: идеяная, марксистско-ленинская убежденность, морально-политическое единство общества, преданность коммунистической партии, единство партии, колlettivizm, социалистическая демократия, социалистический реализм и т. п. Вопрос, однако, в том, насколько эти ценности объективны, а не надуманны, насколько они отвечают правде жизни, то есть истинны.

Лживость образа жизни тоталитарного, варварского социализма определяется тем, что он строился согласно субъективной, ложной системе ценностей; что изменялось название вещей, но не изменялась при этом их сущность; что одним свойствам жизни придавалось абсолютное значение, а другие объявлялись «не социалистическими», наделялись нарицательным смыслом и исчезали из жизни: из словарей и языка, из газет, книг и т. п.

Так, в души «простых» смертных была вселена слепая надежда о торжестве колlettivizma над индивидуализмом. Появилось понятие «колlettiv», которым означались работники предприятий и учреждений, потом районов и городов, а потом и страны. «Нет предела силе человеческой, если эта сила — колlettiv!» — пелось в песнях. Возникло понятие «колlettивное руководство» и т. д.

Можно сказать, что социализм — это коллективизм. Ибо отсюда восходят идеи о всеобщем равенстве, которое объявляется возможным, когда все станет общим, то есть коллективным: собственность, труд, распределение благ, что и будет залогом всеобщего счастья.

Коллективизм усиленно внедрялся в сознание, мораль, быт людей в течение семидесяти лет. И что же? По данным опроса молодежи, проведенного Научно-исследовательским центром ВКШ при ЦК ВЛКСМ в 1988 году, среди восемнадцати предпочтений коллективизм оказался на 17-м, предпоследнем месте. Его ценность признают около 6% опрошенных. Почему?

Может, потому, что все эти семьдесят лет народ наблюдал убогую беспомощность «коллективного руководства» накормить страну и его презрение к нуждам человека? Что из этой «коллективности» руководства родилось несколько разновидностей культа личности с чудовищно организованной инквизицией? Что этот коллективизм вел к усредненности жизни и выведению среднего типа («простого»!) человека без страстей и пороков, средних мнений, средних взглядов, умирающего в среднем возрасте от средней болезни, которую придумывает Главное статистическое управление?

Может, и потому, что и самый завзятый коллективист в глубине души все-таки смутно догадывается, что все величие человеческой цивилизации (открытия науки, произведения литературы и искусства, философские взгляды и идеологии, в том числе марксистско-ленинская) являются созданием не «коллектива», а творением отдельных выдающихся личностей? Что сами эти люди — редкость, высший продукт нации? Что только то общество процветает, где в цене личность, талант, гениальность? Что один гений в творчестве не только «коллектив» института, но и всю академию наук, все общество перетянет?

Кто больше послужил прогрессу человечества: Шекспир или те 600 тысяч человек, которые исследуют теперь в мире его творчество? Мольер или тысячи учителей, преподающие его стихи? Достоевский или его гонители?

Индивидуализм возвышает, коллективизм принижает личность — вот правда. В народе всегда есть и должны быть люди вы-

дающиеся, избранные, они должны быть почитаемы — вот правда. Неловкая «среднему» человеку, но, правда. А что не правда, то ложь. Потому-то и в обществе коллективистов коллективизм не находит общей поддержки.

Другое дело, что и «простой» человек, не обремененный выдающимися способностями и талантами, тоже — человек и должен жить по-человечески. Но это иная тема о том, как разумно и оптимально соотнести индивидуализм и коллективизм, аристократию и массу.

Но не может количество приносить себе в жертву качество, ибо качеством, а не количеством определяется величие общества. Вот нас 300 миллионов, живущих на одной шестой части всей суши планеты. И что же? Нас «много», мы — «самые большие». Но не самые богатые и не самые «великие». Потому что, нарушив естественный закон жизни, принесли в жертву большинству (количеству, «коллективу») самых сильных, самых способных, составляющих в любом обществе очень малое меньшинство, а с этим — ум, творчество, дух большинства, принятого именовать народом. Качество уничтожили. Оглушили себя так, что понять не можем теперь, как, когда, почему и — зачем все случилось?..

Поруганная и униженная, полуголодная и полунагая на виду у всего мира стоит на коленях Россия, опустив в слезах свою голову, спрятав в ладони скорбное свое лицо... Что дальше — на международную панель, на распродажу? Или поднимется с колен и станет, кем быть должна: гордой, свободной, богатой, великой? Встанет, если станет жить по естественным, а не придуманным законам, по правде, а не по лжи.

Обществу и человеку, чтобы их жизнь не составляла хаоса, а образовывала именно некий образ поведения и деятельности, была вполне целенаправленной системой действий необходима не только система истинно-сущих ценностей, но и их иерархия. Нужны высшие цели и высшие ценности.

В качестве таких высших ценностей стоит ценность свободы, ценность свободной системы свободных идей — науки, литературы, искусства, религии; ценность права и государства. Без этих духовных ценностей не может существовать материальная жизнь общества, его хозяйство и производство, которые ставились и ста-

вятся нами на первое место, выше духовного начала жизни. Это и есть главная, историческая ошибка исторического материализма. Примат материального над духовным — ложный императив, рождающий искаженное суждение о ценностях жизни.

Общество, если оно действительно хочет «обновиться», должно решить сегодня (или — никогда), что же составляет для него высшую цель и высшую ценность.

Или экономика, рост материального производства, «конечный продукт» — и тогда духовные силы (наука, литература, искусство, право, свобода и демократия, права личности и сама личность, «простой» человек) как были, так и останутся средством и, прежде всего, средством достижения этих целей.

Или наибольшая свобода для всех — человека и организаций, демократия как форма самоуправления. И тогда «материя», производство и материальные ценности рассматриваются как средства достижения этих духовных целей. Что стоит выше как ценность?

Кровавая история реализации вульгарного материализма (а может он быть не вульгарным?) кричит нам: «Не духовное „производство“ должно обслуживать производство материальное, а наоборот — материальное должно служить духовному!» Ибо первый путь ведет к бездуховности, а значит, к спаду, застою и деградации материального производства, ибо материя зависит от духа; второй путь — путь развития свободы и личности, — будучи связан с материей и материальным, тем не менее, самоценен, развивается, и зависит не только от внешних условий, но главным образом таит источник саморазвития внутри себя. Материальное производство, хозяйство, продукты, предметы, вещи — ценность, но ценность подчиненная. Мы работаем, чтобы жить, но не живем, чтобы работать. Мы мыслим не потому, что надо производить, а потому что не можем не думать. Мысление, творчество — качество имманентное, внутренне присущее человеку, если он человек.

Смысль истории и категорический императив человечества заключаются вовсе не в материальном, не в том, чтобы произвести как можно больше товаров и вещей, всевозможных богатств. Ибо, как заметил Достоевский, «И сидя на куче золота, человек не уйдет от вопроса: „Зачем живу?“...»

Выстроить верную иерархию ценностей чрезвычайно важно. Ибо это значит — перевернуть и перестроить сознание людей, упорядочить их мораль и нравственность так, чтобы это соответствовало правде, а значит, закону естественной жизни.

Скажем, равенство материального состояния и свободу никак нельзя поставить в один ряд при всем понимании важности установления среди людей равенства денежного достатка, одежды, утвари, домашнего уюта. Более того, свободу надо поставить выше равенства, несмотря на то, что именно она творит неравенство, открывая простор действия для всех — сильных и слабых, но побеждает в этой конкуренции, конечно, сильный, а слабый оказывается еще более припертым к стенке. Зато быстро и хорошо развиваются те немногие, благодаря которым жив род человеческий. Это противоречие известно всякой стране, имеющей основанием своей жизни свободу. Свободу как основное условие прогресса.

Нельзя поставить в один ряд со свободой и такую высокую по рангу ценность, как социальная справедливость, если она понимается опять-таки как равенство в распределении благ, как «уравниловка» — образец вопиющей несправедливости. Если же социальная справедливость видится в ключе равенства социальных возможностей для проявления каждым своих способностей и инициативы, то тогда мы должны признать, что уже сама природа с поразительным безразличием отпускает одному индивиду кучу талантов, а другого обделяет даже здравым смыслом.

Наши идеи о справедливости природе неведомы. И потому несправедливость и неравенство начинаются уже с колыбели, затем преследуют человека шаг за шагом в течение всей его жизни. Тысячи неравенств (наследственность ума, генетика болезней, физические недостатки, различие сред воспитания, образованность и т. п.) рождают тысячи неравенств и несправедливостей. И главная из них в том, что в условиях свободы и конкуренции более способный человек оказывается более сильным и неизбежно побеждает менее способного — слабого. Только под влиянием высших умов и сильнейших воль достигается прогресс, обогащающий все общество.

Немало пожив и объехав немало самых развитых стран мира, я нигде не видел «социальной справедливости», о которой плото-

ядно мечтаем мы и о которой говорят неимущие и обездоленные люди этих стран. Но зато я видел невообразимое для нашего сознания богатство этих стран и благополучие «среднего» человека. Богатство и благополучие, которые, в сущности «снимают» проблему социальной справедливости, поскольку нормальный «средний» человек уже может довольствоваться тем, что имеет. Это значит, что проблему социальной справедливости можно решить через посредство свободы. Конечно, не в абсолютном смысле, а в относительном. Но можно.

Проблема социальной справедливости совершенно не решаема, если отвергнуть тезис о естественном, природном неравенстве людей по их умам, способностям, которые хоть и можно развивать, но от какой-то предзапrogramмированной в человека величины; если жизнь общества организовать на химерической идее уравнивания и дурака, человека выдающегося и бездарного, трудяги и лентяя; если заключить человека в тесную сеть писаных законов и неписаных моральных понятий о том, что такое «хорошо» и что такое «плохо», которые уничтожают в нем умственные способности, желание быть инициативным, предприимчивым, конкурировать с другими людьми в приобретении богатств и жизненных благ. Кажется, что это понятно каждому.

И, тем не менее, уравнительная теория и уравнительная практика действовали в нашем обществе около 70 лет, их философии и психология глубоко укоренились в душах миллионов, и выкорчевывать оттуда эти корни будет очень нелегко, даже если захочет. Многие слабые люди в условиях отсутствия конкуренции ослабли до невозможности. Не имея достаточного ума, знаний, энергии, мужества, они боятся свободы, в условиях которой каждый может найти опору только в себе самом, надеяться только на себя. Они не хотят свободы и, значит, подлинной социальной справедливости, когда каждому воздается по способностям, знаниям, количеству и качеству труда. Такая справедливость массе людей не нужна.

Вот почему в этой массе рождается ненависть к свободе, порождающей конкуренцию умов и способностей, обещающей нарастание неравенства в социальном положении и заработках людей. Вот почему многие довольствовались бы старыми доб-

рыми «подлинно» социалистическими временами, когда режим хоть и был деспотичным, зато не было никакой конкуренции: для всех (умных и дураков, способных и неспособных, трудяг и лодырей) — существовали одинаковая зарплата и право делать вид, что работаешь.

Закон эволюции, естественного отбора благоприятствующих видов и пород действует не только в живой природе, но и в человеческом обществе, которое есть всего лишь часть этой природы, не более. И они связаны теснейшим образом меж собой, эти миры.

Когда жители Австралии уничтожили слишком много лис, нарушив тем природный баланс между количеством лис и количеством кроликов, которыми питаются лисы, то неисчислимно размножившиеся безобидные кролики превратились в огромное бедствие для общества. И тогда стали ускоренно разводить и выращивать лис. Между тем, в обществе есть свои «лисы» и «кролики», «волки» и «зайцы», «коровы» и «медведи», «львы» и «антилопы».

Мысль старая, упрощенная, варварски жестокая, как и сам закон Дарвина. Как хотелось бы, чтобы в мире людей все было не так!.. Все же речь-то о существах разумных! Но все, что мы можем сделать тут своим разумом, так это смягчить жестокие законы природы. Смягчить, но не отменить. В мире людей все, как в мире зверей. Часто хуже.

Свет высоких спасительных идей для нашего общества, как и всегда, должен прийти сверху — от философии, науки, литературы, искусства, политики. Надо понять, что угрозы перестройке и нарождающейся свободе, подымющейся с колен демократии исходят не от газет, радио и телевидения, не от плурализма мнений и взглядов интеллектуалов, — профессоров и писателей, создающих различные проекты национального спасения, а от самих народных масс. Сказать грубее и точнее — от толпы, которой ныне предлагают взять власть в свои руки.

Но историей доказано: как только толпа начинает страдать от внутренних раздоров и анархии, она тут же начинает подумывать о «сильной руке». И не приведи господь, если в стране еще плохо с товарами, а тем более — продуктами, пивом и водкой.

Народ, не имеющий вкуса к свободе, страсти и способностей к свободе, не знающий опыта демократического правления, спа-

сется от необходимости думать и решать самому, отдавшись во власть диктатора. Такая мечта всегда сбывалась. Были бы рабы, а деспот найдется. И как во все эпохи, будет обожаем толпой, если всем даст работу, всех хоть плохо, но накормит и напоит, даст хоть и дырявую, но крышу над головой, да еще скажет при этом: «Вы — самые лучшие в мире! Я дам вам быстрое счастье. Ведите себя спокойно, вам не надо думать и решать, обо всем и обо всех думаю — я!..»

Все народы всех эпох потом жестоко платили за свой заблуждения, кляли и распинали своих тиранов. Но где судья, который вынесет приговор народу? Ведь за его ошибки платит не только он сам, но все человечество, в системе отношений которого он живет.

Народ, ты слышишь? От имени твоего втоптанного в грязь и униженного большинством меньшинства спрашиваю: «Сознаешь ли всю ответственность исторического момента? Будущее — открыто. Необходимо делать выбор...»

Август 1989 г.

*Из монографии: Ильинский И. М.
Между Будущим и Прошлым: Социальная философия Происходящего.
М., 2006.*

О НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕОЛОГИИ¹

Многим, особенно молодым людям, может показаться естественным, что мы — люди, прожившие основную часть своей жизни в идеологизированном обществе, тоскуем по идеологии. Именно этим (тоской) они и объясняют все более активные разговоры в российском обществе о поиске национальной идеи, национальной идеологии. Но это наивный подход. Без идеологии общество существовать не может, ибо не может обойтись без управления, без политики. И чем более оно политизировано, тем остree потребность в идеологии. Другое дело — гиперидеологизация политики, как это было в советские времена, в результате чего наши политические лидеры не могли адекватно реагировать на происходящие в мире и собственном обществе перемены. Идеологические нормы заслоняли пути решения актуальных жизненных проблем. Гиперидеологизация политики парализовала управление обществом и привела к разочарованию населения коммунистической идеологией. Система прогнила изнутри и потому под ударами извне развалилась легко и быстро: исчезли духовные, идейные скрепы, уже не было веры ни в идею, ни в лидеров. Целое развалилось на части и частицы, атомизировалось.

Этот процесс продолжается до сих пор. При том, что в стране десятки политических партий, каждая из которых претендует на роль спасителя отечества, страна деградирует. Народ не верит ни политикам, ни власти. Почему? Потому что ни власть, ни партии на самом деле не хотят того, чтобы широкие слои реально участво-

¹ Выступление на 8-м заседании Русского интеллектуального клуба, 26 июня 2002 г.

вали в политике. Ибо тогда в этой политике будут доминировать интересы широких слоев, которые станут доминировать над интересами узкого круга лиц, стоящими сегодня за этими партиями, губернаторами, министрами. Иначе говоря, национальная идеология (вопросы национальной безопасности, национального благополучия т. д.) сегодня тоже разграблена, приватизирована властью и политиками, которые трактуют ее каждый по-своему, в своих интересах, искажая порой до такой степени, что идеология, отражаясь в зеркале жизни, не может узнать себя. Она уже и не идеология, а только политика, то есть система мер и действий, приносящих успех и выгоду субъектам этой политики. Иначе говоря, мы наблюдаем картину, прямо противоположную той, которую видели в советские времена: гиперидеологизация политики заменена гиперполитизацией. Если раньше решение частных жизненных проблем населения закрывалось общими идеологическими догмами, то теперь решение общенациональных задач блокируется частными и, как правило, экономическими интересами. Как писал еще Гераклит, «расходящееся сходится». А итог все тот же — страдают «широкие слои». И в первом, и во втором случае они оказываются за бортом реальной политики. Прежде они были нужны, чтобы слепо одобрять решения верхов, теперь необходимы в момент выборов президента, Думы, губернаторов. Как могут «широкие слои» одобрять политику их обворовывания, унижения и, по сути дела, истребления? Это вне всякой логики. Но значит, они не могут принять и идеологию (идеологии?), из которой эта политика вытекает. А если «широкие слои» не принимают существующую идеологию, то она не может быть названа «национальной». Понятия «народ» («широкие слои») и «нация» не тождественны, но не бывает «нации» без «народа». Народ первичен. И значит, если мы ищем основы национальной идеологии, то не можем не думать об интересах народа, о реальном участии «широких слоев» в принятии политических решений, касающихся настоящего и будущего страны во всех аспектах общественной жизни: экономики, социальной сферы, культуры и т. д.

Выход я вижу в определении и соблюдении границ взаимопроникновения идеологии и политики. «Мера — наилучшее», — говорил Фалес еще в древние времена. Ничего слишком: ни гипер-

идеологизации политики, ни гиперполитизации идеологии. На практике это означает поиск и нахождение равного учета интересов «широких слоев», существующих и капиталистов. Иного способа достижения гармонии нет. И до тех пор, пока она не будет найдена, никакой подлинной «национальной» идеологии у России не будет, а будет доктринерство, мифотворчество, обман.

Возможны ли спасение и достойный выход из того катастрофического положения, в котором находится Россия? Думаю, возможны.

Ведь если внимательно посмотреть вокруг, то мы обнаружим, что среди сотен тысяч разного рода хозяйствующих субъектов есть не только такие, которые уже погибли или стоят на грани банкротства, но и такие (пусть пока немногие), которые действуют и развиваются вполне успешно. Не «благодаря», а вопреки окружающим их хаосу и беспределу. Это те «точки роста», которые должны многократно множиться, сливаться между собой в новую крепнущую систему экономических, правовых и нравственных отношений, которые при достижении критического перевеса над неэффективными организациями и составят социальное «тело» и «дух» воистину новой России. И это вовсе не РАО ЕЭС, Газпром, ЮКОС и им подобные монстры-монополисты, которые «успешны» прежде всего потому, что наворовали и присвоили так много, что не в состоянии растратить все, что имеют, при любом, даже самом неэффективном способе хозяйствования.

Я говорю о малых и средних предприятиях. Россия, народ, «широкие слои» — это прежде всего они, ибо их — сотни тысяч, а должны быть миллионы. Тогда будут «рынок», «демократия» и т. п. Они возникнут, будут жить и преуспевать, если будут иметь нравственно здоровую идеологию — идеологию развития, справедливости, чести и достоинства, основанную на вере в собственные силы и разумные отношения с внешним миром.

Не буду искать примеры на стороне. Расскажу о том, как спасался и спасся от гибели наш вуз, который является сегодня лучшим среди негосударственных вузов и одним из лучших вузов в России вообще. Но девять лет назад несколько его зданий лежали в руинах. В буквальном смысле — они были разрушены, не было перекрытий, стен, окон. Огромные площади были сданы

в аренду, и это был основной источник доходов. Зарплата была мизерной. Люди были деморализованы. В принципе, вуз был на расстоянии 3–4 месяцев от банкротства и исчезновения из образовательного пространства. В этой ситуации группа руководящих работников, которую я возглавлял, поставила перед учредителями вопрос о смещении бывшего ректора. Нас поняли, с нами согласились. Я был назначен ректором практически развалившейся, экономически, финансово, материально и морально деградировавшей структуры.

В этой ситуации я должен был предложить стратегию, формулу успеха, план и программу практических действий, в которые поверили бы мои заместители и подчиненные по службе люди — более тысячи человек. Я не мог делать вид, что я знаю то, чего не знает никто. Я должен был быть честным, чтобы мне поверили, согласились со мной внутренне, утвердили мои планы, санкционировали мои действия. Да, по Уставу вуза я — единоличный начальник. То есть формально могу принимать решения без чьих-либо советов и одобрений. Но невозможно заставить «широкие слои» хорошо, с энтузиазмом делать то, чего они не хотят делать, во что не верят. Я понимал, что если буду только командовать, то люди просто уйдут в другие вузы или в иные сферы, как это уже происходило. И тогда я опозорюсь. Тогда зачем брал власть? Я должен был вдохновить людей, дать им идею, которая бы их мобилизовала. Я нуждался в соратниках, в тех, кто способен думать, много и качественно работать, жертвовать. В совершение, казалось бы, гибельной ситуации я рисовал им картину ближайшего и среднесрочного «светлого будущего», которое я видел в общих, но вдохновляющих очертаниях. Я говорил о том, что негосударственное образование со временем может стать лучше государственного, что наш вуз может стать одним из лучших в стране и т. п. Были такие, кто считал это фантазиями. Но многие верили мне. Изо дня в день, из месяца в месяц, из года в год шли бесконечная «мозговая атака» и тяжелая работа, которая продолжается и сейчас. И вот наш вуз уже не институт, а академия, в нем учится студентов в 10 раз больше, чем было тогда, его финансовое положение в отличном состоянии. Завтрашний день будет еще лучше. Что случилось? Нас спасли идея и идеология, которые сейчас можно опре-

делить как систему представлений и идей о развитии нашего вуза, выражающие интересы всех, кто работает и учится в нашей Академии. Всех, а не только «верхушки» управления. Часть этих представлений и идей зафиксирована в различных документах, приказах и докладах ректора, а многие просто находятся в моей голове, постоянно корректируются. Некоторые выветриваются. Появляются новые.

Хотя и в самом деле, на первый взгляд, многое выглядело парадоксальным, «нелогичным», авантюрным и фантастическим. Поэтому что, повторяю, вуз находился на грани гибели. Какая мысль первой приходит на ум в такой ситуации? Выжить. Просто — выжить. И только. Разве это мало? Чтобы жить, надо быть живым. До этого момента жизнь строилась именно так. А я, вспоминая слова старого сказочника Андерсена, повторял: «Чтобы жить, мало быть живым. Нужны воздух и солнце, и — „маленький цветок“: идея, мечта, вера». Идея состояла в том, чтобы не выживать, а — жить. Из нее вырастала целая сумма других идей. Мы поставили очень серьезные цели развития и стали за них бороться. Формула успеха звучала вроде бы очень просто: «выживание через развитие». На стене моего кабинета висел листок бумаги со словами: «У нас нет денег: мы должны думать». Мы очень много работали, но при этом стали организовывать различные праздники для работников и студентов. Ибо выживание — это не только тяжкий и монотонный труд, но и веселье, и удовольствия. Людям необходимы надежда, которую дают хотя бы маленькие успехи, движение к лучшему. Люди нуждаются в общем деле, общей цели. Вся наша жизнь есть выживание, поэтому надо успевать радоваться жизни, но не терять из виду цель, смысл. С экрана телевизора слышалось: «Политика — это искусство возможного». Эта истина мне ближе, и я проповедовал именно ее. Я не стану пересказывать всего, что мы напридумывали и сделали. Главное: невозможное мы сделали возможным.

К чему я все это говорю? Происшедшее и происходящее с нашим вузом — это мини-модель того, что может произойти и с Россией. Конечно, все будет гораздо сложней и трудней, но схема, подход — те же.

Нужны идея и идеология, которые отражали бы интересы если не всего, то большинства народа. Идея и идеология, которые вдох-

новили бы, объединили и мобилизовали его ум, волю и энергию. Банально? Да. Но это — истина. Иного не дано.

Когда мы говорим, что у России сегодня нет идеологии, — это неправда. Она есть. Но это идеология своекорыстных интересов политической клики, которая правит страной. Когда Ельцин объявил конкурс на поиск национальной идеи, это была не более чем маскировка происходившего. И это был момент реализации их разрушительной идеологии. В России властвует идеология радикал-либерализма, либертарианства, не используемого и не реализуемого более нигде, а только у нас. Но все уже чувствуют, а многие понимают, что существует вакуум на идеологически обоснованные ориентации и социальные действия, которые отражали бы интересы не 2–3 процентов, а большинства населения страны. И тут, на мой взгляд, особо нечего мудрить. Национальная идея для России — это безопасность и благополучие самой России. И все, кто покушается на эти основополагающие ценности, ориентиры и принципы, — вне морали и вне закона. Их место либо в тюрьме, либо за рубежом.

Человечество сегодня находится в ситуации выживания. Мы все рассуждаем с вами в категориях будущего. Не принимается во внимание один простой факт: будущего может и не быть. Вот сверхвызов. Все остальное меркнет перед этим. И это не фантазии больного ума. То, что будущего может не быть, доказано. Наукой доказано. Вспомним выводы того же Римского клуба. Да, у него была задача шокировать, испугать мировое сообщество. Но не только. В этих выводах очень много правды. Видеть надо прежде всего ее. Разве это не факт, который достоин самого серьезного отношения всего человечества, а интеллектуалов, каковыми мы являемся, тем более? В 1991 году рухнул «реальный» социализм, подорваны основы идеологии, которая его питала. Но в 1992 году на известной всем конференции ООН в Рио-де-Жанейро был вынесен приговор и другой идеологии, оппонировавшей коммунизму и сегодня еще существующей как реальность, — идеологии либерализма. Сегодня мир находится в ситуации поиска новой идеологии, новой парадигмы развития. И она уже выдвинута — это парадигма так называемого «устойчивого развития». Пока (как реальность) она не существует, не прижилась ни в мире, ни в Рос-

сии. Не прижилась, прежде всего, по политическим причинам: она не выгодна именно развитой части мира. Но, тем не менее, именно она, на мой взгляд, является базисной идеей, теоретической основой выработки мировой стратегии развития человечества, а следовательно, и выработки российской идеологии развития.

Я выступаю в поддержку идеи устойчивого развития, в том числе и потому, что она обоснована и предложена Организацией Объединенных Наций, а не отдельно взятым исследователем. За этой концепцией стоит мощь интеллекта тысяч умнейших людей мира. Думаю, что в ее пределах и лежат основы той национальной идеологии, которую мы пытаемся обрести в России. И это должна быть идеология спасения, идеология выживания через развитие в его новом понимании. В экономике, политике, социальной сфере. Там много новых идей. Экоэкономика. Идея культуры мира, которую в течение последних 10 лет отстаивал ЮНЕСКО. Там есть масса других идей, которые просто не работают, потому что не внесены, не запущены в общественное сознание. Неосознанность происходящего и отсутствие там конструктивных позитивных идей, которые могут быть использованы в качестве ответа на глобальный сверхвызов, по-моему, и создают ту ситуацию, когда мы бесконечно говорим о прошлом или о том, что выход найти нельзя, общество развалилось и т. д. Так давайте его объединим! Посмотрите, как легко народ объединяется: вокруг футбола, вокруг каких-то пустых идей, которые в его сознание бросает наша власть, не знающая, куда вести страну.

Конечно, страну уже невозможно и не нужно пытаться вернуть в завтрашний день. Но в прошлой идеологии были элементы, от которых не уйти. Скажем, та же идея социальной справедливости.

Недавно я прочитал один из номеров журнала «Хроника ООН». В нем есть рубрика «Всего одна мысль». Там приведены высказывания 99 руководителей глав государств и правительств, их заместителей и министров иностранных дел. Среди них был проведен опрос по поводу причин терроризма. Так вот: 90 процентов в качестве причин терроризма называют социальную несправедливость, бедность и нищету. Среди этих 90 процентов развитых стран нет. Только германский вице-канцлер сказал, что без кардинального пересмотра взглядов «первого мира» в отношении

«третьего мира» преодолеть проблему терроризма невозможно; без этого терроризм не искореним. Иными словами, необходим радикальный пересмотр концепции развития человечества. И Россия в этом случае — частный пример. Неосознанность этого, нежелание понимать, как далеко мы зашли, что мы на краю, создает условия, в которых все вынуждены и начинают рассуждать о будущем. Хотя уже никогда рассуждать, а нужно действовать. И быстро. Тем более что уже есть наработанные идеи, которые надо просто запускать в общественное сознание. Сами по себе идеи не заползают, их надо внедрять.

*Русский интеллектуальный клуб. Кн.
4. М., 2004.*

ХХ ВЕК: КРИЗИС ПОНИМАНИЯ¹

Стоит пояснить присутствующим, почему эта конференция, посвященная 80-летию А. А. Зиновьева, выпускника МГУ им. М. В. Ломоносова, в свое время — до высылки из СССР — заведующего кафедрой логики этого университета, сотрудника Института философии РАН, члена редколлегии журнала «Вопросы философии» и т. д. и т. п., — сегодня проходит в стенах МГСА. Это не случайно.

Еще в 1998 году, когда мы встретились с А. А. Зиновьевым в Кишиневе на Международном форуме и Александр Александрович рассказал мне о своем намерении вернуться из Германии в Россию, я предложил ему обосноваться в нашей Академии. Он принял это предложение. В МГСА создан Исследовательский центр А. А. Зиновьева, Школа социальных исследований А. А. Зиновьева, Русский интеллектуальный клуб, одним из «отцов-учредителей» которого он является, а теперь (после смерти Н. Н. Моисеева — первого президента этого клуба) возглавляет его. Ныне МГСА — это главная трудовая пристань А. А. Зиновьева. Здесь находится его рабочее место, здесь в отделе кадров хранится его трудовая книжка.

Когда 6 ноября я сказал об этом в МГУ, где проходило чествование А. А. Зиновьева, некоторые из присутствовавших удивились и даже малость возмутились: «Как так?.. Зиновьев принадлежит МГУ, преподает в университете!» Но факт остается фактом: А. А. Зиновьев — штатный работник МГСА, а во всех других заведениях — совместитель.

¹ Доклад на Международной научной конференции «Итоги ХХ века», посвященной 80-летию А. А. Зиновьева, Москва, 15 ноября 2002 г.

При этом я хочу подчеркнуть, что никто не собирается «приватизировать» Зиновьева, ибо он — национальное достояние России. Кто-то скажет, что нынче все возможно: даже нефть, газ, уголь, металлы и другие ископаемые материалы «вдруг» оказались в частных руках. Но Зиновьев уже давно сам себя объявил «суверенным государством, состоящим из одного человека». Это надо понимать.

Теперь позвольте перейти непосредственно к теме выступления.

I

Если оставить в стороне грандиозные успехи и фантастические достижения XX века, которые общеизвестны и несомненны, то второй составляющей совокупного итога этого века является узел острых проблем. Многие из них уже давно утратили национальную и даже региональную окраску, получили название глобальных. Эти проблемы хорошо известны, как известно и то, что при дальнейшем обострении они угрожают человечеству **катастрофическими последствиями вплоть до его гибели**.

Из выдающихся русских мыслителей, кто видит мир и будущее в таком свете, я назову только тех, кто многократно выступал в этом зале: Н. Н. Моисеева, возглавлявшего, как я уже сказал, Русский интеллектуальный клуб нашей Академии, и А. А. Зиновьева — юбиляра и нынешнего президента этого Клуба.

Есть ученые, которые полагают, что это апокалиптический взгляд на будущее и он неуместен. Так думает, в частности, видный российский ученый С. П. Капица, который также неоднократно участвовал в дискуссиях за этим столом. По его мнению, **основной** глобальной проблемой человечества следует считать **рост населения**, который порождает все остальные, в том числе антропогенные, изменения окружающей среды, возможное исчерпание ресурсов, сам факт ускорения развития. В росте численности населения он видит меру развития во всех измерениях (Капица С. П. Сколько людей жило, живет и будет жить на земле. М., 1999. С. 31). На основе собственных расчетов С. П. Капица утверждает, что **рост населения планеты в середине XXI века прекратится, начнется его падение**, а вместе с этим «**уменьшатся**,

если не исчезнут причины больших войн» (там же, с. 184). Иначе говоря, острота глобальных проблем резко уменьшится, а значит, отпадет и вероятность самоуничтожения человечества.

Споры идут, а положение дел в мире, между тем, не улучшается, а обвально ухудшается. Это со всей очевидностью подтвердила, в частности, недавно проходившая в Йоханнесбурге под эгидой ООН Всемирная встреча по проблеме устойчивого развития. Многие назвали этот саммит «Рио минус 10», имея в виду, что 10 лет, прошедших после известной конференции 1992 года «Окружающая среда и развитие» в Рио-де-Жанейро, на которой лидеры 179 стран признали, что действующая парадигма развития человечества полностью исчерпала себя и необходимо ускоренно переходить на новый путь развития, — эти десять лет мало что изменили, жизнь продолжала идти по схеме «как было», десятилетие потеряно и новая встреча по тому же самому поводу не имела успеха.

Почему же человечество, **знающее** о грозящей ему смертельной опасности, словно оклодованное, все быстрее мчится на встречу гибели? Дело в том, на мой взгляд, что XX век оставил нам в наследство еще одну глобальную проблему — неосознанность происходящего, **кризис понимания**. По-моему, это самая главная из всех глобальных проблем — проблема № 1. Ибо, как известно, все, что происходит в социуме — как плохое, так и хорошее, — сначала возникает в человеческой голове.

Давно замечено, что проблема понимания встает тогда, когда разрушается реальное понимание происходящего (действительности), что случается это в ситуациях научных революций, смены идеологических парадигм, угрозы полной невозможности использовать имеющийся человеческий опыт и т. п. (см., напр.: Загадка человеческого понимания. М.: Политиздат, 1991. С. 5, 17, 26 и др.). Иначе говоря, проблема понимания носит прежде всего **практический** характер. Понимание служит созиданию и в этом смысле является условием выживания человечества. Научные дискуссии по проблеме понимания продолжаются многие столетия, но всякий раз, когда непонимание происходящего в обществе достигает критической точки, возникает потребность прорыва в постижении действительных смыслов социальных явлений и событий не

только выдающимися учеными и политиками, но и массами, из которых они рекрутируются.

Если говорить о причинах, которые привели человечество к нынешнему кризису понимания, то они заключаются в том, что темпы, скорость, сложность и масштабы событий и перемен, которые происходили во всех областях общественной жизни на протяжении XX века, особенно во второй его половине, **превзошли нашу способность понимания происходящего** как на коллективном, так и (тем более) на индивидуальном уровне. Речь не только об обыденном, но и о научном сознании; не только о миллиардах обывателей, но и тысячах тех, кто стоит во главе государств и правительств, политических и общественных, в том числе международных, организаций, ТНК и т. п., — всех, кто участвует в принятии судьбоносных решений.

Сущность кризиса понимания (я говорю о социальных процессах, о гуманитарной сфере), на мой взгляд, определяется в нескольких измерениях.

1. Мы все **хуже понимаем** происходящее в Новейшей истории вследствие нарастания хаоса и абсурда.

2. Мы не понимаем, что **мы не понимаем**, — и прежде всего потому, что не хотим признать этот факт, не хотим понимать.

3. Мы не понимаем, **что** мы не понимаем. В обществе происходит много такого, что пока находится за пределами понимания.

4. Мы не понимаем, что мы **должны** понять. Нам известны многие вызовы и угрозы будущего. Но нет полного понимания их смертельной опасности, а потому нет предотвращающих ее адекватных действий.

Эти выводы могут показаться парадоксальными. Ведь XX век — век научно-технической и информационной революций, век компьютера и Интернета, невероятно увеличивших возможности человека знать и понимать. Мы уже давно говорим не о нехватке, а об избыточности информации. Но именно отсюда и берет свое начало кризис понимания.

Скорость и темпы нарастания объемов информации о множестве разноплановых и быстроменяющихся, в основном сенсационных, а среди них — прежде всего катастрофических и криминальных событий, как это мы видим на примере России, сеют

в душах и умах людей хаос и смятение. Человек все больше лишается внутреннего спокойствия, внутренней тишины и сосредоточенности, без которых невозможна интеллектуальная деятельность — размышления и понимание. Более того, в условиях, когда личностные защитные механизмы не срабатывают, ослабевают импульсы для самостоятельного генерирования новых знаний и самостоятельного поиска существующих смыслов, что и представляет собой процесс понимания. В этой ситуации человек оказывается особенно предрасположенным к внешнему воздействию и влиянию, восприятию разного рода штампов, клише, стереотипов, мифов, образцов поведения, которые, как мы видим, ему агрессивно навязывают СМИ: телевидение, радио, видео, CD и Интернет.

Тем не менее на обыденном уровне сложилось представление, что мы сегодня очень много знаем, а значит, если не все, то многое понимаем. На первый взгляд так оно и есть. Но спросим себя: «Что мы знаем?» Сплошь и рядом мы знаем **слова и названия** явлений, событий, процессов, но не их **содержание**, не **глубинный смысл**, то есть **сущность**. В данном случае мы говорим о **подмене знания сущности** предмета знанием его названия, которое принимается за понимание. На самом деле это **иллюзия знания, иллюзия понимания**.

Между тем радио и телеэфир, страницы газет и журналов сегодня забиты множеством сложных по своему содержанию слов и выражений — «рыночная экономика», «глобализация», «международный терроризм», «новый мировой порядок», «наступление НАТО на Восток», «образование XXI века» и другими, которые определяют содержание нашей жизни. Эти слова и термины знают все. Но в чем их действительный смысл, абсолютное большинство не понимает, хотя редко кто согласится с этим: «Как же так: я имею высшее образование и не понимаю?!»

Понимание — это синоним творчества, это творческий процесс, это огромный труд. Тем более, когда речь идет о постижении смысла глобальных явлений и процессов типа тех, которые я только что назвал. Далеко не все готовы «перетрудиться», чтобы понять то, что не входит в круг их непосредственных служебных обязанностей, не приносит прямой пользы. Итог?

Здравомыслящий человек давно понял, что далеко не всякая информация полезна, что «многознание уму не научает». Налицо уже **бегство** не только от свободы, но и от **информации** и «лишних» знаний. Хаос и абсурд происходящего ведут к разрушению целостности личности, уничтожению в человеке человеческого, в частности его стремления познавать и понимать. Бедность и нищетенское существование миллионов низводят их до такого состояния, когда жизнь понимается как физическое выживание, а спасение видится в том, чтобы не напрягать ум, душу и организм — не видеть, не слышать, не знать, не понимать самому, слепо принимая навязываемую извне точку зрения.

Около тридцати лет назад Э. Тоффлер писал о том, что человечество погибнет скорее не от нехватки сырьевых ресурсов и пищи, а от **психологической перегрузки**. Тогда он имел в виду новую социальную болезнь — **шок от будущего**. С тех пор многое в мире изменилось и ухудшилось.

Сегодня в России можно смело говорить о **шоке от настоящего и прошлого**, от абсурда происходящего вообще.

Социальный хаос (а значит, хаос в мыслях и душе человека) в мире и особенно в России с каждым годом нарастает. До какой поры это **может** продолжаться? **Сколько** хаоса в обществе можно допустить? Ведь психические возможности человека не беспрепядельны. **Сколько** хаоса он может вынести? Парадокс состоит не только в том, что на эти вопросы не существует ответа и его никто не ищет. Появились научные теории, которые, если их неточно интерпретировать, чуть неверно понять, могут подтолкнуть мысль к абсолютизации «нестабильности» (неустойчивости), «самоорганизации», «открытости», «случайности», «хаоса», «флуктуаций», «биfurкаций», «диссипативных структур» и т. п. Я имею в виду выдающиеся труды Нобелевского лауреата И. Пригожина. Конечно, неустойчивость (нестабильность) далеко не всегда зло, ее нельзя воспринимать лишь негативно. Это не досадная неприятность, подлежащая устранению. Полная устойчивость и равновесность, т. е. полный покой, — это состояние смерти. Только в неустойчивом положении система движется и развивается. Без неустойчивости нет развития. Соблазнительно сказать, что неустойчивость — это и есть развитие.

Но если и в самом деле неустойчивость отождествить с развитием, признав ее тем самым главным свойством всех систем (в данном случае, напомню, мы говорим о социальных системах), то в мире (и без того предельно хаотичном) хаос воцарился бы вместо порядка, пришлось бы забыть о таких понятиях, как «прогноз», «программа», «план», «организация», «контроль», «управление» и т. д. Общество и государство, вся общественная жизнь распались бы.

Мы должны все же понимать, что случайность не отменяет закономерность. Если мы желаем устраниТЬ хаос, упорядочить нашу жизнь, то задача состоит вовсе не в том, чтобы поменять их мечтами, а в том, чтобы понять закономерность случайности и ее действительную роль в социальном мире. И сколько бы ни восхваляли хаос, ясно, что люди тоскуют по порядку и всегда будут идти к нему, желая понять причины, мешающие им достичь своей цели. Нестабильность не сможет отменить и заменить детерминизм. Они предполагают друг друга, определяются друг через друга.

Когда я слышу призывы «разрушить уходящий в глубокую древность стереотип страха перед хаосом, увидеть красоту и конструктивность хаоса», «понять разрушение как креативный принцип, а страсть к разрушению как творческую страсть» (Князева Е. Н., Курдюмов С. П. Основания синергетики. М.—СПб., 2002. С. 65), то мне кажется, что научные книжки стали писать наивные люди, не способные увидеть и понять даже то, что происходит за окном их дома, не говоря уж о лежащей в руинах огромной стране; люди, не умеющие управлять даже собой, но тем не менее отчаянно рассуждающие о том, «как управлять, не управляя», «как преодолевать хаос, его не преодолевая» (там же).

«Ничего слишком» — говорили древние. Сегодня, когда мир и мысль находятся в разломе, исследователю и просто мыслящему человеку чрезвычайно необходимы взвешенность суждений, чувство меры в делах.

«Дерзайте понимать!» — призывал когда-то Кант. Сегодня необходимо сказать по-другому: «Мужайтесь понимать!» Ибо сегодня понимающий человек зачастую сталкивается с такими адскими идеями, такими ужасающими доктринаами и мыслями, что от них

можно просто свихнуться. Чтобы этого не случилось, одни люди сознательно, другие инстинктивно включают защитный механизм своего организма: утрачивают желание знать и понимать: «меньше знаешь — крепче спиши»; «многие знания — многие печали». Сегодня, чтобы понимать, надо иметь не только неуемное стремление и недюжинный интеллект, но именно мужество и особо крепкую психику. Поэтому задачу понимать происходящее до конца ныне берут на себя совсем немногие, и они выглядят на общем фоне, как правило, людьми «ненормальными», производителями «страшилок» и т. п. В этой роли выступал академик Н. Н. Моисеев. Сначала (в середине 70-х годов) — когда представил миру свои расчеты об итогах возможной полномасштабной атомной войны и выдвинул концепцию «ядерной зимы». В том случае не прислушаться к «страшилке» было просто невозможно. Итогом на некоторое время стала гонка разоружений — «detante». Потом Моисеев писал о грядущей экологической катастрофе. Итог — замалчивание, скепсис, ирония.

В этой же роли уже многие десятилетия выступает и А. А. Зиновьев, которого мы сегодня чествуем и о котором еще будем говорить.

Есть и другие очевидные факты и явления, которые на первый взгляд противоречат утверждению о кризисе понимания. Взять, например, такое очевидное достижение XX века, как доступность и **массовизация образования**. С 1970 по 1995 год количество студентов в мире с 12 млн увеличилось до 83 млн человек, то есть в 6 раз! В России около 90 процентов из 1 млн 100 тыс. выпускников школ поступают в вузы. Казалось бы, чем больше масса знающих людей, тем выше (при всех оговорках) уровень понимания картины мира и ныне происходящего. Логично? В определенной мере — да.

Но эту, безусловно, позитивную тенденцию надо рассматривать в тесном единстве с другими: тенденцией все более узкой **специализации образования**, тенденцией наступления воинствующего рационализма, тенденцией постепенного вытеснения из учебных программ фундаментальности, тенденцией «выдавливания» из учебных программ гуманитарно-социальных дисциплин и замещения их естественнонаучными, информатикой,

изучением иностранных языков и т. п. Споры «физиков» и «лириков», полуточные высказывания типа «есть науки естественные и противоестественные, т. е. общественные», которые имели место на протяжении всего XX века, привели к совсем небезобидным последствиям. Ныне общество все более представляет собой собрание «специалистов» — высшего разряда ремесленников, из которых формируется аппарат управления обществом и государством, многомиллионное сословие чиновников, управляющая элита, принимающая судьбоносные решения и осуществляющая их. Специалист, конечно же, нужен, и он хорош в своем деле на своем месте. Но он сплошь и рядом имеет фрагментарное, крайне ограниченное представление о действительности, смотрит на мир и жизнь через щель своей специальности, не понимая жизнь как таковую, а иногда теряет представление о том, какие результаты приносит его труд: позитивные или негативные. Ибо он — «винтик», «функционер» в огромной машине, об устройстве и смысле действий которой не имеет представления. Не должен. Не хочет. В конце концов это не является его прямой задачей.

К. Поппер, рассуждая о проблеме понимания, очень точно заметил: «Нет сомнения, что в современном естествознании слишком много специализации и слишком много профессионализма, придающих ему нечеловеческие (*inhuman*) черты, но, к сожалению, это почти так же верно для современной истории или психологии, как и для естественных наук» (Поппер К. Р. Объективное знание. Эволюционный подход. М., 2002. С. 181). Он же пришел к заключению, что «**специализация несет в себе собственное поражение**» (там же, с. 179).

Почему? XX век ознаменован неимоверным **усложнением** всех сфер общественной жизни, их переплетением, взаимопроникновением. Проблемы экономические, технические, социальные и т. п. сегодня настолько тесно переплетены и взаимосвязаны, что каждая из них является одновременно и экономической, и политической, и социальной, и психологической. И это чрезвычайно усложняет ситуацию и задачу их понимания. Однако действует традиционное представление, что все проблемы по-прежнему можно обсуждать изолированно друг от друга, не спеша решать

по отдельности, последовательно («поднимем экономику — улучшим образование» и т. п.). Для решения нынешних проблем, носящих комплексный характер, необходима опора на очень разные науки и теории. Специалист же, как об этом хорошо сказал Козьма Прutков, «подобен флюсу: полнота того и другого одностороня».

Парадокс: чем больше мы знаем, тем меньше понимаем. Мы все глубже проникаем в суть частного и особого, но нам все больше не хватает понимания общего и целого. Все больше ремесленников, все меньше людей широко образованных, эрудитов, не говоря уж об энциклопедистах. Очень много «силовиков», слишком мало «мозговиков».

Общество попало в психологическую ловушку. Нам кажется, что если мы обладаем огромным и все растущим объемом информации, все увеличивающейся массой обученных людей, да еще с так называемым «высшим» образованием, то нам все ясно и понятно. Просто не может быть непонятно.

Человек настолько уверовал в идею о всемогуществе своего Радзума, что даже мысли не допускает, что может что-то не понять. «Человеком понимающим» полагает себя едва ли не каждый, кто умственно здоров. Тем более, если он занял какую-то значительную позицию в системе управления обществом или государством, да еще каким-то образом приобрел ученую степень, да еще заимел много денег.

Пагубная самонадеянность! Она основана на уверенности в том, что любые проблемы можно решить количеством. Существуют иллюзии, что мы можем понять и решить все что угодно, если создадим научные институты, лаборатории и т. п., изберем парламент, назначим «хорошее» правительство, если навалимся на проблему сообща, начнем решать ее «демократически» — голосованием. Увы...

Уместно сказать еще об одном факторе, предопределившем кризис понимания в XX веке: хорошо наложенное производство и изощренное внедрение в массовое сознание **заведомо ложного знания**. В новейшие времена древние софисты обрели в лице многих философов, историков, социологов, политологов, писателей и журналистов лучших учеников за всю историю человечества. Такой размах софизма им не снился.

XX век оставил нам в наследство новую и богатую **мифологию**, в которой неразличимо сочетаются реальность и вымысел, истина и ложь, сдобренные изрядной порцией паанойи. И это не только национал-социалистический миф крови и мифы сталинской эпохи. Это миф о «невидимой руке рынка», якобы самоорганизующемся экономическом пространстве, на основе которого вырос рыночный фундаментализм. Это миф о «конце истории» и бесконечном во времени торжестве идеи либерализма. Это миф о благах, которые якобы несет с собой глобализация по-американски. Это мифы о войне цивилизаций и международном терроризме, первопричиной которого якобы является исключительно исламский экстремизм, но никак не все более нарастающая социальная несправедливость и социальное неравенство между странами и людьми.

Я называю всего несколько мифов, ибо они составляют несущую конструкцию, на основе которой создаются десятки других мифов и мификов, работающих на главную идею XXI века — создание Нового мирового порядка.

Разобраться в глубинах многих фундаментальных мифов не так-то просто. На их обоснование работают исследовательские институты, центры, лаборатории, в виде аксиом их вдалбливают молодым в классах и учебных аудиториях, по радио и с экрана телевизора. Мифы окутывают все формы нашей жизнедеятельности. При этом неудовлетворяющие стороны действительности, которые складываются в результате ложных посылов, относятся на счет неизбежных ошибок и издержек практической деятельности. Как можно сомневаться, если так думают и говорят все?

Вот, скажем, один из самых больших по значению, фундаментальный **миф о «невидимой руке рынка»**, который опирается на авторитет А. Смита и в понимании фанатиков рыночной экономики представляет полупародию его взглядов.

Да, Смит полагал, что общий позитивный результат человеческой деятельности в сфере экономики есть сумма свободных и конструктивных действий отдельных личностей. Эта истина находит свое практическое воплощение в достаточной мере независимо от индивидуальных намерений, воли и поступков, некоторые из которых могут быть ошибочными. Но если большинство дей-

ствий все же имеет позитивный результат, то и совокупный итог будет иметь положительное значение. Каждый действует по своему разумению, на свой страх и риск, не зная, что и как делают миллионы других хозяйствующих субъектов, а результат положительный, прогресс налицо. Вот в чем заключается «невидимость», «автоматизм» рыночных отношений. Словно Бог направляет мысли и водит руками миллионов людей. Красиво. Эффективно. Что еще надо?

Но дело в том, что А. Смит полагал при этом, что такой способ мироустройства требует от человека не просто естественного (свободного) поведения, но и **следованияциальному**, которое заключено в правилах общественной морали и нормах закона. «Каждому человеку, **пока он не нарушает законов справедливости**, — писал А. Смит, — предоставляется совершенно свободно преследовать по собственному разумению свои интересы и конкурировать своим трудом и капиталом с трудом и капиталом любого другого лица и целого класса» (Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. М., 1962. С. 497). Таким образом, у «невидимой руки» есть жесткое ограничение: справедливость. Эта моральная категория определяет пределы свободы действий предпринимателя. Общественная мораль — вот что, согласно А. Смиту, должно лежать в основе экономики.

Но что происходило на протяжении столетий и что мы видим сегодня? Идея поставлена с ног на голову. Властвуют своееволие, беспредел, жизнь протекает под лозунгом «только бизнес — соль, остальное — ноль». Российская экономика (и не только) строится вне истины и любви, носит по сути антиобщественный характер; предприниматели попирали и беззастенчиво попирают именно законы справедливости. Итог? Мир на грани гибели, отказывается от этой философии развития.

Понимается ли это самим обществом? Только его частью. Большинство по-прежнему убеждено, что в этом вопросе все давным-давно ясно, что тут просто нечего понимать; что «все идет как надо», мы «вписываемся в цивилизованный мир», который давно живет по законам, берущим начало от времен Адама Смита. Наука расширенно воспроизводит этот миф, школы и вузы вдалбливают его в сознание все новых и новых поколений. Отказываясь пони-

мать, люди самовольно строят мир, в котором ложная демократия и обманчивая свобода парадоксальным образом сочетаются с утонченным рабством и усиливающейся социальной несправедливостью.

В таком же духе можно препарировать миф о глобализации, миф о международном терроризме и другие.

Скажу о некоторых следствиях, к которым ведут бегство от знания и понимания, иллюзорное знание, новое мифотворчество и новый софизм.

На мой взгляд, XX век со всей очевидностью и в невероятных масштабах продемонстрировал способность человека осуществлять отрицательную деятельность, то есть деятельность не во благо, а в ущерб. Я не стану говорить о Первой и Второй мировых войнах, о ВОСР, случившихся в XX веке. Это войны. Они предполагают деятельность такого рода, ибо война — это разрушение с целью уничтожения противника. Но вот нынешние «реформы» в России. Если не собирать по крохам сомнительные успехи и «достижения», то в общем и целом, в главном и основном они носят разрушительный характер. Для огромного множества людей, в частности и для меня, это несомненная истина. Это значит, что основную часть всей совокупной реформаторской деятельности — от замысла до воплощения — надо признать отрицательной. Нельзя не заметить также, что эта отрицательная деятельность осуществляется за счет как предшествующих поколений, результаты труда которых уничтожаются, так и будущих поколений, создательная деятельность которых затрудняется, а возможности улучшения жизни за счет собственных усилий ухудшаются.

Посмотрите на нашу экономику, где следы этой деятельности заметней всего. В итоге «реформ», на мой взгляд, экономика России уничтожена. Мы имеем дело с каким-то странным монстром, который почти ничего не производит, но именуется экономикой. Во главе множества хозяйственных структур, в том числе федеральных, стоит агрессивно-невежественное меньшинство людей, которые чрезвычайно активны и последовательны в достижении своих целей. Но если говорить о сути их деятельности, то это деятельность отрицательная, ибо их работа представляет собой **производство вреда, создание отрицательной стоимости**.

Люди, для которых разрушение было смыслом жизни, встречались в истории нередко. Но в таком множестве, как в XX веке, — никогда. Нацисты в Германии. Организаторы массового террора в СССР. Были ли эти люди людьми? Можно ли назвать их личностями? Наверное, да. Ведь они были по-своему умны, исключительно работоспособны. Но это личности с извращенными умом и душой,искаженными ценностными ориентациями и моральными нормами, среди которых отсутствовали понятия «совесть», «честь», «жалость» и т. п. Большинству из них не знакомы переживания по поводу содеянного, зато свойственны звериная озлобленность, ненависть ко всем, кто думает и чувствует, понимает мир не так, как они.

Но разве личности такого рода исчезли с политической сцены? По-моему, их сегодня в нашей стране никак не меньше, чем пятьдесят-шестьдесят лет назад. Более того, их, как и тогда, пытаются возвеличить, именуют «гениями организации» и т. д. На самом деле это так называемые инфернальные (дисгармоничные) личности, рыночные фундаменталисты, фанатики. Как всякие фундаменталисты и фанатики, они не способны воспринимать никакую иную истину, кроме той, которая овладела их умами.

Парадокс заключается в том, что многие люди идут за ними, все-таки верят в то, что «российская экономика на подъеме». Почему? Человек легче воспринимает то, на что надеется, чего не знает и не понимает. Тем более, если непонятное объявляется «новым», «передовым», «цивилизованным», если все делается «как у всех», тем более — «как у них».

Однако российская «экономика» — не что-то исключительное; это всего лишь частное проявление общемировых процессов, методично организуемой и управляемой глобальной **экономической игры**, в которой все козыри как раз у «них», на «той» стороне. В то, что это именно игра, а по сути дела, **мировая война нового типа** (о чем мы говорили на одном из заседаний Русского интеллектуального клуба), абсолютное большинство населения поверить не может и не хочет: уж слишком все непривычно, откровенно, цинично и просто выглядит. Но подлинная истина всегда носит простые и грубые одежды.

Между тем еще в 1968 году З. Бжезинский, тогда помощник президента США по национальной безопасности, одним из первых выдвинул идею о создании **системы глобального планирования и долгосрочного перераспределения мировых ресурсов** (Brzezinski Z. America in the Technologic Age // Encounter. Vol. XXX. 1968. January; idem. Between Two Ages. America's Role in the Technotronic Era. N-Y, 1970). Уже в те годы, более тридцати лет назад, когда еще шла холодная война и СССР был силен и могуч, США определили новые ориентиры мирового развития на свой манер. Во-первых, речь шла о замене **демократии господством элиты**. Бжезинский полагал, что развитие должно сопровождаться «постепенным появлением все более контролируемого и направляемого общества, в котором будет господствовать элита... Освобожденная от сдерживающего влияния традиционных либеральных ценностей, эта элита не будет колебаться при достижении своих политических целей, применяя новейшие достижения современных технологий для воздействия на поведение общества и удержания его под строгим надзором и контролем» (Brzezinski Z. Between Two Ages... P. 252). Во-вторых, говорилось о формировании **наднациональной власти** на основе объединения индустрально развитых стран в своего рода элитарный клуб. Ежегодные совещания «семерки», в которых Россия с некоторых пор отведена роль «восьмерки». И мы видим, что задуманный более тридцати лет назад проект осуществляется более чем успешно.

В России и во многих странах сформировалось **четвертое словие**, состоящее из финансовых магнатов, банкиров, торговцев, наркодельцов, государственных чиновников-коррупционеров, владельцев СМИ, игорных домов, шоу-бизнеса и прочего жулья, которое сосредоточило в своих руках огромные финансы, «спонсирует» выборные кампании, лоббирует нужные ему законы, т. е. определяет образ жизни всего социума, формирует в обществе выгодную ему мораль.

Мировая экономическая система во многом уже построена. Завершению ее создания мешает то, что отсутствует легальная мировая политическая система — мировое правительство. Некоторые полагают, что фактически оно уже существует («семерка»,

разные клубы и т. п.). Но если это и не так, то совершенно очевидно, что ныне мы являемся свидетелями активнейших попыток создать его.

Именно в этом ключе надо рассматривать ту деструктивную, отрицательную деятельность, о которой я говорил. Она носит не стихийный, а **планомерный**, контролируемый и управляемый характер. По этой схеме с помощью специально созданных инструментов (МВФ, ВТО, МБ и др.) разрушаются государства, организуется хаос как внутри отдельных стран, так и в международном масштабе с тем, чтобы в зоне кризисных ситуаций контролировать не только экономические, но и политические процессы, всю социальную среду. По типу «внешнего управления» в обанкротившихся банках и фирмах действует система глобального менеджмента, глобальных политических технологий.

Одно из многих свидетельств этого — парадоксальное понятие «принуждение к миру», которое нам оставил XX век. Демонстрация этого принципа состоялась на Балканах. Ближайшая возможность увидеть это — «разоружение» Ирака. Уже вброшена в общественное сознание идея о «принуждении к миру» чеченских боевиков и российского федерального центра.

Вновь скажу: проблема понимания актуальна ныне как никогда с тех пор, когда тысячелетия назад, еще в эллинскую эпоху, возникла герменевтика — искусство толкования текстов классической древности, Библии, учение о принципах их интерпретации. Сего дня в кризисе понимания находит свое выражение системный кризис бытия человечества вообще. Продолжать не понимать происходящее, — значит, продолжать погибать. Понять — значит, спастись.

Как всегда бывает в тех случаях, когда обозначается та или иная проблема, тут же возникает вопрос: **«Что же делать? Как ее решить?»**

Сверхсложная, адски трудная задача, которая не может быть решена разом, быстро и повсюду. Человека можно принудить повиноваться, но невозможно заставить думать и понимать, если он не захочет этого сам. Тем более человека, которого сегодня, на мой взгляд, сознательно отучают думать и понимать: в ситуации дежа собственности и власти думающий и понимающий народ

правящей элите совершенно не нужен. Ситуация по своей сути становится все более похожей на ту, которая существовала в Древней Спарте, когда около 30 тыс. спартанцев управляли 350 тыс. илотов — рабов и ремесленников.

На мой взгляд, главное условие преодоления кризиса понимания — **образовательная революция**, смысл которой не столько в совершенствовании форм и методов передачи знаний, новых образовательных технологиях и механизмах финансирования (как это представляется нынешним реформаторам образования не только в России, но и в других, в том числе ведущих, странах мира), сколько в переосмыслении **миссии** образования, которая видится мне **спасительной**; в определении новых **областей знаний** и создания **новых учебных дисциплин**, дающих знание и понимание смысла вызовов и угроз, следствием которых может быть мировая катастрофа; в расширении **предметности обучения** (которое сегодня сводится к овладению определенной суммой знаний, навыков и умений) за счет прибавления к этим целям **обучения пониманию**.

Если мир стал сложней, то человек должен развить свои творческие способности до такой степени, чтобы справиться с этой сложностью, упростить ее. Если скорость и темпы общественного развития возрастают, значит, и человек должен думать с большей скоростью и точностью. Если объемы информации нарастают лавинообразно, то и человек должен расширять границы своего интеллекта.

Возможно ли это? Возможно. Давно доказано, что люди обычно используют не более 10 процентов возможностей своего мозга, даже когда думают с максимальным напряжением. Не более! Большинство — и того меньше. Как получить доступ к оставшимся 90 процентам умственного потенциала? Развитию и использованию всех шести типов интеллекта (верbalного, визуального, логического, творческого, физического, эмоционального) необходимо учить. Для меня именно в этом смысле проблема понимания (повторюсь) является прежде всего практической. Пусть ученые продолжают спорить о definicijax и деталях. Но общественный запрос на разрешение кризиса понимания настолько актуален, что на него необходимо давать немедленный и действенный ответ. Достигнутый уровень понимания проблемы понимания вполне до-

статочен для того, чтобы на основе теоретических наработок стало возможно создание специальной учебной дисциплины, методик, учебных пособий, позволяющих обучать новые поколения не только запоминанию знаний, но и отысканию скрытых в них смыслов — пониманию.

В чем высший смысл образования, чему надо учить, что необходимо непременно не только знать, но и понимать — вот в чем, если говорить предельно кратко, заключается суть кардинального, революционного преобразования образования в XXI веке, с помощью которого должно быть столь же серьезно, на основе новой парадигмы преобразовано общество. Из печати вышла моя книга «Образовательная революция», в которой эти вопросы рассматриваются довольно обстоятельно. Сейчас я эту тему только обозначаю.

II

Глубина понимания «вообще» (явлений и событий новейшей, все более усложняющейся истории тем более) в конечном счете зависит не столько от количества имеющейся у нас информации, сколько от духовно-нравственной зрелости и интеллектуального потенциала «понимающей» личности.

Как известно, до недавнего времени ученые рассматривали интеллект как единый, неделимый, монолитный психический феномен. Выявление шести типов интеллекта — это прорыв в науке и, на мой взгляд, в решении проблемы понимания, ибо позволяет получить доступ к незадействованным 90 процентам интеллектуального потенциала.

Новый взгляд на интеллект более сложен, но он позволяет гораздо лучше объяснить такие явления, как гениальность, талант, дарование. В частности, и таких выдающихся человеческих экземпляров, как А. А. Зиновьев, который одарен в высшей мере не в каком-то одном, а во всех шести типах интеллекта, что хорошо показано в только что вышедшей книге «Феномен Зиновьева», подготовленной учеными МГУ им. М. В. Ломоносова и Института философии РАН.

Я смотрю на Зиновьева как на посланца XX века в век XXI, как на орган, который природа и наше общество создали для того,

чтобы его мыслями и его голосом рассказать потомкам о веке ХХ. Он очень много сделал для понимания сущности России и Запада, человечества вообще в ХХ веке. С идеями, мыслями, оценками и прогнозами Зиновьева можно соглашаться или нет, самого Зиновьева можно любить или ненавидеть, но не заметить его невозможно.

Что такое Зиновьев? В чем его феномен? Давайте порассуждаем сегодня об этом. Я только начну, а вы — продолжите.

Взглянем на творчество А. А. Зиновьева с количественной точки зрения.

Вот лишь названия его книг по логике: «Философские проблемы многозначной логики» (1960), «Основы логической теории научных знаний» (1967), «Комплексная логика» (1970), «Логика науки» (1971), «Логическая физика» (1972), «Логические правила языка» (1975).

Вот список литературных произведений Зиновьева:

1. «Зияющие высоты» (1976).
2. «Светлое будущее» (1978).
3. «В преддверии рая» (1979).
4. «Записки ночного сторожа» (1979).
5. «Желтый дом» (1980).
6. «Мой дом — моя чужбина» (1982).
7. «Гомо советикус» (1982).
8. «Нашей юности полет» (1983).
9. «Евангелие для Ивана» (1984).
10. «Иди на Голгофу» (1985).
11. «Государственный жених» (1986).
12. «Рука Кремля» (1986).
13. «Пара беллум» (1986).
14. «Изюмовая бомба» (1987).
15. «Живи» (1989).
16. «Мой Чехов» (1989).
17. «Исповедь отщепенца» (1990).
18. «Катастройка» (1990).
19. «Веселые Руси» (1991).
20. «Смута» (1992).
21. «Русский эксперимент» (1995).
22. «Глобальный человейник» (1997).

23. «Новая утопия» (2000).

24. «Затея» (2000).

За прошедшие три года после возвращения в июне 1999 года в Россию он опубликовал четыре монографии: «На пути к сверхобществу», «Комплексная логика», «Логическая социология», «Русская трагедия».

Но это — количество. А качество? Насколько истинно то, о чем поведал миру Зиновьев? Почему Зиновьеву в его понимании действительности можно верить? Тут мало только оригинальности, самобытности.

Глубина понимания Зиновьевым социальной действительности предопределяется тем, что в процессе познания он использует весь возможный инструментарий: мышление (он логик), слово и эмоции (он писатель и поэт), рефлексию (он философ), зрение (он художник), эксперимент (он социолог) и т. д.

Со всех сторон — как логик и философ, социолог и художник, писатель и поэт — Зиновьев является личностью выдающейся.

Мировая известность пришла к Зиновьеву еще в начале 60–70-х годов как к логику. Все его книги по логике изданы на многих языках, в том числе на английском, немецком. Признанные зарубежные научные авторитеты говорят о Зиновьеве как о выдающемся логике XX века.

Философский факультет МГУ выпустил в XX веке тысячи специалистов по философии, которые стали докторами и академиками, но лишь несколько человек войдут в историю как философы. Среди них — А. А. Зиновьев.

В № 9 журнала «Вопросы философии» за 2002 год опубликована беседа главного редактора В. А. Лекторского и академика Л. Н. Митрохина. Они называют всего пять фамилий, как они пишут, «наиболее творческих философов». С Зиновьевым они связывают «рубеж в развитии нашей философии в целом», называют его «главным молотобойцем, пробившим брешь в монолите диамата». Выдающийся результат!

Зиновьев — человек до мозга костей русский, во всех смыслах и измерениях. Он почти ровесник XX века и 60 лет советской истории. Он знает страну, знает ее историю, людей, систему власти. Он знает человеческий материал и общество как предмет позна-

ния, всегда размышлял о сущностях и смыслах, а не о частностях, хоть они и важны.

В Древнем Китае была традиция: если человек, добившийся славы, хотел понять, не произошло ли это случайно, то он менял имя и место жительства и начинал все сначала.

Именно так, хоть и помимо своей воли, все случилось и с Зиновьевым. В 1978 году вместе с семьей он был изгнан из СССР в ФРГ. Слава, хорошая должность (зав. кафедрой логики МГУ) степень доктора наук, звание профессора, боевые ордена — все было утрачено. Но мировая слава пришла к нему **во второй раз** — теперь уже как к писателю.

Зиновьев всюду — новатор и революционер. Всюду и во всем — оригинален. Относительно его творчества почти всегда говорят «впервые», «блестящее», «потрясающее», «гениально». Его сравнивают со Свифтом, Вольтером, Гоголем, Салтыковым-Щедриным, называют «Моцартом социологии». О его творчестве уже написаны книги, диссертации, сняты телефильмы, не говоря о сотнях восхищенных рецензий. А. А. Зиновьев удостоен престижных литературных премий, в том числе «За лучший европейский роман» в 1978 году, «За лучший научно-фантастический роман» в 1980 году, «Рrix Medicis» в 1979 году, «Tevere» в 1992 году и многих других. Избран в Баварскую академию искусств и Римскую академию, награжден медалями и званием почетного гражданина папских городов Равенна, Оранж и Авиньон. Я не знаю, есть ли среди присутствующих такие, кто прочитал, а тем более изучил все книги Зиновьева и, следовательно, может вполне обоснованно утверждать, что он понимает, «что такое — Зиновьев», т. е. постиг его сущность. Ведь понимание — это **смыслие**. Чтобы воспринять и понять другого, надо не просто пролистать текст, а проделать самостоятельную мыслительную работу по раскрытию смысла того, что заключено в тексте. Это и есть процесс понимания. То, чего мы не понимаем, не принадлежит нам, то — чужое, не наше. То, что нам не нравится, мы считаем плохим. Непонятное часто кажется нам «неправильным».

Зиновьев — еретик, ибо постоянно ставит под сомнение общепринятые истины и предлагает свое понимание вещей. Он разоблачает иллюзии и мифы, что воспринимается многими как личное оскорблечение и вызывает ненависть.

Я не раз слышал: «Зиновьев — антисоветчик, антикоммунист. Он помогал разваливать СССР, а теперь стонет. Крокодилы слезы»; «Он приехал в Россию, потому что стал не нужен на Западе». Другие говорят: «красный», «коммуняка», «совок».

Я знаю, как А. А. Зиновьев отвечает на эти вопросы. Мы не раз касались их в наших с ним беседах. Мне бы хотелось, чтобы он затронул эту тему и сегодня. Сам же я объясняю и понимаю это так: перед нами истинно мыслящий человек, одна из немногих личностей, воплощающих в себе идею всемогущества человеческого разума и его беспрестанной рефлексии.

Идеи и мысли Зиновьева часто шокируют, кому-то кажутся нелепыми. Но могло ли быть иначе? Ведь он исследует предельно противоречивую, шокирующую, нелепую, абсурдную действительность, в которой негативные результаты и следствия перечеркивают и отрицают благие замыслы и ничтожные достижения. Отсюда парадоксальные, но полные глубокого смысла словообразования «зияющие высоты», «катастройка», «человейник» и многие другие, вошедшие в словарь русского языка XX века.

Не забудем: Зиновьев — логик, логик-революционер. Он полагает, что предмет логики — не мышление, а язык. Он создал свой язык логики, изменил привычную логику языка, а значит, и мышления. Он мыслит парадоксально, и в этом заключена великая логика, ибо это действительно логика, в соответствии с которой строится наша абсурдная действительность.

Человек — это не только то, что он делает и думает, но и то, что и как он чувствует. Мир чувств и эмоций Зиновьева никому из нас не ведом. На его долю выпало столько переживаний, что многим это трудно даже представить. Арест в ранней молодости. Война, на которой он воевал летчиком-штурмовиком. Колпак КГБ в семидесятые годы. Высылка из страны в возрасте 56 лет. Жизнь в эмиграции. Травля. Дважды его пытались отравить. Дважды пытались выкрасть. Замалчивание за границей. Возвращение в Россию в возрасте 77 лет. И — невостребованность...

Зиновьев — человек гонимый, травимый и безумно одинокий, сколько бы людей вокруг него ни крутилось, «отщепенец», как сказал он сам о себе. Но такова судьба всех, кто опережает время,

такова судьба гения: ему не с кем разговаривать, быть понятым до конца уже сегодня.

«Первое и последнее требование к гению, — говорил Гете, — любовь к истине». Истина — это религия Зиновьева. Можно сказать, что он ничего в жизни и не умеет, кроме как мыслить. В этом его счастье и беда.

Как-то однажды в нашем разговоре Зиновьев сказал о себе: «Я — думательная машина, которой все равно, что думать: СССР, Запад или Россию. Сейчас я в России и думаю прежде всего Россию». Зиновьев несет в себе огонь истины, который обжигает его, причиняя боль. Он доказывает истину не только мышлением, но и своим образом жизни: неимоверно много трудится вообще, а для его возраста — фантастически много. Он не просто трудится, он борется. Не против кого-то конкретного, а с действительностью, со всем миром за свои идеи и свое право видеть и понимать его по-своему.

Зиновьева в России пока еще недостаточно читают и знают. В том числе и потому, что его рассуждения и прогнозы не добавляют оптимизма. Люди легко понимают радость жизни, но не хотят узнавать, а тем более трудиться, чтобы понять ее ужасы. Люди легче и больше всего верят в то, что хуже всего знают. В этом заключен великий парадокс.

«Когда рушится все, наступает час философии», — писал М. Хайдеггер. Человечество потрясают тектонические сдвиги и глубинные взрывы. Будущее во мраке. Час Философа уже пришел — звездный час Зиновьева.

Время понимать.

Ильинский И. М. XX век: кризис понимания. М., 2002.

ЗА ЦЕЛОСТНОЕ МИРОПОНИМАНИЕ

На образование можно смотреть с различных точек зрения: с философской и социологической — тогда оно выглядит как решающий фактор развития человека и общества; с социальной — тогда образование предстает как благотворительно-затратная сфера; с политической — в этом случае возникает проблема национальной доктрины образования, государственного и общественного контроля за ее реализацией и т. д. Все эти подходы знакомы и привычны российскому человеку, ведь все мы (в основном, конечно, представители старшего поколения, младшие — в меньшей степени) унаследовали те взгляды на образование, которые властвовали в советские времена. Менее всего нам свойственен экономический подход к образованию, взгляд на него как на экономику, как на сферу услуг, как на производственную отрасль.

Каждый знает слово «образование», да не всякий внятно объяснит, что он имеет в виду, произнося его.

Многие считают, что главная задача образования — дать широкие и глубокие — фундаментальные знания, которые позволят человеку хорошо ориентироваться в усложняющемся мире, самому находить решения встающих перед ним задач. Но немало и, кажется, все больше таких, кто рассуждает более приземленно и практично: человечеству нужна хорошо выполненная работа, в результате которой появится больше хороших товаров и услуг, а квалифицированная работа требует высокообразованных специалистов.

Образование — «дитя» общества. И наоборот: общество — «отец» и «мать» образования. Они могут изменять его, могут и должны сдерживать, развивать и воспитывать образование, но не могут бросить,

перестать «кормить», если озабочены продолжением рода вообще и будущим уже живущих поколений.

Возможен, конечно, вариант чужого ребенка — приемыша. В этом случае сохраняется лишь «фамилия», но — не род. Генетический код будет прерван. Под прежним именем будет существовать совсем иной народ, иная нация, иное общество.

Мораль: изменяя и развивая (реформируя) образование, конкретное общество (в данном случае российское) должно знать меру в применении форм и методов воздействия на свою систему образования, чтобы не переусердствовать, не перерадикальничать, проще говоря, не «перегнуть палку» и случайно не забить свое «дитя» до смерти. До тех пор, пока образование в собственно «материнских» и «отцовских» руках (то есть в руках самого общества непосредственно), это вряд ли случится: от крайностей убережет родительский инстинкт, инстинкт самосохранения. Хотя, как известно, и в семье бывает всякое...

Общество давным-давно отдало множество своих дел, в том числе образование, в руки «дядьки» государства, которое, как представлялось, будет блюсти интересы общества. Из общественного дела образование превратилось в государственное. А вместе с этим жизнь и судьба общества оказались в руках слуги. Это только в теории государство умное, сильное, доброе и только и делает, что «думает» и «заботится» о народе и обществе. В реальности гораздо чаще, если не всегда, «слуга» этот глуп и зол, необразован и своекорыстен, пьян и жесток, занят гораздо больше своими собственными делами, чем думами о других. И это вполне объяснимо: государство — это сонм вполне конкретных живых людей, собранных воедино и наделенных верховным правителем властью в конкретных исторических условиях, которые предрасполагают к самым нелепым идеям, мерзким мыслям и порочным действиям. Государство постоянно таит опасность для общества во всех отношениях, а в ситуации, подобной той, которая сложилась в нынешней России, тем более. Общество не должно слишком доверяться своему «слуге», которого оно содержит на свои же средства ради определенных целей. Государство должно быть умным, и тогда оно сильно. Если ж оно вороватое, наглое, да еще и глупое — это страшно. Особенно для образования.

В добавление к существующим взглядам я говорю: образование — это производство. Меня побуждают к этому вовсе не желание быть оригинальным, а совершенно практические потребности. МГСА — вуз негосударственный. Уже семь с лишним лет мы находимся и работаем в условиях самого настоящего рынка образовательных услуг, вынуждены конкурировать как с государственными, так и с негосударственными вузами. Причем не со слабыми, а с самыми лучшими, сильными. Ибо только в этом случае у нас есть шанс не только выжить, но жить и развиваться. А живем мы весьма неплохо и развиваемся весьма быстрыми темпами. Почему? Именно потому, что исповедуем взгляд на образование в нашем вузе как на единый, целостный производственный процесс. Заботимся о том, каков «исходный материал» в этом процессе (система довузовской подготовки), каково качество «продукции» на различных этапах производственного процесса (постоянный контроль за технологией и качеством обучения). И это качество уже сегодня весьма неплохое, ведь все наши выпускники практически сразу трудоустраиваются, если набор в наш вуз с каждым годом увеличивается и т. п. Это приносит нам все больший доход, наша вузовская экономика становится все сильнее, а в результате мы развиваемся, наращиваем качество своих услуг. И так — год за годом, цикл за циклом.

Я убежден, что ныне одной из главных целей образования является формирование понимания окружающего мира. Сказать, что современная педагогика не сознает этого, нельзя. И все же по большей части забота о миропонимании выражается в абстрактных пояснениях. Учащемуся преподносятся либо универсальные законы и принципы, как это было в советской школе, либо дело сводится прежде всего к узкому утилитаризму, главный упор делается на специализацию: специалист — это тот, кто все знает и все понимает в своей профессии. Как понимать мир в целом — это его личное дело. (Правда, сегодня, даже в США, где образование строится на философии pragmatism, поняли стратегическую ущербность этой концепции и постепенно отходят от нее в сторону фундаментализации образования.)

Между тем в реальном мире происходит множество событий, явлений и процессов, без понимания которых человек теряется

сам и теряет интерес к образованию. Зачем учиться? Зачем проводить десять—двенадцать лет в школе, а потом еще пять—семь лет в вузе, если ты получишь лишь ЗУН (знания, умения, навыки), но так и не будешь понимать, что же, а главное, «почему» все в мире происходит именно так, а не иначе? Мир полон военными, социальными и расовыми конфликтами и войнами, и с каждым годом их становится все больше. Почему? Говорят, что человечество прогрессирует, что в мире все более властвует свобода и демократия, но в то же время небольшая группка людей становится все богаче, а абсолютное большинство населения живет в нищете и бедности, разрыв между бедными и богатыми увеличивается. Почему так происходит? Где социальная справедливость? Где гуманизм? Где демократия? Знать и понимать не хотят.

Обучение социальным и гуманитарным наукам в основном является абстрактным, слишком теоретическим, зачастую ограниченным определенной концепцией знания. Оно оторвано от реальной жизни в школе, от практики (особенно на первых курсах) в вузах. Школа по-прежнему, как и в советские времена (а может, еще больше), оторвана от социальной среды. Утеряна цельность образовательного процесса (единство обучения и воспитания). Забыта фундаментальная истина, которая заключается в том, что и школа, и вуз готовят человека не к работе, а к жизни, понятие которой не сводится к труду, гораздо шире и объемней. Российское образование потеряло из виду, какого человека оно намерено образовывать (в смысле «создавать», «строить», если хотите, «формировать»).

Задача образования — вписать человека в общество, помочь ему осознать себя Гражданином и стать им. Человек — не столько Потребитель (потреблять велит ему сама Природа, а не только зов витрин магазинов и рекламы). Человека надо просветить относительно того, что он не может не быть Созидателем; что он может сделать общество, в котором он живет, лучше или хуже, чем оно есть, в зависимости от его участия (или неучастия) в созидательных процессах. Молодому человеку должно быть предложено видение и понимание мира, в котором он должен жить, а также способы и методы того, как его усовершенствовать. С этого, если говорить всерьез, и начинается демократия. Демократия — это миропонимание и мировоззрение. Она есть там и только там, где есть индивиды, демо-

кратично мыслящие и демократично действующие. Демократия начинается в школе, продолжается в вузе и только потом превращается в действительно демократические институты и процедуры.

ХХ век ознаменовался научно-технической революцией, лавинообразным ростом открытий, изобретений, объемов научной информации и принципиально новых способов ее передачи обучаемым. Изменилась и научная картина мира, которая, как это ни парадоксально, стала менее определенной и однозначной, а стало быть, и менее понятной в принципе. Образование, претендующее на статус современного, должно избегать навязывания обучаемым и воспитываемым однозначной философии, идеологии и картины мира, а учитель и преподаватель — своих мнений и убеждений, своего стереотипа поведения и своих обычаев в качестве единственной модели и неоспоримых правил, годных на все времена, для всех цивилизаций и для любого образа жизни.

Созидать и нести ответственность могут лишь люди, уровень политического сознания которых включает понимание ключевых вопросов современной цивилизации, которые способны оценивать и обсуждать глобальные проблемы мира и своей страны. Это требует радикального изменения менталитета граждан всего мира и, в частности, российских. Отсюда потребность в радикальной реформе образования, смысл которой — приздание ему большей целостности и фундаментальности, рассмотрение в единстве природы, человека и общества.

Для массового образования необходимо использовать современные СМИ, особенно телевидение и радио. Между прочим, в свое время в СССР работали сотни тысяч университетов культуры, политкружков и других форм обучения, в том числе теле- и радиоуниверситеты знаний, молодой семьи и т. п. К работе в них привлекались выдающиеся ученые: педагоги, психологи, специалисты в различных областях. Мне кажется, это и есть прообраз «обучающегося общества». Если отбросить идеологическое наполнение, то эти формы и методы можно и следует вполне использовать сейчас, в наши дни.

Подавляющее большинство нынешних школьников и студентов политически наивны, пассивны, не имеют никаких навыков организаторской работы. Молодежь не имеет сильных и авторитет-

ных организаций, сегодня она не представляет собой субъекта социальной деятельности именно потому, что крайне плохо организована. Можно подумать, что нынешняя власть заинтересована в этом. Ей предпочтительней иметь обезличенную, политически неопытную, пассивную, ничего не понимающую в политике массу молодых людей, занятых исключительно учебой, поиском денег на пропитание и развлечениями, нежели молодежь политически сознательную и общественно активную. Так спокойнее и безопаснее. Но развитие общества не может обеспечиваться только за счет простого повышения квалификации рабочей силы. Каждому молодому человеку необходимо помочь, чтобы он стал просвещенным и сознательным участником процесса развития общества и государства. Как наладить политическое просвещение молодежи — это вопрос ко всему образовательному сообществу и к властям, если они действительно заинтересованы в создании гражданского общества и правового государства, а не в манипулировании бездумной, послушной массой, убаюканной обманными заявлениями о том, что все происходящее — исключительно в их интересах.

Современному миропониманию мешает существующее деление наук на точные и естественные, на науки о человеке и обществе. Только целостное миропонимание — путь к образованию в XXI веке целостной личности взамен нынешнего «разорванного» человека.

Как установил один современный психолог, человек родился «преждевременно». Он вышел в мир с набором потенциальных возможностей, которые ему не нужны, они формируются в зависимости от благоприятных или неблагоприятных обстоятельств, и, чтобы развиваться дальше, он вынужден им подчиняться.

Сегодня любое общество имеет как накопленный с течением времени опыт, так и существующие или потенциальные ресурсы (здесь мы вовсе не недооцениваем связанных с этим трудностей), необходимые для того, чтобы помочь человеку реализовать себя любым возможным образом — в качестве представителя прогресса, приверженца демократии, гражданина мира, автора идеи самореализации — и найти свой путь, ведущий через реальный мир к идеалу совершенного человека.

О ПРОБЛЕМЕ РУССКОГО НАРОДА¹

Прежде всего — в чем мы, собственно говоря, видим проблему (в единственном числе) русского народа, если таковая существует? В том, что русский народ сокращается в своей численности? Это демографический аспект. Безусловно, тревожный и опасный. Возможно, это явление лишь временное, хотя, если познакомиться с демографическими прогнозами, это общемировая тенденция для белой расы в целом. Человечество быстро «желтеет» и «чернеет». Я думаю, что это предмет серьезных размышлений для Европы и Северной Америки. В том числе и для России. Тут нужны меры не только на уровне национальных государств, но и межгосударственные. Я вижу в этом глобальную угрозу белой расе в целом, а не только русским. Тут нужны скординированные меры такого же масштаба, как в борьбе с мировым терроризмом и наркотиками. Хотя, конечно, как всегда, каждый народ должен сам позаботиться о своей судьбе. Тем более что внутри белой расы масса противоречий чисто этнического характера. Белые европейцы, не говоря о прошлых временах (я имею в виду гитлеровский фашизм), до сих пор считают славян, в частности, русских, народом отсталым. Белым по цвету кожи, но черным по культуре. Даже среди славян поляки и украинцы пытаются возвыситься над русскими. Но дело, при желании, вполне поправимо. Тут многое может сделать государство. Русские — не первый народ, который столкнулся с демографической проблемой. Способы ее решения известны.

¹ Выступление на 5-м заседании Русского интеллектуального клуба, 21 ноября 2000 г.

Русофobia... Она существует — это факт. Геноцид? Дискриминация? Стремление Запада извести русских? Все это было в истории, есть и сейчас. Это, конечно, проблема, но это одна из проблем. Свести к ней все проблемы русского народа и назвать «проблемой» — общей и одной-единственной никак нельзя. Множество французов ненавидят немцев больше, чем русских. Немцы и французы страшно не любят американцев. Не меньше, чем многие из нас. Также как внутри каждого народа есть часть людей, которые не любят свой народ, в том числе и лично себя. Фобии разного рода — явление повсеместное.

Мы видим проблему русского народа в том, что нынешняя власть разворовывает и распродает богатство страны с помощью олигархов еврейского происхождения? В коррупции? Это — политический аспект проблемы. Очень серьезный и опасный. Но воровство и коррупция — явления по своей природе не русские, не национальные, а интернациональные. Это не «русская проблема». Плохо от этого всем народам, которые живут на территории России. Плохо уже сегодня и будет еще хуже завтра, если процесс не остановить. Сделать это можно. Нужно только захотеть тем, кто управляет страной. Это вопрос власти, которую избирает народ. Это не столько проблема, сколько задача народа. Это вопрос его ума, ответственности и, если хотите, вины за выборы президентов, губернаторов, «думаков» и т. п. То есть за свои собственные ошибки.

Мы видим проблему русского народа в том, что у него есть отрицательные качества? Не способны к самоорганизации, консолидации? Не любим свои таланты, не ценим свои достижения? Продажны? Склонны к предательству? Одним словом, порочны? Да, конечно, есть. Перечень этих качеств можно было бы продолжить. Но зачем? Разве эти качества чисто русского происхождения? Скажут: весь вопрос в мере, в степенях — «больше» или «меньше», чем у других народов. Это уже серьезно. Но я не встречал никаких сравнительных исследований по этому поводу, никаких цифр, статистических выкладок. Мнения, суждения, основанные на наблюдениях, — да, о них знаю. Но строгих научных работ — не встречал.

У каждого народа — свой национальный характер, который складывается исторически, веками, тысячелетиями. Сколько лет русскому народу или хотя бы славянскому? Взглядов на этот во-

прос немало, но всеми признаваемой истины нет. Как до сих пор нет определенности в том, откуда берет свое начало род человеческий, а стало быть, и все народы: от Адама и Евы или от обезьяны; от единого рода или от разных генеалогических ветвей? Откуда взялись желтые и черные, красные и белые люди? Почему они существенно различаются по строению тела, цвету кожи, интеллекту, другим человеческим качествам? Публикаций по этому поводу — море. Есть очень занимательные, весьма правдоподобные, в которые хочется верить. И мы верим (именно верим!) в то, что каждому из нас кажется более подходящим. И эта вера становится исходным пунктом в наших рассуждениях. Вера в мифы, сочиненные теми, кто сумел свою собственную веру облечь в форму научного знания, сказать убедительнее, чем другие, и что нам показалось более убедительным. Нет науки более увлекательной и более фантастической, чем история. Тем более, по поводу истории рас и народов. Здесь реальность так перепуталась с религией, домыслом и вымыслом, что принимать выводы историков за основу в нынешней политике и строительстве будущего чрезвычайно опасно. Но приходится вставать все-таки на ту или иную точку зрения.

Каждый народ, русский в том числе, имеет одну-единственную и общую единицу измерения; эта «единица» — человек. Народ состоит из людей. Каков человек, таков и народ. Да, люди разные: от «недочеловека» до «сверхчеловека». «Человек — зверь», «человекобог»... Но есть понятие «среднего человека», «общей культуры».

Я говорю это к тому, что мне не совсем понятен тезис о том, что «народ состоит из биологических существ и воспроизводится по законам биологии, а не по законам социологии». Если говорить о воспроизведении тел, физических существ, то это, конечно, так. В наследовании тут действуют законы генетики — клетки, ДНК, хромосомы и т. п. Но это животное начало и только. Маугли. Человек же — существо биосоциальное. Неспособность (или — способность) к консолидации, самоорганизации, склонность к верности или предательству, нестяжательство или алчность и тому подобные качества, о которых здесь говорилось, наследуются не по законам генетики, а по законам обучения и воспитания, воздей-

ствия социальной среды, условий бытия. Происхождение многих негативных качеств в характере русского народа начинается именно отсюда.

В чем, например, феномен необыкновенной терпеливости русского народа, о которой сегодня многие говорили? В «культуре бедности», если можно так сказать, которая формировалась и укоренилась в сознании подавляющего большинства русских на протяжении жизни многих десятков поколений на грани нищеты, биологического выживания. В условиях несвободы: то татаро-монгольского ига, репрессий, то Ивана Грозного, то Петра I, то Сталина. Терпеть учила и учит церковь: «Бог терпел и нам велел». Сказать на языке социологии — причина в чрезвычайно низких жизненных притязаниях. Обут, одет, сыт — и жизнь уже прекрасна. У русских совершенно отличная от западных народов система ценностей. Что такое «жить хорошо» в материальном плане, практически никто из русских не знал до тех пор, пока в наших городах не появились западного типа магазины. Океан потребительства уже захлестнул Россию, особенно молодежь. Деньги для 70% молодых людей стали основным мерилом жизненного успеха. Из них четверть ради денег готова на любые противозаконные действия. Отсюда вал преступности. Многие ведь воруют, грабят и убивают не потому, что у них совсем нет денег и они гибнут от голода, а потому что хотят иметь их еще и еще больше. Продажны ведь те, кому есть что продать. Предают те, кому есть кого предать. Ведь Юрий Юрьевич говорил о своих коллегах, а он — госчиновник первого ранга. Итак, проблема не в цвете кожи, форме черепа и крови, которые даны нам от рождения, а в тех социальных качествах, которые приобретены, воспитаны под разного рода воздействием. Как, когда, ком — это другой вопрос.

О принципе крови... Об этом говорил сегодня Александр Никитович Севастьянов. Об этом у него много сказано в его статьях и книгах, которые я читал. Об этом пишет Владимир Истархов в книге «Удар русских богов», об этом говорится в сборнике статей «Расовый смысл русской идеи», которые вышли из печати совсем недавно. Об этом говорит лидер известного движения «Русское национальное единство» Баркашов. Слова-то какие: «русское», «единство». Броде бы то, чего хочется. Но вот я читаю его брошюру

«Азбука русского националиста», и мне становится жутковато. Приведу выдержки из главы «Основные положения программы движения о построении национального государства». Цитирую: «Одной из главных задач будущего национального государства станет охрана здоровья и генетической чистоты русской нации». Далее (цитирую): «Развитие евгеники должно носить характер государственной программы». Далее (цитирую): «Принуждение в любой форме к вступлению в смешанный брак или связь, наносящий ущерб генофонду русской нации, ведущей к ее размыванию, будет преследоваться в уголовном порядке». Далее (цитирую): «В то же время соблюдение чистоты генофонда русской нации будет поощряться государством морально и материально». Далее: «Армия должна быть очищена от лиц, которые не расстались с демократическими и интернационалистскими взглядами». И т. д. Понимаете?

Нам говорят, что на рубеже XVIII и XIX веков Англия и Франция создали свой миф крови, Германия — на рубеже XIX и XX веков. На переломе тысячелетий Россия, русские должны, дескать, создать свой миф крови, свою расовую теорию. В век торжества науки предполагается сотворить миф. Не считаясь с тем, что предшествующие мифы привели эти народы к войнам, к трагедиям, что сегодня они от этих мифов отказались. Русским предлагается отказаться от христианства как европейской религии и вернуться к язычеству, взяв в качестве наших символов свастику, ибо русские — арийцы, которым свастика принесена богами с неба и так далее. Говорят, что без этого русские не выживут, не спасутся. И у этих взглядов есть сторонники. Это не единицы, а тысячи людей. По-моему, это своеобразная форма коллективного сумасшествия. Ибо в сущности нас зовут не просто к борьбе за свою судьбу, а к самой настоящей войне со всем миром. Ну, что такое, скажем, русское «осевое» моногосударство? Как его создать? Только через войну, через кровь. Нет, нужны какие-то совсем иные идеи — положительные, созидательные, а не воинственные, разрушительные уже изначально.

Что такое «кровь»? Это, как говорится в словарях, «жидкая ткань, циркулирующая в кровеносной системе позвоночных животных и человека». Плазма, эритроциты, лейкоциты, тромбо-

циты, гемоглобин и т. п. Цвет — красный. Для всех животных и людей. Для всех. Никакой особой крови у немцев, чеченцев, евреев нет. У русских, французов и американцев тоже. Через кровь ничего не наследуется — ни мораль, ни дух, ни воля. Принцип крови — это миф. Самый опасный, самый разрушительный миф, который уже породил бессчетное количество конфликтов и войн. Кровь рождает кровь. Миф крови искажает любую истину, хотя и может послужить консолидации некоторых людей и даже целых народов. Но в конце концов кроме ненависти эти люди и народы ничего не порождают. Хоть немцы, хоть арабы, хоть евреи. Всю свою историю они купаются в крови — то чужой, то своей. Неужели это никого ничему не научило? Объединять русских на принципе крови — безумие. И ничего из этого не получится: нет у русских «зыва крови». Хотя я совсем не исключаю, что когда-то, если страна будет и дальше катиться в пропасть, люди этой идеологии могут на какое-то время прийти к власти. Не дай Бог. Они зальют страну кровью. Сначала — чужой, а потом — своей.

Так в чем же проблема русского народа? В неосознанности множества названных и неназванных сегодня проблем. По-моему, это главное. Чего не знаю, того и не понимаю. А раз не понимаю, откуда вдруг возьмется консолидация, самоорганизация, нетерпение?..

Первее вопроса «Что делать?» вопрос «Что думать?» Если кастрюля пуста, в ней суп не сваришь. Чем мыслить, о чем, если в голове нет какого-то объема информации? В том, что мы начинаем сознавать угрозу существования русской нации, я вижу первый шанс на ее спасение. Теперь надо донести наше (и не только наше, разумеется) понимание ситуации до русского народа и предложить ему идею, которая его консолидирует. И это — идея спасения России, русского народа ради «светлого будущего», которое надо бы достичь как можно раньше.

Здесь кто-то говорил, что нам не следует отягощать свою голову вопросом «Что делать?», что это дело политиков. Я так не думаю. Политики наши во множестве невежественны и безответственны, а те, которые хотели бы послужить России, часто не знают, что и как делать. Насколько можем, мы должны помогать им. Социальные технологии («ноу хау») сегодня не менее важны, чем в технике. Они тоже научоемки. Непосредственной произво-

дительной силой наука стала не только в экономике, но и во всех других сферах. Нам надо бы разработать план научных исследований по тем направлениям, которые мы считаем важными. Кое-что мы можем сделать сами. Наша Академия найдет на это деньги.

Я думаю, что есть проблема не только российского образования, но и русского образования. Проблема русских школ, русских университетов, учебников по русской истории, русского языка, русской литературы. Если мы хотим сохранять русскую культуру, русские традиции, то нельзя сейчас пропускать мимо нашего внимания то, что творится с преподаванием в школах истории, что творится с русским языком. К нам приходят студенты, и мы целый год специально их доучиваем поверх программы, за рамками госстандарта, русскому языку для того, чтобы они могли (многие, во всяком случае) грамотно написать и говорить. Иногда в маленьком заявлении на полстраницы нахожу по 15–20 ошибок.

Говорили, что мы должны бороться, если хотим остановить процесс, а для начала — затормозить. Сразу ситуацию не перевернешь. Социальные процессы имеют огромную силу инерции. Как перевернуть? Радио, телевидение, средства массовой информации в других руках, деньги в других руках. Они знают, что они делают, знают, как делать. У них отработанные технологии, методы, кадры. Как этому противостоять, не имея ничего, а только идеи? Идея должна быть достаточно сильная для того, чтобы ее восприняла масса, чтобы она получала распространение. Надо пробиваться на радио, телевидение, в газеты, журналы. Все-таки «свобода слова». Другого варианта нет.

При всех различиях во взглядах, которые уже обнаружились за этим столом, очень важно не потерять друг друга. Вопросы терпимости, культуры диалога, умения слушать и слышать друг друга, не быть упертыми крайне важны. Если нам хватит на это ума и воли, то, в общем, мы можем кое-что сделать для самосохранения русского народа и, стало быть, для наших детей и внуков.

*Русский интеллектуальный клуб.
Стенограммы заседаний и статьи.
Кн. 2. М., 2001.*

ЮНОСТЬ РУССКОГО НАРОДА¹

«Что значит быть русским сегодня?» — так была сформулирована тема публичного конкурса сочинений старшеклассников, проведенного в марте–июле 2003 года в России, других странах СНГ и странах Прибалтики. Участниками конкурса выступили Комитет по культуре и туризму Государственной Думы РФ, Федеральная русская национально-культурная автономия России, Лига защиты национального достояния, Русский интеллектуальный клуб, Русский клуб искусства и культуры, «Национальная газета», Региональный общественный фонд содействия русской культуре «Русский фонд». Конкурс также спонсировало группа русских предпринимателей. Нетрудно заметить, что это организации и люди разные, по-разному понимающие русский национальный характер и русскую идею, проблемы межнациональных отношений. Вряд ли могут быть сомнения в том, что каждая из этих организаций, их лидеры и идеологии далеко не во всем совпадали в понимании темы конкурса и того, что он может выявить.

На конкурс «Что значит быть русским сегодня?» было прислано 565 писем, содержащих эссе молодых россиян. Большинству авторов (более 80% из них) в то время, когда они писали свои эссе, было 15–18 лет. Три четверти составляли девушки, одну четверть — юноши. 33 письма пришли из Красноярского края, по 26 — из Свердловской области и Краснодарского края, 22 — из Мордовии, 20 — из Орла, 18 — из Татарстана. Есть письма из Калининграда,

¹ Предисловие к книге «Что значит быть русским сегодня?» (М., 2005).

есть — с Сахалина, из Норильска, с Чечни. Писали новосибирцы и воронежцы омичи, оренбуржцы и воркутинцы, петербуржцы и москвичи. Из поселков на несколько десятков домов и городов с миллионами жителей. Здесь вся наша страна, наша Россия!

Написали и ребята из Казахстана, Украины, Молдавии, Латвии, Литвы.

При каждом письме были ксерокопии свидетельства о рождении, все документально подтверждено: это подлинные работы юных россиян, это их мысли, их тексты. Тех, у кого оба родителя русские по национальности, составили более 60%, немалое число участников конкурса одним из родителей имеют представителя иной национальности, несколько десятков участников по национальности не относятся к русским, но и они высказали свое мнение. По сути, у нас в руках материалы представительного социологического исследования, где задан один вопрос, но трудный и не имеющий однозначного ответа. Он требует думать и понимать.

Кто-то ждал от молодых беспощадной критики современной России. Кто-то надеялся на рецидив великодержавного шовинизма. Кто-то искал в юных душах религиозного фанатизма. Но ребята — подростки, девушки, юноши — решили Русский вопрос по-своему, нередко неожиданно и очень искренне. Они своим молодым оком и молодым умом охватили проблемы и боли, достижения и славу русского народа как некое целое. Как то, что составляет жизненную ценность для нового поколения. Прекрасные по форме, письма юных авторов удивляют, а своей глубиной поражают, более того — потрясают. 15-летние иной раз больше видят, чем опытные политики, мыслят масштабами великого народа, испытывают боль за то, что с ним происходит, понимают свою ответственность за будущее русской нации.

Сочинения молодых россиян, представляющих всю нашу бескрайнюю страну, все ее уголки, заставляют посмотреть на проблему самосознания русских с новой стороны.

Прежде всего — в чем, собственно говоря, заключена проблема русского народа, если таковая существует? В том, что русский народ сокращается в своей численности? Безусловно, тревожный и опасный аспект проблемы. Возможно, это явление лишь времен-

ное, хотя, если познакомиться с демографическими прогнозами, это общемировая тенденция для белой расы в целом. Тут нужны меры не только на уровне национальных государств, но и межгосударственные. Я вижу в этом глобальную угрозу белой расе в целом, а не только русским. Тут нужны скоординированные меры такого же масштаба, как в борьбе с мировым терроризмом и наркотиками. Хотя, конечно, как всегда, каждый народ должен сам позаботиться о своей судьбе. Тем более что внутри белой расы масса противоречий чисто этнического характера. Белые европейцы, не говоря о прошлых временах (я имею в виду гитлеровский фашизм), до сих пор считают славян, в частности русских, народом отсталым. Белым по цвету кожи, но черным по культуре. Русские — не первый народ, который столкнулся с демографической проблемой. Способы ее решения известны, и тут многое может сделать государство.

Русофobia? Она существует — это факт. Геноцид? Дискриминация? Стремление Запада извести русских? Все это было в истории, есть и сейчас. Это, конечно, проблема, но точнее — одна из проблем. Свести к ней все проблемы русского народа и назвать «проблемой» — общей и одной-единственной никак нельзя. Множество французов ненавидят немцев больше, чем русских. Немцы и французы в своей массе страшно не любят американцев. Так же как внутри каждого народа есть часть людей, которые не любят свой народ, в том числе и лично себя. Фобии разного рода — явление повсеместное.

Видеть ли проблему русского народа в том, что нынешняя власть разворовывает и распродает богатство страны с помощью олигархов еврейского происхождения? В коррупции? Это — политический аспект проблемы. Очень серьезный. Но воровство и коррупция — явления по своей природе не русские, не национальные, а интернациональные. Это не «русская проблема». Плохо от этого всем народам, которые живут на территории России. Плохо уже сегодня и будет еще хуже завтра, если процесс не остановить. Сделать это можно. Нужно этого только захотеть тем, кто управляет страной. Это вопрос власти, которую избирает народ. Здесь не столько проблема, сколько задача народа. Это вопрос его ума, ответственности и, если хотите, вины за вы-

боры президентов, губернаторов, депутатов и т. п. То есть за свои собственные ошибки.

Видеть ли проблему русского народа в том, что у него есть отрицательные качества? Русские не способны к самоорганизации, консолидации? Не любят свои таланты, не ценят свои достижения? Продажны? Склонны к предательству? Одним словом, порочны? Все это, конечно, есть, и перечень негативных качеств можно было бы продолжить. Но зачем? Разве эти качества чисто русского происхождения? Скажут: весь вопрос в мере, в степенях — «больше» или «меньше», чем у других народов. Это уже серьезно. Но я не встречал никаких сравнительных исследований по этому поводу, никаких цифр, статистических выкладок. Мнения, суждения, основанные на наблюдениях, — да, о них знаю. Но строгих научных работ — не встречал.

У каждого народа есть свой национальный характер, который складывается исторически — веками, тысячелетиями. Сколько лет русскому народу? Взглядов на этот вопрос немало, но всеми признаваемой истины нет. Как до сих пор нет определенности в том, откуда берет свое начало род человеческий, а стало быть, и все народы: от Адама и Евы или от обезьяны; от единого рода или от разных генеалогических ветвей? Откуда взялись желтые и черные, красные и белые люди? Почему различаются их человеческие качества? Публикаций по этому поводу — море. Есть очень занимательные, весьма правдоподобные, в которые хочется верить. И мы верим (именно верим!) в то, что каждому из нас кажется более подходящим. Эта вера становится исходным пунктом в наших рассуждениях — вера в мифы, сочиненные теми, кто сумел свои представления облечь в форму научного знания, сказать убедительнее, чем другие. Нет науки более увлекательной и более фантастической, чем история. Тем более по поводу истории рас и народов. Здесь реальность так перепуталась с домыслом и вымыслом, что принимать выводы историков за основу в нынешней политике и строительстве будущего чрезвычайно опасно. Но приходится избирать все-таки ту или иную точку зрения.

Каждый народ, русский в том числе, имеет одну-единственную и общую единицу измерения; эта «единица» — человек. Народ состоит из *человеков*. Каков человек, таков и народ. Только чело-

веки-то разные: от «недочеловека» до «сверхчеловека». «Человек-зверь», «человекобог»... Впрочем, есть и понятие «среднего человека», «общей культуры».

Человек – существо биосоциальное. Несспособность (или способность) к консолидации, самоорганизации, склонность к верности или предательству, нестяжательство или алчность и тому подобные качества наследуются не по законам генетики, а по законам *обучения и воспитания*, воздействия социальной среды, условий бытия. Происхождение многих негативных качеств в характере русского народа начинается именно отсюда.

В чем, например, феномен необыкновенной терпеливости русского народа, о которой говорят сегодня многие? В «культуре бедности», которая формировалась и укоренилась в сознании подавляющего большинства русских на протяжении жизни многих десятков поколений на грани нищеты, биологического выживания. В условиях несвободы: то татаро-монгольское иго, то Иван Грозный, то Петр I, то Сталин. Причина терпеливости по-русски кроется в чрезвычайно низких жизненных притязаниях. Обут, одет, сыт — и жизнь уже прекрасна. У русских совершенно отличная от западных народов система ценностей. Что такое «жить хорошо» в материальном плане, практически никто из русских не знал до тех пор, пока в наших городах не появились магазины западного типа. Океан потребительства уже захлестнул Россию, особенно молодежь. Деньги, по данным исследований, для 70% молодых людей стали основным мерилом жизненного успеха. Из них четверть ради денег готовы на любые противозаконные действия. Отсюда вал преступности. Многие воруют, грабят и убивают не потому, что у них совсем нет денег и они гибнут от голода, а потому что хотят иметь их еще и еще больше. Продажны ведь те, кому есть что продать. Предают те, кому есть кого предать.

Итак, проблема не в цвете кожи, форме черепа и составе крови, которые даны нам от рождения, а в тех социальных качествах, которые приобретены, воспитаны под разного рода воздействием. Как, когда, кем — это другой вопрос.

Все это легко переиначить, заговорив о принципе крови... Об этом много сказано в статьях и книгах Александра Севастьянова. Об этом пишет Владимир Истархов в книге «Удар русских богов»,

об этом говорится в сборнике статей «Расовый смысл русской идеи» и других публикациях, которые появились совсем недавно. Об этом говорит лидер известного движения «Русское национальное единство» Баркашов. Слова-то какие: «русское», «единство». Но вот я читаю его брошюру «Азбука русского националиста», и мне становится жутковато. Приведу выдержки из главы «Основные положения программы движения о построении национального государства»: «Одной из главных задач будущего национального государства станет охрана здоровья и генетической чистоты русской нации». Далее: «Развитие евгеники должно носить характер государственной программы». Далее: «Принуждение в любой форме к вступлению в смешанный брак или связь, наносящие ущерб генофонду русской нации, ведущее к ее размыванию, будет преследоваться в уголовном порядке». Далее: «В то же время соблюдение чистоты генофонда русской нации будет поощряться государством морально и материально». Далее: «Армия должна быть очищена от лиц, которые не расстались с демократическими и интернационалистскими взглядами». Нам такие русофилы говорят, что на рубеже XVIII и XIX веков Англия и Франция создали свой миф крови, Германия — на рубеже XIX и XX веков. На переломе тысячелетий Россия, русские должны, дескать, создать свой миф крови, свою расовую теорию. В век торжества науки предполагается сотворить миф. Не считаясь с тем, что предшествующие мифы привели эти народы к войнам, к трагедиям, что сегодня они от этих мифов отказались. Русским предлагается отказаться от христианства как «еврейской религии» и вернуться к язычеству, взяв в качестве наших символов свастику, ибо русские — арийцы, которым свастика принесена богами с неба. Говорят, что без этого русские не выживут, не спасутся.

И у этих взглядов есть сторонники. Это не единицы, а тысячи людей. По-моему, это своеобразная форма коллективного сумасшествия. Ибо, в сущности, нас зовут не просто к борьбе за свою судьбу, а к самой настоящей войне со всем миром. Ну, что такое, скажем, русское «осевое» моногосударство? Как его создать? Только через войну, через кровь. Нет, нужны какие-то совсем иные идеи — положительные, созидательные, а не воинственные, разрушительные уже изначально.

Что такое «кровь»? Это, как говорится в словарях, «жидкая ткань, циркулирующая в кровеносной системе позвоночных животных и человека». Плазма, эритроциты, лейкоциты, тромбоциты, гемоглобин и т. п. Цвет — красный. Для всех животных и людей. Для всех. Никакой особой крови у немцев, чеченцев, евреев нет. У русских, французов и американцев тоже. Через кровь ничего не наследуется — ни мораль, ни дух, ни воля. Принцип крови — это миф. Самый опасный, самый разрушительный миф, который уже породил бесчисленное количество конфликтов и войн. Кровь рождает кровь. Миф крови искажает любую истину, хотя и может послужить консолидации некоторых людей и даже целых народов. Но в конце концов кроме ненависти эти люди и народы ничего не порождают. Хоть немцы, хоть арабы, хоть евреи. Всю свою историю они купаются в крови — то чужой, то своей. Неужели это никого ничему не научило? Объединять русских на принципе крови — безумие. И ничего из этого не получится: нет у русских «зыва крови». Хотя я совсем не исключаю, что когда-то, если страна будет и дальше катиться в пропасть, люди этой идеологии могут на какое-то время прийти к власти. Не дай Бог. Они залютят страну кровью. Сначала — чужой, а потом — своей.

Так в чем же проблема русского народа? В неосознанности множества названных и неназванных сегодня проблем. По-моему, это главное. Чего не знают, того и не понимают. А раз не понимают, откуда вдруг возьмется консолидация, самоорганизация, нетерпение?..

Первее вопроса «что делать?» вопрос «что думать?» Если кастрюля пуста, в ней суп не сваришь. Чем мыслить, о чем, если в голове нет какого-то объема информации? В том, что мы начинаем сознавать угрозу существования русской нации, я вижу первый шанс на ее спасение. Теперь надо донести наше (и не только наше, разумеется) понимание ситуации до русского народа и предложить ему идею, которая его консолидирует. И это — идея спасения России, русского народа ради «светлого будущего», которое надо бы достичь как можно раньше.

В этой связи нужно задуматься и над проблемой образования — не только российского, но и русского образования. Да, проблема русских школ, русских университетов, учебников по русской истории,

русского языка, русской литературы стала актуальной. Если мы хотим сохранять русскую культуру, русские традиции, то нельзя сейчас пропускать мимо нашего внимания то, что творится с преподаванием в школах истории, русского языка, литературы. К нам в университет приходят выпускники школ, и мы целый год специально их доучиваем сверх программы, за рамками государственного образовательного стандарта, русскому языку, чтобы они могли (многие, во всяком случае) грамотно писать и говорить. Иногда в маленьком заявлении на полстраницы нахожу по 15–20 ошибок.

Сразу ситуацию не перевернешь. Социальные процессы имеют огромную силу инерции. Как перевернуть? Радио, телевидение, средства массовой информации в других руках, деньги в других руках. Они знают, что они делают, знают, как делать. У них отработанные технологии, методы, кадры. Как этому противостоять, не имея почти ничего, кроме идей?

В рассуждениях о перспективах русского народа сегодня должен зазвучать и голос нового поколения. Это и их судьбы, и их дело. Сочинения старшеклассников, которые представлены в книге, порождают убежденность в том, что Русский вопрос – не тупиковый, народ не утерял своего будущего. Эти сочинения заслуживают того, чтобы задуматься над ними, изучать их, делать из них выводы.

Мы уже опубликовали работы трех победителей проведенного конкурса Андрея Полякова, Марии Богданчиковой, Анны Голубятовой и публикуем их снова в этом сборнике вместе с сочинениями, отбор которых велся, исходя из задачи представить присланые письма максимально широко: чтобы высказались и девушки, и юноши, и уже заканчивающие школу, и еще совсем юные, чтобы представлены были север и юг, запад и восток нашей страны, чтобы прозвучали голоса из столицы и из поселков, древних городов и совсем недавно сложившихся поселений.

Письма, не вошедшие в сборник, не менее талантливо написаны, не меньше заставляют задуматься. Вот почему мы намерены опубликовать и все другие сочинения, не вошедшие в настоящее издание и занимающие в рукописи около двух с половиной тысяч страниц. Сочинения эти и их авторы заслуживают особого внимания. Прислушайтесь: это голос молодежи нашей великой страны.

При всех различиях во взглядах, которые по Русскому вопросу существуют в нашем обществе и отразились в материалах конкурса, очень важно не потерять друг друга. Терпимость, культура диалога, умение слушать и слышать друг друга, не быть упертыми крайне важны. Если нам хватит на это ума и воли, то, в общем, мы можем кое-что сделать для самосохранения русского народа и, стало быть, для наших детей и внуков.

*Что значит быть русским сегодня?
Сочинения старшеклассников —
участников конкурса, проведенного
в марте—июле 2003 г. М., 2005.*

III

ФИЛОСОФИЯ
И СОЦИОЛОГИЯ
ВОСПИТАНИЯ

О ВОСПИТАНИИ МОЛОДЕЖИ. КОНЦЕПЦИЯ ВОСПИТАНИЯ ЖИЗНЕСПОСОБНЫХ ПОКОЛЕНИЙ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ

О ПОСТСОВЕТСКОМ СОЦИАЛЬНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОМ НАСЛЕДИИ

Воспитание своих граждан является задачей и непременным делом любого общества во все времена и выполняет в нем ряд исключительно важных функций:

- сохранения, воспроизведения и развития культуры;
- обеспечения преемственности и смены поколений;
- создания условий для свободного развития личности и жизнестворчества общества в целом.

В зависимости от типа общества (авторитарное, тоталитарное, демократическое и т. д.), властующих идеологий и режимов изменяются цели и задачи, принципы, системы, формы и методы воспитания.

В традиционных (стабильных, эволюционирующих) обществах воспитание, будучи их неотъемлемым атрибутом, со временем превращается в дело рутинное, само собой разумеющееся, как это было, скажем, в СССР. В переломные, революционные моменты истории на первый план выходят, резко обозначаются и доминируют проблемы власти, политики, экономики. Ослепляя борющихся, они затмевают собой другие стороны жизни, в частности, и задачу воспитания. Если период борьбы затягивается, то однажды общество, решившее проблемы власти, политики и экономики, обнаруживает, как правило, столь значительные потери в культуре, духовности и морали, что становится ясно: в результате борьбы общество отброшено назад.

Политики (почему — вопрос другой) обычно часто упускают из виду ту особенность, что, в отличие от техники и экономики, где благодаря открытиям науки и сверхусилиям «человеческого фак-

тора» за сравнительно немногие годы возможно осуществлять стремительные технические прорывы и «экономические чудеса», в духовной сфере чудес не бывает: человек творится столетиями. Развитие культуры, духовности, нравственности — процесс эволюционный, накопительный, постепенный. Очеловечивается, окультируется, возвышается человек неимоверно трудно и медленно. «Чудо», как показывает вся история, заключается в том, что человек способен чрезвычайно быстро растормаживаться, раскультуриваться — деградировать. Между тем именно культура — главная характеристика человека, основное достижение и богатство страны, народа, личности. Культура — не только результат развития, это одновременно «топливо» и двигатель локомотива истории.

Обучение и воспитание — это средства, с помощью которых общество, государство и властвующий режим развивают человека и свою культуру, реализуют другие цели. Забвение воспитания в момент общественных перемен — одна из стратегических ошибок, которая уже совершена идеологами российских реформ и которую следует как можно скорее исправить. При этом в равной мере опасны как недооценка воспитания, так и его абсолютизация. Тут все зависит от взгляда на человека и само воспитание, от роли, которая отводится человеку и воспитанию в общественном процессе. Именно изменения во взглядах на человека и общество определяли развитие отечественной культурно-педагогической традиции, начиная с конца XIX века и поныне. Их нельзя не иметь в виду, рассуждая о проблемах воспитания в нынешней России. Особенno важен последний период истории.

После Великой Октябрьской революции 1917 года в числе первых актов советского правительства было уничтожение старой системы образования. Чтобы построить «нового человека», надо было создать новую школу, новые системы образования и воспитания. Это было сделано и, заметим, весьма искусно. Советская школа 20-х годов вобрала в себя все лучшее из российского и зарубежного опыта и стала самой передовой в мире по методике преподавания и формам самоуправления. В широком употреблении были идеи «свободного воспитания» (Ж. Ж. Руссо), «нормативной педагогики» (И. Герберт), идеи «разумного воспитания», основанного на уважении личности воспитуемого, учете его ин-

тересов, создании условий для его развития; идеи «народного» воспитания (К. Д. Ушинский), система которого отражает потребности нации и ее особенности, а «народ-педагог», «народ-воспитатель» активно участвует в ее создании и работе; идеи «гражданского воспитания», сущность которого связана с задачей служения Отечеству, возбуждением у воспитателей и воспитуемых уважения к человеческому достоинству; идеи «гуманного воспитания» (Н. И. Пирогов, С. Т. Шацкий) и другие.

Однако вскоре в советском обществе установилось понимание воспитания как главным образом направленного воздействия на личность с целью формирования желаемых обществу качеств, «воспитания личности в коллективе» (А. С. Макаренко), более того — «и для коллектива». В течение почти 80 лет одной из основных задач построения коммунистического общества было воспитание «нового человека», который в вульгарном варианте, особенно в первые годы, рассматривался как «кусок организованной материи, которая думает, видит и действует» (А. Луначарский). Основным принципом воспитания был классовый подход. Роль коллектива была чрезмерно завышена, роль личности занижена. Общественное довлело над личным. Режим интересовался, конечно, народом как «массой», неким «количеством», которые должны были быть легко управляемы, с элементарными запросами к уровню жизни. Это обусловливало курс на деиндивидуализацию (быть «как все»), примитивизацию жизненных претензий и т. п. Функции семьи узурпировало государство. В первые годы советской власти делалось многое, чтобы изжить семью, которая считалась «первой формой рабства» (П. Стучка), как социальный институт. Семью старались революционизировать, пролетаризировать, а детей — коллективизировать через ясли, детские сады, школу, пионерскую и комсомольскую организации. Семья понималась как «семейный коллектив». Проповедь и практика свободной половой любви в 20-е годы приобрели такой размах, что по сравнению в ними недавняяексуальная революция на Западе, да и все происходящее в этой области жизни нынешней России, — буря в стакане воды. Проповедовался тезис о бесконфликтности поколений, беспроблемности их вхождения в жизнь, ибо об их будущем (якобы) позаботились партия и государство.

Поскольку задачи воспитания во многом не согласовывались с реальными социальными условиями и возможностями институтов воспитания, в сфере педагогики процветали начетничество и наездание, а методы запрета, требования и наказания чрезмерно вышли за пределы убеждениями. Инициатива подавлялась, воспитывалась исполнительность. Человек рассматривался как «винтик». Главным было не то, «что ты можешь», а то, что «ты должен». «Сознательным» считался тот, кто вел себя «правильно», то есть так, как предписывалось властью, как «должно быть».

По мере укрепления советской системы вводились все более «стабильные» учебные планы, «стабильные» учебники, которые утверждались ЦК партии. Действовал принцип: один предмет — один учебник. Так достигалось единство мысли, единство взгляда на мир, то есть торжество «единственно верного» марксистско-ленинского мировоззрения. Вскоре из самых революционных и демократических, какими они были в 20-х годах, советская школа и вся система воспитания, особенно в 30–40-е, «классические» для социализма годы, превратились в весьма консервативные, а во многом и реакционные.

В течение трех поколений происходила принудительная социализация детей и молодежи, которая осуществлялась в условиях практически полной информационной блокады общества, повседневного пропагандистского давления, жесткого социального контроля за поведением человека, особенно через государственные и общественные структуры, трудовой коллектив. Всесторонне продуманная, научно обоснованная, хорошо организованная система воспитания оказывала мощное и постоянное воздействие на умы и души людей, «била» в одну точку, лепила, формировала личность с детского сада до последнего дня. Условия жизни и среда обитания, самовоспитание (в зависимости от их состояния и активности) усиливали или ослабляли этот мощный напор, но противостоять ему не могли.

Безусловно, в советской системе **образования** было много положительного, прогрессивного, до последних дней она считалась одной из лучших в мире по многим показателям. Мы сосредоточиваем внимание прежде всего на отрицательных моментах, потому что именно от них и должны быть избавлены новые системы

обучения и воспитания нынешней России. В реальной и многообразной образовательно-воспитательной практике установкам коммунистической идеологии противостояли вышеназванные прогрессивные педагогические идеи и концепции; они существенно корректировались учителями-новаторами (В. А. Сухомлинский, И. В. Волков, Е. Н. Ильин, Ш. А. Амонашвили и др.), самостоятельно и демократически мыслящими педагогами, семьей, роль которой можно принизить, но полностью устраниТЬ невозможно; самими воспитуемыми.

Так что же в итоге? Удался или не удался опыт по формированию «нового человека»? Что такое так называемый человек советский, о котором написано много (и только положительного) в бывшем СССР и не меньше (но в основном отрицательного) «советологами» всего мира? Ответ на этот вопрос важен для нашего исследования, ибо речь идет о той «социальной материи», которая реально существует и в определенной мере самовоспроизводится поныне, которая осуществляет нынешние перемены и которую надо изменить. Ведь «новыми» людьми, и то с огромной натяжкой, сегодня можно назвать лишь ту часть российского населения, которая родилась после начала перестройки, а точнее, после распада СССР. Все остальные — это те, кого еще недавно именовали «новой социальной общностью — советский народ». Каждый из тех, кто по отдельности составляет этот народ, — «советский человек». Многие необъяснимые тайны происходящего в России коренятся в нем — «советском человеке».

Надо отметить, что немало из задуманного творцами «нового человека» удалось, прежде всего, потому, что «новый человек» писался с «чистого листа» — от первых дней рождения, потому что жесткая советская система социализации сопровождала его всю жизнь, потому что это происходило на протяжении жизни почти трех поколений. Но надо согласиться и с тем, что многое из замысла не получилось, потому что рядом с «новым» существовал и жил человек «старый», который по законам преемственности поколений аккумулировал и нес в себе «вечные» ценности, опредмеченнную в нем «старую» общечеловеческую и российскую культуру; человек, который не терял здравого смысла, народной мудрости, изворачивался, хитрил, приспособливается к внешним

обстоятельствам, но сохранял это «вечное», истинно ценное и передавал его своим детям как свое духовное богатство. Трудно сказать, чем закончился бы данный социальный эксперимент по выращиванию «нового человека», просуществуй прежний строй еще 60–90 лет (два-три поколения). Возможно, что «вечные», истинно сущие ценности настолько сократились бы в своем объеме, а «советское» так расширилось, что мы получили бы завершенного «хомо советикус», что воистину означало бы рождение новой, «советской цивилизации». Этого не случилось. В том числе и потому, что в «ценностях» социализма было слишком много неестественного и противоестественного, потому что его социально-политическая система (при всей видимой стабильности) была неустойчивой, строилась на искусственных ценностях, все время боролась за жизнь и вследствие этого не была способной к естественной эволюции путем естественной смены поколений. Малейшее ослабление «воспитательной» работы — и «советское» в человеке и поколениях начинало, как шагреневая кожа, мгновенно сокращаться в размере, а естественно-человеческое, общечеловеческое рости, выходить наружу. Именно поэтому постоянным был партийный призыв: «дойти до каждого», «бороться за каждого человека».

Таким образом, рассуждая сегодня о воспитании, надо иметь в виду: 1) «советский человек» — это не вчерашний день, а все еще во многом нынешняя реальность; 2) сущность «советского человека» не могла измениться за несколько лет от того, что теперь его называют «россиянином», что «советский народ» разделился по этносам, религиям, многочисленным партиям и т. п. Этот человек, в чем-то, конечно, уже изменившийся, и сегодня в основном таков, каким его задумывали и «сформировали». Должно смениться два-три поколения, которые будут жить в условиях лучших, чем были в советское время, а тем более есть ныне, прежде чем можно будет сказать: это — новый человек новой России. А до той поры в большей или меньшей степени все будут «новыми старыми».

В то же время определенно можно сказать: 1) «советский человек» не представляет собой какой-то особый тип человека. Это просто и всего лишь человек. Но человек, в котором определенные социальные свойства и качества развиты (сформированы) настолько сильно, что доминируют над остальными, придавая его

личности некую специфичность со знаками «плюс» и «минус», которая и находит выражение в определении «советский»; 2) это человек, крайне противоречивый, его недостатки есть продолжение определенных его достоинств, доведенных до крайности, до абсурда. Своими лучшими сторонами человек «советский» инициирует происходящие перемены, творит лучшую жизнь. Но многие догмы и стереотипы его сознания являются преградами этим переменам. По своей сути и в основной массе он готов больше приспособливаться, «выживать», чем изменять жизнь.

Как и задумывалось, «советский человек» — это **человек идеинный**. Сегодня эта идеиность проявляется, конечно, уже не в «преданности делу социализма», «делу коммунистической партии», которые еще недавно ценились в человеке выше всего. Но даже многие из тех, кто мгновенно отказался от этих «ценностей», сами того не сознавая, и поныне остаются «идеиными». Это проявляется в поисках национальной, всех объединяющей идеи, духовности и ценностей, которые возвышали бы душу (идеал, справедливость, добро, нравственность). Эта «идейная тоска» заложена в сознание не только в советский период. Это — и проявление той особенности российской цивилизации, которая выражается в **примате духовного над материальным**, извечном стремлении русского человека к истине, правде, такой основополагающей ценности, как **державность** — принадлежность к великому народу и великому государству. «Идейность» и «идейные» люди — неравнодушные, думающие не только о себе, но о других, о своей деревне, своем городе, о России — удерживают страну от развала, спасают ее. Но «идейность» как главный инерционный компонент «советского сознания» в ее крайних формах (жажды «абсолютной» истины, «единственно верных» решений, слепая вера в «вождя», ожидание «чуда» — ныне, прежде всего, «чуда экономического», «западного чуда» и т. п.) неизменно тормозит нынешние перемены. Надо ли говорить, что именно идеиное и политическое ослепление раздирает общество, ставит порой непреодолимые преграды на пути к согласию?

Как и планировалось, «советский человек» — это **человек труда**, способный на самоотверженность и трудовой подвиг «во имя» (индустриализации, освоения новых земель, счастья будущего).

ищих поколений и т. д.), а не только ради денег. Человек, понимающий значение труда, способный работать много, но в то же время испытывающий отвращение к труду, не умеющий работать хорошо, качественно. Ибо в царской России и при социализме у российского гражданина отсутствовал главный мотив к труду — получать именно по способностям и труду, возможность самому решать свою судьбу.

Как и програмировалось, «советский человек» — это **человек коллектива**. Коллективизм прочно врос в душу российского человека, ибо имеет такую устойчивую основу российской цивилизации, как **общинность**. Коллективизм и сегодня помогает людям и стране выжить в экстремальных условиях. Но «коллективист» в завершенном виде — существо жестокое и опасное. Для него важнее всего, чтобы «все было как у всех», чтобы «все поровну», независимо от способностей и труда. От коллективизма, когда это чувство переходит допустимую грань, исходит зло. Многие из живущих знают об этом по своей прошлой жизни. Но это зло проявляется и сегодня. Накопленное за годы советской власти «коллективное», «общественное» начало еще не взорвалось в людях, ибо пока даже сами «хозяева новой жизни» путают слова «товарищ» и «господин». «Общественное», «коллективистское» взорвется, когда люди поймут и почувствуют, что огромное предприятие действительно принадлежит одному человеку, что он — действительно всевластный хозяин, действительно господин, который может сделать с ними все, что захочет. При низкой культуре многих «хозяев» в трудовой сфере в скором будущем нужно ожидать предельно конфликтной ситуации.

Как и предвиделось, «советский человек» — это **человек-интернационалист**. Даже нынешний разгул национализма, войны между народами не могут вытравить из людей это чувство. Все это — результат воспитания и той реальности, в которой жили народы СССР. Надо понимать, что воспитание чувства «пролетарского интернационализма» облегчалось издревле существовавшей в сознании россиян такой цивилизационной российской черты, как **народность** — равноправие и равнозначность всех людей независимо от национальных, религиозных и других отличий. Другое дело, что в формировании интернационального сознания все было

доведено до крайности, до абсурда. Так возник человек, который порой не знал языка своей нации, ее истории и культуры. Нынешний разгул национализма во многом спровоцирован безмерным интернационализмом.

Как и предусматривалось, «советский человек» — это **человек-гражданин**, верящий в силу государства, способного обеспечить его безопасность, взявшего на себя заботу о его семье и его личном существовании и будущей старости. Ради Отчизны этот человек готов был жертвовать жизнью и умереть, но, правда, не особо колеблясь, обрекал на жертвы и других. Этот человек настолько привык надеяться на государство, что перестал заботиться о себе сам, настолько верил «верхам», что перестал думать самостоятельно. Это человек, привыкший к весьма скверным условиям жизни, не знающий, что можно жить лучше, вечно готовый к «временным» трудностям и ждущий еще худшего. Это человек, готовый терпеть даже тогда, когда ясно, что дальше терпеть нельзя. Получив свободу извне, «советский человек» не стал свободным внутренне. Это все еще человек «сознательный», то есть принимающий существующий порядок вещей и политический режим как данность. Он способен слегка возмутиться, когда крадут его личную «копейку» (случай с «МММ» и т. п.), но совершенно равнодушен, когда на триллионы обворовывают государство, на которое ему, в сущности, наплевать. При этом он продолжает требовать от государства «заботы», «внимания», хочет, чтобы оно по-прежнему было всемогущим. Слепая вера в «верхи», инфантильность российского народа и, как следствие, нежелание (и неспособность) принять ответственность за свою судьбу на свои плечи — огромный тормоз на пути к рынку, переменам вообще.

Возникают вопросы: можно ли в свете сказанного однозначно оценить «человека советского»? Хорош он или плох? И, стало быть, как к нему относиться, как оценить все происходящее с ним? Если обратить внимание прежде всего на пороки и недостатки, перечень которых можно расширить, то сложится крайне неприятный, отталкивающий образ. И, стало быть, народ, состоящий из таких людей, вряд ли можно уважать. И тогда все происходящее сегодня с этим «человеческим материалом» можно и нужно назвать разложением, распадом «человека советского», а сам про-

цесс ухода с исторической сцены определенного социального типа личности, созданного социалистической эпохой, надо приветствовать и подталкивать. В таком народе можно увидеть главным образом средство достижения исторических перемен, своего рода «материал реформ», а страдания, нищету, болезни и гибель миллионов представить как неизбежные потери на пути к новой «великой цели». Что это, если не тот же большевизм под прямо противоположными лозунгами?

Но если во главу угла оценки «человека советского» поставить достоинства и добродетели — идеяность, трудолюбие, коллективизм, гражданственность, интернационализм и др. (а это главное), — тогда народ видится первым и действительно главным богатством страны, которое надо сберегать, **основным капиталом**, который недопустимо выводить за «скобки» осуществляемых перемен, а надо видеть в народе и человеке прежде всего высшую цель, но не подручное средство. Тогда и происходящее с «человеком советским» и российским народом объясняется не тем, что деградирует «советский человек», «старый», ненужный даже для настоящего и тем более для будущего, а тем, что, будучи поставлен в еще более жесткие, скотские, чем прежде, условия жизни, оказавшись в «свободном» обществе, живущем по законам джунглей, этот человек и чувствует себя соответственно его личному миросощущению и характеру: кто — покорной жертвой, а кто — хищным зверем. И в этом нет ничего специфически «советского». Так проходило и будет происходить с человеком всюду и во все времена.

И даже если согласиться, что происходящее с «человеком советским» — это сброс с его природной натуры всего благонавязанного ему насилию, то все равно ничего плохого не получается. Действительно, социологические опросы последних лет показывают, что носители «классического» советского сознания год за годом смешаются в старшие возрастные категории. Идет естественная смена поколений. Но вот беда: отрекшись от социалистических ценностей, отказавшись от мифов и стереотипов прошлого, за последние десять лет ни индивид (в том числе молодой), ни общество в целом не стали лучше, наоборот, во многом — хуже.

Неужели угар политических чувств и противоборства настолько затмил наши умы, что мы можем не понимать всего этого,

в частности, процесс деградации российской нации, видеть в нем реальность, а не миф «красно-коричневых»? Если не признать этот «миф» действительностью, не изменить курс реформ, не включить «старый народ» в процесс перемен, то рано или поздно именно народ в основной своей массе, а не партии и отдельные личности, станет **главной оппозицией** властей. Заниматься воспитанием и просвещением народа сегодня — это значит все непонятное делать понятным, тайное — явным, необъяснимое — объяснимым. Чем больше «тумана» сегодня, тем хуже завтра. Можно, видимо, провести приватизацию и «западнизацию» так быстро, что народ не успеет опомниться. Но надо понимать, что когда он наконец очнется и обнаружит себя в скотских условиях и необратимых обстоятельствах (уже существует «новый класс» собственников, в руках которых — экономика, политическая система, то есть власть со всеми ее органами принуждения и т. п.), то он все равно скажет свое слово — взорвется. Но тогда заниматься воспитанием народа будет уже поздно.

А пока народ терпит и страдает. И не только от экономической разрухи, бедности и нищеты, но также и от того, что ему не хватает знаний о сущности происходящих перемен, новых формах и методах жизнедеятельности, недостает новых качеств характера, которых требует жизнь, помощи в избавлении от старых догм и черт, которые мешают в освоении новых жизненных реалий. Огромное и возрастающее негативное воздействие на психологию, эмоции, чувства, духовно-нравственные установки и жизненные ориентации отдельного человека, различных возрастных и социальных слоев имеет та социально-педагогическая ситуация, которая сложилась в российском обществе вследствие происходящих перемен.

СОЦИАЛЬНО-ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ В НЫНЕШНЕЙ РОССИИ

Личность — это продукт не только организованного, целенаправленного воспитания и сознательного саморазвития индивида, но также воспитания стихийного, воздействия той среды, которая его окружает, в которой он живет и действует. Оптимальный ва-

риант, когда все три названных фактора присутствуют, когда их векторы в основном совпадают, когда силы их воздействия примерно одинаковы, взаимодополняют и корректируют друг друга. В этом случае индивид чувствует себя наиболее равновесно, комфортно, а развитие личности идет наиболее успешно.

Однако в реальной жизни баланс названных сил (факторов) зачастую нарушается. Далеко не каждый человек ставит серьезные задачи саморазвития, самовоспитания и настойчиво стремится к их осуществлению. По-разному (в зависимости от типа общества и взглядов на роль воспитания) влияет на человека и система внешнего целенаправленного воздействия. В разной мере (в зависимости от степени включенности, глубины погруженности индивида в систему общественных отношений) влияет на него и социальная среда. Применительно к конкретному человеку обычно какой-то из трех факторов превалирует. В любом случае, индивид в той мере, в какой он сознает смысл своей жизни, ее ценности, цели и задачи, пути и способы их достижения, противостоит воздействию среды и организованного воспитания, тем более когда это воздействие не отвечает его представлениям и устремлениям. Хотя, как правило, он избирательно принимает то влияние, которое оказывают на него система организованного воспитания, ибо понимает, что она призвана **помочь** ему в становлении и развитии, в том числе нейтрализовать негативное воздействие внешней среды.

Ныне в российском обществе сложилась противоестественная, парадоксальная и чрезвычайно опасная социально-педагогическая ситуация. Прежняя, советская система воспитания, разрушена, что с точки зрения ее содержания, многих форм и методов естественно и необходимо. Однако новая — не создана. Но вовсе не только потому, что на это не хватило времени. Воспитание по совершенно не объясненным обществу причинам оказалось, по сути дела, под **государственным запретом**. Затеяв глобальную, революционную по своему характеру перемену, идеологи реформ вывели за скобки этой перемены «нечто» главное, без чего эта перемена никогда не сможет состояться, — человека, освободили себя от обязанности думать и знать, каким он должен стать и быть в результате этой перемены, как пробудить в нем мысль, энергию

и силу, необходимые для совершения этой глобальной и радикальной перемены, как помочь ему выжить и устоять, как минимум не деградировать, а по возможности развиваться и совершенствоваться в условиях экономической разрухи, разброда и шатания всего и вся.

Чтобы понять, в каком сложнейшем, **беспрецедентном** в истории положении оказался российский человек, российский народ и российское общество в результате и в ходе тех перемен, которые начались в 1985 году и продолжаются по сей день в нарастающих масштабах и глубине, эту ситуацию надо специально и хотя бы схематично описать. Смысл происходящего в России ни в коей мере не исчерпывается словом «реформа», тем более «реформа экономическая». Пользуясь традиционными понятиями, можно сказать, что перемена носит формационный характер, то есть одна форма социально-экономического и общественно-политического устройства прежней России заменяется на новую, прямо противоположную. Практически полностью и одновременно вымешиваются, а не просто изменяются («реформируются») как старый тип материального производства, так и прежний тип производства духовного. В сфере экономики и материального производства ломка происходит в основном — введена частная собственность, приватизируется собственность государственная, развиваются рыночные отношения, возникают мизерно малый слой хозяев-собственников («эксплуататоров») и класс неимущих, наемных работников («эксплуатируемых») и т. п. Для данного исследования принципиально важно подчеркнуть, что все эти процессы и новые явления естественно привели и автоматически ведут к новым тектоническим сдвигам в сознании и психологии как отдельного человека, так и всех социальных и возрастных слоев и групп, всего народа. Высшая мера сложности, многослойность, крайняя противоречивость и быстрота происходящих процессов сделали их во многом необъяснимыми, непрогнозируемыми и, как следствие, в огромной степени непонятными, неуправляемыми; они приобрели в основном стихийный характер. При этом многие перемены на практике (развал СССР, ваучеризация, возникновение мизерной по численности, но чрезвычайно богатой и уже влиятельной прослойки и т. п.) произошли столь внезапно и бы-

стро, что до сих пор не нашли полного отражения в массовом сознании, которое явно отстает от этих перемен. В определенном смысле значительная часть населения все еще грезит себя живущей в СССР, которого нет, мыслит понятиями «народное хозяйство», «народная собственность», «трудовой коллектив» и т. п., которые уже не имеют смысла, апеллирует к обществу, которое существует только в воображении, но которого нет в реальности, требует помощи и защиты от государства, которое только становится на ноги, само бессильно и беспомощно и т. д. Разрыв между темпами перемен на практике и перемен в сознании крайне опасен, ибо ведет к накоплению той критической массы незнания и непонимания, которая при осознании происшедшего ведет к массовому возмущению и социальному взрыву. Это тем более вероятно, так как:

а) по предварительным данным, в итоге «ударной» пятилетки реформ 1991–1995 годов от российской экономики к 1996 году останется около половины по сравнению с 1990 годом. Объем промышленного производства снизится более чем в 2 раза, а объем производства продукции машиностроения уменьшится в 3–4 раза. Налицо тенденция **деиндустриализации страны**. Россия относится сегодня к странам среднего уровня развития и находится примерно на 55-м месте в мире. По данным ЮНИДО, производительность труда, о которой в стране просто перестали говорить, в России в пять раз ниже, чем в США. Это значит, что страна уже находится в группе государств «третьего мира», но и там не попадает хотя бы в первую десятку. Налицо тенденция дальнейшего увеличения разрыва уровня развития России и передовых стран. Результат: **экономическая разруха**;

б) в других сферах «реформа» также пока свелась в основном к разрушению. При сомнительных достижениях она обрушила на народ множество негативных явлений: падение уровня жизни; рост преступности, коррупции, бюрократизма; распад государства и государственности, вертикальных управлеченческих связей, экономических и межличностных отношений; борьбу ветвей власти и внутривластных структур; войны и конфликты между народами, вчера считавшими друг друга братскими; упадок культуры, образования, науки, здравоохранения и т. д. Результат: **дезинтеграция**,

диссоциация, распад общества, хаос и смута с сохранением тенденций в сторону их углубления;

в) сознательная стихийность преобразований в экономической сфере привела к недопустимо большому разрыву в уровнях доходов и благосостояния ничтожно малой группы так называемых новых русских и большинства населения России, уделом которого стали бедность и нищета. Децильный коэффициент (отношение 10% населения с наивысшими доходами к 10% людей с наименьшими доходами), который в 1989 году составлял 4:1, сегодня, по многим оценкам, возрос до соотношения 30:1 и более. В руках наиболее богатой прослойки населения России (примерно 0,5%) сосредоточено более трети всех доходов. Между тем, согласно мировой науке и практике, соотношение 10:1 уже означает достижение предельного уровня социальной несправедливости и, как правило, ведет к различного рода социальным взрывам. Результат: диссоциация (распад, «атомизация»), дестабилизация общества, огромная и увеличивающаяся **социальная напряженность**;

г) именно растущая социальная напряженность стала «козырной картой», которая разыгрывается различными политическими партиями и движениями в их борьбе за власть и голоса избирателей, ведущейся под флагом демократии. В той или иной мере практически все эти силы оказались азартно (кто тайно, а кто открыто) заинтересованными в дальнейшем росте социальной напряженности. Негласно стал действовать девиз «чем хуже, тем лучше». Результат: **идея демократии скомпрометирована** в глазах народа, он разочарован в демократах и демократии, которая для большинства ныне ассоциируется с хаосом и разрушой;

д) идеологические, экономические, социальные и политические перемены потрясли сознание и нравственность народа, спровоцировали быстрое нарастание бездуховности. Результат: скомпрометировано несомненное достижение перестройки и «реформ» — **свобода**. В свете всего происходящего и ее ценность для большинства утратила истинный смысл. Все, что в условиях свободы должно было возвыситься, то понизилось и упало, что должно было улучшиться, ухудшилось и ухудшается. Наблюдаются массовое бегство от свободы. Свобода «развивается» в сторону своееволия, эгоизма и тирании (в отношении населения и об-

щества) в самых различных формах (расстрел парламента, разгул преступности, правовой беспредел и т. п.). При огромном числе освободителей и миллионах освобожденных все меньше свободных, все больше порабощаемых;

е) вся совокупность негативных социально-экономических и политических процессов не могла не сказаться отрицательно на психике и физическом здоровье людей, мотивации в их трудовой и бытовой жизни. Комплексным показателем стало нарастающее превышение смертности над рождаемостью, а также быстрое увеличение психических заболеваний. Очевидной стала тенденция **депопуляции** (сокращение населения страны — до миллиона ежегодно), падения интеллектуального потенциала нации;

ж) закономерно уже наступила пора **реакции** на произошедшие перемены, которая несет в себе возможность реставрации прошлого. Поскольку эти перемены предельно масштабны, глубоки и в основном негативны, реакция на них чрезвычайно масштабна, сильна и носит в основном отрицательный характер. При этом даже крайним «реакционерам» очевидно, что и при огромном желании полная реставрация прошлого невозможна. Речь идет не о «волне», а о «полуволне» или «четверть волне» отката, что в конечном счете может привести к возможности смешения вновь народившихся принципов и форм экономической и общественной жизни с элементами старого (планирование, регулирование, контроль, ограничение разнообразия в пользу однообразия и т. п.). Насколько остро и как долго будет протекать реакция, сегодня можно только предполагать. Если перемены будут идти в том же русле с тенденцией к ухудшению, то это покажет ближайшее будущее.

Обобщая сказанное, нынешнее состояние российского общества можно оценить однозначно: **деградация нации**. Этот процесс начался давно. Некоторые политические силы и сегодня считают его мифом, политической спекуляцией, но это реальная опасность, которая должна встревожить все общество. Среди исследователей споры идут не о самом явлении (оно считается несомненным фактом), а лишь о том, на какой стадии развития находится процесс деградации: одни считают, что он уже необратим, другие — что нация еще не утратила способности к регенерации.

На вырождение нации «работают» многие факторы: экологический, экономический, социальный, демографический. Нет нужды приводить обширные выкладки в доказательство того, что на каждом из названных направлений сложилось критическое, катастрофическое положение: по этому поводу существуют специальные доклады, опубликовано множество книг и статей. Обозначим лишь общие тенденции.

Экологический кризис носит широкомасштабный характер и имеет ярко выраженную тенденцию к расширению и углублению. Установлено, что в течение 20 лет экологическая ситуация обострится еще в 35 регионах.

Демографический кризис. Резко упала рождаемость, намного сократилась продолжительность жизни, выросла смертность, и прежде всего младенческая смертность. Население России страдает, нация вымирает. Если тенденция сохранится, то численность РФ через 50 лет сократится вдвое.

Социальный кризис проявляется в разрушении систем образования, воспитания, социального обеспечения, здравоохранения и т. п., в нарастании массовой безработицы, в появлении миллионов беженцев, сотен тысяч бездомных, профессиональных нищих, разгуле преступности, пьянстве, алкоголизме, наркомании и проституции, а в конечном счете в катастрофически быстрым деклассировании и люмпенизации основной массы населения, и прежде всего — за счет молодежи. В 1994 году этот процесс принял тотальный характер. Вследствие экономической разрухи для огромной массы людей стоит и, по крайней мере, в ближайшем будущем будет стоять вопрос: как выжить физиологически? Вопрос о воспроизводстве человека как духовной субстанции стал второстепенным.

Экономический кризис — главный фактор кризиса экологического, демографического, социального и ускорения деградации нации. Без эффективной экономики нет сильной социальной и демографической политики, нет экологии. Следствием экономического кризиса (и в то же время предпосылкой его углубления) служит духовно-нравственный кризис. **Духовно-нравственный кризис** является основной характеристикой той социально-педагогической ситуации, которая сложилась в нынешней России и

которая в данном случае интересует нас прежде всего. Рассмотрим эту проблему подробнее.

Хорошо известно, что любое общество может эффективно функционировать и тем более развиваться, когда в его социальном организме представлены оба вида производства — материальное и духовное. Огромное, по мнению многих, решающее значение для поддержания общественного процесса имеет производственная практика.

Однако не менее важен и другой вид практики. Это — деятельность людей, направленная на изменение, преобразование, совершенствование самого человека и общественного организма. Такая практика в широком смысле слова представляет собой **духовное производство**. То есть процесс творения, развития и функционирования идей, знаний, представлений, художественных ценностей, которым «дышат» (лат. *spiritus* — дыхание, дуновение) и благодаря которым человек и общество могут жить.

Благополучно то общество, где представлены и развиваются оба вида производства — материальное и духовное; когда между ними устанавливается оптимальное соотношение, когда в духовном производстве складывается гармония между самими производителями духовных ценностей (философия, наука, литература, искусство) и их трансляторами — образованием и воспитанием.

Гибель советской системы при всей легкости, с которой большинство людей расстались с идеалами социализма, обернулась для большинства духовным вакуумом, исчезновением тех (пусть во многом ущербных и утопических) духовных и нравственных основ, которые придавали жизни некую осмысленность, возвышали ее. Распад СССР как единой и могучей страны еще более усилил душевный и умственный разлад. Превращение России из супердержавы в нищую страну нанесло страшный удар по национальной гордости, патриотическим и гражданским чувствам.

Старые ценности разрушены, новые (свобода, демократия, частная собственность, рынок и др.) скомпрометированы. Однако вопрос: «Ради чего живу?» — остался. Если нет высоких идей и целей, их замещают низкие и низменные. Именно они и хлынули потоком в образовавшиеся пустоты души и ума. И было бы ошибкой принимать происходящее за естественный переход общества

от коллектivistской (социалистической) системы ценностей к другой — индивидуалистической (капиталистической). Хотя, в принципе, ясно, что смена ценностей неизбежна, совершенно неизвестно, куда идет Россия, какие ценности поставлены во главу угла этого движения. В результате вместо естественного развития индивидуальности в человеке мы наблюдаем дикий взрыв индивидуализма в его крайних выражениях — нетерпимость, эгоизм, цинизм, насилие, агрессивность. Усиление социальной напряженности, резкое падение уровня жизни и низкое ее качество послужили источником роста озлобленности и отчаяния, различного рода страхов, нравственного надлома людей. Следствие — увеличение разводов, числа брошенных детей и их жестокое избиение, отказ от новорожденных и рост числа их убийств, увеличение рождения детей малолетними матерями, распространение проституции. Только в Москве свыше 200 нелегальных публичных домов. Школьницы считают проституцию одной из самых престижных «работ». Возник и быстро нарастает феномен аморальности и бездуховности.

Углубляя и расширяя границы, **бездуховность** находит свое выражение в циничном осмейании и отрицании радикал-«реформаторами», частью молодежи, а за ними — и частью народа всего, что было создано предыдущими поколениями; в негативном отношении к истории, культуре, традициям своего Отечества, в пренебрежении всем русским, российским; в преклонении перед Западом и западным (антипатриотизм); в подозрительном и даже враждебном отношении к другим народам и людям иной национальности (национализм, шовинизм); в потере смысла деятельности и просто существования (диссоциативность) и т. д. Способом достижения человеком социальной стабильности в разорванном мире становится рецидив возникновения «двойной» морали, которая предполагает для молодого (впрочем, и не только молодого) человека принятие и освоение одних ценностей и норм для публичного потребления и других — для личностного. Поскольку опорой сегодня для большинства стала частная жизнь и ближайшее окружение, то в этом маленьком мире «работают» одни нормы и ценности — в основном оберегающие, охраняющие. Здесь ценные любовь, добрые отношения, честность, порядочность и т. п. Во

внешнем, большом и «враждебном» мире действуют «волчьи» законы: здесь ценные прежде всего умение отстоять свои интересы, добиться поставленной цели любыми путями и средствами. Опасность заключается в том, что процесс этот длится уже десять лет и неведомо, сколько будет длиться еще. А это значит, что уже нынешние дети и молодежь могут принять существующее положение вещей — образ мыслей и поведения — **за должное**, а будущие поколения, не знающие, «как было» и как быть должно, станут считать их **единственно** нормальными.

Бездуховность уже обрела черты общенационального бедствия, ядром и воплощением которого является **агрессивное невежество**, захватившее не только большинство народа, но все эшелоны всех ветвей власти. Будучи конкретно-историческим социокультурным явлением, невежество проявляется во многих отношениях.

Во-первых, в **неспособности охватить умом, объяснить и понять** все многообразие, многослойность и сложность происходящих в обществе процессов, различить цели, средства и результат, причины и следствия, прогнозировать хотя бы ближайшее будущее, сопровождаемые одновременным и поголовным требованием быстрых успехов в экономике, демократии и т. п. Отсюда обещания за год покончить с инфляцией при падении производства, за два-три года поднять разрушенную экономику и т. п. В общем говоря, отсюда ложь, самообман, политический авантюризм.

Во-вторых, в **тотальном подавлении интеллекта** и творчества. Отсюда — пренебрежительное отношение к знаниям, науке и образованию, интеллигенции, отечественным ученым и отечественному опыту. Отсюда массовое стремление зачастую авантюристов и откровенно бездарных людей в «депутаты», в органы исполнительной власти; отсюда формирование государственного аппарата всех уровней нередко из недоучек, непрофессионалов и просто жуликов. Отсюда (как следствие) «возрождение» в России супербюрократизма и тотальной коррупции; отсюда атмосфера всеобщего холуйтства, возвеличения всех, кто сегодня имеет деньги, власть и силу. В-третьих, невежество проявляется в **негативных стилях экономического поведения**, свидетельствующего о низкой экономической культуре основной массы предпринимательского

слоя, в частности так называемых «новых русских». Сегодня абсолютно доминируют три основных стиля:

а) **стяжательский**, в котором акцент делается не на сохранение и экономию средств с целью их рационального вложения в расширение «дела», тем более производства, а на неограниченное личное накопление и стремление к максимальному комфорту жизни;

б) **эксплуатирующий**, грубее сказать, бандитский, когда торжествует девиз «Что мне нужно, я отбираю у другого». Здесь це-нится только сила, а порядочность, сомнение и размыщление — признак слабости. Рациональному ведению хозяйства противостоят эксплуатация, грабеж, рэкет, касается это отдельного человека или государства, кражи автомобилей или национальных ре-сурсов;

в) **торгово-меновый**, смысл которого известен с древнейших времен: купить подешевле, продать подороже. Здесь действует принцип «Не обманешь — не продашь, не продашь — не заработаешь».

Все это **донравственные** стили экономического поведения. Рассчитывать на то, что «новые русские» быстро освоят другие, цивилизованные стили — сберегающий (накопительный), обме-нивающий стиль, основанный на этике «услуги» и т. п., — наивно. Скорее, они будут рваться к власти, чтобы закрепить существую-щее в стране положение и тем защитить свои капиталы.

В-четвертых, невежество проявляется в **мифологизации и фе-тишизации массового сознания**. Только наивностью, доверчи-востью, огромной внушаемостью и предрасположенностью рос-сийского народа к творению, поглощению и распространению различного рода мифов можно объяснить многие феномены, не-возможные ни в какой другой стране: «рыночная экономика — единственный путь к всеобщему благоденствию», «МВФ нам по-может», «у России в мире больше нет врагов, а только друзья и со-юзники», «получив „ваучер“ ценой в 10 тысяч рублей, вы станови-тесь собственником» и т. п. Только в России возможны «МММ», «Тибеты» и подобные фантомы.

В-пятых, массовое невежество проявляется в **мазохистском уничтожении собственной страны**, ее истории, науки, культуры. Перестройка и «реформы» в России вторично в XX веке явили собой миру еще один научный факт, свидетельствующий о том, что

не только в индивидуальных переживаниях отдельных личностей (это доказано), но и в психике целых народов существует стремление к смерти, к самоуничтожению. Нам жилось не так, как хотелось бы. Мы решили построить земной «рыночный» рай. Но оказалось, что и в земной рай не пускают «живых», там место только «мертвым». Значит, решили мы, надо умереть, убить себя — народ, страну. И мы решились. И вот — почти мертвые. Но рай на земле в очередной раз обернулся адом.

В-шестых, агрессивное невежество проявляется в **пренебрежительном отношении к российской культуре**. Приняв на себя удар «реформ», культура и сегодня выступает как самостоятельная сила, противостоящая разрушению и распаду. Однако прошедшая резкая смена ценностных ориентаций, укорененных в сознании нескольких поколений людей, сопровождается утратой целостности отечественной культуры, разрывом и даже противостоянием различных типов культур, существующих в современном российском обществе. Более всего страдает система культурного и художественного воспитания и образования молодежи. Так, исчезает целая система детских и юношеских библиотек, кинотеатров, клубов, молодежных издательств, редакций радио, телевидения и т. п. Снижается посещаемость театров, филармоний, библиотек, музеев, выставочных залов, сокращается режим их работы в основном за счет мероприятий для детей. Происходит постепенное «сворачивание» системы социальных институтов, способствующих культурной адаптации молодого поколения. Продолжают разрушаться каналы, по которым происходит передача культурных ценностей новым поколениям. Идет принудительное отчуждение широких масс молодежи от ценностей мировой и отечественной культуры. Информационно-культурное пространство, которое окружает сегодня молодого человека, насыщено пропагандой утилитарных ценностей потребительского общества, где агрессия и насилие выступают как «законные» средства достижения целей. Героем нашего времени выставляется «негативный лидер» — эгоистичный, циничный, но преуспевающий и добивающийся успеха, не считаясь со средствами.

В структуре молодежной культуры и досуга преобладают пассивно-созерцательные типы времяпрепровождения: просмотр

телепередач, чтение газет и журналов, посещение видеосалонов, кинотеатров, а также чисто «восстановительные» — занятия спортом, туризмом, загородные прогулки, посещение дискотек и развлекательных программ, общение с друзьями, посещение кафе. Творческо-созидательные формы (участие в самодеятельном художественном, техническом и прикладном творчестве, любительской деятельности, участие в общественно-политических и социально-культурных движениях и инициативах) занимают последнее место.

В-седьмых, массовое невежество проявляется **в религизации и мистификации** общественного процесса. В условиях свободы, в том числе свободы совести и вероисповеданий, одной из центральных в России стала идея русского религиозного возрождения. С точки зрения восстановления религии в своих правах это процесс, безусловно, позитивный. Однако наивно полагать, что религия может стать духовным пастырем народа.

Реальную опасность для личности, тем более формирующуюся, сегодня представляет беспрецедентное в истории России распространение всевозможных мистических учений, движений и культов. Волна неомистицизма (как и богоискательства) также является реакцией на духовный вакуум, образовавшийся в обществе, стремление заполнить его суррогатом мнимых ценностей. Неомистицизм ориентирован на людей, испытывающих глубокое нравственное, мировоззренческое, социальное, политическое разочарование в нынешней российской действительности («бездомность»). Особая привлекательность мистических движений и культов в отличие от религии, в которой сверхъестественное начало (Бог) всегда господствует над человеком и которая обещает счастье по ту сторону жизни, основана на вере в сверхъестественные силы самого человека.

Основной контингент приверженцев нетрадиционных культов составляет молодежь. Миссионерская деятельность неомистиков ориентируется на все категории, но прежде всего — на школьную и студенческую. Ищущие ответа на вопросы бытия, душевно надломленные молодые люди становятся главным объектом проповедников неомистицизма, которые умело используют усиление общего кризиса российского общества, рост безработицы, которая

все больше затрагивает молодежь, в особенности выпускников институтов. В ряде общин огромное значение придается специальной психологической обработке верующих, которая представляет собой целенаправленное «промывание мозгов» и приводит к полной перестройке психики, превращающей их в беспрекословных исполнителей чужой воли.

Духовный кризис усугубляется тем, что и без того высшая мера сложности происходящего еще более усложняется тем, что «информационная» перемена сопровождается попыткой превратить ее в перемену **цивилизационную**. О том, что Россия — это особая субцивилизация, цивилизация, давно стоящая в одном ряду с другими цивилизациями, сегодня мало кто спорит. Однако сегодня в очередной раз радикальными «демократами» (они же оголтелые «западники») поставлен вопрос о том, что российская цивилизация — это цивилизация якобы отсталая, «догоняющая», что она ведет в «тупик истории» и т. п.

«Западизация» (в основном американизация) России происходит явочно-насильственным путем, как своего рода «культурное сопровождение» экономического проекта по приватизации, внедрению рыночных отношений, формированию класса собственников. Наряду с определенными положительными результатами это приносит в жизнь российского общества массу негативного. Часть прозападно ориентированного населения, по преимуществу молодежь, тем не менее, приветствует процесс вестернизации. Часть протестует. Большинство, ничего не понимая в происходящем, безмолвствует. Но раскол общества происходит и по этой линии, усугубляя и без того сложную ситуацию. Между тем вестернизация России, и прежде всего молодежи, усиливается. Исследователи этого процесса считают сомнительным, что россияне смогут адаптировать гражданские и демократические ценности западного мира, сохранив при этом лучшие черты своего менталитета и национального характера. Вероятней, что платой за переход к «капитализму» будет эрозия, а то и утрата национальной культуры.

Таким образом, вследствие производимых ускоренных перемен в нынешней России сложилась общественная ситуация, которая характеризуется высшей степенью разупорядоченности, неустойчивости, разнообразия, неравновесности, нелинейности

соотношений между явлениями и процессами. Страна находится в точке (на этапе) перелома (перехода) из одного состояния в другое, когда ни один серьезный исследователь не возьмется утверждать, в каком направлении пойдет дальнейшее развитие: станет ли нарастать хаос и катастрофичность, или страна перейдет на новый, более дифференцированный и более высокий, чем прежде, уровень упорядоченности, основанный на пока еще не раскрывшихся механизмах самоорганизации общественной жизни, свойственный **открытым** системам. Пока ощущение «пороховой бочки» — предельной неопределенности, неравновесности, катастрофичности и фатальности — исключительно велико, живет в массовом сознании, формируя и все усиливая ту **социально-психологическую атмосферу**, которую следует назвать **катастрофической** и которая формирует особый, **катастрофический тип сознания, панический тип поведения**: «здесь и сейчас», «любыми средствами, любой ценой» и т. п. Сегодня над всеми институтами образования и воспитания, над самим человеком возвысилась жизнь, обстоятельства и условия, которые жизнь творит по неведомому и необъяснимому замыслу. Сегодня стихия жизни ломает политические замыслы, сметает министров, премьеров и президентов, заставляет воевать еще недавно «братьские» народы, бросает в объятия друг друга вчерашних врагов, заставляет разувериться фанатиков и обрести веру вчерашних нигилистов, поверить в бога заклятых атеистов, а проповедовавших «не убий!» — брать в руки оружие и совершать тяжкий грех. Жизнь переучивает и перевоспитывает многих академиков, профессоров и учителей — тех, кто ставит цели воспитания, учит и воспитывает. Катастрофическая социально-педагогическая ситуация оказывает мощное, постоянное и особо сильное воздействие на детей и молодежь, на их не сформировавшиеся психику, сознание, чувства, волю. «Дух общества», среда обитания с их стихийными, неписанными требованиями и принципами, словно гигантский и могучий пресс, мрут и ломают, часто уродуют взгляды и принципы людей, формируя их на новый лад, зачастую помимо воли самого человека, тем более — молодого, сводя на нет усилия тех, кто пытается его воспитывать, — родителей, учителей, педагогов. Безусловно, каждый, вырабатывая свой взгляд на жизнь, определяя

линию и принципы своего поведения, в конце концов сам решает свою судьбу. Но часто он не может «выпрыгнуть» из ситуации, условий или обстоятельств, в которых оказался не по своей воле.

Условия, в которых находится ныне молодое поколение и все российское общество, надо признать **экзистенциальными**. Очевидно, что ныне первой и главной проблемой жизни стала проблема выживания, существования. Философия **выживания** стала сегодня философией жизни миллионов людей, многих организаций и предприятий. Очевидно, что пока нынешнее бытие человека и общества направлено **в никуда, в ничто** (рынок — не самоцель для общества, тем более — для человека). При этом всеми сознается неизбежная конечность этого движения «в никуда». Отсюда ощущение «пограничной ситуации» («или — или»), усиливающееся чувство катастрофичности происходящего. Отсюда лихорадочные искания и составления примитивных проектов будущего как способа выхода из неудовлетворяющего настоящего. Отсюда хватания за каждую новую надежду и нарастание отчаяния при их крушении. Отсюда, перед лицом движения «в ничто» и «в никуда», распад общества на «атомы» и «единицы», разрыв общественных и межличностных связей, которые «ничто» соединить не может. Отсюда стремление многих быть самим собой во всех жизненных ситуациях (своеволие, эгоизм) без желания видеть ограничения со стороны других, что выражается в крайних формах индивидуализма. Отсюда экстаз разрушения, рожденный абсурдностью ситуации и абсурдным сознанием абсурдного человека. Порой непонятная абсурдность, агрессивность, вандализм поведения детей и молодежи объясняются тем, что они не хотят понимать и принимать эту ситуацию, отвечать за нее, вынуждены с ней считаться, жить по ее требованиям, протестовать и бунтовать, не видя выхода.

На протяжении последних 10 лет (не говоря о всей советской истории) российское общество живет в условиях жесточайшего **психологического напряжения**. Нынешняя российская действительность во многих отношениях парадоксальна. С одной стороны, кажется, что сегодня в России никто ничего не боится: свобода такая, что позволяет думать, говорить и делать все, что хочешь. И в то же время все живут в **атмосфере страха**, парали-

зующего человека и общество. Каждый — своего, но боятся все. «Генеральный страх» исходит от бедности и нищеты, незнания, чем жить и как кормить свою семью завтра, от угрозы возможностей экологических катастроф, «гражданской войны», неопределенности и непредсказуемости всей нынешней российской истории и очевидной неспособности нынешних властей России управлять ходом событий. Добавьте сюда «малые страхи», всевозможные «фобии», которым подвержены многие: кто боится русских, кто евреев и «лиц кавказской национальности», кто темноты, кто высоты и замкнутого пространства и т. п. — и мы получим социально-психологическую атмосферу, в которой люди постоянно находятся в состоянии стресса.

Это не может пройти бесследно, наносит **огромный вред здоровью** людей. По сравнению с 1990 годом общая численность больных, получающих психиатрическую помощь, увеличилась к 1995 году в 3,7 раза. В настоящее время этот контингент составляет почти 6,5 млн человек, или 4,4% населения страны. В пограничном состоянии находятся еще 15–20 млн человек, в большинстве — это дети и молодежь. Подростковый возраст представляет собой критический период для психопатий. Психологическое состояние молодого поколения несет на себе черты **массовой невротизации и психопатизации**, что понимается как пограничное состояние личности между психической нормой и психическими заболеваниями. Около двух миллионов детей страдают психическими заболеваниями. По данным московских психиатров, из каждой тысячи несовершеннолетних 250 нуждаются в помощи невропатолога или психотерапевта. Допустимой нормой считается, если число психически больных в стране не превышает 1% всего населения. Рост этого показателя означает угрозу **вырождения нации** из-за разрушения генофонда и утраты интеллектуального потенциала. В нынешней России этот показатель в 4,5 раза выше нормы. Отмечается, что для молодого поколения России 90-х годов характерны узость и дальнейшее сужение интеллектуальных интересов, снижение интеллектуальной активности.

Действия общества вновь, как это было в 30-е годы в СССР, приобрели явные черты **иррациональности**. Сознание и душа нации глубоко больны. Признаться в этом народ, как всегда, не за-

хочет, точнее, не сможет: больной мозг сам себя не сознает. Между тем душевная болезнь общества, помутнение и извращение его сознания — главное в той катастрофе, которую мы наблюдаем и жертвой которой являемся. Новые лозунги, идеи, мифы, догмы, политические цели и принципы, предсказания колдунов, «психотерапевтов», астрологов, проповеди заокеанских радетелей о нравственной чистоте российской души, криминальная хроника, демонстрация насилия, жестокости и пошлости с телеэкрана — все это вдалбливается в больные головы и души, образуя в них отравленную и взрывоопасную смесь, которая вовсе не побуждает к созиданию, а, наоборот, провоцирует обвал агрессивности и разрушительных настроений.

Все вышесказанное означает, что наряду с известными задачами в экономической, политической и социальной областях сегодня чрезвычайно важной является задача **педагогизации** всей общественной жизни, то есть возвышения роли образования, обучения и воспитания. Задача воспитания, пока социально-экономическое положение в стране крайне неблагоприятно и ухудшается, состоит в том, чтобы помочь взрослым и молодежи выжить, **учить** их выживанию в **экстремальных** условиях, не ожидать пассивно наступления лучших времен, а учиться выживать через действие, через активное сопротивление обстоятельствам, через саморазвитие и изменение этих обстоятельств в свою пользу. Российская педагогика должна стать **педагогикой жизнетворчества**, формировать **культуру жизнеспособности**, человека-творца, проектировщика собственной жизни, субъекта социально-исторического творчества. В этом смысле ориентиром для молодежной политики должен стать закон возвышения и одухотворения целей жизни новых поколений.

Необходимо резко усилить внимание общества и государства к сфере духовного производства и всем ее «отраслям»: философии, науке, литературе, искусству, образованию и, в частности, воспитанию, которое является предметом нашего исследования. Дело в том, что поднять из руин духовное производство невозможно в один момент, а тем более начать производить новые ценности. И что значит — «новые»? Есть ценности вечные, универсальные, на которых прежде всего держится мир и жизнь. Их несет

к новым поколениям система российского образования. Система же российского воспитания практически «выключена» из духовного производства, как вода из крана. Выключена сознательно. И, стало быть, столь же сознательно ее надо «включить». Безусловно, силу воспитания не надо абсолютизировать. Воспитание идет рядом с образованием, но есть свойства и качества личности, которые можно обрести прежде всего и только через воспитание: волю, характер, активность и т. п.

ОСНОВНЫЕ ПРИЧИНЫ ВОЗРАСТАНИЯ РОЛИ ВОСПИТАНИЯ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Существует немало причин, вследствие которых необходимо повышать роль воспитания в современном российском обществе. Отметим те из них, которые, на наш взгляд, являются основными.

1. ОШИБКИ В ОПРЕДЕЛЕНИИ СООТНОШЕНИЯ ОБУЧЕНИЯ И ВОСПИТАНИЯ

Мировой педагогический опыт убеждает, что решающее значение в становлении, социализации личности имеет образование, понимаемое как единство обучения и воспитания, а не воспитание само по себе. Чтобы воспитывать, надо знать, как это делать. Знание — продукт духовного производства и основа воспитательного процесса. Система образования — ретранслятор знаний. В преодолении феномена бездуховности «первую скрипку» должно сыграть образование в целом. Это несомненно.

Особенностью традиционной педагогической практики является разграничение обучения и воспитания. В советский период также говорилось о единстве обучения и воспитания, хотя на самом деле роль воспитания гипертрофировалась, абсолютизировалась, возвышалась над обучением, можно сказать, противопоставлялась ему. Нынешняя коренная трансформация российского общества предполагает реформу существовавшей системы обра-

зования. Она, естественно, не может оставаться в прежнем виде. Воспитание должно было занять соответствующую ему роль. Изменения должны были произойти в понимании его сущности, целей, принципов, форм и методов и т. п., то есть его следовало осуществлять на основе новой философии, новой концепции. В новом виде должна была предстать и система воспитания.

Случилось, однако так, как обычно бывает в России: из одной крайности шарахнулись в другую. В 1992 году Верховный Совет РФ принял закон «Об образовании», в котором был продемонстрирован тотальный отход от советской политической традиции по всем направлениям. Пересмотрена традиция чрезмерной опеки над школой из Москвы: директор школы, учитель и родители стали ответственными за расстановку акцентов в школьной программе и выбор необходимой педагогической системы, что было названо «демократизацией образования». Школьные программы были переформулированы таким образом, чтобы отвечать потребностям каждого ребенка. Это было названо «гуманистизацией учебного процесса». И так далее.

Принятие закона РФ «Об образовании» означало полный пересмотр существовавшей прежде концепции воспитания детей и молодежи. В той части, которая была связана с отрицанием программирования «нового» человека, мировоззренческой, материалистической односторонности, коммунистической, марксистско-ленинской идеологической заданности задач воспитания, жесткой регламентации учебных программ и планов, чрезмерной опеки за учебно-воспитательным процессом из центра и т. п., этот шаг был оправданным, необходимым, безусловно прогрессивным. Однако крайний радикализм, порожденный стремлением разом покончить с коммунистическим прошлым, привел к тому, что старый механизм социализации молодых и новых поколений был разрушен, а новый так и не создан. Роль образования теоретически была как бы возвыщена, а роль воспитания была неправомерно и недопустимо занижена. Из нормативных государственных документов (Минобразования, Госкомвуза и др.) категория «воспитание» и вся связанная с ней терминология были изъяты. Распространен взгляд на воспитание как на дополнительное образование, хотя даже исторически понятие «воспитание», появившееся на самых

ранних стадиях существования человека, гораздо старше понятия «образование», возникшего вместе с цивилизациями. Воспитательная деятельность, таким образом, оказалась «спрятанной», за-капсулированной в сугубо обучающие и просвещдающие программы, что ошибочно в принципе, а тем более в нынешних реалиях российского общества. Согласно новым законам и распоряжениям государственных инстанций задачу воспитания практически сбросили со своих плеч общеобразовательная и профессиональная школа, высшие учебные заведения, дошкольные, внешкольные заведения, армия и т. п. Воспитательная функция образования (особенно профессионального и высшего) уменьшилась из-за увеличения доли специальных предметов. Обострились воспитательные проблемы самого образования в школах, вузах, других учебных заведениях. Среди школьников и студентов возросли мировоззренческая индифферентность, анархические настроения, пассивность, нежелание принимать участие в общественной работе, организованных формах школьной и студенческой самодеятельности. Армия из воспитательного института, учившего патриотизму, гражданственности, долгу, чести и дисциплине, во многом превратилась в рассадник негативных настроений. Молодежные организации в подавляющем большинстве не ставят перед собой воспитательных задач, а те, которые берут на себя эту обязанность, по многим причинам не могут ее выполнить. Вследствие недооценки воспитания в интересах развития молодых поколений не используется огромный опыт многих миллионов людей, способных помочь детям и молодежи, находящейся в состоянии ценностного (духовного, морального и др.) выбора. Законсервирован дея-тельностный аспект воспитания.

В результате атаки на воспитание, которая продолжается, в России ныне отсутствуют какая-либо принятая обществом идеология, концепция воспитания. Главным воспитателем стала стихия социальной среды с ее духовными, нравственными, экономическими, социальными, политическими и другими катастрофами, которые формируют катастрофическое сознание, панический, агрессивный тип поведения.

Случилось нечто более абсурдное, чем было при советской си-стеме: обучение, которое несколько прижалось ранее, теперь

стало не просто доминировать, а «проглотило» воспитание. Вместо понятия «воспитание» часто употребляется термин «формирование», который, однако, является гораздо более жестким по смыслу, чем «воспитание»; «адаптация», то есть приспособление молодежи к существующим жизненным условиям и среде. Проблема адаптации, конечно, существует. Дело, однако, не только в том, чтобы человек научился приспосабливаться. В условиях крайне негативной социальной среды, при отсутствии официально декларируемых норм поведения и допустимых способов достижения личностью своих целей, санкций за их нарушение — одним словом, при отсутствии социального контроля адаптация приводит к подчинению личности среде, пассивному восприятию ею действительности, к уходу от жизни как следствию неприятия этой действительности или разного рода видам отклоняющегося поведения (преступность, проституция и т. п.).

Случилось нечто страшное: полностью отпустив «вожжи» воспитания, общество позволило вырваться из человеческой натуры всей сумме врожденно присущих ей животных инстинктов, внутренне порочных начал, позволило социальной среде превратиться в матрицу, которая стихийно лепит в основном одинаково безобразные, агрессивные, завистливые, властолюбивые, эгоистичные, аморальные типы «деловых» и богатых людей, с одной стороны, и одинаково покорных обстоятельствам и своей судьбе, растерянных бедняков, которые бездумно принимают произвол за неизбежный момент начала ожидаемого ими счастливого будущего. Абсурд. Человек был и остается продуктом исторической эволюции в органическом соединении трех ведущих начал: 1) врожденных механизмов, 2) социальных условий, 3) сознательного, направленного образования — обучения и воспитания, включающих саморазвитие по всем трем направлениям.

Чтобы избежать слова «воспитание», сегодня многие говорят «социализация». Это понятие само по себе не может вызывать никаких возражений. Социализация — процесс усвоения индивидом социального опыта, что предполагает его включение в систему общественных отношений и самостоятельное воспроизведение этих отношений. Среди факторов социализации — образование как ретранслятор всей культуры человечества, заключенной в знании,

влияние среды и непосредственного окружения индивида; активность личности, проявляющаяся в избирательном отношении к ближайшему окружению, к выбору ценностей и норм жизни, к педагогическому воздействию, самовоспитанию и саморегулированию своего поведения; и, наконец, целенаправленные усилия общества и его различных институтов по формированию личности, отвечающей по своим качествам тем ценностям и нормам, которые исповедует это общество, что и означает «воспитание» в одном из его основных определений. «Спрятав» воспитание в гораздо более широкое понятие «социализация», авторы этой теоретической уловки как бы покончили с «проклятым прошлым эпохи коммунистического воспитания», быть может, по их мнению, совершили гражданский подвиг. А на самом деле — грубую ошибку.

Воспитательный процесс в России, несмотря на существующие законы, указы и распоряжения государственных инспекций, не остановился. Более того, в то время как большинство социальных институтовбросили с себя «тяжкий крест воспитания», **фантastically возросла, например, воспитательная роль средств массовой информации**. Эта функция и прежде у них была высока. Но в данных условиях уже просто потому, что роль всех институтов воспитания резко снизилась, роль СМИ тем самым повысилась. Однако свобода слова, которую они получили, вознесла эту роль на немыслимую высоту, придала их воздействию на умы, души и поведение детей и молодежи демоническую силу. Без сомнения, сегодня дети и молодежь в руках тех, кто делает телевидение и радиопрограммы. Все остальные социальные институты, в частности, образование, в основном вяло и чуть-чуть корректируют воздействие СМИ. Между тем именно видеопродукция и телевидение стали источниками пошлости и безвкусицы, пропаганды насилия и жестокости. Иными словами, с исчезновением специальных детских, юношеских и молодежных издательств, газет и журналов, программ на радио и телевидении воспитательное воздействие СМИ на детей и молодежь не прекратилось. Разница лишь в том, что раньше содержание публикаций, радио- и телепередач определялось в партийных и комсомольских органах, теперь это делают те, кто непосредственно руководит газетами, журналами, радио-

станциями и телепрограммами, а часто «рядовые» журналисты и ведущие программ. Что же изменилось? Содержание статей и передач. Плюрализм мнений, оценок, прогнозов. Возможность для журналистов на свой взгляд, определяемый уровнем общей культуры, нравственности, ответственности и профессионализма, **манипулировать** сознанием людей, особенно детей и молодежи. Конечно, можно говорить, что сегодня никто не занимается специально воспитанием, можно не говорить о нем вообще. На самом же деле мозги формируются, души лепятся, образцы и нормы поведения — демонстрируются, задаются: «Думать надо вот так, чувствовать и поступать — вот эдак». На практике выходит, что телевидение, радио, пресса сегодня вознеслись **над** обществом и государством. Но разве вправе они, а тем более отдельные, порой не очень умные, безнравственные журналисты, воспитывать детей и молодежь, а значит, программировать общество по «своему» замыслу, то есть своему образу и подобию? Разве не должны они в своей профессиональной деятельности держаться в определенных, заданных им обществом рамках? Должны. И значит, эти «правила игры», рекомендации должны быть созданы, рамки — очерчены. Не только для средств массовой информации, разумеется. Для воспитания вообще, для всей системы воспитания в частности.

Дело не в самой философии воспитания, которая предложена российскому обществу и насаждается в нем. Эта «философия» хорошо известна, она основана на философии pragmatizma. Это западная американская философия. В данном случае дело даже не в том, хороша или плоха эта философия. Уместна ли она в России именно сейчас? Нужен ли столь резкий поворот? Да, на Западе роль воспитания, тем более как целенаправленного воздействия на личность, минимизирована, хотя и там общество страдает от манипулирования сознанием людей через СМИ. Однако надо учитывать, что современный Запад — это демократические, гражданские общества, правовые государства. Россия лишь начинает двигаться в эту сторону, точнее, говорит о таких намерениях, а на самом деле движется в противоположном направлении: от свободы и демократии — в сторону авторитаризма и диктатуры, от закона и права — в правовой беспредел. И в этом отчасти виновны

те, кто снял тему и задачу воспитания с экрана государственного телевидения, газетных и журнальных полос, из научно-исследовательских планов, лишил рабочих мест сотни тысяч профессиональных воспитателей, запустил механизм уничтожения системы и инфраструктуры, материально-технической базы воспитания, что и сделано почти до конца. В угаре борьбы с коммунистической идеологией и системой воспитания, как говорится, с водой выплеснули не только «ребенка», но заодно расколотили и ванночку.

Верные в принципе, философские основы закона РФ «Об образовании» являются ошибочными в «частностях», так как не учитывают многих особенностей и специфики российской действительности, начиная с той «социальной материи», которая сформирована в прошлом, наличествует ныне и будет еще долго самовоспроизводиться, заканчивая той катастрофической социально-педагогической атмосферой, средой обитания, социально-экономической ситуацией, которые провоцируют и порождают в людях, как правило, не лучшие свойства и качества. В обществе возникло множество проблем, которые носят исключительно воспитательный характер, которые не разрешить через книжное знание, тестирование на компьютере и т. п., а только через влияние на эмоции, чувства и мораль человека, обучение его определенным правилам поведения согласно определенным ценностям и нормам на примере и с помощью воспитателя — отца, матери, учителя и педагога, если они ставят перед собой такую цель и способны выполнять эту функцию.

В школах и учебных заведениях все больше сухой рассудочности, логики, все меньше эмоций, все больше тестирующих и обучающих машин, все меньше мыслящего и чувствующего человека. Идеалом становится ученик (своего рода человек-компьютер), способный просчитывать варианты и альтернативы, но который, однако, не может главного — творить, ибо, как известно, человек — существо не просто мыслящее, а мыслящее творчески. Как всякое творчество, мышление связано с эмоциями и чувствами. Эмоции, чувства, эмоциональная сфера индивида — это особый предмет воспитания и воспитателя, в основном недоступный ни книге, ни преподавателю «чистого», тем более естественного знания.

Сегодня в огромном дефиците оказались качества личности, которые оказывают интегрирующее воздействие на сохранение связей во всех типах общностей, начиная с семьи и заканчивая государством, нацией, обществом. Это — **долг, гражданственность, патриотизм, дисциплина, ответственность, воля** и т. п.

Многие социальные институты сегодня не могут успешно осуществлять свои основные функции из-за дефицита у людей и общества именно этих и других необходимых качеств. Например, воспитательные проблемы в системе образования (низкая посещаемость, плохая дисциплина на занятиях, отсутствие интереса к знаниям, неуважение к учителям и преподавателям и т. д.) мешают ей делать главное — нести молодым людям знание, с помощью которого решаются все другие задачи, в том числе выполнение воспитательной функции. Воспитательные проблемы армии заметно снижают уровень ее боеспособности. И так далее. Сегодня не «работают» даже работа, труд, который, по определению, является великим воспитателем, ибо ныне с малых лет у человека вырабатывается мотив не на **«трудную»**, производительную деятельность, **«трудную»** (сложную) работу, а на различного рода облегченные занятия.

И еще одна принципиальная мысль: мы говорим о воспитании прежде всего детей и молодежи, но это не значит, что речь идет только о них. Зацикленность некоторых специалистов-теоретиков воспитания на детском и подростковом возрасте, их стремление свести педагогику к дидактике представляются ошибочными в научном отношении и практически. Сегодня испорчен весь российский род и, может быть, прежде всего взрослые, родители — **«отцы»**. Именно поэтому мы говорим о воспитании и в **«узком»**, и в самом широком смысле этого слова, видя в нем (наряду с образованием и обучением) выход из всеобщего расстройства и разрушения общественной жизни. То есть в известном смысле, когда речь идет о взрослой части населения, мы говорим и о ее воспитании, точнее — **перевоспитании**: осторожном, предусмотрительном воздействии на эту часть граждан с целью помочь им быстрее и легче избавиться от ложных мифов и стереотипов. К рынку надо, конечно, готовиться. Но рынок уже пришел, и масса людей вовлечена в него. По преимуществу это люди взрослые. Их тоже

надо учить и переучивать, а во многом и воспитывать. Из-за того, что этого не происходит, цивилизованный рынок, о котором мы грезим, не торопится входить в нашу жизнь, а вошедший имеет все манеры бандита и дикара.

Правильно понимать себя в окружающем мире, уметь разумно и достойно поступать — в этом нуждаются сегодня все: дети, молодые, старики, богатые и бедные. Идея непрерывного обучения и воспитания для нынешнего общества актуальна как никогда прежде. Если стихия жизни стала главным учителем и воспитателем, то мы вынуждены всю жизнь обучаться и воспитываться и, стало быть, всю жизнь должны противопоставлять стихии жизни свои пополняемые и изменяющиеся сознание и характер. Тот, кто не сумеет так жить, будет сломлен жизнью. Кто остановился, тот отстал и отступил, потерялся в хвосте. Большинство успевших нахватать денег в мутной воде общественного хаоса, как правило, уже порастратили их или потеряли из-за неумения вести дела. Сегодня действительное золото — это знание о том, как добывать золото и разумно им распоряжаться. Понимание этого уже приходит. В России уже наступает ренессанс образования, которому должно сопутствовать воспитание, в том числе воспитание тех, в чьих руках будут сосредоточиваться богатства. Нельзя допускать, чтобы богатым стал хам и злодей. Но если это все-таки происходит, государство и общество должны подумать о том, как избавить богатого, которому будут подчиняться многие бедные, от хамства и злодейских замашек. Совсем не простая, но решаемая задача, если помнить, что любой человек — прежде всего лишь человек, что природным для него является стремление к саморазвитию, а не саморазрушению, и, стало быть, «воспитатели» должны стимулировать ростки саморазвития в нужную для общества сторону.

Раскультивирование, расчеловечивание, бездуховность, безнравственность человека уже достигли той нижней отметки, за которой начинается спад государства, общества, нации. Экономические, политические и социальные перемены уперлись в человека, в народ, потенциал которых не развивается, а уничтожается. Безусловно, кризис человека и личности носит комплексный характер и может быть преодолен в результате комплекса социально-экономических, образовательных и других мер, среди которых

важное место занимает воспитание как особый, исторически обусловленный вид и направление деятельности общества и государства.

Быстрые и в основном негативные изменения в духовной и нравственной сферах российской действительности ведут к осознанию ошибки, совершенной в отношении воспитания. Однако реальные шаги по исправлению уже сложившегося положения предпринимаются пока, главным образом, в сфере школьного воспитания. В Москве и регионах России проводятся научные и научно-практические конференции по проблемам воспитания учащейся молодежи. Группа ученых Российской академии образования под руководством академика А. А. Бодалева разработала «Концепцию воспитания школьников в современных условиях» и опубликовала ее для обсуждения широкой научно-педагогической общественностью. Опыты разработки концепций воспитания предприняты Е. В. Бондаревской, В. М. Коротовым, Б. Т. Лихачевым, О. С. Газманом, З. А. Мальковой, Л. И. Новиковой и другими. Военный университет Министерства обороны подготовил проект программы патриотического воспитания молодежи. Однако перелом в отношении воспитания пока еще не произошел. Возможно, потому, что неясными остаются многие вопросы, с позиций ответов на которые только и можно рассматривать вопросы «частные», в том числе школьное и семейное, патриотическое воспитание и т. п.

2. НОВЫЕ ТРЕБОВАНИЯ К ЛИЧНОСТИ В УСЛОВИЯХ ПЕРЕХОДА К РЫНОЧНЫМ ОТНОШЕНИЯМ В ЭКОНОМИКЕ И НЕПЛАНОВОМУ РЫНКУ ТРУДА

Происходящие перемены породили множество социальных противоречий. Одно из таких острых противоречий заключается в огромном несоответствии новых требований к личности, уровню и характеру ее знаний, навыков, качеств и способностей.

В недавнем прошлом все учебные программы и учебники, учителя и преподаватели, все образовательные и воспитательные структуры исходили из принципиальных положений, свойствен-

ных плановой экономике и политической системе, жестко контролировавшей образовательную и воспитательную политику из центра. Эти положения включали: 1) отсутствие безработицы; 2) возможность принятия молодым человеком решения о будущей профессии на раннем этапе жизни, что позволяло ему планировать свою жизнь на отдаленную перспективу; 3) возможность государства предсказывать спрос на профессии; 4) жесткий контроль государства за распределением и передвижением выпускников учебных заведений, и особенно вузов, и, следовательно, возможность вполне удовлетворять спрос на кадры отраслей материального и духовного производства, в значительной степени ограничивая в то же время возможности специалиста на перемены места работы и переучивание; 5) принятие в «центре» решений о размерах зарплаты; 6) предоставление государством социальных гарантий на жилье, медицинское обслуживание и пенсии, независимо от того, какие показатели человек имел в учебе и каких успехов он достиг в своем образовании и т. д.

На этих основаниях, с этих позиций десятилетиями строилась вся жизнь, решался вопрос «кем быть? каким быть?». В сознании советского человека сформировались прочные, глубоко укоренившиеся социальные установки на относительно высокий уровень стартовых возможностей и профессиональной мобильности, которые создавали ощущение социальной стабильности, относительной уверенности в завтрашнем дне.

Переход от распределения рабочей силы из центра к конкурентному рынку труда потряс сознание людей и всего общества, не привыкших к такому образу жизни. В рыночной экономике отсутствуют те гарантии, которые существовали прежде. Теперь человек (а не государство) лично отвечает за обеспечение себя работой, теперь «человек-рабочник» — это товар, спрос на который зависит от конъюнктуры и качества самого «товара». Вопрос о том, «кем быть?», решается в конкретной ситуации на рынке труда, а вопрос «каким быть?» (в данном случае речь о качестве специалиста) зависит исключительно от самого человека и стоит для него больших затрат средств и энергии.

В противоположность прошлому, в рыночной экономике профессиональное будущее человека является **неопределенным**,

школьник и даже студент не могут начать специализацию слишком рано, не рискуя получить специальность, которая впоследствии может оказаться невостребованной в быстро меняющей свои ориентиры и свой облик неплановой экономике. Человек должен психологически готовиться к неопределенности, к возможным многократным изменениям специальности, к необходимости быстро усваивать новые навыки и выполнять различные функции, то есть быть **универсальным работником**. Главным становится не количество знаний, что само по себе, конечно, важно (это хорошо делала и советская школа), а способность решать проблемы, хорошо проявлять себя в непредвиденных, нетривиальных обстоятельствах (творчество, новаторство, энергия, активность, альтернативность мышления и т. д.). Профессиональный универсализм подразумевает в том числе способность постоянно **доучиваться и переучиваться**.

Первые опыты вхождения России в рыночные отношения показали, что успеха достигают прежде всего люди, у которых способности и таланты сочетаются со знаниями, инициативой, предпринимчивостью, активностью, деловитостью, готовностью к риску, способностью к самостоятельным решениям и быстрому приспособлению к изменяющейся обстановке, нахождению альтернатив в нестандартных, «тупиковых ситуациях», к саморегулированию своего поведения. Сегодня сама социально-экономическая и политическая ситуация «отбирает» таких людей из общей массы, стихийно «достраивает» их согласно логике жизни, создавая реальные, порой весьма привлекательные, но нередко уродливые образцы для подражания. Так, ныне формируется тип личности «делового человека». Однако нельзя отдавать этот процесс стихии, им необходимо сознательно управлять, понимая, что в известном смысле «деловой человек» — это и миллионы наемных рабочих, мелких и среднего масштаба предпринимателей, рабочей аристократии, фермеров, а не только финансовые, политические и государственные деятели, руководители культурного, спортивного бизнеса и т. п.

Новые требования, которые наступают быстро, и старые социальные установки, которые отступают медленно, породили мно-

жество проблем. Исследования и вся жизнь свидетельствуют, в частности, что большинству молодежи не хватает **инструментальных знаний, практических навыков, прагматического мышления**, позволяющих быть конкурентоспособными на рынке труда. На решение этой проблемы и нацелена прежде всего реформа образования. Новые учебные программы, новые учебники, новые образовательные стандарты, развитие негосударственного сектора образования, его регионализация и т. д. — это те позитивные перемены, которые уже очевидны.

Но те же исследования и та же жизнь говорят, что молодежи, кроме названного, не хватает **психологической и нравственной готовности** жить и трудиться в новых условиях, а также «нравственного сторожа», сберегающего личность от деформаций и деградации в условиях смуты и хаоса. Конечно, и в этой области система образования может и должна сделать многое, но было бы наивно полагать, что она может все. Здесь нужны общие, хотя бы в главном согласованные действия всех социальных институтов, которые так или иначе влияют на сознание и поведение становящейся личности. Социализация человека (в том числе образование и воспитание) — это, во-первых, подготовка не только к труду, а к жизни вообще. Во-вторых, надо иметь в виду, что образовательно-воспитательную функцию исполняют семья, армия, молодежные организации, церковь, средства массовой информации и другие социальные институты. Пока они существуют, воспитательный процесс в той или иной мере, но идет. Какова его эффективность — другой вопрос. Проблема даже не в том, что, действуя разнонаправленно в условиях отсутствия единой концепции воспитания, все эти институты ставят юношу, молодого человека перед свободным выбором, дают им альтернативу. Это хорошо. Плохо то, что далеко не всякий молодой человек, тем более ребенок, подросток может сделать правильный выбор. Разговор не о том, чтобы система воспитания навязывала ему решение, за него выбирала идеалы и цели его жизни. Она должна помочь ему выбрать то, что **должно** выбирать человеку, развить в себе те свойства и качества, которые отвечают требованиям жизни и украшают его.

3. ВЕСТЕРНИЗАЦИЯ РОССИИ

Диалог культур (цивилизаций) — явление естественное для прошлого и необходимое условие выживания человечества, предотвращения конфликта и войн цивилизаций, о возможности которых немало говорилось прежде и много говорится сейчас на Западе, особенно после известной статьи профессора Хантингтона «Война цивилизаций». Диалог — процесс двусторонний. Поэтому проблему отношений России с Западом нельзя оценивать односторонне и однозначно, только «хорошо» или только «плохо».

Понятен, начиная с петровских времен, интерес России к западной культуре в самом широком смысле этого слова. Известны причины, по которым в период советской власти, холодной войны едва ли не все западное расценивалось по шкале от «удовлетворительно» до «очень плохо». Объясним и нынешний интерес российских властей к Западу. Дело не только в финансах. Главное в том, что именно западные страны первыми встали на путь либерализации экономики, по которому движется человечество и на который встает Россия, что именно они первыми пришли к выводу о необходимости социальной ориентации этой экономики, экономической (и как следствие — политической) интеграции стран такого рода и т. п.

Несомненно, что этот опыт чрезвычайно ценен. Проблема в том, что ярые западники, многие из которых находятся у руководства страной, видят в этом опыте некие **универсалы**, которые они пытаются воспроизвести в экономике и общественно-политической жизни России. В книге «Государство и эволюция» Е. Гайдар говорит: «„Другая стратегия“ (в противовес „восточной“ цивилизации. — И. И.): изменить само устройство социально-экономической системы, попытаться снять многовековые наслоения (т. е. избавиться от „особости“, специфики России. — И. И.), восстановить прерванное социальное и культурное единство с Европой, перейти с „восточного“ на „западный“ путь...» (М., 1995. С. 53). Именно Гайдар протащил и во многом осуществил «западнический» вариант реформ под названием «шоковая терапия». Между прочим, сам Запад ни разу не пользовался этим «лекарст-

вом» Международного валютного фонда, но вовсю рекомендует и опровергает его на слаборазвитых странах. Существующая легенда о его высокой полезности для «больных» и «слабых» стран — чистейшая ложь. С 1982 года МВФ использует модель «шоковой терапии» вовсе не для построения эффективной рыночной экономики в той или иной стране, а исключительно для доведения государств-должников до той кондиции, когда бы они 1) были вынуждены и 2) могли бы (в результате помощи) выплачивать свои внешние долги. Стоило бы привести развернутые примеры, чтобы понять, что происходит со странами после реализации рецептов МВФ, если они проводятся последовательно и до конца, как это было в некоторых странах Латинской Америки, в частности, Венесуэле, Перу, Боливии, в том числе, в Чили, по поводу которой ходят восторженные слухи. Но это отдельная тема. Отсылаю читателя к журналу «Российские экономические исследования». (1994. № 3), в котором специалисты подробно показывают масштабы и глубину катастроф, в которых оказались эти страны в результате лечения «шоковой терапией». Там же приводится высказывание одного из видных западных финансистов, президента Ситибанка (США) Д. Вида, сделанное незадолго до начала «шоковых» реформ в России. «Если мы посмотрим на карту мировой экономики, то увидим на ней исчезнувшие страны... Перу и Боливия исчезнут. Советскому Союзу нужно поостеречься, иначе он может тоже исчезнуть». О невозможности «шоковой терапии» в России упреждал даже ее давний недруг З. Бжезинский. И тем не менее рекомендации МВФ были приняты. В том числе и потому, что у этой модели были сторонники в среде отечественной бюрократии, чьи интересы объективно смыкались. «Шоковая терапия» предусматривает несколько этапов. Первый — создание твердой валюты. Второй — свободные, то есть мировые цены. Третий — разорение с помощью этих цен нерентабельных производителей. По замыслу, все эти меры — в интересах оздоровления экономики России. Но не это главное для идеологов и сторонников «шоковой терапии». Главное для них — четвертый этап: приватизация нерентабельных предприятий, которые могут купить как иностранные, так и отечественные капиталисты. Народная (ваучерная) приватизация — это не более чем «дымовая завеса» перед

главным актом — распродажей за «смешные» цены, а по сути дела, дележом небывалой в истории (по объемам и богатству) накопленной обществом государственной собственности.

Ради этого («приватизация», выращивание на российской почве западных моделей демократии и управления, рыночная экономика и т. п.) российские власти полностью открыли не только свои границы, но все культурное, а значит, общественное и индивидуальное сознание граждан России для заполнения его западными ценностями. Процесс этот приобрел уже характер агрессии.

За последние 10 лет, например, в области кино произошла «тихая революция». Если в 1985 году отечественная кинопродукция составляла 74%, а зарубежная 25%, то в 1994 году отечественные фильмы составляли только 14%, остальную часть — зарубежные, в том числе 71% — американские. Каждый второй кинозритель в возрасте 11–18 лет является страстным поклонником американского кино, а в возрасте 11–25 лет — таких две трети. При этом речь идет, как правило, о низкопробной кинопродукции.

Это уже не диалог цивилизаций, не слияние (конвергенция) культур, это **экспансия западной культуры** и капитуляция российской, не имеющая удовлетворительных объяснений и никаких оправданий.

При этом «западники» не хотят учитывать, что существует не только закон конвергенции, но закон **дивергенции**, согласно которому в процессе эволюции человеческого общества множатся особенности и многообразие форм общественной жизни и соответствующих им организационных структур. Иначе говоря, существуют границы универсальности. Слепое копирование социальных форм не только нелепо, но и вредно. В жизни каждой страны есть много общего (универсального) с другими странами, но неизбежны особенности, которые тем значительней, чем страна крупнее, богаче, чем самобытней ее культура. Россия не только уникальна, она — единственность. Там, где защитный механизм сознательно разрушается, этот закон не работает. Вред от той бездумной западизации России, которая сейчас происходит, огромен и разрушителен. Россия никогда не будет копией какой-либо иной страны, а только **похожей** в принципах организации экономики, общественно-политической системы и т. п.

Ошеломляющие темпы, в которых происходит вестернизация России, объясняются не только тем, что этому способствуют наши «радикальные» демократы и ярые «западники». Главное объяснение — в том особом и огромном интересе Запада и США к России.

Экономический интерес — вот главное в «заботах» Запада о ходе реформ в России. Россия — это огромные географические пространства: земли, леса, моря, озера и реки. Россия — этот крупнейшие запасы сырья и энергоресурсов. Россия — это огромный и ненасытный рынок товаров. Россия — это высококвалифицированная, но очень дешевая рабочая сила. С точки зрения Запада (а также Японии и Китая) Россию можно рассматривать именно как географическое пространство, своего рода планетарный заповедник, резервуар запасов пресной воды (только в Байкале 20% ее мирового запаса), как кладовую сырья для промышленности и т. п. В условиях системного кризиса и глобальных проблем, перед которыми стоит человечество (перенаселение, нехватка продовольствия, территорий, истощение сырьевых и энергетических ресурсов, разрушение окружающей среды и т. п.), такой подход вполне естественен и с точки зрения национальных интересов какой-то страны может быть даже оправдан. И тогда получается: то, что для России — беда и зло (скажем, нынешнее явление депопуляции и возможное сокращение населения России вдвое к 2030 году, происходящая деиндустриализация, вероятный распад России на части и т. п.), для этих стран и Запада в целом обирачивается благом: их доступ к богатствам России невероятно облегчается. И все это очень хорошо укладывается в философию прагматизма, свободной конкуренции, в которой побеждает сильнейший, составляющих стержень сознания западных политиков и обычайтелей.

Происходившее в СССР и России было интересно Западу, пока «империя» начинала рушиться: хотелось знать, как далеко это зайдет. Теперь, когда мы слабы и беспомощны, они смотрят на Россию сугубо прагматически. К счастью, последовательное проведение реформ МВФ в России, по-видимому, невозможно в принципе из-за ее масштабов и «особости». Это не Перу и даже не Польша. Для этого потребовался бы репрессивный аппарат сталинского размаха. «Шоковые» реформы были во многом блоки-

рованы открытым или замаскированным неприятием их на уровне регионов: уже к концу 1992 года «шоковая терапия» переродилась в свою вялотекущую имитацию, что вынуждало правительство не скрывать, а наоборот, подчас даже рекламировать «непопулярные меры», чтобы показать МВФ и Западу верность пути, выбранного с января 1992 года. Нынешняя линия — это «хвосты» политики-92: дезиндустриализация, окончательный отпуск цен, экспортная ориентация, попытка экономии на социальных статьях бюджета и т. п.

Иными словами, масштаб современного «западничества» как изнутри, так и извне, потеряв с окончанием «холодной войны» идеологическую суть, приобрел сильный, ярко выраженный политический окрас. Перестройка, особенно с начала радикальных «реформ», означала, во-первых, конец холодной войны, измывавшей не только СССР, но и Запад. Но, главное, во-вторых, появлялась возможность развалить СССР как супердержаву, противостоящую США и Западу, в-третьих, — разрушить военно-промышленный комплекс СССР и устраниТЬ главного военного противника.

Эта возможность была блестяще реализована Западом, хотя сделано это было руками российского правительства, в частности, в тот момент, когда власть на некоторое время практически полностью оказалась в руках группы ярых «западников» во главе с Е. Гайдаром. По большому счету проблема сегодня даже не в том, что часть россиян выбирает Запад, предпочитая его своему Отечеству. В конечном счете, это их право. Россияне получили свободу передвижения, могут ездить туда, куда хочется, жить и работать там, где пожелаюТ. Вполне объяснимо и то, что человек ищет, где лучше, часто вынужден бежать от бедности, нищеты и всех иных ужасов, которыми в еще большей мере, чем прежде, полна наша жизнь. Есть и другие, частные и личные, как говорится, житейские причины.

Проблема в том, что Запад считает Россию объектом особых внешнеполитических интересов. Нельзя не понимать: политика была, есть и будет делом суровым, жестко запрограммированным национально-государственными интересами и ничем иным. В ней нет места альтруизму и наивной идиллии. Тезис российского министра иностранных дел: «Раньше Россию боялись,

теперь Россию уважают» — звучит детски наивно. Правильно сказать: уже не боятся и, как прежде, если не больше, не уважают. Можно, конечно, думать, что сегодня у России нет врагов. По крайней мере, пока. Но и друзей, готовых снять с себя последнюю рубашку, чтобы отдать ее нам, тоже нет. Исчезла предельная острая рота военного противостояния — вот и все. Но национальные интересы, связанные с военной и экономической безопасностью, у каждой страны, в том числе, кстати, и у России, остались. Именно они и ничто иное определяют поведение правительства и их лидеров. И никаких иллюзий по этому поводу никогда и ни у кого быть не должно. Ибо это естественно. Иначе и быть не может. Улыбки и объятия политиков перед телекамерами не должны обманывать никого: ни обывателей, ни российских дипломатов и политиков.

Вот как формулируются ныне, например, принципы американского политического консерватизма, страны, которая для многих «свет в окошке». «Главное, что у Соединенных Штатов есть обязательство только перед своим народом. Только до определенной степени Америка должна помочь себе, оказывая помощь другим. Поэтому настоящая консервативная политика не может быть изоляционистской. Чтобы быть свободными дома, мы должны обеспечить себе безопасность за границей. Но это не означает и крестового похода за демократию. Америка не должна воевать за другую страну, если это не затрагивает стратегических интересов США. Правительство не имеет права просить американцев жертвовать собой всего лишь ради независимости другой нации. Если американские войска и защищают своего демократического союзника, то свобода другой страны должна каким-то образом служить свободе и процветанию США... Америка не должна предпринимать вооруженных действий и прибегать к экономическим санкциям против других стран только из моральных побуждений, особенно если это повредит американским производителям. Правительство также не имеет права использовать деньги налогоплательщиков для оказания помощи другим государствам, не доказав сперва, что это будет выгодно в первую очередь самим Соединенным Штатам» (Известия. 1992. 23 марта). Все это не более чем продолжение той традиционной политики, которую вели США с начала века. В не-

давно изданных в России мемуарах А. Керенский на основе многочисленных документов рассказывает о планах расчленения Российского государства. Среди них официальные американские комментарии, предусматривающие: признание де-факто правительств, представляющих финнов, эстонцев, литовцев и украинцев; рассмотрение Кавказа как сферы влияния Турецкой империи; представление какой-либо державе ограниченного мандата на управление Средней Азией на основе протектората; наконец, создание отдельных, «достаточно представительных» правительств для Великороссии и Сибири (Керенский А. Ф. Россия на историческом повороте. М., 1993. С. 372).

То, о чем веками мечтали немцы, шведы, французы, англичане, японцы и другие, что они уже и в снах перестали видеть, стало явью: доступ к России открыт, и не через «окно» в Европе, а по всем границам. «Приходите, вкладывайте деньги, берите». Пока не особо идут, потому что еще рискованно вкладывать капиталы, потому что Россия сама по низким ценам доставляет на рынки Запада все, что ему необходимо. Потому что пока на пути к российским богатствам стоит «старый» народ, который свое не отдаст. Бури народного гнева вокруг Крыма, Черноморского флота, известных островов на Курилах говорят о том, что сегодня растащить Россию, даже если для этого появятся нужные законы, пока невозможно.

Что же нужно сделать, чтобы получить полный доступ к пространствам и богатствам России «цивилизованными» способами в недалеком будущем? Первое — поставить ее на колени экономическими мерами. Это уже сделано, и ситуация резко обостряется, как только Россия начнет проявлять характер во внешней политике или отступит от рецептов МВФ в экономических «реформах». Второе — в максимальной степени переориентировать сознание народа с ценностей «российских» на ценности «западные», с ценностей национальных — на общечеловеческие. Что сейчас и происходит: захват Западом культурного, духовного пространства России; духовное покорение нации, попытка путем информационного блицкрига «охмурить» народ, победить его сознание, сделать, как минимум, нейтральным ко всему происходящему, а лучше — подконтрольным, управляемым. Фактически российский народ,

и особенно дети и молодежь, **уже воспитываются** в западном духе: западными проповедниками, западными кинофильмами, западной музыкой и песнями, западной модой, западными языками, западными товарами, которые заполнили все виды рынков. Одним словом, путем внедрения в сознание новых поколений западных духовных и моральных ценностей. И это была бы еще не беда, если бы это были лучшие ценности. Но это ценности, специально изготовленные для «третьего мира», которые на самом Западе, в Европе и США спросом не пользуются.

Война идеологий, которая несколько десятилетий длилась между Востоком и Западом, СССР и США, сменилась войной культур, **войной цивилизаций**, в которой западная цивилизация, считающая себя самой передовой в мире, стремится поглотить российскую цивилизацию как якобы отсталую, изжившую себя. Но разве это так? В определенном смысле понятие «цивилизация» выступает как синоним понятия «культура», включая материальную и духовную. Да, сегодня российская материальная и духовная культура в упадке, в кризисе, есть признаки ее деградации. Но можно ли признать, что, скажем, нынешняя американская духовная культура (наиболее агрессивная из всех западных) выше и более духовна даже нынешней российской, принудительно поставленной на колени экономикой? Можно ли считать, что российская культура завершила свое развитие и должна сдаться в плен другой, якобы более сильной, скажем, все той же американской? Конечно, нет. Природные, материальные, интеллектуальные, духовные и творческие потенции России и ее народа огромны. Их реализация — вопрос политики, основанной на вере и убежденности в том, что Россия в состоянии развиваться как самоценная цивилизация, имеющая индивидуальный и относительно замкнутый характер. Именно в этом качестве мир нуждается в России, а Россия открывается ему в целях взаиморазвития.

Во времена холодной войны на Западе была создана огромная профессиональная армия «советологов», «кремленологов», которая вела эту войну. Наивно полагать, что, одержав победу в этой войне, Запад распустил свою армию. Без работы оказалась лишь часть «советологов». Но специалисты по России, «российские

кремленологи» остались, более того, спрос на них возрос. Мощные аналитические центры, как и прежде, оценивают ситуацию и будущее России, но делают это не ради нее, а в целях обеспечения жизнеспособности своих стран и Запада в целом с точки зрения сегодняшнего и особенно завтрашнего дня. Несомненно, что Запад уже имеет свою стратегию «освоения» и «обустройства» России, в которой о российском народе заботы ровно столько, чтобы он оставался квалифицированной, но дешевой рабочей силой. Западные стратеги понимают, что «переделать» (тем более быстро) тот человеческий «материал», который остался после разрыва СССР, невозможно, и потому они думают о завтрашнем народе — нынешних детях и молодежи.

Свидетельство этому — огромный интерес Запада (в первую очередь США, Германии, Англии, Франции и других стран), а также наднациональных структур типа МВФ, Мирового банка, Европейского банка реконструкции и развития, Европейского Союза и т. п. к реформе системы российского образования и российской науки, в том числе гуманитарной и социальной, к деятельности средств массовой информации (и прежде всего телевидения). И это понятно: первые вместе с литературой и искусством вырабатывают социальные ценности, оформляют их в некие идеологемы и мифы, вторые — «информируют», доставляют их к сознанию масс, формируя те или иные стереотипы экономического, политического, социального мышления и поведения. Сознание — объект образования и воспитания одновременно. Кто владеет сознанием, тот контролирует поведение, касается ли это отдельного человека, социальной группы или целого народа.

Но это — завтра. А сегодня проводится политика нейтрализации основной массы народа от тех процессов, которые происходят в России, и жесткой войны с теми, кто чует или понимает суть происходящего. В зависимости от позиций человека в отношении Запада и «реформ», во многом задуманных западными «советниками» и осуществленных с их «помощью», народ поделен на «наших» и «ненаших», «покрашен» в разные цвета. Западу и «западникам» выгодно, чтобы дети и молодые люди Запад любили, а не ругали, не боялись его. Поэтому всякого, кто говорит об опас-

ности, например, американизации, тут же относят в разряд антиреформистов, «бывших» и т. п. — «ненавидящих». Западу и «западникам» выгодно, чтобы российский народ и его молодое поколение не сознавали себя как единая российская нация. И потому сегодня каждый патриот России — «националист», «красно-коричневый». Западу и «западникам» выгодно, чтобы Россия не имела никакой объединительной идеи, кроме идеи неприкосновенности частной собственности и рыночной экономики, потому что национальная идея обособляет и, в известном смысле, «закрывает» российское общество для Запада теми своими ценностями, которые выше рынка, в то время как идея рынка, возведенная в ранг ведущей в иерархии ценностей даже искусственно и на времяз (как в свое время «верность социализму» и «преданность делу коммунистической партии»), открывает Западу ворота «российской крепости». Западу и «западникам» хочется, чтобы в сознании (а значит, в образовании) новых поколений россиян с каждым годом было все меньше России и «российского», все больше Запада и «западного». В их интересах, чтобы в России не велось никакой целенаправленной работы по воспроизведству и развитию у детей и молодежи черт российской культуры, цивилизации, чтобы в России, в частности, не было воспитания, ибо оно мешало бы воспитанию в духе Запада. И, заметьте, его нет. Воспитание новых поколений в российском духе в России отсутствует, образование и вся наша жизнь все больше подделываются под Запад. Нами правят «президенты», «мэры», «префекты», «спикеры» и т. п., нам выдают «ваучеры», мы ходим в «шопы», работаем в «офисах», занимаемся «бизнесом», изучаем «маркетинг», «менеджмент», становимся «бакалаврами», «магистрами» и т. п. В российском образовании все больше западных программ, учебных пособий, учебников, профессоров. Организация по международному сотрудничеству и развитию (ОЕСД) рекомендует нашему правительству урезать науку наполовину. «Россия больше не вправе жить как научная сверхдержава». Представители американской администрации констатируют: «России не быть экономической сверхдержавой и в следующем веке».

Повторимся: сотрудничество с Западом во всех отношениях необходимо. Но если и дальше все будет идти в таком виде, та-

кими масштабами и такими темпами, как идет, то однажды, пронеснувшись, Россия вдруг сделает открытие, что не только говорит, но и думает по-английски, по-немецки и даже по-японски — в духе непротивления экономическим и политическим интересам этих стран. Итак, истинные интересы и намерения Запада ясны. Методы тоже понятны: через сознание — к контролю за поведением. «Западное» сознание некоторых нынешних представителей власти в совокупности с экономическими мотивами уже сегодня позволяет заметно манипулировать российским правительством. Конечная цель — манипуляция народом. Именно поэтому, хоть и по другой причине, уже сегодня идет (продолжается) психологическая война — за умы и души детей и молодежи, причем гораздо более массированная, открытая, грубая и бесцеремонная, чем прежде. По сути дела, мы вовлечены в новый виток «психологической войны», проигрыш в которой будет означать конец не только самостоятельности России в мировой политике и экономике, но также конец ее целостности как государства и географического пространства, о чём мечтал, но чего не сумел достичь Гитлер. Международный капитал поделит и разорвет, уничтожит Россию как самоценную величину со всей ее выдающейся культурой и «таинственной русской душой»; она канет в Лету, как это уже случилось со многими другими, некогда великими цивилизациями.

НЕКОТОРЫЕ ОБЩИЕ ВЫВОДЫ К ГЛАВЕ

1. Российское государство в полной мере отвергло не только теоретические основы советской педагогики, но полностью разрушило систему воспитания, практически исключило воспитание как вид общественной практики. Между тем общество неизбежно унаследовало «продукт» прежней педагогической деятельности — «советского человека», многие черты которого самовоспроизведутся в новых поколениях. Лучшие качества, сформированные в людях в прошлом, способствуют происходящим переменам, худшие — тормозят их. Необходима сознательная, целенаправленная деятельность, способствующая развитию в новых поколениях

черт и качеств, отвечающих новому социально-экономическому и общественно-политическому укладу жизни, и устраниению тех, которые чужды ему по природе.

2. Разрушительные процессы, которые возобладали в ходе коренной трансформации общества, резко усилили процесс социальной деградации нации, придали ему обвальный характер. Общество поразил феномен бездуховности, которая обрела черты настоящего бедствия.

Вся система общественных отношений, все сферы жизни общества оказались в острейшем кризисе, который носит системный характер и фактически обрел черты национальной катастрофы. Разрушенным оказался и человек. Сформировалась катастрофическая экзистенциальная социально-педагогическая ситуация, которая стала главным и единственным «воспитателем» в условиях, когда ей не противостоит организованное воспитание, ломает, стихийно лепит и уродует новые поколения, усваивающие опасную философию выживания, временщика, которая усиливает пафос разрушительства, а не созидания. В качестве противовеса стихии сферы обитания должно выступить организованное воспитание.

3. Феномен бездуховности, раскультуриивания, расчеловечивания, который обрел черты национального бедствия, феномен разрыва поколений, образовавшегося в результате исторического разлома старого социально-экономического и общественно-политического устройства и формирования нового, принципиально иного общественного уклада, новой системы требований к личности, которым она не соответствует, а также стремительная экспансия западной цивилизации по захвату духовного и культурного пространства России, объективно порождают острую необходимость в осуществлении активной деятельности общества и государства, которая противостояла бы этим крайне негативным и опасным для нации процессам, способствовала бы сохранению, воспроизведству и развитию российской культуры, помогла преодолеть разрыв поколений, способствовала созданию условий для свободного развития личности и общества в целом. Эту функцию, как это было, есть и будет во все времена в любом обществе, призвано выполнить воспитание.

КОНЦЕПЦИЯ ВОСПИТАНИЯ ЖИЗНЕСПОСОБНЫХ ПОКОЛЕНИЙ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ¹

1. ВВЕДЕНИЕ

1. Данная концепция представляет собой авторское понимание и трактовку проблемы воспитания как исключительно важного социального явления, предмета познания и практической заботы нынешнего российского общества и государства в переходный период их развития. Содержание концепции раскрывается путем изложения совокупности основополагающих идей по поводу воспитания в современных условиях, которые учитывают опыт прошлого, реалии и оценку настоящего, ориентированы на решение главным образом текущих задач и достижение целей не столь отдаленного будущего. В более конкретном смысле концепция представляет собой совокупность идей и положений, определяющих мировоззренческие основы, идеологию, цель, содержание, задачи, принципы, основные формы и методы воспитательной деятельности субъектов воспитания, а также способы взаимодействия воспитателей и воспитуемых в процессе этой деятельности, сущность которой определяется, с одной стороны, интересами и требованиями общества к личности, с другой — интересами самой личности и ее отношением к обществу и государству.

2. Авторы исходят из идеи наличия **единого воспитательного пространства** российского общества, что ставит его (общество) перед необходимостью выработки **общей концепции воспитания** новых поколений россиян, отсутствие которой чрезвычайно затрудняет разработку концепций, носящих более узкий характер: семейного воспитания, школьного воспитания, вузовского воспитания, армейского воспитания, концепции воспитательного воздействия российских средств массовой информации и т. п.; духовного воспитания, нравственного воспитания, экономического

¹ Материал подготовлен при участии доктора философских наук П. И. Бабочкина (п. 9, 10, 11, 12).

воспитания; концепций экологического, правового, политического, эстетического воспитания и т. д.

3. Согласно этой задаче данная концепция содержит предельно общие подходы ко всем рассматриваемым в ней вопросам, к пониманию проблемы воспитания в целом и отдельным ее аспектам, что, безусловно, отрицательно сказалось на глубине их проработки, предопределило известный схематизм и неполноту изложения. Именно поэтому авторы назвали данный труд «Основами» концепции, полагая, что и в этом виде он должен послужить: 1) началу интенсивных дискуссий по проблеме воспитания; 2) выводу этих дискуссий на широкую общественную трибуну из узконаучных и педагогических «цехов»; 3) достижению компромисса во взглядах на проблему воспитания органов государственной и общественной власти, представителей различных мировоззрений и идеологических установок; 4) началу активных научных исследований в области воспитания, в частности, разработки концепций воспитания по его субъектам и направлениям; 5) началу практических действий по скорейшему воссозданию системы воспитания детей и молодежи, построенной на новых принципах, наполненной новым содержанием, использующей передовые формы и методы воспитательной деятельности.

4. Отсутствие должного внимания к молодежи и ее чрезвычайно скромная роль в нынешней России не соответствует масштабам и сложности перемен, которые происходят и должны произойти. Молодежь должна внести в жизнь общества такой по масштабу и характеру вклад, какую систему идей, ценностей, знаний и нравственных качеств заложит в нее общество. Образование (обучение и воспитание) — вот главные составляющие в преодолении духовного, а в конечном счете и социально-экономического кризиса в России.

5. Любое исследование субъективно. Полная объективность — это идеал, достигнуть которого практически нельзя. Говорить можно лишь о степени объективности, которая в решающей мере определяется методологическими установками исследователя. Авторы концепции исповедуют реализм, конструктивизм, оптимализм, то есть такой взгляд на общественную жизнь, который находится между крайними положениями: максимумом и минимумом. Органическое развитие не терпит крайностей. Оптимализм есть способ отыскания решений — от малых до глобальных —

через оптимум. Плодотворность этого метода не только в том, что оптимальное решение дает наивысший практический эффект. Не менее важно то, что стремящийся к оптимуму вынужден делать это не в одиночку, а нуждается в советчиках, оппонентах.

2. ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

1. Среди основных причин, резко актуализирующих проблему воспитания в нынешнем российском обществе, выделим:

1) возникновение в России новой и опасно деструктивной для становящейся личности катастрофической социально-педагогической ситуации;

2) разрушение системы традиционных ценностей и традиционного механизма социализации поколений;

3) возникновение феномена бездуховности, проявляющегося, в частности, в агрессивном невежестве, которое уничтожает духовный «код» нации;

4) возникновение новой системы требований общества к личности, порожденных новыми социальными реалиями;

5) активное навязывание российскому обществу западных ценностей, означающее попытку духовного покорения России «мирным» путем;

6) переоценку роли обучения и недооценку роли воспитания в становлении новых поколений россиян.

Общество все более осознает, куда ведут эти процессы, как дорого обходятся нации. Начинается интенсивный поиск новых подходов к воспитанию и возвышению его роли. Наиболее активно эта работа ведется педагогами-исследователями РАО, что естественно. Однако они ограничивают предмет проблематикой школьного воспитания. Поиск должен быть значительно расширен, в него должны включиться философы, социологи, психологи, ученые других направлений. Главное — решить общие вопросы и от них перейти к частным, прогнозируя развитие, а не наоборот — искать истину методом проб и ошибок, как это происходит сейчас. Работы в области поиска новой философии и создания новой концепции воспитания, на наш взгляд, имеют первостепенное значение.

3. МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ВОСПИТАНИЯ

Мировоззрение – основной пункт проблемы воспитания, ибо оно определяет его идеологию и цели. Отметим некоторые исходные тезисы.

1. Концепция строится с позиций **философского реализма**, суть которого заключена в понимании единства равноправных начал, паритета материального и идеального. Это совершенно необычный подход, но он позволяет рассматривать проблему воспитания и осуществлять воспитательный процесс в рамках мировоззренческого плюрализма, а не монизма.

2. Традиционное противопоставление интересов личности и интересов общества разрешается не путем абсолютизации ценности личности или превосходства общества над личностью, а путем **сочетания** их интересов и, как следствие, сочетания личного и общественного, коллективного и индивидуального начал, без нарушения меры которых каждое из них является необходимым условием нормального развития общества. Личность немыслима вне общества. Общество предполагает личность. Они развиваются во взаимослужении друг другу, стремясь к социальной гармонии.

3. **Этика**. Этическим (моральным, нравственным) является свободное служение личности надличностным, истинно сущим, естественным ценностям (обществу, науке, культуре, семье и т. п.), а не «интересам пролетариата», «делу социализма» и т. п. Чем выше ценность, которой служит личность, тем выше ее собственная ценность, тем полнее она раскрывается.

4. **Историософия**. Признавая многофакторный характер детерминации развития истории, предполагается, что наряду с материально-экономическими законами на исторический процесс в **равной мере** влияют идеи и отдельные личности. Развитие общества не имеет конца, потому попытки завершить и увенчать историю какой-либо «совершенной» формацией есть утопия. Общество ставит идеалы и стремится к ним, сознавая, что создать идеальное общество и идеального человека **на практике** невозможно.

4. ИДЕОЛОГИЯ ВОСПИТАНИЯ

1. Воспитание и обучение предполагают наличие идеологии, которая определяет: чему учить и что воспитывать, как учить и как воспитывать, у кого учиться и кто воспитывает. Речь не о политической идеологии типа «марксистско-ленинской» или «буржуазной». Россия не может вновь позволить себе одностороннего взгляда на мир лишь через призму законов классовой борьбы и т. п. Ориентация не на «коммунистическую» и не «буржуазную», а на **российскую** идеологию воспитания как систему социальных ценностей, официально имеющих **национальный** статус, которых придерживаются члены всего общества и которые интерпретируются через систему идей в ходе общественного развития, охраняются законом как исходное начало интеграции и сохранения целостности общества и государства, как главные ориентиры движения в будущее. Государственная идеология, национальная идея в России отсутствуют. В концепции предлагается авторский взгляд.

2. Идеология воспитания новых поколений развивается как совокупность идей и принципов, составляющих основы общественного развития России.

Исходными являются положения о том, что российское общество есть содружество людей, построенное на утверждении:

- **личности** как основы общества, свободной от насилия и эксплуатации;

- **общества** как организованного объединения людей, основанного на согласии и солидарности как принципах преодоления внутренних противоречий развития;

- **взаимоотношений личности и общества**, основанных на согласовании интересов личных и общественных;

- **государства** как суверенной организации нации, организующей и обеспечивающей ее независимость, благополучие, развитие и реализацию творческого потенциала.

В основу развития российского общества должны быть положены принципы свободы, гуманизма, справедливости, демократии, права, труда и неотчуждаемой собственности.

Даже в катастрофической ситуации российское общество не должно терять человеческое лицо, а, наоборот, обретать его в процессе сознательной **гуманизации** всех основ жизни — особенно в сфере образования, духовного и нравственного воспитания. Необходима смена воспитательной парадигмы, суть которой состоит в выдвижении на первый план гуманистических идей и ориентиров взамен тоталитаристских установок.

Гуманизация воспитательного процесса предполагает целый ряд условий, среди которых прежде всего отметим следующие:

- а) признание личности **самоценностью**, уважение уникальности и своеобразия каждого индивида;
- б) создание обществом **условий** для развития личности и новых поколений молодежи как субъектов культуры и собственного жизнетворчества — самоопределения, самоутверждения, самореализации;
- в) оказание **помощи** детям и молодежи в развитии их склонностей и способностей;
- г) социальная **защита и охрана** здоровья, достоинства и прав, социальной и природной среды обитания новых поколений;
- д) приобщение субъектов воспитательного процесса к ценностям общечеловеческой и национальной культуры, создание в обществе атмосферы духовности;
- е) гуманизация межличностных отношений воспитателей и воспитанников, родителей и детей, учителей и учеников, преподавателей и студентов и т. п. на принципах уважения, сострадания, терпимости, милосердия, внимания и доброты.

Гуманизация позволяет и требует осуществлять **вариативное** воспитание молодежи, учитывая интересы и особенности различных классов, социальных слоев и групп страны. Она включает также идеи, на основе которых будут формироваться общие психологические и гражданские качества личности, жизнеспособной в условиях переходного периода и построения новой России.

3. Важным элементом новой идеологии воспитания выступает идея **единства и возвышения** России, **своего**, российского пути развития, сочетающего черты культуры западных и восточных народов, но имеющего свои неповторимые особенности и формы развития евразийского типа культуры. Эта идея составляет ос-

нову формирования **национального** самосознания молодого поколения.

Россия — это своеобразный мир, идущий по самостоятельному историческому пути, исторически сложившееся объединение, тесная семья многих народностей и народов, национальностей и наций, на протяжении многих столетий созидающих свое единство, творящих общую культуру, спаянных воедино общностью этой культуры, общностью духовных устремлений, государственных и экономических интересов, общим историческим прошлым и единым устремлением в будущее.

Россия — это **сложная** уникальная **единая нация**. Такова истина, которая сегодня должна жить и торжествовать.

Национальное чувство россиянина — это любовь к историческому облику и творчеству российской нации, вера в ее духовное призвание, воля к ее творческому расцвету; это система поступков, вытекающих из этой любви, веры и воли, страстное желание ей служить, утверждая ее равноправное место и роль среди других наций мира. Национальное не исключает общечеловеческого. Но служение человечеству осуществляется через нацию. По крайней мере, на данном этапе развития России идеи, западные ценности и варианты демократии в «чистом» виде, навязываемые в качестве основы для воспитания российской молодежи, не могут быть приняты, поскольку они возникли и культивировались, опираясь на другой, европейский и американский типы личности, культуры и традиции этих стран. Сегодня ситуация в обществе доведена до такого состояния, когда абсолютно ясно, что дальнейшее его рассыпание и атомизация недопустимы. Честь, долг, дисциплина, самоотверженность и самопожертвование — вот качества, спрос на которые столь же велик, как и их дефицит. На данном этапе, когда речь идет о выживании и спасении России, высшим элементом национального сознания молодежи должна стать идея **добровольного служения** Отечеству. Нынешняя молодежь в большинстве не готова к этому. В этом духе ее надо образовывать и воспитывать. Новая идеология воспитания должна возродить национальный патриотизм и гражданские качества россиян. Это фундаментальная проблема развития России, решению которой должны быть подчинены содержание и деятельность всей системы воспитания.

4. На наш взгляд, уже названная совокупность идей и принципов при условии дальнейшего раскрытия их содержания может составить весьма сильную и привлекательную для молодежи российскую идеологию воспитания новых поколений. В то же время эти идеи, положения и принципы представляют для всех политических сил чрезвычайно широкий и общий выбор и в этом смысле более всего подходят для всех социальных слоев и групп России в качестве возможного идеала демократического общества и единой идеологии воспитания всего молодого поколения России. Единая идеология необходима не в качестве средства идеологического давления на личность, воспитания **всей** молодежи в интересах какого-либо **одного** социального слоя или одной группы общества, а как средство, позволяющее объединить, **интегрировать** общество, особенно такое разнородное в этническом и социальном плане, как российское, придать нации свойства и качества, позволяющие ей занять в мировом сообществе достойное, передовое место.

Российская идеология воспитания — это система идей, которая одновременно отвечает коренным, актуальным интересам общества и личности, и таких взаимоотношений между ними, когда общество задает парадигму воспитания новых поколений, создает условия для ее реализации, а молодые поколения и личность самоопределяются, самоутверждаются, самореализуются и воспитывают себя в предложенных условиях, изменяя их посредством активной деятельности. Идеология воспитания призвана способствовать изменениям в сознании индивида, соответствующим **общему направлению** социального развития России.

5. ЦЕЛЬ ВОСПИТАНИЯ

1. Цель воспитания — центральный вопрос идеологии, деятельности всей системы воспитания. В целях выражаются философские, духовные, нравственные, экономические, политические, правовые и эстетические представления о делаемом образе «идеального» человека и общества, в котором он живет и действует. Цель государственно-общественной системы воспитания должна быть доста-

точно определенной и в то же время весьма универсальной. Это исключительно важно сегодня, когда в связи с углубившимся экономическим, социальным, национальным, духовным и образовательным расслоением общества возникло многообразие представлений о человеке и обществе, столкнулись разнообразные классовые, групповые и личные интересы. Если еще недавно говорилось о подчиненности интересов и качеств личности требованиям общества и, следовательно, о доминировании внешнего, общественного (фактически государственного) воздействия на человека (одна крайность), то теперь нередко говорится о том, что основной целью воспитания должен стать человек как самоцель при одновременном отказе от требований к нему общества, в чем бы они ни выражались — в потребностях производства, экономики, управления и т. п. (другая крайность). Появилось множество партий и общественных организаций, которые ставят перед собой весьма различающиеся цели, согласно которым они трактуют и цели воспитания новых поколений. Эти цели зачастую находятся в полном противоречии с целями государственной системы образования, в частности, воспитания. Политически пристрастные, эти партии и общественные организации стремятся навязать молодежи те ценности и ориентиры, которые отвечают их задачам, рассматривают молодежь как средство их достижения и меньше всего думают о молодом поколении России в целом, о развитии личности как таковой.

2. Формулируя цель воспитания, надо отдавать отчет в том, что в нынешней России реально существуют, ведут борьбу за молодежь партии, общественные движения и организации, которые можно сгруппировать по их характеру и основным идеям, которые они исповедуют и проповедуют.

Общенациональные интересы требуют, чтобы общество и государство, озабоченные сохранением своей целостности, контролировали воспитательный процесс, помогали молодежи сориентироваться в реальном соотношении борющихся и воспитывающих ее сил, отличить истинные ценности от мнимых и ложных, достойные цели от недостойных.

3. Новая концепция воспитания предполагает определение цели воспитания, отвечающей интересам самой личности и тре-

бованиям общества по отношению к личности. В качестве цели воспитания, как правило, рассматривается формирование личности в соответствии с явно или неявно имеющейся моделью, идеалом молодого человека, соотнесенным с данным историческим периодом и перспективой развития общества. На какой стадии развития находится, какие задачи решает общество, такое поколение ему и требуется.

В разные периоды развития нашей страны при советской власти в качестве целей были поставлены такие идеальные модели, как «строитель коммунизма», «всесторонне развитая личность», которые определяли содержание и направленность процесса воспитания. Система воспитания претворяла их в жизнь.

4. Основным ориентиром воспитания является согласованно принятое в обществе представление об идеале гражданина России, его жизненном кредо и жизненной позиции. Этот идеал включает такие черты, как любовь к России, веру в ее успех и величие, заботу о единстве и будущем Отечества, преданность идеалам гуманизма, свободы и демократии, стремление к личному успеху в жизни и т. п. В то же время этот идеал имеет свои отличия в характере социальной активности и реальных возможностях конкретного представителя того или иного класса (слоя) в служении Отечеству и способах достижения личных целей, определяемых социальным положением и уровнем благосостояния данной семьи. Различия в социальных ориентирах различных слоев и групп общества обусловливают дифференциацию программ обучения, типов школ и всего воспитательного процесса.

5. «Идеального» молодого россиянина наших дней должно характеризовать: а) стремление к личному и общему успеху; б) воля к победе; в) принятие основной меры ответственности за результаты своей деятельности прежде всего на себя; г) преданность национальной идее (мечте). Главный, системообразующий элемент ценностных ориентаций — «успех». Подчеркнем: не только личный, но и общественный. Россия нуждается в людях, верящих в свои силы и победу над обстоятельствами, мечтающих о великой и могучей России, в которой они — хозяева жизни. Мечта о великой России — знамя нации, а люди, борющиеся за эту мечту и добивающиеся успеха, — гордость нации и образец для подражания. Общее

ство дает шанс каждому. Воспитывай себя так, чтобы ты смог им воспользоваться, а в неудачах вини прежде всего себя, а уж потом — других (общество, государство). Такова логика пути к благосостоянию, таков способ изменения национального характера россиян, традиционно привыкших ожидать «манны небесной».

6. В отличие от идеала цель воспитания состоит в том, чтобы сформировать реальную, социально устойчивую личность, способную в новых социально-экономических и политических условиях вносить ощутимый вклад в преобразование общества и самосовершенствоваться. Концепция воспитания определяет целевые установки воспитания молодежи в соответствии с теми изменениями, которые происходят в обществе, с ориентацией на будущее. В качестве цели воспитания, учитывающей условия переходного периода и ориентированной на определенную перспективу, можно предложить **формирование жизнеспособной, гуманистически ориентированной индивидуальности по отношению к обществу и к себе самой**.

7. Смена социально-политического строя, новые условия жизни выдвигают новые требования к личности и тем самым объективно-естественно порождают **новый тип личности**, установки, образ поведения и деятельности, отвечающие задачам общественного развития. Перепады несоответствий требований общества и свойств личности должны корректироваться системой воспитания.

8. Острейшее противоречие между новой системой требований и возможностями и способностями реально существующей ныне личности порождает необходимость формирования у молодого человека и молодого поколения в целом такого качества, как **жизнеспособность**.

Необходимость постановки вопроса о воспитании жизнеспособности диктуется тем, что современное молодое поколение находится в необычайно жестких условиях природной и социальной среды, которая характеризуется крайней идеологической, социально-политической и экономической нестабильностью и неопределенностью.

Жизнеспособность — это наличие у человека (поколения) таких свойств и качеств, которые позволяют не только выжить, не деградируя, в «жестких» и ухудшающихся условиях социаль-

ной и природной среды, но жить и развиваться, духовно возвышаться, воспроизводить и воспитывать потомство, не менее жизнеспособное в биологическом и социальном плане, чем он сам. Задача жизнеспособной личности — стать **индивидуальностью**, сформировать свои смысложизненные установки, самоутвердиться, реализовать свои задатки и творческие возможности, преобразуя при этом в своих интересах среду обитания, не разрушая и не уничтожая ее. Жизнеспособность предполагает высокую социальную активность личности (поколения), направленную на преобразование внешней природной и социальной среды и на формирование самого себя в соответствии с заданными целями. В социокультурном плане жизнеспособность проявляется в том, насколько личность и поколение отвечают насущным запросам общества на данном историческом этапе и насколько они могут взять на себя ответственность за его будущее.

6. МОДЕЛЬ ЖИЗНЕСПОСОБНОЙ ЛИЧНОСТИ

На основе предложенной концепции можно сформировать проективную модель жизнеспособной личности демократизирующегося российского общества, которое по своей сущности можно рассматривать как переходное от тоталитарного режима правления с плановой экономикой к демократическому обществу с рыночной экономикой, антагонистическому по социальной структуре. Человек, соответствующий этому обществу, должен будет в определенной мере обладать противоречивыми личностными и гражданскими качествами.

В соответствии с предложенной стратегической моделью жизнеспособной, гуманистически ориентированной индивидуальности, молодой человек недалекого будущего (прогностическая модель среднего уровня) должен обладать следующими личностными и гражданскими качествами:

- быстро приспосабливаться к изменяющимся условиям жизни, уметь ориентироваться в экономической, социально-политической обстановке, сохраняя свою мировоззренческую позицию, гуманистические идеалы и ценности;

- обладать высокой социальной активностью, целеустремленностью и предприимчивостью, стремлением к поиску нового и способностью находить оптимальные решения жизненных проблем в нестандартных ситуациях;
- иметь потребность в жизненных достижениях и успехе, способности к самостоятельному принятию решений, постоянному саморазвитию своего интеллекта и профессиональных качеств;
- быть законопослушным, социально ответственным, обладать развитым чувством внутренней свободы и собственного достоинства, способностью к объективной самооценке и конкуренции с другими;
- иметь в разумной мере индивидуалистические установки, ориентацию на себя, свои интересы и потребности, обладать рациональным, альтернативным мышлением и прагматическим отношением к жизни;
- иметь национальное сознание российского гражданина, быть патриотом, борющимся за сохранение единства России и ее становление как великой державы, занимающей одно из ведущих мест в мировом сообществе.

Кроме того, каждый жизнеспособный человек должен уметь понимать и быть готовым отстаивать интересы своей социально-возрастной, профессиональной, этнической, социальной общности, к которой он принадлежит по своему происхождению и социальному статусу и т. п.

7. ЗАДАЧИ ВОСПИТАНИЯ

Общая цель воспитания достигается посредством решения конкретных задач, среди которых наиболее актуальными являются следующие:

- ориентация личности на гуманистические установки и смысложизненные ценности в новых социально-политических и экономических условиях общества, определение своего места и целей жизнедеятельности, формирование самосознания и гуманистически направленных высших потребностей;

- формирование национального самосознания, гражданственности, патриотизма, уважения к законности и правопорядку, внутренней свободы и чувства собственного достоинства;
- воспитание потребности молодежи к освоению ценностей общечеловеческой и национальной культуры, формированию эстетических ценностей и вкуса, стремления к созданию и приумножению ценностей духовной культуры, участию в культурной жизни российского общества;
- приобщение молодежи к общечеловеческим нормам морали, национальным традициям, кодексам профессиональной чести и моральным ценностям соответствующих социальных слоев и групп, воспитание адекватной самооценки результатов своей деятельности;
- выявление и развитие задатков, формирование на их основе общих и специфических способностей, индивидуальности личности, возвышение ее творческого потенциала и способности к саморазвитию;
- воспитание потребности к труду как первой жизненной необходимости, высшей жизненной ценности и главного способа достижения жизненного успеха, целеустремленности и предприимчивости, конкурентоспособности во всех сферах жизнедеятельности;
- воспитание потребности к физической культуре и здоровому образу жизни, стремления к созданию семьи, продолжению рода, материальному обеспечению и воспитанию нового поколения в духе гуманизма и демократии.

Одной из задач воспитания молодежи в плане освоения национальной культуры является формирование речевой культуры, что особенно важно в настоящее время, когда наблюдаются многие негативные явления, такие как сквернословие, молодежный сленг, засорение иностранными словами русского языка. Этую задачу следует решать прежде всего на уровне дошкольного и школьного воспитания, всячески пресекать сквернословие молодежи.

Постановка цели и задач воспитания жизнеспособного поколения предполагает, что они должны быть присущи молодежи России в целом, без подразделения ее на социальные группы, поскольку каждый молодой человек должен обладать личностными психологическими и гражданскими качествами, обеспечивающими его жизнеспособность.

8. Принципы воспитания

В новой концепции воспитания можно выделить следующие основные принципы:

- **гуманизма** к объектам воспитания, предполагающего отношение к личности молодого человека как к самоценности;
- **духовности**, проявляющейся в формировании у молодого человека смысложизненных духовных ориентаций, потребностей к освоению и производству ценностей культуры, соблюдению общечеловеческих норм гуманистической морали, интеллигентности и образа мысли российского гражданина;
- **демократизма**, означающего воспитание поколения, способного не только эффективно осуществлять жизнедеятельность в условиях демократических реформ (т. е. воспитание для демократии), но и демократизацию самой системы воспитания, переход от тоталитарной системы с ее односторонней идеологией и принудительным воздействием на объект воспитания к системе, основанной на взаимодействии, на педагогике сотрудничества воспитателя и воспитанника;
- **гражданственности и патриотизма**, предполагающего формирование национального сознания у молодежи как одного из основных условий жизнеспособности молодого поколения и обеспечивающего целостность России, связь между поколениями, освоение и приумножение национальной культуры во всех ее проявлениях;
- **конкурентоспособности**, выступающей как специфическая особенность экономической свободы и свободы предпринимательства в условиях демократизирующегося общества, предполагающей формирование соответствующего типа личности молодого человека, способного к динамичной горизонтальной и вертикальной мобильности, смене видов деятельности, освоению новых профессий, нахождению эффективных решений в сложных условиях конкурентной борьбы;
- **толерантности** (терпимости), являющейся одним из основных принципов воспитания молодежи в условиях плюрализма мнений, подходов, различных идей для решения одних и тех же

проблем; терпимость к мнениям других людей, учет их интересов; терпимость к инакомыслию и другим культурам, другому образу жизни, поведению людей, не укладывающемуся в рамки повседневного опыта, но не выходящего за рамки требований законов;

— **индивидуализации**, заключающейся в том, что личность в условиях демократических реформ получает свободу проявления своих индивидуальных особенностей в полной мере, ориентацию на собственные интересы и потребности и за счет этого формирования способности не только выжить, но и проявить творческую активность. Система воспитания должна быть направлена не на производство усредненной личности, а индивидуально ориентирована, учитывая задатки и возможности каждого молодого человека в процессе его воспитания и социализации;

— **вариативности**, включающей многообразие типов воспитательных учреждений, а также различные варианты технологии и содержания воспитания, нацеленности системы воспитания не только на воспроизведение личностью образцов прошлого опыта предшествующих поколений, их идеалов и ценностей, а на развитие собственных взглядов, подходов, ценностей, принятие альтернативных решений, готовности к деятельности в непредвиденной ситуации.

9. ОСНОВНЫЕ КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ НОВОЙ СИСТЕМЫ ВОСПИТАНИЯ

Концепция воспитания жизнеспособного поколения предполагает создание системы воспитания, состоящей из **двух уровней**.

1. На **первом уровне**, который можно обозначить как стратегический, фундаментальный, формируются качества личности, обусловливающие ее жизнеспособность. Российское общество быстро дифференцируется по отношению к собственности, источникам доходов и уровням благосостояния. Эта дифференциация будет продолжаться, пока не достигнет определенной константы. В таком обществе необходимо, с одной стороны, следование тем общественным идеалам, целям и ценностям, по поводу которых достигнуто демократическое согласие, а с другой

стороны, для нарождающихся слоев и групп следует оставить возможность выбора более сложных, групповых, элитарных ценностей, а для системы воспитания — свободу экспериментирования. Синтез этих двух принципов позволит воспитывать основополагающие ценности и добродетели у всех детей и молодых людей с помощью всех имеющихся средств воспитания и в то же время будет сохранять открытость системы воспитания, позволяя избежать очередного заблуждения и фанатизма.

Говоря конкретнее, стратегический (фундаментальный) уровень воспитания обеспечивает целостный подход к формированию личности, ее общих способностей, гражданского воспитания, освоения ценностей общечеловеческой и национальной культуры, формирует ценностный подход молодого человека к материальным и духовным явлениям жизни и культуры с мировоззренческих позиций, определенных идеологией воспитания. Система воспитания должна выделять прежде всего национальные ценности, помогая различать добро и зло во всех жизненных ситуациях. На это необходимо ориентировать все структуры системы воспитания не только как на стратегическую задачу, но и на ситуативном уровне, когда решаются насущные задачи воспитания в переходный период.

2. Второй уровень системы воспитания нацелен на более узкие задачи в соответствии с требованиями к личности различных социальных слоев и групп общества. На этом уровне должна быть весьма значительна диверсификация воспитательных структур (институтов, учреждений, организаций и т. п.), вариативность содержания, форм и методов воспитания. Если на первом, базовом уровне в процессе воспитания формируются общие способности и гражданские качества личности, необходимые каждому молодому человеку, то на втором уровне формируются **специальные** способности, личностные качества, ценностно-мировоззренческие установки и морально этические принципы в зависимости от принадлежности данной конкретной личности к той или иной социальной группе, согласно требованиям этой группы, ее традициям, ценностям, интересам и целям существования.

Вариативность системы воспитания на втором уровне позволяет учитывать и другие аспекты формирования личности, такие

как, например, половое воспитание (воспитание «мужественности» или «женственности»), воспитание по возрастным группам молодежи и т. п.

3. Концепция воспитания предполагает постановку и реализацию **долговременных** целей, а также **ситуативных** задач, отвечающих требованиям и условиям переходного периода.

Долговременные цели представляют стратегию концепции и программы воспитания жизнеспособного поколения молодежи, направленную в будущее, где в полной мере будут реализованы принципы демократического общества. Здесь определяется не только общая модель, но и **общекультурный** тип личности, формируемой в российской социокультурной среде. Исходя из геополитического статуса России, ее традиционных духовных ценностей, а также с учетом наметившейся стратегической направленности социокультурных, политических и экономических изменений современного российского общества, наиболее целесообразным, на наш взгляд, было бы формирование нового **социокультурного типа личности**, в котором гармонически сочетаются с определенными ценностями европейской культуры традиционные российские ценности. При этом обеспечивается сохранение культурного ядра российской цивилизации, формируется готовность противостоять негативным влияниям других культур, что особенно важно в эпоху всемогущества средств массовой информации.

Стратегические цели должны учитывать то, что молодой человек в одно и то же время является носителем как общечеловеческих ценностей, так и ценностей российской культуры, менталитета российского гражданина, что будет выступать основой формирования национального самосознания для молодого поколения российского общества. При этом одной из очень важных и сложных задач является обеспечение связи, преемственности старших и младших поколений в условиях, когда происходит всеобщее отрицание предшествующего опыта.

4. Воспитание личности в условиях переходного периода должно основываться на мировоззренческих принципах стратегического (базового) уровня воспитания, но неизбежно учитывать и мировоззренческие установки современной ситуации. В свете нынешних тенденций мировоззрение молодежи будет оставаться

синкетичным, в нем будут сочетаться мировоззренческие установки различных идеологических систем, которые пытаются оказывать на нее свое влияние. Это относится к религии и различным конфессиям, которые стараются занять определяющее место в формировании национального самосознания. У традиционно христианских этносов это, прежде всего, православие, а в нехристианской традиции — ислам. Велика активность различных направлений буддизма и разного рода сект. Данная система воспитания ориентирована на ведущую роль научного и обыденного мировоззрения, формируемого обучением в школе и безрелигиозным светским воспитанием в семье и других воспитательных структурах.

5. В переходный период по сравнению с предыдущим кардинально изменяется направленность мировоззренческих установок по отношению к личности и ее положению в обществе. В недавнем прошлом система коммунистического воспитания формировала колективистское мировоззрение и соответствующие ему личностные качества, моральные установки и традиции. Новая концепция воспитания, особенно в переходный период, должна быть направлена на формирование в определенной степени **индивидуалистического типа личности**, способного к конкурентной борьбе. Если раньше в сознание человека с детства внедрялась идея, что «человек человеку — друг, товарищ и брат», то новая социальная действительность заставляет видеть в другом человеке социального партнера-соперника-конкурента. В некотором смысле другие люди рассматриваются как **средство** достижения личного успеха. Иными словами, новая концепция воспитания во многом использует принципы философии прагматизма. Чтобы быть жизнеспособной, личность переходного периода должна быть достаточно жесткой и конкурентоспособной. По результатам своей деятельности — ориентированной в большей степени не на общечеловеческие, гуманистические ценности, а на индивидуальные и групповые ценности.

6. Новая система воспитания должна обеспечивать формирование данного типа личности, акцентируя внимание на развитие ее потребностей в достижении своих целей и самоутверждении. Система воспитания на втором уровне должна формировать ка-

чества, обеспечивающие включенность личности в различные сферы жизнедеятельности общества: социальную активность, заинтересованность участвовать в общественной и политической жизни, культурно-досуговой деятельности и т. д. Таким образом, речь идет о формировании личности, умеющей отстаивать свои интересы и достигать их, учитывая при этом интересы своей социальной группы и всего общества.

7. Одной из наиболее важных проблем реализации концепции воспитания жизнеспособного поколения является создание **положительной мотивации** у самих молодых людей на восприятие и усвоение воспитательных воздействий, что в первую очередь определяет эффективность воспитательного процесса. Это особенно важно на начальном этапе, в условиях перехода к демократическому обществу и к демократической системе воспитания, основанной на педагогике сотрудничества.

Захочет ли молодой человек воспринимать воспитательные установки, формировать у себя необходимые гражданские и личностные качества на добровольной основе, без применения чрезмерных принудительных воздействий со стороны системы воспитания? Что необходимо предпринять, чтобы молодые люди осознали необходимость формирования у себя соответствующих качеств? В этом же плане стоит проблема **самовоспитания и саморазвития** личности как одна из ключевых проблем гуманизации воспитания.

Решение проблемы создания положительных мотиваций и самовоспитания следует осуществлять в двух аспектах. Прежде всего — это создание в **обществе** объективных и субъективных предпосылок, условий, побуждающих молодого человека формировать у себя необходимые качества при посредстве воспитателя и в процессе самовоспитания. Молодые люди должны видеть, в частности, что именно личность, соответствующая требованиям общества на данном этапе его развития, востребована обществом, что людям с такими характеристиками прежде всего обеспечивается вертикальная социальная и профессиональная мобильность (высокооплачиваемая работа, быстрый служебный рост, престижная, высокая должность и т. п.). Положительная мотивация будет в том случае, когда молодежь увидит многочисленные примеры

такого рода. Только в этом случае у нее возникнет потребность обладать знаниями и качествами, которые гарантируют достижение высокого социального и профессионального статуса.

Второй аспект затрагивает сферу **сознания** личности. В общественном сознании должен быть сформирован идеал определенного **культурного типа**, к которому следует стремиться молодому человеку. Такой образ идеальной личности должен пропагандироваться средствами литературы, искусства, массовой информации, как сейчас пропагандируется герой криминального типа, стоящий вне общечеловеческой морали, по ту сторону добра. Между тем необходимо целенаправленно формировать образ инициативного, имеющего высокую квалификацию, прагматически ориентированного, но ограниченного принципами гуманистической морали, законопослушного и именно потому преуспевающего молодого человека — гражданина России.

Воспитательный эффект будет только в том случае, когда оба этих аспекта, выступающие как внешние и внутренние факторы, обуславливающие мотивацию на формирование соответствующих гражданских и личностных качеств, будут задействованы одновременно. Такого рода мотивацию относительно воспитания молодежи можно видеть в развитых западных странах. Это особенно характерно для настоящего времени, когда после периода отрицания и протеста молодежь опять ориентируется на получение высококачественного образования, освоение культуры и общечеловеческих ценностей, на здоровый образ жизни.

8. В разработке концепции, создании системы и реализации процесса воспитания должен действовать принцип **регионализма**. Россия не просто огромная, но и чрезвычайно разнообразная страна. В ней есть сырьевые регионы (например, на российском Севере проживает 11 млн человек — 93% северян всего мира); урбанизированные регионы с преобладанием тяжелой, легкой и развитой научноемкой военной промышленности с заводами-гигантами и городами-заводами; регионы с преимущественно аграрным сектором. В России 1060 городов, из которых подавляющее большинство — малые, а также 2160 поселков городского типа, в которых (в малых городах и поселках) проживает больше половины россиян. В России десятки огромных и крупных городов, которые

имеют свои «регионы»: районы со многими культурно-художественными, образовательными и научными учреждениями; районы заводские и «спальные» и т. п. Есть регионы с относительно терпимым уровнем жизни, а есть такие, которые стали очагами социальной депрессии, точками роста социальной напряженности, грозящими взрывом всей страны. Иными словами, каждый регион России имеет свою социокультурную среду, которая воздействует на процессы образования и воспитания, облегчая или затрудняя их. Неоднородность социокультурных сред требует от организаторов воспитания обеспечивать, с одной стороны, единство национальной воспитательной политики, с другой — ориентировать ее на учет особенностей этого региона, на развитие существующих в нем традиций и самобытности. Регионализация воспитания ориентирует на творчество, поддержку новых очагов педагогической культуры, опытно-экспериментальных площадок, инновационных воспитательных центров, является одним из стимулов саморазвития всей системы воспитания.

10. СИСТЕМА ВОСПИТАНИЯ

1. Новая концепция воспитания реализуется на практике через систему воспитания, имеющую институциональный и неинституциональный уровни, а также с помощью различных институтов воспитания, форм и методов осуществления воспитательных воздействий.

Реализация новой концепции воспитания на неинституциональном уровне рассматривается как процесс социализации молодежи в различных сферах жизнедеятельности общества, где формируются соответствующие навыки, способности и личностные качества. Так, например, формирование у части молодежи социально значимых гражданских качеств и ценностных установок осуществляется через участие в деятельности общественных организаций, а также в деятельности различного рода неформальных движений, митингах и т. д.

На институциональном уровне основным институтом, осуществляющим организацию всей системы воспитания, ее дея-

тельности и контроль за этой деятельностью, является **государство**. Оно организует процесс воспитания подрастающего поколения на уровне дошкольного воспитания, школы, при получении профессионального образования и т. д. Воспитание молодежи — одно из направлений в государственной молодежной политике России на этапе переходного периода и на долговременную перспективу.

2. Государство через свои учреждения и организации должно обеспечивать **стратегический (фундаментальный, базовый)** уровень воспитания всей молодежи, безотносительно ее принадлежности к социальным группам, поскольку ставит целью формирование соответствующего типа гражданина этого государства. Система государственного воспитания была и остается основой воспитания и на **втором уровне**, когда воспитание осуществляется уже в соответствии с групповыми интересами самой личности, интересами социальных групп и их требований к личности. И это естественно, ибо система государственного воспитания призвана обеспечивать эффективность воспитания молодого поколения в целом.

3. Наряду с государством, одним из главных элементов системы воспитания является семья, особенно на этапе переходного периода, когда практически все институты прошлой системы воспитания свернули свои воспитательные функции по отношению к молодежи. При том что воспитательные возможности семьи резко сократились, именно семья сейчас несет и должна нести далее основную нагрузку в формировании личности молодого человека, его жизненных планов и ценностных установок, личностных и гражданских качеств, усвоения традиций и опыта старших поколений. Сложность современного этапа состоит в том, что старшее поколение не может в полной мере осуществлять функцию воспитания, поскольку ее ценностно-мировоззренческие ориентации, моральные установки и опыт во многом пришли в противоречие с изменившейся действительностью. Молодому поколению приходится самому накапливать соответствующий опыт, формировать свое мировоззрение, хотя и традиционные ценности имеют достаточно большое влияние в качестве смысложизненных ориентаций молодых людей.

4. Общеобразовательная школа выступает одним из основных институтов, осуществляющих процесс воспитания молодого поколения в полном его объеме. Воспитание проводится в течение всего периода обучения и среди всех возрастных групп школьников. В то же время каждая возрастная группа школьников имеет свои возрастные особенности, определяющие цели, методы, формы и средства воспитания.

Старшая возрастная группа школьников (9–11-е классы) входит в состав социально-возрастной группы молодежи. Ранее для школьной системы воспитания во всех возрастных группах были характерны авторитарная педагогика и объектный принцип воспитания, где ученики даже старших классов рассматривались только как объект воспитания, а не его полноправный субъект. Мало что изменилось в российской общеобразовательной школе и в настоящее время, поскольку кадровый корпус учителей остался прежним, значительно утратив при этом эффективность своих воспитательных воздействий.

Современную ситуацию в школе можно определить как ситуацию переходного периода, поскольку старые методы и формы уже не дают ожидаемых результатов, а новые формы воспитательных воздействий еще не разработаны в достаточной степени, не подготовлены кадры преподавателей, способных осуществлять педагогику сотрудничества, особенно в старших классах.

Данная концепция рассматривает школу как институт воспитания молодежи, призванный формировать личность молодого россиянина на первом уровне воспитательного процесса. Общеобразовательная школа во всех ее формах существования (специальные школы, лицеи, гимназии и т. п.) должна прежде всего реализовать гуманистические принципы, исходя из идеи равенства стартовых возможностей, единой идеологии, менталитета российского гражданина, единой российской культуры. Школа является тем институтом воспитания, где формируется патриотическое чувство причастности к большой и малой Родине, происходит становление гражданина российского общества.

Школа в определенной мере должна осуществлять и воспитание на втором уровне, исходя из принадлежности учащихся к различным социальным и национальным группам населения. На

этом уровне воспитание, по мере возможности, должно быть дифференцировано с учетом социальных и личностных интересов, а также возможностей учащихся.

5. Профессиональные образовательные учреждения. Государство реализует свою воспитательную функцию прежде всего через систему профессионального образования всех уровней: ПТУ, техникумы, вузы. В период советской власти эти учреждения играли значительную роль в воспитании молодого поколения. Была создана общественно-административная структура по воспитанию учащихся и студентов в каждом учебном заведении, а также на всех уровнях партийных, комсомольских и государственных структур существовали отделы и управления по работе с учащейся молодежью. Воспитанию молодежи внимания уделялось не менее, чем становлению квалифицированного специалиста.

В настоящее время в системе профессионального образования молодежи разрушены почти все воспитательные структуры, что явилось реакцией на излишнюю заидеологизированность прежней системы воспитания. Проводится в жизнь идея о том, что получаемое знание имеет воспитательную функцию, т. е. воспитание подменяется обучением. Ликвидированы различные воспитательные структуры в учебных заведениях (например, институт кураторов учебных групп в вузах и т. п.).

Вместе с тем профессиональные учебные заведения остаются наиболее действенным институтом воспитания молодого поколения. Многие учебные заведения, в том числе и вузы, по собственной инициативе заново создают структуры, осуществляющие воспитательные функции, причем на административно-общественной основе. Например, в отдельных вузах вводятся должности проректоров по воспитательной работе, разрабатываются планы воспитательной деятельности с участием всего преподавательского корпуса.

Предлагаемая концепция в плане ее практической реализации рассматривает систему профессионального образования как важнейший институт воспитательного воздействия на учающуюся молодежь, особенно на втором уровне формирования личностных и гражданских качеств молодого человека. Первый уровень воспитания должен быть в основном реализован в системе средней

школы, и эффективность его реализации должна быть подкреплена прямым (финансовым и кадровым) и косвенным воздействием (введением экзаменов, моральным поощрением учителей, ведущих воспитательную работу, и т. п.).

6. Вооруженные силы во всех странах, наряду с системой образования, являются тем институтом, через который государство осуществляет свою воспитательную функцию. В бывшем Советском Союзе армия достаточно эффективно воспитывала молодежь в соответствии с целевыми установками партии. Существовал институт политработников, специально подготовленных для выполнения воспитательных функций среди личного состава армейских подразделений. В настоящее время воспитательная работа проводится на весьма низком уровне.

Армия как институт воспитания призвана формировать личностные и гражданские качества первого уровня, необходимо присущие всей молодежи России, такие как патриотизм, гражданское мужество, инициативность, социальная активность, умение действовать в нестандартной обстановке и т. п. В мировоззренческом плане здесь наиболее эффективно можно формировать гуманистические установки и проводить в жизнь национальную идею национального возрождения России.

Для успешного функционирования армии как института воспитания молодежи в ее структуре необходимо создать институт специалистов по воспитательной работе с личным составом. Специалисты должны иметь соответствующую подготовку именно по работе с армейской молодежью, которая имеет свою специфику. Этую работу нельзя подменять другими формами работы с личным составом, например, социальной работой или деятельностью религиозных организаций, которые настоятельно предлагают свои услуги в настоящее время. Именно воспитательная работа с армейской молодежью благотворно скажется как на укреплении боевого духа армии, так и на становлении личности молодых воинов, а также на проведении демократических преобразований российского общества.

7. В истории общества церковь всегда выступала в качестве особого института воспитания молодежи, причем не только религиозного, но и патриотического, гражданского, а также участво-

вала в становлении национального самосознания молодого поколения. Советская власть резко ограничила функции церкви, отделив ее от государства, в том числе практически ликвидировала и воспитательную функцию, отделив школу от церкви.

Демократические изменения в России позволили реализовать право свободы совести населению страны по отношению к религии. Религиозные организации всех конфессий резко активизировали свою деятельность, в том числе и в отношении воспитания молодежи. В настоящее время воспитательная функция церкви не играет значительной роли в обществе в той степени, как она на это претендует, поскольку сказываются годы атеистического воспитания и противостояния государства и церкви. С углублением демократических преобразований в российском обществе роль церкви как института воспитания молодежи будет возрастать, особенно с восстановлением ее структуры по всей территории России. Необходимо регулировать взаимоотношение государства и церкви в этом отношении, поскольку религиозные организации различных конфессий вполне могут выполнять воспитание молодого поколения определенных социальных групп и слоев населения.

8. Воспитательная функция молодежных организаций. Через эти структуры государство может реализовать свою политику по отношению к молодежи и, в частности, воспитательные функции. В годы советской власти весьма действенное воспитательное воздействие на всю социально-возрастную группу молодежи оказывала комсомольская организация, имевшая свои структуры практически во всех территориально-производственных сферах. Комсомол активно проводил в жизнь политику партии среди молодежи, формируя личность молодого человека и поколения в целом в соответствии с директивами партии.

В современный период существующие молодежные организации не оказывают сколько-нибудь заметного влияния на воспитание молодежи, не имея соответствующих целей, структуры и необходимого финансирования. Эти организации малочисленны, их деятельность практически не координируется.

Молодежные организации могут выступать достаточно действенным институтом воспитательной работы и проведения

в жизнь молодежной политики государства при условии их частичного финансирования со стороны государства, а также при постановке им соответствующих задач и координации их деятельности. При этом воспитательная работа должна проводиться на втором уровне, с учетом интересов и склонностей тех групп молодежи, которые входят в соответствующие организации.

9. Политические партии выражают интересы различных социальных слоев и групп населения. Почти все политические партии и общественные движения уделяют внимание молодежи, стараясь привлечь ее в число своих сторонников. При этом на молодежь оказывается определенное воспитательное воздействие, особенно в плане формирования мировоззренческих, морально-ценостных и социально-политических ориентиров и установок.

Предлагаемая концепция рассматривает политические партии и движения как один из воспитательных институтов общества, формирующих различные социальные слои и группы молодежи в своих интересах. В целом как институт воспитания партии и общественные движения могут оказывать целенаправленное воздействие как на первом, так и на втором уровнях воспитания. На первом уровне будет осуществляться формирование гражданственности, патриотизма, гуманистических качеств личности, уважение к законам, становление культуры демократизма и т. п. На втором уровне будут формироваться качества, необходимые для соответствующих социальных групп, чьи интересы выражает партия или движение. Воспитательное воздействие может осуществляться в различных формах и через различного рода структуры, например, молодежные клубы, клубы молодых политических лидеров, летние лагеря и т. п.

10. Спортивные организации всегда играли значительную роль в становлении молодого поколения. Здесь происходило не только физическое воспитание, развитие физических качеств молодого человека, укрепление его здоровья, но и целенаправленное формирование морально-волевых качеств, патриотизма и гражданского мужества, чем всегда отличались советские спортсмены. Особенно это было присуще спортивно-техническим и военно-прикладным видам спорта, где на идеях патриотизма были воспитаны значительные массы российского населения.

Сейчас спортивные организации в России находятся в затруднительном положении из-за отсутствия государственного финансирования и организационного единства. Эффективность воспитательных функций спортивных организаций резко снизилась, что не замедлило сказаться как на успехах российских спортсменов, так и на патриотизме, отсутствие которого определило «утечку» ведущих спортсменов за границу. Немаловажную роль в этом сыграло падение престижа спортсменов в общественном мнении.

Успешность реализации концепции воспитания жизнеспособного поколения молодежи будет во многом зависеть от деятельности спортивных организаций. Государство должно определить цели и задачи спортивных организаций по формированию физически здорового, патриотически настроенного поколения молодежи, обеспечив это соответствующими кадрами работников физической культуры, а также надлежащим финансированием.

11. Творческие организации всегда имели огромное влияние на молодежь через объединения литераторов, поэтов, художников, музыкантов и т. п., но главным образом через произведения литературы и искусства. В настоящее время творческие организации, литература, искусство и кино переживают трудный период в связи с отсутствием государственного финансирования, переходом на самофинансирование и платные услуги.

При проведении в жизнь государственной молодежной политики по воспитанию молодежи следует учесть то, что творческие организации могут частично решать задачи первого уровня воспитания и в большей мере способны эффективно осуществлять целевые установки второго уровня. На втором уровне, согласно предложенной концепции, творческие организации как институт воспитания будут формировать личностные и гражданские качества молодежи в зависимости от имеющихся способностей и склонностей к тому или иному виду творческой деятельности. Для нормальной деятельности этих организаций необходимы соответствующая подготовка кадров и надлежащее государственное финансирование.

12. Средства массовой информации. В эпоху информационной цивилизации они оказывают сильнейшее воздействие на

самые широкие слои молодежи, включая все ее социальные и возрастные группы. Учитывая это, государство должно проводить в отношении СМИ очень взвешенную политику.

В настоящее время СМИ в основном проводят линию на разрушение мировоззренческих устоев молодежи, насаждают бездуховность и потребительство, рекламируют жестокость, насилие и криминальное поведение, нацеленное на нетрудовое, легкое и быстрое обогащение. Коммерциализация СМИ принесла катастрофические последствия не только им самим, но и всей российской культуре, и в особенности воспитанию молодого поколения. Идет целенаправленное унижение духовности российского народа, разрушение его национального самосознания и менталитета, что крайне негативно сказывается на воспитании молодых россиян.

13. Содержательная сторона системы воспитания имеет структуру, включающую следующие разделы: нравственное воспитание, воспитание гражданственности и патриотизма, эстетическое воспитание, физическое воспитание, а также различные виды, связанные с принадлежностью к социальным группам (религиозное, атеистическое, национальное и т. п.).

Каждый из этих разделов (элементов структуры) реализуется через освоение соответствующего содержания, формирование умений, навыков, личностных качеств, а также через различные организационные структуры (музеи, храмы, студии, спортивные организации и т. п.).

Здесь необходима весьма значительная работа по организации деятельности такого рода воспитательных структур в условиях переходного периода, что должно быть учтено при разработке и осуществлении государственной молодежной политики России.

14. Непосредственная реализация новой концепции воспитания осуществляется через различные **формы и методы** проведения воспитательного процесса, с использованием необходимых средств. Положительный опыт по воспитанию молодого поколения, накопленный за годы советской власти, необходимо использовать в новых условиях. Особенно ценен здесь опыт педагогов-новаторов: Амонашвили, Шаталова и др., не получивший широкого распространения в прошлые годы. В настоящее время этот опыт будет способствовать формированию нового поколения молодежи.

В то же время условия переходного периода и стратегические цели воспитания ставят новые проблемы, без решения которых невозможно эффективно осуществлять процесс формирования личности в новую эпоху, переживаемую Россией. Среди такого рода проблем можно выделить:

- определение степени жесткости системы воспитания на переходном периоде и на перспективу, в частности, соотношение убеждения и принуждения в системе воспитания в условиях демократических свобод;
- формирование потребности к труду при отсутствии внешнего принуждения и моральных стимулов к нему, что особенно касается получения рабочих профессий и труда в сфере материального производства;
- соотношение воспитания и самовоспитания, выявление факторов мотивации самовоспитания;
- наличие необходимых задатков и необходимость формирования требуемых профессиональных и личностных качеств;
- разработка форм и методов становления национального самосознания и ценностных установок в соответствии с интересами различных социальных групп.

11. КАДРОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ

1. Подготовка молодежных работников. Реализация государственной молодежной политики и, в частности, воспитание жизнеспособного поколения молодежи должны осуществляться прежде всего специально подготовленными кадрами по работе с молодежью. Анализ подготовки такого рода специалистов в западноевропейских странах показал, что единого подхода к этой проблеме не существует, однако такая работа ведется в широких масштабах многие десятилетия. В нашей стране **практически не существует** единой системы подготовки такого рода кадров. Подготовка осуществляется в рамках специальности «социальная работа». Обучение таких кадров высшей квалификации проводится в нескольких учебных заведениях, в том числе и в МГСА, однако этого явно не достаточно. В целях проведения эффективной мо-

лодежной политики и воспитания молодежи необходимо создать систему подготовки специалистов различного уровня квалификации с учетом профиля специализации и региональных особенностей России.

2. Подготовка воспитателей. Одной из основных проблем проявления в жизнь концепции воспитания жизнеспособных поколений является проблема кадров воспитателей, способных в новых условиях решать неординарные проблемы воспитания современной молодежи. Имевшийся корпус воспитателей молодежи, существовавший во всех институциональных структурах, не только практически утрачен в настоящее время, но зачастую и не может эффективно действовать в новых условиях. Педагогические вузы практически не готовят своих выпускников к воспитательной работе, у большинства из них нет к ней желания, они настроены преподавать, поучать, но не воспитывать.

Реализация новых задач воспитания требует формирования кадрового корпуса воспитателей для всех институциональных структур воспитания, рассмотренных выше. Каждый из этих институтов, особенно самые влиятельные из них: система общего и профессионального образования, армия, молодежные и спортивные организации — потребуют для эффективного функционирования кадров воспитателей, подготовленных с учетом специфики деятельности в каждом из этих институтов. В школе нужны специалисты по внеклассной работе, способные воспитывать современную учащуюся молодежь старших классов. В армии необходимы специалисты по работе с военнослужащими, которые могут решать свои специфические воспитательные задачи.

В перечень профессий следует внести профессию «молодежный работник», «специалист по внеучебной работе», а в перечень специальностей — аналогичные специальности различных уровней квалификации. Программы подготовки такого рода специалистов должны быть сориентированы на формирование у воспитанников гражданских и личностных качеств первого уровня, а специализация должна учитывать требования к личности второго уровня. Подготовку специалистов необходимо ориентировать не только на вербальные формы и методы воздействия на воспитанников, но и на практическое овладение необходимыми

гражданскими качествами в процессе активной социальной деятельности. При подготовке специалистов по воспитанию молодежи следует предусмотреть различные формы обучения, в том числе очные и заочные, а также возможность получения второй квалификации.

Создавая данную концепцию, ее авторы пока не смогли в полной мере ответить на все вопросы, которые следовало бы в ней осветить. Они продолжают работу, не претендую на то, что их общий взгляд и частные подходы «единственно верны». Представляется, что им удалось выдвинуть некую **систему** идей и понятий, которые (при условии их дальнейшей доработки) могут составить основу **новой концепции** воспитания. Пересмотр традиционных представлений, взглядов, определений в этой сфере знания и, следовательно, перемен в организации, формах и методах всей практической деятельности уже идет, но он должен стать более осмысленным, интенсивным и управляемым. Важно привлечь внимание всего общества к этой проблеме, включить в ее решение ученых, политиков и практиков воспитания, озабоченных судьбой новых поколений россиян и будущего России. Авторы будут вполне удовлетворены, если их труд хотя бы отчасти послужит этой цели.

Из монографии: Ильинский И. М. Молодежь и молодежная политика: Философия. История. Теория. М., 2001.

НАШ МОЛОДОЙ СОВРЕМЕННИК. ВОПРОСЫ МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ

Ни один серьезный исследователь не осмелится претендовать на всесторонность характеристики мировоззрения современной молодежи нашей страны. Не потому, что не хватает знаний или смелости (хотя широкое обобщение всегда несет в себе возможность ошибки, риска и, стало быть, требует известного мужества). Дело все же в другом. Для всесторонней и глубокой характеристики мировоззрения молодежи нужна серьезная эмпирическая основа. Именно ее-то и нет, точнее, почти нет.

Нельзя сказать, что социологи стоят в стороне от разработки проблем мировоззрения молодежи. Скажем, Научно-исследовательский центр ВКШ при ЦК ВЛКСМ в последние годы изучал проблемы активной жизненной позиции, атеистического воспитания, политической культуры, ценностных ориентации юношей и девушек. Отдельными сторонами проблемы занимались ученые ИСИ АН СССР, отделы и лаборатории вузов различных городов страны. Однако дать целостную, систематизированную картину состояния мировоззрения молодежи на основе полученных данных невозможно. И прежде всего потому, что исследования не всегда хорошо обоснованы теоретически, оснащены методически, не «состыкованы» между собой даже по важнейшим параметрам. Наконец, нельзя говорить о нынешнем состоянии мировоззрения молодежи на основе эмпирических данных, полученных вчера, а то и позавчера.

Вчера еще мы могли утверждать, что 80,9% молодежи задумывается о смысле жизни (данные ИСИ АН СССР, руководитель исследования — В. А. Мансуров). Вчера еще мы имели право ска-

зать, что 84% молодых людей считают социализм единственным общественным строем, который действительно реализует важнейшие социально-политические права и свободы человека (данные НИЦ ВКШ при ЦК ВЛКСМ, руководитель исследования — Ю. П. Ожегов). Вчера на вопрос нашей анкеты «Готовы ли Вы лично к тому, чтобы темпы роста Вашего личного благосостояния замедлились, если этого потребуют интересы укрепления оборонспособности нашей страны?» более $\frac{2}{3}$ молодых людей вполне определенно отвечали «да» и только 6% говорили «нет». Красноречивые цифры, не правда ли?

Как ответит на эти же и подобные вопросы молодежь сегодня, сказать трудно.

На идеалах и убеждениях молодежи не могли не оказаться длительные застойные явления в экономике, упущения в решении многих социально-культурных вопросов. Неизбежным следствием этого, как отмечалось на январском (1987 года) Пленуме ЦК КПСС, стали «падение интереса к общественным делам, проявления бездуховности и скептицизма, снижение роли моральных стимулов труда. Возросла прослойка людей, в том числе среди молодежи, для которых цель жизни свелась к материальному благополучию, к наживе любыми способами». По сознанию (и главным образом нравственному) молодых людей болезненно ударили многочисленные разоблачения, связанные с грубым нарушением социалистической законности, взяточничеством, коррупцией, кумовством.

Сталкиваясь с несовершенством настоящего, молодежь все упорнее обращается к прошлому, где наряду с победами есть и трагедии — культ личности, субъективизм и волонтаризм, вопиющий разрыв между словом и делом. В формирующемся сознании и душах молодых людей все это вызывает подчас смятение. В поисках ответа на возникающие вопросы молодежь обращается к науке, которая призвана объяснить прошлое и настоящее, дать прогноз будущего. И сталкивается с тем, что нередко наше обществознание «безмолвствует» из-за своей склонности к спекулятивности, конъюнктурщине, догматизму, схоластическому теоретизированию, из-за неумения смело смотреть в глаза правде. Острота противоречий внутренней жизни нашего общества в со-

вокупности с резко обострившейся международной обстановкой, возросшей опасностью ядерной войны, усилившейся идеологической борьбой не могут не породить остройших противоречий в сознании, которое эту объективную реальность отражает, не могут не привести к деформациям в духовной структуре личности.

Таким образом, первое, что необходимо отметить и признать естественным, неизбежным, — это существенные сдвиги в мировоззрении нашей молодежи. В самом деле, как можно перестроить общество, не изменив взгляды и отношения людей, из которых оно состоит? Как можно осуществить перестройку, не изменив систему ценностей, интересов и потребностей людей, их представлений о настоящем и будущем общества? Второе, что следует признать, — огромная и все возрастающая противоречивость сознания молодежи, возникновение явлений и тенденций негативного свойства.

Исследователи нашего Центра зафиксировали, например, устойчивую тенденцию: число молодых людей, сознающих необходимость углубления своих политических знаний, за последние пять–семь лет увеличилось почти на 30%. При этом происходит поляризация политического сознания юношеской и девушек. Среди политически активных молодых людей появился своего рода «авангард» — те, кто разъясняет политические проблемы не по заданию, а по велению своей души, делает это всюду, где возникает острыя ситуация, требующая вмешательства политически грамотного, неравнодушного к судьбам нашего общества человека. И это не единицы! Среди опрошенной молодежи таких около 40%. Знаменательное явление, которого мы раньше не наблюдали!

Однако налицо и негативные процессы. Крайне мал интерес молодежи к занятиям в кружках комсомольского политического образования. Почти 48% опрошенных молодых людей не видят необходимости в классовой оценке произведений литературы, художественного и песенного творчества, потребительской психологии. Деятельность 6% неформальных, самодеятельных объединений молодежи носит асоциальный, а нередко и аполитичный характер.

Взрыв негодования вызвала среди молодежи статья В. Куприянова «Двойники» («Комсомольская правда», 1985, 20 ян-

варя). И не только потому, что «герои» этой статьи в школе были отличниками, а в свободное время становились мерзавцами, циниками. «Двойная мораль» этих юнцов строилась на двойственности их политического сознания. В школе они были комсомольскими активистами, а в «компании» начинали бредить фашистскими идеями. Это, конечно, крайний случай. Но политическое злопыхательство, аполитичность встречаются, к сожалению, не так уж редко. Социологи нашего центра отметили, что критическое отношение молодых людей к негативным явлениям нашей действительности порой переходит в откровенное критиканство, отрицание материальных и духовных достижений социализма.

Противоречивые тенденции налицо и в отношении молодежи к труду.

Благодаря улучшению профориентационной работы в последние годы удалось переломить тенденцию пренебрежительного отношения молодежи к рабочим профессиям. И все же большинство выпускников средних школ ориентируется на поступление в вузы. Только 35% собираются идти на производство; $\frac{2}{3}$, проработав на предприятии год, хотели бы сменить профессию.

Возросло число молодых людей, которые трудятся добросовестно. Свыше 85% молодых рабочих выполняют плановые задания, 75% выпускают продукцию высокого качества. И в то же время каждый десятый не справляется с плановыми заданиями, каждый четвертый выпускает продукцию низкого качества, допускает брак, каждый пятый не соблюдает режим экономии, каждый третий нарушает трудовую дисциплину, не считает себя хозяином предприятия, более половины не принимают участия в управлении трудовым коллективом.

Значительная часть юношей и девушек работает без интереса; не желает повышать свое профессиональное мастерство, ориентируется главным образом на заработок. Примерно каждый пятый опрошенный стремится избрать такой род профессиональной деятельности, в рамках которого можно было бы работать, не слишком утруждая себя, и в то же время пользоваться многими благами. И это сегодня, когда все острее дефицит трудовых ресурсов, когда цена каждой пары рабочих рук растет, когда спрос на твор-

чество неизмеримо увеличивается, когда без знаний не сделать и шага вперед.

Пожалуй, наиболее противоречиво нравственное сознание молодежи, в котором за последние годы произошли существенные изменения.

Исследования 1984 года свидетельствуют, что абсолютное большинство юношей и девушек (свыше 80% — данные ИСИ АН СССР и НИЦ ВКШ при ЦК ВЛКСМ) полностью или в основном приемлют нравственные нормы советского общества. Молодежь высоко ценит творческую работу, дружбу, семью, чистую совесть, уважение окружающих, духовное совершенство личности, нетерпимо относится к зависти, угодничеству, карьеризму, индивидуализму и эгоизму, бездумному времяпрепровождению. От 67% до 80% опрошенных молодых людей решительно осуждают тех, кто пытается жить за чужой счет.

Однако в нравственном сознании и нравственных ориентациях молодежи нарастают и негативные тенденции. Снижается уровень моральной ответственности. Это проявляется и в отношении к общественной работе, где увеличивается доля лиц, выполняющих свои обязанности не в силу чувства долга, а в силу привходящих обстоятельств, в частности из корыстных соображений. Так, из 1260 опрошенных секретарей комитетов комсомола с правами райкома 28% отметили у коллег карьеристские настроения, стремление использовать служебные связи и отношения в личных целях, достичь высокой должности, не церемонясь со средствами. Около 12% секретарей считают легкомысленным отношение своих коллег к жизни, семье, браку. Участники опроса отметили, что среди комсомольских руководителей есть люди, которые не очень считаются с социальными нормами.

Одно из наиболее распространенных и опасных явлений в молодежной среде — потребительство. Иждивенческая психология определяет тип мышления и поведения значительной части молодежи. Свыше $\frac{2}{3}$ выпускников средних школ рассчитывают на материальную поддержку родителей дообретения ими полного (по их представлениям) благосостояния. В молодежной среде (в крупных городах, среди студентов, интеллигенции и части рабочих) сложилась иллюзорная система социальных перемещений,

основанная на степени обладания некоей совокупностью материальных благ. В этот «набор» входят: импортная одежда и обувь, радиоаппаратура и видеотехника, изделия из драгоценных металлов. Они в известной мере определяют социальный статус молодого человека, служат своеобразным пропуском в неформальные группы. Большинство опрошенных оправдывают существование в нашем обществе спекулянтов, так как последние помогают им приобретать модную одежду.

Большинство респондентов решительно осуждают потребительство как стиль жизни и тех, кто пытается взять из общества побольше, а дать поменьше. Особо нетерпимы к вещизму и иждивенчеству ИТР, сельская и творческая молодежь. Почему? Этот вопрос требует основательного анализа. Не потому ли, например, что уровень их зарплаты низок и это не позволяет им приобрести желанные вещи?

Следствием потребительской «философии» является упадок творческой и социальной активности личности, бездуховность, рост своекорыстия, зависти, лжи, беспринципности и, наконец, преступности, в том числе взяточничества и воровства. В конечном счете потребительство ведет к подрыву морально-политического единства общества.

И это происходит в условиях, когда в нашей стране ведется борьба за повышение уровня благосостояния советских людей, когда вводится полный хозрасчет, применяется закон об индивидуальной трудовой деятельности. Если все эти явления не будут осмыслены, если претворение важных экономических мер не будет подкреплено качественно новыми, более эффективными воспитательными мерами, то в молодежной среде следует ожидать дальнейшего усиления потребительских настроений.

Крайне небезопасно думать, что жить можно только материальными интересами, что улучшать жизнь — значит улучшать экономику. Без духовных основ, без веры в идеалы, без высокой цели, без таких святынь, как Родина, Честь, Доброта, Справедливость и Долг, жизнь теряет смысл. Мы имеем некоторый опыт жизни в относительно благоприятных материальных условиях. И что же? Потребительство, вещизм, индивидуализм и эгоизм, pragmatism и иждивенчество — вот результаты материального достатка без

идущего рядом духовного возвышения личности. Чтобы пороки эти не умножались и не углублялись, нужно сделать очень многое в духовной сфере. Вместе с научно-технической революцией должна произойти революция духовная, гуманистическая. Быть может, наиболее опасная тенденция в молодежной среде — падение регулятивной роли нравственного идеала. Речь идет о двойственности мышления — одни мысли «про себя», в узком кругу, другие — на людях, на собраниях; о двойной морали — на словах за нормы социалистической нравственности, а в реальных делах, поступках, поведении — все наоборот. Двойственность сознания и морали — последний порог духовной деградации личности, утраты коммунистических убеждений, веры в возможность благотворных социальных перемен, достижимость тех задач, которые выдвигаются в ходе сложного, трудного движения нашего общества по пути коммунистических преобразований.

Вскоре после XXVII съезда КПСС наш Центр провел опрос с целью выяснить отношение людей к основным его решениям. Через несколько месяцев был сделан повторный опрос. Исследование показывает, что XXVII съезд КПСС создал в обществе оптимистическую атмосферу. Около 65% опрошенных считают, что настроение людей значительно изменилось к лучшему. Абсолютное большинство поддерживает положения Политического доклада ЦК КПСС XXVII съезду партии, решения съезда, верят в их реальность и готовы делать все необходимое, чтобы их осуществить. В то же время около 24% опрошенных считают, что «люди не активны, не хотят вмешиваться в общественные дела, ожидают, что будет». Так, одобряя курс партии на повышение в ближайшие 15 лет реального дохода на душу населения в 1,6–1,8 раза, лишь 24,3% опрошенных выразили уверенность, что для достижения этой задачи в стране имеется достаточный экономический потенциал. Лишь 30% опрошенных считают, что к 2000 году можно решить жилищную проблему в том виде, как она поставлена в решениях съезда.

В конце 1986 года в нашем Центре было проанализировано 830 писем из читательской почты «Комсомольской правды», поступивших в газету как отклик на рубрику «С трибуны XX съезда комсомола я сказал бы...». Среди авторов не только молодежь.

Каждый пятый — старше 30 лет, в том числе более половины — ветераны труда и войны. Обращает на себя внимание тот факт, что 12,6% авторов настроены пессимистически: они ставят проблемы в самой резкой форме, но не видят при этом путей их решения. Более 6% писем содержат злобную критику комсомола, 23% авторов проявляют нейтральный подход к поставленным ими же проблемам. Почти 30% писем прошло без подписи.

Конечно, это всего лишь опросы общественного мнения — крайне динамичного, зыбкого. Нельзя делать на основе данных только таких опросов далеко идущие выводы. Но в известной мере они отражают умонастроения молодежи.

Именно в этом контексте, думается, нужно рассматривать и тенденцию снижения уровня атеистической убежденности молодых людей на общем фоне изменения их отношения к религиозной атрибутике и религии, которую часть молодежи считает социально и мировоззренчески безвредной. Эти молодые люди не пришли к религии: доля верующих — приверженцев традиционных религий — практически не изменилась. Однако это не дает оснований для успокоения. Проблема сложнее. Более 30% молодых людей, которые не считают себя верующими, участвовали в обрядах крещения и читали религиозную литературу. Около 40% посещали действующие церкви, мечети, молитвенные дома. Особенно сильны богоискательские настроения среди молодежи, имеющей высшее образование. Здесь доля юношей и девушек, носящих крестики, «святые нити», украшающих свои жилища религиозной символикой, за последние пять лет увеличилась вдвое.

Почему сегодня в богоискательство ударились многие молодые люди, с еще не окрепшими душами и умами?

Причин, как и во всяком сложном явлении, несколько. Давно известно, например, что одна из сильнейших потребностей юношеского возраста — острая нужда в общении. Там, где эта потребность не удовлетворяется семьей, школой, короче — обществом, там возникает чувство одиночества, невыносимое для формирующейся души. Именно одиночество, тяга к самовыражению и общению с себе подобными и гонит юношу в неформальные, порой весьма сомнительные компании, в объятия религии, обещающей страждущему сочувствие, помочь в несчастье и преодолении

тягот повседневной жизни. Таков социально-психологический аспект проблемы. Но этим она не исчерпывается.

Сегодня, как во все времена, люди ищут не бога, а веру. О проблеме веры, как компоненте коммунистической убежденности, построенной на знании, но все же веры, стоит сказать особо. Она, как и знание, носит активный характер, ею не следует пренебрегать, ее не надо бояться. Эмоции и чувства действуют на ум порой куда сильнее, чем знания, и становятся мотивом действий. Неверие — источник пассивности, тормоз общественного развития. А мы говорим не просто о развитии общества, а о развитии ускоренном.

Возродить веру у тех, у кого она расшатана или утрачена, усилить и укрепить ее в душе каждого труженика — вот актуальнейшая задача сегодняшнего дня, которую надо решать и политически, и экономически, и пропагандистски, и организационно.

Нельзя не учитывать, что многие задачи перестройки и ускорения для миллионов людей остаются непонятными до тех пор, пока не получают в их сознании четкой рациональной формы выражения; что в обыденном сознании современные, сложные, трудные для понимания, противоречивые проблемы упрощаются чрезвычайно, решаются на эмоционально-волевой основе. Слишком многое на крутом переломе истории пока лишь предчувствуется, предвидится, грезится, выглядит как мечта. А действовать между тем надо уже сегодня, немедленно и более активно, чем прежде. Не ждать, пока концепция ускорения вызреет полностью, ведь это случится лишь вслед за изменениями в нашей действительности. Замкнутый круг можно разорвать только действием, а не созерцанием. Действием, основанным на доверии к политическим решениям.

Для того чтобы люди начали действовать активно, с энтузиазмом, их надо убедить в том, что намеченные задачи отвечают их интересам. Убежденность масс как следствие воспитания убеждением — вот главное условие достижения намеченных целей. И чем сложнее, масштабнее эти цели, тем выше должна быть мера убежденности, у которой есть свое начало, когда она только зарождается. На этом начальном этапе наряду со знанием законов и тенденций общественного развития огромное значение имеет вера в прозорливость науки и политических деятелей, а также в опыт

прошлого и реальные изменения в настоящем. Необходимо поднять и доверие к научному знанию как основе убеждений.

Убежденность молодежи, таким образом, должна быть укреплена и с объективной стороны (знание), и с субъективной стороны (вера). Чем основательней теоретический фундамент сознания личности, тем уверенней становится человек, тем в большей степени его чувства, воля, стремления сливаются с рациональным элементом сознания.

Сегодня обществу очень недостает людей вдохновенных, страстных, уверенных, умеющих зажечь и увлечь за собой других. Энтузиастов и подвижников не хватает. Известно, что невозможно совершить революцию в душе человека по принуждению. Ибо, как известно, нельзя освободить народ внешне более, нежели он свободен изнутри. Мы можем перестроить наши общественные отношения в той мере, в какой перестроится каждая личность.

Говорить о каком-то общем, едином уровне коммунистической убежденности и веры советской молодежи в наш идеал не приходится. Слишком неоднородны, многообразны, многозначны, многоголики те огромные массы, которые мы называем «советский народ», «советская молодежь».

Чудеса современной НТР — телевизор, транзистор, видеотехника и ЭВМ — оказываются порой рядом с дремучим невежеством. Случается, что «микроскопом забивают гвозди», а компьютер превращают в подставку для самовара.

Изъяны в формировании мировоззрения молодежи во многом — следствие не только известных издержек в развитии нашего общества, социальных условий жизни, воздействия буржуазной идеологии и пропаганды, но также результат упущений и недостатков функционирования системы коммунистического воспитания молодежи. В частности, воспитательной деятельности комсомола. Существенная перестройка последней — веление времени. Речь идет о создании в обществе и в комсомольско-молодежной среде демократической нравственно-психологической атмосферы, которая побуждала бы к постоянному поиску и утверждению новых, более совершенных способов и форм жизнедеятельности, отвечающих духу времени, потребностям общества. Нельзя ви-

деть в юношестве только объект воздействия. Задачи интенсификации предполагают в молодом поколении преимущественно субъект исторического действия, активную созидательную силу. Время властно требует претворения в жизнь концепции самореализации молодого поколения. Концепции, разработать которую нам еще предстоит.

Общество и семья не только (и не столько) должны давать детям и молодым людям все, что они хотят, поощряя тем самым в них иждивенчество, потребительские наклонности, сколько разрешать им делать то, что они хотят (разумеется, в интересах общества), развивая тем самым самостоятельность, самообразование и самовоспитание, ответственность за свое поведение и за все, что происходит вокруг. Для того чтобы повысить инициативу и активность молодежи, сформировать у нее новый тип мышления и стиль деятельности, многочисленные писаные и неписаные «табу» должны быть заменены «разрешительной педагогикой», терпимостью и лояльностью. Молодежь нужно критиковать, но при этом заботиться о ней, доверять ей большие дела.

Усиление внимания к молодому поколению на деле означает выработку новой молодежной политики КПСС и Советского государства. Воспитательная работа с молодежью должна стать гораздо интенсивнее, богаче по содержанию, разнообразнее по формам и методам. Коренная задача комсомола — воспитывать активных, сознательных строителей нового общества, преданных идеалам коммунизма, трудолюбивых, готовых к подвигу, самопожертвованию. Это в полной мере относится и к деятельности комсомола, к системе комсомольской пропаганды и агитации, которая должна резко повысить и оперативность, и эффективность своей работы. Не нудный монолог и морализаторство, а острый диалог, «свободная трибуна», диспут, дискуссия, политвикторина, политбой, политклуб — словом, действительно коллективное обсуждение назревших проблем должно стать нормой комсомольской жизни. Не столько массовые формы и мероприятия, рассчитанные на пресловутый «охват», а прежде всего индивидуальный подход, не только громкие всесоюзные акции, а кропотливая, повседневная работа с конкретным живым человеком должны доминировать. Центр воспитательной, а значит, и организаторской деятель-

ности должен быть перенесен в трудовой коллектив, в первичную организацию, по месту жительства.

На наш взгляд, необходимо расширить права комитетов комсомола в выборе форм и методов воспитательной работы с учетом специфических задач, которые комсомольская организация решает, условий, в которых она действует. Вся работа должна строиться на основе всестороннего изучения потребностей и интересов молодежи.

Особый вопрос — ревизия существующих форм воспитательной работы, среди которых немало отслуживших свой срок. Потчтение к их «возрасту» и «заслугам» мешает предъявить им строгий счет. Но это неизбежно придется сделать: нельзя браться за решение новых задач, не меняя к ним подходов.

Социологические исследования. 1987. № 2.

ВОСПИТАНИЕ В ИНДИВИДУАЛИЗИРОВАННОМ ОБЩЕСТВЕ¹

1. Первейшей задачей после захвата власти и перевода плановой экономики на рельсы рыночных отношений для нового российского режима и класса крупных собственников стала задача **внедрения в сознание** населения страны **идеологии и ценностей ультралиберализма**.

Да, не только «вокзалы, почта, телеграф», говоря ленинскими словами, но также СМИ, армия и вся правоохранительная система были в руках революционеров. Но был еще отдельно взятый человек, общество, которые **далеко не полностью** были на стороне «капиталистической революции». Новой власти противостояла значительная часть, если не большинство расколотого, но не уничтоженного и мгновенно неуничтожаемого **коллективистского общества** — десятки миллионов людей, в том числе бывшие коммунисты и комсомольцы, каждый из которых в той или иной степени был привержен коммунистическим идеалам.

Да, среди членов партии и комсомола, советских людей было немало сомневающихся в идеалах коммунизма, недовольных уровнем жизни, державших фигу в кармане. И тем не менее все они по месту работы были объединены в трудовые коллективы, которым по советским законам были даны немалые права на заводах и фабриках, в научных, образовательных и прочих учреждениях. И потому работники (опять же в той или иной мере) были проникнуты духом **коллективизма**.

¹ Тезисы к докладу на Второй Московской конференции «Состояние и перспективы развития досуговой и социально-воспитательной работы с населением по месту жительства» 15 сентября 2011 г.

Идея колLECTивизма доводилась порой до абсурда. Лозунг «Нет предела силе человеческой, если эта сила — коллектив» говорит именно об этом. Между тем его можно было встретить едва ли не на всех предприятиях.

Однако к колLECTивизму, на мой взгляд, не следует относиться с бездумной ненавистью, которой полны нынче тексты заказных аналитиков.

КолLECTивизм был в СССР **нравственным принципом**, согласно которому отношения между людьми строились на основе товарищеской взаимопомощи, долга перед обществом, сочетания общественных интересов с личными: каждый — за всех, все — за одного. Задача коллектива заключалась именно в том, чтобы обеспечить развитие у членов коллектива (индивидуов) именно этих качеств. На первом месте, однако, всегда стояли интересы коллектива и общества. Слова песни — «Раньше думай о Родине, а потом о себе» вошли в плоть и кровь абсолютного большинства людей. КолLECTивистская психология доминировала в отношениях между людьми, хотя нередко подавляла ярко выраженную индивидуальность, отчего страдали и человек, и общество. Слова «индивидуальность», «индивидуализм» для многих носили нарицательный характер. Именно поэтому, вероятно, некоторые люди старшего поколения не особо тоскуют по **социалистическому** активизму, особенно те, кто испытал на себе его тяжелую и порой несправедливую руку.

2. Главную опасность для новой власти представлял **«советский человек»** — человек-колLECTивист. Многие десятки миллионов людей не принимали частную собственность и в целом капитализм ни умом, ни сердцем, особенно когда на собственной шкуре испытали «шоковую терапию», воровскую приватизацию, были ввергнуты в крайнюю бедность и нищету.

Принято считать, что шоковая терапия и приватизация — экономические методы. Это так. Но не только. В то же время это методы **психологического подавления сознания и физического уничтожения населения** тех стран, где они применялись. Известно, что до прихода в Россию «шоковая терапия» была использована в ряде стран Латинской Америки и в этом отношении показала свою высочайшую эффективность. Как вскоре и в России.

В 90-е годы XX века смертность в России стала вдвое (на миллион) превышать рождаемость. За годы «реформ» население России потеряло более 20 млн человек, и прежде всего из-за ускорившейся смертности. Это были жертвы «реформ», а сказать точнее, **тихой гражданской войны**, которая продолжается и поныне. «Советский человек» ускоренно уходил на тот свет, все меньше мешал новому режиму развернуться во всей широте своих планов.

Мысль не новая, но многим не верится в ее сущность. Но я слышал ее из уст Егора Тимуровича Гайдара вот в этом здании, когда он выступал с трибуны Открытой кафедры... Из зала на сцену, где были Гайдар и я, поступали записки, которые я читал и передавал Гайдару. Заметил, как одну из них он сунул в карман... Через некоторое время, когда мы уже пили чай, обсуждая встречу со студентами, я спросил Гайдара: «Егор Тимурович, я знаю смысл записки, на которую Вы не стали отвечать: „Как расценивать те миллионные человеческие потери, которые несет Россия из-за Вашей „шоковой терапии“?“».

Гайдар покраснел, пощелпал губами и ответил совершенно спокойно: «У каждой революции есть издержки. Вот и все. Что тут особенного? Это неизбежно».

3. С первых дней власть крепко побаивалась и молодежи, заигрывала с ней.

Знаю об этом не понаслышке: с 1994 по 1999 год я был членом Совета по делам молодежи при Президенте России, членом коллегии Комитета РФ по делам молодежи, подготовил два доклада Правительству РФ о положении молодежи в стране. Ельцин выиграл выборы в ВС РСФСР благодаря тому, что в его предвыборной программе было много обещаний молодежи: молодежная политика, комитет по делам молодежи, закон о молодежи, на который он, кстати, через несколько лет наложил «вето».

У власти были причины бояться молодежи. Ведь в массе своей это была «советская молодежь», среди которой — более 40 млн бывших членов ВЛКСМ. И далеко не все из них сами покинули комсомол, выбросили свои комсомольские билеты. Идеи коммунизма уже засели во многих головах. Как говорил когда-то один из руководителей ордена иезуитов: «Дайте мне ребенка от рождения до восьми лет, и потом делайте с ним, что хотите». У русских есть еще более

категоричное убеждение: ребенка надо воспитывать, пока он лежит поперек лавки, потом уже только перевоспитывают. И это так.

Однако известно, что сознание человека подвижно, его можно изменять. Как в компьютер, в него можно запустить «вирус» (сильную мысль, заманчивую идею, мечту и т. п.), с помощью которого «стереть» существующие программы и «загрузить» ум и сознание новыми ценностями и идеями.

«Реформаторы» понимали это. И действовали. И действуют.

В 1992 году решением Правительства РФ из школ, вузов и других учебных заведений была **изъята воспитательная функция**. Мотив решения абсолютно ясен: борьба с **коммунистическим** воспитанием, а заодно и возможность убрать кадры, занимавшиеся этой работой. Я очень хорошо знаю историю борьбы за восстановление воспитания в школах и вузах, ибо был ее инициатором. Вот доклад Правительству РФ о том, что оно совершило ошибку, описание существовавшей в тот момент ситуации в молодежной среде, прогноз на ближайшее будущее и главное — **концепция** воспитания жизнеспособных поколений. Доклад обсужден на заседании Правительства, которое вел Черномырдин. Выступили его первый «зам» Сосковец, министр обороны Грачев, председатель Госкомитета по образованию Кинелев, которые оценили доклад как очернительский, предложили снять его с обсуждения и запретить рассылку в регионы — в комитеты по делам молодежи.

Понятие «воспитание» было, по сути дела, изъято из повседневного словаря. Когда я поднял этот вопрос на заседании Комиссии по делам молодежи при Президенте РФ, мне дружно сказали, что теперь нет воспитания, есть социализация, адаптация.

С первых дней новый режим повел бешеную атаку на советское Прошлое. Грубо, хамски втаптываются в грязь не только недостатки и изъяны прошлого, но и вся эта величайшая эпоха, создавшая могучую материальную основу, на которой паразитируют нынешняя власть и по большей части вороватый бизнес, прежде всего крупный.

Самым уничижительным образом говорится о коллективизме советских людей. Но и здесь в своей злобе и ненависти «реформаторы» допускают фундаментальную ошибку: целясь в «социалистический» коллективизм, они убивают нечто крайне важное, существенное в человеческих отношениях, а именно — собирательность. В переводе

с латинского *collectivus* означает не более чем это качество — «собирательность», по-русски «соборность» — образ жизни русского народа, берущий начало в древних временах. В народе говорят, что сами по себе «мы» — выстоим; сам по себе «я» — не устою. Не надо иметь много ума, чтобы понять — «я» и «мы» взаимозависимы. Общество формирует индивидуальность своих членов, а личности формируют общество своими действиями, укладывая в русло сочетания своих интересов те зависимости, которые ткутся в процессе общественной жизни. Это вовсе не какая-то российская особенность, а универсальная формула жизни и развития любого общества.

На наших глазах в течение 20 лет ведется интенсивнейшая работа по переформатированию, перезагрузке сознания миллионов тех, кто был когда-то «молодым». Электронные СМИ, особенно телевидение и Интернет, позволяют манипулировать сознанием людей каким угодно способом.

4. Каков же итог двадцатилетней работы по переделке «советского человека» — коллективиста?

Несколько месяцев тому назад Общественная палата РФ обсуждала ситуацию в молодежной среде. До этого были проведены научные исследования. Я знаком с их результатами. Цифры, факты, свидетельствующие о состоянии физического здоровья, бедности и нищеты, наркомании, проституции, беспризорности детей и молодежи просто ужасают. Не сомневаюсь, что они вам известны, и я не стану их приводить. Продолжим разговор на тему доклада.

Общественная палата попыталась нарисовать психологический портрет среднестатистического молодого человека нынешней России. Портрет этот выглядит так: уверенный в себе оптимист, **ярко выраженная индивидуальность**, коммуникабельный, старающийся быть активным и бескорыстным. На первый взгляд получается неплохо... Но при этом — не всегда честный; скорее жадный, чем щедрый; скорее жестокий, чем сострадающий; чаще проявляющий злость, чем доброжелательность. Иными словами, лидирующими чертами молодежи являются отрицательные качества — равнодушие, злость, хамство, зависть, лень, жадность, а среди всех этих отрицательных психологических характеристик выше всех, на первом месте — **эгоизм**. Так считают 58% опрошенных студентов и школьников.

Давайте выделим два ведущих качества личности современной молодежи: ярко выраженный индивидуализм и эгоизм. Оба эти качества тесно связаны, можно сказать, что одно предполагает другое. Оба качества в принципе нельзя обозначить ни знаком плюс, ни знаком минус. Решающее значение имеет степень, мера того или другого. Понятен эгоизм как способ самосохранения, приемлем индивидуализм, когда речь идет о выдающейся личности, гении. Но эгоизм и индивидуализм посредственного, невежественного человека — это, как правило, зло. Тем более если рядом с ними соседствуют такие качества, как злость, жадность, лень, равнодушие, агрессивность. А именно их в разряде лидирующих назвали исследователи, готовившие доклад Общественной палаты РФ. Если соединить в одном человеке «ярко выраженную индивидуальность» и «ярко выраженный эгоизм» с названными отрицательными качествами, которые только что перечислены, мы получим тип человека, который должен находиться под подозрением и, если хотите, под наблюдением. Ибо от такого рода личности не приходится ждать добрых поступков, напротив, надо ожидать авантюру, агрессии и любых самых жестоких действий ради достижения своих целей. Если мы попробуем составить психологический портрет, скажем, российского олигарха, то обнаружим в нем именно те качества личности, о которых сказано.

Если учесть, что молодежь (32 млн чел.) составляет немногим более четверти населения страны, а «индивидуалистов» и «эгоистов» среди молодых людей только большинство (58%), но не вся масса, то можно ли назвать российское общество индивидуализированным? На мой взгляд, нужно. Тенденция движения в сторону индивидуализации совершенно определенная, и если в курсе страны ничего не изменится (а «тандем» не даст на это шансов), то через 15–20 лет, когда вымрет старшее поколение советской эпохи, на эту тему спорить уже не придется.

Прошлый век, особенно его вторая половина, характеризуется резким ускорением социальных процессов во всем их объеме, но более всего — экономических и политических. Главная причина этого ускорения — не только НТП, но, быть может, прежде всего, глобализация, тоже искусственно ускоренная ТНК, и в первую очередь американскими. Я вижу за этим ускорением прежде всего

геополитические, политические и экономические интересы США, которым не по душе любые формы кооперации, будь то союз и другие объединения государств или корпораций, отдельных людей, если они не отвечают интересам этой страны. В том числе в самой Америке и Европе, а также в России. США и мировая закулиса всячески разбивают сбалансированность отношений между странами и внутри стран, они сеют раздор и сомнения в душах людей, разобщая их. По существу, этот фактор общественного развития носит субъективный характер, ибо за ним стоит реальный «субъект». Но процесс деструкции мирового сообщества приобрел такой размах и такую скорость, что воспринимается как явление объективное, неостановимое, всемогущее.

В итоге в XXI веке человеческое сообщество, прежде всего общества развитых стран, отличаются от всех предшествующих форм человеческого существования самым радикальным образом: возникло, функционирует и набирает силу индивидуализированное общество, где «частное» и индивид видят все меньше смысла в диалоге с обществом; ориентируясь на сумасшедшую быстротечность перемен, отказываются от социальных форм прошлого и сосредоточивают свое внимание прежде всего (часто — исключительно) на настоящем, на «здесь и сейчас». Люди устремляют свои желания, направляют усилия на сиюминутные задачи, отказываясь от постановки долгосрочных целей. Личности и организации отказываются от достижения перспективных целей ради получения немедленных результатов.

И что же мы имеем? **Утрату контроля** над многими ведущими социальными процессами (той же глобализацией, тем же терроризмом). **Возрастающую незащищенность** личности — как физическую незащищенность, так и от неконтролируемых перемен (финансовых кризисов, обвалов пирамид и т. п.). **Неопределенность завтрашнего дня**. **Доминирование хозяйственно-экономических интересов над удовлетворением социальных** нужд народных масс. Правящим классам и большому бизнесу на них глубоко наплевать. Ответно в массах накапливается злость, ненависть, агрессивность и в то же время появляется угнетающая душу мысль о собственной беспомощности. Фрагментарность человеческого сознания, непонимание глобальных процессов, разобщенность «атомов» ведет

к параличу политической воли индивидов и их веры в то, что единичными усилиями можно изменить что-либо к лучшему.

Самое страшное состоит в том, что постепенно существующая ситуация начинает восприниматься как **должная и неизбежная**.

И чем больше укрепляется новый режим власти и индивидуализированное общество, чем дальше Россия уходит от советских времен, тем ниже опускается **порог терпимости** (и без того традиционно низкий), **тем выше готовность масс выносить бедность и нищету**, **«суворенную» демократию**, тот странный тип свободы «по-российски», когда ты можешь все и не можешь ничего. Даже пожаловаться на худую жизнь...

Люди (молодые тоже) стонут, но терпят. С экрана телевизора все голоса свободных СМИ, вся окружающая действительность изо дня в день в изощренных формах преподносят им, в сущности, одну и ту же мысль: жизнь — это жестокая игра для жестоких людей; в этой игре жалость и сострадание равносильны самоубийству; в этой игре выживает сильнейший; в этой игре главное — результат, а не средства ради результата; в этой игре человек использует человека и каждый — только сам за себя; в этой игре кооперация с другими не ради «команды», а только в интересах того, кто во главе; в этой игре — от начала до конца — самое главное заключено в умении перехитрить «кооператив» и снять «куш». Игра закончена. Партнерам — «гуд-бай»: незаменимых нет. Новый раунд игры начинается с нуля. Правила игры — все те же.

Справедливость? Ее не было, и быть не может. А потому протестовать и бунтовать бессмысленно. Терпите, привыкайте к новым формам справедливости и забудьте навсегда о том, что говорили вам отцы и деды. Да, и при царе случались бунты и восстания крестьян. Но бунтовали-то не против барщины и оброка, а когда оброк повышали, когда баре перебарщивали в своем презрении к быдлу. Восставали против чрезмерности. А то, к чему привыкли столетиями, то воспринимали как норму — терпимую норму. Терпите и привыкайте. Терпимая норма и есть справедливость.

Россия стремится влиться в мировую и европейскую цивилизацию, иначе говоря, в индивидуализированное общество, которое начало формироваться в развитых странах в середине XX века и во многом существует уже как таковое. Европейский союз пытается

создать из немцев, французов, итальянцев и прочих жителей Старого Света «еврочеловека». Надо понимать так, что «идеальный россиянин» в перспективе должен будет соответствовать этому образу.

Взгляд государства на воспитание и обучение новых поколений не оставляет сомнений на этот счет. «Выступая на конференции, прошедшей в рамках организованного движением „Наши“ всероссийского молодежного форума „Селигер-2007“, министр образования Андрей Фурсенко посетовал на оставшуюся с советских времен косную систему в своем ведомстве, упорно пытающуюся готовить человека-творца. Ныне же, по мнению министра, главное – взрастить потребителя, который сможет правильно использовать достижения и технологии, разработанные другими» (Потребитель нынче в дефиците? // Литературная газета. 2007. 8 августа. № 32).

Грустно понимать, что молодые люди и их родители, по данным все той же Общественной палаты РФ, полагают, что среди качеств, мешающих сегодня молодежи жить лучше, такие как **скромность, склонность к самопожертвованию, чувство коллективизма, воспитанность, чувство долга, патриотизм**; что именно эти качества и чувства надо вытравить из сознания молодых поколений. Что же останется в этом сознании?

Почему-то строители нового миропорядка не хотят принять во внимание фундаментальную истину: связь общественного и личного никуда не может исчезнуть, даже если частное и личное начинают явно доминировать над общественным, настоящее – над прошлым и будущим. В борьбе личностей и организаций за место под солнцем, за свой кусок пирога, общество все более рассыпается, атомизируется – индивидуализируется – разваливается.

Вот в это индивидуализированное общество, вот в эту цивилизацию и спешит вписаться Россия, в чем ей усердно помогают «идущие впереди».

ВОСПИТАНИЕ В УВАЖЕНИИ И ЛЮБВИ¹

Я принимал участие в обсуждении нового закона об образовании еще в те времена, когда он существовал лишь как идея о том, почему и нужно ли его принимать, чем этот закон будет лучше действовавшего? Более десяти раз выступал на заседаниях Комитета по образованию и науке Совета Федерации России, на публичных слушаниях в Совете Федерации и Государственной Думе РФ, на телевидении и радио, опубликовал статьи в нескольких газетах и журналах, писал записки в Государственную Думу, Совет Федерации, Президенту России В. В. Путину, Председателю Правительства РФ Д. А. Медведеву, в Минобрнауки России.

Времени и нервов потрачено немало, а эффект, к сожалению, не так велик, как хотелось бы. Большинство идей и предложений были отклонены, несколько поправок и дополнений были все-таки приняты, хотя и не с первого раза. Не стану перечислять все, назову только две.

Был момент, когда в законопроекте присутствовал пункт, согласно которому образовательные организации (в том числе негосударственные) могут иметь **только одного** учредителя. Если бы эта норма была принята, то для трех четвертей негосударственных вузов это означало бы прекращение деятельности. Как для плохих (туда им и дорога!), так и для хороших. Чтобы этого не случилось, стоило поработать. Мы добились, чтобы в законе осталось **много**учредительство.

¹ Выступление на первом заседании секции «Образование» Экспертного совета фракции «Справедливая Россия» Государственной Думы Российской Федерации 7 февраля 2014 г.

Параллельно с дебатами о новом законе об образовании обсуждался большой пакет поправок, дополнений и изменений в Гражданский кодекс РФ, в том числе в главе об образовании, где утверждалось, в частности, что негосударственные вузы до 1 января 2016 года должны быть реорганизованы... **в фонды**. Единственный вариант! Был вуз институтом, академией, университетом — будет фондом. Нонсенс!

На мое письмо В. В. Путину из Администрации Президента РФ за подписью одного из его авторитетных советников пришел ответ: «Да, будет именно так». Я направил Владимиру Владимировичу новое письмо и через некоторое время получил ответ, вполне удовлетворительный: «негосударственный вуз может быть преобразован в фонд или **в автономную некоммерческую организацию**». Это было спасением для негосударственных вузов, среди которых есть по крайней мере 60–70 вузов, работающих не хуже, а то и лучше многих государственных. Если бы в ГК РФ прошла первоначальная формулировка, то она бы тут же была перенесена в проект Закона «Об образовании в Российской Федерации», поскольку Гражданский кодекс имеет верховенство над всеми иными законами жизни общества.

Теперь вновь хочу сказать о двух фундаментальных просчетах нового закона об образовании, о которых писал и говорил много-кратно (Ильинский, 2011а; 2011б; 2012; 2013; 2014).

Первый состоит в том, что в Законе «Об образовании в Российской Федерации» 111 статей, но нет **ни одной статьи о воспитании**, хотя в ст. 2 «Основные понятия, используемые в настоящем Федеральном законе» образование определяется как «**единий целенаправленный** процесс воспитания и обучения». Есть в этой статье и определение воспитания как «деятельности, **направленной** (т. е. имеющей своей целью. — И. И.) на развитие личности, создание условий для **самоопределения** и социализации обучающегося на основе социокультурных, духовно-нравственных ценностей и принятых в обществе правил и норм поведения в интересах человека, семьи, общества и государства».

Слово «воспитание» мелькает в гл. 1, 7, 8, 9 и 10 Закона «Об образовании в Российской Федерации» по одному-два раза, однако только применительно к школе, но не к вузам, которые со-

гласно новому закону перестали быть профессиональными организациями и теперь, по сути дела, призваны давать **обучающимся** только «знания, умения, навыки, опыт деятельности и компетенции определенных объемов и сложности», о чем и говорится в определении образования, данном в гл. 1 закона.

Да, в определении понятия «образование» за только что прочитанными словами следуют слова об интеллектуальном, духовно-нравственном, творческом, физическом и (или) профессиональном развитии человека, удовлетворении его образовательных потребностей и интересов.

Но дело в том, что все они относятся уже не к обучению, а ко второму составляющему элементу понятия «образование» — **к воспитанию**, процессу не менее сложному, объемному и важному, чем обучение. Но в данном законе воспитание как особый, отдельный, целенаправленный процесс не предусмотрен.

Закон насыщен понятиями «уровень образования», «образовательный стандарт», «образовательная программа», «образовательный процесс» и т. д. Но на самом деле речь идет об уровнях **обучения, учебных стандартах, учебных программах**. Если воспитание как понятие и процесс отсутствует в законе вербально, то в большинстве вузов его нет и в реальности, на практике. В результате этот вид деятельности не контролируется Рособрнадзором, его нет в мониторинге, он никем и никак не оценивается. Это значит, что воспитание отдано на откуп стихии: улице, СМИ и т. п. В этом смысле новый закон было бы правильней назвать не законом об образовании, а **законом об обучении**.

Но вот какое дело: в Москве уже много лет существует и действует Совет проректоров по воспитательной работе. И это не единственный пример того, что вузы считают своей обязанностью заниматься воспитательной деятельностью. И они, безусловно, правы. Наш университет 12 лет издает журнал «Студенчество. Диалоги о воспитании». Странно, что органы государственной власти сторонятся этой важнейшей задачи.

Между тем ст. 72 Конституции РФ устанавливает, что «общие вопросы **воспитания** (!), образования, науки, культуры, физической культуры и спорта» находятся в **совместном ведении Российской Федерации и субъектов РФ**. Иными словами, в Консти-

туции РФ образование и воспитание представлены как взаимосвязанные, но отдельные и самостоятельные процессы.

Отмеченные различия закреплены в ст. 114 Конституции РФ, где говорится об обязанности Правительства РФ «обеспечивать единую государственную политику в области культуры, науки, образования, здравоохранения, социального обеспечения, экологии». В приведенном перечне сфер и направлений государственной деятельности воспитание отсутствует, видимо, именно потому, что оно входит в понятие «образование». Творцы Конституции учитывали и то, что в воспитании большую роль играют семейный, национальный, этнический факторы, geopolитическое положение и другие внешние обстоятельства.

Выходит, что единой государственной политики в области воспитания в России быть не может. Но как быть со ст. 72 Основного Закона, где говорится, что процесс воспитания — предмет совместного ведения Российской Федерации и субъектов РФ?

Если в России нет единого воспитательного пространства, то следует ли удивляться и возмущаться, что приезжающие в Москву молодые люди Северного Кавказа и некоторых других регионов ведут себя так, как воспитаны в своих республиках и регионах? Многие из них хорошо **обучены**, довольно много знают, умеют, компетентны в своей профессии, но воспитаны в духе **местных** традиций, нравов и обычаяев их отцов, дедов и прадедов, по канонам той религии, которую они исповедуют. И если они ведут себя не как москвичи или петербуржцы, это не значит, что они плохо воспитаны с точки зрения нравов и обычаяев местных условий, в которых они родились, воспитывались и живут. Целенаправленно и в едином **российском духе** их никто не воспитывал.

И тут мы упираемся в еще одну фундаментальную проблему: в России **отсутствует единая идеология**. Почему? Статья 13 Конституции гласит: «Никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной». Звучит складно, да вот беда: без единой идеологии не может быть целенаправленного воспитания.

Надо думать, творцы Конституции написали эту статью именно в таком виде потому, что в начале 1990-х годов шла борьба

с коммунистической идеологией. Но, как говорил А. А. Зиновьев, «целили в коммунизм, а попали в Россию». Уточним: попали в новые поколения, в будущее России.

Людям образованным должно быть известно, что идеология — это система идеалов, ценностей, взглядов и убеждений, посредством которой личность выражает свое отношение как к существующей социальной реальности в целом, так и к конкретным ее аспектам. Та или иная идеология лежит в основе любой человеческой деятельности. Деятельность невозможна без целей, а цели вырабатываются на основе идеологии. Иначе воспитание не может быть **целенаправленной** деятельностью, как повелевает закон «Об образовании».

В свободном и демократическом обществе, которое пытается созидать Россия, должна властвовать **умеренность**. «Ничего слишком», — говорили еще древние. Обществом нельзя «слишком управлять», не оставляя места для самоуправления, самоорганизации. В случае крайностей оно быстрее или медленнее, но неизбежно скатывается к автократии и диктатуре. То же самое можно сказать и о воспитании. Молодые поколения нельзя «слишком воспитывать», «формировать», не оставляя простора для самовоспитания, естественной социализации, самоопределения. Ибо тогда неизбежно уничтожаются индивидуальные качества, гаснут творческие способности, подрастающие поколения превращаются в многомиллионную массу единообразных «винтиков».

Однако известный уровень единомыслия, единодушия в обществе необходим, поскольку без них невозможно единодействие, спрос на которое тем выше, чем масштабнее и сложнее задачи общего характера. Потребность в единомыслии, единодушии, единодействии достигает максимальных значений в критических ситуациях общественного развития и предельно высока в моменты военных угроз и войны. Таковым, на мой взгляд, является положение в России как в области внутренних проблем и задач, так и международных отношений. Образовывать нынешнюю молодежь — значит не только обучать ее профессии. Молодежь необходимо целенаправленно воспитывать — возвышать ее ум и характер, вести к вершинам духа и морали, совести и чести, мужества и

патриотизма. Выполнить эту задачу не может никакая машина (компьютер, Интернет, робот и т. п.), может только человек: мать, отец, учитель, преподаватель, уважая и любя своих детей, воспитуемых.

...17 декабря 2012 года на собрании доверенных лиц Президента РФ В. В. Путина, одним из которых я являюсь, я подошел к нему и сказал:

— Владимир Владимирович, хочу сказать несколько слов о законе об образовании...

— А что? — спросил меня Президент. — Закон уже в Думе...

— Знаю. Но это не закон «Об образовании», а закон «Об обучении»...

— Почему? — удивился Владимир Владимирович.

— В проекте закона 111 статей, но ни одной статьи о воспитании. А это ведь...

— Понимаю, — прервал меня В. В. — Это очень важно. Надо что-то делать.

Что оставалось мне сказать? Я пожал плечами:

— Завтра второе чтение. Никакие поправки вносить уже невозможно. Если только Вы...

— Спасибо, — сказал Президент и пожал мне руку.

Второе слушание по законопроекту «Об образовании» с 18 декабря перенесли на 20, потом еще раз — на 22 декабря. Почему — мне неизвестно. Наверняка были какие-то серьезные причины. В один из этих дней, 20 декабря, поздним вечером мне позвонил помощник одного из заместителей Государственной Думы и попросил написать страницу-полторы о воспитании, которые можно было бы попытаться поставить в проект закона. Утром я переслал по «электронке» написанное мною. Дальнейшая судьба этих двух страниц мне не известна. Хотя, если я знаю, что в принятом законе из этих страниц нет ни слова, все ясно.

Но сейчас, когда в новый Закон «Об образовании в Российской Федерации», вступивший в действие с 1 сентября 2013 года, т. е. всего полгода назад, в Госдуму внесено уже сотни поправок и дополнений, в том числе более 30 из них поступили от думских фракций, к вопросу о воспитании в этом законе надо бы вернуться...

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Ильинский И. М. (2011а) Куда идет отечественное образование // *Знание. Понимание. Умение.* № 1. С. 4–13.
- Ильинский И. М. (2011б) Воспитание в индивидуализированном обществе // *Знание. Понимание. Умение.* № 4. С. 3–8.
- Ильинский И. М. (2012) «Модернизация» российского образования в контексте мировой глобализации // *Знание. Понимание. Умение.* № 3. С. 3–23.
- Ильинский И. М. (2013) Об эффективности мониторинга вузов // *Знание. Понимание. Умение.* № 2. С. 3–9.
- Ильинский И. М. (2014) «Знание — понимание — умение» как формула перспективной научной и образовательной политики // *Знание. Понимание. Умение.* № 1. С. 5–17.

Знание. Понимание. Умение. 2014. № 2.

Об авторе

Ильинский Игорь Михайлович — ректор Московского гуманитарного университета, доктор философских наук, кандидат исторических наук, профессор, действительный член Международной академии наук (г. Инсбрук), Российской академии естественных наук, Российской академии военных наук, Академии российской словесности и еще девяти отечественных и международных академий.

Доверенное лицо Президента РФ В. В. Путина (2012–2018 гг.).

Родился 28 июня 1936 г. в Ленинграде. Игорю Ильинскому шел шестой год, когда началась Великая Отечественная война. В самые голодные и холодные месяцы осени 1941 г. и зимы 1942 г. 323 дня находился в блокадном Ленинграде. 23 июля 1942 г. вместе с матерью, младшей сестрой Ириной и старшим братом Олегом эвакуирован в деревню Петушки Маслянинского района Новосибирской области, где прожил семь лет.

Летом 1949 г. с сестрой и мамой (от последствий блокады Олег умер в марте 1947 г.) переехал жить в Новосибирск. В 1952 г., окончив семилетку, поступил в Новосибирский строительный техникум. В этом же году вступил в комсомол.

По окончании техникума призван в ряды Советской армии, поступил в Омское танкотехническое училище. После демобилизации в мае 1958 г. вернулся в Новосибирск, работал слесарем-монтажником, старшим мастером Главной конторы механизации на военизированной стройке п/я 53. В том же году поступил на заочное отделение Новосибирского института инженеров железнодорожного транспорта, который окончил в 1964 г., получив профессию инженера-механика. В ноябре 1958 г. перешел на освобожденную комсомольскую работу — был избран заместителем секретаря, а через год — секретарем комитета ВЛКСМ с правами райкома этого же предприятия.

С февраля 1961 по декабрь 1964 г. работал первым секретарем Дзержинского райкома ВЛКСМ г. Новосибирска. В феврале 1961 г. вступил в партию. В декабре 1964 г. назначен начальником механосборочного цеха оборонного завода п/я 23, но вскоре отозван в аппарат ЦК ВЛКСМ, где работал ответорганизатором, заведующим сектором Северо-Западных областей (Калининградской, Ленинградской, Псковской, Новгородской, Мурманской, Архангельской, Вологодской, Карельской АССР, Коми АССР) Отдела комсомольских органов ЦК ВЛКСМ; около трех с половиной лет — первым заместителем заведующего этим же отделом.

В мае 1971 г. утвержден главным редактором журнала «Комсомольская жизнь». В этой должности проработал более четырех лет. Был принят в Союз журналистов СССР.

С 1971 по 1974 г. обучался в заочной аспирантуре Московского института народного хозяйства им. Г. В. Плеханова. Защитил кандидатскую диссертацию.

С сентября 1975 г. в течение трех лет обучался на очном отделении Дипломатической академии Министерства иностранных дел СССР, которую окончил с отличием, получив профессию дипломата со свободным владением английским и разговорным немецким языками. В течение обучения трижды избирался заместителем секретаря партийного комитета Дипломатической академии.

С 1977 г. жизнь И. М. Ильинского связана с профессиональной научно-исследовательской деятельностью. Заведовал отделом и одновременно был заместителем директора Научно-исследовательского центра Высшей комсомольской школы при ЦК ВЛКСМ. В 1982 г. избран освобожденным секретарем парткома (с правами райкома) ВКШ при ЦК ВЛКСМ. При этом оставался заведующим отделом Научно-исследовательского центра ВКШ. В 1983 г. защитил докторскую диссертацию по философии. В 1984 г. назначен директором Научно-исследовательского центра при Высшей комсомольской школе и за годы руководства вывел его в разряд ведущих научных учреждений.

Как исследователь И. М. Ильинский первым в Советском Союзе сформулировал теоретические основы концепции государственной молодежной политики в СССР, является автором идеи, научным руководителем и соавтором проекта Закона СССР «Об общих началах государственной молодежной политики в СССР», который был принят в апреле 1991 г. Верховным Советом СССР. В 1995 г. разработал концеп-

цию воспитания в России жизнеспособных поколений. Инициатор подготовки, соавтор и ответственный редактор двух первых государственных докладов Правительству РФ «О положении молодежи в Российской Федерации» (1993, 1995). Автор доклада «Глобальное положение молодежи мира: тенденции и перспективы до 2000 года» (1991) для Генерального секретаря Организации Объединенных Наций.

Вокруг идей и теоретических положений, выдвинутых И. М. Ильинским, сформировалась лучшая в стране научная школа исследований молодежных проблем. Его обобщающий труд по социологии молодежи – монография «Молодежь и молодежная политика. Философия. История. Теория» (2001) – получил высокую оценку в научном сообществе.

В феврале 1994 г. И. М. Ильинский избран ректором Института молодежи, который в 2000 г. получил государственный статус академии, а в 2003 г. – университета. И. М. Ильинский создал в вузе первый в России факультет социальной работы и первый факультет рекламы. Вывел университет в число лучших вузов России. В 2005 г. университет стал лауреатом Всероссийского конкурса «Системы повышения качества подготовки специалистов», проводившегося Министерством образования РФ. В 2009, 2011, 2012, 2013 гг. по итогам Всероссийского конкурса «100 лучших вузов России» признавался лучшим негосударственным вузом страны, побеждая при этом и в других номинациях.

Научные публикации И. М. Ильинского связаны с развитием отечественной концепции высшего образования в условиях глобализации и новых рисков для человечества («Образовательная революция», 2002; «Образование. Молодежь. Человек», кн. 1, 2006; кн. 2, 2009); осмысливанием негосударственного образования как социального института («Негосударственные вузы России: опыт самоидентификации», 2004; «Путь к успеху», кн. 1, 2004; кн. 2, 2009; «Играющий триумвират: образование, политика, право», 2010); формированием социально-философского понимания современных реалий российского общества («Куда идти России», 1995; «О „культуре“ войны и Культуре мира», 1999; «О терроре и терроризме», 2001; «Между Будущим и Прошлым», 2006; «Прошлое в Настоящем», 2011; «Великая Отечественная: Правда против мифов», 2015).

И. М. Ильинский – крупный организатор науки и высшего образования. Он – президент Союза негосударственных вузов Москвы и Московской области, президент Национального союза негосударственных

вузов, директор Международного института ЮНЕСКО «Молодежь за культуру мира и демократии».

В 1995–2000 гг. — член Совета по делам молодежи при Президенте РФ, член Коллегии Государственного комитета РФ по делам молодежи, член Коллегии по аттестации и аккредитации вузов при Министерстве образования РФ. В 2005–2010 гг. — член Бюро Совета Российской гуманитарного научного фонда. С 2007 г. — член Экспертных советов Комитетов по образованию и науке Совета Федерации РФ и Государственной Думы РФ. С 1998 по 2008 г. — член Совета Всемирного русского народного собора.

В 1999 г. И. М. Ильинский вместе с выдающимся русским математиком и мыслителем, академиком Российской академии наук Н. Н. Моисеевым и всемирно известным философом и социологом А. А. Зиновьевым создал в университете Русский интеллектуальный клуб, члены которого с участием экспертов обсуждают наиболее актуальные проблемы современного мира и России. С 2006 г. И. М. Ильинский — президент Русского интеллектуального клуба.

Инициатор создания и главный редактор журнала «Знание. Понимание. Умение» — одного из ведущих журналов страны в области гуманитарных наук. Организатор крупнейших международных научных конференций «Высшее образование для XXI века» (с 2004 по 2016 г. прошли 12 конференций, общее число участников которых превысило 6000 человек), других научных конференций, семинаров, круглых столов международного и федерального уровней.

И. М. Ильинский — член Союза писателей РФ. Публицист, поэт, прозаик, автор сценариев нескольких телевизионных и радиоспектаклей. Опубликовал книги «Василий Алексеев» (серия «Жизнь замечательных людей»), 1986; «Так живу, так люблю», 1998; «Стихи и песни», 2006; «Кредо», 2011; «Живу и помню», 2014.

В 2005 г. выступил учредителем и возглавил Попечительский совет литературной Бунинской премии — единственной литературной премии, учрежденной российскими вузами.

Игорь Михайлович Ильинский отмечен высокими государственными, отраслевыми и общественными наградами.

Государственные награды: ордена «За заслуги перед Отечеством» IV степени (2006), Дружбы (1996), Почета (2001). Благодарность Президента РФ В. В. Путина (2014). Медали СССР и России: «За доблестный

труд» (1970), «В память 850-летия Москвы» (1997), «В память 300-летия Санкт-Петербурга» (2004), «В честь 60-летия полного освобождения Ленинграда от фашистской блокады» (2004), «60 лет Победы в Великой Отечественной войне» (2005), «65 лет Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» (2010). Почетные грамоты Совета Федерации РФ, Госдумы РФ, Правительства Москвы, Московской городской Думы. В 2011 г. И. М. Ильинский удостоен высшей награды Правительства Москвы — знака отличия «За заслуги перед Москвой» (№ 92).

Награжден знаком «Жителю блокадного Ленинграда».

Ведомственные награды: медаль К. Д. Ушинского Минобрнауки России за заслуги в области педагогических наук (1996). Знаки отличия Минобрнауки России: «Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации» (1999), «Почетный работник сферы молодежной политики Российской Федерации» (2002).

Общественные награды: высшая общественная награда России — Золотой почетный знак «Общественное признание» в номинации «Наука и образование» (2004), орден Ломоносова Национального комитета общественных наград (2006), Золотая медаль Н. Н. Моисеева «За заслуги в образовании и науке» (2002), знак Российской академии естественных наук «Рыцарь науки и искусства» (2000), медаль «100 лет со дня рождения М. А. Шолохова» (2006) и др.

Лауреат премии Ленинского комсомола в области науки (1991).

Победитель Всероссийского конкурса «Менеджер года—2004».

Лауреат Национальной премии «Лучшая книга года» в номинации «Философия» — монография «Между Будущим и Прошлым» (2006).

Лауреат Международной премии Ильяса Эфендиева «За вклад в развитие просвещения» (2007).

Лауреат Всероссийского конкурса «100 лучших вузов России» в номинации «Лучшая книга года» — монография «Негосударственные вузы России: опыт самоидентификации» (2004).

Лауреат Национальной премии «Лучшая книга года—2015» в номинации «Художественная литература» — «Живу и помню. Документальная повесть» (2016).

Международные награды: медали «От благодарного афганского народа» (1990), «60 лет освобождения Словакии и победы над фашизмом». Орден «Queen Victoria» Европейской бизнес-ассамблеи (2005, Оксфорд). Орден Президента Монголии «Дружба» (№ 98) (2015).

СОДЕРЖАНИЕ

Лиханов А. А. Трудные истины	7
От автора	11

I. СМЫСЛЫ ПРОИСХОДЯЩЕГО

О стране на распутье (Куда идти России). Из книги «Междуд Будущим и Прошлым: Социальная философия Происходящего». 2006	25
Абсурд происходящего. Из книги «Образовательная революция». 2002	193
Проблемы развития. Из книги «Образовательная революция». 2002	222
Асимметричный человек. 2007	304
Прошлое в Настоящем. Послесловие к книге «Прошлое в Настоящем». 2011	364

II. НОВОЕ ПОНИМАНИЕ МИРА

О «культуре» войны и Культуре мира. 2003	375
О новом мировоззрении. Из книги «Междуд Будущим и Прошлым: Социальная философия Происходящего». 2006	474
О национальной идеологии. Выступление на 8-м заседании Русского интеллектуального клуба. 26 июня 2002 г.	496
XX век: кризис понимания. Доклад на Международной научной конференции «Итоги XX века», посвященной 80-летию А. А. Зиновьева. Москва, 15 ноября 2002 г.	504
За целостное миропонимание. 2002	527
О проблеме русского народа. Выступление на 5-м заседании Русского интеллектуального клуба. 21 ноября 2000 г.	533
Юность русского народа. Предисловие к книге «Что значит быть русским сегодня?». 2005	540

III. ФИЛОСОФИЯ И СОЦИОЛОГИЯ ВОСПИТАНИЯ

О воспитании молодежи. Концепция воспитания жизнеспособных поколений российской молодежи. <i>Из книги «Молодежь и молодежная политика: Философия. История. Теория». 2001</i>	551
Наш молодой современник. Вопросы мировоззренческого воспитания. <i>1987</i>	637
Воспитание в индивидуализированном обществе. <i>2011</i>	649
Воспитание в уважении и любви. <i>Выступление на первом заседании секции «Образование» Экспертного совета фракции «Справедливая Россия» Государственной Думы Российской Федерации. 7 февраля 2014 г.</i>	658
Об авторе	665

Игорь Михайлович
ИЛЬИНСКИЙ

Собрание сочинений в пяти томах

Том 1
Философия Происходящего

Художественный редактор

E. Поляков

Технический редактор

Г. Шитоева

Компьютерная верстка

И. Понятых

Подписано в печать 25.04.16. Формат 60×90 $\frac{1}{16}$.

Бумага офсетная. Печать офсетная.

Заказ №

ООО «Терра» издательство»
127206, Москва, Чуксин тупик, 9.
www.terra.su